

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

П Р И

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1908 годъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

М. К. Любавскаго.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1908.

Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

I.

О преміи имени Г. Э. Карпова.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ открываетъ *семнадцатое* соисканіе Высочайше утвержденной преміи имени Геннадія Федоровича Карпова. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ 1 ноября 1908 года. О результатѣ соисканія объявлено будетъ 24 апрѣля 1909 года.

Извлеченіе изъ правилъ о порядкѣ присужденія преміи:

§ 1. Къ соисканію преміи имени Геннадія Федоровича Карпова допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по Русской исторіи, основанныя на первоисточникахъ.

§ 2. Въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

§ 3. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и Члены Общества.

§ 8. Сочиненія, уже удостоенныя преміи какимъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи имени Геннадія Федоровича Карпова не допускаются.

§ 9. Премія выдается въ количествѣ 500 рублей и ни въ какомъ случаѣ не дробится.

§ 10. Право на полученіе ея принадлежитъ только авторамъ и ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

II.

О преміи имени А. П. Бахрушина.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ открываетъ первое соисканіе преміи имени А. П. Бахрушина. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ 1 мая 1909 г. О результатѣ соисканія объявлено будетъ въ декабрь 1909 г.

Извлеченіе изъ правилъ о порядкѣ присужденія преміи:

§ 2. Къ соисканію преміи допускаются сочиненія по исторіи и археологіи гор. Москвы и Московской губерніи.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

П Р И

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1908 годъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

М. К. Любавскаго.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1908.

СОДЕРЖАНІЕ

третьей книги „Чтеній“ Общества за 1908 годъ.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

- 1.—Арзамасскіе и Барминскіе будные станы. Приходорасходныя и смѣтныя книги 1679—1680 гт. Съ предисловіемъ Члена-Соревнователя В. И. Саввы I—X+1—70

II. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

- 1.—Тексты повѣсти объ Алярѣ Премудромъ. Древнѣйшая редакція. Сообщилъ Членъ-Соревнователь А. Д. Григорьевъ. 1—128

III. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

- 1.—Очерки по исторіи Псковскаго монашества. Изслѣдованіе Н. И. Серебрянскаго. I—IV+1—272

IV. С М Ъ С Ъ.

- 1.—Объ исправленіи въ Москвѣ дома доктора Венделина Сибилиста между Тверской и Никитской улицъ, на Успенскомъ вражѣ. 1643 г. 1—6
- 2.—О Тобольскомъ воеводѣ князѣ Г. С. Куракинѣ, не бывшемъ въ Соборной церкви на службахъ по случаю восшествія на престолъ царя Алексѣя Михайловича. 1645—1647 гт. . . 7—20
- 3.—Непрістойныя рѣчи XVII.:
а) О торговомъ человѣкѣ г. Тюмени Е. Горлановѣ, называвшемъ себя государевымъ братомъ. 1644 г. 20
б) О Тарскомъ крестьянинѣ Яковлевѣ, называвшемъ служилыхъ людей овцами, а воннаго казака дьяволомъ и служащимъ дьяволу. 1644 г. 20—21

в) О цѣловальникѣ г. Пельма В. Путиловѣ, сказавшемъ, что подьячій Рогачевъ сидитъ въ таможнѣ „по чертову указу и по чертовой отпискѣ“. 1644 г. 21—22
 №№ 1—3 изъ матеріаловъ, сообщенныхъ † Дѣйстви- членомъ
 А. Н. Зерцаловымъ.

4.—Къ бытовой исторіи Россіи въ XVII—XVIII вв.:

а) Письмо бывшей игуменѣ Угличскаго Богоявленскаго монастыря къ архимандриту Угличскаго Воскресенскаго монастыря Іакову (въ концѣ XVII вѣка) 22—25

б) Указъ 1746 г. Ростовскаго митрополита Арсенія Ма- цѣвевича о недопущеніи въ воспріемники однихъ „иновѣрныхъ безъ правовѣрныхъ“. 25—28

в) Постановление Ярославской провинціальной канцеляріи объ отдачѣ дьячка съ женой и дѣтьми въ вѣчное служеніе на фабрику. 1761 г. 28—30

г) Указы Новгородской духовной консисторіи 1783 г.:
 1) по поводу обвиненія священника въ брани, дракѣ и до- пущенной имъ моветѣ при служеніи въ церкви, стр. 31—36;
 2) о повѣнчаніи крестьянина съ насильно увезенной имъ невѣстой, стр. 36—37, и 3) о повѣнчаніи по приказу по- мѣщика майорской дочери съ крестьяниномъ, стр. 37—40.
 Сообщилъ Дѣйстви- членъ А. А. Титовъ 31—40

5.—Сербскіе списки книгъ истинныхъ и ложныхъ. Дѣйстви- тельнаго Члена М. Н. Сперанскаго. 41—45

6.—О воровскихъ подписяхъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Сообщилъ Дѣйствительный Членъ С. К. Богоявленскій. 45—46

7.—О преміяхъ Комитета попечительства о трудовой помощи за сочиненія, касающіяся благотворительности въ Россіи . . . 46—48

I.

МАТЕРІАЛЫ ІСТОРИЧЕСКІЕ.

В. Савва.

**АРЗАМАССКІЕ И БАРМИНСКІЕ
БУДНЫЕ СТАНЫ**

ПРИХОДО-РАСХОДНЫЯ И СМѢТНЫЯ КНИГИ

1679-1680 гг.

Издаваемые приходо-расходные и сметные книги Арзамасских и Барминских будных станов за 1680 г. представляют интерес для истории русского заграничного отпуса. Поташь, один из шести указанных товаров, составлявших казенную монополию, ¹⁾ был статьею заграничного вывоза. По словам Кильбургера, писавшаго о русской торговлѣ въ 1674 г., „пенька, юфть и поташь составляютъ теперь главную торговлю въ Россіи. Много поташу идетъ въ Архангельскъ, Нарву и Ригу, много также потребляется дома на мыльных заводахъ. Лучшій теперь въ Сибири у Морозова, а послѣ него считается казенный“ ²⁾.

Поташь изготовлялся на казенныхъ заводахъ, но и частнымъ лицамъ разрѣшалось имѣть поташные заводы; заводы частныхъ лицъ должны были давать въ казну десятую часть производимаго поташа ³⁾. Поташные заводы назывались будными станами ⁴⁾. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ запрещено было устройство будныхъ становъ въ мѣстахъ, гдѣ лѣсовъ было мало ⁵⁾, и въ лѣсахъ «засѣпныхъ и бортныхъ» ⁶⁾.

Въ 1671 г. казна продала иностраннымъ купцамъ поташа, выдѣланнаго на Сергацкихъ будныхъ станахъ, 4588¹/₂ берковцевъ—по 10

¹⁾ Доп. къ А. И. IV, № 123. Котошихина гл. XII ст. 1 „О торговлѣ царской“ (стр. 164, изд. 3). Въ 1663 г. разрѣшено было указными товарами „на Москвѣ и въ городѣхъ всякихъ чиновъ людемъ торговать по прежнему, какъ торговали межъ себя и съ иноземцы поволно“ (Д. къ А. И. IV, № 141, стр. 377).

²⁾ „Краткое извѣстіе о русской торговлѣ въ 1674 г.“, стр. 38, пер. Д. Языкова, Спб. 1820 г. Другой иностранецъ, де-Родесъ, писавшій о русской торговлѣ нѣсколько ранѣе Кильбургера—въ 1653 г., перечисляя на основаніи Архангельскихъ таможенныхъ книгъ товары, вывезенные черезъ Архангельскъ изъ Московскаго государства въ теченіе одного года, не называетъ въ числѣ ихъ поташа („Размышленія о русской торговлѣ въ 1653 г.“ въ „Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій“ Н. Фролова, V, 241—243, пер. И. Бабета, М. 1858 г.). Де-Родесъ только упоминаетъ, что въ 1652 г. на Нижней-Сухонѣ разбились и затонули суда съ хлѣбомъ, поташомъ и грузомъ юфти, причѣмъ погибло 50 бочекъ поташа (тамъ же, 247). О торговлѣ поташомъ у Костомарова въ „Очеркѣ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII ст.“, 228, Спб. 1862 г.; въ статьѣ И. Е. Забѣлина „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ XVII в.“ Вѣстн. Евр. 1871 г., февр., стр. 480.

³⁾ Котошихинъ, стр. 164, изд. 3.

⁴⁾ И. Е. Забѣлинъ объясняетъ: „будую, вѣроятно, именовалась самая печь или костеръ дровъ, вышиною въ набу или будку, зажигаемый для добыванія поташа“ (наз. тр., стр. 481).

⁵⁾ П. С. З. I, № 250.

⁶⁾ А. А. Э. IV, № 126.

ефимковъ берковецъ—всего на 45886 ефимковъ; въ 1672 г. было продано казною съ Сергацкихъ же будныхъ становъ „досталнаго поташу прошлаго 179 г.“ (1671 г.) иностраннымъ купцамъ 2045 берковцевъ безъ полпуда по болѣе высокой цѣнѣ—по 11 ефимковъ берковецъ—всего на 22494½ ефимка, а рублями—всего на 34190 руб. 8 ал. 2 деньги, считая въ ефимкѣ 16 ал. 4 д.; въ 1672 г. поташа было выдѣлано 4869 берковцевъ и 3 пуда, продажная цѣна была опредѣлена, считая по 15 ефимковъ берковецъ, въ 73039½ ефимковъ или 36519 р. 25 ал.; при стоимости производства поташа казнѣ въ 28381 р. 7 ал. 5 д. прибыли оказалось въ суммѣ 5138 р. 17 ал. ¹⁾ Въ 1673 г., по свидѣтельству Кильбургера, отпущено было изъ Нарвы за границу 492 шиффунта поташа ²⁾.

По издаваемой приходо-расходной книгѣ Арзамасскихъ будныхъ становъ 1680 г. на семи этихъ будныхъ станахъ, при расходѣ въ 4200 р. 31 ал. съ полуденьгою и одною морткою ³⁾, изготовлено было поташа 22707 пудовъ и 3 четверти; на мѣстѣ пудъ поташа казнѣ обошелся въ 6 ал. съ деньгою, а берковецъ—въ 1 руб. 28 ал. 2 д. Изъ этого количества поташа отправлено было въ Вологду на наемныхъ подводахъ 14946 пудовъ съ четвертью, за провозъ съ пуда заплачено по 10 д. Весь отправленный поташъ, считая стоимость провоза въ Вологду, обошелся казнѣ въ 3582 р. 8 ал. 5¼ д. съ одною морткою.

На двухъ Барминскихъ будныхъ станахъ, по приходо-расходной книгѣ 1680 г., при расходѣ въ 561 р. 10 ал. 5 д. съ одною морткою, изготовлено было 3983 пуда; изъ нихъ 2965 пудовъ обошлись казнѣ по 4 ал. 4 д. съ морткою пудъ, а берковецъ—по 1 р. 13 ал. 4½ д., 1018 пудовъ—по 4 ал. 4 д. пудъ, а берковецъ—по 1 р. 13 ал. 2 д. За провозъ на наемныхъ подводахъ въ Вологду уплачено было по 10 денегъ съ пуда. Весь отправленный поташъ, включая стоимость провоза его въ Вологду, обошелся казнѣ въ 792 р. 7 ал. 3 д. съ морткою. Если считать, что казна продала поташъ съ Арзамасскихъ и Барминскихъ будныхъ становъ по наименьшей цѣнѣ, по которой поташъ былъ проданъ въ 1671 г.,—по 16 ал. 4 д. пудъ, а взять наибольшую стоимость производства поташа на Арзамасскихъ будныхъ станахъ и къ ней прибавить стоимость провоза поташа въ Вологду—всего 7 ал. 5 д., и въ такомъ

¹⁾ Д. къ А. И. VI, № 78.

²⁾ Навв. тр. стр. 54. Шиффунтъ лучшаго поташа въ Москвѣ цѣнился, по словамъ Кильбургера, отъ 5½ р. до 5¼ р., а шиффунтъ худшаго поташа—отъ 4 р. до 4½ р. (тамъ же, стр. 55). Одинъ шиффунтъ составлялъ берковецъ (тамъ же, стр. 138).

³⁾ Мортка=¼ деньги. Такое опредѣленіе вытекаетъ изъ показанной стоимости пуда и берковца поташа, выдѣланнаго на Барминскихъ будныхъ станахъ: пудъ этого поташа обошелся въ 4 ал. 4 д. съ морткою, а стоимость берковца того же поташа показана въ 1 р. 13 ал. 4 д. съ полуденьгою, т. е., 4 ал. 4 д. и 1 мортка, умноженные на 10 равны 1 р. 13 ал. 4½ деньгамъ; 40 ал. равны 1 р. 6 ал. 4 деньгамъ; 4 деньги, отнесенныя къ 40 деньгамъ, составляютъ 7 ал. 2 деньги. Такимъ образомъ 40 ал. и 40 д. составляютъ 1 р. 13 ал. 2 д., а 10 мортковъ равны 2½ деньгамъ, слѣдовательно въ одной деньгѣ четыре мортки.

случаѣ казна имѣла значительную прибыль отъ продажи поташа за границу: изъ Вологды поташъ отправлялся водою въ Архангельскъ, и если стоимость провоза поташа съ пуда изъ Вологды въ Архангельскъ считать въ 5 алтынъ ¹⁾, казнѣ пудъ поташа обходился бы въ 12 ал. 5 д., при продажной цѣнѣ 1671 г. за пудъ 16 ал. 4 д. ²⁾.

Имѣя значеніе для исторіи русскаго заграничнаго отпуска, издаваемые книги рисуютъ казенное хозяйство на будныхъ станахъ и представляютъ интересъ для исторіи цѣнъ на хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, сѣно, овесъ, предметы оборудованія будныхъ станозъ; показываютъ стоимость умолота ржи, плату за работу и т. д.

Поташъ производился на будныхъ станахъ боярина Морозова, по описанію И. Е. Забѣлина, такимъ образомъ: изготовленные дрова пережигали въ золу, изъ золы готовили жидкое тѣсто, которымъ обмазывали полѣнья сосновыя и еловыя и складывали ихъ въ костеръ, покрывая каждый рядъ полѣнь новымъ слоемъ золы, затѣмъ зажигали костеръ; пережженная, расплавленная такимъ образомъ зола и доставляла новый ея видъ—поташъ ³⁾. Указывая, что поливачи были главными руководителями при производствѣ поташа, И. Е. Забѣлинъ предполагаетъ, что они назывались такъ по описанному способу обмазывать и поливать золою будный костеръ ⁴⁾. Поливачамъ на своихъ будныхъ станахъ бояринъ Морозовъ назначилъ жалованья по 5 р., а будникамъ, устраивавшимъ костеръ, по 3 р. ⁵⁾. На Арзамасскихъ будныхъ станахъ годового денежнаго жалованья поливачи получали отъ 20 р. до 8 р., а будники—отъ 6 р. (такое жалованье получали 130 будниковъ изъ 170) до 16 ал. 4 д. (такое жалованье было получено однимъ будникомъ). На Барминскихъ будныхъ станахъ поливачи получали жалованья по 10 р., а будники—отъ 2 р. 30 ал. до 1 р. 15 ал. Кромѣ денежнаго жалованья поливачи и будники получали хлѣбную дачу.

Торгъ поташомъ составлялъ казенную монополию и въ XVIII в., что правительство объясняло желаніемъ сберечь лѣса ⁶⁾. Казна продавала поташъ или отдавала его на откупъ ⁷⁾. Въ 1712 г. велѣно было вѣдать поташные заводы канцеляріи сената ⁸⁾. Тогда же отпускъ поташа изъ

¹⁾ Н. П. Милюкова „Очерки по истор. рус. культуры“ I, 93 (1898 г.).

²⁾ Прибыль казны можетъ считаться большею при той перечеканкѣ ефимковъ, о которой говоритъ Катошихинъ (стр. 110, изд. 3).

³⁾ Назв. тр., стр. 481.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 482.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ П. С. З. V, №№ 3252 и 3428; VI, № 3772; XVI, № 11630, стр. 7. О поташной реглали въ XVIII в. въ „Исторіи финансовыхъ учрежденій Россіи“ гр. Д. Толстого, стр. 220 (Спб. 1848 г.). О вывозѣ поташа изъ Россіи за границу во второй половинѣ XVIII в. и въ первой половинѣ XIX в. въ «Статистическомъ обзорѣни внешней торговли Россіи» Небольсина, ч. II, стр. 305 и слѣд. [Спб. 1850 г.]. О казенномъ торгѣ поташемъ въ XVII—XVIII вв. въ «Систематическомъ каталогѣ дѣламъ государствен. коммерцъ-коллегии», составлен. Н. Кайдановымъ, стр. 23 [Спб. 1884 г.].

⁷⁾ П. С. З. IV, № 2426; V, № 2793; VIII, №№ 5249, 5524, 5729.

⁸⁾ Тамъ же, IV, № 2469.

Архангельска за границу вѣдали вице-губернаторъ и оберъ-коммисаръ ¹⁾; берковецъ поташа продавался въ Архангельскѣ по 15 ефимковъ ²⁾. Въ 1717 г. разрѣшено было отпускать поташъ за границу и черезъ Ригу ³⁾. Въ 1721 г. велѣно было вѣдать производство поташа Адмиралтейской коллегіи, а продажу его—коммерцъ-коллегіи. Этимъ же указомъ повелѣвалось приготавливать поташа ежегодно по тысячѣ бочекъ. ⁴⁾ Въ 1723 г., когда состоялось запрещеніе дѣлать поташъ въ Малороссіи ⁵⁾, велѣно было вѣдать производство поташа и продажу его коммерцъ-коллегіи ⁶⁾. Въ 1737 г. сенатъ указалъ коммерцъ-коллегіи заготовлять въ годъ поташа для продажи по двѣ тысячи бочекъ ⁷⁾. Изъ доклада коммерцъ-коллегіи кабинетъ-министрамъ въ 1738 г. видно, что въ Архангельскѣ было привезено съ поташныхъ казенныхъ заводовъ бочекъ поташа: въ 1728 г.—956, въ 1729—989, въ 1730—1550, въ 1731—1575, въ 1732—1155, въ 1733—740; въ 1732 г. поташъ былъ запроданъ двумъ иностраннымъ купцамъ, въ количествѣ по двѣ тысячи бочекъ ежегодно, на 5 лѣтъ ⁸⁾. Какъ видно изъ донесенія коммерцъ-коллегіи сенату въ 1764 г., поташъ въ теченіе ряда лѣтъ на казенныхъ заводахъ не изготовлялся, поэтому коммерцъ-коллегія нашла излишнимъ дальнѣйшее существованіе особой поташной конторы. Указомъ сената поташная контора была упразднена; изъ этого указа видно, что лѣса для изготовленія поташа находились въ губерніяхъ: Казанской, Нижегородской и Воронежской ⁹⁾. Въ слѣдующемъ 1765 г. поташная контора была вновь учреждена вслѣдствіе указа объ изготовленіи поташа и продажѣ его за границу ¹⁰⁾. Въ 1773 г. было всѣмъ дозволено изготовлять поташъ въ своихъ или арендуемыхъ лѣсахъ и продавать его внутри государства, а въ 1780 г. дозволено было всѣмъ отпускать поташъ и за границу ¹¹⁾.

Отмѣна поташной монополіи вызвала частное производство поташа: съ 1793 г. количество поташа, отпускаемаго изъ Россіи, возросло приблизительно до второй четверти XIX в. ¹²⁾. Въ связь съ частнымъ производствомъ поташа можно поставить появленіе въ исходѣ XVIII в. ряда статей, посвященныхъ способамъ изготовленія поташа. Рекомендованные въ исходѣ XVIII в. способы не такъ просты, какъ тотъ, ко-

¹⁾ Тамъ же, V, № 2793.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, V, № 3072.

⁴⁾ Тамъ же, VI, № 3772. Дѣла относительно поташныхъ заводовъ и продажи поташа съ 1721 г. въ „Систематическомъ каталогѣ дѣламъ государствен. коммерцъ-коллегіи“, составлен. Кайдановымъ [стр. 150 и слѣд.].

⁵⁾ Тамъ же, VII, № 4197.

⁶⁾ Тамъ же, VII, № 4292.

⁷⁾ Тамъ же, X, № 7362.

⁸⁾ Тамъ же, X, № 7500.

⁹⁾ Тамъ же, XVI, № 12161.

¹⁰⁾ Тамъ же, XLIV, ч. II, № 12496.

¹¹⁾ Тамъ же, XX, № 15099.

¹²⁾ Назв. тр. Небольсина, II, 306.

торымъ поташъ изготовлялся на заводахъ боярина Морозова. Древесную золу рекомендовалось дважды выщелачивать въ большихъ чанахъ, послѣ чего щелокъ надлежало кипятить на постоянномъ огнѣ въ желѣзныхъ котлахъ, чтобы испарилась вода. По достиженіи этого, когда котлы остывали, разбивался находящійся въ нихъ поташъ, имѣвшій видъ соляной глыбы. Куски этой глыбы пережигались въ особыхъ печахъ, пока не дѣлались бѣлыми или нѣсколько голубоватыми. ¹⁾

Издаваемые приходо-расходныя и смѣтныя книги Арзамасскихъ и Барминскихъ будныхъ становъ изъ собранія рукописей И. Н. Михайловскаго въ г. Нѣжинѣ. Писаны онѣ скорописью на 201 листѣ въ 4 одною рукою, въ 1681 г., на бумагѣ съ водянымъ знакомъ—головою шута въ нарядѣ съ пятью бубенцами. ²⁾ Часть листовъ имѣетъ пагинацію буквами (съ такою пагинаціею послѣдній листъ—78), принадлежащую не той рукѣ, которою писаны книги; листы послѣ 78-го помѣчены были впоследствии цифрами, но нѣсколько писанныхъ листовъ осталось не помѣченными, чистые же листы были помѣчены. Эта пагинація цифрами не принадлежитъ одной рукѣ. Приходо-расходныя и смѣтныя книги заключены въ одинъ бумажный переплетъ съ кожанымъ корешкомъ болѣе поздняго времени, съ двумя въ началѣ и двумя въ концѣ листами съ-рой бумаги того же времени. На переплетѣ книги наклеенъ бумажный ярлыкъ съ позднѣйшею надписью: «Приходо-Расходныя книги Арзамасскихъ будныхъ становъ по дѣлу поташа 7189 г.», а на оборотной сторонѣ переплета цифры „ $\frac{3}{86}$ “ черниломъ и „№ $\frac{62}{71}$ “ карандашомъ. На первомъ чистомъ листѣ книги, подклеенномъ вслѣдствіе ветхости, написано: „читалъ Алаторе Мита...“, а другою рукою ниже—„7189 году“. Книга хорошей сохранности, въ пятнахъ отъ сырости только края первыхъ и послѣднихъ листовъ, нѣсколько обветшавшихъ. По полямъ всѣ писанные листы скрѣплены подписью стольника и воеводы Юрія Федоровича Шишкина по слогамъ: „Юрий Шишкинъ“, кромѣ 12 чистыхъ листовъ, находящихся между приходо-расходными и смѣтными книгами Арзамасскихъ и Барминскихъ будныхъ становъ. Эти чистые листы помѣчены „листъ порожі“ тою же рукою, которою по слогамъ сдѣлана на поляхъ подпись „Юрий Шишкинъ“; на чистой стра-

¹⁾ „Экономич. магазинъ“ ч. XXIV стр. 316. М. 1785 г. „О приуготовленіи поташа“ тамъ же ч. XXXIV стр. 321; статья эта, какъ указано въ предисловіи, написана по иностраннымъ сочиненіямъ. „О поташѣ изъ домашней золы“ въ „Еженедѣльныхъ извѣстіяхъ Вольнаго экономич. Об.“ II, стр. 390 № 271. Спб. 1789 г. Болѣе сложный способъ приуготовленія поташа въ статьѣ: «О дѣланіи поташа и о производимомъ симъ товаромъ торгѣ» въ «Магазинѣ для распространенія общепользныхъ знаній и изобрѣтеній» ч. I стр. 65. Спб. 1795 г.; въ примѣчаніи къ этой статьѣ оговорено, что она сообщена опытнымъ лицомъ.

²⁾ Рукопись на бумагѣ съ такимъ водянымъ знакомъ относится къ 1676 г. (Н. П. Лихачева „Бумага и бумажныя мельницы въ Моск. госуд.“ тбл. 54 № 469. Спб. 1891 г.) Тоже у Тромонина („Изъясненіе знаменъ, видимыхъ въ писчей бумагѣ“ тбл. XCI № 1316 и стр. 22 М. 1844 г.).

ницѣ тою же рукою сдѣлана надпись: „страница порозжая“¹⁾. Приходо-расходныя и смѣтныя книги Арзамасскихъ и Барминскихъ будныхъ становъ подписаны: „Справиль Алешка Юдинъ“. Подпись эта не той руки, которою писаны книги. Алексѣй Юдинъ записанъ въ числѣ подъячихъ приказной избы, жившихъ на Арзамасскихъ будныхъ станяхъ, съ денежнымъ жалованьемъ въ 10 р., тогда какъ другіе подъячіе получали по 8 р. и 7 р.²⁾ Надъ подписью Юдина въ концѣ приходо-расходныхъ книгъ Арзамасскихъ будныхъ становъ послѣднія буквы фамиліи Шишкинъ—„нъ“ (л. 134 об.; на полѣ л. 133 „Ши“, на полѣ л. 134 „шки“); тоже и въ концѣ смѣтной книги Арзамасскихъ будныхъ становъ; въ концѣ приходо-расходной книги Барминскихъ будныхъ становъ надъ «Справиль Алешка Юдинъ»—„Шишкинъ“ (л. 190 об.; на полѣ л. 190—„Юрий“), въ концѣ смѣтной книги Барминскихъ будныхъ становъ надъ „Справиль Алешка Юдинъ“—„шкинъ“ (л. 203 об.; на полѣ л. 203—„Пи“). Слоги фамиліи Шишкинъ и самая фамилія писаны непосредственно за послѣдними словами приходо-расходныхъ и смѣтныхъ книгъ.

Содержаніе приходо-расходной книги Арзамасскихъ будныхъ становъ—„что въ приходе денежные казны и хлѣбныхъ запасовъ, и что той денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ въ росходе на Арзамасскіе будные станы дворяномъ і подъячимъ і поливачемъ и будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ і наемнымъ работникомъ і на всякіе будные росходы декабря съ 1-го числа 188-го году декабря по 1-е число нынѣшняго 189-го году, и на тѣхъ будныхъ станѣхъ сколько здѣлано поташу бочекъ, и что въ нихъ пудовъ и берковцовъ, и почему въ дѣле ценою пудъ сталь поташу безъ дерева на мѣсте и почему съ провозомъ на Вологде зъ деревомъ, і что въ остаткахъ хлѣбныхъ запасовъ въ нынѣшней во 189-й годъ, и сколько къ тѣмъ остаточнымъ хлѣбнымъ запасамъ надобно въ прибавку всякихъ хлѣбныхъ запасовъ, и то писано въ сихъ книгахъ ниже сего“.

На Арзамасскихъ будныхъ станяхъ находилось 5 дворянъ „у дозору поташного дѣла и у наряду мастеровыхъ и работныхъ людей“, 4 подъячихъ, 9 поливачей, 8 бочкарей, 7 колесниковъ, 4 кузнеца, 170 будниковъ, 53 воштаря, 7 казаковъ и 1 конскій мастеръ. Всѣ они въ приходо-расходной книгѣ поименно перечислены съ обозначеніемъ, кто сколько получилъ жалованья. Всѣмъ имъ было уплачено годового жалованья 1405 р. 9 ал. и 4 д. Наемныхъ работниковъ было на Арзамасскихъ будныхъ станяхъ 497 человекъ; они получили за работу 1066 р. 17 ал. 2 д. Всѣ работники, бывшіе на будныхъ станяхъ, перечислены по именамъ съ обозначеніемъ, кто откуда, кому сколько

¹⁾ Юрій Федоровичъ Шишкинъ—стольникъ въ 1678, 1686 и 1692 гг. („Указатель къ боярскимъ книгамъ“ стр. 478. М. 1853 г.).

²⁾ Въ „Указатель къ боярскимъ книгамъ“ два дьяка Алексѣи Юдины: одинъ безъ отчества показанъ въ 1676 г., другой—Алексѣй Никитичъ въ 1692 г. (стр. 486).

уплачено, кто сколько времени прогулялъ и сколько съ кого за прогульное время вычтено (за прогульную недѣлю вычтено было изъ заработной платы: съ 6 человекъ по 1 ал. 5¹/₂ д. съ полполуморткою, съ 4—по 2 ал. 1¹/₂ д. съ полполуморткою; за прогульную половину недѣли съ одного рабочаго вычтено было 5¹/₂ д. съ морткою и съ колполполуморткою, съ другого—5 д. съ морткою и половина полполполумортки).

Въ приходе-расходной книгѣ подробно перечислено, что покупалось для будныхъ становъ, въ какомъ количествѣ и по какой цѣнѣ; отмѣчена стоимость кирпича, безмѣновъ, писчей бумаги, соли, желѣза, мѣди, точилъ, наковалень и др. предметовъ оборудованія становъ; указано, какое количество съѣстныхъ припасовъ принято было на будные станы, перечислено, кому сколько дано хлѣбнаго годового жалованья, сколько овса было выдано на лошадей, указана стоимость по Арзамасской цѣнѣ четверти муки, сухарей, крупъ, толокна и др. припасовъ, стоимость провоза ихъ на будные станы, число нанятыхъ косцовъ и плата имъ, количество изготовленной золы и стоимость ея; записано, сколько дровъ было изготовлено и отмѣчена стоимость сажня; указаны количество изготовленнаго поташа и стоимость его казнѣ на мѣстѣ, плата за провозъ его на наемныхъ подводахъ въ Вологду, стоимость казнѣ поташа съ провозомъ въ Вологду; перечислено, сколько муки, овса и крупы дано священникамъ и причетникамъ, указано сколько надобно на будные станы хлѣбныхъ запасовъ, цѣловальниковъ для приѣма и раздачи этихъ запасовъ, косцовъ и рабочихъ лошадей.

Выпись изъ Арзамасскихъ смѣтныхъ книгъ заключаетъ въ себѣ тотъ же матеріалъ, который въ приходе-расходныхъ книгахъ.

Барминскіе будные станы были переданы въ 1680 г. въ вѣдѣніе стольника и воеводы Ю. Ѳ. Шишкина. Приходе-расходная книга Барминскихъ будныхъ становъ содержитъ въ себѣ перечень того, „что на тѣхъ будныхъ станѣхъ принято мастеровыхъ людей, і кто імяны, и сколько какихъ заводовъ і лошадей і воловъ і остаточныхъ хлѣбныхъ запасовъ і желѣза і укладу, і сколько на тѣхъ же Барминскихъ будныхъ станѣхъ августа съ 7-го числа прошлаго 188-го году декабря по 1-е число нынѣшняго 189 году въ приеме хлѣбныхъ запасовъ съ Сергацкихъ будныхъ становъ і изъ волостей і изъ Арзамаса денежные казны, і что въ росходе денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ мастеровымъ людямъ августа съ 7-го числа прошлаго 188-го году декабря по 1-е число нынѣшняго 189-го году, і то писано подъ ихъ імяны, і что имъ дано денегъ і хлѣба при боярине князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ ¹⁾ і при Михайле Кобыльскомъ, ²⁾ и сколько за тою денежною казною и за хлѣбными запасы здѣлано поташу пудъ і берковцовъ, і почему пудъ сталъ на мѣсте безъ дерева і почему съ провозомъ на Вологде, і то

¹⁾ Князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій—бояринъ въ 1658, 1668 и 1676 гг. („Указатель къ боярскимъ книгамъ“, стр. 82).

²⁾ Михайлъ Ивановичъ Кобыльскій—дворянинъ моск.—въ 1667, 1668, 1676 и 1677 гг.; въ 1692 г.—стряпчій (тамъ же, стр. 187).

писано въ сихъ книгахъ ниже сего.“ Послѣ перечня „майданныхъ заводовъ“, рабочихъ лошадей и хлѣбныхъ запасовъ въ приходо-расходной книгѣ названы бывшіе на будныхъ станахъ поливачи, бочкари, колесники, кузнецы, будники, воштары, казаки съ указаніемъ, кому изъ нихъ сколько было дано денежнаго жалованья; записано, что куплено было для становъ, что взято было на кормъ мастеровымъ людямъ съ Сергацкаго и Можаровскаго будныхъ становъ; перечислены служившіе и работавшіе на станахъ съ указаніемъ, кому въ какомъ размѣрѣ дано хлѣбное жалованье, приведена стоимость по Лысковской цѣнѣ четверти муки и овса, пуда соли, провоза ихъ, стоимость молотѣбъ ржи и стоимость сажня дровъ; указаны количество изготовленнаго поташа и стоимость его, плата за провозъ въ Вологду съ пуда поташа, стоимость его съ провозомъ въ Вологду; перечислено, сколько надобно на Барминскіе будные станы хлѣбныхъ запасовъ и цѣловальниковъ для приѣма и раздачи ихъ, косцовъ и лошадей.

Выпись изъ смѣтныхъ книгъ Барминскихъ будныхъ становъ заключаетъ въ себѣ тотъ же матеріалъ, который въ приходо-расходныхъ книгахъ.

Приходныя и расходныя книги Нижегородскихъ, Арзамасскихъ и Алатырскихъ будныхъ становъ въ 1680 г. были переданы въ Оружейную палату; этой же палатѣ велѣно было вѣдать и самыя будныя станы, до того времени бывшіе въ вѣдѣніи государевой Мастерской палаты. ¹⁾

Ореографія рукописи мною сохранена, сохранены также разныя написанія однѣхъ и тѣхъ же именъ и фамилій. Я ввелъ только прописныя буквы, знаки препинанія и твердыя и мягкіе знаки въ окончаніяхъ и предлогахъ, а также раскрылъ титла.

¹⁾ Въ началѣ приходной и расходной книги денежной казнѣ Оружейной Палаты 7189 г. (1680—1681) слѣдующая запись: „Въ нынѣшнемъ во 188 г. авг. въ 19 д. ...велѣно въ Нижегородскомъ и въ Арзамасскомъ и въ Олатарскомъ уѣздѣхъ будныя станы и поташныя промыслы и тѣхъ промысловъ мастеровыхъ и работныхъ людей, которые будныя станы и поташныя промыслы напередъ сего вѣдомы были въ его Государевѣ Мастерской полатѣ, нынѣ вѣдать въ Оружейной полатѣ, и тѣхъ будныхъ промысловъ дѣла и книги приходныя и расходныя, и столбцы и въ продажѣ поташу по иноземцахъ поручныя записи и наличную денежную казну взять въ Оружейную полату“. („Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ“ А. Викторова, II стр. 449, № 961. М. 1883 г.). Смѣтныя книги Арзамасскихъ, Нижегородскихъ и Алатырскихъ казенныхъ будныхъ становъ 1681 г. принадлежать въ рукописи проф. В. О. Ключевскому („Русскій рубль XVI—XVIII в.“ стр. 60, прим. I. М. 1884 г.).

Лѣта 7189-го по государеву цареву і великого князя Θεодора Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца указу книги при столнике і воеводе Юрьѣ Θεодоровиче Шишкине, что въ приходе денежныя казны и хлѣбныхъ запасовъ, и что той денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ въ расходе на Арзамаскія будныя станы дворяномъ і подячимъ і поливачемъ и будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ і наемнымъ работникомъ і на всякіе будныя расходы декабря съ 1-го числа 188-го году декабря по 1-е число нынѣшняго 189-го году, и на тѣхъ будныхъ станѣхъ сколько здѣлано поташу бочекъ, и что въ нихъ пудовъ и берковцовъ, и почему въ дѣле ценою пудъ сталъ поташу безъ дерева на мѣсте и почему съ провозомъ на Вологде зъ деревомъ, і что въ остаткахъ хлѣбныхъ запасовъ въ нынѣшней во 189-й годъ, и сколько къ тѣмъ остаточнымъ хлѣбнымъ запасомъ надобно въ прибавку всякихъ хлѣбныхъ запасовъ, и то писано въ сихъ книгахъ ниже сего.

Въ прошломъ во 188-мъ году взято на Арзамаскія будныя станы на всякіе расходы и мастеровымъ людемъ въ жалованье въ Арзамасѣ изъ приказныя избы бортничьихъ и мордовскихъ дѣлъ изъ окладныхъ денегъ тысяча девять сотъ сорокъ девять рублей три алтына три денги.

Да въ прошломъ во 188-мъ году по указу великого государя по грамоте изъ приказу болшаго дворца за приписію дьяка Василя Кипреянова прислано на Арзамаскія будныя станы денежныя казны съ подячимъ съ Иваномъ Белениновымъ, і велено принять тысяча рублей, а принято у него Ивана той денежной казны девять сотъ девяносто три рубли, а семи рублей не дочтено, и въ тѣхъ денгахъ онъ Иванъ Белениновъ подаль скаску, а въ скаске своею рукою написалъ, какъ де посланъ онъ Иванъ съ тою денежною казною въ Арзамасъ, а на подьемъ ничего ему не дано, і онъ де ѣдучи дорогою проѣлъ два рубли, да недочель онъ пяти рублей, и о томъ писано къ великому государю къ Москвѣ въ приказъ болшаго дворца съ нимъ же Иваномъ тогожь числа.

Всего денежныя казны, что взято въ Арзамасѣ въ приказной избѣ и что прислано съ Москвы, двѣ тысячи девять сотъ сорокъ два рубли три алтына три денги.

И той денежной казнѣ расходъ:

По указу великаго государя дано дворяномъ, которые живутъ на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ у дозору поташного дѣла и у наряду мастеровыхъ і работныхъ людей і подьячимъ і всякимъ мастеровымъ людямъ годового жалованья:

Дворяномъ:

Родиону Черкизову пятнатцать рублевъ.
Остаею Безпятово пятнатцать рублевъ.
Михайлу Ощѣрину пятнатцать рублевъ.
Герасиму Пирогову десеть рублевъ.
Никите Логунову пять рублевъ.

Приказные избы подьячимъ:

Алексѣю Юдину десеть рублевъ.
Ивану Озеренскому семь рублевъ.
Семену Протопопову восемь рублевъ.
Григорью Путимцову семь рублевъ, да емужь дано за майданную работу въ приказъ семь рублевъ.
Арзамаскихъ будныхъ становъ мастеровымъ людямъ годового жалованья:

Поливочамъ:

Левке Шапурину дватцать рублевъ.
Левке Лазареву дватцать рублевъ.
Ефремке Яковлеву пятнатцать рублевъ.
Кирюшке Голику одиннатцать рублевъ четырнатцать алты ѣ двѣ денги.
Купряшке Ильину тринацать рублевъ.
Стенке Дроводинову двенатцать рублевъ.
Микитке Иванову двенатцать рублевъ.
Васке Пузикову деветь рублевъ.
Якушке Жулупу восемь рублевъ.

Бочкарямъ:

Өедке Лавринову восемь рублевъ.
Тимошке Өедорову шесть рублевъ.
Васке Медвѣдке шесть рублевъ.
Данилке Никитину шесть рублевъ.
Левке Григорьеву шесть рублевъ.
Агафонке Остафьеву пять рублевъ шестнатцать алты ѣ четыре денги.
Левке Карнильеву шесть рублевъ.
Лавринке Яцкому шесть рублевъ.

Колесникомъ:

Васке Михайлову шесть рублевъ.
Сидорке Өомину шесть рублевъ.

Мишке Саранцу шесть рублей.
 Луконке Иванову шесть рублей.
 Нестерке Яковлеву шесть рублей.
 Давыдке Михайлову семь рублей.
 Андриюшке Дудке шесть рублей.

Кузнецомъ:

Петрушке Григорьеву шесть рублей.
 Ивашке Яцкому шесть рублей.
 Ѳедке Иванову восемь рублей.
 Ивашке Иванову шесть рублей.

Будникомъ:

Ермошке Агѣеву шесть рублей.
 Панке Галузе шесть рублей.
 Ѳедке Галузину шесть рублей.
 Потапке Ермолаеву шесть рублей.
 Васке Жидку шесть рублей.
 Васке Абызу шесть рублей.
 Сенке Прокофьеву шесть рублей.
 Ѳедке Лукоянову шесть рублей.
 Максимке Ееремову шесть рублей.
 Оске Ееремову шесть рублей.
 Стенке Трофимову шесть рублей.
 Панке Дубровскому пять рублей двадцать семь алтынъ двѣ деньги.
 Гришке Шелудяку шесть рублей.
 Ивашке Сухому шесть рублей.
 Оксенке Иванову шесть рублей.
 Сенке Оксену шесть рублей.
 Кируюшке Семенову шесть рублей.
 Микишке Седому шесть рублей.
 Гришке Сапожнику шесть рублей.
 Аюнке Миронову шесть рублей.
 Мишке Яковлеву шесть рублей.
 Панке Овечке шесть рублей.
 Данилке Ступневу шесть рублей.
 Ивашке Краюшкину шесть рублей.
 Ивашке Козлу шесть рублей.
 Макарке Дружинину шесть рублей.
 Кондрашке Ѳедорову шесть рублей.
 Ивашке Игнатову шесть рублей.
 Якушке Рыбке пять рублей дватцать девять алтынъ двѣ донги..
 Ганке Ретке шесть рублей.
 Алешке Тимофьеву шесть рублей.
 Сенке Емельянову шесть рублей.

Сенке Шапурину шесть рублей.
 Микишке Шапурину шесть рублей.
 Самошке Шапурину шесть рублей.
 Трошке Григореву шесть рублей.
 Мишке Маторе шесть рублей.
 Ортюшке Иванову шесть рублей.
 Пронке Крупенке шесть рублей.
 Ёдке Семенову шесть рублей.
 Гараске Кривому шесть рублей.
 Ивашке Боброву шесть рублей.
 Петрунке Клевцову шесть рублей.
 Ларке Зезюлину шесть рублей.
 Микитке Козленку четыре рубли дватцать семь алтынъ четыре денги.
 Андрюшке Корнилеву шесть рублей.
 Демке Барсукову шесть рублей.
 Андрюшке Тюленеву шесть рублей.
 Іевке Юдину шесть рублей.
 Василке Иванову шесть рублей.
 Союнке Пареевъеву шесть рублей.
 Ёмке Аюнасеву шесть рублей.
 Мамошке Микифорову шесть рублей.
 Микитке Мартынову шесть рублей.
 Харитонке Денисову шесть рублей.
 Давыдке Микулаеву шесть рублей.
 Якушке Яцкому шесть рублей.
 Гришке Прокоѳьеву шесть рублей.
 Ёдке Данилову шесть рублей.
 Пашке Троюимову шесть рублей.
 Тимошке Ісаеву шесть рублей.
 Аниске Тимоѳьеву шесть рублей.
 Остапке Павлову шесть рублей.
 Ивашке Лаборцу шесть рублей.
 Клишке Дудке шесть рублей.
 Ортюшке Голушке шесть рублей.
 Аюнке Голушкину шесть рублей.
 Сенке Савелеву шесть рублей.
 Родке Семенову шесть рублей.
 Захарке Созонову шесть рублей.
 Пронке Семенову шесть рублей.
 Мишке Тимоѳьеву шесть рублей.
 Стешке Шапурину шесть рублей.
 Дениске Шапурину шесть рублей.
 Любимке Иванову шесть рублей.
 Богдашке Евсѳеву шесть рублей.
 Данилке Доспѳю шесть рублей.

Сенке Өедорову шесть рублей.
 Петрунке Семенову шесть рублей.
 Мишке Козырю шесть рублей.
 Івашке Мяснику пять рублей дватцать четыре алтына двѣ денги.
 Івашке Өедорову шесть рублей.
 Андрюшке Өедорову шесть рублей.
 Өеоктистке Өедорову шесть рублей.
 Мишке Щепетку шесть рублей.
 Микишке Купреянову шесть рублей.
 Гришке Давыдову шесть рублей.
 Якушке Рожку шесть рублей.
 Ермошке Шелеху шесть рублей.
 Өилатке Шелехову шесть рублей.
 Самсонке Василеву шесть рублей.
 Симонке Яковлеву шесть рублей.
 Гришке Толстому шесть рублей.
 Якушке Мигалю шесть рублей.
 Данилке Өедорову шесть рублей.
 Матюшке Коске шесть рублей.
 Өомке Козкину шесть рублей.
 Кирюшке Корнилеву шесть рублей.
 Терешке Никитину шесть рублей.
 Ортюшке Кузмину шесть рублей.
 Микитке Кузмину шесть рублей.
 Івашке Щербенку пять рублей одиннатцать алтынъ двѣ денги.
 Алешке Спиридонову шесть рублей.
 Микулке Максимову шесть рублей.
 Сенке Кондратову шесть рублей.
 Егупке Иванову шесть рублей.
 Івашке Волку шесть рублей.
 Микишке Волкову шесть рублей.
 Івашке Пестряку шесть рублей.
 Івашке Дудке шесть рублей.
 Максимке Дудкину шесть рублей.
 Луконке Ільину шесть рублей.
 Івашке Самойлову шесть рублей.
 Івашке Солонинке шесть рублей.
 Івашке Лазареву шесть рублей.
 Костке Гаврилову шесть рублей.
 Лавринке Бурковскому шесть рублей.
 Микитке Гончареву шесть рублей.
 Пронке Таранке шесть рублей.
 Самошке Лисовскому шесть рублей.
 Ромашке Алексѣеву шесть рублей.
 Андрюшке Черному шесть рублей.

Кондрашке Василеву шесть рублей.
 Карпунке Кондратеву шесть рублей.
 Ганке Мартынову шесть рублей.
 Малаеёйке Микулаеву шесть рублей.
 Васке Овдокимову шесть рублей.
 Васке Булаху шесть рублей.
 Мартынке Михайлову шесть рублей.
 Мишке Татаркину шесть рублей.
 Ортюшке Шаблинскому шесть рублей.
 Гришке Тимофьеву шесть рублей.
 Өедке Таранкову шесть рублей.
 Мишке Андрееву шесть рублей.
 Мишке Өирсову пять рублей.
 Мишке Емелянову пять рублей двадцать два алтына двѣ денги.
 Івашке Өилипову нять рублей.
 Устимке Иванову пять рублей.
 Сидорке Григореву четыре рубли двадцать шесть алтынъ четыре денги.

Өилатке Павлову четыре рубли одиннадцать алтынъ двѣ денги.
 Тимошке Смирнову пять рублей.
 Тимошке Илину пять рублей.
 Никонке Янову пять рублей.
 Доронке Иванову четыре рубли.
 Клишке Давыдову пять рублей.
 Сергунке Троюшкову три рубли шестнадцать алтынъ четыре денги.
 Власке Андрееву три рубли.
 Івашке Никитину три рубли.
 Өилке Микулаеву три рубли.
 Івашке Колесникову три рубли.
 Марчке Егупову три рубли шестнадцать алтынъ четыре денги.
 Петрунке Өедорову три рубли.
 Савке Савелеву два рубли восемь алтынъ двѣ денги.
 Захарке Спиридонову два рубли восемь алтынъ двѣ денги.
 Оске Өролову два рубли восемь алтынъ двѣ денги.
 Елке Яковлеву два рубли восемь алтынъ двѣ денги.
 Мишке Григорьеву два рубли восемь алтынъ двѣ денги.
 Илюшке Иванову два рубли восемь алтынъ двѣ денги.
 Івашке Селиверстову два рубли.
 Петрушке Аеонасеву два рубли.
 Микишке Яковлеву два рубли.
 Васке Яковлеву два рубли.
 Васке Иванову два рубли.
 Филке Андрееву два рубли.
 Сенке Тимоееву два рубли.
 Өедке Скороходу два рубли.

Гришке Михайлову два рубли.
 Андрюшке Гаврилову рубль.
 Панке Өомину шеснатцать алтынъ четыре денги.

Воштарямъ:

Петрунке Иванову три рубли.
 Янке Ортемьеву три рубли.
 Оске Дороефеву три рубли.
 Самошке Павлову три рубли.
 Андрюшке Рыбкину три рубли.
 Костюнке Григореву три рубли.
 Ивашке Клевцу три рубли.
 Гришке Григореву три рубли.
 Аeonке Григореву три рубли.
 Стенке Михайлову три рубли.
 Ивашке Моторину три рубли.
 Гришке Семенову три рубли.
 Кондрашке Зезюлину три рубли.
 Трошке Михайлову три рубли.
 Марчке Леонтьеву три рубли.
 Микишке Өедорову три рубли.
 Ромашке Анисимову три рубли.
 Левке Тарасову три рубли.
 Люшке Исаеву три рубли.
 Өедке Солодову три рубли.
 Ивашке Степанову три рубли.
 Назарке Нееедову три рубли.
 Купряшке Лукьянову три рубли.
 Матюшке Праху три рубли.
 Нестерке Буданенку три рубли.
 Луконке Костянтинову три рубли.
 Васке Малахову три рубли.
 Исачке Троеимову три рубли.
 Янке Миронову три рубли.
 Васке Кубышке три рубли.
 Макарке Тимофеву три рубли.
 Мирошке Самойлову три рубли.
 Стенке Андрфеву три рубли.
 Митке Плохому три рубли.
 Зянке Бочкареву два рубли десять алтынъ.
 Андрюшке Колесникову два рубли.
 Матюшке Өедорову два рубли.
 Козмишке Иванову тритцать одинъ алтынъ четыре денги.
 Оношке Яковлеву рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.
 Оске Өедорову рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.

Гришке Ѳедорову рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.
 Исачке Яковлеву рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.
 Івашке Костянтинову рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.
 Івашке Шаклѣю рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.
 Івашке Леонтьеву рубль.
 Микитке Селиверстову рубль.
 Тимошке Григореву рубль.
 Ониске Данилову рубль.
 Авонке Любимову рубль.
 Архипке Спиридонову рубль.
 Якушке Симонову рубль.
 Еремке Бурковскому рубль.
 Івашке Исаеву рубль.

Мурашкинскимъ казакамъ:

Ортюшке Тимоѳеву три рубли.
 Емелке Степанову три рубли.
 Васке Солоду три рубли.
 Тараске Кондратову три рубли.
 Пронке Дементьеву три рубли.
 Оске Антонову три рубли.
 Тимошке Волку три рубли.
 Конскому мастеру Івашке Петрову три рубли.

Всего пяти человѣкомъ дворяномъ шестьдесятъ рублевъ, четверемъ человѣкомъ подячимъ тритцать девять рублевъ, девяти человѣкомъ поливачамъ сто дватцать рублевъ четырнатцать алтынъ двѣ денги, осми человѣкомъ бочкарямъ сорокъ девять рублевъ шеснатцать алтынъ четыре денги, семи человѣкомъ колесникомъ сорокъ три рубли, четверемъ человѣкомъ кузнецомъ дватцать шесть рублевъ, сту семидесяти человѣкомъ будникомъ деветьсотъ шеснатцать рублевъ тринаццать алтынъ четыре денги, пятидесять тремъ человѣкомъ воштарямъ сто дватцать шесть рублевъ тритцать одинъ алтынъ четыре денги, семи человѣкомъ казакомъ, да одному человѣку конскому мастеру—всего осми человѣкомъ—дватцать четыре рубли.

Всего дворяномъ и подячимъ и поливачамъ и бочкарямъ и колесникомъ и кузнецомъ и будникомъ и воштарямъ и казакомъ и конскому мастеру—тысеча четыреста пять рублевъ девять алтынъ четыре денги.

Да на Арзамаскнежь будные станы нанято было работныхъ людей триста девяносто четыре человѣка; найму имъ дано по уговорной ценѣ восьмь сотъ семдесятъ два рубли одинъ алтынъ четыре денги.

Да въ прошломъ во 188-мъ году мая въ 8 день по указу великого государя прислано на Арзамаскне будные станы исъ Терюшевской волости работныхъ людей сто три человѣка, а найму имъ дано въ Арзамасе въ

приказной избѣ изъ казны великого государя сто девяносто четыре рубли шеснатцать алтынъ четыре денги.

Всего нанято было работныхъ людей и что приславо было изъ Терюшева—четыре ста девяносто семь человекъ, а найму имъ дано тысяча шестьдесятъ шесть рублевъ осмнатцать алтынъ двѣ денги, а кто имяны работныхъ людей было нанято и которыхъ уѣздовъ, и которые изъ Терюшева присланы и которыхъ сель и деревень, и что кому наемныхъ денегъ дано, и то писано въ особыхъ книгахъ ниже сего.

И изъ того числа многие работники въ прошломъ году во 188-мъ і въ нынешнемъ во 189-мъ годѣхъ въ розныхъ мѣсяцехъ и числехъ съ Арзамаскихъ будныхъ становъ бѣгали, а сколько кто тѣ наемные работники недѣль и дней прогуляли и кто имяны, и что на тѣхъ работникахъ на комъ довелось взять за прогульные недѣли і дни денегъ, и то писано подъ ихъ имяны.

Да въ прошломъ во 188-мъ году куплено на Арзамаскіе будные станы работнымъ лошедамъ на кормъ сѣна на тритцать на девять рублевъ на семнатцать алтынъ на две денги.

Куплено на Арзамаскіе будные станы на гарты четыре тысячи кирпичей, даны пять рублевъ дватцать шесть алтынъ четыре денги.

Куплено въ Арзамасе и въ Арзамаскомъ уѣзде по торшкомъ въ розныхъ мѣсяцѣхъ и числехъ на Арзамаскіежъ будные станы работнымъ людемъ въ каши ветчиного сала шестьдесятъ семь пудъ тритцать семь гривенокъ съ полугривенкою, дано тритцать восемь рублевъ шесть алтынъ двѣ денги.

Куплены на будныежъ станы два безмѣна, даны тринаццать алтынъ двѣ денги.

Куплено на Макаревской ярмонкѣ дватцать три стопы пицей бумаги, даны семнатцать рублевъ пять алтынъ.

Куплено шесть сотъ шестьдесятъ восемь пудъ соли, дано за пудъ по два алтына по две денги, итого сорокъ шесть рублевъ дватцать пять алтынъ двѣ денги, да на тою соль куплено кулей на дватцать на семь алтынъ зъ денгою

Куплено сто сорокъ одинъ пудъ дватцать пять фунтовъ Свицкого жегѣза, дано за пудъ по тринаццати алтынъ по двѣ денги, итого пятьдесять шесть рублевъ дватцать одинъ алтынъ четыре денги.

Куплено тритцать четыре котла тазовой мѣди вѣсомъ три пуда, дано за пудъ по четыре рубли по шеснатцети алтынъ по четыре денги, итого тринаццать рублевъ шеснатцать алтынъ четыре денги.

Куплено дватцать шесть тысячъ пять сотъ клинцовъ укладу, дано дватцать семь рублевъ дватцать пять алтынъ.

Куплено пять точиль, даны три рубли шеснатцать алтынъ четыре денги.

Куплены двѣ наковалны, даны три рубли дватцать три алтына двѣ денги.

Куплены двои мѣхи, даны рубль дватцать алтынъ.

Да на попкуужь въ расходъ на сани і на клещи і на хомутины і на подкладки і на иные мѣлкіе расходы пятнатцать рублевъ семь алтынъ двѣ денги.

И на тою вышеписанную попкуу въ расходъ двѣсти семдесятъ рублевъ османатцать алтынъ три денги.

Да на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ куплено Арзамаского уѣзду разныхъ деревень у бортниковъ і у Мордвы і у будницкихъ женъ і у детѣй бирковой золы шесть тысячъ шесть сотъ пятьдесятъ семь чети, дано за четь по шти денегъ, итого сто девяносто девять рублевъ дватцать три алтына четыре денги.

І всего на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ денежныя казны въ расходъ дворяномъ і подячимъ і поливочамъ и будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ и Арзамаскимъ и Терюшевскимъ работникомъ и за желѣзо и за укладъ і за соль і за сало ветчиное и на всякіе мѣлкіе расходы декабрия съ 1-го числа прошлаго 188-го году декабрия по 1-е число нынешнего 189-го году двѣ тысячѣ девять сотъ сорокъ два рубли три алтына три денги.

Да въ прошломъ во 188-мъ году марта въ 25 день по указу великого государя прислано съ Москвы изъ приказа болшаго дворца зъ дворяниномъ съ Ѳедоромъ Герасимовымъ сыномъ Бороноволокковымъ на Арзамаскіе и Сергацкіе будныя станы работнымъ людемъ на кормъ дватцать пять чети снетковъ въ Московскую таможенную мѣру, которая на будныхъ станѣхъ.

И съ того числа отослано на Саргацкіе будныя станы пять чети снетковъ.

А на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ въ расходъ дватцать чети снетковъ.

Да на Арзамаскихъ же будныхъ станѣхъ остаточныхъ хлѣбныхъ запасовъ, которые остались за расходы прошлаго 187-го году во 188-й годъ пять сотъ шестьдесятъ двѣ чети съ осминою безъ полчетверика і малъ четверикъ муки ржаные;

Сто дватцать шесть чети бесъ полутрети четверика сухарей;

Пять сотъ восемьдесятъ двѣ чети съ полуосминою и зъ четверикомъ і малъ четверикъ крупъ ячныхъ и грѣчишныхъ і просяныхъ і овсяныхъ;

Триста одна четь бесъ полуосмины і полторы пятыхъ доль четверика толокна;

Сто пятьдесятъ три чети съ осминою овса;

Да остаточной соли, которая осталась за расходы у прошлаго 187-го году во 188-й годъ, шесть сотъ семдесятъ четыре пуда семнатцать гривенокъ по ценѣ на сорокъ на три рубли на дватцать на осмь алтынъ на полчетверть денги.

Да въ прошломъ во 188-мъ и нынешнемъ во 189-мъ годѣхъ принято на Арзамаскіе будныя станы недовозныхъ хлѣбныхъ запасовъ 187-го и 188-го годовъ съ Терюшева дватцать осмь чети съ полуосминою и съ полчетверикомъ муки ржаной.

Да марта въ розныхъ числехъ прошлого 188-го году вмѣсто крупъ дву сотъ осми чети съ полуосминою принято четыре ста шеснатцать чети съ осминою овса для того, что въ сѣихъ числехъ на Арзамаскихъ оудныхъ станѣхъ овса не было, работныхъ лошадей кормить было нѣчемъ.

А въ недовозе, вмѣсто крупъ осмидесять девяти чети безъ полу-четверика, овса сто семдесять восьмъ чети безъ четверика.

Да недовозного овса сто осмьдесять чети съ осминою.

Да по указу великого государя принято на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ хлѣбныхъ запасовъ Алаторского уѣзду изъ сель Порѣцкого і Семеновского у Порѣцковскихъ і у Семеновскихъ крестьянъ і Алаторского уѣзду у Мордвы і у Лысковскихъ і у Мурашкинскихъ крестьянъ и Терюшевской волости у бортниковъ и у Мордвы, а сколько тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ съ которой волости у крестьянъ и у Мордвы принято, и то писано порознь по статьямъ:

Алаторского уѣзду зъ сель Порѣцкого и Семеновского у крестьянъ і у Мордвы принято: три тысеци двѣсти девяносто три чети съ полуосминою и зъ четверикомъ муки ржаные; девять сотъ девяносто три чети съ полуосминою і съ получетверикомъ сухарей; двѣсти семнатцать чети съ четверикомъ крупъ овсяныхъ; четыре ста семдесять восьмъ четвертей толокна.

У Терюшевскихъ бортниковъ і у Мордвы принято: девять сотъ четыре чети съ осминою и зъ четверикомъ муки; сто осмьдесять четыре чети съ полуосминою и зъ четверикомъ сухарей; сто осмьдесять двѣ чети съ полуосминою і съ полуторымъ четверикомъ толокна.

У Мурашкинскихъ крестьянъ принято: семдесять девять чети муки; двѣ тысеци триста осмьдесять семь чети съ полуосминою овса.

У Лысковскихъ крестьянъ принято: четыре ста девяносто пять чети съ осминою и зъ четверикомъ муки; двѣсти тритцать семь чети съ осминою овса.

Всего въ приѣме у Алаторскихъ и у Мурашкинскихъ и у Лысковскихъ и у Терюшевскихъ крестьянъ і у бортниковъ і у Мордвы хлѣбныхъ запасовъ четыре тысеци семь сотъ семдесять двѣ чети съ осминою и зъ четверикомъ муки, тысеца сто семдесять семь чети съ осминою и съ полуторымъ четверикомъ сухарей, шесть сотъ осмьдесять чети съ полуосминою и съ полуторымъ четверикомъ толокна, двѣсти семнатцать чети съ четверикомъ крупъ овсяныхъ, двѣ тысеци шесть сотъ пять чети безъ полуосмины овса.

А въ недовозе тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ дватцать девять чети съ полуосминою и съ четверикомъ муки, осмина крупъ, сто тритцать шесть чети безъ полуосмины съ получетверикомъ овса, да взято съ Сергацкихъ будныхъ становъ на Арзамаские будные станы работнымъ лошадямъ на кормъ четыре ста дватцать чети овса.

Всего въ приѣме на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ всякихъ хлѣбныхъ запасовъ и съ остаточными хлѣбными запасы, что остались у

прошлого 187-го году во 188-й годъ и съ тѣмъ, что взято овса съ Сергацкихъ будныхъ становъ и что принято вмѣсто недовозныхъ крупъ у Терюшевскихъ бортниковъ и у Мордвы овсажъ: пять тысячъ три ста шестьдесятъ три чети съ полуосминою и зъ четверикомъ и малъ четверикъ муки, тысяча три ста три чети съ осминою і четверикомъ і треть четверика сухарей, семь сотъ девяносто деветь чети съ осминою и малъ четверикъ крупъ, деветь сотъ шестьдесятъ одна четь съ полуторымъ четверикомъ и три десятыхъ доль четверика толокна, три тысячъ пять сотъ девяносто пять чети безъ полуосмины овса.

И тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ, которые остались у прошлого 187-го году и которые приняты изъ Алаторскихъ селъ у крестьянъ и у Мордвы и Лысковской и Мурашкинской и Терюшевской волостей у крестьянъ и у бортниковъ и у Мордвы, въ расходъ по указу великого государя дано дворяномъ, которые живутъ на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ у дозору поташного дѣла и для наряду работныхъ людей, да Арзамаскіе приказные избы и будныхъ дѣлъ подъячимъ и поливочамъ и будникомъ и всякимъ мастеровымъ людямъ годового жалованья:

Дворяномъ:

Родиону Черкизову девятнадцать чети безъ полуосмины муки, пятнадцать чети овса.

Остаюю Безпятово двенадцать чети съ осминою муки, десять чети овса.

Гарасиму Пирогову двенадцать чети съ осминою муки, десять чети овса.

Никите Логунову шесть чети съ полуосминою муки, пять чети овса.

Приказные избы подъячимъ:

Алексѣю Юдину двенадцать чети съ осминою муки, десять чети овса.

Ивану Озеренскому шесть чети съ полуосминою муки, пять чети овса.

Григорью Путимцову пятнадцать чети съ полуосминою муки, двенадцать чети овса.

Семену Протопопову десять чети муки, восемь чети овса.

Поливочамъ:

Левке Шапурину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Левке Лазареву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Евремке Яковлеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Кирюшке Голику десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Купряшке Иліну десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Стенке Дроводинову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Микитке Иванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Васке Пузикову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Якушке Жулупу десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Б о ч к а р я м ь :

Өедке Лавринову пятнадцать чети муки, четь съ полуосминою
крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Тимошке Өедорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Васке Медвѣдке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Данилке Никитину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Левке Григорьеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Агафонке Остаеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Левке Корнильеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Лавринке Яцкому шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ,
два пуда соли, три четверика толокна.

К о л е с н и к о м ь :

Васке Михайлову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Сидорке Өомину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Саранцу десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Луконке Иванову шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ,
два пуда соли, три четверика толокна.

Нестерке Яковлеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Давыдке Михайлову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Андрюшке Дудке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Кузнецомъ:

Петрушке Григорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Яцкому шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Өедке Иванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Иванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Будникомъ:

Ермошке Агѣеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Панке Галузе десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Өедке Галузину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Потапке Ермолеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Васке Жидку десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Васке Абызу десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Прокоѣеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Өедке Лукоянову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Максимке Ееремову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Оске Ееремову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Стенке Троеимову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Панке Дубровскому десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Гришке Шелудяку десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Сухову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Оксенке Иванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Оксену десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Кирюшке Семенову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Микишке Седому десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Гришке Сапожнику десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Аеонке Мионову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Яковлеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Панке Овечке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три
пуда соли, осмина толокна.

Данилке Ступневу десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Краюшкину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Козлу десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три
пуда соли, осмина толокна.

Макарке Дружинину десять чети муки, четь съ полуосминою
крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Кондрашке Федорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Игнатьеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Якушке Рыбке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Ганке Ретке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три
пуда соли, осмина толокна.

Алешке Тимоѳьеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Емелянову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Шапуринау десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Микишке Шапуринау десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Самошке Шапуринау десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Трошке Григореву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Маторе десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Ортюшке Иванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Пронке Крупенке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Федке Семенову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ,
три пуда соли, осмина толокна.

Гараске Кривому десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Боброву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Петрунке Клевцову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ларке Зезюлину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Микитке Козленку десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Андрюшке Корнилеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Корнильеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Демке Барсукову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Андрюшке Тюленеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Гевке Юдину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Вавилке Иванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Соеонке Пареенову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Өомке Аеонасьеву шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Мамошке Никиеорову шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Микитке Мартынову шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Харитонке Денисову шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Давыдке Микулаеву шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Якушке Яцкому шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Гришке Прокоееву шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Өедке Данилову шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Пашке Троеимову шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Тимошке Исаеву шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Аниске Тимоееву шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Остатке Павлову шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Ивашке Лаборцу десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Климке Дудке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Артюшке Голушке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Аеонке Голушкину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Савелеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Родке Семенову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Захарке Созонову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Пронке Семенову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Тимоѳѳеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Стенке Шапурину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Дениске Шапурину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Любимке Иванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Вогдашке Евсевьеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Данилке Доспѳю десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Ѳедорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Петрунке Семенову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Козырю десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Мяснику десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Ѳедорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Андрюшке Ѳедорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ѳеоктистке Ѳедорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Щепетку десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Микишке Купреянову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Гришке Давыдову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Якушке Рожку десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ермошке Шелеху десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Өилатке Шелехову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Самсонке Василеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Симонке Яковлеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Гришке Толстому десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Якушке Мигалю десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Данилке Өедорову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Матюшке Коске десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Өомке Коскину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Кирюшке Корнильеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Терешке Никитину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ортюшке Кузмину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Микитке Кузмину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Щербенку десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Алешке Спиридонову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Микулке Максимову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Сенке Кондратову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Егупке Иванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Волкову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Микишке Волкову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Пестряку десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Дудке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Максимке Дудкину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Луконке Ильину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Самойлову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Солонинке десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ивашке Лазареву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Костке Гаврилову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Лавринке Бурковскому десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Микитке Гончарову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Пронке Таранку десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Самошке Лисовскому десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ромашке Алексѣеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Андрюшке Черному десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Кондрашке Василеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Карпунке Кондратеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ганке Мартынову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Малаеѣйке Микулаеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Васке Овдокимову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Васке Булаху десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мартынке Михайлову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Татаркину десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ортюшке Шаблинскому десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Гришке Тимоѳеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Ѳедке Таранкову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Андрѳеву десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Митке Ѳирсову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Мишке Емелянову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Івашке Филипову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Устимке Иванову десять чети муки, четь съ полуосминою крупъ, три пуда соли, осмина толокна.

Сидорке Григореву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Ѳилатке Павлову восемь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Тимошке Смирнову восемь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Тимошке Ильину пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Никонке Янову восемь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Доронке Иванову восемь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Климке Давыдову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Сергунке Трофимову восемь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Власке Андрѳеву семь чети съ осминою муки, четь безъ полчетверика крупъ, полтретья пуда соли, три четверика толокна.

Івашке Никитину семь чети съ осминою муки, четь безъ полчетверика крупъ, полтретья пуда соли, три четверика толокна.

Филке Микулаеву семь чети съ осминою муки, четь безъ полчетверика крупъ, полтретья пуда соли, три четверика толокна.

Івашке Колесникову семь чети съ осминою муки, четь безъ полчетверика крупъ, полтретья пуда соли, три четверика толокна.

Марчке Егупову восемь чети муки, четь крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Петрунке Ѳедорову четыре чети муки, осмина крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Савке Савелеву шесть чети муки, четь безъ полосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Захарке Спиридонову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Оске Өролову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Елке Яковлеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Мишке Григореву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Илюшке Иванову три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Ивашке Селиверстову шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, два четверика толокна.

Петрушке Аеонасеву шесть чети муки, четь безъ полуосмины крупъ, два пуда соли, три четверика толокна.

Микишке Яковлеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Васке Яковлеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Васке Иванову четыре чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Филке Андрѣеву четыре чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Сенке Тимоѣеву четыре чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Андрюшке Гаврилову четыре чети муки, осмина крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Өедке Скороходу три чети муки, три четверика крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Сенке Паренку три чети муки, три четверика крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Панке Өомину двѣ чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Гришке Михайлову три чети муки, три четверика крупъ, два пуда соли, полосмины толокна.

Воштарямъ:

Петрунке Иванову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Янке Ортемеvu пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Оске Дороеѣву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Самошке Павлову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Андрюшке Рыбкину пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Костюнке Григореву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Івашке Клевцу пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Гришке Григореву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Аеонке Григорьеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Стенке Михайлову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Івашке Моторину пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Гришке Семенову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Кондрашке Зезюлину пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Трошке Михайлову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Марчке Леонтьеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Мякишке Ѳедорову три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, полтора четверика толокна.

Ромашке Анисимову три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, полтора четверика толокна.

Левке Тарасову три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, полтора четверика толокна.

Ілюшке Исаеву три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, полтора четверика толокна.

Ѳедке Солодову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Івашке Степанову четыре чети муки, осмина крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Назарке Неедеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Купряшке Лукьянову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Матюшке Праху пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Нестерке Буданенку пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Луконке Костянтинову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Васке Малахову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Ісачке Троеимову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

- Янке Миронову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.
- Васке Кубышке пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.
- Макарке Тимоѣеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.
- Мирошке Самойлову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.
- Стенке Андрѣеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.
- Митке Плохому пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.
- Зинке Бочкареву три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.
- Андрюшке Колесникову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.
- Матюшке Ѳедорову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.
- Кормишке Иванову дѣѣ чети муки, полосмины крупъ, полпуда соли, четверикъ толокна.
- Аношке Яковлеву три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, полтора четверика толокна.
- Оске Ѳедорову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.
- Гришке Ѳедорову три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.
- Исачке Яковлеву три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, два четверика толокна.
- Ивашке Костянтинову три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.
- Ивашке Шаклѣю три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.
- Ивашке Леонтѣеву три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, два четверика толокна.
- Микитке Селиверстову четь съ осминою муки, полтора четверика крупъ, полпуда соли, четверикъ толокна.
- Тимошке Григорову три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.
- Аниске Данилову три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.
- Афонке Любимову три чети муки, два четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.
- Архишке Спиридонову три чети муки, два четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.
- Якушке Симонову три чети муки, два четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Еремке Бурковскому три чети муки, два четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Ивашке Исаеву три чети муки, три четверика крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Мурашкинскимъ казакомъ:

Ортюшке Тимоѳеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Емелке Степанову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Васке Солоду пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Тараске Кондратеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Пронке Дементьеву пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Оске Антонову пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Тимошке Волку пять чети муки, осмина съ четверикомъ крупъ, полтора пуда соли, полосмины толокна.

Конскому мастеру Ивашке Петрову двѣ чети муки, полосмины крупъ, соли пудъ, четверикъ толокна.

Всего четыремъ человѣкомъ дворяномъ пятьдесятъ чети муки, сорокъ чети овса; четыремъ человѣкомъ подячимъ сорокъ четыре чети муки, тридцать пять чети овса; девяти человѣкомъ поливачамъ девяносто чети муки, одиннатцать чети съ полуосминою крупъ, дватцать семь пудъ соли, четыре чети съ осминою толокна; осми человѣкомъ бочкарямъ осмьдесятъ одна четь муки, девять чети съ осминою крупъ, дватцать три пуда соли, четыре чети безъ четверика толокна; семи человѣкомъ колесникомъ шестьдесятъ шесть чети муки, восемь чети съ полуосминою крупъ, дватцать пудъ соли, три чети съ полуосминою и зъ четверикомъ толокна; четыремъ человѣкомъ кузнецомъ тридцать шесть чети муки, четыре чети съ осминою крупъ, одиннатцать пудъ соли, двѣ чети безъ четверика толокна; сту семидесять одному человѣку будникомъ тысяча пять сотъ семнатцать чети муки, сто осмьдесятъ девять чети безъ четверика крупъ, четыре ста шестьдесятъ два пуда соли, семдесятъ семь чети безъ четверика толокна; воштарямъ пятидесятъ тремъ человѣкомъ двѣсти дватцать одна чети съ осминою муки, дватцать семь чети съ полуторымъ четверикомъ крупъ, шестьдесятъ осмь пудъ соли, одиннатцать чети съ полуторымъ четверикомъ толокна; семи человѣкомъ казакомъ, да одному человѣку конскому мастеру—всего осми человѣкомъ—тридцать семь чети муки, четыре чети съ осминою и изъ четверикомъ крупъ, одиннатцать пудъ дватцать гривенокъ соли, двѣ чети безъ четверика толокна.

Всего дворяномъ и подячимъ и поливачамъ и бочкарямъ и колесникомъ и кузнецамъ и будникомъ и вопштарямъ и казакамъ к конскому мастеру въ расходъ хлѣбныхъ запасовъ декабря съ 1-го числа прошлого 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году двѣ тысячи сто сорокъ двѣ чети съ осминою муки, двѣсти пятьдесятъ четыре чети съ полуторымъ четверикомъ крупъ, сто три чети съ осминою и съ получетверикомъ толокна, шесть сотъ дватцать два пуда дватцать гривенокъ соли, семдесятъ пять чети овса.

Да на Арзамаскихъ же семи будныхъ станѣхъ наемнымъ работникомъ давано въ кормъ противъ прошлыхъ лѣтъ печенымъ хлѣбомъ, а хлѣба печено изъ чети муки по дватцати по шти караваевъ, а давано десяти человѣкомъ на недѣлю по дватцати караваевъ хлѣба, по три четверика съ третью сухарей, по четверику крупъ толокна, по томужъ по пяти гривенокъ соли. И тѣми наемными работниками четыре ста девяносто семью человѣки скормлено всякихъ хлѣбныхъ запасовъ марта съ 1-го числа 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году тысяча три ста шестьдесятъ одна чети съ четверикомъ муки, семь сотъ сорокъ шесть чети съ получетверикомъ сухарей, двѣсти дватцать три четверти съ полуторымъ четверикомъ і десятая доля четверика крупъ, двѣсти дватцать одна четь съ осминою і съ полуторымъ четверикомъ і десятая доля четверика толокна, двѣсти шестьдесятъ нудъ четырнатцать гривенокъ соли, да имъ же наемнымъ работникомъ въ расходъ на квасъ шестьдесятъ восемь чети съ полуосминою и зъ четверикомъ муки ржаные, да имижъ скормлено дватцать чети сметковъ, шестдесятъ семь пудъ тритцать семь гривенокъ съ полугривенкою ветчинного сала.

Да майданными работными лошедми скормлено тысяча девять сотъ восмдесятъ чети овса.

Всего въ расходъ на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ дворяномъ и подячимъ и поливачамъ и бочкарямъ и колесникомъ и кузнецамъ и будникомъ і вопштарямъ и казакомъ и конскому мастеру и наемнымъ работникомъ всякихъ хлѣбныхъ запасовъ и соли три тысячи пять сотъ семдесятъ двѣ чети муки, семь сотъ сорокъ шесть чети съ получетверикомъ сухарей, четыре ста семдесятъ семь чети съ полуосминою и зъ четверикомъ и десятая доля четверика крупъ, три ста дватцать пять чети съ полуосминою и десятая доля четверика толокна, восемь сотъ восмдесятъ два пуда тритцать четыре гривенки соли и съ тѣмъ, которая осталась у прошлого 187-го году во 188-й годъ шесть сотъ семдесятъ четыре пуда по ценѣ на сорокъ на три рубли на дватцать на семь алтынъ, и тѣ денги положены на поташъ, которой дѣланъ въ прошломъ во 188-мъ і нынешнемъ во 189-мъ годѣхъ.

Да въ жалованьежъ дворяномъ і подячимъ дано і работными лошедми скормлено двѣ тысячи пятдесятъ пять чети овса.

И тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ для поташной смѣты положена цена по Арзамаской ценѣ по скаске за рукою Арзамаскаго таможенного головы Фединъ Перетрутова съ товарищи: за муку за четь по пяти алтынъ,

итого пять сотъ тритцать шесть рублевъ осмнатцать алтынъ двѣ денги; за сухари за четь по два алтына по три денги, итого пятьдесятъ пять рублевъ тритцать одинъ алтынъ полпяты денги съ полуторою морткою; за крупы и за толокно за четь по осми алтынъ, итого сто девяносто два рубли деветь алтынъ зъ денгою; за овесъ за четь по четыре алтына, итого двѣсти сорокъ шесть рублевъ дватцать алтынъ; за снетки за четь по рублю, итого дватцать рублевъ.

А за провозъ тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ положено за муку и за крупы и за толокно за четь по алтыну, а за сухари и за овесъ за четь по три денги, а за молотую за рожь по четыре денги за четь, итого двѣсти тритцать шесть рублевъ четырнатцать алтынъ полторы денги съ морткою.

Да на тѣхъ же Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ было четырнатцать человекъ целовалниковъ, подмоги имъ положено противъ прошлыхъ лѣтъ, какъ было кладено на Сергацкихъ будныхъ станѣхъ, по два рубли человекъ, итого дватцать осмь рублевъ. Да прислано было съ Алатора, съ Лыскова, съ Мурашкина, съ Терюшева съ Красноселской волости сто десять человекъ косцовъ, за работу имъ положено противъ прошлыхъ лѣтъ по рублю по шти алтынъ по четыре денги человекъ. И исъ того числа тѣ косцы многие бѣгали, и кромѣ тѣхъ бѣглыхъ прогульныхъ дней за работу имъ косцомъ, что заработалъ, положено девяносто осмь рублевъ, а не заработали тритцети четырехъ рублевъ, и тѣ денги тритцать четыре рубли на поташъ не положены.

Да въ прошломъ во 188-мъ году на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ было остаточной золы двѣ тысячи осмь сотъ чети по ценѣ на осмьдесятъ на четыре рубли. Да остаточныхъ дровъ тысяча четыре ста девяносто одна сажень по ценѣ на двѣсти на девяносто на осмь рублевъ на шесть алтынъ на четыре денги. И тѣ денги въ прошломъ во 188-мъ году на поташъ не положены, а положены на поташъ въ нынешнемъ во 189-мъ году для того, что въ той золѣ и дровехъ поташъ дѣланъ въ прошломъ во 188-мъ и нынешнемъ во 189-мъ годѣхъ.

Всего въ расходъ денежныя казны на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ дворяномъ и подячимъ и поливочамъ и будникомъ и всякимъ мастеровымъ людямъ и наемнымъ работникомъ и за желѣза и за укладъ и на всякые мѣлкые расходы и за всякые хлѣбные запасы и за остаточную соль и за снетки и за ветчинное сало и заготовленные золу и дрова, которая зола и дрова готовлены въ прошломъ во 188-мъ году, и косцамъ за работу и целовалникомъ подмоги четыре тысячи семь сотъ осмьдесятъ одинъ рубль тритцать алтынъ полпяты денги съ полуморткою. И исъ того расходу изъ четырехъ тысячъ изъ семи сотъ изъ осмидесятъ изъ одного рубля изъ тритцати алтынъ и съ полпяты денги съ полуморткою выложено за остаточную соль за четыре ста за три пуда за дватцать за три гривенки по два алтына по двѣ денги за пудъ—итого дватцать осмь рублевъ осмь алтынъ полтрети денги.

Да на тѣхже будныхъ станѣхъ будники и наемные работники изготовили къ нынешнему ко 189-му году за тѣмижъ расходы двѣ тысячи девятсотъ восемьдесятъ двѣ чети безъ полуосмины золы, цена положена за четь по алтыну, итого восмдесятъ девять рублей пятнатцать алтынъ съ полуденгою; двѣ тысячи девяноста три сажени съ четію дровъ, цена положена по шти алтынъ по четыре денги за сажень, итого четыре ста оснатцать рублей дватцать одинъ алтынъ четыре денги. И тѣ денги на поташъ не положены и изъ росходу выняты для того, что въ той золѣ и дровехъ поташъ стануть дѣлать въ нынешнемъ во 189-мъ году, и тѣ денги на тотъ поташъ и положены будутъ.

Да съ Арзамаскихъ же будныхъ становъ, которые наемные работники въ прошломъ во 188-мъ и нынешнемъ во 189-мъ годѣхъ въ розныхъ мѣсяцѣхъ и числехъ прогуляли многіе недѣли и дни, и за тѣ прогульные недѣли и дни довелось на нихъ денегъ взять сорокъ четыре рубли дватцать одинъ алтынъ зъ денгою безъ полумортки, и тѣ денги изъ росходу выложеныжъ.

Всего изъ росходу выложено за остаточную соль и заготовленную золу и за дрова и за прогульные недѣли пять сотъ восемьдесятъ рублей трицать два алтына полшесты денги съ полторою морткою, а на поташъ положено денежные казны четыре тысячи двѣсти рублей трицать одинъ алтынъ съ полуденгою и съ морткою.

И за тою денежною казною и за хлѣбными запасы и за всякими росходы здѣлано на Арзамаскихъ семи будныхъ станѣхъ поташу семь сотъ три бочки, а по терезовому вѣсу поташу дватцать двѣ тысячи семь сотъ семь пудъ три чети, дерева въ бочкахъ двѣ тысячи сто девять пудъ. Итого поташу въ дѣле ценою на мѣсте имется дватцать двѣ тысячи семь сотъ семь пудъ три чети по шти алтынъ зъ денгою пудъ, а берковцами двѣ тысячи двѣсти семдесятъ берковцовъ семь пудъ три чети по рублю по дватцеть по осми алтынъ по две денги берковецъ.

Да въ нынешнемъ во 189-мъ году генваря въ 29 день по указу великого государя прислано съ Москвы денежные казны изъ иноземского приказу съ подячимъ съ Васильемъ Нечаевымъ на поташной и смолчужной провозъ и мастеровымъ людемъ на жалованье и на наемъ работныхъ людей и на всякие росходы четыре тысячи девять сотъ девяносто восемь рублей. И той денежной казнѣ росходъ: въ нынешнемъ во 189-мъ году въ розныхъ числехъ того поташу отпущено на Вологду на наемныхъ подводахъ четыре ста шестьдесятъ шесть бочекъ, а въ нихъ поташу безъ дерева четырнатцать тысячъ девять сотъ сорокъ шесть пудъ одна четь, а берковцами тысяча четыре ста девяноста четыре берковца шесть пудъ одна четь, да дерева въ тѣхъ въ четырехстахъ во штидесяти во шти бочкахъ тысяча триста девяноста восемь пудъ, провозу да во до Вологды съ того поташу по десяти денегъ съ пуда, итого семь сотъ сорокъ семь рублей десять алтынъ полтрети денги, да зъ дерева съ тысячи съ трехсотъ зъ девяноста съ осми пудъ по десятижъ денегъ

съ пуда, итого шестьдесят девять рублевъ тритцать алтынъ; всего съ поташу и зъ деревомъ съ шеснатцети тысячъ съ трехсотъ съ сорока съ четырехъ пудъ съ одной чети провозу до Вологды дано восемь сотъ семнатцать рублевъ семь алтынъ съ полуденгою. И съ тѣми провозными денгами, и что дано провозу изъ дерева, имется пудъ поташу безъ дерева на Вологде—тринатцать тысячъ девятсотъ восемьдесятъ пудъ—по осми алтынъ, а берковцами—тысеча три ста девяносто восемь берковцовъ—по два рубли по тринатцети алтынъ по две денги берковецъ, девять сотъ шестьдесятъ шесть пудъ одна четъ по семи алтынъ по пяти денегъ пудъ, а берковцами—девяносто шесть берковцовъ шесть пудъ одна четъ—по два рубли по одиннатцети алтынъ по четыре денги берковецъ.

А въ дѣле тотъ поташъ и съ провозомъ на Вологде сталь три тысячи пятсотъ восемьдесятъ два рубли восемь алтынъ полшесты денги съ морткою.

Да на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ въ остаткахъ двѣсти тритцать семь бочекъ, а въ нихъ поташу въ терезовой вѣсь безъ дерева семь тысячъ семь сотъ шестьдесятъ одинъ пудъ двѣ чети, а берковцами семь сотъ семдесятъ шесть берковцовъ одинъ пудъ двѣ чети, а зъ деревомъ восемь тысячъ четыре ста семдесятъ два пуда двѣ чети, а берковцами восемь сотъ сорокъ семь берковцовъ два пуда двѣ чети. А какъ тотъ поташъ отпущенъ будетъ на Вологду во 190-мъ году и почему съ пуда дано будетъ провозу, и тотъ провозъ написанъ будетъ въ смѣтныхъ книгахъ во 190-мъ году.

Всего на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ здѣлано поташу семь сотъ три бочки, а въ нихъ поташу въ терезовой вѣсь безъ дерева дватцать двѣ тысячи семь сотъ семь пудъ три чети, а берковцами двѣ тысячи двѣсти семдесятъ берковцовъ семь пудъ три чети.

Да въ нынешнемъ же во 189-мъ году по указу великого государя взято въ Арзамаскомъ уѣзде на будныхъ станѣхъ гостя Семена Свѣрчкова осмыхъ бочекъ сорокъ три бочки, а въ нихъ поташу въ терезовой вѣсь безъ дерева тысеча двѣсти сорокъ семь пудъ одна четъ, а берковцами сто дватцать четыре берковца семь пудъ одна четъ, а зъ деревомъ тысеча три ста семдесятъ шесть пудъ одна четъ, а берковцами сто тритцать семь берковцовъ шесть пудъ одна четъ. И тотъ поташъ ныне на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ потому, что до Вологды которые подрядчики были подражены, и по скаске тѣхъ подрядчиковъ извошиковъ подъ тотъ поташъ нанять не сыскано.

Да съ тѣхъ же будныхъ становъ взято осмыхъ же дватцать три бочки смолчюги по терезовому вѣсу зъ деревомъ пятсотъ девяносто девять пудъ одна четъ, а берковцами пятдесятъ девять берковцовъ девять пудъ одна четъ. И тотъ смолчюгъ отпущенъ на Вологду на наемныхъ подводахъ, провозу до Вологды дано и зъ деревомъ по десяти денегъ съ нуда, итого дватцать девять рублевъ тритцать три алтына съ полуденгою.

Всего въ расходъ на поташной и смолчюжной провозъ денежные казны, что прислано съ Москвы изъ иноземского приказа съ подячимъ съ

Васильемъ Нечаевымъ, восемь сотъ сорокъ семь рублевъ шесть алтынъ пять денегъ, а за тѣмъ въ остаткахъ четыре тысячи сто пятьдесятъ рублевъ дватцать шесть алтынъ три денги.

Дано въ заемъ на Арзамаскіе будные станы стряпчего съ ключемъ Михайла Тимоѣевича Лихачева хлѣбныхъ запасовъ: сто пятьдесятъ одна четь съ полуосминою муки ржаные, дватцать восемь чети крупъ, сорокъ три чети съ полуосминою сухарей, пятьдесятъ шесть чети овса, шесть чети толокна, пятьдесятъ шесть пудъ соли. И въ нынешнемъ во 189-мъ году по указу великого государя по грамоте изъ хлѣбного приказу за приписью дьяка Семена Струкова, по челобитью стряпчего съ ключемъ Михайла Тимоѣевича Лихачева, тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ имать съ него не велено и въ расходныхъ книгахъ подъ тою дачею велено очистить имянно, и тѣ хлѣбные запасы и соль на поташъ не положены.

Да по указужъ великого государя по грамоте изъ приказу большого дворца, которая прислана въ прошломъ во 188-мъ году за приписью дьяка Василя Кипреянова, дано съ Арзамаскихъ же будныхъ становъ Арзамаского уѣзду села Нового Воскресенского, что построено у новокрещенныхъ, попомъ и съ причетники церковными: попу Петру Никитину девятнадцать чети безъ полуосмины муки, пятнадцать чети овса, пять чети крупъ овсяныхъ; попу Теообилакту Лаврентьеву девятнадцать чети безъ полуосмины муки, пятнадцать чети овса, пять чети крупъ овсяныхъ; дьячку Сенке Иванову шесть чети съ полуосминою муки, пять чети овса, двѣ чети крупъ; понамарю Ганке Федорову семь чети съ осминою муки, шесть чети овса, четверть крупъ; просвирне семь чети съ осминою муки, шесть чети овса, четверть крупъ. А дано имъ мукою и съ примоломъ для того, что на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ ржи нѣтъ, и тѣ хлѣбные запасы на поташъ не положеныжъ.

Да въ нынешнемъ во 189-мъ году въ Арзамаскомъ уѣзде въ мордовскихъ лесахъ заведены вновь на поташное дѣло два будные станы, а мастеровые люди на тѣ будные станы переведены съ Сергацкихъ будныхъ становъ съ Можаровского да зъ Березовского, и въ нынешнее лѣто поташъ стануть дѣлать въ Арзамаскомъ уѣзде на девяти будныхъ станѣхъ.

А на прежнихъ семи будныхъ станѣхъ въ остаткахъ хлѣбныхъ запасовъ въ нынешней во 189-й годъ: тысяча пять сотъ восемьдесятъ одна четь съ полуосминою и зъ четверикомъ и малъ четверикъ муки ржаные, пятсотъ четырнадцать чети съ полуосминою и съ полчетверикомъ и третъ четверика сухарей, двѣсти восемьдесятъ чети съ полчетверикомъ и малъ четверикъ и четыре десятыхъ доль четверика крупъ, шесть сотъ тридцать чети безъ полчетверика и двѣ десятыхъ доль четверика толокна, тысяча четыре ста тридцать семь чети безъ полуосмины овса, четыре ста три пуда дватцать три гривенки соли.

И къ тѣмъ остаточнымъ хлѣбнымъ запасомъ надобно въ прибавку хлѣбныхъ запасовъ на девять будныхъ становъ: шесть тысячъ чети му-

ки ржаные, тысяча триста чети сухарей, семь сотъ чети крупъ овсяныхъ, пять сотъ пятьдесятъ чети толокна, шесть тысячъ семдесятъ пять чети овса.

Да на тѣжъ будные стапы надобно къ приему и къ роздаче хлѣбныхъ запасовъ і всякихъ заводовъ осмнатцать человекъ целовалниковъ, да къ сенокосному времени надобно сто пятьдесятъ человекъ косцовъ, да работныхъ лошадей къ прежнимъ къ дву стамъ къ тридцети къ тремъ лошадямъ надобно въ прибавку девяносто семь лошадей.

Справиль Алешка Юдинъ.

Книги имянные наемнымъ работнымъ людямъ, которые наняты въ Арзамаскомъ уѣзде і въ Терюшевской волости помѣщиковы и вотчинниковы крестьяня и бортники и Мордва на Арзамаские будные стапы, вмѣсто Галицкихъ работниковъ, марта съ 1-го числа 188-го году декабра по 1-е число нынешнего 189-го году, и которые по указу великого государя присланы были изъ Терюшевской волости съ вытей, а кто ияны і которыхъ сель і деревень, і что кому найму дано, і то писано ниже сего:

А р з а м а с к о г о у ѣ з д у:

Деревни Оторуской: Петрушка Сергѣевъ, Учка Сараевъ, Тиртюшка Кондратовъ, Пакстанка Тогаевъ, Сенка Первовъ, Мирдюшка Келгушовъ, Томилка Сараевъ, Невѣрка Чиндясовъ, Ондронка Итмановъ, Якушка Григорьевъ, Максимка Бажновъ, Болрка Дмитреевъ, Плакидка Нуштаевъ, Игнашка Семеновъ.

Деревни Тоторшевы: Сенка Васильевъ, Ганка Сатушовъ, Ларка Ивановъ, Начарка Савельевъ, Захарка Янгутинъ, Гараска Четвертковъ, Дурнашка Имѣевъ, Старко Смолинъ, Русайка Савельевъ, Москайка Оноереевъ, Стенка Ивановъ, Кормишка Невѣровъ, Грибанка Любимовъ, Бориска Микиѳоровъ, Карпунка Семеновъ, Сенка Сустатовъ, Алешка Ѳедоровъ, Колонска Арзюковъ, Буянка Годаевъ, Виртянка Гуляевъ, Івашка Максимовъ, Пронка Карповъ, Ортюшка Борисовъ, Нехорошка Дмитреевъ.

Деревни Новаго Иванцова: Санчайка Акулаевъ, Ѳотѣйка Поткаевъ, Салтанка Тарщаевъ, Ілюшка Бурнаевъ.

Деревни Истрияновы: Нуякшка Атюшовъ, Арютка Потѣхинъ, Ушмайка Атюшовъ, Катраска Кадышовъ, Тремаска Сулдяевъ, Кулатка Тимоѳевъ.

Деревни Ордатовы: Стенка Михайловъ, Кежунка Кошаевъ, Куземка Ѳоминъ, Стенка Макаровъ, Тимошка Василевъ, Войка Арзама-

совъ, Игошка Трифоновъ, Наумка Марковъ, Нехорошка Атюшовъ, Назарка Плакидинъ, Івашка Ѳедоровъ, Сенка Меркульевъ, Ганка Никоновъ.

Деревни Миякушъ: Пакстанка Семеновъ, Ганка Григоревъ, Родка Надѣжинъ, Ѳедка Торѣевъ.

Деревни Хирины: Прохорка Михайловъ.

Деревни Сыресевы: Сенка Григоревъ, Сергунка Тумаевъ, Чекайка Ермольевъ, Спирка Сатушовъ, Гараска Пороватовъ, Ганка Рузановъ, Івашка Надѣжинъ, Чекайка Степановъ, Ѳедка Григорьевъ.

Деревни Погибловы: Сидорка Анисимовъ, Лупка Логиновъ, Лифанка Марковъ, Івашка Кириловъ.

Деревни Оетодѣвы: Якушка Кучкаевъ, Тимошка Архиповъ, Івашка Филиповъ, Карпунка Онисимовъ, Бориска Аеонасевъ, Володка Ивановъ, Сичка Сергѣевъ, Івашка Архиповъ.

Деревни Старого Череватова: Костка Ильинъ, Ѳролка Ѳедоровъ, Поздячко Ильинъ, Ширияка Никитинъ, Потѣшка Келдюшовъ, Марчка Степановъ, Невѣрка Яковлевъ.

Деревни Старого Іванцова: Первѣшка Ивановъ, Бурнаяка Сатушовъ.

Деревни Атингѣвы: Жадѣйка Милошовъ, Ошайка Налетевъ.

Деревни Кузятovy: Кистанка Надѣжинъ, Любимка Безсоновъ.

Деревни Кевлѣи: Силантейка Никитинъ.

Деревни Ромазлѣи: Кондрашка Ивановъ, Аеопка Филипьевъ, Івашка Филипьевъ.

Деревни Ревезени: Пьянска Семеновъ.

Деревни Сычесевы: Овдокимка Пуресевъ, Пятунка Видяевъ.

Деревни Гарей: Пьянска Чиндяевъ.

Деревни Нового Череватова: Данилка Миловановъ, Русайка Видяевъ.

Деревни Личадѣвы: Ѳедка Ворохинъ.

Деревни Старыхъ Пичигушъ: Урняяка Канесевъ.

Деревни Кардавили: Бурнаяка Виртяновъ.

Деревни Крапивки: Мишка Богдановъ.

Деревни Кокины: Потѣшка Енгилдѣевъ, Аристка Велдемановъ.

Деревни Тюгелевы: Пуреска Одмаевъ.

Деревни Великого Врага: Кирдянка Ждановъ, Уздяйка Серовъ.

Стольника Калины Григорева сына Благова деревни Кудлѣйки крестьяня: Савка Ѳедотовъ, Тимошка Ильинъ, Васка Игнатевъ, Емелка Ѳедотовъ, Карпунка Игнатьевъ.

Стряпчего Григоревы крестьяня Юрева сына Агарева села Трехсвятцкого, Поляна тожъ: Обрамка Сергѣевъ, Стенка Ермольевъ, Якушка Ивановъ, Ларка Васильевъ.

Князя Михайла Яковлевича Черкаского крестьяня села Мелчюги: Оска Троеимовъ, Івашка Семеновъ, Кузка Аникиевъ, Васка Савельевъ, Микитка Андрѣевъ, Оска Ивановъ, Івашка Романовъ, Івашка Борисовъ,

Филка Ермольевъ. Деревни Березовки: Микитка Кириловъ, Івашка Лаврентьевъ, Якушка Захаровъ, Андрюшка Івановъ, Луконка Павловъ, Андрюшка Ильинъ, Трошка Яковлевъ, Тишка Кириловъ, Спирка Микиеоровъ, Селиванка Торховъ, Андрюшка Івановъ, Тимошка Івановъ, Луконка Павловъ.

Околничего Григоря Никиеоревича Собакина села Круглого крестьянинъ Івашка Івановъ.

Вдовы Оедоры Борисовы, дочери Семеновской, жены Соловцова деревни Лимети крестьяня: Якушка Тимоѳевъ, Данилка Степановъ.

Стольника Михайловы крестьяня Василева сына Собакина села Круглого: Оношка Івановъ, Ганка Григорьевъ.

Алексѳевъ крестьянинъ Іванова сына Муханова села Хохлова Ігнашка Степановъ.

Осиповы крестьяня Семенова сына Любятинского: села Исупова Гараска Григорьевъ, деревни Немыхъ Аеонка Панкратовъ.

Стольника князь Степановы крестьяня князь Василева сына Ромодановского деревни Липовки: Лазарка Аристовъ, Сенка Борисовъ, Андрюшка Родионовъ.

Арзамаскихъ будныхъ становъ бобыли: Сергунка Макаровъ, Івашка Васильевъ, Івашка Семеновъ, Ілюшка Івановъ.

Терюшевской волости:

Деревни Бакшѳевы: Івашка Тимоѳевъ, Зинка Тимоѳевъ, Васка Сергѳевъ, Кирюшка Оатѳевъ, Спирка Прокоѳевъ, Мишка Аеонасевъ, Марчка Василевъ, Тонгушка Келдюшовъ, Андрюшка Тонгаевъ, Дунайка Шешуковъ, Чинайка Келгушовъ.

Деревни Кажлѳйки: Митрошка Чарамасовъ, Танчарка Тотушкинъ, Старко Чарамасовъ, Сыскетка Григоренъ, Кедярка Івановъ, Чинайка Симоновъ.

Деревни Татарской: Матюшка Кузминъ, Митряшка Воргодиевъ, Малютка Баюшовъ.

Деревни Макрашъ: Кручинка Інжаевъ, Костяйка Череватовъ, Вечкунка Кобаевъ, Ветчайка Богдановъ, Дунайка Кобаевъ, Петрушка Сараевъ, Ушмонка Рузановъ.

Деревни Новаго Борцова: Аеонка Сайгушовъ, Кудайка Івановъ, Нуятка Івановъ, Якушка Андрѳевъ, Оношка Микиеоровъ, Оедка Степановъ, Макарка Степановъ, Луконка Савелевъ, Пронка Микиеоровъ, Тонсарка Василевъ, Москайка Рузановъ, Климка Петровъ, Андрюшка Васильевъ, Інжайка Івановъ, Костяйка Череватовъ, Аеонка Череватовъ, Рузанка Овдѳевъ.

Деревни Сятлѳи: Пичайка Пурковъ, Оедка Матѳевъ.

Села Терюшева: Якушка Василевъ, Сенка Степановъ, Матюшка Филиповъ, Панка Павловъ, Невѳрка Кузминъ, Андрюшка Тогинъ, Сенка Оедоровъ, Савка Алексѳевъ, Оеоктистка Даниловъ, Аеонка Трионовъ, Івашка Степановъ.

Деревни Кудрины: Сатушка Кочюнинъ.

Деревни Кожутки: Атемаска Тотаевъ.

Деревни Малаго Терюшева: Ортиюшка Келгушовъ.

Деревни Чертовки: Кирюшка Канесевъ.

Деревни Романихи: Сенка Первовъ, Аеонка Кожайковъ, Алешка Кузминъ.

Деревни Литюшихи: Ивашка Нестеровъ.

Деревни Кривуши: Велдяка Мелцуковъ, Типка Скворцовъ, Матюшка Павловъ, Потъшка Симоновъ, Арзамаска Череватовъ, Кожайка Велдяевъ, Сенка Ермолевъ.

Деревни Инелъи: Нуютка Богдановъ.

Деревни Новаго Тепелева: Васка Ивановъ, Нуйка Ивановъ, Данилка Ивановъ, Якушка Велдяевъ, Ларка Петровъ.

Деревни Кужадона: Сергунка Григоревъ, Аеонка Старунинъ.

Деревни Зубанихи: Овечка Чарунинъ.

Деревни Березнико въ: Сенка Ороловъ, Максимка Нестеровъ, Сенка Захаровъ, Сенка Ивановъ, Ивашка Микитинъ, Ѳедка Тимоѳеевъ, Микитка Лукьяновъ, Ларка Семеновъ, Ивашка Ларионовъ, Ивашка Виртяновъ.

Всего двѣсти пятьдесятъ шесть человекъ, и въ томъ числѣ найму имъ дано, дву стамъ пятидесятъ четыремъ человекомъ, по два рубли по осми алтынъ по две денги человеку, а дву человекомъ Арзамаского уѣзду деревни Великого Врагу, Кирдянке Жданову да Уздяйке Серову, по два рубли по пять алтынъ человеку; всего найму имъ дано пятсотъ семдесятъ пять рублей дватцать шесть алтынъ четыре денги, а работали тѣ наемные работники на будныхъ станѣхъ до отстою сполна.

Арзамасного уѣзду:

Стольника князь Степановы крестьяня князь Василева сына Ромодановского деревни Липовки: Якушка Лазаревъ, Левка Ананинъ, Кондрашка Григоревъ, Гришка Еетиеѳевъ, Васка Елистратовъ, Ивашка Игнатевъ, Стенка Ивановъ, Левка Андрѳевъ, Ѳедка Говриловъ.

Стольника Калины Григорева сына Благова крестьянинъ деревни Кудлейки Васка Игнатевъ.

Стряпчего Григоря Юрева сына Агарева села Трехсвятцкого, Поляна тожъ, крестьяня: Ѳедка Микиѳоровъ, Обращка Аеонасевъ, Ларка Василевъ.

Вдовы Ѳедоры Борисовы, дочери Семеновской, жены Соловцова деревни Лимети крестьянинъ Матюшка Лаврентьевъ.

Стольника Михайловъ крестьянинъ Василева сына Собакина села Круглого Васка Исаевъ.

Князя Михайла Яковлевича Черкасского деревни Голяткины крестьянинъ Сергунка Васильевъ.

Матвѳевы крестьяня Григорева сына Прокудина села Нучи: Андрушка Алексѳевъ, Карлунка Захаровъ.

Ивановы крестьяня Семенова сына Соловцова деревни Лимети: Данилка Максимовъ, Савка Макаровъ, Игошка Игнатьевъ.

Стольника Михайловъ крестьянинъ Ѳедорова сына Аргамачева села Нучи Панка Ѳоминъ.

Богдановы крестьяня Семенова сына Соловцова деревни Лимети: Мокѣйка Андрѣевъ, Сенка Мартыновъ.

Деревни Великого Врага: Станко Рузановъ.

Деревни Крапивки: Ордатка Ермаковъ.

Деревни Новой Ѳторуской: Бажѣйка Игнатьевъ, Вошайка Невѣровъ, Тишка Чекаевъ.

Деревни Атемасовы: Смирка Пятунинъ, Ѳомка Дѣевъ, Жадайка Павловъ.

Деревни Кардавили: Митка Мурзинъ.

Деревни Малаго Макотелему: Назарка Адрѣевъ.

Деревни Болшаго Макотелему: Петрунка Авресеви.

Деревни Старой Ѳторуской: Видка Сидоровъ, Жадѣйка Семеновъ, Тотайка Виртяновъ.

Деревни Тоторшевы: Панкрашка Созоновъ.

Деревни Тараталѣи: Ортиушка Остаевъ.

Деревни Ромазлѣи: Юдка Ѳедоровъ, Ѳедка Оноериеви.

Деревни Стараго Череватова: Пронка Анисимовъ.

Арзамаскихъ будныхъ становъ бобыли: Якимка Савельевъ, Ивашка Тычинка, Максимка Ѳедоровъ, Мишка Тихановъ.

Всего сорокъ семь человекъ, найму имъ дано сороку шти человекъ по два рубли, да одному человекъ деревни Стараго Череватова Пронке Анисимову рубль дватцать пять алтынъ, всего найму имъ дано девяносто три рубли дватцать пять алтынъ, а работали тѣ наемные работники на будныхъ станѣхъ до отстою сполнажъ.

А р з а м а с н о г о у ѣ з д у:

Деревни Кузятovy: Оска Ивановъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли четыре алтына три денги безъ полумортки, прогулялъ двѣ недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять три алтына пять денегъ съ полуморткою.

Деревни Тоторшевы: Нехорошка Дмитрееви—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль три алтына съ полуденгою и съ морткою, прогулялъ дватцать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль пять алтынъ зъ денгою и съ морткою.

Афонка Даниловъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль одинъ алтынъ зъ денгою и съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ дватцать одну недѣлю, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль семь алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою.

Жданка Салтановъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Тимошка Яковлевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ морткою.

Филка Ивановъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Емелка Яковлевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли одинъ алтынъ полчетверты денги съ полполуморткою, прогулялъ полчетверты недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ полпяты денги безъ полполумортки.

Емелка Наляшовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Видайка Моисѣевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Игошка Рязановъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Ивашка Петровъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль девятнатцать алтынъ три денги съ полполуморткою, прогулялъ одиннатцать недѣль съ полунедѣлею, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять дватцать два алтына зъ денгою безъ полполумортки.

Гуляйка Бажновъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать одинъ алтынъ полтретьи денги съ полполуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ десеть недѣль съ полунедѣлею, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять дватцать алтынъ зъ денгою и съ полторою морткою и съ полполуморткою.

Захарка Любимовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать семь алтынъ зъ денгою и съ

морткою и съ полполлуморткою, прогуляя полосу недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять четырнадцать алтынъ полтрети денги съ морткою безъ полполлумортки.

Видѣйка Симдяновъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогуляя четыре недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ морткою.

Симонка Ивановъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ дватцать одинъ алтынъ съ морткою, прогуляя дватцать восемь недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль дватцать алтынъ полчетверты денги съ морткою.

Богдашка Бажновъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль десять алтынъ пять денегъ, прогуляя шестнадцать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять тридцать алтынъ пять денегъ.

Деревни Оетодѣвы: Брошка Ивановъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль пять алтынъ двѣ денги съ морткою и съ поллуморткою, прогуляя девятнадцать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль два алтына полшесты денги съ полуморткою и съ поллуморткою.

Труска Надѣшинъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль пять алтынъ двѣ денги съ морткою и съ поллуморткою, прогуляя девятнадцать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль два алтына полшесты денги съ полуморткою и съ поллуморткою.

Алешка Онисимовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тридцать два алтына съ полуморткою и съ поллуморткою, прогуляя пять недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять девять алтынъ полчетверты денги съ морткою и съ поллуморткою.

Мирдюшка Савелевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тридцать одинъ алтынъ съ полторою морткою и съ полполлуморткою, прогуляя полшесты недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять десять алтынъ полчетверты денги съ поллуморткою и съ полполлуморткою.

Кузмишка Семеновъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли одинъ алтынъ полчетверты денги съ полполлуморткою, прогуляя полчетверты недѣли, довелось на немъ за прогульные недѣли денегъ взять шесть алтынъ полпяты денги безъ полполлумортки.

Деревни Сыресеы: Оска Екимовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ девятнадцать алтынъ полтрети денги съ полуморткою и съ поллуморткою, прогуляя дватцать девять недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль дватцать два алтына зъ денгою и съ морткою и съ поллуморткою.

Мамайка Остаеѣвъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли пять алтынъ полтрети денги съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ полторы недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять два алтына пять денегъ съ морткою и съ полполуморткою и съ полполуморткою.

Еетинѣйка Максимовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли шесть алтынъ полтрети денги безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогульную недѣлю довелось на немъ денегъ взять одинъ алтынъ полшесты денги съ полполуморткою.

Панка Дементьевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли семь алтынъ двѣ денги съ морткою безъ полполумортки, прогулялъ полнедѣли, за прогульные дни довелось на немъ денегъ взять полшесты денги съ морткою и съ полполуморткою.

Ивашка Марковъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли шесть алтынъ полтрети денги безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогульную недѣлю довелось на немъ денегъ взять одинъ алтынъ полшесты денги съ полполуморткою.

Стенка Дмитреевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ дватцать четыре алтына полшесты денги безъ полумортки, прогулялъ дватцать шесть недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль шеснатцать алтынъ полпяты денги съ полуморткою.

Федка Федотовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ морткою.

Деревни Новаго Череватова: Сергунка Кучаевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать три алтына безъ полполумортки, прогулялъ полпяты недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять алтынъ четыре денги съ полполуморткою.

Деревни Личадѣвы: Алешка Ивановъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, на будныхъ станѣхъ не объявлялся и ничего не работалъ, наемные денги два рубли восемь алтынъ двѣ денги довелись на немъ взять сполна.

Любимка Ворохинъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать два алтына съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ пять недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять девять алтынъ полчетверты денги съ морткою и съ полполуморткою.

Буянка Нехорошевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ морткою.

Исайка Нагаевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать алтынъ съ полуденгою и съ полуморткою, прогулялъ шесть недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять одиннатцать алтынъ три денги съ полуторою морткою.

Ивашка Ивановъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать шесть алтынъ полторы денги, прогулялъ восемь недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять пятнатцать алтынъ полтрети денги.

Селуянка Нехорошевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать девять алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полсеми недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять двенатцать алтынъ три денги съ полуморткою и съ полполполуморткою.

Атяшка Бигутинъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать два алтына съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ пять недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять девять алтынъ полчетверты денги съ морткою и съ полполуморткою.

Деревни Ризодѣвы: Кормишка Сустатовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать алтынъ съ полуденгою и съ полуморткою, прогулялъ шесть недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять одиннатцать алтынъ три денги съ полуторою морткою.

Бориска Девятовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать два алтына двѣ денги съ полуторою морткою, прогулялъ десеть недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять девятнатцать алтынъ полторы денги съ полуморткою.

Надѣжка Люпинъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать пять алтынъ полторы денги съ морткою безъ полполполумортки, прогулялъ полдевяти недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять шеснатцать алтынъ двѣ денги съ морткою и съ полполполуморткою.

Родка Исаковъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать алтынъ съ полуденгою и съ полуморткою, прогулялъ шесть недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять одиннатцать алтынъ три денги съ полуторою морткою.

Володка Янгутинъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать алтынъ съ полуденгою и съ полуморткою, прогулялъ шесть недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять одиннатцать алтынъ три денги съ полуторою морткою.

Ортюшка Мемешевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать алтынъ полтрети денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ одиннатцать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять дватцать одинъ алтынъ зъ денгою и съ полуморткою и съ полполуморткою.

Ченбулатка Жадаевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать алтынъ съ полуденгою и съ полуморткою, прогулялъ шесть недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять одиннатцать алтынъ три денги съ полуторою морткою.

Родка Кечексановъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать девять алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полсемь недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять двенатцать алтынъ три денги съ полуморткою и съ полполполуморткою.

Потѣшка Кенердясевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать девять алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полсемь недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять двенатцать алтынъ три денги съ полуморткою и съ полполполуморткою.

Кручинка Аeonасевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать девять алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полсемь недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять двенатцать алтынъ три денги съ полуморткою и съ полполполуморткою.

Гараска Чекаевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ морткою.

Потапка Мамлѣевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать девять алтынъ съ полуденгою и съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полсемь недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять двенатцать алтынъ три денги съ полуморткою и съ полполполуморткою.

Ортюшка Захаровъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать два алтына съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ пять недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять девять алтынъ полчетверты денги съ морткою и съ полполуморткою.

Кечаска Ждановъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ тритцать два алтына полчетверты денги съ полуморткою, прогулялъ дватцать двѣ недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль девять алтынъ съ полуторою морткою.

Видайка Тумаевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать два алтына съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ пять недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять девять алтынъ полчетверты денги съ морткою и съ полполуморткою.

Аeonка Любимовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли четыре алтына три денги безъ полумортки, прогулялъ двѣ недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять три алтына пять денегъ съ полуморткою.

Петрушка Аеонасевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ морткою.

Еремка Семеновъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли пять алтынъ полтрети денги съ полуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полторы недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять два алтына пять денегъ съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою.

Деревни Кулѣи: Буянка Еушовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли одинъ алтынъ полчетверты денги съ полполполуморткою, прогулялъ полчетверты недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ полпяты денги безъ полполполумортки.

Якушка Мамоновъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли одинъ алтынъ полчетверты денги съ полполполуморткою, прогулялъ полчетверты недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ полпяты денги безъ полполполумортки.

Захарка Ѳедоровъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли одинъ алтынъ полчетверты денги съ полполполуморткою, прогулялъ полчетверты недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ полпяты денги безъ полполполумортки.

Володка Багутовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать шесть алтынъ полторы денги, прогулялъ восемь недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять пятнатцать алтынъ полтрети денги.

Пьянска Василевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ семнатцать алтынъ зъ денгою и съ полуморткою, прогулялъ тритцать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль дватцать четыре алтына три денги безъ полумортки.

Деревни Камкины: Измайлка Атюшовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли пять алтынъ полтрети денги съ полуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полторы недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять два алтына пять денегъ съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою.

Боярка Надежинъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль дватцать три алтына четыре денги съ полуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ поддесяты недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять семнатцать алтынъ полшесты денги съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою.

Села Воскресенского: Ивашка Наумовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли четыре алтына три денги безъ полумортки, прогулялъ двѣ недѣли, за прогульные не-

дѣли довелось на немъ денегъ взять три алтына пять денегъ съ полуморткою.

Ганка Манюковъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли четыре алтына три денги безъ полумортки, прогулялъ двѣ недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять три алтына пять денегъ съ полуморткою.

Деревни Новой Өторуской: Ивашка Яковлевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Деревни Ордатовы: Якушка Ивановъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль одинъ алтынъ зъ денгою и съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ дватцать одну недѣлю съ полунедѣлю, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль семь алтынъ съ полденгою и съ морткою и съ полполуморткою.

Гришка Өедоровъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль тритцать два алтына съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ пять недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять девять алтынъ полчетверты денги съ морткою и съ полполуморткою.

Деревни Старой Өторусской: Видяйка Сидоровъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли шесть алтынъ полтрети денги безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, довелось на немъ денегъ взять за прогульную недѣлю одинъ алтынъ полшесты денги съ полполуморткою.

Кенгушка Учосевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль шеснатцать алтынъ полчетверты денги съ полуморткою и съ полполуморткою, прогулялъ тринацать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять дватцать пять алтынъ съ морткою и съ полполуморткою.

Деревни Истрияновы: Якушка Тимоѳевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль восемь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ семнатцать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять тритцать два алтына полпяты денги съ полполуморткою.

Старко Малцовъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль восемь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ семнатцать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять тритцать два алтына полпяты денги съ полполуморткою.

Князя Михайла Яковлевича Черкасского села Мелчюги крестьянинъ Ивашка Василевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ морткою.

Терюшевской волости:

Деревни Березниковы: Митка Панфиловъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли шесть алтынъ полтретьи денги безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогульную недѣлю довелось на немъ денегъ взять одинъ алтынъ полшесты денги съ полполуморткою.

Деревни Новаго Тепелева: Ушмонка Тотаевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли шесть алтынъ полтрети денги безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогульную недѣлю довелось на немъ денегъ взять одинъ алтынъ полшесты денги съ полполуморткою.

Ортюшка Петровъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли полчетверты денги съ морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ морткою.

Деревни Макрашъ: Инка Вангушкинъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль восемь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ семнатцать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять тритцать два алтына полпяты денги съ полполуморткою.

Кежутка Сараевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль двенатцать алтынъ полпяты денги съ полполуморткою, прогулялъ пятнатцать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять дватцать восемь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки.

Атемаска Невѣровъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль семь алтынъ безъ полумортки, прогулялъ осмнатцать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль одинъ алтынъ двѣ денги съ полуморткою.

Деревни Татарской: Пияшка Разуковъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль восемь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ семнатцать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять тритцать два алтына полпяты денги съ полполуморткою.

Деревни Кажлѣйки: Томилка Клюевъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ дватцать восемь алтынъ полпяты денги съ морткою, прогулялъ дватцать четыре недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять рубль двенатцать алтынъ пять денегъ съ морткою.

Тончарка Вошункинъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ рубль восемь алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ семнатцать недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять тритцать два алтына полпяты денги съ полполуморткою.

Села Терюшева: Ониска Потаповъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли шесть алтынъ полтрети денги безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогульную недѣлю довелось на немъ денегъ взять одинъ алтынъ полшесты денги съ полполуморткою.

Микитка Павловъ—дано ему два рубли восемь алтынъ двѣ денги, заработалъ два рубли два алтына три денги съ морткою и съ полполуморткою, прогулялъ три недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полпяты денги съ полуморткою и съ полполуморткою.

Всего восемьдесятъ два человѣка, найму имъ дано по два рубли по осми алтынъ по двѣ денги человѣку, итого сто восемьдесятъ четыре рубли шеснатцать алтынъ четыре денги, и исъ того числа заработали сто сорокъ два рубли дватцать семь алтынъ полпяты денги съ морткою и съ полполуморткою и съ полполполуморткою; за прогульные недѣли довелось на нихъ денегъ взять сорокъ одинъ рубль дватцать два алтына зъ денгою и съ полуморткою и съ полполполуморткою.

Арзамасного уѣзду:

Деревни Крапивки, Сулгодѣевъ починокъ тожъ: Якушка Атингѣевъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать девять алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ двѣ недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять три алтына полтрети денги съ полполуморткою.

Деревни Новой Ѡторуской: Ѡатѣйка Семеновъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать одинъ алтынъ двѣ денги съ полполуморткою, прогулялъ семь недѣль, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять двенатцать алтынъ безъ полполполумортки.

Деревни Кардавили: Ордатка Жадѣевъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль тритцать два алтына полтрети денги съ морткою безъ половины полполполумортки, прогулялъ полнедѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять денегъ съ морткою и половина полполполумортки.

Деревни Личадѣевы: Елѣимка Ивановъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать шесть алтынъ полтрети денги съ полторою морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ пять денегъ съ полуморткою.

Тотарка Ермолевъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать шесть алтынъ полтрети денги съ полторою морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ пять денегъ съ полуморткою.

Шатилка Степановъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать шесть алтынъ полтрети денги съ полторою морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ пять денегъ съ полуморткою.

Янчютка Бигутинъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать пять алтынъ полчетверты денги съ полполуморткою и съ полполполуморткою и половина полполполумортки, прогулялъ полпяты недѣли, довелось на немъ за прогульные недѣли денегъ взять семь алтынъ четыре денги съ полторою морткою и половина полполполумортки.

Корнилка Чапкуновъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать шесть алтынъ полтретьи денги съ полторою морткою, прогулялъ четыре недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять шесть алтынъ пять денегъ съ полуморткою.

Стольника Михайловъ крестьянинъ Васильева сына Собакина села Круглого Терешка Гавриловъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать девять алтынъ полшесты денги безъ полполумортки, прогулялъ двѣ недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять три алтына полтретьи денги съ полполуморткою.

Всего девять человекъ, найму имъ дано по два рубли человекъ, итого осмнатцать рублевъ, и ись того числа заработали шеснатцать рублевъ одиннатцать алтынъ полпяты денги съ морткою, за прогульные недѣли довелось на нихъ денегъ взять рубль дватцать одинъ алтынъ три денги съ морткою.

Да работныежъ люди, которые по указу великого государя присланы были изъ Терюшевской волости съ вытей:

Села Терюшева: Ивашка Парееновъ, Митка Овдокимовъ, Бориска Минѣевъ, Ярунка Степановъ, Алешка Родионовъ, Митка Никитинъ, Мишка Ивановъ сынъ Куварда, Власка Нееедевъ, Ивашка Леонтьевъ сынъ Меншой Голяковъ, Якушка Сидоровъ, Мартюшка Соероновъ.

Деревни Малаго Терюшева: Ивашка Онтроповъ, Ивашка Кузминъ, Оношка Аетамоновъ.

Деревни Вармалѣи: Кормилка Силуяновъ, Куземка Спиридоновъ, Епиеанка Семеновъ, Спирка Петровъ.

Деревни Бакшѣевы: Васка Тихановъ, Ларка Митрофановъ, Ульянка Марковъ, Петрушка Яковлевъ, Ивашка Лазаревъ, Трошка Тихановъ, Якушка Сысуевъ, Климка Павловъ, Емелка Ледюшкинъ, Ивашка Яковлевъ.

Деревни Макрашъ: Плакидка Симоновъ.

Деревни Кудрина: Оска Ларионовъ, Ивашка Михайловъ, Тишка Ермолинъ, Симдянка Кочкомасовъ.

Деревни Малаго Сескина: Сенка Никитинъ, Кузка Никитинъ.

Деревни Волшаго Сескина: Потѣшка Кочконинъ.

Деревни Новаго Борцова: Тимошка Максимовъ, Филка Гуревъ, Ивашка Василевъ, Сайгайка Мирдяковъ, Андрюшка Аеонасевъ, Федка Микнеоровъ.

Деревни Литюшихи: Миляйка Тогить.

Деревни Березниковъ: Гришка Ивановъ, Игнашка Елеимовъ, Митка Емеляновъ.

Деревни Кажлѣйки: Демка Дмитреевъ.

Деревни Старого Борцова: Наумка Кузминъ, Стемайка Кемердясевъ, Данилка Кажмановъ.

Деревни Нового Тепелева: Родка Якимовъ, Давыдка Яковлевъ, Сядорка Агаеоновъ, Мишка Ивановъ, Макарка Купреяновъ, Тютюшка Пиргушовъ, Малютка Вашукинъ, Богдашка Учеватовъ.

Деревни Сарадона: Савка Карповъ.

Деревни Касанова: Ивашка Аеонасевъ.

Деревни Мирши: Мелешка Переильевъ, Лазарка Якимовъ, Бориска Антоновъ, Исачка Измайловъ.

Деревни Куриловки: Васка Мартьяновъ, Нечка Сабаевъ, Богдашка Кежунитъ, Мишка Баюшкинъ.

Деревни Кривуши: Ивашка Судинъ, Андриюшка Анисимовъ.

Деревни Вышки: Ѳедка Василевъ.

Села Борисова: Андриюшка Степановъ, Максимка Михайловъ, Кузка Сергѣевъ.

Деревни Кужутки: Агаеонка Переильевъ, Мазутка Инжутинъ, Пашка Обросимовъ.

Деревни Пилекшевы: Горка Мирановъ.

Деревни Елховки: Бибайка Безсоновъ. Васка Ѳедоровъ, Максимка Дмитреевъ, Тараска Петровъ, Еска Кемердясевъ, Тишка Григорьевъ.

Всего восьмьдесятъ четыре человекъ на будные станы пришли мая въ 8 день і работали до отстою сполна, великого государя жалованья за работу дано имъ по два рубли человекъу, итого сто шестьдесятъ восемь рублевъ.

Деревни Малаго Терюшева: Ѳедотко Ивановъ, Сенка Тимоѣевъ.

Деревни Болшаго Сескина: Вечкунка Кужаевъ.

Деревни Бакшѣевы: Максимка Филипьевъ.

Деревни Муравихи: Милюшка Казунинъ.

Деревни Нового Тепелева: Якушка Якимовъ, Ортюшка Петровъ.

Деревни Кажлѣйки: Нечка Тюрчановъ.

Деревни Романихи: Осташка Якимовъ.

Деревни Учеватовки: Китайка Гуляевъ.

Деревни Куриловки: Милюшка Пиюшкинъ.

Деревни Сарадона: Ивашка Михайловъ.

Всего двенатцать человекъ на будные станы пришли мая въ 8 день і, не доживъ до отстою, зъ будныхъ становъ збѣжали, великого государя жалованья дано имъ по розчету, і въ томъ числѣ одному человекъу деревни Сарадону Ивашке Михайлову дано рубль шеснатцать алтынъ четыре денги, а одиннатцети человекомъ по рублю, всего двенатцети человекомъ двенатцать рублевъ шеснатцать алтынъ четыре денги.

Деревни Инелѣи: Филка Оксеновъ— дано ему два рубли, заработалъ рубль восемь алтынъ полтретей денги съ морткою и съ полполу морткою, прогулялъ одиннатцать недѣль, за прогульные недѣли довелось

на немъ денегъ взять дватцать четыре алтына пять денегъ съ полуморткою и съ полполуморткою.

Деревни Лапшихи: Тишка Уздемановъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогульную недѣлю довелось на немъ денегъ взять два алтына полторы денги съ полполуморткою.

Деревни Макрашъ: Нуйка Кобаевъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогульную недѣлю довелось на немъ денегъ взять два алтына полторы денги съ полполуморткою.

Деревни Стараго Борцова: Камайка Жулинъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогульную недѣлю довелось на немъ денегъ взять два алтына полторы денги съ полполуморткою.

Деревни Новаго Борцова: Мурзка Ризоватовъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою безъ полполумортки, прогулялъ недѣлю, за прогульную недѣлю довелось на немъ денегъ взять два алтына полторы денги съ полполуморткою.

Деревни Сарадона: Еремка Андрѣевъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать семь алтынъ четыре денги съ полполуморткою и съ полполполуморткою, прогулялъ полтретью недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять пять алтынъ полчетверты денги съ полторою морткою и съ полполполуморткою.

Деревни Кужутки: Кадышка Кистановъ—дано ему два рубли, заработалъ рубль дватцать восемь алтынъ полпяты денги съ полторою морткою, прогулялъ двѣ недѣли, за прогульные недѣли довелось на немъ денегъ взять четыре алтына три денги съ полуморткою.

Всего семь человекъ на будные станы пришли мая въ 8 день, великого государя жалованя дано имъ по два рубли человекъ, итого четырнатцать рублевъ, і изъ того числа заработали двенатцать рублевъ дватцать два алтына полчетверты денги съ полполполуморткою, за прогульные недѣли довелось на нихъ денегъ взять рубль десеть алтынъ полпяты денги безъ полполполумортки. (Юрій Шишки)нъ.

Справиль Алешка Юдинъ.

189-го года марта въ 1 день выписано изъ Арзамаскихъ смѣтныхъ книгъ на перечень, что прислано съ Москвы денежныя казны и что взято въ Арзамасе изъ приказные избы бортичьихъ і мордовскихъ дѣлъ на Арзамаскіе будные станы на всякіе расходы и сколько въ приеме всякихъ хлѣбныхъ запасовъ, и что той денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ въ расходъ

дворяномъ і подячимъ и поливачамъ и будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ і наемнымъ работникомъ, и сколько за тою денежною казною и хлѣбными запасы здѣлано поташу бочекъ, и почему въ дѣле ценою пудъ сталь і берковецъ на мѣсте безъ дерева и почему на Вологде съ провозомъ, и то писано ниже сего:

Въ прошломъ во 188-мъ году взято на Арзамаскіе будные станы на всякіе расходы і мастеровымъ людемъ на жалованье въ Арзамасе изъ приказные избы бортичскихъ і мордовскихъ дѣлъ изъ окладныхъ денегъ тысяча девять сотъ сорокъ девять рублей три алтына три денги.

Да въ прошломъ же во 188-мъ году по указу великого государя по грамоте изъ приказу болшаго дворца за приписью дьяка Василья Кипреянова прислано на Арзамаскіе будные станы денежные казны съ подячимъ съ Ываномъ Беляниновымъ девять сотъ девяносто три рубли.

Всего въ Арзамасе въ приказной избѣ і что прислано съ Москвы денежные казны—двѣ тысячи девять сотъ сорокъ два рубли три алтына три денги.

И той денежной казнѣ расходъ: пяти человѣкомъ дворяномъ шестьдесятъ рублей, четыремъ человѣкомъ подячимъ тридцать девять рублей, девяти человѣкомъ поливачамъ сто дватцать рублей четырнатцать алтынъ двѣ денги, осми человѣкомъ бочкарямъ сорокъ девять рублей шеснатцать алтынъ четыре денги, семи человѣкомъ колесникомъ сорокъ три рубли, четыремъ человѣкомъ кузнецомъ дватцать шесть рублей, сту семидесятъ человѣкомъ будникомъ девять сотъ шеснатцать рублей тринатцать алтынъ четыре денги, пятидесять тремъ человѣкомъ воштарямъ сто дватцать шесть рублей тридцать одинъ алтынъ четыре денги, семи человѣкомъ казакомъ, да одному человѣку конскому мастеру, всего осми человѣкомъ—дватцать четыре рубли.

Всего дворяномъ и подячимъ и поливачемъ і бочкарямъ і колесникомъ і кузнецамъ и будникомъ і воштарямъ і казакамъ і конскому мастеру тысяча четыре ста пять рублей девять алтынъ четыре денги, да наемнымъ работникомъ четверемстамъ девяносту семи человѣкомъ найму дано тысяча шестьдесятъ шесть рублей осмнатцать алтынъ двѣ денги.

Да той же денежной казны въ расходъ на покупку: на соль, на желѣзо, на укладъ, на котлы, на кули, на пищу бумагу, на клещи, на подкладки і на хомутины і на бирковую золу и на сенную покупку и на кирпичи і на сани і на ветчинное сала и на точилы і на наковалны и на кузнешные мѣхи і на всякіе мѣлкіе расходы четыре ста семдесятъ рублей осмь алтынъ пять денегъ.

Всего въ расходъ на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ денежные казны дворяномъ и подячимъ і поливачемъ і будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ въ жаловане и Арзамаскимъ и Терюшевскимъ на наемъ работникомъ і на покупку и на желѣзо і на укладъ і на

всякие мѣлкіе расходы декабря съ 1-го числа прошлаго 188-го году декабря по 1-ежъ число нынѣшняго 189-го году двѣ тысячи девятсотъ сорокъ два рубли три алтына три денги.

Да въ прошломъ во 188-мъ году по указу великаго государя при-слано съ Москвы изъ приказу большаго дворца зъ дворяниномъ съ Ѳедоромъ Бороноволоквымъ на Арзамаскіе і Сергацкіе будные станы работнымъ людемъ на кормъ дватцать пять чети снетковъ, и изъ того числа отослано на Сергацкіе будные станы пять чети снетковъ, а на Арзамаскіихъ будныхъ станѣхъ снетковъ въ расходе дватцать чети, да на Арзамаскіихъ же будныхъ станѣхъ остаточныхъ хлѣбныхъ запасовъ, которые остались за расходы прошлаго 187-го году во 188-й годъ, і что въ приеме Алаторскихъ сель у крестьянъ і у Мордвы і у Лысковскихъ і у Мурашкинскихъ і у Терюшевскихъ крестьянъ і у бортниковъ і у Мордвы: пять тысячъ три ста шестьдесятъ три чети съ полуосминою и зъ четверикомъ і малъ четверикъ муки ржаные, тысяча три ста три чети съ осминою і зъ четверикомъ і треть четверика сухарей, семь сотъ девяносто девять чети съ осминою і малъ четверикъ крупъ, девять сотъ шестьдесятъ одна четверть съ полуторымъ четверикомъ и три десятыхъ доль четверика толокна, три тысячи пятсотъ девяносто пять чети безъ полуосмины овса. А въ недовозе хлѣбныхъ запасовъ: дватцать девять чети съ полуосминою и зъ четверикомъ муки, осмина крупъ, сто тритцать шесть чети безъ полуосмины съ четверикомъ овса. И тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ, которые остались у прошлаго 187-го году во 188-й годъ, и которые приняты изъ Алаторскихъ сель у крестьянъ і у Мордвы і Лысковской і Мурашкинской і Терюшевской волостей у крестьянъ і у бортниковъ і у Мордвы, въ расходе дано дворяномъ и подячимъ і поливачемъ і бочкарямъ і колесникомъ і кузнецомъ і будникомъ і воштарямъ і казакомъ і конскому мастеру і наемнымъ работникомъ всякихъ хлѣбныхъ запасовъ и соли: три тысячи пятсотъ семдесятъ двѣ чети муки ржаные, семь сотъ сорокъ шесть чети съ получетверикомъ сухарей, четыре ста семдесятъ семь чети съ полуосминою и зъ четверикомъ і десятая доля четверика крупъ, три ста дватцать пять чети съ полуосминою і десятая доля четверика толокна, восьмъ сотъ восьмдесятъ два пуда тритцать четыре гривенки соли і съ тѣмъ, которая осталась у прошлаго 187-го году во 188-й годъ шесть сотъ семдесятъ четыре пуда, по ценѣ на сорокъ на три рубли на дватцать на семь алтынъ, і тѣ денги положены на поташъ, которой дѣланъ въ прошломъ во 188-мъ і нынѣшнемъ во 189-мъ годѣхъ, да въ расходежъ дворяномъ и подячимъ въ жалованье і майданнымъ лошедемъ на кормъ двѣ тысячи пятдесять пять чети овса.

И тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ для поташной смѣты положена цена по Арзамаской ценѣ: за муку за четь по пяти алтынъ, за сухари за четь по два алтына по три денги, за крупы і за толокно за четь по осми алтынъ, за овесъ за четь по четыре алтына, за снетки за четь по рублю, а за провозъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ положено за муку и

за крупы и за толокно по алтыну, а за сухари и за овесъ по три денги за четъ, за молотье за рожь по четыре денги за четъ.

Всего по Арзамаской ценѣ за хлѣбные запасы и за провозъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ і за молотье за рожь і за снетки—тысеча двѣ сти восьмьдесятъ семь рублевъ дватцать шесть алтынъ полшесты денги съ полуморткою.

Да целовалникомъ четырнатцети человѣкомъ подмоги и косцамъ сту десяти человѣкомъ за работу противъ прошлыхъ лѣтъ для поташной смѣты положено сто дватцать шесть рублевъ.

Да въ прошломъ во 188-мъ году на тѣхъ же будныхъ станѣхъ было остаточной золы двѣ тысечи восьмь сотъ чети по ценѣ на восьмьдесятъ на четыре рубли, да остаточныхъ дровъ тысеча четыре ста девяносто одна сажень по ценѣ на двѣ сти на девяносто на восьмь рублевъ на шесть алтынъ на четыре денги, і тѣ денги въ прошломъ во 188-мъ году на поташъ не положены, а положены на поташъ, которой дѣланъ въ прошломъ во 188-мъ і нынѣшнемъ во 189-мъ годѣхъ.

Всего въ расходе денежные казны на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ дворяномъ и подячимъ і поливачемъ і будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ і наемнымъ работникомъ і за остаточную соль і во всякихъ майданныхъ расходехъ і за хлѣбные запасы по ценѣ і за снетки и за ветчинное сала и за соль і за желѣзо и за укладъ і за провозъ хлѣбныхъ запасовъ і за молотье за рожь і за остаточную золу і дрова и целовалникомъ подмоги и косцамъ за работу—четыре тысечи семь сотъ восьмьдесятъ одинъ рубль тритцать алтынъ полпята денги съ полуморткою.

И изъ того расходу—изъ четырехъ тысечъ изъ семи сотъ изъ осмидесятъ изъ одного рубля изъ тритцети алтынъ и съ полупята денги съ полуморткою выложено за остаточную соль и заготовленную золу и дрова и за бѣглыхъ работниковъ, которые зъ будныхъ становъ бѣгали, пятсотъ восьмьдесятъ рублевъ тритцать два алтына полшесты денги съ полуторою морткою. А на поташъ положено денежные казны четыре тысечи двѣсти рублевъ тритцать одинъ алтынъ съ полуденгою і съ морткою.

І за тою денежною казною и за хлѣбными запасы и за всякими росходы здѣлано поташу на Арзамаскихъ семи будныхъ станѣхъ семь сотъ три бочки, а въ терезовой вѣсъ поташу дватцать двѣ тысечи семь сотъ семь пудъ три чети, дерева въ бочкахъ двѣ тысечи сто девять пудъ, и того поташу въ дѣле ценою на мѣсте пудъ имется—дватцать двѣ тысечи семь сотъ семь пудъ три чети—по шти алтынъ зъ денгою пудъ, а берковцами двѣ тысечи двѣсти семдесятъ берковцовъ семь пудъ три чети—по рублю по дватцети по осми алтынъ по двѣ денги берковецъ.

Да въ нынѣшнемъ во 189-мъ году генваря въ 29 день по указу великого государя прислано съ Москвы денежные казны изъ иноземского приказу съ подячимъ съ Василемъ Нечаевымъ на поташной и смолчужной провозъ і мастеровымъ людемъ на жалованье і на наемъ работныхъ

людей і на всякие росходы четыре тысячи девятсот девяносто восемь рублей.

И той денежной казни расходъ: въ нынешнемъ во 189-мъ году въ разныхъ числахъ того поташу отпущено на Вологду на наемныхъ подводахъ четыре ста шестьдесятъ шесть бочекъ, а въ нихъ поташу безъ дерева четырнадцать тысячъ девятсотъ сорокъ шесть пудъ одна четь, а берковцами тысяча четыре ста девяносто четыре берковца шесть пудъ одна четь, да дерева въ тѣхъ въ четырехстахъ во штидесять во шти бочкахъ тысяча три ста девяносто восемь пудъ. Провозу съ того поташу до Вологоды дано съ четырнадцати тысячъ зъ девяти сотъ съ сорока со шти пудъ съ одной чети по десяти денегъ съ пуда, итого семь сотъ сорокъ семь рублей десять алтынъ полтретьи денги, да зъ дерева съ тысячи съ трехсотъ зъ девяносто съ осми пудъ по десятизъ денегъ съ пуда, итого шестьдесятъ девять рублей тритцать алтынъ. Всего съ поташу и зъ деревомъ съ шеснатцети тысячъ съ трехсотъ съ сорока съ четырехъ пудъ съ одной чети провозу до Вологоды дано восемь сотъ семнатцать рублей семь алтынъ съ полуденгою. И съ тѣми провозными денгами і что дано провозу изъ дерева, имется берковецъ на Вологде, безъ дерева тысяча три ста девяносто восемь берковцовъ, по два рубли по тринадцети алтынъ по двѣ денги берковецъ, а девяносто шесть берковцовъ шесть пудъ одна четь—по два рубли по одиннатцети алтынъ по четыре денги берковецъ, а въ дѣле тотъ поташъ съ провозомъ на Вологде сталъ три тысячи пятсотъ восемьдесятъ два рубли восемь алтынъ полшесты денги съ морткою.

Да на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ въ остаткахъ двѣсти тритцать семь бочекъ, а въ нихъ поташу въ терезовой вѣсѣ безъ дерева семь тысячъ семь сотъ шестьдесятъ одинъ пудъ двѣ чети, а берковцами семь сотъ семдесятъ шесть берковцовъ одинъ пудъ двѣ чети, а зъ деревомъ восемь тысячъ четыре ста семдесятъ два пуда двѣ чети, а берковцами восемь сотъ сорокъ семь берковцовъ два пуда двѣ чети. А какъ тотъ поташъ отпущенъ будетъ на Вологду во 190-мъ году і почему съ пуда дано будетъ провозу, і тотъ провозъ написанъ будетъ въ смѣтныхъ книгахъ во 190-мъ году.

Всего на Арзамаскихъ будныхъ семи станѣхъ здѣлано поташу семь сотъ три бочки, а въ нихъ поташу въ терезовой вѣсѣ безъ дерева дватцать двѣ тысячи семсотъ семь пудъ три чети, а берковцами двѣ тысячи двѣсти семдесятъ берковцовъ семь пудъ три чети.

Да въ нынешнемъ же во 189-мъ году по указу великого государя взято въ Арзамаскомъ уѣзде на будныхъ станѣхъ гостя Семена Свѣрчкова осмыхъ бочекъ сорокъ три бочки, а въ нихъ поташу въ терезовой вѣсѣ безъ дерева тысяча двѣсти сорокъ семь пудъ одна четь, а берковцами сто дватцать четыре берковца семь пудъ одна четь, а зъ деревомъ тысяча три ста семдесятъ шесть пудъ одна четь, а берковцами сто тритцать семь берковцовъ шесть пудъ одна четь. И тотъ поташъ ныне на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ потому, что до Вологоды кото

рые подрядчики были подряжены, і по скаске тѣхъ подрядчиковъ ізвощиковъ подъ тотъ поташъ нанять не сыскано.

Да съ тѣхъ же будныхъ становъ взято осмыхъ же дватцать три бочки смолчюги, а въ терезовой вѣсъ зъ деревомъ пятсотъ девяносто деветь пудъ одна четь, а берковцами пятдесятъ деветь берковцовъ деветь пудъ одна четь. И тотъ смолчюгъ отпущенъ на Вологду на наемныхъ подводахъ, провозу до Вологды дано изъ деревомъ по десяти денегъ съ пуда—ітого дватцать деветь рублейъ тритцать три алтына съ полуденгою.

Всего въ росходе на поташной і смолчюжной провозъ денежные казны, что прислано съ Москвы изъ іноземского приказу съ подячимъ съ Васильемъ Нечаевымъ, восьмъ сотъ сорокъ семь рублейъ шесть алтынъ пять денегъ.

Дано въ заемъ на Арзамаскіе будные станы стряпчего съ ключемъ Михайла Тимоѣевича Лихачева хлѣбныхъ запасовъ сто пятдесятъ одна четь съ полуосминою муки ржаной, дватцать восьмъ чети крупъ, сорокъ три чети съ полуосминою сухарей, пятдесятъ шесть чети овса, шесть чети толокна, пятдесятъ шесть пудъ соли. И по указу великого государя по грамоте изъ хлѣбного приказу тѣхъ вышписанныхъ хлѣбныхъ запасовъ имать съ него, съ стряпчего съ ключемъ Михайла Тимоѣевича Лихачева, не велено, і тѣ хлѣбные запасы на поташъ не положены.

Да по указужъ великого государя по грамоте изъ приказу болшаго дворца дано Арзамаского уѣзду села Нового Воскресенского помъ і съ пречетники церковными пятдесятъ деветь чети безъ полуосмины муки, сорокъ семь чети овса, четырнатцать чети крупъ овсяныхъ.

Да въ нынешнемъ во 189-мъ году въ Арзамаскомъ уѣзде въ Мордовскихъ лесахъ заведены вновь на поташное дѣло два будные станы, а мастеровые люди на тѣ будные станы переведены съ Сергацкихъ будныхъ становъ съ Можаровского да зъ Березовского, і въ нынешнее лѣто поташъ стануть дѣлать мастеровые люди въ Арзамаскомъ уѣзде на прежнихъ семи да на новыхъ двухъ—всего на девяти будныхъ станѣхъ.

А на прежнихъ будныхъ станѣхъ въ остаткахъ хлѣбныхъ запасовъ въ нынешней во 189-й годъ: тысяча пять сотъ восьмдесятъ одна четь съ полуосминою и зъ четверикомъ и малъ четверикъ муки ржаные, пятсотъ четырнатцать чети съ полуосминою и съ получетверикомъ і треть четверика сухарей, двѣсти восьмдесятъ чети съ получетверикомъ і малъ четверикъ і четыре десятыхъ доль четверика крупъ, шесть сотъ тритцать чети безъ получетверика і двѣ десятыхъ доль четверика толокна, тысяча четыре ста тритцать семь чети безъ полуосмины овса, четьре ста три пуда дватцать три гривенки соли.

И къ тѣмъ остаточнымъ хлѣбнымъ запасомъ надобно въ прибавку хлѣбныхъ запасовъ на деветь будныхъ становъ: шесть тысячъ чети муки

ржаные, тысяча триста чети сухарей, семь сотъ чети крупъ овсяныхъ, пятсотъ пятьдесятъ чети толокна, шесть тысячъ семьдесятъ пять чети овса. Да на тѣхъ будные станы надобно къ приему и къ роздаче хлѣбныхъ запасовъ і всякихъ заводовъ осмнатцать человекъ целовалниковъ, да къ сенокосному времени надобно сто пятьдесятъ человекъ косцовъ, да работныхъ лошадей къ прежнимъ къ двумстамъ въ тридцети къ тремъ лошадямъ надобно въ прибавку девяносто семь лошадей. (Юрий Шишки)нъ.

Справиль Алешка Юдинъ.

Лѣта 7188-го августа въ 6 день по государеву цареву и великого князя Θεодора Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца указу по грамоте изъ приказу болшаго дворца за приписью дьяка Семена Комсина столникъ и воевода Юрѣй Θεодоровичъ Шишкинъ велѣлъ принять у Михайла Кобылского новоотписной Барминской волости два будные станы Березовской да Огневской, а что на тѣхъ будныхъ станѣхъ принято мастеровыхъ людей, и кто имяны, и сколько какихъ заводовъ и лошадей и воловъ и остаточныхъ хлѣбныхъ запасовъ и желѣза и укладу, и сколько на тѣхъ же Барминскихъ будныхъ станѣхъ августа съ 6-го числа прошлаго 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году въ приеме хлѣбныхъ запасовъ съ Сергацкихъ будныхъ становъ и изъ волостей и изъ Арзамаса денежные казны, и что въ росходе денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ мастеровымъ людямъ августа съ 6-го числа прошлаго 188-го году декабря по 1-е число нынешнего 189-го году, и то писано подъ ихъ имяны, и что имъ дано денегъ и хлѣба при боярине князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ и при Михайле Кобылскомъ, и сколько за тою денежною казною и за хлѣбными запасы здѣлано поташу пудъ и берковцовъ, и почему пудъ сталъ на мѣсте безъ дерева и почему съ провозомъ на Вологде, и то писано въ сихъ книгахъ ниже сего.

Принято у Михайла Кобылского майданныхъ заводовъ: сто семнатцать батоговъ тулского желѣза, шесть тысячъ клинцовъ укладу; работныхъ лошадей двенатцать мериновъ, тринатцать кобылъ—всего дватцать пять лошадей лѣты срослы; десять быковъ; хлѣбныхъ запасовъ: муки ржаные деветь чети, осмнатцать чети ржи, шеснатцать чети съ осминою овса.

Да на тѣхъ будные станы изъ Арзамаса изъ приказной избы прислано денежные казны пять сотъ дватцать одинъ рубль деветь алтынъ,

которая прислана изъ иноземскаго приказу съ подячимъ съ Васильемъ Нечаевымъ мастеровымъ людямъ на жалованье і на поташной провозъ.

И той денежной казнѣ расходъ:

Поливочамъ:

Аниске Григореву десять рублей.

Өомке Анисимову десять рублей.

Бочкарямъ:

Ортюшке Кулаку рубль тритцать алтынъ.

Панкратке Василеву три рубли три алтына двѣ денги.

Колесникомъ:

Сенке Чюдину рубль тритцать алтынъ.

Алешке Перехвату два рубли три алтына двѣ денги.

Кузнецу Аниске Лаврентьеву четыре рубли.

Будникомъ:

Ивашке Анисимову два рубли дватцать пять алтынъ.

Петрушке Анисимову два рубли дватцать пять алтынъ.

Гришке Дмитриеву два рубли дватцать пять алтынъ.

Өедке Григореву два рубли дватцать пять алтынъ.

Өедке Соколу два рубли дватцать пять алтынъ.

Васке Старому два рубли дватцать пять алтынъ.

Васке Молодому два рубли дватцать пять алтынъ.

Емелке Иванову рубль.

Аеонке Минину рубль пятнатцать алтынъ.

Ивашке Красному два рубли дватцать пять алтынъ.

Кондрашке Іевлеву два рубли дватцать пять алтынъ.

Аеонке Шумилову два рубли дватцать пять алтынъ.

Гришке Погребному два рубли дватцать пять алтынъ.

Петрушке Суваеву два рубли дватцать пять алтынъ.

Мишке Стрелцову два рубли дватцать пять алтынъ.

Трошке Данилову два рубли дватцать пять алтынъ.

Гришке Дудке рубль пятнатцать алтынъ.

Емелке Яковлеву два рубли дватцать пять алтынъ.

Матюшке Петину рубль пятнатцать алтынъ.

Макарке Степанову рубль.

Өедке Сухому два рубли дватцать пять алтынъ.

Данилке Василеву два рубли дватцать пять алтынъ.

Петрушке Василеву два рубли дватцать пять алтынъ.

Ивашке Троеимову два рубли дватцать пять алтынъ.

Гараске Оверину рубль шеснатцать алтынъ четыре денги.

Ортюшке Нестерову рубль тритцать алтынъ.

Ивашке Кулику рубль пятнатцать алтынъ.

Еремке Игнатеу рубль тритцать алтынъ.
 Еремке Иванову рубль тритцать алтынъ.
 Микитке Кочагу рубль тритцать алтынъ.
 Мишке Медвѣдю рубль пятнатцать алтынъ.
 Игошке Засыпке рубль тритцать алтынъ.
 Игошке Удалому два рубли тринатцать алтынъ двѣ денги.
 Ивашке Кирилову рубль пятнатцать алтынъ.
 Васке Ананину рубль тритцать алтынъ.
 Ѳедке Филипьеву рубль тритцать алтынъ.
 Ивашке Чертоусу рубль пятнатцать алтынъ
 Куземке Еремѣеву рубль тритцать алтынъ.
 Панке Алексѣеву рубль тритцать алтынъ.
 Акишке Ѳедорову рубль тритцать алтынъ.
 Елке Дмитрееву рубль тритцать алтынъ.
 Тимошке Черному рубль тритцать алтынъ.
 Васке Зотѣеву рубль тритцать алтынъ.
 Сенке Осипову рубль тритцать алтынъ.
 Мишке Обухову рубль дватцать пять алтынъ.
 Микитке Колашнику рубль тритцать алтынъ.
 Калинке Симонову рубль тритцать алтынъ.
 Демке Сидорову рубль тритцать алтынъ.
 Савке Алексѣеву рубль тритцать алтынъ.
 Алешке Микиеорову рубль тритцать алтынъ.
 Андрюшке Микиеорову рубль тритцать алтынъ.
 Ромашке Семенову рубль тритцать алтынъ.
 Ѳомке Романову рубль пятнатцать алтынъ.
 Любимке Бабенку рубль пятнатцать алтынъ.
 Петрушке Иванову рубль тритцать алтынъ.
 Алешке Борисову рубль тритцать алтынъ двѣ денги.
 Кирюшке Агурцу два рубли тринатцать алтынъ двѣ денги.
 Ѳедке Иванову рубль пятнатцать алтынъ.
 Ивашке Логинову рубль тритцать алтынъ.
 Кондрашке Кулакову рубль тритцать алтынъ.
 Ѳедосѣйке Михайлову рубль тритцать алтынъ.
 Давыдке Алексѣеву рубль тритцать алтынъ.
 Васке Парюю два рубли тритцать алтынъ.
 Луконке Шарутке два рубли тритцать алтынъ.
 Останке Кривому два рубли тритцать алтынъ.
 Демке Максимову два рубли тритцать алтынъ.
 Ивашке Андрѣеву два рубли тритцать алтынъ.
 Ивашке Балаку рубль пятнатцать алтынъ.
 Родке Микиеорову рубль тритцать алтынъ.
 Сенке Степанову рубль пятнатцать алтынъ.
 Ѳомке Дементьеву рубль дватцать девять алтынъ.
 Максимке Самсонову рубль тритцать алтынъ.

Івашкѣ Чесному рубль тритцать алтынъ.
 Васкѣ Долбилѣ рубль тритцать алтынъ.
 Матюшкѣ Василеву рубль тритцать алтынъ.
 Антишкѣ Родионову рубль пятнатцать алтынъ.
 Трошкѣ Кулику рубль тритцать алтынъ.
 Матюшкѣ Куликову рубль тритцать алтынъ.
 Кононкѣ Мокѣеву рубль пятнатцать алтынъ.
 Івашкѣ Тимоѣеву рубль тритцать алтынъ.
 Матюшкѣ Назарову рубль пятнатцать алтынъ.
 Левкѣ Аникяеву рубль тритцать алтынъ.
 Савкѣ Степанову рубль пятнатцать алтынъ.
 Сенкѣ Семенову рубль пятнатцать алтынъ.
 Ларкѣ Семенову рубль тритцать алтынъ.
 Алешкѣ Черепану рубль тритцать алтынъ.
 Васкѣ Иванову рубль пятнатцать алтынъ.
 Естюнкѣ Сидорову рубль тритцать алтынъ.
 Івашкѣ Сидорову рубль тритцать алтынъ.
 Емелкѣ Аѳонасеву рубль тритцать алтынъ.
 Миткѣ Аванину рубль тритцать алтынъ.
 Івашкѣ Матвѣеву рубль тритцать алтынъ.
 Панкѣ Левонтѣеву рубль тритцать алтынъ.
 Івашкѣ Михайлову рубль пятнатцать алтынъ.
 Ѡедкѣ Иванову рубль тритцать алтынъ.
 Агѣйкѣ Иванову рубль тритцать алтынъ.
 Васкѣ Иванову рубль тритцать алтынъ.
 Івашкѣ Иванову рубль тритцать алтынъ.
 Ѡомкѣ Семенову рубль тритцать алтынъ.
 Сержкѣ Петрову рубль тритцать алтынъ.
 Івашкѣ Іевлеву рубль пятнатцать алтынъ.
 Ѡочкѣ Захарову рубль тритцать алтынъ.
 Івашкѣ Пиминову рубль тритцать алтынъ.
 Сенкѣ Иванову рубль тритцать алтынъ.
 Івашкѣ Костянтинову рубль тритцать алтынъ.
 Давыдкѣ Кузмину рубль пятнатцать алтынъ.
 Петрушкѣ Родионову рубль.
 Микишкѣ Ісаеву два рубли восемь алтынъ двѣ денги.
 Филкѣ Иванову рубль тритцать алтынъ.
 Ѡочкѣ Иванову рубль пятнатцать алтынъ.
 Гришкѣ Тимоѣеву рубль пятнатцать алтынъ.
 Анцкѣ Алексѣеву два рубли восемь алтынъ двѣ денги.
 Ерошкѣ Григорьеву рубль пятнатцать алтынъ.
 Івашкѣ Тихонову рубль тритцать алтынъ.
 Луконкѣ Петрову рубль тритцать алтынъ.
 Тимошкѣ Троеимову рубль тритцать алтынъ.
 Панкѣ Холостому два рубли шеснатцать алтынъ четыре денги.

В о ш т а р я м ъ:

Стенке Василеву рубль восемь алтынъ двѣ денги.
 Пронке Мурзенку рубль восемь алтынъ двѣ денги.
 Терешке Петрову шеснатцать алтынъ четыре денги.
 Устинке Кузмину рубль восемь алтынъ двѣ денги.
 Тимошке Дементьеву рубль восемь алтынъ двѣ денги.
 Івашке Медвѣдеву рубль осмнатцать алтынъ двѣ денги.
 Васке Аникѣеву рубль восемь алтынъ двѣ денги.
 Оске Кузмину рубль восемь алтынъ двѣ денги.
 Івашке Куликову рубль восемь алтынъ двѣ денги.
 Панке Андрѣеву рубль восемь алтынъ двѣ денги.
 Левке Андрѣеву дватцать три алтына двѣ денги.
 Тимошке Матвѣеву рубль восемь алтынъ двѣ денги.
 Ѳедке Левонтьеву рубль восемь алтынъ двѣ денги.
 Васке Ѳилипову рубль восемь алтынъ двѣ денги.
 Максимке Максимову рубль восемь алтынъ двѣ денги.
 Ѳролке Кудинову рубль четырнатцать алтынъ четыре денги.
 Алешке Иванову рубль три алтына двѣ денги.
 Савке Григореву шеснатцать алтынъ четыре денги.

К а з а к о м ъ:

Давыдке Никитину два рубли.
 Ромашке Манойлову рубль дватцать три алтына двѣ денги.

Всего въ расходъ денежной казны поливачемъ дву человекомъ, бочкарямъ дву человекомъ, колесникомъ дву человекомъ, одному человеку кузнецу, сто семнатцети человекомъ будникомъ, осмнатцети человекомъ воштарямъ, дву человекомъ казакамъ двѣсти восемьдесятъ девять рублевъ пять алтынъ четыре денги.

Да по скаске тѣхъ Барминскихъ будныхъ становъ поливачей і бочкарей і колесниковъ і кузнеца і будниковъ і воштарей і казаковъ дано имъ было при боярине князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ и при Михайле Кобылскомъ денежного жалованья восемьдесятъ девять рублевъ шеснатцать алтынъ, а въ росписныхъ книгахъ за Михайловою рукою Кобылского той денежной дачи не написано.

Да на Барминские будные станы куплено ветчинного сала мазать работнымъ воламъ ярмы четырнатцать гривенокъ, дано шесть алтынъ четыре денги; да на тѣхъ Барминскіе будные станы куплено дватцать саней дровень, дано рубль. И на тою вышенисанную поупку въ расходъ рубль шесть алтынъ четыре денги.

И всего въ расходъ на Барминскіе будные станы денежной казны поливачемъ и будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ и за ветчинное сала и за сани 188-го году августа съ 6-го числа декабря по 1-е число нынешнего 189-го году и съ тѣмъ, что по ихъ скаскамъ дано имъ было денежного

жалованья при боярине князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ да при Михайле Кобылскомъ, триста семдесятъ девять рублевъ дватцать восьмъ алтынъ двѣ денги.

Да взято на Барминскиежъ будные станы съ Сергацкаго Можаровскаго буднаго стану па кормъ мастеровымъ людемъ сорокъ восьмъ чети муки, сто девятнатцать чети безъ полуосмины крупъ, семдесятъ чети съ осминою толокна, сто тритцать два пуда соли, да работнымъ лошедамъ пятьдесятъ чети овса. Да на тѣхъ же Барминскихъ будныхъ станѣхъ принято у Лысковскихъ і Лысковской волости у крестьянъ четыре ста дватцать одна четь муки, да Княгининской и Барминской волостей у крестьянъ восьмъ сотъ дватцать шесть чети съ полуосминою муки, тритцать чети овса.

И тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ расходъ:

П о л и в а ч е м ъ :

Аниске Григореву три чети муки, пудъ соли.
 Ѳомке Анисимову три чети муки, пудъ соли.

Б о ч к а р я м ъ :

Ортюшке Кулаку три чети муки, пудъ соли.
 Панкратке Василеву три чети муки, пудъ соли.

К о л е с н и к о м ъ :

Сенке Чюдину три чети муки, пудъ соли.
 Алешке Перехвату три чети муки, пудъ соли.

К у з н е ц у :

Аниске Лаврентьеву три чети муки, пудъ соли.

Б у д н и к о м ъ :

Ивашке Анисимову три чети муки, пудъ соли.
 Петрушке Анисимову четь съ осминою муки, пудъ соли.
 Гришке Дмитрееву три чети муки, пудъ соли.
 Ѳедке Григореву три чети муки, пудъ соли.
 Ѳедке Соколу три чети муки, пудъ соли.
 Васке Старому три чети муки, пудъ соли.
 Васке Молодому три чети муки, пудъ соли.
 Емелке Иванову три чети муки, пудъ соли.
 Аeonке Минину три чети муки, пудъ соли.
 Ивашке Красному три чети муки, пудъ соли.
 Кондрашке Іевлеву три чети муки, пудъ соли.
 Аeonке Шумилову три чети муки, пудъ соли.
 Гришке Погребному три чети муки, пудъ соли.
 Петрушке Суваеву три чети муки, пудъ соли.
 Мишке Стрелцову три чети муки, пудъ соли.

Трошке Данилову три чети муки, пудъ соли.
Гришке Дудке три чети муки, пудъ соли.
Емелке Яковлеву три чети муки, пудъ соли.
Матюшке Петину три чети муки, пудъ соли.
Макарке Степанову три чети муки, пудъ соли.
Өедке Сухому три чети муки, пудъ соли.
Данилке Василеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
Петрушке Василеву три чети муки, пудъ соли.
Ивашке Троимову три чети муки, пудъ соли.
Гараске Оверину три чети муки, пудъ соли.
Ортышке Нестерову три чети муки, пудъ соли.
Ивашке Кулику три чети муки, пудъ соли.
Еремке Игнатову три чети муки, пудъ соли.
Еремке Иванову три чети муки, пудъ соли.
Микитке Кочагу три чети муки, пудъ соли.
Мишке Медвѣдю три чети муки, пудъ соли.
Ігошке Засыпке три чети муки, пудъ соли.
Ігошке Удалому три чети муки, пудъ соли.
Ивашке Кирилову три чети муки, пудъ соли.
Васке Ананину три чети муки, пудъ соли.
Өедке Өилипову три чети муки, пудъ соли.
Ивашке Чертоусу три чети муки, пудъ соли.
Куземке Еремѣеву три чети муки, пудъ соли.
Цанке Алексѣеву три чети муки, пудъ соли.
Акишке Өедорову три чети муки, пудъ соли.
Елке Дмитрѣеву три чети муки, пудъ соли.
Тимошке Черному три чети муки, пудъ соли.
Васке Зотѣеву три чети муки, пудъ соли.
Сенке Осипову три чети муки, пудъ соли.
Мишке Обухову три чети муки, пудъ соли.
Микитке Калашнику три чети муки, пудъ соли.
Калинке Симонову три чети муки, пудъ соли.
Өедке Сидорову три чети муки, пудъ соли.
Савке Алексѣеву четь съ осминою муки, пудъ соли.
Алешке Микифорову три чети муки, пудъ соли.
Андрюшке Микифорову три чети муки, пудъ соли.
Ромашке Семенову три чети муки, пудъ соли.
Өомке Романову три чети муки, пудъ соли.
Любимке Бабенку три чети муки, пудъ соли.
Петрушке Иванову три чети муки, пудъ соли.
Алешке Борисову три чети муки, пудъ соли.
Кирюшке Агурцу три чети муки, пудъ соли.
Өедке Иванову три чети муки, пудъ соли.
Ивашке Логинову три чети муки, пудъ соли.
Кондрашке Кулакову три чети муки, пудъ соли.

Өөдосҗйке Михайлову три чети муки, пудъ соли.
 Давыдке Алексѣеву три чети муки, пудъ соли.
 Васке Парюю три чети муки, пудъ соли.
 Луконке Шарутке три чети муки, пудъ соли.
 Останке Кривому три чети муки, пудъ соли.
 Өөдке Максимову три чети муки, пудъ соли.
 Івашке Андрѣеву три чети муки, пудъ соли.
 Івашке Балаку три чети муки, пудъ соли.
 Родке Микифорову три чети муки, пудъ соли.
 Сенке Степанову три чети муки, пудъ соли.
 Филке Дементьеву три чети муки, пудъ соли.
 Максимке Самсонову три чети муки, пудъ соли.
 Івашке Чесному три чети муки, пудъ соли.
 Васке Долбиле три чети муки, пудъ соли.
 Матюшке Василеву три чети муки, пудъ соли.
 Антишке Родивонову три чети муки, пудъ соли.
 Трошке Кулаку три чети муки, пудъ соли.
 Матюшке Кулакову три чети муки, пудъ соли.
 Кононке Мокѣеву три чети муки, пудъ соли.
 Івашке Тимоѣеву три чети муки, пудъ соли.
 Матюшке Назарову три чети муки, пудъ соли.
 Левке Аникѣеву три чети муки, пудъ соли.
 Савке Степанову три чети муки, пудъ соли.
 Сенке Семенову три чети муки, пудъ соли.
 Ларке Семенову три чети муки, пудъ соли.
 Алешке Черепану три чети муки, пудъ соли.
 Васке Иванову три чети муки, пудъ соли.
 Өөтюнке Сидорову три чети муки, пудъ соли.
 Івашке Сидорову три чети муки, пудъ соли.
 Емелке Аеонасеву три чети муки, пудъ соли.
 Митке Ананину три чети муки, пудъ соли.
 Івашке Матвѣеву три чети муки, пудъ соли.
 Панке Леонтьеву три чети муки, пудъ соли.
 Івашке Михайлову три чети муки, пудъ соли.
 Өөдке Иванову три чети муки, пудъ соли.
 Агҗйке Иванову три чети муки, пудъ соли.
 Васке Иванову три чети муки, пудъ соли.
 Івашке Иванову три чети муки, пудъ соли.
 Өөжке Семенову три чети муки, пудъ соли.
 Серешке Петрову три чети муки, пудъ соли.
 Івашке Іевлеву три чети муки, пудъ соли.
 Өөчке Захарову три чети муки, пудъ соли.
 Івашке Пиминову три чети муки, пудъ соли.
 Сенке Иванову три чети муки, пудъ соли.
 Івашке Костянтинову три чети муки, пудъ соли.

Давыдке Кузмину три чети муки, пудъ соли.
 Петрушке Родивонову три чети муки, пудъ соли.
 Микишке Исаеву три чети муки, пудъ соли.
 Филке Иванову три чети муки, пудъ соли.
 Васке Иванову три чети муки, пудъ соли.
 Гришке Тимоѣеву три чети муки, пудъ соли.
 Аниоке Алексѣеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Ерошке Григорову три чети муки, пудъ соли.
 Ивашке Тихонову три чети муки, пудъ соли.
 Луконке Петрову три чети муки, пудъ соли.
 Тимошке Трофимову три чети муки, пудъ соли.

В о ш т а р я м ъ :

Стенке Василеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Пронке Мурзенку четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Терешке Петрову четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Устинке Кузмину четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Тимошке Дементьеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Ивашке Медвѣдеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Васке Аникиеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Оске Кузмину четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Ивашке Куликову четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Панке Андрѣеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Левке Андрѣеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Тимошке Матвѣеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Фадке Левонтьеву четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Васке Филипову четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Максимке Максимову четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Фролке Кудинову четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Алешке Иванову четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Савке Григорову четь съ осминою муки, полпуда соли.

К а з а к о м ъ :

Давытке Микитину четь съ осминою муки, полпуда соли.
 Ромашке Манойлову четь съ осминою муки, полпуда соли.

Всего поливачамъ и бочкарямъ и колесникомъ и кузнецу и будничкомъ и воштарямъ и казакомъ въ росходе хлѣбныхъ запасовъ августа съ 6-го числа 188-го году декабря по 1-е число нынѣшняго 189-го году триста девяносто три чети муки, сто тритцать два пуда соли. Да по скаске Барминскихъ будныхъ становъ поливачей и бочкарей и колесниковъ и воштарей и казаковъ дано имъ было при боярине князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ и при Михайле Кобылскомъ хлѣбного жалованья пятсотъ дватцать одна четь муки, а въ росписныхъ книгахъ за Михайловою рукою Кобылского той хлѣбной дачи не написано.

І всего хлѣбныхъ запасовъ въ расходе і съ тѣмъ, что имъ дано было при боярине князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ и при Михайле Кобылскомъ, девять сотъ четырнатцать чети муки, сто тритцать два пуда соли, шестьдесятъ шесть чети овса; и тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ для поташной смѣты положена цена по Лысковской ценѣ: за муку за четь по четыре алтына по двѣ денги, итого сто осмнатцать рублевъ дватцать семь алтынъ двѣ денги; за соль за пудъ по два алтына по полторы денги, итого восемь рублевъ тритцать алтынъ двѣ денги; за овесъ по два алтына по три денги, итого четыре рубли тритцать два алтына полшесты денги, а за провозъ тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ цена положена за муку за четь по алтыну, итого за девять сотъ за четырнатцать чети дватцать семь рублевъ четырнатцать алтынъ; за овесъ за четь по три денги, итого тритцать три алтына, а за молотье за рожъ по четыре денги за четь, итого за семь сотъ за тритцать за одну четь съ полуторымъ четверикомъ четырнатцать рублевъ дватцать алтынъ полпяты денги съ морткою. Всего за провозъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ и за молотье за рожъ сорокъ три рубли одинъ алтынъ съ полуденгою и съ морткою.

Да на Барминскихъ будныхъ станѣхъ было четыре человекъ целовалниковъ, подмоги имъ положено противъ прошлыхъ годовъ, какъ кладено на Сергацкихъ и Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ, по два рубли человекъ, итого восемь рублевъ.

За желѣза за свяску по шеснатцати алтынъ по четыре денги, итого два рубли тритцать алтынъ пять денегъ; за укладъ за тысецю по рублю, итого шесть рублевъ.

Всего въ расходе денежной казны на Барминскихъ будныхъ станѣхъ поливачемъ и будникомъ и всякимъ мастеровымъ людемъ и за желѣза и за укладъ і на всякие мѣлкие расходы і за хлѣбные запасы и за соль і за провозъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ і за молотье за рожъ и целовалникомъ подмоги и съ тѣмъ, что дано при боярине князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ и при Михайле Кобылскомъ, пять сотъ семдесятъ два рубли семнатцать алтынъ три денги съ морткою.

Да на тѣхъ же Барминскихъ будныхъ станѣхъ изготовили будники дровъ къ нынешнему ко 189-му году за тѣмижъ расходы пятьдесятъ шесть сажень, цѣна положена, какъ кладено на Сергацкихъ и на Арзамаскихъ будныхъ станѣхъ, по шти алтынъ по четыре денги за сажень, итого одиннатцеть рублевъ шесть алтынъ четыре денги, і тѣ денги на поташъ не положены и изъ расходу изъ пяти сотъ изъ семидесяти изъ дву рублевъ изъ семнатцети алтынъ ись трехъ денегъ съ морткою выложены для того, что въ тѣхъ дровехъ поташъ стануть дѣлать въ нынешнемъ во 189-мъ году, и тѣ денги на тотъ поташъ і положены будутъ во 190-мъ году, а на поташъ положено денежной казны пятсотъ шестьдесятъ одинъ рубль десеть алтынъ пять денегъ съ морткою.

И за тою денежною казною и за хлѣбными запасы и за всякими расходами здѣлано на Барминскихъ дву будныхъ станѣхъ поташу и съ тѣмъ, что принято у Михайла Кобылского, сто сорокъ пять бочекъ, а

въ терезовой вѣсь поташу безъ дерева три тысячи девять сотъ восемьдесятъ три пуда, дерева въ бочкахъ четыреста тридцать пять пудъ, і того поташу въ дѣле ценою пудъ сталь: двѣ тысячи девять сотъ шестьдесятъ пять пудъ по четыре алтына по четыре денги съ морткою, а берковцами двѣсти девяносто шесть берковцовъ пять пудъ по рублю по тринадцети алтынъ по четыре денги съ полуденгою—ітого четыре ста осмнатцать рублевъ дватцать шесть алтынъ пять денегъ съ морткою, а тысяча осмнатцать пудъ по четыре алтына по четыре денги пудъ, а берковцами сто одинъ берковецъ восемь пудъ по рублю по тринадцети алтынъ по двѣ денги берковецъ—ітого сто сорокъ два рубли семнатцать алтынъ двѣ денги.

І тотъ поташъ отпущенъ на Вологду на наемныхъ подводахъ, провозу до Вологды дано съ трехъ тысячъ зъ девети сотъ съ осми десятъ съ трехъ пудъ по десяти денегъ съ пуда, ітого сто девяносто девять рублевъ пять алтынъ, да зъ дерева съ четырехсотъ съ тридцети съ пяти пудъ по десятижъ денегъ съ пуда, ітого дватцать одинъ рубль дватцать пять алтынъ; всего съ поташу и зъ деревомъ съ четырехъ тысячъ съ четырехсотъ съ осмнатцети пудъ провозу до Вологды дано двѣсти дватцать рублевъ тридцать алтынъ, да дворянину и подячему, которые посланы на Вологду за поташемъ, да дву человекомъ проводникомъ на постоянное и майданнымъ лошедамъ на кормъ до Вологды и назадъ до Арзамаса дано десять рублевъ. І съ тѣми провозными денгами и что дано провозу изъ дерева и дворянину и подячему въ Вологоцкую посылку поташу пудъ имется на Вологде—безъ дерева четыре ста восемьдесятъ четыре пуда—по шти алтынъ по четыре денги пудъ, а берковцами сорокъ восемь берковцовъ четыре пуда по два рубли берковецъ; а три тысячи четыре ста девяносто девять пудъ по шти алтынъ по полчетверты денги съ морткою, а берковцами триста сорокъ девять берковцовъ девять пудъ по рублю по тридцати по два алтына по полшесты денги съ морткою берковецъ. А въ дѣле тотъ поташъ съ провозомъ на Вологде и что дано дворянину и подячему въ Вологоцкую посылку ценою сталь въ семь сотъ въ девяносто въ два рубли въ семь алтынъ въ три денги съ морткою.

Да въ нынешнемъ во 189-мъ году въ Нижегородскомъ же уѣзде въ Барминскихъ лесахъ заведенъ на поташное дѣло вновь одинъ будный станъ, а мастеровые люди переведены съ прежнихъ Барминскихъ дву будныхъ становъ, которые были лишке, и поташное дѣло въ нынешней во 189-й годъ стануть дѣлать въ Барминской волости на трехъ будныхъ станѣхъ.

А на прежнихъ Барминскихъ дву будныхъ станѣхъ въ остаткахъ хлѣбныхъ запасовъ въ нынешней во 189-й годъ декабря съ первого числа, девять сотъ одиннатцать чети съ полуосминою муки ржаные, осмнатцать чети ржи, сто девятнатцать чети безъ полуосмины крупъ, семдесятъ чети съ осминою толокна, тридцать чети съ осминою овса. И къ тѣмъ остаточнымъ хлѣбнымъ запасомъ надобно въ прибавку на Барминские

на три будные станы въ нынешней во 189-й годъ тысяча двѣсти чети муки ржаные, четыре ста тритцать три чети съ полуосминою сухарей, семьдесятъ чети крупъ, восемьдесятъ чети толокна, да работнымъ лошедямъ на кормъ двѣ тысячи дватцать пять чети овса.

Да на тѣжъ Барминские будные станы надобно къ приему и къ раздаче хлѣбныхъ запасовъ и всякихъ майданныхъ заводовъ и для дровяного и золяного приему шесть человѣкъ целовалниковъ, да къ сенокосному времени надобно сорокъ пять человѣкъ косцовъ, да работныхъ лошадей къ прежнимъ къ дватцети къ пяти лошедямъ надобно въ прибавку шестьдесятъ пять лошадей. Шинкинъ.

Справиль Алепка Юдинъ.

189 г. марта въ 1 день выписано изъ Барминскихъ смѣтыхъ книгъ на перечень, что въ приеме на тѣхъ будныхъ станѣхъ у Михайла Кобылского хлѣбныхъ запасовъ і лошадей і воловъ і желѣза и укладу, і что въ приходе денежные казны и хлѣбныхъ запасовъ, і что въ расходе денежные казны дворяномъ і подячимъ і поливочемъ і будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ і наемнымъ работникомъ, и сколко за тою денежною казною и за хлѣбными запасы здѣлано поташу бочекъ, і почему въ дѣле ценою пудъ сталь і берковецъ на мѣсте и почему на Вологде съ провозомъ, і то писано ниже сего.

Въ прошломъ во 188-мъ году принято у Михайла Кобылского на тѣхъ будныхъ станѣхъ сто семнатцать батовъ Тулского желѣза, шесть тысячъ клипцовъ укладу, да работныхъ лошадей двенатцать мериновъ, тринацать кобылъ—всего дватцать пять лошадей лѣтъ срослы, десять быковъ, да хлѣбныхъ запасовъ: девять чети муки ржаные, осмнатцать чети ржи, шеснатцать чети съ осминою овса.

Да на тѣжъ будные станы изъ Арзамаса изъ приказные избы прислано денежные казны пятсотъ дватцать одинъ рубль девять алтынъ, которая прислана изъ иноземского приказу съ подячимъ съ Василемъ Нечаевымъ мастеровымъ людемъ на жаловане і на поташной провозъ, і той денежной казнѣ расходъ: дву человѣкомъ поливочемъ, дву человѣкомъ бочкарямъ, дву человѣкомъ колесникомъ, одному человѣку кузнецу, сто семнатцети человѣкомъ будникомъ, осмнатцети человѣкомъ воштарямъ, дву человѣкомъ казакомъ дано жалованя двѣсти восемьдесятъ девять рублевъ пять алтынъ четыре денги, Да по скаске тѣхже Барминскихъ будныхъ становъ поливачей и бочкарей и колесниковъ и кузнеца и будниковъ і воштарей и казаковъ дано имъ было при боярине князе Іване Алексѣевиче Воротынскомъ и при Михайле Кобылскомъ денеж-

ного жалованя восмдесять деветь рублевъ шеснатцать алтынъ, да хлѣбного пятсотъ дватцать одна четь муки, а въ расходныхъ книгахъ за Михайловою рукою Кобылского той денежной и хлѣбной дачи не написано, да на поупку на сала ветчинное и на сани рубль шесть алтынъ четыре денги.

Всего въ расходъ на Барминские будные станы денежные казны поливачемъ и будникомъ и всякимъ мастеровымъ людемъ въ жаловане и съ тѣмъ, что дано имъ при боярине князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ и при Михайле Кобылскомъ, и на поупку на сани и на сала ветчинное триста семдесять деветь рублевъ дватцать осмь алтынъ двѣ денги.

Да взято на Барминскиежъ будные станы съ Сергацкого Можаровского будного стану хлѣбныхъ запасовъ всего и съ тѣмъ, что принято у Михайла Кобылского и писано выше сего, тысяча триста четыре чети съ полуосминою муки, оманатцеть чети ржи, сто девятнатцать чети безъ полуосмины крупъ, семдесять чети съ осминою толокна, сто тритцать два пуда соли, девяносто шесть чети съ осминою овса; і тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ въ расходъ дано поливачемъ и бочкарямъ и колесникомъ и кузнецу и будникомъ и воштарямъ и казакамъ всякихъ хлѣбныхъ запасовъ и соли и съ тѣмъ, что по ихъ скаске дано имъ было при боярине князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ і при Михайле Кобылскомъ, деветь сотъ чотырнатцать чети муки, сто тритцать два пуда соли, шестдесять шесть чети овса. И тѣмъ хлѣбнымъ запасомъ для поташной смѣты положена цена по Лысковской ценѣ за муку за четь по четыре алтына по двѣ денги, за соль за пудъ по два алтына по полторы денги, за овесъ за четь по два алтына по три денги. А за провозъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ положено за муку за четь по алтыну, а за овесъ за четь по три денги, за молотье за рожь по четыре денги. Всего по Лысковской ценѣ за хлѣбные запасы и за провозъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ і за молотье за рожь сто семдесять пять рублевъ дватцать пять алтынъ.

Да целовалникомъ чотыремъ челоувкомъ для поташныяжъ смѣты положено осмь рублевъ, за желѣзо за свяску по шеснатцети алтынъ по четыре денги—ітого два рубли тритцать алтынъ пять денегъ, за укладъ за тысячу по рублю—ітого шесть рублевъ.

Всего въ расходе денежные казны на Барминскихъ будныхъ станѣхъ поливачемъ і будникомъ і всякимъ мастеровымъ людемъ і за хлѣбные запасы по ценѣ і за ветчинное сала і за соль и за желѣзо и за укладъ і за провозъ тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ і за молотье за рожь и целовалникомъ подмоги і что дано при боярине князе Иване Алексѣевиче Воротынскомъ і при Михайле Кобылскомъ—пятсотъ семдесять два рубли семнатцать алтынъ три денги съ морткою.

Да на тѣхъ же будныхъ станѣхъ за тѣмижъ расходы изготовили будники къ нынешнему ко 189-му году пятдесять шесть сажень дровъ, цена положена по шти алтынъ по четыре денги за сажень, ітого один-

натцать рублевъ шесть алтынъ четыре денги; и тѣ денги на поташъ не положены и изъ расхода изъ пяти сотъ изъ семидесять изъ дву рублевъ изъ семнатцати алтынъ изъ трехъ денегъ съ морткою выложены для того, что въ тѣхъ дровехъ поташъ стануть дѣлать въ нынешнемъ во 189-мъ году, и тѣ денги на тотъ поташъ и положены будутъ, а на поташъ положено денежныя казны пятсотъ шестьдесятъ одинъ рубль десять алтынъ пять денегъ съ морткою.

І за тою денежною казною и за хлѣбными запасы и за всякими расходами здѣлано на Барминскихъ дву будныхъ станѣхъ поташу сто сорокъ пять бочекъ и съ тѣмъ, что принято у Михайла Кобылского. А въ терезовой вѣсѣ поташу безъ дерева три тысячи девятсотъ восемьдесятъ три пуда, дерева въ бочкахъ четыреста тритцать пять пудъ, и того поташу въ дѣле ценою пудъ сталь: двѣ тысячи девять сотъ шестьдесятъ пять пудъ по четыре алтына по четыре денги съ морткою, а берковцами двѣсти девеносто шесть берковцовъ пять пудъ по рублю по тринадцети алтынъ по четыре денги съ полуденгою; тысяча осмнатцать пудъ по четыре алтына по четыре денги пудъ, а берковцами сто одинъ берковецъ восемь пудъ по рублю по тринадцети алтынъ по двѣ денги берковецъ.

І тотъ поташъ отпушенъ на Вологду на наемныхъ подводахъ, провозу съ того поташу до Вологды дано съ трехъ тысячъ зъ девяти сотъ съ осмидесятъ съ трехъ пудъ по десяти денегъ съ пуда—итого сто девяносто девять рублевъ пять алтынъ, да зъ дерева съ четырехсотъ съ тритцети съ пяти пудъ по десяти денегъ съ пуда—итого дватцать одинъ рубль дватцать пять алтынъ. Всего поташу зъ деревомъ съ четырехъ тысячъ съ четырехсотъ съ осмнатцети пудъ провозу до Вологды дано двѣсти дватцать рублевъ тритцать алтынъ, да дворянину и подячему въ Вологоцкую посылку дано десеть рублевъ, і съ тѣми провозными денгами і что дано провозу изъ дерева і дворянину і подячему въ Вологоцкую посылку, имется берковецъ на Вологде, безъ дерева сорокъ восемь берковцовъ четыре пуда, по два рубли берковецъ, триста сорокъ девять берковцовъ девять пудъ по рублю по тритцети по два алтына по полшесты денги съ морткою берковецъ, а въ дѣле тотъ поташъ і съ провозомъ на Вологде і что дано дворянину въ Вологоцкую посылку безъ дерева имется семь сотъ девяносто два рубли семь алтынъ три денги съ морткою.

Да въ нынешнемъ во 189-мъ году въ Нижегородкомъ же уѣзде въ Барминскихъ лесахъ заведенъ на поташное дѣло вновь одинъ будной станъ, и поташное дѣло въ нынешней во 189-й годъ стануть дѣлать въ Барминской волости на трехъ будныхъ станѣхъ.

А на прежнихъ Барминскихъ будныхъ дву станѣхъ въ остаткахъ хлѣбныхъ запасовъ въ нынешней въ 189-й годъ декабря съ 1-го числа девять сотъ одиннатцать чети съ полуосминою муки ржаные, осмнатцать чети ржи, сто девятнатцать чети безъ полуосмины крупъ, семдесятъ чети съ осминою толокна, тритцать чети съ осминою овса. И къ тѣмъ

остаточнымъ хлѣбнымъ запасомъ надобно въ прибавку на Барминские на три будные станы въ нынешней во 189-й годъ тысяча двѣсти чети муки ржаные, четыре ста тритцать три чети съ полуосминою сухарей, семдесятъ чети крупъ овсяныхъ, восьмдесятъ чети толокна, да работнымъ лошедямъ на кормъ двѣ тысячи дватцать пять чети овса. Да на тѣ же Барминские будные станы надобно къ приему и къ роздаче хлѣбныхъ запасовъ і всякихъ майданныхъ заводовъ і для золяного і дровяного приему шесть чловѣкъ целовалниковъ, да къ сенокосному времени надобно сорокъ пять чловѣкъ косцовъ, да работныхъ лошедей къ прежнимъ къ дватцети къ пяти лошедямъ надобно въ прибавку шестьдесятъ пять лошедей. (Ши)шкинъ.

Справилъ Алешка Юдинъ.

Указатель

А

- Алатырь: 26.
 Алатырскія села: 12, 48.
 Алатырскій уѣздъ: 11, 29, 51.
 Арзамасъ: 1, 8, 46, 52, 62, 63.
 Арзамасскій уѣздъ: 28, 30, 33—34, 43.

Б

- Бобыли: 32, 34.
 Бортники: 11—12, 30, 46.
 Бочари: 2, 8, 15, 24—25, 47—48, 53, 56—57, 60, 63—64.
 Будники: 3—7, 14—21, 24—26, 47—49, 53—55, 57, 60—61, 63—64.

В

- Вологда: 27—28, 47, 50—52, 62—63, 65.
 Волость Барминская: 52, 57.
 — Баянинская: 57.
 — Красносельская: 26.
 — Лысковская: 12, 48, 57.
 — Мурашкинская: 12, 48.
 — Терюшевская: 8, 11, 12, 30, 32, 42, 44, 48.
 Воля: 52, 56, 63.
 Воротынскій Иванъ Алексѣевичъ, князь: 52, 56—57, 60—61, 64.
 — Воштарн: 7—8, 21—25, 47—48, 56, 60, 63—64.
 Вѣсь терезовый: 27—28, 49—51, 62, 65.

Г

- Гарты: 9.
 Голова таможенный: 25.
 Гость: 28, 50.

Д

- Дворяне: 2, 8, 12, 24—26, 47—49, 62—63, 65.
 Деревня Атемасова: 34.
 — Атингѣва: 31,
 — Бакшѣва: 32, 44, 45.
 — Березники (Березниково): 33, 42, 44.
 — Березовка: 32.
 — Борцово Новое: 32, 44, 46.
 — Борцово Старое: 45—46.
 — Вармалѣя: 44.
 — Великій Врагъ: 31, 34.
 — Вышны: 45.
 — Гаряя: 31.
 — Голяткина: 33.
 — Елховка: 45.
 — Зубаниха: 33.
 — Иванцово Новое: 30.
 — Иванцово Старое: 31.
 — Истриянова: 30, 41.
 — Инегѣя: 33, 45.
 — Жоглѣйка: 32, 42, 44—45.
 — Камкина: 40.
 — Бардавилы: 31, 34, 43.
 — Басаново: 45.
 — Бевлея: 31.
 — Божутка (Бужутка): 33, 45, 46.
 — Бокина: 31.
 — Бранивка: 31, 34, 43.
 — Бривуша: 33, 45.
 — Будлейка: 31, 33.
 — Будрина: 33, 44.
 — Бужадонъ: 33.
 — Бузатова: 31, 34.
 — Булея: 40.
 — Буриловка: 45.
 — Лапшиха: 46.
 — Лиметь: 32—34.
 — Липовка: 32—33.
 — Литюшиха: 33, 44.

- Личадѣва: 31, 37, 43.
- Макотелемъ Большой: 34.
- Макотелемъ Малый: 34.
- Макрашъ: 32, 42, 44, 46
- Мирши: 45.
- Милкушы: 31.
- Муравиха: 45.
- Ордатова: 30, 41.
- Остодѣва: 31, 36.
- Пилекшева: 45.
- Пичигушы Старые: 31.
- Погиблова: 31.
- Ревезень: 31.
- Ризодѣва: 38.
- Ромазгья: 31, 34.
- Романиха: 33, 45.
- Сарадонъ: 45—46.
- Сескино Большое: 44—45.
- Сескино Малое: 44.
- Сыресева: 31, 36.
- Сычесева: 31.
- Сятгья: 32.
- Тараталгья: 34.
- Татарская: 32, 42.
- Тепелѣво Новое: 33, 42, 45.
- Терюшево Малое: 44, 45.
- Тоторшева: 30, 34.
- Тюгелева: 31.
- Учеватовка: 45.
- Хирина: 31.
- Череватово Новое: 31, 37.
- Череватово Старое: 31, 34.
- Чертовка: 33.
- Өторуская: 30.
- Өторуская Новая: 34, 41, 43.
- Өторуская Старая: 34, 41.
- Дни прогульные: 9, 26—27, 37, 43.
- Дьянь: 1, 29, 47, 52.
- Дьячень: 29.

Ж

- Жельзо Свицкое: 9.
- Тульское: 52, 61—63, 64.

З

- Зола бирковая: 10.

И

Изда приказная бортичнхъ и Мордовскихъ дѣлъ: 1, 9 (изба Арамаская приказная), 12 (тоже), 46—47, 52, 63.

К

- Казани: 8, 24—25, 47—48, 56, 60, 63—64.
- Казна денежная: 1, 2, 9, 26—28, 47, 49—53, 61, 63—65.
- Книги именные: 30.
- расходныя: 29.
- смѣтныя: 28, 46, 63.
- Кобыльскій Михаилъ: 52, 56—57, 60—61, 63—65.
- Колесники: 2—3, 8, 13, 24—25, 47—48, 53, 56—57, 60, 63—64.
- Косцы: 26, 49, 52, 63, 66.
- Котлы: 9.
- Крестьяне помѣщиковы и вотчинниковы: 30.
- Терюшевскіе: 48.
- Кузнецы: 3, 8, 14, 24—25, 47—48, 56—57, 60, 63—64.

Л

- Лошадн: 9, 11, 25, 30, 48, 52, 57, 62—63, 66.
- Лыново: 26.
- Лысковскіе крестьяне: 11, 48, 57.
- Лѣса Барминскіе: 62, 65.
- Мордовскіе: 29.
- Люди работные: 8, 9, 12, 30.

М

- Мастеръ конскій: 8, 24—25, 47—48.
- Мордва: 11—12, 30, 48.
- Москва: 1, 10, 27—28, 46, 48—49.
- Мурашино: 26.
- скіе крестьяне: 11, 48.

Н

- Недѣли прогульные: 9, 27, 34—44, 46.
- Недѣля прогульная: 37, 41—43, 46.
- Нижегородскій уѣздъ: 62, 65.

П

- Плата наемная работнымъ людямъ: 8—9, 33—34, 43—45, 47.
- Подгьячѣ 2, 8, 12, 24—26, 47—49, 51, 53, 62—63, 65.
- Поливачи: 2, 8, 12—13, 24—26, 47—49, 53, 56—57, 60—64.

Понамарь: 29.

Попы: 29.

Поташь: 26—29, 48—52, 61—63, 65.

Приказъ большого двора: 1, 10, 29, 47—48, 51—52.

— иноземскій: 27—28, 29, 51, 53, 63.

— глѣбный: 29, 51.

Причетники: 29.

Провозъ: 26—28, 48—53, 61—65.

Просвирия: 29.

Р

Работники Галиціе: 30.

С

Село Борисово: 45.

— Воскресенское: 40.

— Воскресенское Новое: 29, 51.

— Исупово: 32.

— Бруглое: 32—33, 44.

— Мельюга: 31, 41.

— Нучи: 33, 34.

— Порѣцкое: 11.

— Семеновское: 11.

— Терюшево: 9, 26, 32, 43, 44.

— Трехсвятское: 31, 33.

— Хохлово: 32.

Станы будныя Арзамасскіе: 1, 2, 8, 9, 10—12, 25—30, 32, 34, 46—51, 61.

— — Барминскіе: 52, 56—57, 60—66.

— — Сергачскіе: 11—12, 26, 29, 48, 51, 57, 61, 64.

— — гостя Семена Свѣрчкова: 28, 50.

Стряпчій съ ключемъ: 29, 51.

Т

Торжни: 9.

Ц

Цѣна Арзамасская крупы: 26, 48.

— — муки: 25, 48.

— — овса 26, 48.

— — сухарей: 26, 48.

— — толокна: 26, 48.

— безменъ: 9.

— бумаги пищевой: 9

— дровъ: 26—27, 49, 61, 64.

— золы: 26—27, 49.

— кирпича: 9.

— Лысковская муки: 61, 64.

— — соли: 61, 64.

— — овса: 61, 64.

— молотыбы ржи: 49, 61, 64.

— мѣди: 9.

— мѣховъ кузнечныхъ: 9.

— наковалень: 9.

— сала: 9, 56.

— саней: 56.

— соли: 9, 10, 25—26, 48.

— точилъ: 9.

Цѣловальники: 26, 30, 49, 52, 61, 63—64, 66.

Ш

Шипшинъ Юрій Федоровичъ, стольникъ и воевода: 1, 46, 52, 63, 66.

Ю

Юдинъ Алексѣй, подъячій: 2, 12, 30, 46, 52, 63, 66.

Я

Ярмарна Мазарьевская: 9.

II.

МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

ТЕКСТЫ

ПОВѢСТИ ОБЪ АЌИРЪ ПРЕМУДРОМЪ.

ДРЕВНѢЙШАЯ РЕДАКЦІЯ.

Версіи: сирійская, арабская, армянская и славянская.

Сирийская.

(По Cod. Add. 2020 Кэمبرидж. унив.).

Опять, по божественной волѣ, я пишу изреченія, т. е. исторію Ахи́кара, мудреца и секретаря Сеннахе́риба, царя Ассиріи и Ниневіи.

I.

1. На двадцатомъ году Сеннахе́риба, сына Сархадума, царя Ассиріи и Ниневіи,

былъ я, Ахи́карь, секретаремъ царскимъ¹.

2.

И было мнѣ сказано,* когда я былъ мальчикомъ²,

„что не родится у тебя сына“.

3. *И богатство, что я приобрѣлъ, было слишкомъ обширно,

чтобы сосчитать [его]³.

4. На шестидесяти женахъ я женился, и шестьдесятъ замковъ построилъ я имъ⁴,

Варьянты подведены изъ S1.

¹ Всего начала въ S1 нѣтъ.

*—² нѣтъ.

*—³ S1 просто: „И я имѣлъ большое богатство“.

⁴ S1 „себѣ“.

Арабская.

(По Cod. Sachau 339).

Исторія мудраго Хикъара.

I.

1. Было во дни Санхериба, сына Сархадума, царя Ассиріи и Ниневіи,

тогда былъ я, Хикъаръ, его министромъ и секретаремъ.

2. И когда я былъ еще молодъ, сказали мнѣ колдуны, астрологи и предсказатели:

„Ты не будешь имѣть сына.“¹

3. Я владѣлъ большимъ имуществомъ, приобрѣлъ себѣ много добра,

4. женился на шестидесяти² женахъ и велѣлъ выстроить имъ шестьдесятъ огромныхъ замковъ прекрасной архитектуры и большіе дома.

Изъ второй араб. ред. (текстовъ Каршун. 2886, Саеров. изданія, изд. Сальгани, Агуба и Коскена) приводятся немногіе варьянты, именно только тѣ, которые могутъ дать указанія для другихъ версій.

¹ Предсказаніе (§ 2) опущено во 2 араб. ред..

² Въ рикси нѣтъ 60; но шестьдесятъ женъ есть въ Карш., Сад., Сальг. и Агуб..

Армянская.

(По сводн. тексту, изд. Кониберомъ).

Правила и мудрость Хикара,
которымъ дѣти людей учатся.^{а 1}

I.

1. Во времена и въ царствованіе
Сенекарима, царя Ниневи [Nineveh]
и Ассири [Асорестана],
я Хикарь, секретарь Сенекарима
царя,
2.

3. [Канон. доб.: „приобрѣлъ мнѣ
рабовъ и служанокъ и много иму-
ществъ“].

4. *взялъ шестьдесятъ женъ
и выстроилъ^а себѣ шестьдесятъ
дворцовъ.

Русскія буквы обозначаютъ—варьянты англ. изданія: малыя поставлены вмѣсто цифръ, большія вмѣсто малыхъ буквъ; греч. буквы обозначаютъ главнѣйшіе варьянты изъ Базмавепа (только тѣхъ мѣстъ, которыя напечатаны); цифры—варьянты изъ печатной книги.

*—^а Кан.: „Я выстроилъ“ и пр..

^а Базм. нѣтъ заглавія.

¹ Необходимыя и полезныя наставленія Хикара мудреца.

Славянская (русская рец.).

(По ркп. 189 Общ. И. и Др. Р.).

I.

1.¹ Сѣнагрипъ, црь *адорокъ и
наливской стрѣ^{а 2}.

В того [ВХ. то] время азъ
*акиръ книгчн³ вѣ⁴.

2.

и⁵ речено мнѣ⁶ ѣсть [ВХ. вѣ] ѿ
ба:

„ѿ⁷ тебе⁸ чѣ не родиться“.

3. и мѣни⁸ же⁹ и мѣ⁹ паче вѣ⁸
члѣкх.

4. * [В. доб.: и] полъ жен¹⁰
и оустроихъ дмх¹¹.

В обозначаетъ Вахрамѣевскій списокъ, Х—Хлудовскій, Сол—Соловецкій.

¹ В. доб. «мудрость акирова. гѣ багѣ». *—² В. египетской. ¹—² Х. измѣняетъ: «Повѣсть акира прѣраго книгчнѣ симографѣ црѣ адорскаго и наливскаго».

*—³ В. акирѣ книгчнѣ. ⁴ Х. доб.: «и моихъ ба негѣ да дѣств мн чадорѣднѣ».

⁵ В. нѣтъ. ⁶ Х. нѣтъ. ⁷ ВХ. ѿ. ⁸ В. оп..

⁹ Х. и мѣихъ. *—¹⁰ Х. нѣтъ. ¹¹ В. домы.

^а ѣ исправлено изъ о.

5.

и¹ у меня не было сына.

6. Тогда я, Ахиқаръ, построилъ себѣ большой алтарь, *весь изъ дерева²;

и зажегъ на немъ огонь,

и положилъ на немъ хорошее мясо³,

7.

*и такъ я говорилъ⁴:

8. „Господи, Боже мой;

9. если я умру и не оставлю сына,

что скажутъ люди обо мнѣ? Они скажутъ, что это, вотъ, Ахиқаръ—справедливый, хорошій

и служащій Богу:

онъ умеръ,

и не оставилъ сына похоронить его, ни одного!

ни дочери:

¹ „а отъ этихъ женъ ни отъ одной“.

*—² ениіама.

²—³ и обѣщаль обѣтъ.

*—⁴ и сказалъ.

5. Мнѣ было уже шестьдесятъ лѣтъ, и все еще я не получалъ сына.

6.

Тогда принесъ я, Хиваръ, идоламъ жертвы изъ животныхъ и другія

и воскурилъ предъ ними ладанъ, каннель, мастичную смолу и канкамумъ

7.

и говорилъ:

8. „Боги!

даруйте мнѣ сына,

глядя на котораго, я могъ бы радоваться,

и который наследовалъ бы мнѣ послѣ моей смерти;

который закрылъ бы мнѣ глаза и похоронилъ бы меня.

9.

5. И я Кикарь былъ шестидесяти-
лѣтняго возраста, и я не имѣлъ сына.
6.

Тогда я пошелъ къ богамъ со мно-
гими жертвоприношеніями;
я зажегъ огонь предъ богами
и бросалъ на него ошміамъ^а,

и предложилъ мои посвященныя жер-
твоприношенія и принесъ жертвы,

7. колѣнопреклонился и молился
и такъ говорилъ въ моей молитвѣ:

8. „О мои господа и боги, *Бель-
шимъ и Шимиль и Шаминъ¹,
повелите и дайте мнѣ * мужское
сѣмя.^{а2}“

9. Потому что вотъ Кикарь умира-
етъ живой.

И что говорятъ³ люди?

Что Кикарь, * хотя живъ⁴ и мудръ
и свѣдущъ,

умеръ,

и нѣтъ сына его похоронить его,

ни дочери оплакать его.

^а добавл. „приятнаго запаха“ 58 и
Edj..

*—^{а2} дитя мужского пола.

*—¹ Бѣлшимъ и Шамимъ.

³ скажутъ.

*—⁴ нѣтъ.

5. и жихъ. љ. лѣ.

и¹ не бы² ми чада.

6. и³ создѣ трѣбніки,⁴

и взгѣтѣ⁵ ѡгъ

[серб. С.Ф. доб.: и кадѣ [Ф:
кадѣ] съ блгооуханіемъ]

7.

и рѣ:

8. „гѣ⁶ бѣ мой!

9. аще умрѣ [В. преставленъ азъ]
и⁷ не бѣдетъ ми наслѣдника.⁸

и рѣтъ⁹ * члѣки:

„акірѣ¹⁰ праведенъ бѣ.¹¹“

и * боу истинно [В. правдою] служаше.

* аще умретъ [В. преставленъ и]

не ѡбращетса¹² мужьскъ¹³ полъ,

иже¹⁴ постоитъ * на гробѣ¹⁵ ѣго.

ни днвческъ¹⁶ полъ, * иже бы ѣго

ѡплакалъ¹⁷,

¹ В. оп.. ² В. Х. бы. ³ В: азъ акірѣ.

⁴ В. потрясінїи. ⁵ В. Х. взгѣтѣ. ⁶ В. Х: гѣ.

⁷ В: то. ⁸ В: наслѣдникъ. ⁹ В: рѣтъ ми.

¹⁰ В. акірѣ. ¹¹ В. истиненъ бѣ мужь.

¹² В. доб. тоу. ¹³ В. мужьскїи. ¹⁴ В. ни.

*—¹⁵ В. на гробомъ. ¹⁶ В: женьскїи. *—¹⁷

В: ѡплачет ма.

^а въ рѣси послѣ ч не то ѣ, не то бѣ.

и его владѣнія, какъ будто онъ былъ проклятъ, не наследуетъ никто¹.

10.

11. Но я прошу тебя, Господи, чтобы я могъ имѣть² дитя мужескаго пола; такъ чтобы, когда я умру, онъ могъ бросить прахъ на мои глаза“:

12.

13.

*и мною былъ услышанъ такой голосъ³:

14. „Ахидаръ, мудрый книжникъ, все, что ты у меня просилъ, я тебѣ далъ;

но что касается того, что я оставилъ тебя бездѣтнымъ, то пусть это удовлетворить тебя, не печалься⁴;

⁴—¹ опускается.

¹—² „Господи Боже, дай мнѣ“.

*—³ Тогда мнѣ послышался голосъ, который говорилъ.

³—⁴ „О Ахидаръ, не мучь себя слишкомъ много; для тебя нѣтъ никакого сына.“

10. Если бы онъ отъ того дня, въ который я умру, до дня, въ который онъ умретъ, ежедневно долженъ былъ тратить и издерживать по центнеру золота,

то мой капиталъ не исчерпался бы и мое имущество не уменьшилось бы!“
11.

12. Но боги не отвѣчали мнѣ.

Тогда отвернулся я отъ нихъ полный печали и скорби, оставилъ ихъ и обратился со своими словами и молился Богу неба¹.

13.

Тогда сошелъ голосъ, и онъ говорилъ мнѣ:

14.

¹ Во второй араб. ред. молитва къ богамъ не приведена, но зато начало ея (§ 8) обращено въ молитву Богу.

Я не имѣю наслѣдника послѣ моей смерти.

10.

Ни даже, если бы сынъ истратилъ десять талантовъ *въ послѣдній день¹,

онъ не исчерпалъ бы моихъ богатствъ.

11. Но я (прошу только),

чтобы онъ могъ насыпать прахъ своими руками на меня

для того, чтобы я не оставался не вспомнутаымъ.²

12.

13.

Тогда былъ гласъ отъ боговъ, и они сказали:

14.

„Киварь, не опредѣлено сѣмени^а ² для тебя.

*—¹ ежедневно.

^а ² сына.

*ни иже¹ по не² *задницю взуметь [В. имене^к его свернуть] и вудеть [В. не ѡста] наслѣдникъ [В. доб. его]^к ².

10.

11. и нынѣ прошу оук³ тебе, ги бе мой, дай же ми⁴ мужьскы полъ.⁵ ѡга⁶ приставаиса⁷,

да высыпаетъ⁸ ми переть⁸ на ѡчи мой^к.⁹

12.

13. *и гь¹⁰ послѣша моленіа^{с11} моѡго¹². и¹³ гла ми предн¹⁴ съ нѣх¹⁵ гла:

14. „акире¹⁶, всако¹⁷ ти прошеніѡ сткорю.

а ѡже¹⁸ ѡ чадѣ,¹⁸ то не проси *ѡ мене.¹⁹

*—¹ В: иныи же. ² В: дагѣе доб. и тако ми ркоутъ. ³ В: оу. ⁴ В: доб. чадю. ⁸—⁵ X. опускаетъ: и рчѣть—полъ. ⁶ В: доб. когда. ⁷ X: доб. и. ⁸ В: перети. ⁹ X: доб. и да поплѣче на грѡдѡ мой. *—¹⁰ В: гь же. ¹¹ В: моленн. *—¹² X: опускаетъ все предложеніе. ¹³ В: нѣтъ. ¹⁴ В: прде. ¹⁴—¹⁵ В: нѣтъ. ¹⁵—¹⁶ X: прінде ми гла с нѣсе. ¹⁶ В: акире. ¹⁷ X: все. ¹⁸ В: доб. ти. *—¹⁹ X: нѣтъ.

^а ч исправлено на с.

15. но вотъ! Наданъ, сынъ твоей сестры; *онъ будетъ тебѣ¹ сыномъ:

*такъ что сообразно съ ростомъ его фигуры² ты *будешь въ состояніи³ учить его всему“.

16. И когда я услышалъ это,
*я опять опечалился и сказалъ:

17. „О, Господи Боже! ты желаешь дать мнѣ въ качествѣ сына Надана, сына моей сестры, такъ чтобы, когда я умру, онъ могъ бросить прахъ на мои глаза?“

18.

19. И не былъ данъ мнѣ больше никакой отвѣтъ.

20. И я послушался приказанія⁴ и взялъ *во мнѣ въ качествѣ сына⁵ Надана, сына моей сестры⁶:

21. и такъ какъ онъ былъ еще молодой,

*—¹ сдѣлай его твоимъ.

*—² S₁ такъ чтобы, когда онъ вырастетъ“.

*—³ могъ бы быть способнымъ.

*—⁴ S₁ все это опускаетъ.

*—⁵ S₁ все это опускаетъ.

⁶ S₁ доб.: „и онъ сдѣлался моимъ сыномъ“, но далѣе зато опускаетъ все вплоть до поученія.

„Такъ какъ ты вѣрилъ въ боговъ, возложилъ на нихъ свою надежду и принесъ имъ жертвы,

то поэтому ты долженъ остаться безъ сыновей и дочерей.

15. но вотъ твой сестричъ Наданъ, ты возьми его въ качествѣ сына,

и посвяти его въ свое знаніе;

онъ можетъ тебѣ наследовать“.

16.

17.

18.

19.

20.

Тогда взялъ я къ себѣ своего племянника Надана,

21. который былъ еще мальчикомъ,

15.

Но ты долженъ взять Наѳана^а, сына
твоей сестры,^а

и воспитать его, какъ твоего
сына,

и онъ долженъ отплатить тебѣ за
твои издержки на воспитаніе его^б.^а

16. И когда я услышалъ это отъ
боговъ,

17.

18.

19.

20.

я взялъ
Наѳана, сына моей сестры^а;

21. онъ былъ одного года;

15. се¹ [X. ѿтъ ѿ тебе] *сестри-
цица твоѣ² ѿнаданх. *и се³ поимн⁴
вх съгна⁵ мѣсто⁶.

16. и⁷ ꙗко оуслышѣа гла ѿ⁸ глѣ,⁹
и пакы вхзхпн:¹⁰

17. „гнѣ *бѣ мой,¹¹

ѿще бы оу мене мѣжъскыи¹² полх,
*и кх днѣ¹³ смрѣти моѣа вхзыпалх
[В. доб. бы] персѣти на ѿчн мой.

18. ѿще бы¹⁴ до смрѣти своѣа¹⁵
оувѣдалх на днѣ *кѣ¹⁶ кѣтинаръ злата¹⁶
на потрѣбѣхъ соѣѣ,¹⁷

не истоцилах бы¹⁸ домѣ своѣмѣ.¹⁹

19. и²⁰ не бы ми гла.²¹

20. и²² приахъ рѣ гнѣ.^а
и приахъ [В. поимн]²³
сестрицица²⁴ своѣго ѿнадана вх снѣ
мѣсто.

21. *и младх²⁵ бѣ.²⁶

^а Такъ лучшія армянскія рукописи.
Худшія читаютъ Наданъ.

^б Такъ Кан.. Другія имѣютъ „упла-
тить тебѣ назадъ твое имя“ (см.
примѣч. къ армян. тексту).

^а племянника своего.

¹ В. нѣтъ. *—² X. сестричѣ. *—³ В. ѿго
же, X. сегѣ. ⁴ В. доб. соѣѣ. ⁵ В. X. снѣ.
⁶ X. мѣсто. ⁷ В. нѣтъ. ⁸ В. ѿ. ⁹ В. снѣ.
^{9—10} В. и рѣ. *—¹¹ В. нѣтъ. ¹² В. моу-
жескх. *—¹³ В. во днѣ. ¹⁴ В: бы и.
¹⁵ В. вдалх къ гривнѣ златѣ. *—¹⁶ В. нѣтъ.
¹⁷ В. днѣ своѣи. ¹⁸ В. быхъ. ¹⁹ В: моѣго.
²⁰ В: ꙗко. ^{6—21} X. опускаетъ все вто-
рое обращеніе къ Богу. ²² В. нѣтъ.
²³ X: взнѣ. ²⁴ X: сестрицица. *—²⁵ В. мало
ко. *—²⁶ X: младѣ снѣ.

^а гнѣ передѣлано изъ глѣ.

я окружилъ его восемью корми-
лицами:

22. и я воспитывалъ своего сына
на медѣ,

23. и позволялъ ему лежать на от-
борныхъ коврахъ,
и одѣвалъ его въ тонкое полотно
и пурпуръ;

24.

25.

26. и мой сынъ росъ

и выросъ какъ кедръ,

27. и когда мой сынъ выросъ боль-
шимъ,

я училъ его книжной науцѣ и
мудрости.

28.

29. И когда царь вернулся съ того
мѣста, куда онъ ушелъ,

онъ позвалъ меня

и сказалъ мнѣ:

30.

и передалъ его восьми мамкамъ,

которыя должны были кормить его
грудью и воспитывать.

22. И я растилъ его масломъ,
медомъ и сливками,

23.

одѣвалъ его въ шелкъ и пурпуръ

24.

25. и позволялъ ему лежать на
мягкихъ коврахъ и бархатныхъ ма-
теріяхъ.

26. Наданъ подросталъ и дѣлался
большимъ и статнымъ,
какъ воспитанный кедръ.

27.

Я училъ его письму, мудрости и
философіи.

28.

29. Когда же царь Санхерибъ вер-
нулся изъ своего путешествія и
своего похода¹,

онъ приказалъ однажды позвать
меня, своего секретаря и министра
Хивара,

и сказалъ мнѣ:

30. „Ты прославленный товарищъ,
высокочитимый другъ

¹ О возвращеніи изъ путешествія
во второй араб. ред. нѣтъ ничего.

22. я одѣлъ его въ виссонъ и пурпуръ; и золотое ожерелье я объязалъ вокругъ его шеи; и какъ сына царя я покрылъ его украшеніями.

24. И я далъ ему пить молово и медъ,

25. и я клалъ его спать на моихъ орлахъ и голубяхъ,

26.

27. пока онъ не былъ семилѣтняго возраста.

Тогда я началъ учить его письму и мудрости и искусству знанія и отвѣтамъ на письма, и отвѣтамъ на противныя рѣчи.

28. И днемъ и ночью я не переставалъ учить его; и я насыщалъ его мимъ ученіемъ, какъ хлѣбомъ и водою.

29.

Тогда царь сказалъ мнѣ:
30.

и дѣ

* дойти и.¹

22. *взкорѣмѣхъ и [ВХ. корми ѣго] медѣ и вино
*и ѡдѣхъ и медомъ и виномъ (sic).²

23.

и³ додѣхъ и⁴ вѣбромъ и брачно-
момъ.⁵

24.

25.

26.

27. и [В. доб. такъ] взрасте;⁶

и наѡчнхъ и⁷ вѣскои⁸ грамотѣ.

28.

29.

и црь ми⁸ тако рече:
30.

*—¹В: и дойти. и воздоишай. ²⁶—¹Х. и.
*—²ВХ. оп. ³В. нѣтъ. ⁴В. ѣго. ⁴—⁵В. вѣбромъ. ³—⁵Х. только: брачнѣ. ⁶В. взрастѣи ѣго, Х. опускаетъ всю фразу.
⁷В. Х. ѣго. ⁸В. нѣтъ.

„О Ахиварь, мудрый книжникъ
и хозяинъ моихъ мыслей,

когда ты сбѣлаешься старымъ
и умрешь,

кто послѣ тебя придетъ и будетъ
служить мнѣ подобно тебѣ?“

31. И я отвѣчалъ и сказалъ ему:

32. „О мой государь царь, живи
на вѣки!

Я имѣю сына,

мудраго какъ я самъ,
и ученаго подобно мнѣ, и воспи-
таннаго“.

33. И царь сказалъ мнѣ:

34. „Приведи его и покажи мнѣ
его.

Если онъ въ состояніи стоять пе-
редо мною,

я тебя отпущу въ мирѣ,

и ты проведешь свой старый вѣкъ
въ чести до тѣхъ поръ, пока не окон-
чишь своихъ дней“.

и искусный мудрецъ; ты печать моей
тайны и соучастникъ скрываемыхъ
мною дѣлъ.

Ты уже въ лѣтахъ и состарѣлся,
и твоя смерть близка.

Скажи мнѣ, кто, по твоему жела-
нію, долженъ служить мнѣ послѣ
твоей смерти“.

31. Тогда я сказалъ ему:

32. „Мой господинъ и царь! живи
вѣчно до самыхъ позднихъ вѣковъ.

Я имѣю племянника, который для
меня является сыномъ.

Его я научилъ своему знанію,
и онъ—многознающій мудрецъ“.

33. На это отвѣтилъ мой государь
и царь:

34. „Ступай и приведи его сюда,
чтобы я видѣлъ его.

Если онъ годится мнѣ,

то пусть прислуживаетъ мнѣ.

Тогда онъ можетъ стоять предъ
мною и служить мнѣ,
а ты возвращайся [домой]

и отдыхай отъ своей утомительной
дѣятельности, пока не кончишь въ
почестяхъ своей старости“.

„Киварь, мой секретарь и мудрецъ,

я знаю, что ты сталъ старъ;
и послѣ твоей смерти
кто есть здѣсь, чтобы исполнять
умѣло и мудро дѣла нашего царства?

*И я очень горевалъ при этой мы-
сли¹.

31. ²И я сказалъ ему:

32. „О царь, живи навсегда.

Вотъ мой сынъ,

который превосходить меня и бо-
лѣе свѣдущъ“.

33. И царь говорить:³

34. „приведи его ко мнѣ, чтобы я
могъ увидѣть его“.

„Ѡ акире.¹ премудрын² книжчиѣ,³
свѣтнице мой!

Ѡще старѣвъ⁴
прѣставшиса,
кого Ѡбрацю свѣтаника моѣго?⁵“.

31. Ѡ⁶ тако Ѡвѣщахъ:⁷

32. „Ѡрѣю, въ вѣкы живы⁸

ѣсть Ѡ мене сѣхъ.

*Ѡкоже ѣсмь Ѡзх.⁹
оумѣ¹⁰ Ѡ влакоѣ премудрости¹¹ Ѡ
книгѣ [91] науцихъ Ѡ¹²“.

33. Ѡ Ѡрѣ¹³ ми Ѡрѣ:¹⁴

34. „приведи ми сѣа своѣго
[X. твоего], *да вижу Ѡ.¹⁵
Ѡче [ВX. Ѡще] можетъ *прѣ Ѡчнма мой-
ма [В. прѣ мноѣ] Ѡгодити.¹⁶

да та тогда¹⁷ Ѡнѣщѣ¹⁸ домовъ [X. въ
дѣ твоѣ],

Ѡ¹⁹ въ старости дѣи²⁰ своѣхъ въ по-
коѣ жѣеши²¹“.

*—¹ я постоянно озвбоченъ этимъ.

² доб.: „Отвѣтилъ“.

³ сказалъ.

¹ В. акѣрѣ. ² В. X. премудрынѣ. ³ В. книжиче, X: кничѣи; оба доб. „Ѡ“

⁴ В. согтарѣшиса Ѡ; X: согтарѣвх. ⁵ X. свѣ, В. перефразируетъ: „кого свѣ-

таника моѣго Ѡбрацю“. ⁶ В. нѣтъ. ⁷ ВX. Ѡвѣщахъ. ⁸ X. живи.*—⁹ В. како же Ѡзх ѣсм и

¹⁰ X. раѣмѣ. ¹¹ В: хитрости. ¹²—¹³ В: науцихъ его книгмх. ¹⁴ В. X. рече. ¹⁵ В. нѣтъ.

*—¹⁶ В. нѣтъ. ¹⁷ X. „счодити“ и поставлено передъ „прѣ“. ¹⁸ X. нѣтъ. ¹⁹ X. Ѡнѣщѣ, В. Ѡпоцѣю. ²⁰ В. нѣтъ. ²¹ X. днѣ.

²¹ В. X. поживши.

35. Тогда я взялъ моего сына На-
дана (60)

и посадилъ его передъ царемъ.

36. И когда государь мой царь
его увидѣлъ,
онъ сказалъ:

37. „Этотъ день пусть будетъ благо-
словеннымъ днемъ передъ Господомъ,

38. такъ, какъ Ахикарь ходилъ
передъ моимъ отцомъ Сархадумомъ
и передъ мной,

такъ онъ будетъ вознагражденъ,

39. и я поставлю его сына въ мо-
ихъ воротахъ еще при его жизни,

40. и онъ пусть окончитъ свой
вѣкъ [мирно].“

41. Тогда я, Ахикарь, преклонилъ
передъ царемъ колѣна и сказалъ:

42. „Мой государь царь, живи
вѣчно!

И какъ я ходилъ передъ твоимъ
отцомъ и передъ тобой до сихъ поръ,

такъ ты тоже распространий свое
долготерпѣніе на молодость моего
сына,

такъ, чтобы твоя милость, которая
была на мнѣ, была бы умножена
по отношенію къ нему“.

35. Тогда я, Хикарь, взялъ своего
племянника Надана

и представилъ его царю Санхерибу.

36. Царь, увидѣвъ его,
обрадовался ему
и сказалъ:

37. „Господи, возьми его подъ свое
покровительство.

38. Какъ ты служилъ мнѣ и моему
отцу Сархадуму
и вель наши дѣла,

39. такъ пусть послѣ тебя твой
сынъ Наданъ занимается нашими
дѣлами.

Ради тебя я буду его цѣнить, ува-
жать и оказывать ему добро“.

40.

41. Тогда я палъ ницъ предъ ца-
ремъ и сказалъ:

42. „Мой государь и царь, живи
во вѣки вѣковъ!

Я прошу тебя, государь, быть снис-
ходительнымъ къ Надану, моему
племяннику,

и прощать ему его ошибки,

пока онъ будетъ служить тебѣ,
какъ я служилъ тебѣ, а до тебя тво-
ему отцу“.

35. И когда я привелъ его

и поставилъ его передъ царемъ,

36. онъ посмотрѣлъ на него¹

и сказалъ:

37. * „Въ эти дни Киваръ можетъ
быть^а благословенъ²,

38.

39. потому что онъ во время своей
жизни привелъ и поставилъ передо
мною своего сына,

40. и можетъ самъ быть въ покоѣ^а.

41.

42.

35. ѿ поухъ сѣа своѣго сѣа¹ дана^а

ѿ² приведухъ ѿ³ къ⁴ црѣю.

36. * ѿ ѿцрѣ⁵ црѣ.

ѿ *Шкѣца рѣка [ВХ. рѣ; Х. доб. ми]:

37. „* блѣнхъ бѣди [В. доб.: в¹]
днѣшннѣ⁶ днѣ акирови [В. акѣре].⁷

38.

39. ако⁸ прѣстави⁹ сѣа своѣго
прѣ мною¹⁰ в жѣчѣ¹¹ моѣмъ^{11,а}.

40.

41. ѿ¹² поклоннхъ црѣи¹³:

42.

„тѣ самъ вѣси, како¹⁴ ѣсмь * слѣжилъ
ѿцѣю тѣмъ¹⁵ ѿ тобѣ¹⁶.

ѿ нынѣ дѣчь тѣа¹⁷ ѿтроцати сего
пожди ми.

ѿ¹⁸ да бѣдегъ мѣ¹⁹ твоѣ на старо-
сти [В. старости] моѣи.

^а да будетъ.

¹ доб.: очень обрадовался.

—² благословенъ сей день.

¹ ВХ. нѣтъ. ² В. нѣтъ. ³ В. его.
⁴ Х. ко. *—⁵ В. тако види. ⁶ В. „нынешннѣ“.
*—⁷ Х. вмѣсто всей фразы: „добрѣ
акирѣ“. ⁸ Х. нѣтъ. ⁹ В: постави, Х:
прѣстави сѣи. ^{9—10} В. прѣ мною с. с.
^{10—11} Х. нѣтъ. ¹² В. нѣтъ. ¹³ В. ѿ рѣ.
¹⁴ В.: тако. *—¹⁵ В: ѿцѣю ч. слоужнѣ. ¹⁶ В.
доб.: црѣю. ^{16—17} В: дитннхъсѣа. ¹⁸ В.
нѣтъ. ¹⁹ В. мѣгъ.

^а ана написано надъ дана, повиди-
мому, потому. ^б передѣлано изъ моѣмъ.

43. Когда царь услышалъ это,

онъ далъ мнѣ свою правую руку,

44. и я, Ахѣбаръ, распростерся
нищъ передъ царемъ.

45.

46. И я не переставалъ давать по-
ученіе моему сыну,

пока я не наполнилъ его ученіемъ,
какъ хлѣбомъ и водою¹.

47. И я такимъ образомъ бесѣдовалъ
съ нимъ:

II.

1. „Слушай [Si 1 доб.: мое ученіе],
мой сынъ Наданъ;
[Si доб.: и] приходи къ моему уму,

^{6—1} Всего этого, начиная словами
„И такъ какъ онъ былъ“, (§§ 21—46)
въ Si нѣтъ.

43. Послѣ этого

Санхерибъ подалъ ему правую руку
и повялся ему [въ томъ],

что онъ будетъ у него пользоваться
всякимъ почетомъ и уваженіемъ
и что онъ будетъ оказывать ему вся-
кое добро.

44. Тогда я, Хиваръ, поцѣловалъ
руку царя,

45. взявъ затѣмъ [къ себѣ] Надана

46. и училъ его день и ночь,

пока не насытилъ его наукой,
мудростью и знаніями болѣе, чѣмъ
хлѣбомъ и водой.

47. Такъ обучалъ я его и училъ
его изреченіями:

II.

(Карш. + Садер. + Салг. ¹).

1. „Мой сынъ²! слушай мою рѣчь
и слѣдуй *моему указанію³“

¹) Поученіе я привожу по этимъ
тремъ текстамъ *второй* арабской ре-
дакціи.

² Сад.: сынокъ.

*—³ Сад.: моимъ совѣтамъ.

43.

43. ꙗко ѿко оуслыша² ѿ мене рѣ³
мою црѣ³,и клать⁴ ми еа рка⁵:„ѿко за дни чада твоѣа ничьтоже
не прѣвннѣ⁶.“

44.

44. Я склонилъ мою голову передъ
моимъ господиномъ45. и, взявъ Наѳана, я повелъ его
въ мое жилище

46.

45.

46. *и азъ акирови⁷ ѿстакнхъ
сѣа си⁸. и⁹ ѿ оученна¹⁰ своѣго¹⁰.ѿгда насытнхъ¹¹ и¹² ѿко¹³ хлѣба *и
воды¹⁴ оученна¹⁵ моѣго¹⁵.47. и такъ говорилъ въ моемъ
поученіи:47. и глѣхъ емѣ¹⁶ тако¹⁶:

II.

*[Кан. доб.: „Предоставъ ухо моему
разговору
и наставленію.*

II.

1. „чаѣ¹⁷, внимаи глѣ мои, глѣ¹⁸
мои (а)анадане¹⁹.“всакомѣ наказаннѣ²⁰ сѣхъ [В. ѿсѣнхъ]²¹
бѣди²² во²³ всѣхъ днѣхъ житна²⁴ [ВХ.
живота] твоѣго²⁴.

¹ В. нѣтъ. ² В. слыша. ^{2—3} В. црѣ ѿ мене рѣ сио. ^{3—4} В: поклони. ⁵ В: рѣ. ^{5—6} В. другое: „ѿко ѿмѣннѣ твоѣго ни. к'го же ѿны не прійметъ“. ^{11—6} въ X. пропущено. *—⁷ В: азъ акирѣх не. ⁸ В: своѣго. ⁹ В. нѣтъ. ¹⁰ В. нѣтъ. *—¹¹ X. передѣлываетъ, опуская непонятное „ѿстакнхъ“: „и а акирѣ на. сытнѣ ѿ оученія. ¹² В. „его“; X: сѣа своѣго. ¹³ В. ѿки. *—¹⁴ В. нѣтъ. ¹⁵ В. своѣго, ^{12—15} X. все опускаетъ. ¹⁶ X. нѣтъ.

¹⁷ X. чадо мое. ¹⁸ В. сѣоу, X. сѣе. ¹⁹ В. ѿнадѣ, X. анадане. ²⁰ ВХ наказаннѣ. ²¹ X. сѣхъ. ²² В. доб.: и послушавнѣх бѣди. ²³ В. вх. ²⁴ В. „своѣго“.

* Это а написано потомъ на предшествующемъ ѿ.

и помни¹ мои слова, *какъ слова
Господа².

2. Мой сынъ Наданъ, если ты
услышалъ слово,
пусть оно умреть въ твоемъ сердцѣ,

и не обнаруживай его никому;
чтобы оно не сдѣлалось горячимъ
углемъ въ твоемъ рту
и не сожгло тебя,

и ты не навлекъ на свою душу по-
зора,
и чтобы ты не былъ раздраженъ
противъ Бога.

3. Мой сынъ, не говори всего,
что ты слышишь,
и не обнаруживай всего, что ты ви-
дишь.

¹ будь внимателенъ къ.

*—² согласно слѣдующимъ рѣчамъ:
и тогда Ахиқаръ началъ учить На-
дана, сына своей сестры, и говорилъ
и сказалъ ему.

и помни,* что я говорю.¹

2. Мой сынъ!² если ты услышишь
слово³,
пусть оно умреть *въ твоемъ сердцѣ⁴

и не обнаружь его другому⁵,
чтобы оно не сдѣлалось *живымъ
углемъ⁶

и не сожгло твоего языка
и не причинило боли въ твоемъ
тѣлѣ,

и* чтобы тебѣ не было упрека⁷,

и чтобы ты не былъ *посрамленъ⁸
передъ⁹ Богомъ и человѣкомъ¹⁰.

3. Мой сынъ! если ты услышалъ
новость, не распространяй ея;
и если ты увидѣлъ что-нб., не го-
вори этого¹¹.

4а. Мой сынъ! *дѣлай твое красно-
рѣчіе¹² легкимъ¹³ для слушателя¹⁴,

*—¹ Сад.: слова мои. ¹ Сал.: Сы-
нонокъ! слушай меня, иди по моимъ
стопамъ и воспоминай всегда то, что
я тебѣ скажу. ² Сад.: О мой сынонокъ,
Сал.: Сынонокъ!; это отличіе ихъ отъ
Карш. повторяется въ каждомъ из-
реченіи. ³ Сал.: „какую-либо тайну.
*—⁴ Сад. оп. ⁵ Сал.: никому. *—⁶ Сад.:
головней. ⁵—⁶ Сал.: „а то она пре-
вратится въ головню (и далѣе та же
конструкция). *—⁷ Сад. Сал.: *не покры-
ло (Сал. покроетъ) тебя позоромъ.
⁷—⁸ Сад. оп. *—⁹ Сад.: презираемъ.
¹⁰ Сад. Сал.: людьми. ¹⁰—¹¹ Сад. оп.
все изреченіе. *—¹² Сад. Сал.: „Да
будетъ твоя рѣчь“. ¹³ Сал.: понятна.
¹⁴ Сад. доб. „но главное:—никогда“.

Напиши его на твоей печати и не забывай его, чтобы годы твоей жизни были многочисленны и чтобы въ славѣ и богатствѣ ты достигъ старости].

1а. Сынъ, если ты слышишь¹ какое-либо слово въ царскихъ воротахъ, дай ему умереть и зарой его въ твоёмъ сердцѣ, и никому не разглашай его.

в. Узелъ, который запечатанъ, не развязывай,
и который развязанъ, ты не завязывай.

с. И что ты видишь, не рассказывай,
и что ты слышишь, не открывай².

Варьянты изъ Печ. и Бун. приводятся вообще только тогда, когда они, вопреки арм. рукописному тексту, даютъ чтеніе, болѣе близкое къ чтенію другихъ версій.

¹ Печ. 1: услышишь.

² Все с Печ. и Бун. оп.

2. [В. доб.: чадѣ]¹, аще что слышиши ѿ² црѣ. или видиши въ домѣ³ ѿго. да згннѣтъ⁴ въ⁵ срѣци твоѣмъ.

и⁶ не извѣстниши⁷ ѿго человекомъ.⁸
аще ли исповѣси, чи [X. то] будеть [В. будеть] ти згльѣ⁸ горашни⁹ и¹⁰ послѣдокъ ѿжешиса¹¹. и¹² тогда тѣло твоѣ¹³ порокомъ будѣ.

[В. доб. да тогда безоумнѣмъ ко боу оушненин.]¹⁴

За. снѣ¹⁵, аще¹⁶ что⁶ слышиши, не повѣдай никому¹⁷.
аще¹⁸ что зурши¹⁹, не ѿбавлай.

¹ X. оп. ² ВХ ѿ. ³ X. полате. ⁴ В. согнѣтъ, X. согнѣ. ⁵ В. на, X. во. ⁶ В. оп. ⁷ В. извѣсти. ⁸ ВХ. оушнѣ. ⁹ В. горашни, X. горяще. ¹⁰ ВХ. на. ¹¹ В. вожешиса, X. же ѿжешиса. ¹² В. оп.. ¹³ ВХ. с. ¹⁴ X. оп. все выражение. ¹⁵ X снѣ. ¹⁶ В. мой анадане. ¹⁷ В. доб. же. ¹⁸ В. а, X. и аще. ¹⁹ В. оузриши, X. зриши.

⁸ ч изъ ѳ. ⁶ ч исправлено изъ с.

4. Мой сынъ, не развязывай запечатанный узелъ,
и не запечатывай развязанный.

5. Мой сынъ, не поднимай своихъ глазъ и не смотри на женщину, которая наряжена и раскрашена;
и не желай ея въ своемъ сердцѣ;

б. и не слыши отвѣтить
*[Сад. доб.: „раньше, чѣмъ не поймешь содержанія“]¹.

5. Мой сынъ! если ты слышалъ что-нибудь, не скрывай этого.

6. Мой сынъ! не ослабляй запечатанный узелъ и не развязывай его, и не запечатывай развязанный узелъ².

7. Мой сынъ! *не желай наружной красоты,³
потому что она⁴ блекнетъ и⁵ проходить,
но *почетная память⁶ остается на вѣки.

8а. Мой сынъ! пусть глупая⁷ женщина не обманываетъ тебя *своей рѣчью⁸,

б. чтобы ты не померъ самой жалкой смертью,
и чтобы она не запутала тебя въ сѣти⁹,
пока ты не будешь совсѣмъ въ ловушкѣ.¹⁰

9. *Мой сынъ!¹¹ не желай женщины, украшенной платьемъ и мазями,¹² которая презрѣнна и глупа въ дупкѣ.¹³
[Сад. доб.: остерегайся слѣдовать за ней].

*Горе тебѣ, если ты подарить ей что-нибудь, что твое,

*—¹ Сад. оп. ^{1—2} Сад. и Сад. оп. оба изреченія. ³ Сад.: блеску (не помогайся). *—⁴ Сад.: наружный блескъ, Сад.: это скоро. ^{4—5} Сад. оп. *—⁶ Сад.: добрая слава, Сад.: доброе имя. ⁷ Сад. Сад.: порочная. *—⁸ Сад. оп., Сад.: ласками („ласкамъ“). ⁹ Сад. свою ловушку. ^{8—9} Сад. объ части въ обратномъ порядкѣ. ^{9—10} Сад. оп. *—¹¹ Сад. оп., и такимъ образомъ это изреченіе слито въ немъ съ предыдущимъ. ¹² Сад. благоухающей ароматами (Сад. доб. „духовъ“). ^{12—13} Сад. Сад.: в самой преступной и грязной (Сад. подлой).

в. заблзла¹ ѡжа не ѡрѣшан²,

а ѡрѣшена³ не заблзян⁴.

2. Сынъ, не поднимай твоихъ глазъ
смотрятъ на красивую женщину,
нарумяненную и насурмленную.

Не желай ея въ твоємъ сердцѣ.

4. снѣ⁵ не взирай на красотѣ
женскѣю⁶

н⁷ срѣемь⁸ не жѣдан⁹ ѣтъ.

¹ В. оублзана. ² В. ѡрѣшан, X рѣрѣшан.
³ В. ѡрѣшена. ⁴ В. влжн. ²⁻⁴ X. оп.
⁵ X снѣ. ⁶ X. женскѣ. ⁷ В. а. ⁸ ВХ.
срѣемь. ⁹ В. вжелан, X. жадай.

^a Въ рѣписи срѣемь.

если бы ты отдалъ ей все, что въ твоихъ рукахъ,
ты не найдешь никакого преимуществва въ ней;
и ты будешь виновенъ въ грѣхѣхъ противъ Бога.

6. Мой сынъ, не совершай прелюбодѣянiя съ женой твоего сосѣда; чтобы другiе не совершали прелюбодѣянiя съ твоей женой.

7. Мой сынъ, не будь поспѣшенъ какъ миндальное дерево, цвѣтъ котораго первый для появленiя, но котораго плодъ послѣднiй для ѣды; но будь равнымъ и чувствительнымъ какъ тутовое дерево, цвѣтъ котораго послѣднiй для появления, а плодъ котораго первый для ѣды.

8а. Мой сынъ, опускай твои глаза,

или передашь ей что-нибудь, что въ твоей рукѣ,¹

и² она тебя *завлечетъ въ грѣхъ³

и Богъ будетъ раздраженъ на тебя.⁴

[Сад. № 79, заповѣдь 6-я: берегись, еще берегись прелюбодѣянiя въ странѣ чужой и въ другихъ [?] ⁵.]

10. Мой сынъ! не будь похожъ на миндальное дерево, потому что оно носитъ раньше всѣхъ деревьевъ листья, а съѣдобный плодъ послѣ всѣхъ ихъ;

но будь похожъ на тутовое дерево,

которое приноситъ съѣдобный плодъ раньше всѣхъ деревьевъ,

и листья послѣ ихъ всѣхъ.

11а. Мой сынъ! *наклоняй твою голову⁶

*—¹ Сад. Сал.: не давай ей ничего *тебѣ принадлежащаго (Сал. изъ своего добра). ² Сад. оп., Сал.: а не то. *—³ Сад.: покроетъ позоромъ. ⁴ Сад. доб.: и на то, что въ твоей рукѣ.— Далѣе Сад. доб. „7. О мой сынокъ! начало премудрости—страхъ Божiй; еще: поступаи съ другимъ такъ, какъ ты желаешь, чтобы другiе поступали съ тобой; еще: мудрый сынъ радуется отца своего, а невѣжда печалитъ мать свою; еще: невѣжда—врагъ самого себя, какъ онъ будетъ другомъ для другого? еще: мягкiй отвѣтъ смиряетъ гнѣвъ, а грубое слово возбуждаетъ страсть“.
⁵ Сал. оп. все предписанiе. *—⁶ Сал. „Не гордись“.

Ибо, если бы ты отдалъ ей всё твои
богатства,
ты^а не получилъ бы ничего болѣе
отъ нея;
но ты осужденъ Богомъ и людьми.

*Ибо она подобна гробницѣ, которая
прекрасна съ внѣшней стороны, а
внизу наполнена гнилью и костями
мертваго^{1 6}.

3. Сынъ, не уподобляйся оливе-
вому дереву,
которое первое для цвѣтенія

и послѣднее для созрѣванія его пло-
довъ.

Но будь подобенъ тутовой ягодѣ,
которая послѣдняя для цвѣтенія
и первая [по] созрѣванію ея плодовъ².

^а Бодл.: Ты никакимъ образомъ
не былъ облагодѣтельствованъ ею бо-
лѣе, чѣмъ осужденъ Богомъ правед-
ныхъ судовъ и людьми^а; Кан.: »Ты
не болѣе, чѣмъ твой собственный
грѣхъ и стыдъ отъ людей и судъ отъ
Бога^а, опуская остальное.

⁶ Канон. имѣеть здѣсь изреченіе
поставленное ниже № 45 и соответ-
ствующее 8 сир..

*—¹ Печ. Бун. оп. это сравненіе.

² Печ. Бун. оп. все 3-е предпи-
саніе.

аще *и все имѣннѣ¹ даси еи,²

тоже³ некоторыя ползѣ⁴ обратиши
*о неа⁵.

но па *кз къ вх + ^{а7} впадешн.

5. ча, не къ жестокх, а коже⁸
кость члѣча⁹.

но къ * [В. доб.: яко бокз]¹⁰ макакх.

6а. Снѣ,¹¹ ѿчи твои къта¹² долѣ
зраци.^{13 6}

¹ X. имѣннѣ. *—² В. ан в'желешн. ³ X.
же оп.. ^{3—4} ВХ. некоторыя ползѣ.
*—⁵ ВХ. оп. *—⁶ X. оп. ⁷ В. в' грѣхъ,
X. во грѣ. ⁸ В. же оп. ⁹ В. члѣчскаа,
X. члѣа. *—¹⁰ X. оп. ¹¹ X. снѣ да едѣ.
¹² X. оп., В. да коудета. ¹³ В. зраци,
X. зряци.

^аНо на полѣ нѣтъ ничего, такъ
какъ край листа выкрошился.

⁶ можно прочесть также: зраця.

и понижай свой голосъ, и смотри
изъ-подъ твоихъ вѣкъ:

в. ибо если бы домъ могъ быть по-
строенъ громкимъ голосомъ,
осель построилъ бы два дома въ
одинъ день:

с. и если бы одной лишь силой
направлялся плугъ,
его сошникъ никогда бы не отвя-
звали отъ плеча верблюда.

9. Мой сынъ, лучше двигать камни
съ умнымъ,
нежели пить вино съ глупымъ.

10. Мой сынъ, лучше выливай
твое вино на могилы справедливыхъ
людей, чѣмъ пить его съ дурными
людьми.

11а. Мой сынъ, съ мудрымъ му-
жемъ ты не будешь испорченъ,

в. и съ испорченнымъ ты не сдѣ-
лаешься мудрымъ.

12а. Мой сынъ, водись съ мудрымъ
мужемъ,
и ты сдѣлаешься мудрымъ, какъ онъ;

в. и не водись съ болтливымъ и
говорунномъ,
чтобы не числиться съ нимъ.

и смягчай твой голосъ и будь¹
вѣжливъ

в. и иди по *прямому пути² и не
будь глупымъ³.

с. И не поднимай твоего⁴ голоса,⁵
когда ты смѣешься;

потому что если бы было возможно
громкимъ голосомъ построить домъ,
осель строилъ бы *каждый день⁶
много домовъ;

е. *и если бы напоромъ силы
былъ тащимъ плугъ,

то плугъ нивогда не былъ бы сдви-
нуть изъ-подъ плечъ верблюда.⁷

12. Мой сынъ! тасканіе камней
съ мудрымъ⁸ мужемъ лучше⁹,
чѣмъ питье вина съ дурнымъ.

13. *Мой сынъ,¹⁰ выливай твое
вино на могилы¹¹ справедливыхъ¹²

и не пей [Сад. Сал. доб.: его]
съ невѣжественными¹³, презрѣнными
людьми¹⁴.

14а. Мой сынъ! держись мудрыхъ
людей, *которые боятся Бога¹⁵,
и будь похожъ на нихъ,

в. и не приближайся къ невѣждѣ,¹⁶
чтобы ты не сдѣлался похожимъ на
него и не научился его поступкамъ.¹⁷

¹ Сал. доб.: всегда. *—² Сад. Сал.: по пути добра. ³ Сад.: сквернословящимъ. ^{2—3} Сал.: не оскверняй свои уста дурными словами. ⁴ Сал. оп.. ⁵ Сал. доб.: ни въ разговорѣ, ни. *—⁶ Сад. оп. *—⁷ Сад. Сал. оп. все е. ⁸ Сал.: кроткимъ. ⁹ Сад. Сал. легче. *—¹⁰ Сал. оп., сливая это изреченіе съ предыдущимъ. ¹¹ Сад. сердца. ¹² Сад. Сал. благочестивыхъ. ¹³ Сал. негодяями. ^{13—14} Сад. дерзкими, Сал. оп. *—¹⁵ Сал. „и богобоязненныхъ“. ¹⁶ Сад.: невѣждамъ. ^{16—17} Сад. тогда ты будешь подобно имъ невѣждой.

ГЛА ТКОИ ѠБНИ(Ж. Н.)^{1 а}.

в. [91 об.] ѡце бо² великимъ глѣмъ*
храминнѣ са годати³,
Ѡселз бы риканиѣмъ своимъ .б.
храмѣнѣ⁴ вздвиглз ѣдонѣмъ⁵ днѣмъ⁶.

4. Сынъ, лучше съ мудрымъ чело-
вѣвомъ носить камни,
чѣмъ съ глупымъ пить вино.

7а. Снѣ,⁷ ѡне⁸ ѣсть⁹ оумомъ¹⁰
каменъ¹¹ двигнѣти [В. балати],¹²
неже *сз безѡмѣмъ¹³ вино пити.

5а. Сынъ, съ мудрыми людьми не
будь глупъ,

б. а съ глупыми не будь мудръ¹.

6а. Сынъ, будь товарищемъ мудраго
человѣа,

чтобы ты сдѣлался мудрымъ, какъ онъ;

б. но не становись товарищемъ
безмысленнаго челоѣа и глупца,

чтобы ты подобно имъ не былъ на-
званъ глупцомъ.

в. сразѡмнымъ безѡмѣ¹⁴ не твори.

с. н¹⁵ *с безѡмнѣ [Х. безѡмномъ]
не ави оума своѣго.

¹ Печ., Бун. оп. все 5-е предпи-
саніе.

¹ ВХ. ѡбниженъ. ² Х. бо бы., В.:
храмина сзѣа. *—³ В. оп.. ⁴ Х. храмннѣ.
⁴—⁵ Х. вѡдвигнѣ единнѣ. ³—⁶ В. оп.
⁷ Х. снѣ. ⁸ В. оѣно. ⁹ ВХ. доб. со.
¹⁰ В. оѣмнѣ. ¹¹ Х. камень, В. каменіе.
¹² Х. двигнѣти. *—¹³ Х. з безѡмѣ.
¹²—¹³ В. нежелн с безѡмѣнымъ. ¹⁴ В. бе.
зоумѣа, Х. безѡмѣя. ¹⁵ В. ѡ.

^а конецъ слова выпѣлъ и поэтому
неясенъ.

13. Мой сынъ, пока у тебя башмаки на ногахъ,
топчи терны и дѣлай дорогу для
твоихъ сыновей
и для сыновей твоихъ сыновей.

15а. *Мой сынъ!¹ когда ты найдешь
себѣ товарища или друга, то² испы-
тай его³ и послѣ сдѣлай его товари-
щемъ и другомъ⁴ и не хвали его безъ
испытанія

в. и⁵ не трать⁶ твоей рѣчи съ чело-
вѣкомъ, *у котораго нѣтъ мудрости⁷.

16а. Мой сынъ! Пока *на твоей
ногѣ башмакъ⁸,
ходи имъ⁹ по терну и дѣлай путь
для *твоего сына
и для твоихъ домашнихъ и для тво-
ихъ дѣтей¹⁰;

в. и дѣлай¹¹ твой корабль высо-
вимъ¹² прежде,
чѣмъ *онъ¹³ выйдетъ въ море¹⁴ и въ
его волны, и утонетъ¹⁵ и не мо-
жетъ¹⁶ быть спасеннымъ.

*—¹ Сад. оп.. ^{1—2} Сал. оп. ³ Сал.: друга. ^{3—4} Сал.: прежде чѣмъ сойтись съ нимъ. ⁵ Сад.: „О мой сынокъ!“ ⁶ Сад.: „порти“. *—⁷ Сад.: мудрымъ. *—⁸ Сал.: у тебя сапоги на ногахъ. ⁹ Сад. оп., Сал.: хоть. *—¹⁰ Сад. Сал.: сыновей своихъ [Сал. доб.: и внуковъ]. ^{10—11} Сад.: О мой сынокъ! правъ, Сал.: Справъ. ¹² Сад. Сал. оп. ¹³ Сад.: ты. *—¹⁴ Сал.: подымется буря. ^{14—15} Сад.: дабы тебѣ не утонуть въ его опасныхъ волнахъ, Сал.: „а не то утонешь. ¹⁶ Сад. (Сал.): (ты) не можешь.

7. Сынъ, вылей свое вино,
и не пей его съ безмысленнымъ
и съ беззаконнымъ, чтобы ты не
былъ ими презираемъ^{а. 1}

8. Сынъ, не будь слишкомъ сла-
добъ, чтобы тебя не проглотили,

ни слишкомъ горекъ, чтобы тебя
не выплюнули.

*Но будь тихъ, спокоенъ въ дѣ-
лахъ твоихъ путей и во всѣхъ тво-
ихъ словахъ².

9. Сынъ, пока *сапогъ на твоей
ногѣ³,

попирай тернъ и дѣлай путь для
твоихъ сыновей.

8. Не¹ буди *слакъ безъ мѣры², но³
ѣгда когда пождѣть [ВХ. пожрѣуть]
тѣ.

*Нь будѣ⁴ мѣры горекъ, да не *обѣ-
жить⁵ ѿ тебе дрѣвкъ твои⁶.

9. Снѣ, *ѣднѣ ѣщю⁷ на ногѣ твоѣ⁸

не вѣми вѣстѣпані⁹ на ню. *и оуго-
това¹⁰ пѣ снѣкъ *и дщеремих¹¹ сконимъ¹².

^а Канон. и Эчм.: „презираемъ по-
добно имъ“.

¹ Печ. Бун. оп. все 7-е предпи-
саніе.

*—² Печ. Бун. оп.

*—³ Печ. 58 (Бун.): сапоги у тебя
на ногахъ.

¹ В. ѣ не. *—² В. безъ мѣры сладѣ.
³ В. оп. *—⁴ В. Х. не (Х. нн) коуди
безъ. ⁵ Х. ѡбѣжитъ. *—⁶ В. ѡбѣгнуѣтъ дрѣвни
твои. *—⁷ В. ѡще коудеть ѣднѣ. ⁸ В.
твои. ⁸—⁹ В. то не вѣми оуѣгѣпані.
*—¹⁰ В. оуѣговані. *—¹¹ В. оп. ¹² В. доб.
и домоу своѣмоу. ⁶—¹² Х. оп. все 9-е
предписаніе.

14. Мой сынъ, сынъ богача ѣсть змѣю,

и говорятъ: онъ ѣлъ ее какъ лѣкарство.

И сынъ бѣдняка ѣсть ее,

и говорятъ: отъ своего голода онъ ее ѣлъ.

15. Мой сынъ, ѣшь свою долю

и не презирай твоихъ сосѣдей.

16. Мой сынъ, не ѣшь также хлѣба съ безстыднымъ человекомъ.

[S₁ 17. доб.: Мой сынъ, если ты видишь, что твой врагъ палъ, то не смѣйся надъ нимъ,

дабы онъ не всталъ и не отплатилъ тебѣ.]

17а. Мой сынъ, не завидуй счастью твоего врага;

17. Мой сынъ! если богачъ ѣсть змѣю,¹

говорятъ: „это по его мудрости“,²

а если бѣднякъ ѣсть ее,

*люди говорятъ:³ „съ голоду“⁴.

18. Мой сынъ! будь доволенъ* твоимъ **насушнымъ хлѣбомъ⁵ и⁶ твоимъ добромъ⁷,

и не желай того, что принадлежитъ другому.

19а. *Мой сынъ!⁸ не будь сосѣдомъ⁹ съ глупцомъ,

б. не ѣшь¹⁰ хлѣба съ нимъ,¹¹

¹ Сад. доб.: люди. ^{1—2} Сал.: то скажутъ: какой онъ мудрый! *—² Сад.: говорятъ, Сал.: скажутъ. ⁴ Сад. дѣлаетъ доб.: „Это такъ, какъ говорить поэтъ: Идетъ бѣдный, и все противъ него и люди затворяютъ передъ нимъ двери свои. Мы находимъ его ненавидимымъ, а онъ безъ вины, онъ видитъ вражду, но не знаетъ ея причинъ. Даже собаки, когда завидятъ богача, смиряются передъ нимъ и махаютъ хвостами. А разъ завидятъ бѣднаго прохожаго, онъ лаютъ на него и скалятъ зубы. **—⁵ Сад. надѣломъ. *—⁶ Сал. оп.. ^{6—7} Сад. Сал.: тѣмъ, что есть у тебя. *—⁸ Сал. оп. ^{8—9} Сал.: не водись. ¹⁰ Сал.: дѣли. ¹¹ Сад. доб.: „О мой сынокъ!“

10а. Сынъ, сынъ богатаго съѣлъ змѣю,
и говорятъ: „это для него лѣварство“.

Сынъ бѣднаго человѣка съѣлъ ее,
и говорятъ, что онъ съѣлъ ее отъ голоду.

в. Ышь свою порцію *въ мирѣ^а,

и не бросай своего взгляда на порцію своего товарища;

с. и съ тѣмъ, который безъ страха, не ходи въ путь;

д. и съ бессмысленнымъ не ѣшь хлѣба.¹

11. Сынъ, если ты видишь, что твой врагъ упалъ,

не дѣлай насмѣшки надъ нимъ,

потому что, если онъ поднимется опять, онъ воздастъ тебѣ зломъ²⁶.

10. Снѣ¹, бѣта мѣжа снѣ *змию снѣ².

н ркоша³ ѣмѣ⁴ люднѣ: „чюлык⁵ дѣла снѣ⁶ *н ѣсть⁶⁶“.

д⁷ рѣбога⁸ мѣжа снѣ змию⁹ снѣ¹⁰ ѣсть¹¹. н ркоша¹² ѣмѣ¹³ лнѣ¹⁴ ѣ: „бладенз¹⁴ бѣ н¹⁵ снѣ¹⁶ ѣсть¹⁷ ю.“

11а. Снѣ¹⁸, своѣ ѹчастѣ¹⁹ дан [Сол. ѣда имѣѣши],

д чюжего²⁰ не займан²¹.

в. Иже²² свѣта²³ не приѣмлетъ²⁴ мѣ, то²⁵ с тѣмъ на пѣ²⁶ не ходи.

с. *н со ѡблестнвы²⁷ на страпезѣ²⁸ не ѣже²⁹.

12. чѣ, аще вышешн³⁰ тебѣ ѡпадетъ³¹,

не велии са ѡбрядѣнн. нн *взздан же глѣ³² рѣ дрѣгн сбонн³³, да не *лбнть тн³⁴ глн твои.

ѣгда како вкставах мѣжъ вкздасть тн³⁵.

13а. Снѣ³⁶ ѣгда мѣжъ взвелнчнтса³⁷, то не завидн³⁸ ѣмѣ.

*—^а имѣютъ только Вен. и Канон.; Бод. и 58 оп..

⁶ Вен. доб.: „и тамъ—постоянная злая воля“.

¹ Печ. Бун. оп. все 10-е изреченіе.

² Печ. Бун. оп. все 11-е изреченіе.

¹ X. снѣ, В. доб. анадѣ. *—² В. змѣю ѣзѣде. ^{2—3} В. рекли. ³ X. ркоша.

⁴ X. оп. ⁵ В. X. цѣл' бы. *—⁶ В. н.

⁷ В. оп. ⁸ В. X. оѣбога. ⁹ В. змѣю. ¹⁰ X. снѣ.

¹¹ В. оп. ¹² В. р'кли, X. рекѣтъ, ¹³ X. о нѣ.

¹⁴ В. X. глденз. ¹⁵ В. оп. ¹⁶ X. снѣсть.

¹⁷ В. X. оп. ¹⁸ X. снѣ. В. доб. анадане.

¹⁹ В. вчастѣѣ, X. ѹчастѣе. ²⁰ В. X. чюжаго.

²¹ X. заемн. ²² В. ѣже. ²³ X. свѣта.

²⁴ В. приѣмть. ²⁵ X. той. ^{26—26} В. в' поугъ с нимъ.

²⁷ X. ѡблестанвыѣ. ²⁸ X. трапезѣ.

²⁹ X. яждь. *—²⁹ В. оп. ³⁰ X. кто выш'ше.

³¹ X. падѣ. *—³² X. вѣдаждь г'ласа. ³³ X.

твоимн. *—³⁴ X. явятся. ^{29—35} В. оп.

все 12-е предписаніе. ³⁶ X. снѣ, В. доб.

анаданз. ³⁷ В. X. взвелнчнтса (X. вѣ..).

³⁸ В. завиднѣ.

в. и не радуйся его несчастью.

18. Мой сынъ, не приближайся къ женщи́нѣ, которая шепчетъ на ухо, и ни къ такой, у которой голосъ рѣзокъ.

19. Мой сынъ, не ходи за красотою женщины:

и не желай ея въ твоёмъ сердцѣ; ибо красота женщины—ея здравый смыслъ;

и украшеніе ея—слово изъ ея рта.

20. Мой сынъ, если твой врагъ встрѣчаетъ тебя зломъ,

встрѣчай его мудростью.

21. Мой сынъ, злой падаетъ и не встаетъ, но справедливый мужъ

стоитъ твердо, потому что Богъ съ нимъ.

с. не радуйся бѣдствіямъ¹ твоего сосѣда².

d. ³Если врагъ твой обижаетъ тебя,

показывай ему доброту⁴.

20. Мой сынъ! кто боится Бога, бойся того и почитай того⁵.

21a. Мой сынъ! Невѣжда *падаетъ и спотыкается⁶, а мудрецъ, *даже если онъ споткнется, **все-таки не сбитъ совсѣмъ⁷ и даже если онъ падаетъ, онъ скоро встаетъ,

в. и если онъ боленъ, *онъ можетъ заботиться о своей жизни⁸.

Но что касается невѣжды и глупаго человѣка, то для его болѣзни⁹ нѣтъ лѣварства¹⁰.

¹ Сад.: трауру, Сал.: бѣдѣ. ^{1—2} Сал.: ближнихъ; Сад.: „своихъ сосѣдей“ и далѣе доб.: „чтобы никто не смотрѣлъ на тебя съ презрѣніемъ“. ³ Сад. доб.: О мой сыновокъ“. ⁴ Сад.: благодѣяніе и добро. ^{3—4} Сал. сокращаетъ: и отвѣчай своему недругу добромъ за зло. ^{4—5} Сал.: Бойся человѣка, у котораго нѣтъ страха Божія. *—⁶ Сал.: споткнется—упадетъ. **—⁷ Сад.: но не падаетъ. *—⁷ Сал.: рѣдко падаетъ. *—⁸ Сал.: самъ себя вылѣчить. ^{8—9} Сал.: между тѣмъ какъ для невѣжды. ¹⁰ Сал.: лѣварствъ. ^{7—10} Сад. оп..

в. лице злоба¹ придетъ², то не по-
райтса³.

14а. Снѹ⁴, не прикасайса⁵ женѣ
безумнѣ⁵ н⁶ азынѣ⁶ н⁶ келнчавѣ.

в. н⁶ женѣстѣи красотѣ не вѣдан⁷,

тоа ко красота

слабость азычнаа⁸,
15. снѹ⁹, аще дрѹгъ твои¹⁰ взрне-
навиднѣтѣ тѣ, ¹¹начнетъ клати¹² н¹²
каменнѣ метати¹³,
а ты н¹⁴ хлѣбомъ сраци.
н¹⁵ ѡба¹⁶ прииметя¹⁷ ѡбѣтѣ в
днѣ судныйн.

12. Сынъ, беззаконный человекъ
упалъ¹ вслѣдствіе своихъ худыхъ дѣлъ²,

но³ праведный человекъ поднять⁴
своими хорошими дѣлами.

16. Снѹ¹⁸, безуміе¹⁹ мжъ падеть,

а прекедничъ²⁰ востанеть.

¹ Печ. 92: падаетъ.

² Печ. доб.: „и не можетъ больше
возстать“.

³ Печ. доб. если падаетъ.

⁴ Печ.: онъ снова возстаетъ.

¹ В. оп., X. во зло. ² В. X. придетъ.
³ В. райтса, X. порадыся. ⁴ X. снѣ, В.
доб. анадѣ. ⁵ В. злѣ, безумнѣи, X. безумнѣ,
⁶ В. оп. ⁷ В. жадай, X. внимай. ^{7—8} В.
оп. ⁹ X. снѣ, В. доб. анаданя. ¹⁰ В. доб.
ч'то ли иметь клана (такъ) нам. ¹¹ X.
доб. н. ^{11—12} В. оп. ^{12—13} В. н камень
мечеть на тѣ. ¹⁴ В. X. оп. ¹⁵ В. оп.
¹⁶ В. X. ѡба. ¹⁷ ВХ. прииметя. ¹⁸ X. снѣ,
В. доб.: анаданя. ¹⁹ В. безоумны. ²⁰ В.
праведныйн, X. прѣдничъ.

⁵ П изъ т. ⁶ ч похоже на л. .

22а. Мой сынъ, не удерживай
твоего сына отъ ударовъ,

в. потому что сбъченіе мальчика
то же,
что удобреніе для сада и что веревка
для осла [глосса: или другого какого-
нб. животнаго]
и что путы на ногѣ осла.

22. Мой сынъ! Если *къ тебѣ при-
ближается¹ тотъ, кто ниже тебя
то *иди встрѣтить его, и стой,²
и если онъ не можетъ тебя вознагра-
дить,
его³ Господь вознаградитъ тебя³ за
него.

23а. Мой сынъ! не *скупись⁴ битъ⁵
твоего сына,

в. *потому что **палочные удары
твоего⁶ сына похожи⁷
на удобреніе сада и *на завязываніе
отверстія⁸ кошельеа,

*и похожи на спутываніе живо-
тныхъ,⁹ и похожи на запираніе
засовомъ¹⁰ двери.

*—¹ Сад.: ты принимаешь, Сал.: ты
имѣешь дѣло. *—² Сад.: „прими его
стоя“, Сал.: „обращайся съ нимъ, какъ
съ равнымъ“. ³ Сал. оп.. ⁴ Сад.: пере-
ставай. *—⁵ Сал.: жалѣй палки для.
**—⁶ Сал.: палка для. *—⁷ Сад.: и
проучи его (?) подобенъ. *—⁸ Сад.
Сал.: печать для (на). *—⁹ Сад. Сал.:
узду для скотины. ⁹—¹⁰ Сад.: и замокъ
для“, Сал.: „или запоръ для.“

13. Сынъ, не приближайся къ бессмысленной и сплетничающей женщинѣ,
чтобы ты не былъ презираемъ ею;
и ты сталъ посмѣшищемъ людей, и
она грабитъ тебя.¹

[Бун. 39. Не презирай плохого
родственника,
а радостно принимай его,
чтобы видящіе это полюбили тебя.]

14а. Сынъ, не щади прута для твоего сына;

б. потому что пруть для дѣтей
какъ навозъ въ саду, и какъ узелъ
и печать, скрѣпляющіе пакетъ,

и какъ путы на ногѣ осла,

такъ пруть полезенъ для ребенка.

с. Ибо если ты ударишь его прутомъ
разъ или два *ловко и спокойно^а,
онъ не умретъ.

д. Но если ты представишь его его
собственной волѣ,
онъ сдѣлается воромъ; и его возь-
мутъ на висѣлицу и на смерть,
и онъ сдѣлается для тебя упрекомъ,
и сокрушеніемъ сердца².

*—^а Бод.: онъ успокоился, но.

¹ Печ. Бун. оп. все 13-е предпосланіе.

² Печ. Бун. оп. все 14-е предпосланіе.

17а. Снѣг¹, аще² ѡ³ вѣнїа⁴ снѣ
своего^а не воздержнѣсѣ⁵.

б. ѡже⁶ бо рана снѣгн⁷, тако [В. Х.
то]
тако година [В. Х. вода на] виногра⁸
[92] възлнвѣтѣ⁹.

и *ако [ко]не имѣтъ⁶. и¹⁰ по ногѣ
привлзлнх¹¹ вѣдѣтъ¹²:

с. снѣгъ ко ти¹³ ѡ рѣны¹⁴ не оумретъ.

д. аще ли ѣго некрага¹⁵ вѣдѣши,

*нѣю⁶ кѣю¹⁶ в лико кнѣ⁷ привѣдѣ¹⁷ на тл.

¹ В. доб. анаданъ, Х. снѣ. ² В. Х. оп.
³ В. ѡ, Х. ѡ. ⁴ В. вѣнїа. ⁵ В. оудержнѣсѣ,
Х. вѣдержнѣсѣ. ⁶ Х. аще. ⁷ В. с виною (такъ).
⁸ Х. виноградѣ. ⁹ В. Х. възлнвѣтѣсѣ.
^{9—10} В. тако не с ынымъ (такъ). ¹¹ В.
свазанъ. ^{9—12} Х. оп. ¹³ Х. оп. ^{13—14} В.
Х. ѡ раны. ¹⁵ В. некрега, Х. некрежа.
*—¹⁶ В. кою, Х. кю. ¹⁷ В. привѣдѣтъ з.

послѣ с скорѣе с, чѣмъ в. ⁶ Повиди-
мому, это лигатура словъ: тако коней
имѣтъ. в кѣю придисано на полѣ потомъ.

23. Мой сынъ, укрощай своего сына, пока онъ еще мальчикъ, прежде чѣмъ онъ выростетъ сильнѣе тебя

и станетъ возмущаться противъ тебя,

и прежде чѣмъ тебѣ будетъ стыдно

его испорченнаго поведенія.

24а. Мой сынъ, приобрѣтай себѣ быка, который [жиренъ и] лежитъ на землѣ, и осла, у котораго хорошія копыта,

в. но не приобрѣтай себѣ раба, который—бѣглець, ни служанки, которая—воровка; чтобы они не уничтожили всего, что ты приобрѣлъ.

24. *Мой сынъ¹, удержи твоего сына отъ испорченности,² и учи его хорошему поведенію³ прежде, чѣмъ онъ [Сад. д.: выростетъ и]⁴

возстанетъ противъ тебя⁵

*и введетъ тебя въ презрѣніе у людей

и ты повѣсишь твою голову⁶ на улицахъ⁷ и въ собраніяхъ и *ты будешь наказанъ⁸ за *зло его⁹ безправственныхъ дѣлъ.

25а. Мой сынъ! Приобрѣтай себѣ жирнаго быка съ крайней плотью

и осла, большого съ его копытами,

и не приобрѣтай быка съ большими рогами и не дѣлай дружбы съ мошенникомъ,

в. не бери строптиваго раба,

ни вороватую горничную, потому что все, что ты имъ передашь, они разорять¹⁰.

*—¹ Сал. оп. ² Сад.: золь, Сал.: пороковъ. ^{2—3} Сад.: и воспитывай его. ^{2—4} Сал.: воспитаніе его веди до совершенности. ^{4—5} Сад. Сал. (Сал. доб.: въ противномъ случаѣ онъ) выйдетъ изъ твоего повиновенія. *—⁶ Сад.: „тогда ты свою голову согнешь передъ друзьями своими, а между людьми тебѣ не (?) будетъ стыдно“; Сал.: „будетъ оскорблять тебя и позорить“. ⁷ Сал.: улицъ. *—⁸ Сал.: тебя же будутъ упрекать. *—⁹ Сад.: твои, Сал.: его. ¹⁰ Сад. Сал. оп. это изреченіе. Далѣе Сал. опускаетъ подъ рядъ еще 28 изреченій (№№ 26—53); поэтому къ нимъ варьянты подводятся только изъ одного Сад..

[Канон. доб.: Сынъ,

дѣлай твое дитя послушнымъ, пока оно мало и гибло,
чтобы оно не пришло въ открытый раздоръ съ тобой;
и чтобы ты не былъ погубленъ его обидою,
и чтобы ты не приобрѣлъ проклятій чужихъ

по причинѣ его непослушанія.¹

а. Сынъ, приобрѣтай для себя

сильнаго осла и вѣшкоропытую лошадь и вола съ короткой шеей.

б. И не желай сбѣжавшаго раба, или рѣзваго языкомъ, или задорнаго вора.]

¹ Печ. Бун. оп. это предписание.

18. чѣ, сѣа своѣго ѿ¹ дѣтська² оукротн.

ѣще ли ѣго не³ оукротнши, то⁴ преже днн⁵ своѣхъ [X. твоѣ] старѣѣтъ тѣ⁶.

19. снѣ⁷, не⁸ купи раба вѣчава^{8 6}

ни рабы⁹ татнвы.¹⁰

ѣ¹¹ ти¹² ѣмѣнѣѣ¹³ не расточнть.¹⁴

¹ В. X. ѿ. ² В. дѣтннѣтѣва. ²⁻³ В. оп.. ⁴ В. ѣго.. ⁵ ВХ. днн. ⁶ В. старѣѣтѣсѣа, X. состарѣѣтѣсѣа. ⁷ X снѣ, В. снѣ ѣнадѣ. ⁸ В. велнчава, X. велнчава. ⁹ X. рабынн. ¹⁰ В. татнвы. ¹¹ ВХ. да. ¹² В. тѣ. ¹³ В. ѣмѣнѣѣ. ¹⁴ ВХ. расточать.

⁸ послѣ не въ рѣси стоить не то с, не то запятая. ⁶ буква послѣ ч похожа на я.

25. Мой сынъ, слова лжеца по-
хожи на жирныхъ воробьевъ,
и тотъ, кто лишень ума, ѣсть ихъ.

26. Мой сынъ, не навлекай на
себя проклятій твоего отца и твоей
матери
изъ опасенія, что ты не будешь ра-
доваться въ благословеніяхъ своихъ
дѣтей.

26а. Мой сынъ! *пусть твои роди-
тели не проклипають тебя

15. Сынъ, приучай твоего сына
къ голоду и жаждѣ,
чтобы въ смиреніи онъ могъ про-
водить свою жизнь.

16. Сынъ,
не принимай никого, кто будетъ от-
вѣчать тебѣ (словомъ) врага,
потому что повторяютъ твое слово.¹

17а. Сынъ, сначала ты любишь до
безумія фальшиваго человѣка,^а
но въ концѣ онъ дѣлается ненави-
стнымъ для тебя.

б. Ибо живое слово подобно жар-
ному перепелу:
но тотъ, который безуменъ, его про-
глатываетъ.^{б 1}

18а. Сынъ, люби отца, который по-
родилъ тебя,

б. и не заслуживай проклятій тво-
его отца и матери;

*въ концѣ ты можешь радоваться въ
благоденствіи твоихъ собственныхъ
сыновей².

^а Вен.: „Сначала (кто-нб.) любить
фальшиваго человѣка“.

^б Париж. 58 оп. это изреченіе.

¹ Печ. Бун. оп. 16-е и 17-е из-
реченія. *—² Печ.: „чтобы, когда
подрастутъ твои дѣти, найти у нихъ
то же (уваженіе).“

20. чл¹, аще кто [Сол. доб. при-
ше] нападнѣ на дрѹга твоѹго,
не послѹшай ѹго.* нъ твоѹ бо кннѹ
ко ѹномѹ понесе².

21. чл³, аще *та кто⁴ срѣтѣхъ, *вх
ꙗмоленѣ к' тобѣ.⁵

со⁶ вхꙗдержаниѹмъ ѡвѣщанѹ ѹмѹ,
*ꙗне напрасно⁷ члѣкхъ *вхъ вккорꙗѣ,⁸
нꙗроннѣ слово нъ послѣ⁹ клѣтѣса.¹⁰

22а. чл, лживѣ¹¹ члѣкхъ нꙗперва вх.
ꙗмбленхъ бꙗдетѣ,

* нъ наконѣчѣ¹² вхъ смѣсѣхъ¹³ бꙗтѣ¹⁴
нъ вхъ оꙗкорнꙗнѣ¹⁵ бꙗкаѣтѣ.¹⁶

б. лжека¹⁷ члѣка рѣ, ꙗко птича¹⁸
шептаниа¹⁹ сꙗтѣ,
нъ²⁰ безꙗмнинѣ²¹ послѹшайтѣ ѹго.²²

23. чл, ѡѹца своѹго почтѹнѣ,²³ ꙗко
кѣ стараниѣ²⁴ ѡставлѣтѣ²⁵ тобѣ.²⁶

24. ѡнꙗ²⁷, ѡѹца [X. оѹн] нъ мре
[ВХ. матернн] клѣтѣкы не прннѣмѣнѣ,

ѹга²⁸ нъ²⁹ чл своѹхъ³⁰ не прннѣмешн
радостн.³¹

¹ В. чл, X. члдо. *—² В. оп. и далѣе
доб. цѣлое изреченіе: „снѹ, аще к'то
оꙗдарнѣтѣ та по шей, поклоннѣа ѹмѹ до
зем'лѣсѣ“. ³ X. снѣ. *—⁴ X. кто тѣя. *—⁵ В.
нꙗꙗмоленѣ к' тобѣ, X. нъ речѣ тебѣ. ⁶ X. с.
*—⁷ В. за нꙗке негмышленхъ. *—⁸ ВХ.
к'борꙗѣ. ⁹ В. почѣ, X. послѣдн. ¹⁰ X. по-
каетѣя. ¹¹ ВХ. лживѣ. *—¹² В. ꙗ наконѣцѣ,
X. нъ наконѣцѣ. ¹³ ВХ. смѣсѣхъ. ¹⁴ В. оп.,
X. сꙗдѣ. ¹⁵ В. корнꙗнѣ. ¹⁶ ВХ оп.. ¹⁷ ВХ.
лживѣ. ¹⁸ X. пꙗчнѣя. ¹⁹ В. шептаниа. ²⁰ В.
оп. ²¹ В. безꙗмнѣнѣ. ²²—²³ В. сꙗшайтѣ. ²³ В.
X. почтѣнѣ. ²⁴ ВХ. сꙗжаниѣ, В. доб. своѹ.
²⁵ X. ѡставнѣ. ²⁶ ВХ. тебѣ. ²⁷ X. снѣ. ²⁸ X.
сда. ²⁹ В. ѡ, X. доб. ѡ своѹхъ. ³⁰ X. оп..
³⁰—³¹ В. радостн не прннѣмешн.

27. Мой сынъ, не ходи по дорогѣ
безъ оружія,
потому что ты не знаешь, когда
твой врагъ нападетъ на тебя.

28а. Мой сынъ, подобно тому какъ
дерево красиво
своими вѣтвями и плодомъ,

в. и лѣсистая гора своими деревь-
ями,
такъ и мужъ красивъ своей женой
и дѣтьми;

и Господь пусть будетъ доволенъ
ими;¹

в. вѣдь сказано: „тотъ, кто прези-
раетъ² своего отца или свою мать,
пусть умретъ смертью (я подразу-
мѣваю, смертью грѣха);

*и тотъ³, кто почитаетъ своихъ ро-
дителей,

*пусть онъ продлитъ свои дни и
свою жизнь,

и пусть онъ видитъ все, что хорошо⁴.“

27. Мой сынъ! не ходи по дорогѣ
безъ оружія⁵,
потому что ты не знаешь, когда
врагъ тебя встрѣтитъ,
*такъ чтобы ты могъ быть⁶ гото-
вымъ для него.

28а. Мой сынъ! не будь похожъ на
обнаженное безлистное дерево, *во-
торое не растетъ⁷,
но будь похожъ на дерево, покры-
тое своими⁸ листьями
и своими⁸ сучьями,⁹

*—¹ Сад.: „не дай твоимъ родите-
лямъ презирать тебя и проклинать,
ибо Господь услышитъ ихъ“. ² Сад.:
ругаетъ. *—³ Сад.: „О мой сыночекъ!“
*—⁴ Сад.: „жизнь того будетъ про-
должительна и онъ найдетъ всякое
благо“. ⁵ Сад.: добра (графич. ошибка
вм. оружія), *—⁶ Сад.: Но ты будь.
*—⁷ Сад.: и безъ плодовъ. ⁸ Сад. оп.
⁹ Сад.: плодами.

19. Сынъ, безъ меча не ходи на
путь ночью,^а
чтобы врагъ не встрѣтилъ тебя и ты
не былъ уничтоженъ¹.

20а. Сынъ, какъ дерево радостно
видѣть
изъ-за его плода и вѣтокъ,

в. и горы лѣсисты ведрами,

точно также приятно видѣть мужа
*и жену^б и сына и брата и род-
ственникова и друга и всѣ семей-
ства¹.

^а имѣеть одинъ Канон.; остальные
оп.

*—^б Вен. оп.

¹ Печ. Бун. оп. 19-е и 20-е изре-
ченія.

25. ѿгда¹ на тѣ найдеть *гнѣвъ
вх² золъ, не молви зла.³

ѿгда когда⁴ безъменъ нарѣши⁵.

26. снѣ⁶, безъ оръжьи⁶ в ночь⁷
не ходи.

*кто бо⁸ свѣсть⁹, кто¹⁰ тѣ¹¹ сра-
цеть.¹²

27а. чѣ, *древо^а с плздомъ^б †прегне
ѿ¹³. с твердостнѣ¹⁴ своѣи тако [Сол.
іако] кх красѣ пребываѣтъ.

также ѿ сѣ ближними своими ѿ
дрѣвъ со дрѣвѣ^б своими также сѣтъ¹⁵.

в. ако¹⁶ лѣвхъ^в вх твердостнѣ своѣи
страшенх ѿ сѣтъ,

также ѿ¹⁷ мѣжъ бо близокѣхъ¹⁸ сво-
и^х чѣхъ¹⁹ ѿ сѣтъ,

¹ В. доб. когда. *—² В. оп., X. гнѣвъ.

³ В. оп. ⁴ В. оп. ⁵ X. снѣ, В. доб. анадѣ.

⁶ В. оръжьи, X. оръжия. ⁷ ВХ. ночь.

⁸ X. оп. *—⁹ В. ѿгда кога. ¹⁰ X. чго.

¹¹ X. оп. ¹² В. стрѣтитъ, X. доб. тя.

†—¹³ X. прегни ѿ. ¹⁴ X. твердостню.*—¹⁵ В.

оп. все начало. ¹⁶ X. доб. же. ¹⁷ В. оп..

¹⁸ В. ближнѣ. ¹⁹ ВХ чѣхъ.

^а Въ реч. дрѣвь. ^б х послѣ л передѣланъ
изъ о. ^в ако лѣ замарано черниломъ и
слабо видно. ^г На поле вынесено; чѣ.

с. и у кого нѣтъ ни братьевъ, ни жены, ни дѣтей,

презирается и пренебрегается врагами своими;

д. и онъ похожъ на дерево у тропинки съ боку дороги, съ котораго каждый проходящій срываетъ [плоды] и каждый лѣсной звѣрь срываетъ его листву.

29а. Мой сынъ, не говори: „мой господинъ дуракъ, а я мудръ“,

б. но завладѣй имъ въ его ошибкахъ и ты получишь милость.

30. Мой сынъ, не считай себя мудрымъ, если другіе не считаютъ тебя мудрымъ.

31а. Мой сынъ, не лги въ рѣчи передъ господиномъ, чтобы ты не былъ изобличенъ,

б. потому что человекъ, у котораго нѣтъ ни жены ни дѣтей

и котораго презираютъ и ненавидятъ на свѣтѣ, похожъ на безлистное и бесплодное дерево.¹

29. Мой сынъ! будь похожъ на полное плодовъ дерево² у дороги, *коего плодъ ѣстся всѣми, кто проходить,

и животныя пустыни поваются подъ его тѣнью и ѣдятъ его листья.³

30. Мой сынъ! каждая овца, которая удаляется⁴ отъ своего пути и своихъ товарищей, дѣлается добычей волка.⁵

31а. Мой сынъ! не говори: „мой господинъ дуракъ, а я мудръ“,

б. и не рассказывай рѣчи невѣжества и глупости, чтобы ты не былъ *презираемъ имъ.

¹—¹ Сад. оп. ² Сад. доб.: выросшее.

*—³ Сад.: всякій, кто проходить мимо, ѣсть съ него плоды, и дикій звѣрь скрывается въ его тѣни. ⁴ Сад.: „отбилась“. ⁵ въ Сад. это изреченіе стоитъ ниже, послѣ № 34 Карш..

21а. Сынъ, тотъ, который не имѣеть
жены или сына или брата или род-
ственниковъ или друга,
на долгіе годы находится въ пре-
зрѣніи,

в. и онъ подобенъ дереву, которое
стоитъ на перекресткѣ,
и всякій, кто проходитъ мимо него,
срываетъ его листья
и обламываетъ его вѣтки.¹

22а. Сынъ, не говори такъ: „мой
господинъ глупъ, а я мудръ“,

в. но терпи съ нимъ его глупость;

с. и ты будешь держать себя съ
мудрымъ человѣкомъ,

д. пока кто-нб. другой не похва-
литъ тебя.²

23а. Сынъ, не говори никому зла;

в. не будь злоязыченъ въ присут-
ствіи твоего господина,
чтобы ты не былъ презираемъ имъ.

¹ Париж. 58 оп. это изреченіе.

¹ Печ. Бун. оп. это изреченіе.

с. иже¹ родимъ² скѣденъ³ ѣсть и
дѣтми и блзкокъ,³

то прѣ⁴ врагы⁴ своиимъ хѣленъ⁵
ѣсть

д. и⁶ подобенъ ѣсть древь, чтоици⁷
при пѣтн.

и⁸ вси⁹ мимоходящій¹⁰ сѣкѣтъ ѣ.¹¹

28а. снѣу,¹² не рци: „Ако мой¹³ ѡс-
поди¹⁴ [92 об.] безуменъ ѣсть,¹⁵ аѣх¹⁶
оумене¹⁷ ѣсть.¹⁸“

в. наказаніе¹⁹ своего
принимай, и²⁰ помилостивъ будешн,

с. и²¹ своеѣи мѣдростіи не надѣйся.

д. ѣлико можешн терпѣти,²² терпѣ,²³

е. а зла²⁴ не глн.

29. снѣ,¹² немногорѣчнвъ²⁵ буди,

и²⁶ прѣ гнѣмъ²⁷ своиимъ²⁸ согрѣшиши²⁹.

30. чѣ, аще та на посолъ³⁰ по-
савтъ,³¹ не оумотчи³² чрезъ³³ годѣнъ,

¹ В. а иже. ² ВХ. родомъ, Х. доб. свой.
³ Х. блзкоки. *—³ В. дѣтемъ близнь. ⁴ В.
врагы, Х. ги. ⁵ В. лѣ. ⁶ В. оп. ⁷ В. сто.
ищемъ. ⁸ В. тако. ⁹ ВХ. вси. ¹⁰ В. мимо.
ходятъ и, Х. мимоходящій. ¹¹ В. его, Х. и.
¹² Х. снѣ, В. доб.: анадѣ. ¹³ В. оп. ¹⁴ ВХ.
гнѣ. ¹⁵ ВХ. доб. а. ¹⁶ В. пѣж. ¹⁷ ВХ.
оуменъ. ¹⁸ Х. ѣмъ. ¹⁹ ВХ. гнѣ. ²⁰ В. оп..
²¹ В. ѡ. ²² Х. перпѣти. ²³ ВХ. терпн.
²⁴ Х. зла. ²⁵ В. немногорѣчанвѣ, Х. не.
многорѣчн. ²⁶ В. а, Х. да. ²⁷ Х. глѣ. ²⁸ ВХ.
доб. не. ²⁹ В. согрѣшиши, Х. погрѣшиши.
³⁰ Х. посолство. ³¹ ВХ. пошлютъ. ³² В. медали.
Х. замѣчи или замѣчи. ³³ В. чрезъ, Х. чрѣ.

в. и онъ не сказалъ тебѣ: „прочь съ моихъ глазъ“.

32. Мой сынъ, пусть будутъ твои слова правдивы для того, чтобы твой господинъ могъ связать тебѣ: „приблизься ко мнѣ“, и ты будешь жить.

32а. Мой сынъ! не будь однимъ¹ изъ тѣхъ слугъ, которому² ихъ господа говорятъ: „удались³ отъ насъ“,

в. но будь однимъ⁴ изъ тѣхъ, которому² говорятъ: „*приблизься и подойди близко⁵ къ намъ“.

*—¹ Сад. оп. и такимъ образомъ изъ двухъ изреченій въ немъ получается одно. ² Сад.: которымъ. ³ Сад.: идите. ⁴ Сад. оп. *—⁵ Сад.: идите.

24. Сынъ, не отдаляй дня твоего жертвоприношенія изъ страха, чтобы твой Господь не былъ недоволенъ твоимъ жертвоприношеніемъ.^{а 1}

25. Сынъ, не покидай сцены плача

и исправляй въ свадьбѣ;

потому что смерть лежитъ впереди всего, наказаніе велико¹.

26а. Сынъ, не надѣвай на палецъ золотого кольца,^б которое не твое;

в. и не одѣвайся въ виссонъ и пурпуръ, которые не твои.

с. И не садись на воля, который не твой,

^а Париж. 58 доб.: „которое ты приносишь“. ^б Париж. 58 доб. „или серебро“.

¹ Печ. Бун. оп. 24-е и 25-е предписанія.

да не ѡны¹ послабѣть² къ слѣдѣ тебе.

31а. снѡ³, *да не рѣтъ^а ѡсподінх⁴ твои тобѣ:⁵ „ѡнда^б ѡ мене“⁷. ѡскорѣши.⁸

в. нѣ⁹ да^а бы тѣ¹⁰ реклз: „прнстѣпи блнзъ“¹¹ и ѡбрадѣши.¹²

32. снѡу³, *вз стѣи днѣ¹³ цркви не лишнса.¹⁴

33. чѣ¹⁵ ѡдеже¹⁶ [X. доб.: в до] мѡ¹⁷ печаль [В. бѣда] бѣдетъ, [Сол. доб. нн] *ѡставлѣ тѣ бѣдѣ.¹⁸ а на чюжѣ ѡбѣдѣ не ходи.

но преже¹⁹ погѣтнѣз, толн²⁰ на ѡбѣдѣ нѣдн.

и²¹ помани, ако тобѣ²² оумрети^б же²³ ѣсть.

34. снѡ³ конѣ не ѡмѣлѣ,^а на чѣжема²⁴ не ѣздн.²⁵

¹ В. ѡныи, X. ѡны. ² В. послабѣтѣ. ³ X. снѣ, В. доб.: ѡнаданѣ. ⁴ X. гнѣ. ⁵ X. тебѣ. *—⁶ В. оп. ⁶ ВХ. ѡндн. ⁷ X. доб. н. ⁸ ВХ. ѡскорѣши. ⁹ ВХ. но. *—¹⁰ В. оп. ¹¹ В. блнже, X. доб. мене. ¹² В. возрѣши. *—¹³ X. в днѣ стѣ. ¹⁴ В. лишнса. ¹⁵ В. снѡу ѡнаданѣ. ¹⁶ В. ѡже. ^{18—17} В. оп. *—¹⁸ В. в' домоу ѡстанн тоу бѣднѣ (такъ), X. ѡставѣ бѣдѣ тѣ. ¹⁹ X. прѣ. ²⁰ ВХ. тоже. ²¹ В. оп. ²² X. и тебѣ. ^{22—23} В. оумрети, X. ѡмрѣти же. *—²⁴ В. на чюжема, X. оп. ²⁵ X. доб. на чюжѣ.

^а слова въ слѣдѣ... рѣтъ написаны на подчищенномъ. ^б М. б. и оумрети.

d. потому что зрители, которые знают это, будутъ насмѣхаться надъ тобой. ^{a 1}

27. Сынъ, не ѣшь хлѣба, который не твой, даже если бы ты былъ очень голоденъ.¹

28. Сынъ, если человекъ сильнѣе, чѣмъ ты, не заводи съ нимъ ссоры, чтобы онъ не убилъ тебя.

29. Сынъ, подавляй и уничтожай зло изъ твоего сердца, и это хорошо для тебя по отношенію къ Богу и человѣку, и тебѣ помогла воля Божія.¹

30. Сынъ, если твои дверные косяки высоко построены въ небу, какъ они были бы въ семь локтей, всякій разъ, какъ ты входишь, наклоняй твою голову.

31. Сынъ, не бери отъ другихъ съ большимъ вѣсомъ и не отдавай имъ съ малымъ вѣсомъ,

^a Бод. и Париж. 58 доб. „когда они узнаютъ это“.

¹ Печ. Бун. оп. это изреченіе.

ѡще *во ѡпѣнаѣши,¹ и² посмѣѣтъ³ ти са.

b. *и, чреву⁴ не ѡлющу,⁴ не ѡжь⁵ краина⁶,

ѡгда ѡвѣстивъ⁷ наречшиса^{8 a}.

c. го снѣшшии мнѣ⁹ [В. снѣшшии мнѣ] себе брани не въздвижай.¹⁰ твоѣ¹¹ не въздушю.¹² не вѣси,¹³ что въздвигнетъ¹⁴ на тѣ.¹⁵

35. снѣ,¹⁶ ѡще хрѣ твоѣ высокъ ѣсть,

ѡбнизи¹⁷ стѣки ѡго. и¹⁸ тако влзи¹⁹ бона²⁰

и оумомъ своимъ възвешиса²¹.

36. снѣ,²² гнѣхъ своѣго^{23 b} востагни²⁴. и²⁵ за терпѣны²⁶ приимиши²⁷ блгѣ ѡ²⁸ бѣ.

37. снѣ²⁹, великъ²⁹ миръ³⁰ възмъ. а³¹ в³¹ малъ не продаи³².

*—1 В. ѡпѣнаѣши. 2 В. оп. 3 ВХ. по. смѣютъ. *—4 В. ѡ древа ѡчѣна. 5 Х ѡждь. 6 В. Х. краина. 7 В. пажра (такъ), Х. объѣстивъ. 8 ВХ. наречшиса. 8—9 Х. ѡ снѣшшии мнѣ. 10 В. въздвиже, Х. въздвижай. 11 В. чеее. 12 В. въздушю. 13 В. доб. го. 14 В. въздвигоучъ. 10—15 Х. оп. 16 Х. снѣ, В. доб. анадѣ. 17 В. ѡбниже. 18 В. оп. 19 В: влзѣ. 20 В. оп. 20—21 В. высеса оумомъ и възвешиса; Х. оп. 22 Х. снѣ мой, В. доб. анаданъ. 22—23 В. и гнѣвъ своѣ, Х. гнѣва ся. 24 Х. востагни. 25 В. а. 26 В. черпѣныѣ, Х. черпѣныѣ. 27 ВХ. при. имешн. 28 ВХ. ѡ. 29 В. въз великоу. 30 Х. мѣрѣ. 31 Х. оп.. 32 В. давай.

^a ч находится въ серединѣ ш: обѣ буквы составляютъ лигатуру. ^b го передѣлано изъ другихъ буквѣ. ^a и передѣлано потомъ въ ѣ.

и не говори: „я получилъ выгоду“.

Ибо *Богъ не даетъ этого, но онъ
будеть гнѣвнень,¹
и ты умрешь отъ нужды.²

32. Сынъ, не клянись ложно,

*чтобы въ твоихъ дняхъ не было не-
удачи.^{3а}

33. Сынъ, подставляй ухо подъ
законы Бога, и не бойся несчастья
(ни одного), потому что повелѣнїе
Бога есть оплотъ человѣка.⁴

34. Сынъ, не радуйся во множе-
ствѣ твоихъ дѣтей, и въ ихъ отсут-
ствіе не будь огорченъ.⁴

35. Сынъ, дѣти и владѣнїе даются
Богомъ.
Богатый человѣкъ сдѣлался бѣднымъ,
бѣдный человѣкъ обогатился;
низкій возвышенъ и высокій пони-
женъ.⁴

^аБодл. и Париж. 58 доб.: „на
землѣ“.

*—¹ Печ. 29: „ты не знаешь, что за
такую выгоду Богъ прогнѣвается на
тебя“ (Бун.: въ противномъ случаѣ
Богъ..).

^{1—2} Печ.: „и то, что ты берешь,
оно отниметъ изъ рукъ твоихъ и от-
дастъ другимъ“; Бун.: „и отниметъ у
тебя твое богатство.“

*—³ Печ. 30: „ибо ложная клятва и
неправда приносятъ ущербъ жизни
человѣка“ (Бун... приносятъ тебѣ
большія страданія на томъ свѣтѣ).

⁴ Печ. и Бун. оп. 34-е и 35-е пред-
писанія.

нерчи¹, ако *тѣхъ мнѣ² есть прибытокъ³.
зло бо⁴ то дѣло есть. *кто бо
бѣсть,⁵

чи нѣ⁶ бѣ оузривъ⁷ разгнѣвається⁸
на та

нѣ⁹ потребитъ¹⁰ дома^{11а} твои *аки
беззаконника.¹²

38. чѣ, *бнѣмъ и менемъ¹³ не клянися
бо лажю,

да не оумалитъ число днѣи¹⁴ твоихъ.

39. снѣ¹⁵, аще что просиши, ачѣ¹⁶ бѣ.
то¹⁷ не забывай нѣ бѣди ако небрегы¹⁸.
[93] но поне¹⁹ внемай²⁰, баганъ бѣдешн.

40. чѣ, старѣншаго снѣ взлюбн²¹.
а меншаго²² не ѡрѣн²³.

41а. снѣ, въ слѣдѣ дѣтнѣ скота не
оубавишѣса.

В. аще бо ти не вядно шѣ бѣ бѣдетъ²⁴,
тѣхъ твоихъ *не ѡбращешн²⁵.

оубогъ бѣтѣ²⁶ бывається. *[В. доб. а
богатъ оубогъ бывається]²⁷

*нѣ высокъ ѡбнижѣтѣса. нѣ низокъ
взрноснѣтѣса.²⁹

¹ В. рѣчи, Х. рцы. *—² В. чѣмъ ми,
Х. чѣ. ³ Х. прибытокъ. ^{2—3} В. са по-
можетъ. ⁴ Х. оп. *—⁵ В. оп. ^{5—6} В.
оп., Х. чи. ⁷ Х. узрѣвъ, В. видя. ⁸ Х.
разгнѣтѣся. ⁹ В. оп. ¹⁰ Х. потребитѣся.
¹¹ ВХ. дома. ¹² Х. беззаконника. *—¹² В. оп.
*—¹³ Х. имени бѣи. ¹⁴ Х. днѣи. ¹⁵ Х. снѣ,
В. доб. анаданъ. ¹⁶ ВХ. оѣ. ¹⁷ В. оп. ¹⁸ В.
небрега, Х. небрегѣн. ¹⁹ В. помни. ²⁰ ВХ.
внемай. ²¹ В. възлюбивъ, Х. люен. ²² В.
меншаго, Х. мшаго. ²³ Х. ѡрѣн, В. ѡрѣ-
шай. ^{23—24} ВХ. оп. *—²⁵ Х. оубогъ не
бываѣт, и снѣпостію согѣтѣна не стяжашн.
^{24—26} В. оп. ²⁶ ВХ. бѣтѣ. *—²⁷ Х. оп.
²⁸ Х. доб. овициѣтѣ і. ^{27—29} В. нѣтъ.

^а буква послѣ а похожа скорѣе на
е, чѣмъ на о. ^б е похоже на в.

[Сад. № 77. О мой сынокъ! нѣкоторые изъ учителей и философовъ говорили: если умреть твой врагъ и ты пожелаешь жениться на его женѣ, то знай¹].

¹ Продолженіе въ Сад. не находитъ соотвѣтствія въ арм.: „что женщина есть смерть, не желаемая мужемъ, и мученіе, предѣлъ котораго не опредѣленъ; если ты въ довольствѣ, то она угождаетъ тебѣ своимъ языкомъ, но если ты въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, то ѣстъ тебя своими зубами, мрачна, съ искаженнымъ лицомъ, слезы ея текутъ, она лжетъ, ея голосъ громокъ, она

36а. Сынъ, если высоки притолки твоего дома, и твой другъ боленъ, не говори: „что я буду посылать ему“,

б. но иди пѣшкомъ и посмотри твоими глазами; потому что это лучше для него, чѣмъ 1000 талантовъ золота и серебра.

37а. Въ вознагражденіе за злорѣчіе не принимай золота и серебра, потому что это полное смерти дѣло и очень дурное.

б. И не проливай праведной крови несправедливо, чтобы твоя кровь не была пролита обратно за его кровь.

38а. Сынъ¹, удерживай твой языкъ отъ злой рѣчи б. и твой глазъ отъ нескромныхъ взглядовъ,

с. и твою правую руку отъ вражи;

д. и это будетъ хорошо для тебя по отношенію въ Богу и человѣку.

е. Потому что, золото ли кто крадетъ или мелкія вещи, наказаніе и смерть одни и тѣ же.

39. Сынъ, не совершай прелюбодѣянія съ женою твоего друга,

чтобы Богъ не разгнѣвался и другіе не совершали прелюбодѣянія съ твоей женой.

40. Сынъ, не бери вдовы въ жены,

потому что всякій разъ, какъ будетъ какое-нб. слово между вами,

¹ Печ. 43 доб.: „если желаешь быть мудрымъ“.

42. *ч^а, к¹ печалномъ прижахан² и оутѣшил³ словеса глн.⁴ оун⁵ бо то⁶ ѣсть многа зла.

43. *сн^б, ѡблакомнѣса на золото и на сребро, не влѣхощеши ѡнѣтати. ѡ б^а бо протико томъ и ѡ чѣкъ приимеш⁷.

44. сн^{оу}, безъ вены⁹ крови не проливай, *ако мыслитель семъ б^ж ѣсть.¹⁰

45а. сд^у,⁸ оудержи оуста [В. доб. своим]¹¹ ѡ зла,

б. а¹² рѣцѣ твои¹³ ѡ¹⁴ татѣи:¹⁵

с. иже оукрадетъ зла или ризы,

*ѡ ѡбого¹⁶ ѣдина хала¹⁷ ѣсть¹⁸.

46. сн^{оу}, ѡ блвда¹⁹ оудлаіса²⁰, па²¹ же и²² ѡ мѣтѣчѣ,²³

да не приидѣ²⁴ на та гнѣвхъ блн²⁵.

¹ X. и. *—¹ В. чл^аоу. ² В. приошай, X. приходай. ³ В. оутѣшенал, X. ѡтѣш. ная. ⁴ В. оп. ⁵ X. лѣше. ⁶ В. оп. *—⁷ ВХ. оп. все 43-е предписаніе. ⁸ X. снѣ. ⁹ В. X. вены. *—¹⁰ В. оп. ¹¹ X. оп. ¹² В. оп. ¹³ В. свои, X. оп. ¹⁴ В. X. ѡ. ¹⁵ В. тадѣи. *—¹⁶ X. оп. ¹⁷ X. хала. ¹⁸—¹⁸ В. оп. ¹⁹ В. блвданица. ²⁰ В. оудлаіса. ²¹ В. тако. ²² X. оп. ²³ В. моужатичъ, X. мѣжатичы, ²⁴ В. придець. ²⁵ В. X. блн.

33. Мой сынъ, въ день твоего несчастія не богохульствуй;

чтобъ Онъ, когда услышитъ тебя, не сдѣлался гнѣвнымъ противъ тебя.

34. Мой сынъ, не поступай съ рабомъ твоимъ лучше, чѣмъ съ его товарищемъ; потому что ты не знаешь, въ которомъ изъ нихъ въ концѣ тебѣ будетъ нужда.

35. Мой сынъ, бросай камни въ собаку, которая оставила своего собственнаго господина и послѣдовала за тобой.

36. Мой сынъ, стадо, которое идетъ разными путями, дѣлается добычей волковъ.

37. Мой сынъ, суди правдивымъ приговоромъ въ твоей молодости для того, чтобы въ старости ты пользовался почетомъ.

33. Мой сынъ! Не ласкай своего раба въ присутствіи его товарища, потому что ты не знаешь, который изъ нихъ будетъ имѣть болѣе значенія для тебя въ концѣ.¹

34. Мой сынъ! не бойся² твоего Господа, который тебя сотворилъ, чтобы Онъ не *былъ молчаливымъ въ тебѣ.³

клянется, а поступокъ ея открытъ, она старѣеть, а дурные ея нравы тебя убиваютъ, но сила ея языка никогда не исчезаетъ; если ты богатъ и далеко отъ нея, то лучше будетъ для тебя и берегись приближаться къ ней⁴.

¹ Сад. (Карш. и Сал.) оп. это изреченіе. ² Сад.: брани. ³ Сад.: гнѣвался на тебя.

она будетъ говорить: „Увы! жаль моего перваго мужа!“ и ты огорченъ.¹

41. Сынъ, если воздаяніе постигаетъ тебя отъ Бога, не уклоняйся и не ропщи;

чтобы Богъ не разгѣввался и другимъ суровымъ ударомъ не погубилъ тебя несвоевременно.²

42. Сынъ, не люби сына лучше, чѣмъ слугу, потому что ты не знаешь, который изъ нихъ будетъ полезенъ для тебя.³

43. Сынъ, бараны, которые теряются отъ стада, становятся порціей волвовъ.⁴

44. Сынъ, вводи праведное сужденіе въ твой умъ, и почитай стараго на тотъ вонецъ, чтобы ты могъ получить почетъ отъ великаго судьи, и чтобы могло быть хорошо для тебя.⁵

45а. Сынъ, склоняй твои глаза и смягчай произношеніе твоего рта и опускай взоръ твой;

^{1, 2, 3, 4, 5} Печ. и Бун. оп. это изреченіе.

47. Снѣ¹, аще *кто послѣдшате² оумна члѣка, то ако же³ въ днѣ жада⁴ стѣденыс⁵ а воды напнѣтѣ.⁶

48. [Сол. доб.: Снѣ, не нмѣа мѣдана перѣстна, злата не въкладн на са.]

49. Снѣ¹, аще *напастъ н печалъ⁷ приидетъ на та, ба не *оуне карай⁸, ако ничто же⁹ не оудѣлѣши¹⁰ ѣмѣ, но оуслышате¹¹ оукоришнѣ твою

н ѡвѣщаѣтъ¹² ти по истинѣ.¹³

50. Снѣ, прак¹³ сѣднѣ бѣдн,

*н на старость твою чѣтнхъ бѣши.¹⁴

¹ X. снѣ. *—² X. послѣдшашн. ³ X. оп. ⁴ X. жада. ⁵ X. стѣденыс. ⁶ X. напнѣшнѣ, В. оп. все 47-е изреченіе. *—⁷ X. печѣ и напастъ. *—⁸ X. ѡкарый. ⁹ X. оп. ¹⁰ X. одолѣши. ¹¹ X. ѡслышнѣ. ¹² В. оп. 49-е изреченіе. ¹³—¹⁴ X. снѣ. ¹²—¹⁴ В. оп. 50-е изреченіе. *—¹⁴ X. оп.

¹³ Опска вм. стѣденыс? ⁶ съ натяжкой можно читать: оуслышнѣ. ¹² т изъ ш.

38а. Мой сынъ, дѣлай сладкимъ
твой языкъ и благоуханнымъ отвер-
стіе твоего рта,

в. потому что хвостъ собаки даетъ
ей хлѣбъ, и ея пасть навлекаетъ на
нее удары.

39. Мой сынъ, не позволяй своему
сосѣду наступать на твою ногу,
чтобы онъ не наступилъ на твою
шею.

35а. Мой сынъ! *дѣлай твою рѣчь
красивой и сладкимъ твой языкъ¹

в. и не позволяй своему товарищу
наступать на твою ногу,
чтобы онъ не наступилъ наконецъ²
на твою грудь.

*—¹ Сад.: „Да будетъ твоя рѣчь
красна и твой языкъ сладокъ“.

² Сад.: „въ другой разъ“.

в. чтобы ты не явился безсмысленнымъ для людей,

с. потому что, если бы храмъ строился кривомъ, то осель строилъ бы семь дворцовъ и tchardakhs въ день.

[Кам. доб. Сынъ, если быки съ настоящею силою повлекутъ иго, то иго не упадетъ отъ шеи верблюда].¹

46. Сынъ, не хвастайся въ дни твоей юности, чтобы твоя юность не была твоей гибелью.

47. Сынъ, не позволяй твоему товарищу наступать *на твои ноги², чтобы онъ не дерзнулъ и не наступилъ на твою шею³ также хорошо.

48а. Сынъ, не говори въ гнѣвѣ съ твоимъ противникомъ передъ судьей, чтобы ты не былъ названъ безсмысленнымъ^б и глупымъ.

в. Но о чемъ бы онъ не спросилъ тебя, отвѣчай ему съ вротостью; и ты навалишь осужденіе на его голову.

49. Сынъ, если ты просишь Бога о добрѣ, *прежде всего исполни Его волю постомъ и молитвой³, и тогда твои мольбы будутъ исполнены къ твоему благу.

58. Сынъ, ложное слово и лживый разговоръ тяжелы какъ свинець, но черезъ нѣсколько дней это плаваетъ по водамъ подобно листу дерева.¹

^а Бод. доб.: „и голову“. ^б Бод.: чтобы ты не оказался безсмысленнымъ и бесполезнымъ.

¹ Печ. Бун. оп. 45 и 58-е изреченія. *—² Печ.: тебѣ на ногу. *—³ Печ. 31: „не удаляйся отъ Его воли“, Бун.: „не сходи съ пути Его.“

51. *снѣу, азыкѣ твоей сладокъ буди¹, и *оустнѣ твоѣи² добръ Шверзитага³.

52. [В. доб.: снѣу анаданъ, не бѣжданъ попраги дръга твоего, ѣга каячнтса самому попрапоу быти]⁴.

*—¹ X. оп. *—² X. уста твоя. ³ X. ѿвѣздъ, В. оп. все 51-е изреченіе.

⁴—⁴ X. оп. все. 52-е предписаніе.

40. Мой сынъ, ударяй [мудраго]
 мужа мудрымъ словомъ,
 чтобъ оно могло быть въ его сердцѣ
 какъ лихорадка лѣтомъ;
 [но знай], что, если ты ударишь
 глупца многими ударами, онъ не пой-
 метъ.

41a. Мой сынъ, посылай мудраго
 человѣка
 и не давай ему приказаній;

36. Мой сынъ! если ты ударишь¹
 мудраго человѣка словомъ мудрости,
 оно спрячется въ его груди², какъ
 тонкое чувство стыда³;

но если ты *будешь волотить⁴ не-
 вѣжду палкой, онъ не пойметъ⁵ и не
 услышитъ.⁶

37a. Мой сынъ!* если ты посылаешь
 мудраго человѣка по твоимъ дѣламъ,
 не давай ему много приказаній;
 потому что онъ сдѣлаетъ твое дѣло,
 какъ ты желаешь⁷;

¹ Сад.: бьешь. ² Сад.: сердцѣ.
³ Сад.: подобно головнѣ огня.
 *—⁴ Сад.: бьешь. ⁵ Сад.: слышитъ.
⁶ Сад.: пойметъ. *—⁷ Сад. всю пер-
 вую половину этого изреченія оп.

59. Сынъ¹, отерывай самый меньшій твой замысль твоему другу, и черезъ нѣсколько дней раздражай его и насмѣхайся надъ нимъ.

И^а если онъ не откроетъ этого замысла, тогда открой ему самые большіе замыслы, и ты получишь въ немъ надежнаго друга.

60. Сынъ, въ присутствіи царей и судей помогай твоему товарищу, потому что, какъ бы отъ пасти льва, ты его спасешь;

и онъ становится для тебя добрымъ именемъ и славой.²

61. Сынъ, если твой врагъ приходитъ къ тебѣ къ твоимъ ногамъ, оважи ему прощеніе и засмѣйся радостно къ его лицу и прими его съ честью.³

62. Сынъ, куда тебя не приглашали, не ходи на честь; и гдѣ тебя не спрашивали, не давай отвѣта.⁴

63. Сынъ, не переходи черезъ замерзшую и вздувшуюся рѣву, чтобы ты не умеръ внезапной смертью.⁵

64. Сынъ, спрашивай у мудраго человѣка слова совѣта⁶ и ты сдѣлаешься мудрымъ.

Но если ты спрашиваешь глупаго человѣка, онъ, несмотря на много словъ, не мудръ.⁶

65а. Сынъ если ты посылаешь мудраго человѣка дать какое-нб. приказаніе, онъ самъ исполняетъ дѣло.

^а Бод.: „И смотри, если“ и внизу „и получи въ немъ“. ^б Бод.: „слова мудрости“.

¹ Печ. Бун. доб.: „Сначала испытай друзей своихъ (Бун. 73... друга своего), а потомъ“.

^{2, 4, 5, 6} Печ. Бун. оп. все нареченіе.

³ Печ. Бун. оп. все нареченіе; ср., впрочемъ, № 39 въ Печ. и Бун..

53. чѣ, *оу.ннѣ мѣжн¹ рѣші слово,

*и поболнтъ² срѣемъ.

и безумнаго³ аце⁴ кнѣтомъ⁵ въѣши,⁶
не вложнши вонъ⁷ оума.

54а. сѣоу⁸, оумна мѣжа послакъ на
пѣтъ,
не много *ѣмѣ⁹ кжн.

*—¹ В. оѣм'нomoу. *—² В. поболн.
³ В. безоум'на, X. безумнаго. ⁴ X. доб.
и. ⁵—⁶ В. мко игомы. ⁶ X. сѣши. ⁷ В.
ѣмоу. ⁸ X. сѣе, В. доб. анадѣ. ⁹ X. нака.
зыбай. *—⁹ В. кжн ѣмоу.

в. но если ты пошлешь дурака,
то лучше иди самъ и не посылай его.

42. Мой сынъ, испытывай своего сына хлѣбомъ и водой,

и тогда ты можешь оставить въ его рукахъ твои владѣнія и твое богатство.

43. Мой сынъ, уходи при первой чашѣ

и не медли для лавомыхъ напитковъ [или для сладкихъ мазей];

чтобы они не были для тебя ранами въ твоей головѣ.

в. а¹ если ты посылаешь глупца², не приказывай ему,³

но пойди самъ и сдѣлай *свое дѣло⁴,

потому что, если ты прикажешь ему, онъ не сдѣлаетъ того, что⁵ ты желаешь.

с. *Если посылаютъ тебя на дѣло, спѣши исполнить его скоро⁶.

38. Мой сынъ! не дѣлай врагомъ человека болѣе сильнаго, чѣмъ ты самъ, потому что онъ возьметъ твою мѣру и отомститъ тебѣ.

39а. Мой сынъ, испытай твоего сына и твоего слугу,

прежде чѣмъ ввѣришь имъ свои вещи,⁷

чтобы они не погубили⁸ ихъ;

¹ Сад. оп. ² Сад.: глупаго невѣжду. ³—⁴ Сад.: его не увѣщевай. *—⁴ Сад.: что тебѣ нужно. ⁴—⁵ Сад.: „потому что, какъ бы ты его не наставилъ, онъ все-таки не исполнитъ твоего порученія, какъ.“ *—⁶ Сад.: а когда кто-либо тебя пошлетъ съ какимъ-нб. порученіемъ, то вернись скоро. ⁷ Сад.: деньги и имущество. ⁸ Сад.: расточили.

в. Но если ты посылаешь глупаго, онъ будетъ давать приказаніе въ присутствіи многихъ людей. И ты или иди самъ или не посылай его.¹

Печ. 4. Сынъ,² если тебя пошлютъ³ куда-либо *за дѣломъ,⁴ хорошенъво *обдумай слово, которое⁵ тебѣ надлежитъ сказать *и потомъ иди,⁶ чтобы послѣ не сдѣлаться посмѣшищемъ передъ другими.]

66. Сынъ, испытай своего сына голодомъ и жаждой;

если онъ въ состояніи переносить это, тогда дай твои богатства въ его руки.

67. Сынъ, изъ дома приглашенія и со свадьбы иди первымъ раньше твоего товарища и не возвращайся назадъ;^а

чтобы ты могъ получить доброе имя^б

и могъ не получить ранъ на твою голову.⁷

^а Можетъ быть, смыслъ таковъ: „И не оставайся до конца“.

^б Канон.: „чтобы ты могъ быть умащенъ душистымъ масломъ“.

¹ Печ. 63 доб.: ибо много зла надѣлаетъ онъ тебѣ.

къ Печ.: ² Бун. оп.. ³ Бун.: посылають. *—⁴ Бун. оп.. *—⁵ Бун.: „разузнай, за чѣмъ идешь, и что“. *—⁶ Бун. оп..

⁷ Печ. и Бун. оп. это изреченіе.

в. ѿ безумнаго^{1а} пославъ,

то² самъ по нѣ ѿди³,

да⁴ не взведеть тебе⁵ въ сря.⁶

55. *снѣу, друга своего не [Сол., Ч., Ф. оп. не] ѿсудшай [в]^брашнома ѿ винома: [93 об.]

ѿ тогда на болше поплѣтитса [Сол. постѣпнтъ]⁷.

56. снѣ,⁸ ѿще чл позовѣтъ на ѡбѣдѣ, по перкомѣ зѣв⁹ не ходи; ѿ¹⁰ ѿще взовѣтъ¹¹ чгѣ ѡбѣдѣ,¹² *

тогда книж,¹³ ѿко *чнх¹⁴ ѿсн, ѿ¹⁵ въ чгѣ придеши¹⁶.

¹ В. безумна. X. безумнага. ² В. доб. ѿ. ³ В. оп.. ⁴ В. ѿди ⁵ В. чл. ⁶ В. X. срамх. *—⁷ ВХ. оп. все изреченіе. ⁸ X. снѣ. В. доб. ѿнади. ⁹ В. званью. ¹⁰ В. оп.. ¹¹ В. позовѣтъ. ¹² В. дрѣгоѣ, X. второе. ¹³ В. видиши, X. видѣ. ¹⁴ X. чгѣнх. *—¹⁵ В. оп.. ¹⁶ В. приходиши, X. придеши.

^а г изъ п. ^б предыдущее ѿ какъ будто передѣлано на с. ^в принимая во вниманіе исправленіе, можно прочесть въторѣ.

44а. Мой сынъ, тотъ, кого рука
полна,
называется мудрецомъ и почтеннымъ;

б. и тотъ, чья рука пуста,
называется глупымъ и низкимъ.

45а. Мой сынъ, я носилъ соль и
двигалъ свинецъ;

б. но я не видалъ ничего тяжелѣе
того, что человекъ долженъ уплатить
долгъ, котораго онъ не занималъ.

46а. Мой сынъ, я носилъ желѣзо
и передвигалъ камни,

б. и они не были тяжелѣе для
меня, чѣмъ человекъ, поселяющійся
въ домъ своего тестя.

б. потому что тотъ, кто имѣетъ пол-
ную руку,
называется мудрымъ,

* даже если бы онъ былъ глупымъ
и невѣждой¹,

с. а тотъ, кто имѣетъ порожнюю²
руку,
называется бѣднымъ и невѣжествен-
нымъ,

даже если бы онъ былъ главой муд-
рецовъ.

40. Мой сынъ! я ѣлъ горькую тме-
ву и глоталъ смирну³,
и я не нашелъ ничего горьче, чѣмъ
бѣдность и нужда.

[Сад. доб. ниже, 66а: О мой сынокъ!
Я носилъ соль и таскалъ свинецъ,

б. но мнѣ не было такъ тяжело,
какъ мужу, обитающему въ домъ сво-
его тестя.]

*—¹ Сад.: а въ противномъ случаѣ—
глупымъ невѣждой. ² Сад.: скупую.
³ Сад.: алой.

68а. Сынъ, челоуѣва, который имѣеть много имущества и собственности, называютъ мудрымъ и добродѣтельнымъ;

б. но челоуѣва, который имѣеть мало собственности, называютъ глупцомъ и незначительнымъ,
и никакой челоуѣкъ не почитаетъ его.

69а. Сынъ, я ѣлъ садовый цвѣорій и я пилъ желчь,
и это было не горьче, чѣмъ бѣдность.

б. Я поднималъ соль, и я поднималъ свинець,
с. и это не было тяжелѣе, чѣмъ долгъ.

Ибо, хотя я ѣлъ и пилъ, я не могъ успокоиться.^а

д. Я поднималъ желѣзо и я поднималъ камни на моихъ плечахъ,
е. и это было лучше для меня, чѣмъ жить съ невѣждой и глупцомъ.¹

^а Кан. доб.: „пока я не уплатилъ долга“.

¹ Печ. и Бун. оп. это изреченіе.

57. сѣоу,¹ не приѣмаша² мьзды,³
нбо⁴ мьзда *ѡчи ѡлѣпѣлѣтъ⁵ сѣ-
анлѣмъ.⁶

58. золчи⁷ н⁸ горестн въшѣ,⁹
н¹⁰ не бѣ¹¹ пѣще оубожьства.

59а. *сѣоу, соль н ѡлово лѣжѣе са
мнитъ поне [Сол. доб.: стн,
б. нежеан въпати ти скотъ. ѣго
въземши]¹².

60а. сѣоу,¹³ желѣзо н камень подѣ-
шѣхъ;¹⁴

б. н¹⁵ легчи¹⁶ ми¹⁷ са мнитъ,
нежеан¹⁸ мѣжеви, вѣдѣшемъ¹⁹ за-
конъ, тарати *со ближнимъ²⁰ [Сол.
съ тѣстѣ] своимъ.

¹ X. сѣе, В. доб. ѡнадѣ. ² В. ѣм'ан, X. приѣмані. ³ X. мзда. ⁴ В. оп. *—⁵ ВХ. ѡлѣпѣлѣтъ ѡчи. ⁶ В. соуть н. ⁷ В. жол'че, X. жолчи бо. ⁸ В. оп. ⁹ X. въшѣ, ¹⁰ В. оп. ¹⁰—¹¹ X. нѣсть.

*—¹² В. X. оп. все 59-е изреченіе.

¹³ В. оп., X. сѣе. ¹⁴ В. подѣшѣхъ. ¹⁵ В. оп. ¹⁶ В. легчиѣ, X. легко. ¹⁷ В. оп.. ¹⁸ В. негѣн. ¹⁹ В. вѣдоуци. *—²⁰ В. съ ѡцмъ, X. з анжнѣ (такъ).

47. Мой сынъ; учи своего сына
голоду и жаждѣ тавъ,

чтобы онъ сообразно тому, какъ глазъ
его видитъ,
могъ управлять своимъ домою.

41. Мой сынъ! приучай твоего сы-
на въ умѣренности и голоду,

чтобы онъ¹ могъ хорошо править
своимъ домою.

42. Мой сынъ! не учи невѣжду
языку мудрецовъ,
потому что онъ будетъ тягостенъ
для него².

43. Мой сынъ! не отрывай твоего
положенія твоему другу³,
чтобы *ты не презирался имъ⁴.

¹ Сад. доб.: когда выростеть.

² Сад. оп. все это изреченіе.

³ Сад. доб.: хотя бы ты былъ въ
нуждѣ и въ стѣсненіи.

*—⁴ Сад.: онъ не смотрѣлъ на тебя
окомъ презрѣнія.

70. Сынъ, если ты бѣденъ между твоими товарищами, не отерывай этого;¹ чтобы ты не былъ въ презрѣннн у нихъ, и чтобы они не подслушали твоихъ словъ.²

71. Сынъ, люби *твою плоть и *твою жену.

Ибо она — *ты самъ и подруга твоей жизни⁴, и даже при крайнемъ трудѣ она вскармливаетъ *твоего сына⁵.

72. Сынъ, если твой господинъ посылаетъ тебя принести обнавоженный виноградъ, не приноси его ему;

¹ Это изреченіе Вен. оп., въ Париж. 58 оно — № 41; далѣе Париж. 58 повторять здѣсь 15-е предписаніе.

¹ Печ. № 34 ближе къ слав.: „Сынъ, когда бываешь между людьми, не наруживай своим долги и недостатки“.

¹⁻² Печ. (Бун.): „ибо отъ нихъ нѣтъ тебѣ пользы и ты будешь ими презираемъ“.

³⁻⁴ Печ. 35: „плоть твоя“ (Бун.: „отъ тѣла твоего“): ⁵ Печ.. дѣтей (Бун. доб.: твоихъ).

61. *снѣу,¹ аще² въ знаѣмѣи людехъ сѣда,
[X: доб. х⁸] добы своѣа не аблаи,
ѣгда како порѣгаѣти³ а

и не послѣшамъ наказаннѣ твоѣго.⁴

62. чѣ,⁵ любѣ женѣ своѣ ѡ ксего срѣа,

ако та ѣста⁶ мѣи дѣте⁷ твоѣ

и⁷ к животѣ твоѣмъ *похоть твоѣ ѣста.⁸

63. чѣ, ѣгда оучиши сѣа своѣго,⁹ то *не¹⁰ въздержаннѣ¹¹ [Сол. наиболѣ въздержаннн] оучи и.¹²

ѣмъ же бо наоученъ¹³ вѣдѣть,¹⁴ в тѣхъ¹⁵ прѣвѣдѣть.

¹ X. снѣ. ² X. оп. ³ X. порѣгаючѣся. ⁴ *—⁴ В. оп. 61-е изреченіе. ⁵ В. снѣу. ⁶ В. ѣтъ (такъ). ⁷ В. оп. *—⁸ В. оп. ⁹ X. твоего. ¹⁰ ВХ. на. ¹¹ В. възѣржаннѣ. ¹² ВХ. оп.. ¹³ ВХ. наоученъ. ¹⁴ X: ѣ ѡ юности. ¹⁵ X. доб. предѣлѣ.

^а въ рѣпси надъ ѣ стоитъ л. ^б въ рѣпси своѣ. ^в въ рѣпси: наоученъ.

48. Мой сынъ, лучше тотъ, кто слѣпъ на глазъ,
чѣмъ тотъ, кто слѣпъ сердцемъ;
потому что слѣпой глазомъ тотчасъ
привыкаетъ къ дорогѣ и ходить по
ней:

но слѣпой сердцемъ
оставляетъ прямую дорогу и идетъ
въ пустыню.

44. Мой сынъ! слѣпота сердца бо-
лѣе тяжела,
чѣмъ слѣпота глазъ,
потому что слѣпота глазъ можетъ
быть мало по малу руководима,

но слѣпоты сердца не водятъ,
и она оставляетъ прямую дорогу, а
идетъ кривымъ путемъ¹.

45. Мой сынъ! спотыканіе чело-
вѣка своей² ногой лучше, чѣмъ
спотыканіе чловѣка своимъ² язы-
комъ.

¹ Сад. передаетъ это изреченіе
въ формѣ болѣе близкой къ сир. и
слав., чѣмъ Карш.:

41. О мой сынокъ! Слепому сер-
дцемъ труднѣе, чѣмъ слѣпому глазомъ,
п. ч. слѣпой найдетъ какъ-нб. доро-
гу, но слѣпой сердцемъ не найдетъ,
но собьется съ истиннаго пути и
пойдетъ по кривой дорогѣ.

² Сад. оп.; въ Сад. это изреченіе
стоитъ (№ 44) ниже на два, чѣмъ въ
Карш..

потому что онъ будетъ ѣсть вино-
градъ,
но все же не освободить тебя отъ
наказанія за навозъ¹.

73а. Сынъ, слово мудраго человѣка
въ пьяномъ видѣ лучше,
чѣмъ слово глупца, который томимъ
жаждой или хмѣленъ² а.

51. Сынъ, лучше быть слѣпымъ
глазомъ³,
чѣмъ умомъ;

потому что *того, который слѣпъ
глазомъ, легко научить приходить и
уходить по дорогѣ⁴.

Но слѣпой умомъ
забываетъ прямую дорогу
и ходить по своей волѣ.

[Печ. 13. Сынъ⁵, лучше *родиться
дѣвочкѣ и скорѣе⁶ умереть, чѣмъ
жить *и служить⁷ позоромъ *дли
своей семьѣ⁸.]

¹ Въ арм. текстѣ здѣсь, должно
быть, ошибка.

¹ Печ. Бун. оп. это изреченіе.

² Печ. Бун. оп. это сравненіе.

³ Печ.: глазами.

⁴ Печ. 12: слѣпой (физически)
скорѣе видитъ развѣздъ.

⁵ Бун. оп..

⁶ Бун.: ребенку во младенчествѣ.

⁷ Бун.: служа.

⁸ Бун.: своего рода.

64. снѣ¹, в домѣ твоѣмъ^{2а} не сѣщи
винѣ³ никогдѣ же,⁴
не взхмѣщай *домѣ своего,⁵
ѣгда поносъ примѣши ѿ сѣсѣдъ⁶
своихъ.⁷

65. снѣ⁸, ѹне⁹ ѣсть послѣшатн¹⁰
пѣана¹¹ мѣдра,
нежелн¹² трезва безѣмна.

66. чѣ, ѹне ѣсть слѣпъ ѳѣнна,
неже¹³ слѣвхъ срѣнмх:¹⁴
слѣпъ во ѳѣнна аще¹⁵ по пѣтн хо-
днть,¹⁶ ѳвыкнеть, *н начнѣ¹⁷ ѳвръ-
татн *стеза¹⁸ своа;¹⁸
ѣ¹⁹ слѣпъ сн²⁰ срѣемъ,²¹
свращаеса²² со²³ пѣтн своѣго,²⁴ заблю-
днть.²⁵

67. снѣу,¹ ѹне ѣсть же, дабы свои
снѣ ѹмерлхъ бы²⁶ ѣн,
нѣан²⁷ дабы ѣн чюждъ²⁸ кормити,²⁹

¹ X. снѣ, ¹⁻² В. въ твоѣмъ домоу. ³ X.
доб н. ³⁻⁴ В. оп. *—⁵ В. домоуе своймъ.
⁶ X. согѣдъ. ⁵⁻⁷ В. оп.. ⁸ X. снѣ, В. доб.
анадѣ. ⁹ X. лѣчше. ¹⁰ В. послѣущагы. ¹¹ ВХ.
пѣана. ¹² X. нежее, В. доб. н. ¹³ В. негѣн,
X. нежелн. ¹³⁻¹⁴ ВХ. слѣвхъ срѣемъ. ¹⁵ В.
оп.. ¹⁶ В. ходити. *—¹⁷ В. гачнеть.
*—¹⁸ В. на стезю твою (такъ). ¹⁹ В. ѣ.
²⁰ В. оп.. ¹⁴⁻²¹ X. оп. вслѣдствіе по-
вторенія одинаковаго окончанія. ²² В.
свращаѣтъса, X. свращаея. ²³ ВХ. г. ²⁴ В. н.
²⁵ В. заблюднть, X. заблуднть. ²⁶ X. оп..
²⁷ X. неже. ²⁸ X. чюждъ.

*можно прочесть: таѣѣмъ. ⁶ буква
послѣ т болѣе всего похожа на с,
исправленное изъ о. ² буква послѣ к
похожа на ѣ и на о.

49а. Мой сынъ, лучше другъ, во-
торый подъ рукой,
нежели братъ, который далеко;

в. и лучше доброе имя, нежели
много красоты,

потому что доброе имя пребываетъ
вѣчно,
но красота вянетъ и исчезаетъ.

50а. Мой сынъ, смерть лучше жи-
зни человѣку,

который не имѣетъ покоя;

в. И лучше голосъ плача въ ухахъ
дурака,
нежели музыка и радость.

46. Мой сынъ! Другъ, *второй
вблизи,¹ лучше,
чѣмъ *болѣе превосходный² братъ,
*второй находится вдали.³

[Сад. доб. 42.: в доброе имя лучше
хорошаго золота,

ибо хорошее золото истощится,
а доброе имя пребудетъ вѣчно].

47а. *Мой сынъ!⁴ Красота исче-
заетъ,

в. *но знаніе остается,

с. и изобиліе уменьшается и дѣ-
лается бесполезнымъ,⁵

д. но доброе имя ни *дѣлается
бесполезнымъ⁶ ни уменьшается.⁷

48а. Мой сынъ! для человѣка, во-
торый не имѣлъ покоя,

его смерть *была бы⁸ лучше, чѣмъ его
жизнь;

в. И⁹ звукъ плача лучше,

чѣмъ звукъ пѣнія¹⁰;

*—¹ Сад.: Добрый. *—² Сад.: без-
сердечный. *—³ Сад. оп.; но зато
Сад. послѣ второй половины этого
изреченія имѣетъ особое изрече-
ніе, которое является какъ бы по-
втореніемъ первой части и обра-
щаетъ вниманіе именно на опущен-
ное этой первой частью: 43. О мой
сыночек! Близкій другъ лучше дале-
каго брата. *—⁴ Сад. оп. *—⁵ Сад.:
„міръ тлѣненъ, а свѣтъ прекра-
тится“. *—⁶ Сад.: измѣняется. ⁷ Сад.:
исчезаетъ. *—⁸ Сад. оп. ⁹ Сад.: „О
мой сыночек!“ ¹⁰ Сад. доб.: „и ра-
дости“.

в. Лучше правдивый рабъ, чѣмъ свободный, но лживый¹.

с. Лучше другъ у руки,

чѣмъ братъ вдали¹.

50. Сынъ, доброе имя лучше, чѣмъ *лицо, которое возбуждаетъ сильное желаніе²,

потому что

красота уничтожена³,
а доброе имя продолжается на вѣкъ.

[Печ. 38. Сынъ, если *дѣла чело-
вѣка не добры⁴ и онъ не пользуется
въ мірѣ добрымъ именемъ,
лучше этому умереть, чѣмъ быть
живымъ.]

¹ Бод.: проходить.

¹ Печ. Бун. оп. эти сравненія.

*—² Печ. 59: хваленая красота.

³ Печ. 59: болѣзнью и смертью портится.

*—⁴ Бун. 38: человекъ не совершаетъ добрыхъ дѣлъ.

зане ѣже єнъ добро створити,¹ зломъ
взъдасть.²

68. Снѣ³, оуне ѣсть *вѣренъ рабъ,⁴
негѣль⁵ скободенъ невѣренъ.⁶ [94]

69. чѣ⁷, оуне ѣсть дрѣгъ, ѣже
близъ *тебе живеть,⁸
нели⁹ мирный¹⁰ [Сол. бѣра ми-
ренъ, Ч. Ф. брѣтъ], ѣже¹¹ далече пре-
быкаѣтъ.¹²

70. снѣ¹³, ѣли ѣ слава чѣнѣѣ
ѣсть члѣкѣ, нежели красота личнаѣ,

зане слава въ вѣкы прѣбыкаѣтъ,

ѣ лице¹⁴ по оумртѣнн оубадаѣтъ.¹⁵

71. Снѣ¹⁶, оуне¹⁷ єсть члѣкѣ доб-
ра¹⁸ смѣрть, нели¹⁹ золъ живѣѣ.

¹ X. сотвори. ²—² В. оп. 67-е изре-
ченіе. ³ В. доб. ѣнаѣѣ. *—⁴ В. рабъ
вѣренъ. ⁵ В. негѣ. ²—⁶ X. оп. 68-е изре-
ченіе. ⁷ В. снѣ оу ѣнаѣѣ, X. снѣ. *—⁸ В. бы-
ваѣтъ. ⁹ В. негѣ, X. нежели. ¹⁰ В. блишь-
шн, X. сродникъ. ¹¹ ВХ. оп. ¹² В. приемы-
ваѣтъ, X. прѣбываѣтъ. ¹³ X. снѣ. ¹⁴ X. лице.
¹²—¹⁵ В. оп. 70-е изреченіе. ¹⁶ X. снѣ,
В. доб. ѣнаѣѣ. ¹⁷ В. лоуѣ. ¹⁸ В. красна.
¹⁹ В. негѣ, X. нежели.

51а. Мой сынъ, лучше барабанная палка въ твоей рукѣ,
чѣмъ крыло [?] въ горшкѣ другихъ;

б. и лучше овца подъ рукой, чѣмъ телка вдали:

в. лучше нищета, которая собираетъ, чѣмъ богатство, которое разсыпаетъ;

г. лучше воробей въ твоей рукѣ,
нежели тысяча летающихъ;

е. и лучше шерстяное платье на твоей спинѣ,
нежели тонкое полотно и шелкъ на спинахъ другихъ [людей].

с. потому что *печаль и плачь, если¹ страхъ Божій *въ нихъ, лучше, чѣмъ звукъ гнѣва и радости².

49а. Мое дитя! бедро лягушки въ твоей рукѣ лучше,
чѣмъ гусь въ горшкѣ твоего сосѣда:

б. и овца вблизи тебя лучше, чѣмъ волъ вдали;

с. и одинъ воробей въ твоей рукѣ лучше,
чѣмъ тысяча летающихъ воробьевъ;

г. и нищета, которая собираетъ, лучше, чѣмъ расточеніе большого запаса;

е. и одинъ фунтъ шерсти лучше, чѣмъ фунтъ богатства,

г. и подразумѣваю золота и серебра; потому что золото и серебро скрыты и спрятаны въ землѣ и не видны; а шерсть остается на рынкахъ и видна и есть красота для того, кто носить ее³.

50. Мой сынъ! *малое состояніе лучше, чѣмъ разсыпанное богатство⁴.

51. Мой сынъ! живая собака лучше, чѣмъ мертвый бѣднякъ⁵.

52. Мой сынъ! бѣднякъ, *который поступаетъ справедливо⁶, лучше, чѣмъ богачъ, который мертвъ⁷ въ грѣхахъ.

*—¹ Сад. „въ печали и рыданіи“.

*—² Сад. оп. ²—³ Сад. оп. все 49-е изреченіе. *—⁴ Сад.: „Небольшое собранное богатство лучше большого разсыпаннаго“. ⁵ Сад.: левъ. *—⁶ Сад.: творящій добро. ⁷ Сад.: погрязъ.

52а. Сынъ, боковая востъ въ твоей собственной рукѣ лучше, чѣмъ агнецъ въ рукахъ другихъ.

в. Птица въ твоей рукѣ лучше, чѣмъ тысяча порхающихъ по воздуху¹.

с. Козленокъ для жертвоприношенія^а въ твоёмъ собственномъ домѣ лучше, чѣмъ телець^б въ домѣ другихъ.

53. Сынъ, лучше власть съ бѣдностью въ житницу^с, чѣмъ проматывать съ богатствами^д.

72а. בְּיָדְךָ^1 , וְעֵינֶיךָ^2 עֵשֶׂת וְבֶעֱבֹרֶךָ^3 נֶגֶל בְּיָדְךָ^4 רֶגְלֶיךָ^5 ,
נֶגֶל⁶ ПЛЕЧЕ⁷ В ЧЮЖЕЙ רֶגְלֶיךָ^8 .

в. * וְהַבְּלִיחִי^9 וְעֵינֶיךָ^2 עֵשֶׂת,⁹
נֶגֶל¹⁰ ДАЛНЕЙ¹¹ БОЛЖ.

с. † וְעֵינֶיךָ^2 עֵשֶׂת אֶחָד^12 מִפְּרִי^13
בְּ רֶגְלֶיךָ^14 ДЕРЖИШИ,
נֶגֶל¹⁵ ТЫСЯЦА *ПТИЦА, ЛЕТЕЦА¹⁶ Пוֹ
דְּעֹרָב.

д. וְעֵינֶיךָ^2 עֵשֶׂת כֹּפְלֵי^1 פֶּתַח^2 ,
נֶגֶל¹⁵ וְהַבְּלִיחִי^9 ,
נֶגֶל¹⁵ וְהַבְּלִיחִי^9 וְעֵינֶיךָ^2 עֵשֶׂת¹⁷.

^а Венец.: „жирный козленокъ въ“, причемъ жирный представляетъ порчу.

^б Кан.: „лучше бѣдность съ покоемъ, чѣмъ“.

¹ Печ. Бун. оп. первыя два сравненія. ² Печ. Бун. 14: бычь. ³ Печ. Бун. оп. это сравненіе.

¹ X. בְּיָדְךָ . ² В. וְעֵינֶיךָ , X. וְעֵינֶיךָ . ³ В. וְעֵינֶיךָ , X. וְעֵינֶיךָ . ⁴ X. וְעֵינֶיךָ , В. оп. ⁵ В. וְעֵינֶיךָ : твою. ⁶ В. וְעֵינֶיךָ , X. וְעֵינֶיךָ . ⁷ В. וְעֵינֶיךָ . *—⁸ В. וְעֵינֶיךָ . *—⁹ В. оп. ¹⁰ В. וְעֵינֶיךָ , X. וְעֵינֶיךָ . ¹¹ В. X. וְעֵינֶיךָ . ¹² X. וְעֵינֶיךָ . ¹³ X. оп. ¹⁴ X. וְעֵינֶיךָ . ¹⁵ X. וְעֵינֶיךָ . *—¹⁶ X. וְעֵינֶיךָ . ¹⁷ X. וְעֵינֶיךָ . †—¹⁷ В. оп. сравненія 72 с д.

52. Мой сынъ, удержи слово въ
твоемъ сердцѣ,
и тебѣ будетъ хорошо отъ него;
потому что, если ты измѣнилъ тво-
ему слову, ты потерялъ твоего друга.

53а. Мой сынъ, не выпускай слова
изъ твоего рта прежде, чѣмъ ты по-
совѣтовался съ твоимъ сердцемъ:

53. Мой сынъ! держи¹ слово въ
твоемъ сердцѣ,
и оно будетъ многое² для тебя,
и бойся открывать *тайну твоего
друга³.

54а. *Мой сынъ!⁴ не позволяй слову
выйти изъ твоего рта⁵ прежде, чѣмъ ты
посоветовался⁶ съ твоимъ сердцемъ.⁷

¹ Сад.: похорони. ² Сад.: добромъ.
*—³ Сад.: свою тайну своему другу.
³ Сал. оп. изреченія №№ 26—53.
*—⁴ Сал. оп. ⁴—⁵ Сад.: Да не вый-
детъ слово изъ устъ твоихъ. ⁶ Сад.:
посоветуешься. ⁴—⁷ Сал. короче: „Не
произноси слова, прежде чѣмъ не
обдумаешь его“.

? Печ. 39. Сынъ, не говори злого
пріятелю твоему,
но смѣйся ему въ лицо,
чтобы быть веселымъ между своими
товарищами¹.

? Печ. 73. Сынъ, не будь дерзокъ
на языкъ среди товарищей и не
думай, что ты имъ милъ, ибо,
когда тебя стануть порицать, дѣло
твое будетъ опозорено².

54. Сынъ, не проклинай твоего
сына, пока не увидишь его конецъ;
и не отбрасывай его въ презрѣніе,
пока не увидишь его послѣдній конецъ
и заработокъ³.

74. Сынъ⁴, не открывай твоего тай-
наго замысла твоей женѣ.

Ибо она слаба и малодушна, и
она откроетъ это могущественному,
и ты будешь презрѣнъ.

55а. Сынъ, изслѣдуй слово въ тво-
емъ сердцѣ

в. и затѣмъ высказывай его.

¹ № 39 въ Бун. отличенъ и соот-
вѣтствуетъ № 22 араб..

² Бун. 71.: „Бесѣдуя съ товарищами,
не говори имъ даже и въ шутку глу-
постей, потому что, если они поссо-
рятся съ тобой, за тѣ же слова будутъ
позорить тебя“.

³ Печ. Бун. оп. 54-е изреченіе.

⁴ Печ. (Бун.) 40 доб.: „оказывай
женѣ твоей всякую доброту, но..“
(но вопросъ, было ли это добавле-
ніе въ первонач. арм.).

73в. снѣ,¹ ѣда² призовеши на чтѣ
дрѣга своего,
*веселомъ лицемъ³ прѣстои ѣмѣ,
да⁴ ѡнъ весело⁵ срѣземъ⁶ ѡнде⁷
в до⁸ свой;

в. ѣгда ѡбѣ⁹ твориши [Х. сотвори-
ши], *прѣ дрѣго¹⁰ не стани⁸ погѣплени⁹
лицемъ,¹⁰

да не бѣдетъ ти ѡбѣдъ [В. Х. доб. ѣ]
посрамлени¹¹, ѣгда небѣгъ наречеши¹¹.

74. Снѣу,¹² не благослови члвкѣ, ѡ
дрѣгаго¹³ не клени, не свѣдаѡ дѣла¹⁴
ѣго,

но¹⁵ испытавъ,¹⁶ то же¹⁷ ѡбѣдан¹⁸.

75в. снѣ,¹⁹ *ѡу не ѣсть¹⁹ ѡгнѣ ко-
лѣтѣ²⁰ ѡл²¹ трагавичей²²,
неглѣ²³ жити²⁴ со злою женою;²⁵

в. да²⁶ не бѣдетъ²⁷ свѣта²⁸ в домѣ
твоѣмъ и²⁹ срѣнаго³⁰ ѣи не вѣщан³¹.

76в. Снѣу,³² аще слово³³ хоцеши рещи
комѣ,³⁴ то напрасно не глѣи, но раз-
мысли³⁵ вѣ³⁶ срѣи³⁷ си;

в. да ѣже ти³⁸ на потрѣбѣу, то глѣи.³⁹

¹ Х. снѣ, В. доб. ѡнаданъ. ² В. Х. ѣгда.
*—³ В. Х. веселымъ лицемъ. ⁴ Х. доб. и.
⁵ В. Х. веселымъ. ⁶ Х. лицѣ. ⁷ Х. ѡнде.
*—⁸ В. не стани прѣ дрѣгомъ своимъ. ⁹ В.
погѣпленимъ, Х. пѣгплени. ¹⁰ В. Х.
лицемъ. ¹¹ В. посрамлени ѡ, Х. стремленіе.
¹² Х. снѣ, В. доб. ѡнадане. ¹³ В. дрѣга.
¹⁴ Х. дѣла. ¹⁵ В. то. ¹⁶ Х. или спытавъ.
¹⁶—¹⁷ В. оп., Х. тожде. ¹⁸ В. Х. ѡбѣщанъ,
В. доб. ѣмѣ. *—¹⁹ В. лоуце. ²⁰ Х. болѣти.
¹⁹—²⁰ В. болѣти ѡгнемъ; ²¹ В. ѡ, Х. или.
²² В. Х. трагавичей. ²³ В. нежелн, Х. неже.
²⁴ В. оп. ²⁵ В. доб. жити. ²⁶ Х. оп. ²⁷ В.
бѣдетъ, Х. бѣдѣ ти. ²⁸ В. свѣтъ, Х. со-
вѣта. ²⁹ В. оп. ³⁰ В. Х. срѣнаго. ³¹ В. по-
вѣданъ, Х. вѣща. ³² В. оп., Х. снѣ. ³³ В.
доб. комоу. ³⁴ В. оп. ³⁵ В. размысленихъ.
³⁶ В. на. ³⁷ Х. срѣи. ³⁸ В. доб. ѣсть. ³⁹ В.
голи (такъ), Х. глѣи.

в. потому что лучше для челоуѣва
спотѣнуться въ сердцѣ своемъ,
нежели спотѣнуться своимъ языкомъ.

54. Мой сынъ, если ты слышишь
злое дѣло,
клади его на 7 сажень подъ землю.

55. Мой сынъ, не медли, гдѣ есть
ссора:

потому что отъ нея происходитъ
убійство.

в. И¹ не стой между людьми спо-
ращими,
*потому что отъ дурного² слова при-
ходить споръ,
а¹ отъ спора **приходить ссора³,
а отъ ссоры приходитъ драва⁴,

с. и⁵ ты будешь принужденъ *нести
свидѣтельство⁶;
но бѣги отсюда⁷ и будь споко-
енъ⁸.

¹Сал. оп.. ²Сал.: одного. **—³Сал.: недалеко до вражды. ³—⁴Сал.: а до драки еще ближе. *—⁴Сад.: во время ссоры. ⁵Сад.: тогда, Сал.; и тогда. *—⁶Сад.: быть свидѣтелемъ. ⁵—⁶Сал.: ты попадешь въ свидѣтели. ⁷Сад.: оттуда, Сал.: отъ всего этого. ⁷—⁸Сад. (Сал.): и будешь покоенъ.

с. *Ибо, если ты переи́мьнаешь свое слово, ты льстедь¹.

56. Сынъ, если ты слышишь дурное слово относительно кого-бы то ни было, то спрячь его въ твоёмъ сердцѣ на 7 сажень въ глубину; такъ что зло умереть и добро будетъ исполнено².

57. Сынъ, *не насмѣхайся легкомысленно³; потому что легкомысленная насмѣшка есть ссора,

а ссора есть убійство и смерть⁴.

75. Сынъ, если ты пьешь вино, удерживай твой языкъ отъ зловѣчія, и это хорошо для тебя и зовешься мудрымъ⁵.

*—¹ Печ. (Бун.) 41: „чтобы послѣ не быть осмѣяннымъ другими“. ² Печ. Бун. оп. (ср., впрочемъ, 78, сходное съ № 20 слав.). *—³ Печ. 42 *ближе къ сыр.* (ср. прим. 5): если видишь драку (брань) между двумя человекѣми, не вмѣшивайся (Бун.: когда другіе дерутся, ты не вступайся). ^{3—4} Печ.: „чтобы напрасно не умереть“ (Бун.: „а то и тебѣ достанется“). ⁵ Печ. 56: „Сынъ, когда пьешь вино, не будь болтливъ, ибо отъ болтливости происходитъ брань, потомъ ссора и пошлудй убійство“, что близко напоминаетъ рукоп. арм. № 57. Въ Бун. (56) это изреченіе ближе къ рукоп. 75: „Послѣ

с. зане оу не ти ѣсть¹ ногою подкнѣтиса², неган³ азыкомъ.

77. снѣ⁴, ѣгда будеши въ чадн, то же пристѣпнѣвъ⁵ к нимъ, не смѣнѣса⁶; въ смѣтѣ⁷ бо безумьѣ⁸ нѣхотѣ,

а въ безумьнѣ⁹ сваръ бываѣтъ,¹⁰
а въ¹¹ сварѣ тазаны¹² н бои¹³,
а въ бои¹⁴ смѣтъ,
а въ смертн грѣхъ свершаѣтъ.¹⁵

78. снѣ⁴, аще хоцеші [94 об.] мѣдръ¹⁶ быти,
до¹⁷ ѣгда оупѣшиѣ¹⁸ вономъ¹⁹,
не глн²⁰ много,
н²¹ оуменъ² нарешиса.

^{39—1} В. лѣп'ши. ² В. поткнѣтиса, Х. поткнѣтиса. ³ В. Х. неган. ⁴ Х. снѣ, В. доб. анадѣ. ⁵ В. Х. пристѣпн. ⁶ В. по смѣнѣса никомѣ же. ^{6—7} В. в' мѣн (такъ). ⁸ Х. безумис. ⁹ В. безоумьѣ, Х. безуміе. ^{9—10} В. Х. свары бываѣтъ. ¹¹ В. во. ¹² В. тазани, Х. тяжа. ¹³ В. бои (такъ). ¹⁴ В. бои. ¹⁵ В. свершаѣтъ'са, Х. совершается. ¹⁶ В. премѣдръ. ¹⁷ В. оп., Х. да. ¹⁸ В. оупѣшишиса, Х. опнешиса. ¹⁹ В. Х. виномъ. ^{19—20} В. нежан (такъ!). ²¹ В. оп.

² въ ркписи: оумени.

56. Мой сынъ, всякій, кто не судить
правдивымъ приговоромъ,

сердить Бога.

57. Мой сынъ, не отставай отъ
друга твоего отца,
чтобы случайно твой другъ прибли-
зился къ тебѣ.

55. Мой сынъ! не противься¹ чело-
вѣку болѣе сильному, чѣмъ ты самъ²,
но приобрѣти себѣ терпѣливый духъ,
выносливость³ и честное поведеніе⁴,
потому что⁵ нѣтъ ничего *болѣе пре-
восходнаго, чѣмъ это⁶.

56. Мой сынъ! *не ненавидь перваго
друга,
потому что другой можетъ не про-
держаться⁷.

¹ Сад. Сал.: возставай противъ.
² Сад. Сал. оп. ³ Сал. оп.. ^{3—4} Сад.:
и добрую волю, Сал.: и доброжелатель-
ство. ^{4—5} Сал. оп. *—⁶ Сад.: лучше
ихъ, Сал.: дороже ихъ. *—⁷ Сад.: Не
будь ненавистенъ первому своему
другу, ибо дружба второго не вѣчна.
^{6—7} Сал. оп. 56-е изреченіе.

Печ. 23. Сынъ, новаго суда не учреждай несправедливо; будь ты хоть князь, изъ границъ не выходи¹. [Ср. ниже № 91].

76. Сынъ, безъ расписки и свидѣтеля не отдавай твоего имущества, чтобы другой не отперся отъ него и чтобы ты не пожалѣлъ объ этомъ².

77. Сынъ, не забывай твоего друга, чтобы ты не нашель другого участника въ твоёмъ совѣтѣ и другъ³.

¹ Это изреченіе находится только въ Париж. 58.

выпивки лучше засни, потому что вино вызываетъ болтливость, которая можетъ повести къ дракѣ⁴.

¹ Бун. 23: Будучи судьей, новыхъ законовъ не создавай и изъ предѣловъ справедливости не выходи.

² Печ., Бун. оп. это предписаніе.

79. Снѣ¹, аще² прака сѣ³ не ѱсудиша,³

то⁴ лицемѣрхъ нарѣши⁵, и днѣ⁶ ѳго прикратитса⁷.

80. Снѣ⁸, безумномѣ⁹ члѣкѣ¹⁰ не смѣнса, *но ѡстѣпи пѣ ѡ не¹¹; и болаешнѣ¹² не мѣн¹².

ако¹³ такхъ же¹⁴ члѣкѣхъ ѳси¹⁵.

81. снѣ¹, скота своѳго¹⁶ безхъ па стѣха¹⁷ не днѣ¹⁸ вз¹⁸ тѣшетѣ, да¹⁹ не испортѣши²⁰ ѳго.

82. снѣ⁸, аще²¹ хоуешн оумна²² послѣшати, безумнаго²³ не прикладан²⁴. нѣ бо тѣ в ней потреби.

83. *Снѣ⁸, перваго другане ѳганнѣ²⁵, не согрѣшившю²⁶ ти ничтоже²⁷, да и новѣи не ѡбѣгнетѣ²⁸ ѡ тебе²⁹.

84. Снѣ⁸, на ѡбѣдѣ сѣдѣ³⁰, гѣ³¹ своѳмѣ не помышланн гла, ѳгда *ѳгорцаѳтыпи³¹ брашно вз³² оустѣ³² твоѣ.

¹ X. снѣ. В. доб. анадѣ. ² В. иже. ³ В. соудитѣ, X. ѱсудиши. ⁴ В. доб. и. ⁵ В. нарѣтѣса, X. наречешися. ^{6—7} В. днѣ. ⁷ В. прикратитѣса. ^{8—9} X. оп. ⁸ X. снѣ. ⁹ В. безоумнѣ. ¹⁰ X. оп. ^{11—12} X. и болаешнѣ не смѣнса. *—¹³ В. оп. ^{13—14} В. такъ иже бо, X. такъ же. ¹⁵ В. стѣ. ¹⁶ X. оп. ^{16—17} В. не в' поглѣ, X. безъ паитѣхѣ. ¹⁸ X. во. ¹⁹ В. и. ²⁰ ВХ. испортѣши. ²¹ X. оп. ²² X. оумнаго, В. доб. моужа. ²³ В. безоумныѣ рѣчи, X. безумнаго рѣчи. ²⁴ В. прикладанн. ²⁵ X. ѳганнѣ. ²⁶ X. согрѣшившѣ. ²⁷ X. ничтѣ. ²⁸ X. ѡбѣгнетѣ. *—²⁹ В. оп. ³⁰ X. сѣдѣ. *—³¹ В. ѳгорцаѳти, X. огорцаѳти. ³² X. во.

¹ Съ натяжкой можно прочесть соглншѣ, *—⁶ написано на полѣ. ² буквы рѣ передѣланы изъ вѣ. ³ передѣлано изъ ѳа. ⁴ писецъ отнесъ первую палочку треножнаго тѣкъ предыдущему ѣ, вслѣдствіе чего и получилось ѣп вм. ѣт.

58. Мой сынъ, не ходи въ сады
принцевъ
и не приближайся къ дочерямъ
принцевъ.

59. Мой сынъ, помоги твоему другу
передъ правителемъ,

57. Мой сынъ! посѣщай бѣдняка
въ его печали¹, и говори *въ пользу
его въ присутствіи султана²,

¹Сад.: стѣсненныхъ обстоятель-
ствахъ.

*—²Сад.: о немъ передъ власти-
телемъ.

Печ. 15. Сынъ, не входи въ царскія палаты
и не вступай въ разговоръ съ женой судьи¹.

78а. Сынъ, люби твоего отца, который породилъ тебя, в. и не навлекай на себя проклятiя твоего отца и матери, такъ чтобы ты могъ радоваться въ благоденствiи твоихъ сыновей².

79. Сынъ, лучше, если урадуютъ твое добро, чѣмъ чтобы открыли воровство въ тебѣ^{а.3}.

^а Это изреченiе есть только въ Париж. 58.

¹ Бун. 15: Въ чужой домъ на зарѣ не заходи; съ женой сильнаго бесѣды не веди.

² Печ. Бун. имѣють это предписанiе только одинъ разъ; варьянты указаны выше при № 18.

³ Печ. Бун. оп. это сравненiе.

85. Снѣ,¹ гнѣ своѣго *чти великы² не ѡбнѣж³, *нѣи нѣжкѣ⁴ не възвышай⁵; но⁶ ѣже ти рѣтъ, то твори⁷.

86. Снѣ,¹ вь сѣдѣннхъ⁸ виногра⁹ не входи⁹.
н¹⁰ сѣ¹¹ безумной женой *не сходи¹²
н сѣ¹³ с нем¹³ не твори¹⁴.

87. Снѣ,¹⁵ лживо слово, іако *же н¹⁶ ѡслово, тяжело¹⁷ ѣтъ.
н¹⁸ напослѣкх¹⁹ по водѣ плаваѣтъ²⁰.

88. Снѣ,¹ нѣквѣи дрѣга своѣго: н іавн ѣмѣ тайнѣ²¹ твою, н імошѣшїмх²¹ днѣмхъ многымхъ²², сѣарнѣ с нѣ;

н іще не авнтѣ твоѣа тайны, то *любѣ ѡ²³ всего срѣца, ако нѣ-вѣстенхъ ти ѣтъ дрѣгхъ;

іще ли іавнтѣ²⁴ тайнѣ твою, ѡвравнѣ²⁵ ѡ него н пакы²⁶ не възратнѣ²⁷ к немѣ²⁸.

89. чѣ, оуне ѣтъ, да²⁹ ннхъ оу³⁰ тебе оукраде³¹,
нелн³² ты татѣмъ нарѣши.³³

90. Снѣоу,¹⁵ іще прѣ црѣмѣ дрѣга своѣго радн помощно *слово речешн,³⁴

¹ X. снѣ. *—² В. рѣ¹ великыѣ. ² X. великы. ³ В. X. ѡбнѣжн. *—⁴ X. нн ннскѣя, В. і малыѣ. ⁵ В. X. възвышай. ⁶ В. і. ⁷ X. сотвори. ⁸ В. сѣсѣднѣмъ. ⁹ В. ходн. ¹⁰ В. і. ¹¹ X. з. *—¹² X. оп. ¹²—¹³ В. н с нѣю сѣвѣта ѡнѣоу. ¹²—¹⁴ X. не нмѣн совѣта. ¹⁵ X. снѣ. В. доб. імадѣ. *—¹⁶ В. оп. ¹⁷ В. ташѣно. ¹⁸ В. і. ¹⁹ В. X. напослѣдокхъ. ²⁰ В. X. плаваѣтъ. ²¹ X. нмошѣшїш. ²² X. многѣ. *—²³ X. любн его ѡ. ²⁴ X. явн. ²⁵ X. ѡвратнѣ. ²⁶ X. пакн. ²⁷ X. ѡвратнѣ. ²⁸—²⁹ В. оп. 88-е изреченiе. ²⁹ В. оп. ³⁰ X. оп. ³¹ В. оукраде¹, X. покрадѣ. ³² В. да не, X. нежлн. ³³ В. словешн, X. наречешнѣ. *—³⁴ В. рѣши слово.

чтобы ты могъ придумать, какъ помочь ему отъ льва.

60. Мой сынъ, не радуйся надъ твоимъ врагомъ, когда онъ умираетъ.

61. Мой сынъ, если ты видишь человека, который сильнѣе тебя, встань передъ нимъ.

и старайся спасти его *изъ рта льва¹.

58а. Мой сынъ!² не радуйся при смерти твоего врага, потому что *немного спустя³ ты⁴ будешь его сосѣдомъ;

б. и⁵ тому, кто осмѣиваетъ⁶ тебя⁷, оказывай почеть *и уваженіе⁸ и⁹ предупреждай его въ поклонѣ.

*—¹ Сад. оп. ¹ Сал. оп. 57-е изреченіе. ^{1—2} Сал. оп.. *—³ Сад. Сад.: скоро. ⁴ Сал.: самъ. ⁵ Сад.: О мой сынокъ!, Сал. оп. ⁶ Сад.: шутить съ. ^{6—7} Сал.: (врагу своему). *—⁸ Сад.: самъ, Сал. оп. ⁹ Сал. доб.: при встрѣчѣ съ нимъ.

[Печ. 47. Сынъ, не радуйся гибели врага, ибо передъ тобою смерть стоитъ ¹.]

80а. Сынъ, если Богъ благопріятствуетъ человѣку въ его предпріятіяхъ, почитай его ².

в. И всякій разъ, какъ ты видишь стараго человѣка, поднимись и встань передъ нимъ и восхвали ³ его,

с. [Печ. (Бун.) 48 доб.: чтобы и другіе дѣлали тебѣ то же].

¹ Бун. 47: Несчастьемъ и погибели врага не радуйся,—то же самое можетъ случиться и съ тобой.

² Печ. Бун. оп. предписаніе 80а.

³ Печ. 48: почти.

и бѣдешн ¹ ако ¹ ѿ оустъ лвова ² *и³зъ-
талах ² ѿвча носимо ³.

91. Снѣу, ⁴ аще на пѣть идоши, ⁵
не надѣи ⁶ [95] чюжемъ брашнѣ, ⁷
но своѣ да имѣѣши; ⁸

аще ли но ⁹ не имѣѣши своѣго
*и¹⁰ ходити начнешн, ¹⁰
и въ ¹¹ оукорнѣ бѣдешн. ¹²

92а. снѣ, ¹³ дрѣ твои, иже ненавнѣтъ
тебѣ, ¹⁴ аще ѡмреть, ¹⁵ ипо не ¹⁶ пораѣиша;

в. дѣбы жнвхъ былхъ и ¹⁷ ѿбннзлахъ и ¹⁸
бѣ, дабы ѿ ¹⁹ тебе ²⁰ прошеннѣ прннѣма; ²¹
и ²² подаи же ²³ ѣмѣ: и ²⁴ того ради
прннѣмешн ѿ ба блѣтъ.

93а. Снѣ, ¹³ стара ѡрѣкхъ,

взстанн ²⁵ ѣмѣ; ²⁴

в. аще ти ²⁶ противѣ *томѣ не
ѡдасть, ²⁷
да ²⁴ ѿ бѣа блѣгословеннѣ ²⁸ прн-
нѣмешн.

¹ В. ижеавнахъ его аки ѿвѣча. ² Х. ижезѣтхъ.
*—³ В. оп. ⁴ ВХ. снѣ. ⁵ ВХ. идоши. ⁶ ВХ.
надѣиша, В. доб. ѿ. ^{6—7} Х. на чюжемъ
брашно. ⁸ В. ижеиши, Х. ижеиши. ⁹ В. и,
Х. оп. *—¹⁰ В. то не хѣ. ¹¹ Х. во.
^{10—12} В. оп., ¹³ Х. снѣ. ¹⁴ ВХ. тебе. ¹⁵ В.
оумреть, Х. ѡмреть. ^{15—16} В. Х. то не.
¹⁷ В. оп. ¹⁸ В. бы. ¹⁹ В. ѿ. ^{17—20} Х. оп.,
²¹ В. прнѣла, Х. прнѣла. ²² В. оп. ^{22—23} Х.
подаждь. ²⁴ В. оп. ²⁵ Х. взстанн противѣ.
²⁶ В. оп., Х. ли. ²⁷ Х. ѡда. *—²⁷ В. тебе
не взстанеть. ²⁸ ВХ. блѣгослѣ.

¹ второе в передѣлано изъ какой-то
другой буквы.

² буква послѣ а представляетъ изъ
себя о съ хвостикомъ внизу, идущимъ
нѣсколько влѣво.

62а. Мой сынъ, если воды стали
бы безъ земли,

в. и воробей полетѣлъ бы безъ
крыльевъ,

с. и воронъ побѣжѣлъ бы, какъ
снѣгъ,

д. и горькое сдѣлалось бы слад-
кимъ, какъ медъ,

е. тогда дуракъ могъ бы сдѣлаться
мудрымъ.

63. Мой сынъ, если ты священникъ
Бога,

будь внимателенъ къ Нему и при-
ближайся къ Нему въ чистотѣ,

и не удайся отъ Его присутствія.

59а. Мой сынъ! *если бы¹ вода
*стала въ небесахъ²,

в. [*Сад. 57 доб.*: „скорѣ воробьи
*долетать до неба³“],

с. и⁴ черная ворона⁵ сдѣлалась
бѣлой,

д. *и смирна⁶ сдѣлалась *сладкой,
какъ⁷ медъ,

е. тогда⁸ невѣжда и⁹ глупецъ *могъ
бы понимать и сдѣлаться мудрымъ¹⁰.

60а. *Мой сынъ!, если ты жела-
ешь быть¹¹ мудрымъ,

в. удержи¹² твой¹³ языкъ отъ лжи,

с. и¹⁴ твою¹³ руку отъ воровства,

д. и¹³ твои¹³ глаза¹⁵ отъ *совер-
щанія зла¹⁶;

е. *тогда **ты будешь называться¹⁷
мудрымъ¹⁸.

*—¹ Сад. Сал.: „скорѣ“ и далѣе
всѣ глаголы въ будущемъ времени.
*—² Сад. Сал.: остановится въ морѣ
(Сал.: въ своемъ руслѣ). *—³ Сал.:
полетятъ выше облаковъ. ⁴ Сад. оп.,
Сал.: скорѣ. ⁵ Сад. Сал.: воронъ.
*—⁶ Сад. Сал.: а горечь. *—⁷ Сал.: сла-
ще (чѣмъ). ⁸ Сад. Сал.: чѣмъ. ⁹ Сад.
оп. *—¹⁰ Сад.: пойметъ и выучится
мудрости, Сал.: поймутъ мудрость.
*—¹¹ Сал.: Тогда только будешь. ¹² Сал.:
когда удержишь. ¹³ Сад. оп.. ¹⁴ Сад. Сал.
оп. ¹⁵ Сал.: глазъ. *—¹⁶ Сал.: зависти-
ваго взгляда. **—¹⁷ Сад.: тебя назовутъ.
*—¹⁸ Сад. оп., Сад. доб.: Подобно этому
говорить поэтъ: „Человѣкъ, удержи
свой языкъ, дабы онъ не укусилъ тебя;
ибо онъ—змѣя. Сколько въ могилахъ
убитыхъ языками своими, привстрѣчъ
съ которыми герои побивались“.

94. Снѣ,¹ дрѣга на шѣдѣ зѣвѣ,²
 ѿномъ дѣлѣ³ не прѣставлан⁴ зго.
 то⁵ ѿки ложе⁶ нарѣши.

95а. Снѣ,⁷ ѣгда⁸ вода [доб. В. ко-
 спать, X. вверхх] потечеть,
 в. ѿн птица⁹ шпачь¹⁰ полети,

с. *ѿн синечь¹¹ ѿн¹² срачннннх¹³
 ѿбѣлѣть,¹⁴

д. ли¹⁵ желць¹⁶, ѿкѣ прѣснннѣ мѣ,
 оуладѣть,¹⁷—

е. погда¹⁸ безумнннѣ *оумѣ на-
 учитса¹⁹

Печ. 90. Сынъ, если ты князь
 страны и людей,
 воздержись отъ распутства,

ибо на тебѣ лежать заботы о всѣхъ
 земныхъ¹.

Печ. 43а. Сынъ, если желаешь
 быть мудрымъ,

в. воздержи языкъ твой отъ зло-
 словія. [Ср. № 38.]

¹ Бун. 85: Если будешь назначенъ
 правителемъ, то остерегайся мести,
 потому что она недостойна человѣка
 съ высокимъ положеніемъ.

¹ X. снѣ, В. доб. анданѣ. ² В. позвѣз.
²⁻³ В. кѣномѣ дѣлоу. ⁴ В. прѣставланѣи,
 X. прѣставланѣи. ⁵ В. ѿще ли. ⁶ В. ложь, X.
 ложь. ⁷ X. снѣ, ⁸ В. ѿще. ⁹ ВХ. п'тица.
¹⁰ В. на перѣ хвостомѣ, X. опако. ¹¹ В.
 синечь. *—¹¹ X. оп. ¹² В. оп. ¹³ В. сра-
 чннннх, X. мѣрѣи. ¹⁴ В. побѣлѣть. ¹⁵ X.
 ли. ¹⁶ X. желць. ¹⁴⁻¹⁷ В. оп.. ¹⁸ ВХ.
 тога. *—¹⁹ В. оумѣ наберет'са.

64. Мой сынъ, того, вою Богъ
дѣлаеть счастливымъ,
ты также почитай.

65. Мой сынъ, не спорь съ чело-
вѣкомъ въ его день, и не стой про-
тивъ рѣки во время ея наводненія.

66. Мой сынъ, глазъ чловѣка по-
хожъ на источникъ воды,

61а. *Мой сынъ¹! позволяй мудрецу
бить² тебя³ палкой, но не позволяй
глушцу мазать⁴ тебя благовонной
мазью.⁵

б. [Сад. доб.: О мой сынокъ!]⁶
Будь покоренъ въ твоей⁷ молодости,
и⁸ ты будешь почтенъ въ твоей⁷
старости.

62. *Мой сынъ!⁹ не противься¹⁰
чловѣку *во дни его могущества¹¹
ни рѣвѣ¹² во дни ея¹³ разлитія.

*—¹Сал. оп. ¹—²Сад.: Пусть му-
дрецъ бьетъ. ³Сад. доб.: желѣзной.
⁴Сад.: лить на. ¹—⁵Сал.: „Лучше
терпѣть ударъ отъ руки мудреца,
нежели получить отъ невѣжды благо-
уханныя мази“. ⁵—⁶Сал.: Сынокъ.
⁷Сал. оп.. ⁸Сад. оп.. *—⁹Сал. оп. ¹⁰Сад.:
возставай противъ. ¹¹Сад.: власти.
*—¹¹Сал.: у власти. ¹¹—¹²Сад.: не
иди противъ рѣки, Сал.: не плавай
противъ теченія рѣки. ¹³Сал. оп..

81а. Сынъ, не противься бога-
тому челоувѣку и рѣкѣ въ теченіи¹.

Печ. 21. Сынъ, вогда идешь² на
свадбу или *въ домъ покойника³,
предварительно пообъдай *у себя
дома⁴, а потомъ ступай;

ибо если это свадьба, то отъ избыт-
ка веселья *о тебѣ позабудутъ⁴,

а если это домъ покойника, то
отъ сильной печали забудутъ⁵ о
тебѣ и ты останешься голоднымъ.

б. Ибо глаза заграбастаго чело-
увѣка

¹ Печ. Бун. оп. предписание 81а.

² Бун.: приглашенъ. *—³ Бун.: или хочешь сопровождать покойника на кладбище. *—⁴ Бун. оп.. ⁵ Бун.: могутъ позабыть.

96. Снѣ,¹ аще² к сѣсѣдѣ³ званъ
бѣдетъ [ВХ. бѣдешн],
н,⁴ влѣзъ въ храмннѣ, не гладнѣ по
оугломѣ,
бешесткено⁶ бо ти ѣсть.⁷

97. Снѣ,¹ зго же бѣ шбогатитъ,
то не завндѣ ѣмѣ,
но коле,³ ѣанко мога, почьстн⁹ н.¹⁰

98. Снѣ,¹¹ ѣгда вндешн в¹² печ-
[ле]нѣ¹³ домѣ,¹⁴
то ѣ питѣн¹⁵ н ѣ яденнѣ¹⁶ не молви;

ѣгда садешн¹⁷ на радостнѣ¹⁸ ѣвѣдѣ,¹⁸
тогда бѣды не помннай.¹⁹

99. Снѣ,¹¹ *члѣчн ти²⁰ ѣчн²¹ ако
нсточникн²² кппа.²³

¹ X. снѣ, В. доб. ѣнаданн. ² В. оп.
³ X. сѣсѣдѣ. ⁴ В. оп.. ⁵ В. оугломѣ.
⁶ X. бѣшесткено. ⁷—⁸ В. татѣ нарчешн.
сж. ⁹ В. оп. ¹⁰ В. н почтѣн, X. почти.
¹¹ В. зго. ¹² X. снѣ. ¹³—¹⁴ В. оп.. ¹⁵ ВХ.
печаленн. ¹⁶ В. доб. в'ндешн. ¹⁷ В. питѣн,
X. питѣн. ¹⁸ В. яденнѣ, X. яденнѣ, ¹⁹ В.
оп. ²⁰ ВХ. ѣвѣдѣ, В. доб. садешн. ²¹ В.
вспомннай, X. помннай. *—²² В. челоу-
вѣстн, X. члѣчн. ²³ В. доб. кпппта.
²⁴—²⁵ В. ѣкн нсточникн. ²⁶ В. оп., X.
кппѣ.

¹ стоящее въ скобкахъ отсутствуетъ
въ рписи. ² похоже на ѣ.

и онъ не удовлетворяется богатствами,
пова онъ не наполненъ перстью.

67а. Мой сынъ, если твое желаніе быть мудрымъ,
в. удерживай твой языкъ отъ лжи,
с. и твою руку отъ вражи,
д. и ты сдѣлаешься мудрымъ.

68. Мой сынъ, не участвуй въ обрученіи женщины,

63. *Мой сынъ! не будь послѣ-
шенъ въ замужествѣ женщины²,

*—¹Сал. оп. ^{1—2}Сад.: не помогай
сватовству, Сал.: Не свѣтай.

не наполняются,^а

развѣ только прахомъ^{б 1.}

[Печ. 87. Сынъ, у чловѣка, мыслящаго какъ свинья, нѣтъ друга, ибо онъ говоритъ въ душѣ, что „жизнь моя не пройдетъ и достояніе мое не уменьшится“, и онъ не знаетъ, что Богъ внезапно даетъ ему смерть, а его имущество другимъ, которые никогда о немъ не вспомнятъ]^{2.}

82. Сынъ, не ованчивай помолвки бравомъ,

^а Париж. 69 доб.: «сокровищемъ».

^б Париж. 58 оп. все 81-е изреченіе.

¹ Печ. (Бун.) 16 ближе къ сыр.: Сынъ, чловѣческой глазъ жаденъ и недовольтвуется сокровищемъ (Бун.: никакими сокровищами) до входа въ землю. ² Бун. оп. все изреченіе.

нѣ. скота¹ не насытитѣ;²

но когда³ оумреть, нѣ⁴ перѣ⁵ насытитѣ^{2.}

100. снѣ⁶ нмѣна⁷ нмѣа,⁸ не оумран⁹ гламъ *себо^а гладомъ¹⁰ н жежем¹¹,

оумерши¹² бо¹³ тебе,¹⁴ ннъ *прн- нме¹⁵ н начнѣ беселнтѣ¹⁶ всемъ,¹⁷ а ты все¹⁸ трѣжалѣ¹⁹ будешн.²⁰

101. снѣ⁶ аще члѣкѣ²¹ въ²² оубо- жествѣ оукрадетъ,²³ то проче² помн- лнѣ ѣго, занѣ²⁴ не снъ то створнаѣ:²⁵ оубожество прннѣдло н будеть.²⁶

102. снѣ⁶ на бра^а [ше²⁷], [95 об.] *долго не²⁸ сѣдн,

¹ X. никогда. ²³⁻¹ В. сребра. ² В. насы- титѣса, X. насытитѣся. ³ В. ѣгда, X. тогда егда. ⁴ В. оп., X. тогда. ⁵ ВХ. перѣсти. ⁶ X. снѣ. ⁷ ВХ. нмѣннѣ. ⁸ X. нмѣа. ⁹ В. оумранѣса, X. оумранѣ себе. *—¹⁰ ВХ. оп. ¹¹ В. жажню, X. жаждю. ¹² X. оумершѣ. ¹³ В. же. ¹⁴ В. тебе, X. тебѣ. *—¹⁵ В. прннметъ, X. прнмѣѣ. ¹⁶ В. радоватѣса. ¹⁷⁻¹⁷ X. в нѣ, В. оп.. ¹⁸ X. все. ¹⁹ X. трѣжалѣся. ¹⁷⁻²⁰ В. оп.. ²¹ В. бо, X. члѣкѣ. ²² X. во. ²³ В. члѣкѣ оукрадетѣса, X. доб. что; далѣе ВХ. доб.: не ѣблнчн ѣго, аще лн (X. доб. ѣ) тебе поукрадетъ (X. оукрадѣ). ²⁴ В. за неже; далѣе въ В. нѣтъ двухъ страницъ, вслѣдствіе чего отсутствуетъ конецъ Акирова поученія и рассказъ повѣсти до отвѣта царя на сообщеніе Акира о безалаберномъ поведеніи Анадана; поэтому далѣе до конца поученія варьянты приводятся изъ одного X.. ²⁵ X. створнѣ но. ²⁶ X. оп.. ²⁷ X. шеа. *—²⁸ X. не долго.

^а Послеъ в стоитъ о. ^б шѣ уже настольно выпѣло, что теперъ незамѣтно.

потому что, если ей не будетъ хорошо, она будетъ проебливать тебя; а если ей будетъ хорошо, она не вспомнить тебя.

потому что¹, если пойдетъ хорошо, *она скажетъ: „Мой господинъ, снабди меня необходимымъ;“² а если пойдетъ дурно, *она будетъ упрекать того, кто былъ причиной этого³.

²—¹ Сад.. оп.. *—² Сад.: они не похвалятъ тебя, Сад.: супруги не будутъ благодарить.

*—³ Сад.: то будутъ ругать и проебливать, Сад.: проеблнуть тебя.

потому что они видятъ, что добро отъ Бога и счастья;

но дурное приписано тебѣ, и они называютъ тебя интриганомъ.^{а1}

Печ. 5. Сынъ, если пойдешь въ приглашенное мѣсто, гдѣ окажется постарше и почетнѣе тебя, не садись на высшее мѣсто, чтобы послѣ, постепенно, съ порозомъ не спускаться на низшее.^а

83а. Сынъ, если рѣки остановятся въ своемъ теченіи *или солнце на своемъ пути^а,

б. *или если желчь^а станетъ сладка, какъ медь,

с. или воронъ станетъ бѣлъ, какъ голубь,

д. точно такъ *безсмысленный человекъ оставитъ свой недостатокъ смысла и глупецъ сдѣлается осмысленнымъ^а.

84. Сынъ, не ходи слишкомъ часто въ домъ твоего друга, чтобы^а онъ не возненавидѣлъ тебя.

^а Въ арм. здѣсь темно. ^б Канон. доб. „пѣшкомъ“.

¹ Печ. (и Бун.) 17 ближе во второй части къ сир.: Сынъ, не будь причиной выдачи замужъ дочери кого-либо за человека чужого, ибо, если мужъ окажется потомъ дурнымъ, тебя будутъ проклипать, а если будетъ хорошимъ, то о тебѣ и не вспоминать.

² Бун.: Если тебя пригласятъ куда-нибудь въ гости или на свадьбу, не садись на первомъ мѣстѣ, а то, когда придутъ постарше тебя, придется тебѣ пересаживаться на низшее мѣсто; лучше садись ниже всѣхъ; тогда тебѣ будутъ предлагать мѣсто все выше и выше, и, такимъ образомъ, ты займешь почетное мѣсто. *—³ Печ. (Бун.) 49 оп.. *—⁴ Печ.: и. *—⁵ Печ.: „и наглецъ отрѣшится отъ своей наглости. ⁶ Печ. 50 доб.: „насытившись“.

*Ѣгда прежде¹ похода твоѣго иже-нѣтъ² та.

103. [Третья рус. ред., № 915, 13: ѡ приде на пи,

не садися к бошн людѣ;
ѡ какъ приидѣ меши тебя, поѣвнигнѣ
тя, и ты будешн честѣ].

104. снѣ,³ кх⁴ дрѣгѣ своѣмѣ не [X. доб. часто] ходи,⁵ Ѣгда⁶ бещьсти^а внидешн.⁷

*—¹ X. и егда прежде. ² X. изменѣ. ³ X. снѣ. ⁴ X. ко. ⁵ X. оп. ⁶ X. доб. насытитѣя ты и. ^{6—7} X. бѣчестнѣ будешн.

^а с изъ ѣ.

69а. Мой сынъ, тотъ, кто изященъ въ своемъ платьѣ, изященъ также въ своей рѣчи,

б. и тотъ, кто въ своемъ платьѣ небреженъ, небреженъ также въ своей рѣчи.

70. Мой сынъ, если ты найдешь находку передъ идоломъ, то поднеси идолу ея часть.

71. Мой сынъ, рука, которая была удовлетворена и теперь голодна, не дастъ,

ни рука, которая была голодна и теперь удовлетворена.

72а. Мой сынъ, пусть твои глаза не смотрятъ на женщину, которая красива;

б. и не интересуйся красотой, которая тебѣ не принадлежитъ,

потому что многіе погибли черезъ красоту женщины,

64а. Мой сынъ! кто изященъ въ своей одеждѣ, тотъ таковъ же въ своей рѣчи;

б. а тотъ, кто имѣетъ дурной внѣшній видъ въ своей одеждѣ, таковъ также въ своей рѣчи¹.

65. Мой сынъ! если ты совершилъ² кражу, *сдѣлай ея известной султану и³ дай ему часть ея,

чтобы ты могъ быть избавленъ отъ него,

*потому что иначе⁴ ты⁵ будешь терпѣть горестъ⁶.

66. Мой сынъ! дѣлай друга изъ человѣка, котораго рука насыщена и наполнена,

и не дѣлай друга изъ человѣка, котораго рука закрыта⁷ и голодна⁸.

¹ Сад. и Сал. оп. 64-е изреченіе.
² Сад.: совершилъ. *—³ Сад.: и о тебѣ узнаетъ султанъ, то. *—⁴ Сад.: и тогда. ⁵ Сад. доб.: не. ⁶ Сал. оп. 65-е изреченіе. ⁷ Сад.: пуста. ⁸—⁸ Сал.: „Сынъ мой! Дружись съ сытымъ, у котораго рука щедра, и бѣги отъ богатаго человѣка, который самъ живеть впроголодь и скупъ для другихъ“.

105в. снѣ, в новѣ портѣ ѿблача-
са, * и възраченѣ будешн³,
и иномѣ и мѣищю³ не забѣдн.
в. * ѿ же⁴ порты свѣтлы,
того и рѣ чисна⁵ ѣсть.

[? Печ. 46. Сынъ, не кради до-
стоянія людей,

дабы не быть казненнымъ смертью
въ этой жизни
и не горѣть въ неугасимомъ огнѣ
тамъ¹.

85. Сынъ, собаку, которая оста-
вляетъ своего хозяина и слѣдуетъ за
тобой,
гони ее камнями².

[Печ. 85. Сынъ, не исполняй
своей похоти съ женами другихъ,]

¹ Бод. Вен. доб.: „которыхъ нѣтъ“.

¹ Бун. 46: „Не воруй ничего, потому
что на томъ свѣтѣ за это будешь ввер-
женъ въ геенну огненную“. ² Печ.
Бун. оп.; ср., впрочемъ, № 72 для
варьянта изъ рус. сп. Х.,

106. Снѣ,¹ ѡще и мѣа или не и мѣа,
то не прѣбывай в печали. коа⁶ бо
ти * ползѣхъ прннесетса⁷ печаль.

107. Снѣу, ѡще пещ, ѡстакъ⁸
гнѣ, * по иномѣ [Сол. по тевѣ] по-
нде въ слѣ,⁹ то * ѡбратица [Сол.
ѡбрати], время¹⁰ камень и ѡударитъ
[Сол. ѡударн] и.
тако же бо, и [Х. доб. жена, иже]
та ѡстакнѣхъ,¹¹ по иномѣ потечеть.

¹ Х. снѣ. *—² Х. возвесаишися. ³ Х.
и мѣищю. *—⁴ Х. слѣ. ⁵ Х. свѣтла. ⁶ Х.
кѣю. *—⁷ Х. ползѣхъ прннесѣ. ⁸ Х. ѡстакнѣхъ.
*—⁹ Х. за ннѣ потечѣ. *—¹⁰ Х. ѡбрыца
в'зема. ¹¹ Х. ѡстакнѣ.

и ея любовь была огнемъ, который
сожигаетъ.

ибо чужая жена подобна соленой водѣ, которую, сколько ни пей, столько же будешь жаждать, и унаслѣдуешь дурное имя¹.

86. Сынъ, благія дѣла и чистая жертва угодны Богу; и бойся срама, какъ ты боишься Бога².

87. Сынъ, принятіе грѣшнаго замысла въ твоё сердце есть противоборство дѣва³;

и сопротивленіе есть основаніе дѣлъ и оплотъ вѣры⁴.

88а. Сынъ, того, что кажется дурнымъ для тебя, не дѣлай твоему товарищу;

б. и того, что не твое, не давай другимъ⁵.

89а. Сынъ, люби истину и ненавидь *беззаконность и⁶ лживость⁴.

б. Предоставляй ухо приказаніямъ Бога и не бойся несчастія. Ибо приказаніе Бога есть оплотъ чело-вѣва.

90а. Сынъ, бѣги отъ чело-вѣва, который золь и говорить фальшиво⁴;

¹ или дву; персидское слово, которое въ древнемъ арм. обыкновенно обозначаетъ демона. *—⁶ Вен. оп..

¹ Бун. 82: „Не связывайся съ посторонней женщиной, такъ какъ она, подобно соленой водѣ, вызывающей еще большую жажду, не удовлетворишь тебя, и ты только приобрѣтешь дурную славу“. (Параллель къ рукоп. арм. 39, Печ. Бун. 8).

² Печ. Бун. оп. эти поговорки.

³ Печ. Бун. оп. 88ъ.

⁴ Печ. Бун. оп. предписаніе 89а, 90а.

108. Вѣну¹, аще тебе свѣдѣх² не-любити начнеть, но ты паче любви ѿ, да не приидеть *на тѣ³ догаженіа, тобѣ не вѣдѣши.⁴

109а. Вѣн¹, аще *зломысль мыслѣ² твоей възхоуцѣ³ *ти добра творити ѿ,⁶ то вборзк не ѿни ѣмѣ вѣры,

б. да не, прѣльстивъ тебе, своѣ гнѣбъ совершитъ⁷ на тѣ.

¹ X. сѣе. ² X. согѣдѣ. *—³ X. тебѣ. ^{3—4} X. догаженія тебѣ не вѣдѣши. *—⁵ X. сопозгѣ. *—⁶ X. .д. тѣ * сотвориши. ⁷ X. соверши.

⁸ о похоже здѣсь въ ркспи на е.

73. Мой сынъ, позволяй мудрецу
бить тебя многими ударами,
и не позволяй дураку мазать тебя
душистой мазью.

в. потому что жадность мать всѣхъ золь *и всѣ зла произошли отъ безстыдства¹.

[Печ. 20. Сынъ, если человекъ ведутъ, чтобы повѣсить, не шествуй впереди его, дабы онъ не предалъ тебя и не сказалъ, что „этотъ тоже мой товарищъ“².

[Печ. 62. Сынъ, лучше вражда мудраго человекъ, чѣмъ любезность безумнаго человекъ³.

91. Сынъ, не люби суда *; потому что если даже ты получишь лучший, чѣмъ твой противникъ, все же будь въ страхѣ передъ судомъ Бога.

92. Сынъ, тотъ, кто прямъ въ душѣ, есть солнце, дающее свѣтъ, и тотъ, кто измѣнникъ въ сердцѣ, мраченъ съ тьмой;

и тотъ, кто великодушенъ въ сердцѣ, полонъ милосердія.

Тотъ, кто загребушъ, даже хотя

* Кан. доб.: „неправедности“.

*—¹ Печ. 76: „и родитель всѣхъ грѣховъ“. Далѣе доб. Печ.: „амилосердіе споспѣшествуетъ всѣмъ благамъ“ (Бун. 74: „амилосердіе—родительница всѣхъ добродѣтелей“). ² Бун.: „Если кого-нб. ведутъ на казнь, то впереди шествія не иди, иначе осужденный, пожалуй, увидитъ тебя и скажетъ: „вотъ мой соучастникъ“. ³ Бун. 61: „лучше имѣть умнаго врага, чѣмъ глупаго друга.“

110. *Снѣ, аще члѣкъ согрѣшитъ ти грѣха ради, то не глн, ако безъ лѣпа⁴ казнати ѿ, да не впадеши въ такѣю же казнь.¹

111а. снѣ,² оуне ѣсть ѿ премудра бѣѣнѣ³ быти, неже ѿ безъума масломъ помазанѣ быти.

в. зане оуменѣ⁴ аще оударитъ та, тако мнитса ѣмѣ, ако самъ са оударѣтъ, ѿ непослѣдѣ⁵ размышлѣтъ, како бы та оутѣшитъ.

с. а безъумный⁷ [такъ], ѣдннаѣ ца-тыры⁸ масла помазавѣ⁹ та, тысащѣ хоцетъ приати зла.

*—¹ X. оп. 110-е изреченіе. ² X. снѣ. ³ X. бѣнѣ. ⁴ X. умный. ⁵ X. на послѣдокъ. ⁶ X. оутѣшити. ⁷ X. безъумный. ^{7—8} X. едн. номъ цаты мѣры. ⁹ X. помазавѣ.

* п исправлено изъ н.

онъ и имѣеть что-нб., тѣмъ не менѣе тушь разумомъ ^а 1.

93. Сынъ, въ домъ пьяницы не входи; и, если ты войдешь, не мѣшай тамъ;

потому что въ твоихъ привычкахъ останешься пустъ и празденъ².

94. Сынъ, не злословь твоего товарища ни вблизи ни вдали;

ибо дурныя слова легко дойдутъ до этого господина и поведутъ къ ссорамъ ^б 3.

95. Сынъ, Богъ назначилъ вино ради веселія; но въ непотребномъ мѣстѣ или въ какомъ-либо другомъ низкомъ и неподобающемъ мѣстѣ лучше пить навозъ, чѣмъ вино ^в 4.

96. Сынъ, пьяный человекъ думаетъ въ своей душѣ такъ: „Я молодецъ, и все, что я говорю, я говорю мудро“.

Онъ не знаетъ, что, если онъ встрѣтается съ человекомъ храбрымъ, тотъ повергаетъ его при первомъ прикосновеніи его рукъ прямо на землю и поволочетъ его.

(97. Сынъ, если ты увидалъ, что твой врагъ упалъ, погорюй надъ нимъ, чтобы ты могъ сдѣлать друга изъ него,

^а ММ 93—100 находятся только въ Париз. 58 и Вен.. ^б Рип. 58 даетъ это наставленіе на позднемъ и темномъ армянскомъ языкѣ, и ея текстъ явно ошибоченъ. ^в Вен. доб.: „Пьяный человекъ подобенъ стрѣлѣ во впадинѣ лука, которая не поражаетъ никого другого, а разбиваетъ его зенную голову“.

^г Бун. оп. это изреченіе. ^д Ср.

- рук. № 67; въ Печ. Бун.

^е этого предписанія. ^ж въ Печ.

^з въ этого предписанія. Ср.,

съ, въ Печ. № 39. ^и Это изреченіе себя сходство въ 67

онъ и имѣеть что-нб., тѣмъ не менѣе тупъ разумомъ ^а ¹.

93. Сынъ, въ домъ пьяницы не входи; и, если ты войдешь, не мѣшай тамъ;

потому что въ твоихъ привычкахъ останешься пустъ и празденъ².

94. Сынъ, не злословь твоего товарища ни вблизи ни вдали;

ибо дурныя слова легко дойдутъ до этого господина и поведутъ къ ссорамъ ^б ³.

95. Сынъ, Богъ назначилъ вино ради веселія; но въ непотребномъ мѣстѣ или въ какомъ-либо другомъ низкомъ и неподобающемъ мѣстѣ лучше пить навозъ, чѣмъ вино ^в ⁴.

96. Сынъ, пьяный человекъ думаетъ въ своей душѣ такъ: „Я молодецъ, и все, что я говорю, я говорю мудро“.

Онъ не знаетъ, что, если онъ встрѣтится съ человекомъ храбрымъ, тотъ повалитъ его при первомъ прикосновеніи его рукъ прямо на землю и поволочетъ его.

(97. Сынъ, если ты увидаль, что твой врагъ упалъ, погорюй надъ нимъ, чтобы ты могъ сдѣлать друга изъ него,

^а №№ 93—100 находятся только въ Париж. 58 и Вен.. ^б Рип. 58 даетъ это наставленіе на позднемъ и темномъ армянскомъ языкѣ, и ея текстъ явно ошибоченъ. ^в Вен. доб.: „Пьяный человекъ подобенъ стрѣлѣ во впадинѣ лука, которая не поражаетъ никого другого, а разбиваетъ его собственную голову“.

¹ Печ. Бун. оп. это изреченіе. ² Ср. въ арм. рук. № 67; въ Печ. Бун. нѣтъ этого предписанія. ³ въ Печ. Бун. нѣтъ этого предписанія. Ср., впрочемъ, въ Печ. № 39. ⁴ Это изреченіе находитъ себѣ сходство въ 67 Печ. и 66 Бун..

онъ и имѣеть что-нб., тѣмъ не менѣе гупъ разумомъ ^а ¹.

93. Сынъ, въ домъ пьяницы не входи; и, если ты войдешь, не мѣшай тамъ;

потому что въ твоихъ привычкахъ останешься пусть и празденъ².

94. Сынъ, не злословь твоего товарища ни вблизи ни вдали;

ибо дурныя слова легко дойдуть до этого господина и поведуть въ ссорамъ ^б ³.

95. Сынъ, Богъ назначилъ вино ради веселія; но въ непотребномъ мѣстѣ или въ какомъ-либо другомъ низкомъ и неподобающемъ мѣстѣ лучше пить навозъ, чѣмъ вино ^в ⁴.

96. Сынъ, пьяный человекъ думаетъ въ своей душѣ такъ: „Я молодець, и все, что я говорю, я говорю мудро“.

Онъ не знаетъ, что, если онъ встрѣтится съ человекомъ храбрымъ, тотъ повалитъ его при первомъ прикосновеніи его рукъ прямо на землю и поволочетъ его.

(97. Сынъ, если ты увидалъ, что твой врагъ упалъ, погорюй надъ нимъ, чтобы ты могъ сдѣлать друга изъ него,

^а № 93—100 находятся только въ Париж. 58 и Вен.. ^б Рип. 58 даетъ это наставленіе на позднемъ и темномъ армянскомъ языкѣ, и ея текстъ явно ошибоченъ. ^в Вен. доб.: „Пьяный человекъ подобенъ стрѣлѣ во впадинѣ лука, которая не поражаетъ никого другого, а разбиваетъ его собственную голову“.

¹ Печ. Бун. оп. это изреченіе. ² Ср. въ арм. рук. № 67; въ Печ. Бун. нѣтъ этого предписанія. ³ въ Печ. Бун. нѣтъ этого предписанія. Ср., впрочемъ, въ Печ. № 39. ⁴ Это изреченіе находитъ себѣ сходство въ 67 Печ. и 66 Бун..

74. Мой сынъ, пусть твоя нога
не бѣжитъ за твоимъ другомъ,

[Сад. 76. О мой сынонь! Самое
дурное для человѣка оставлять свой
домъ и ходить въ чужой въ празд-
ничные дни;]

но если ты будешь насмѣхаться надъ нимъ, то когда онъ опять встанетъ, онъ отплатитъ тебѣ зломъ)¹.

98а. Сынъ, пьяный человекъ думаетъ, что земля быстро вертится кругомъ; въ своемъ ходѣ онъ не знаетъ, что его голова разстроена,²

в. потому что какъ земля мать всѣхъ растений и приносящихъ плодъ вещей, такъ вино мать всѣхъ золъ, оно заставляетъ людей болѣть различными болѣзнями, и убивать другихъ безъ милости; оно разстраиваетъ человека и измѣняетъ его природу въ природу животного.

99. Сынъ, бѣги отъ поручительства,

но если вы живете поручителемъ, то приходите къ рѣшенію, что вы должны выдать изъ вашего кошелька; и не только вашъ кошелекъ, но и волосъ съ вашего подбородка.^{6 3}

100. Сынъ, не будь фальшивъ въ рѣчи;

потому что, если тебя найдутъ разъ фальшивымъ, тогда, если ты будешь говорить правду, будутъ считать тебя фальшивымъ и не повѣрятъ тебѣ.⁴

¹ Это наставленіе было уже выше (№ 11) въ почти тождественныхъ выраженіяхъ. ⁶ это предписаніе изложено на дурномъ позднемъ армянскомъ, и я (говоритъ Кониберъ) передаю смыслъ послѣдняго нравоучительнаго изреченія предположительно. ² это предписаніе также на позднемъ армянскомъ языкѣ.

¹ Въ Печ. Бун. нѣтъ этого предписанія. ² въ Печ. и Бун. нѣтъ изреченія 98а. ³ Ср. 69е. ⁴ Печ. Бун. оп. № 100.

чтобы онъ не былъ насыщенъ тобою и чтобы онъ не возненавидѣлъ тебя.

[Дил. доб.: Мой сынъ, когда ты приобретаешь друга (перваго), испытывай его, и тогда приобретай (его дружбу). Но не хвали человѣка, котораго ты не испыталъ.

Мой сынъ, не отдаляйся отъ своего перваго друга, чтобы твой новый другъ не оказался непостояннымъ для тебя.]¹

75а. Мой сынъ, не надѣвай золотого кольца на твой палецъ, *если у тебя нѣтъ [богатствъ] [или: если это не твое],

в. чтобы дураки не издѣвались надъ тобой.

[Дил. доб.: Мой сынъ, есть четыре вещи, при которыхъ никакой король не можетъ держаться: недостатокъ совѣтника, дурное управленіе, злой умыселъ и угнетеніе его подданныхъ.

Мой сынъ, четыре человѣка не могутъ скрыться: мудрецъ, глупецъ, богачъ и бѣднякъ.]²

¹ Повидимому, Диллонъ взялъ первое предписаніе о другѣ изъ араб. версіи, именно изъ предписанія № 15а, а второе изъ № 56 араб. версіи, хотя онъ является только видоизмѣненіемъ № 57 сир. версіи.

² Изреченія о четырехъ вещахъ и четырехъ человѣкахъ, повидимому, заимствованы Диллономъ изъ араб. версіи.

[въ этомъ случаѣ его обвинять въ сплетняхъ.]

¹ Есть четыре вещи, въ которыхъ ни царь ни его армія не могутъ быть защищены:² притѣсненіе со стороны визиря,³ и⁴ дурное управленіе, *и извращеніе воли,⁵ и⁶ тиранія надъ подданнымъ;⁷

и четыре вещи, которыя не могутъ быть скрыты:⁸ умный, и⁹ дуракъ, и⁹ богачъ, и бѣднякъ.¹⁰

¹ Сад. доб.: „О мой сынокъ!“ и такимъ образомъ вводитъ это изреченіе въ рядъ предыдущихъ. ^{1—2} Перефраз. Сад.: „При четырехъ (вещахъ) не удержится ни власть ни войско“, Сал.: „Въ четырехъ случаяхъ царь не удержится на тронѣ, и войско не поможетъ ему“. ^{2—3} Сад.: при обманчивости министра, Сал.: при дурномъ министрѣ. ⁴ Сад. Сал.: при. *—⁵ Сад.: при дурномъ намѣреніи, Сал.: при дурныхъ намѣреніяхъ правителей. ⁶ Сад. Сал. доб.: при. ⁷ Сад. Сал.: подданными. ^{7—8} Сад.: „и четырехъ качествъ не скроешь: (качество)“, Сал.: четырехъ людей всегда и всадъ отличишь. ⁹ Сад. Сал. оп.. ¹⁰ Далѣе въ Сад. есть 14 (№№ 66—79) лиш-

101. *И я говорю Надану:¹

Сынъ, прими въ твою душу мои наставленія и не забывай ихъ.^{2*}

112. Снѣ,¹ ѣже та [96] научихъ,² то с прикѣпомо³ вхрданъ же⁴ ми ѿ боѣго н' н' ѿ моѣго.“

¹ Мѣсто, которое слѣдуетъ до возобновленія разсказа (до § 104), написано на вульгарномъ армянскомъ языкѣ.

*—¹ Печ. оп. (Бун. не имѣеть всего этого предписанія). ^{1—2} Печ. 93: „Сынъ мой Натанъ! все, чему я тебя научилъ, помни и исполняй“ и далѣе доб.: „этими ты станешь мудрымъ среди товарищей своихъ и знаменитъ въ глазахъ царей“.

¹ X. Снѣ. ² X. научъ. ³ X. прикѣпѣ. ^{3—4} X. вбдандъ. ⁵ X. оп. Здѣсь въ X. на полѣ приписка: соломѣ не ими врагъ во всяко время.

нихъ противъ Карш. изреченій. Изъ нихъ № 66 соотвѣтствуетъ сир. (арм. и слав.) № 45 и 46; 72 представляетъ повтореніе и варьянтъ къ первой половинѣ 54 Карш. (51 Сад.): „О мой сынокъ! Не слѣши въ разговорѣ и обдумай слово въ своемъ сердцѣ раньше, чѣмъ твой языкъ споткнется имъ“; 76 напоминаетъ 74 сир., 84 арм. и 104 слав.; 77 по началу напоминаетъ нѣсколько № 40 арм.; 78 повторяетъ тему № 9 Карш. (№ 6 Сад.); 6-я заповѣдь № 79 соотвѣтствуетъ 6 сир.. 39 арм., 46 слав.. Вотъ не приведенныя еще изреченія:

67. О мой сынокъ! Сохраняй свою душу и береги ее; она дороже всего.

68. О мой сынокъ! Не давай тѣлу то, что не доставляетъ для души покоя.

69. О мой сынокъ! Ёшь въ сутки разъ, и также удовлетворяйся безъ пьянства малымъ количествомъ напитка.

70. О мой сынокъ! Береги себя отъ грѣха и воздержись отъ прелюбодѣянія.

71. О мой сынокъ! Устрани себя и свой слухъ отъ невозможныхъ и пустыхъ рѣчей и береги себя отъ лжи. (Ср. сир. 67, араб. 60, арм. 90 и 100).

73. О мой сынокъ! Не люби обилія сна и пусть глаза твои не увидятъ его; не вѣрь всему, что слышалъ: можетъ быть, нагаль тотъ, кто тебѣ передалъ. (Ср. для второй половины въ слав. № 20).

74. О мой сынокъ! Не позволяй женщинамъ связывать тебя и не желай много дѣтей, ибо женщина соблазнъ и камень для мудреца, и не желай (не давай воли) вредной страсти, и да будетъ забота твоя только спасеніе души своей (Ср. арм. 34).

75. О мой сынокъ! Не разговаривай съ женщиной въ скрытномъ мѣстѣ, дабы не обвинили тебя по отношенію къ ней, и тогда люди будутъ говорить о тебѣ на улицахъ, и ты тогда надѣнешь платью позора. (Нѣсколько напоминаетъ 58 сир.).

78. О мой сынокъ! Берегись да еще берегись женщинъ, не довѣряй имъ ни имущества ни управленія домами, ибо если онѣ (ошибка: „она“ или „ты“) достигнутъ высшаго своего могущества, то лучшее изъ государствъ подвергають гибели; и дѣйствительно добродѣтельная изъ нихъ лукава и блудлива подобно змѣѣ; если ты имъ довѣришь тайну, то она сдѣлается известной; если ты окажешь имъ благодѣяніе, то оно про-

102. Вопросы царскихъ сыновей и отвѣтъ Кикара.

Houday и Baliaun задавали вопросы Кикару, и Кикарь сказалъ Нагану: Есть четыре вещи, которыя возвращаютъ свѣтъ глазамъ человѣка: смотрѣть на цвѣты, ступать бо-сою ногою по зелени, ходить по водѣ и смотрѣть на друга.

Четыре вещи есть, которыя дѣлаютъ человѣка жирнымъ и даютъ ему здоровье: носить полотно и слушать такія вещи, какія кажутся ему пріятными; въ домѣ пріятный и здоровый воздухъ и видѣть далекаго (друга) въ хорошемъ состояніи.

И есть четыре вещи, которыя улучшаютъ пирь чело-вѣка: во всѣ времена разговаривать хорошо, въ каждомъ

— Вен. передаетъ имена такъ: Shoutay и Baiilan.

падетъ; онѣ говорятъ, но онѣ лживы; онѣ клянутся въ то время, какъ онѣ невѣрны; онѣ даютъ свои показанія, хотя онѣ отсутствовали; онѣ отказываются, хотя онѣ этого желаютъ, подобно тому, какъ о нихъ говоритъ поэтъ:

„О если бы женщины знали, какова ихъ непорочность; послѣдняя подобна трупу, въ которомъ роются черви.

Сегодня принадлежитъ тебѣ ея тайна и бесѣда, а завтра другому ея рука и кисти ея руки.

Она подобна хану (постоялому двору): ты въ немъ живешь, а на слѣдующее утро уѣзжаешь, а послѣ тебя въ немъ остановится тотъ, котораго ты не знаешь“.

И говоритъ также:

Говорятъ: „женись“; я отвѣтилъ: „никогда, зачѣмъ принести къ себѣ въ домъ мѣшокъ со змѣями.

Былъ я свободнымъ, зачѣмъ мнѣ быть рабомъ? нѣтъ благословенія Божія надъ женщинами“.

Говорилъ также:

Велятъ жениться, я сказалъ: „что за поспѣшность, или же пожаръ съ дымомъ у моей тети?“

Они говорятъ, что женщины—рай для мужчинъ, я отвѣтилъ: „мнѣ адъ лучше этогорая“.

79. Да еще мое дитя Наданъ! Я хочу учить тебя десяти заповѣдямъ, которыя мудрый Аристотель преподавалъ своему сыну:

(первая заповѣдь) если кто довѣритъ тебѣ что-нб., то не будь невѣрнымъ;

(вторая) если кто тебя спроситъ, то не будь лжецомъ;

(третья) если кто открылъ тебѣ тайну, то не выдавай ея;

(четвертая) если на пути встрѣтишь злого и лукаваго, то бѣги отъ него;

(пятая) не дружись съ тѣмъ, о которомъ не знаешь ни добра ни зла;

(шестая) спи, только опасаясь дѣтей отъ прелюбоудѣнія;

(седьмая) когда ты въ дорогѣ, не довѣрай спутнику;

(восьмая) когда ты рѣшаешься на какое-нб. дѣло, то поддержи себя своими деньгами;

(девятая) если случится тебѣ трудное дѣло, то уповай на Всевышняго Бога.

словѣ избѣгать нанесенія оскорбленія, жить смиренно, говорить мало, скромно въ малыхъ и большихъ дѣлахъ.

И есть четыре вещи, которыя вызываютъ слезы (букв.: воду) на человѣческое лицо: власть любви, говорить слишкомъ много и хвастаться, что кто-нибудь знаетъ то, чего онъ не знаетъ, (скрывать что-нибудь, вязать сѣть и попадать въ нее)^a, и ложныя рѣчи.

103. Они спрашивали мудреца и сказали: „Какая самая пріятная вещь на землѣ?“

Онъ отвѣчалъ: „Скромность. Тотъ, который имѣетъ скромное лицо, пріятенъ. Ибо всѣ несчастія—порожденія безстыдства и безумія“.

^a Вен. оп. слова въ скобкахъ.

76. Это ученіе, которому Ахікаръ училъ Надана, сына своей сестры.

III.

1. Но я, Ахікаръ, подумалъ,
что все, чему я научилъ Надана,
онъ запомнилъ въ своемъ сердцѣ,
и что онъ стоитъ на моемъ мѣстѣ
въ воротахъ царя;

2. и я не зналъ, что

Наданъ не внималъ моимъ словамъ,

но рассыпалъ ихъ какъ бы по
вѣтру;

3.

и онъ обернулся и сказалъ,

4. что мой отецъ Ахікаръ поста-
рѣлъ,

68. Такъ сказалъ Хайкаръ.¹

III.

1. Я, Хикаръ, думалъ теперь,

что все, чему я училъ своего пле-
мянника Надана,

онъ и упомнилъ, сохранилъ въ
сердцѣ

и извлекъ изъ этого много пользы,
и онъ хотѣлъ даже быть на моемъ
мѣстѣ предъ царемъ Санхерибомъ и
служить ему.

2. Я не зналъ, что [все то], чему
только я училъ его, онъ не запоми-
налъ и ничего не извлекалъ изъ него,
даже не слушалъ моихъ словъ

и не обращалъ вниманія на мои
приказанія,

3.

но сталъ смѣяться надо мной и
говорилъ:

4. „Хикаръ сталъ старъ и дряхлъ,

¹ Сал.: „Это и многое другое преподавъ Хайкаръ своему племяннику Надану“; Агуб.: „Таковы были наставленія, которыя мудрый Гейкаръ далъ Надану“.

104. И^А это было¹ наставленіе, которымъ я училъ Натана, сына своей сестры.

Всему этому я училъ Натана, сына своей сестры, я Киварь, главный секретарь царя Сенефарима.

III.

1. Итакъ я предполагалъ въ моей душѣ,

что ученіе и наставленіе, которое я преподавалъ Натану, будетъ пребывать и останется и что онъ сохранитъ его въ своей душѣ.

2. И я не зналъ, что

онъ презрѣлъ мои слова,

и развѣялъ ихъ подобно мякинѣ по вѣтру,

3.

предполагая въ своемъ умѣ,

4. что Киварь, отецъ его, очень устарѣлъ

^А Здѣсь текстъ ркп. Канон. ближе къ сирійскому, чѣмъ лучшіе армянскіе списки:

„Всему этому я училъ Натана, сына моей сестры,

1. думая такъ, что то, чему я его училъ, онъ удержалъ въ своемъ сердцѣ и жилъ въ царскихъ воротахъ.

2. И я не зналъ, что онъ презрѣлъ мои слова и развѣялъ ихъ, какъ пыль, по вѣтру.

¹ Печ.: есть.

113.

И¹ семѣ всемѣ научи¹ дѣхъ акірхъ сестрасица² своего анадана.

III.

1. *дѣхъ акірх³ тако рѣѣ *ѣхъ срѣи скоѣмь.⁴

ако сѣх⁶ мой анаданх⁵ моѣго наказаннѣ послѣшаѣтъ.

и прѣставлю *и црѣю [X. его прѣ црѣ] въ скоѣ мѣсто.

2. [X. доб. и] не оувѣдѣѣ, ꙗко

анаданхъ не послѣшаѣтъ рѣѣ моѣхъ.

3. *дѣхъ тѣхъса научити и; а ѡнхъ помышлалше ѡ⁷ смрѣти моѣи *и кто⁸ дѣлѣшеть⁸

4. „ѡцѣ мой стархъ ѣсѣтъ.

¹ X. нѣтъ. ² X. сестричича. *—³ X: „и“. *—⁴ X. во срѣцы моѣ. ⁵ X. испорчено: анаданъ. ⁶ X. доб: „а“. ⁷ X: о. *—⁸ X. опускаетъ и имѣетъ вмѣсто этого: „яко“.

⁸ На концѣ не то ѣ, не то ѡ. ⁶ и изъ ѡ. ⁸ ошиб. вмѣсто тако.

и стоитъ у двери своего гроба;
и его понатливость ушла
и его умъ уменьшился;

5. и мой сынъ Наданъ началъ
[нехорошо обращаться съ] моими
слугами, бия ихъ и убивая ихъ и
истребляя ихъ;

6. и онъ не выказывалъ никакого
милосердія къ моимъ слугамъ и мо-
имъ служанкамъ,
хотя они были прилежны, очень лю-
бимы и отличны;

7. и онъ умерщвлялъ моихъ лоша-
дей, и у моихъ хорошихъ муловъ онъ
вытягивалъ поджилки.

8. Когда я увидѣлъ, что мой сынъ
Наданъ
дѣлаеть такія отвратительныя вещи,

я отвѣчалъ и сказалъ ему:

и его умъ пострадалъ.

Онъ сталъ глупымъ и сумасшед-
шимъ и болѣе ничего не знаетъ“.

5. И Наданъ сталъ

расточать недвижимое и движимое
имущество Хикъара,

6. бить его слугъ и служанокъ,

7. продавать лошадей и верблю-
довъ

и проматывать все, что приобрѣлъ
Хикъаръ.

8. Когда я, Хикъаръ, увидѣлъ, что
Наданъ

не жалѣеть моего имущества и моей
челяди,

я сказалъ ему:

и дошелъ до двери своей могилы.

„Его умъ (говорилъ онъ) разстро-
ился,

и его мысли въ упадѣхъ,
и онъ ничего не знаетъ“.

5. Натанъ началъ

разсыпать мою собственность въ
ея потерѣ,

6. и не падалъ моихъ слугъ и
служанокъ. Но онъ мучилъ ихъ и
убивалъ ихъ,

7. и рѣзалъ моихъ лошадей и му-
ловъ, и моихъ коней,
и уничтожалъ самый сквѣдъ стада.

8. И когда я увидалъ Натана,
сына моей сестры,
что онъ передѣлываетъ мои дѣла
и расточаетъ мою собственность,

я началъ говорить съ нимъ и я
сказалъ:

5. Тотчасъ онъ началъ разорять
мою собственность и мое имущество.

6. Онъ не падалъ моихъ рабовъ
и служанокъ ни даже моихъ любим-
цевъ и моихъ друзей, но связывалъ
и дурно обходился съ ними; наносилъ
раны жестокими ударами

7. и истреблялъ постоянно моихъ
коней.

8. Когда я увидалъ, что Натанъ
поддѣлалъ (или превратилъ) мои дѣла,
тогда я пощадилъ мою собствен-
ность; чтобы онъ не уничтожилъ
ее. И я сказалъ Натану:

и ближе ѣмъ къ смѣртѣи.

а оуже оумо^а сквденъ ѣсть.“

5. и на анаданъ

*взрмѣшатъ домъ и и¹ растачати
домъ мой² безъ мѣти.³

6. и бнѣше⁴ рабы моѣ *и рабыни
моѣ

и мнлыѣ моѣ⁵ прѣ ѡчнма моѣма
*белкнми ранами.

7. и⁶ конѣ⁷ и ѡлѣта моѣ⁸ оума-
раише⁹ безъ мѣти.

8. *и ако кидѣ анадана

такъ дѣища,

и възнегодѣ¹⁰ съжалѣи еи *и поща-
дѣхъ и мѣниѣ моѣго¹¹,
рѣ [X. доб. иѣѣ моѣмъ]:

*—¹X. опускаеть. ^{1—2}X. д. м. рлсточи.
ти. ^{2—3}X. не щадя. ⁴X: еія. *—⁵X. опу-
скаеть. *—⁶X. нѣтъ. ⁷X.: кони моя.
⁸X. нѣтъ. ⁹X. ѡмарше. *—¹⁰X. опу-
скаеть это и доб.: „азъ же“. *—¹¹X.:
ѡ и мѣниѣ моѣ.

^а у изъ и.

9. „Мой сынъ Наданъ, не трогай
моей собственности;

10. мой сынъ, сказано въ изре-
ченіи:

«что рука не приобрѣтала, глазъ не
щадилъ»“.

11. Сверхъ того я увѣдомилъ Сен-
нахериба моего государя о всѣхъ
этихъ вещахъ;

12. и мой государь сказалъ такъ:

13. „Пока Ахиваръ живетъ,
никто не долженъ имѣть силы надъ
его богатствомъ“.

14.

15.

Потомъ, когда мой сынъ Наданъ
видѣлъ своего брата Небуцардана
стоящимъ въ моемъ домѣ,

9. „Держись далеко отъ того, что
я приобрѣлъ,
и не мучь моей дворни и моихъ ра-
бовъ, пока я еще живу!“

10.

11. И я поставилъ Санхериба въ
извѣстность обо всемъ томъ, что
было учинено въ моемъ домѣ Нада-
номъ.

12. Тогда царь сказалъ ему:

13. „Пока Хикаръ живъ,
пусть никто не распоряжается его
домомъ и добромъ, и никто пусть
ничего не говоритъ объ этомъ“.

14. Наданъ имѣлъ младшаго бра-
та, по имени Небузардана.

15. Его я взялъ къ себѣ, воспи-
тывалъ его, началъ посвящать его
въ мою мудрость и мое знаніе и
взялъ его вмѣсто сына.

Когда Наданъ видѣлъ это,

9. „Воздержись отъ моей собственности, и не подходи близко къ ней,

10. ибо написано въ Притчахъ,

что надъ чѣмъ руки не работали, той вещи его взоръ не бережетъ“.

11. И я пошелъ и сказалъ Сенефариму, господину моему.

12. И онъ позвавъ Натана и сказалъ:

13. „Пока Киваръ въ живыхъ, ты не долженъ трогать его собственности“.

14.

15.

Въ это время Натанъ увидалъ Боудана,^a своего брата, который былъ воспитанъ въ моемъ домѣ,

9. „Не подходи близко къ моей собственности,

10. потому что сказано въ мудрецахъ, чьи руки не работали, того и глазъ не будетъ жалѣть“.

11. И я пошелъ и сказалъ своему господину Сенефариму.

12. И царь руководилъ Натана и сказалъ:

13. „Пока твой отецъ Киваръ живъ, не подходи близко къ его имуществу, но оставайся въ царскихъ воротахъ и дай твоему отцу Кивару оставаться въ его воротахъ и покоиться въ его старомъ возрастѣ“.

^a Бодеан. ркп.: „Бауданъ“.

9. „сыны,¹ не порти ми скота моего.²

10. поистинѣ бо³ въ писаннѣ та⁴ мннѣ [X. глѣ]:

«ѡ немъ же ед кто^a *не трѣбъ,⁵ то⁴ того⁶ не раднѣть.⁷»“

11. шедъ възвѣстн синаггнпѣ црѣи своѣмъ.

12. ѡ тако ми ѡца⁸ црѣ:

13. „*за *ва акире⁹ да не *ѡбладаетъ домоу твоимъ ннѣ.¹⁰“

14.

15.

ѡнаданъ [ВХ. доб. же], ѡзрѣвъ¹¹ брѣа [ВХ. брата] своѣго, ѣго же тѣкоже¹² кормѣ въ домѣ своѣмъ [ВХ. моѣмъ],

¹ X.: снѣ. ¹⁻² X. опускаетъ. ²⁻³ X. поистиннѣ. ⁴ X оп. *—⁵ X.: не трѣднѣть.

⁶ X. доб. „н“. ⁷ X. раднѣ. ⁸ въ В. выпали

двѣ страницы и поэтому нѣтъ конца поученія и дальнѣйшаго текста до

сихъ поръ (II₁₀₁—III₂); отъ послѣднихъ двухъ словъ осталось лишь: „ѡ ми“.

*—⁹ В. измѣняетъ: до живота твоѣго акирѣ. *—¹⁰ В: ѡбладаетъ въ домоу твоимъ. ⁷⁻¹⁰ X. опускаетъ. ¹¹ В.

възрѣвъ; X. ѡзрѣ. ¹² В. „же“ нѣтъ.

^a можно прочесть и: „то“.

⁶ вѣ написано наверху потомъ.

16.

онъ былъ очень сердитъ
и сказалъ такъ:

17. „Мой отецъ Ахи́варъ поста-
рѣлъ и его умъ изсякъ;
[и что касается до его мудрыхъ
словъ, онъ ихъ презрѣлъ];

18. вѣдь далъ онъ свои владѣнія
Небуцардану, моему брату,

и удалилъ онъ меня отъ своего дома?“

19. Когда я Ахи́варъ слышалъ это,
я сказалъ:

20. „Увы тебѣ! моя мудрость, ко-
торую мой сынъ Наданъ опозилъ;

и что касается моихъ мудрыхъ из-
реченій, онъ ими пренебрегъ“.

21.

И вотъ, когда мой сынъ Наданъ
услышалъ объ этомъ,
онъ разсердился и пошелъ къ воро-
тамъ царя,

16. онъ завидовалъ ему,

негодовалъ, злился, впадалъ въ ярость
и началъ говорить:

17. „Хива́ръ сталъ сумасшедшимъ
и тупоумнымъ,
его мудрость пострадала, и его умъ
и его знаніе истощились.

18. Вѣдь онъ передалъ свое иму-
щество и свой домъ моему брату
Небузардану,
который еще малый мальчикъ, безъ
ума и знанія,
а меня онъ выгналъ изъ своего дома“.

19. Когда я слышалъ все это отъ
него, я, Хива́ръ, сказалъ:

20. „Жаль моей мудрости, какъ
однако втопталъ ее въ грязь мой
сынъ Наданъ!“

21.

Послѣ этого

Наданъ пошелъ очень озлобленный
къ двору царя, моего государя,

16.

и сказалъ:

17. „Киваръ, мой отецъ, постарѣлъ,

и его слова потеряли всю свою силу
разума“.

18.

19. И когда я услышалъ это,

20.

21. я изгналъ его отъ всѣхъ мо-
нхъ принадлежностей.16. и нача¹ ѿ того днѣ² завидѣти³
и рѣтъ гнати⁴
рька:⁴

17.

18.

„ѣда⁵ акірѣ⁶, ѡчь мой, ѡженеть⁷ ма
*и ѡномѹ⁸ задничю⁹ дастъ.¹⁰“19. ако *очютѣи¹¹ и¹² тако¹² мыс-
лаща,¹³ и скарѣ¹⁴ и сѣце рѣкк:¹⁵

20.

„како¹⁶ пропортил ми¹⁷ еси *ника-
заниа¹⁸ мол¹⁸и скотъ мой испортилъ еси!¹⁹

21.

и [В. тако] се слыша²⁰ ѿ²¹ мене
сѣхъ мой анд[анъ]²², [96 об.]
ларастю²² развгнѣва²³ и²⁴ нде в до
црѣхъ19. Я Киваръ когда увидѣлъ все
то, что Наѳанъ сдѣлалъ, я сказалъ
въ моемъ сердцѣ:20. „Увы! какъ Наѳанъ презрѣлъ
мое пріятное наставленіе, и всю мою
мудрость онъ поставилъ ни во что и
совершенно презрѣлъ“.21. Тогда Наѳанъ пошелъ въ домъ
царя и затѣялъ очень большія зло-
ды для меня.

¹ В. „начати“. ² Х. днѣ. ³ Х: завидѣти.
^{3—4} В. „и гонати рѣкк“, Х: „и помышляти.“ ⁵ В: ѣгда. ⁶ В: акірѣ. ⁷ В: ѡженетъ, Х: ѡженѣ. *—⁸ В. а краткоу моѣмоу, Х: а номѹ. ⁹ В: имѣніѣ. ¹⁰ ВХ. дастъ, далѣе Х. доб. „и“. *—¹¹ В. очвѣдѣи нани, Х: очютѣи ѣ. ¹² Х. доб. „его“. ¹³ В. мыслащи. ¹⁴ В. скарнхъса, Х. скарнѣ. ^{14—15} В. только „сѣце“. ¹⁵ Х. рѣкк. ¹⁶ В. тако. ^{16—17} В. портнил ми, Х. прелѣша. *—¹⁸ В. наказаніе моѣ, Х. наказанія моя. ^{18—19} В. нѣтъ, Х. и имѣніе мое расточѣи еси. ²⁰ В. слышаше. ²¹ В. Х. ѿ. ²² В. ларастю, Х. нѣтъ. ²³ В. развгнѣваѣса, Х. развгнѣваея. ²⁴ В. Х. нѣтъ.

²анъ стоитъ на краю и уже выпѣвло.

и замышлялъ въ своемъ сердцѣ зло;

22. и онъ сѣлъ и написалъ два письма двумъ царямъ, которые были врагами Сеннахериба, моего государя;

23. одно къ Аки, сыну Хамселима, царю Персїи и Элама, какъ ниже слѣдуетъ:

24. „Отъ Ахицара, секретаря и хранителя великой печати Сеннахериба, царя Ассїрии и Ниневїи, поклонъ.

25. Какъ только это письмо дойдетъ до тебя, встань и иди въ Ассїрію встрѣтить меня;

26. и я введу тебя въ Ассїрію, и ты захватишь царство безъ войны“.

27. И онъ написалъ другое письмо, какъ ниже слѣдуетъ:

„Фараону, царю Египта, отъ Ахицара, секретаря и хранителя великой печати царя Ассїрии и Ниневїи,

сѣлъ тамъ, написалъ обвиненіе противъ Хивара и выдумалъ противъ него ложь и обманъ.

22.

Онъ написалъ два письма къ царямъ, врагамъ Санхериба;

23. одно къ царю *Ахашу, сыну Самехлима¹, царю Персїи, въ немъ онъ писалъ слѣдующее:

24.

„Отъ царя Санхериба

и его секретаря и министра Хивара² искренній поклонъ, счастье и уваженіе и поцѣлуй въ руки и ногу. Миръ пусть будетъ между мной и тобой! Могущественный царь!

25. Въ мгновеніе, когда это письмо прибудетъ къ тебѣ, собирайся быстро безъ мѣшканья и приходи ко мнѣ въ Ассїрію.

26. Я передамъ тебѣ государство безъ труда“.

27. Потомъ онъ написалъ второе письмо отъ имени Хивара къ Фараону, царю Египта,

*--¹ Карш.: „Ахишу, сыну Шаха Мудраго“; Сад.: „Ахису-шаху“; Сальг.: „Ахишу, сыну Хакимъ-шаха“; Агуб.: „Ахису“.

² Такъ и въ Карш. и Сальг.; въ Сад. „отъ Хивара, министра и секретаря Синхариба, царя Асѣра и Ниневїи“; Агуб.: „отъ Сенхариба, царя Ассура и Ниневїи“; Кос. оп. упоминаніе о царѣ Сенхарибѣ.

Но Натанъ составилъ нечестивый
цланъ въ своемъ сердцѣ.

22.

23.

24.

25.

26.

27. Онъ написалъ

отъ моего имени письмо Сенефариму,
царю Ниневіи и Асорестана;

22.

и, *уловль¹ гои²,³ написа граѣ⁴ б.
к ратном⁵

23.

*црѣ перьском⁶,⁷ ѣжѣ нма алонх.⁸
и⁹ тако написа рекни [В. рекх]¹⁰:

24.

„синагрпа⁷ црѣ

книжники⁸ и свѣтн⁹ азъ акирх¹⁰
перьском⁶ црѣ алонх¹¹ радоваѣти.

25. во нь же днѣ принде¹² граѣ
сна¹³,

готовехъ бѣ¹⁴ со¹⁵ своимъ вои:

26. азъ¹⁵ ти преда¹⁶ адорьскою¹⁷
землю,

и¹⁸ примешю¹⁹, не побѣдиша²⁰ ни
с кым²¹ же.“

27. и²² дрѣгѣи²³ грамотою.²⁴

кх²⁴ ѣгѣпетьском²⁵ црѣ фаѡн²⁶,

22. Ибо онъ написалъ два письма.

27. Одно онъ послалъ Фарвону,
царю Египта, такъ какъ онъ былъ
врагъ моего господина Сенефарима,

¹ X. Уловѣ. *—² В: воловь [такъ]
годины. *—³ В. црѣи перьском⁶, X. црѣ
перьском⁶. ⁴ В. ѣ шлонх. ^{3—4} X. ѣлонх. ⁵ В.
X. нѣтъ. ^{5—6} X. тако. ⁷ X. симографа.
⁸ В. книжнѣи. ^{8—9} В. нѣтъ. ¹⁰ В. акирх.
¹¹ В. налонх. ¹² В. принде, X. доб. к тсѣѣ.
¹³ В. си. ¹⁴ В. нѣтъ. ¹⁵ В. да. ¹⁶ В. X.
предамъ. ¹⁷ В. ѣродьскѣю, X. адорьскѣю. ¹⁸ В.
нѣтъ. ¹⁹ В. ю нѣтъ. ^{19—20} В. не побѣдиши
в'са. ²¹ В. X. ким'. ²² В. нѣтъ. ²³ ВХ.
грамотою. ²⁴ В. нѣтъ, X. ко. ²⁵ В. ѣгоу-
петьском⁶, X. египетском⁶. ²⁶ В. X. фараѡн²⁶.

^a ию составляетъ лигатуру.

28. привѣтъ.

29. Какъ только это письмо достигнетъ до тебя,

встань и иди встрѣтить меня въ долину Орловъ, которая лежитъ къ югу, 25-го дня мѣсяца Аба.

30. И я приведу тебя въ Ниневію безъ войны, и ты захватишь царство“.

31. И онъ написалъ эти письма почеркомъ, похожимъ на мой; и онъ запечаталъ ихъ во дворцѣ царя,

32.

33.

34. и пошелъ своей дорогой.

и въ немъ онъ писалъ именно слѣдующее:

28. „Миръ пусть будетъ между мной и тобой! царь!

29. Въ мгновеніе, когда это письмо попадетъ въ твои руки,

приходи ко мнѣ въ Орлиную долину,

25-го августа,

30. и я поведу тебя въ Ассирію и Ниневію и *безъ труда¹ передамъ тебѣ господство“.

31. Онъ уподобилъ свой почеркъ Хикарову и запечаталъ письмо печатью и перстнемъ Хикара.

32.

33.

34. Затѣмъ онъ подбросилъ ихъ во дворцѣ царя, гдѣ ихъ могли найти придворные, чтобы они показали ихъ затѣмъ царю.

*—¹ Карш.: „безъ битвы и боевого строя“, Сад. и Сал.: „безъ войны и сраженія“, Агуб. и Кос. оп..

и оно было, какъ ниже слѣдуетъ:

28.

„Я Кикарь, главный секретарь царя Сенежерима, послалъ царю египтянъ съ этой цѣлью:

29. Когда это письмо достигнетъ тебя,

ты долженъ собрать твои силы и притти въ долину Орловъ

въ 25-й день мѣсяца Гротица;

30. и я дамъ въ вашу власть страну азоровъ, и я дамъ тронъ Сенежерима въ твою руку безъ тревоги, чтобы ты владѣлъ имъ“.

31. И онъ сдѣлалъ свой почеркъ похожимъ на мой почеркъ, и запечаталъ его моею печатью.

32. И когда силы царя были приглашены отправиться въ свои дома, Натанъ одинъ остался передъ царемъ

33.

34.

и оно было написано, какъ ниже слѣдуетъ:

28. „Я Кикарь, секретарь Сенежерима, царя Ассиріи и Ниневіи, пишу Фараону, царю Египта.

29. Пусть будетъ тебѣ вѣдомо, что когда это письмо дойдетъ до тебя, ты сразу долженъ собрать твои силы и притти на равнину Орловъ въ 25-ый день мѣсяца Гротица,

30. и я поведу и сдѣлаю тебя царемъ надъ этими безъ тревоги“.

*такъ река:¹

28.

29. „Ако же придетъ² грамота си к тебе³,

такъ готовъ буди

*и придетъ⁴ на поле ѳгънетъскоѳ⁵

мѣца авгѳ⁶ въ⁶ .ке. днѣ:

30. и⁷ ѳзъ та въведѳ въ аналмѣ-скыи⁸ грѳ,

и⁹ прѣймѣши пределъ¹⁰ ѳго¹¹ не бнвѣса¹².

31.

32. и¹³ въ то время црѣ бѣ¹⁴ распѣтнѣ¹⁵ воѳводы своѳ¹⁶, *и црѣ¹⁷ ѳнѣ бѣ въ *тѣ чныи¹⁸.

33. *и грамоты¹⁹ написала бѣ²⁰ моѳмъ писманѣ²¹,

и [В. моймѣ]²² перѣстѣнѣ запечатѣлѣ²³.

34. и *приѳ оу себе²⁴ ѳбѣ грамоти,²⁵ жда годѣны, како²⁶ бы вдатн²⁷ црѣн.

¹ В. река. *—¹ X. гѣя. ² В. придетъ. ³ X. тебѣ. *—⁴ В. притти. ⁵ В. ѳгоупетѣскоѳ, X. егѳпетскоѳ. ⁶ В. X. нѣтъ. ⁷ В. нѣтъ. ⁸ В. ливскыи [такъ]. ⁹ В. нѣтъ. ^{9—10} В. X. примени предѣлы. ¹¹ В. нѣтъ. ^{11—12} В. но поиди в' см. ¹³ В. нѣтъ. ¹⁴ X. нѣтъ. ¹⁵ В. распѣтнѣ [такъ] и доб. „воѳ иѣ“. ¹⁶ В. своѳмъ. *—¹⁷ В. нѣтъ. *—¹⁸ В. тѣи чѣ, X. той чныи. *—¹⁹ В. грамотѣ. ²⁰ В. елше. ^{20—21} В. нѣтъ, X. мой менѣ. ²² X. нѣтъ. ²³ В. запечата, X. запечатѣлѣ. *—²⁴ В. приѳ. ²⁵ В. грѣмотѣ собѣ, X. грамотѣ. ²⁶ В. како. ²⁷ В. дати.

35. И онъ написалъ, кромѣ того, другое письмо ко мнѣ, какъ бы отъ моего государя, царя Сеннахериба;

и такъ онъ писалъ его: [68]

36. „Отъ Сеннахериба царя Ахикару, моему секретарю и хранителю великой печати, привѣтъ.

37. Какъ только это письмо дойдетъ до тебя, ты собери всѣ твои силы вмѣстѣ

къ скалѣ, которая называется Сисъ:

38. и иди оттуда и приходи встрѣтить меня въ долину Орловъ, которая лежитъ къ югу, 25-го дня мѣсяца Аба.

39. И когда ты увидишь, что я приближаюсь къ тебѣ, то выстрой твои силы противъ меня, какъ человекъ, который готовъ къ сраженію:

40. потому что послы Фараона, царя Египта, пришли ко мнѣ; чтобы они могли видѣть, какія силы я имѣю“.

35. Послѣ этого онъ написалъ другое письмо отъ имени царя Санхериба:

36. „Поклонъ высокочтимому Хикару, моему министру и секретарю и печати моей тайны.

37. Какъ скоро это письмо придетъ къ тебѣ, собери войска, которые находятся у тебя,

выступи и ожидай меня у горы Вахо.

38. 25-го августа выходи мнѣ въ Орлиную долину.

39. Когда увидишь, что я приближился къ тебѣ, стяни предо мной войска, какъ тотъ, кто хотѣлъ бы биться со мной и сражаться.

40. Именно у меня находится посолье египетскаго царя, Фараона, и они [такъ] должны увидѣть, посмотреть и узнать наши военныя силы.

35.

35. ѿ¹ написа пакі ѿ² ѿнѣ³ гра-
мотѣ,

36.

река⁴ тако:36. „ѿ црѣа синагрипа⁵ къ акіровѣ⁶,
свѣтннкѣ моѣмѣ.

37.

37. ѿмь⁷ же днѣ прѣдѣ грамота си,
⁸свері воѣ моѣ и боѣводи моѣ,⁹
и прѣстрой ѣ,¹⁰

38.

38. ѿ¹¹ готовѣ бѣ мѣа ѣвѣтн¹²
ѣе. днѣ. на *полѣ ѣгѣпетѣтѣ¹³.

39.

39. *и когда [В. ѣга] ѣгѣ вынѣ,¹⁴
тогда¹⁵ прѣстрой воѣ¹⁶
ѣки¹⁷ на бранѣ¹⁸.

40.

40. ѣко¹⁹ ѣгѣ ѣ мене поѣдѣ фа-
раѣновѣ,²⁰
и²¹ хоцию, да ви [ВХ. виднѣ] воѣ
моѣ.“

35. И опять письмо, которое имѣло эту форму:

36. „Отъ Сенефарима царя, здоровье (или миръ) Кизару, секретарю моего суда.

37. Когда придетъ къ тебѣ это письмо, ты долженъ приготовить мои силы, которыя подъ твоей рукой;

38. ровно въ 25-ый день мѣсяца Гротиды ты долженъ притти встрѣтиться со мной на равнинѣ Орловъ.

39. И когда ты придешь близко, выстрой[ся] лицомъ къ лицу противъ моихъ силъ, какъ будто бы ты готовился противъ твоихъ враговъ.

40. Ибо послы Фараона пришли ко мнѣ видѣть наши силы и дрожать“.

¹ В. нѣтъ. ² Х. нѣтъ. ^{1—3} В. испорчено: написанѣмъ. ⁴ В. Х. рѣка. ⁵ Х. сино. графа. ^{5—6} В. къ ѣкѣръ, Х. акировѣ. ⁷ В. Х. ѿмъ. ⁸ В. доб. ѿ. ⁹ Х. нѣтъ. ^{9—10} В. короче: прѣстрой. ¹¹ В. оп. ¹² В. ѣвѣтѣ, Х. ѣвѣтѣа в. *—¹³ В. полѣ ѣгоупѣтѣтѣмѣ, Х. полѣ ѣгѣпетѣтѣмѣ. ¹⁴ В. вынѣдѣ, Х. вынѣ. ¹⁵ В. то. ^{14—16} Х. нѣтъ. ¹⁷ Х. ѣно. ^{17—18} В. во днѣ брани. ¹⁸ Х. бранѣ. ¹⁹ Х. поѣдѣ. ²⁰ Х. фараонѣ. ²¹ В. нѣтъ.

41.

42. И мой сынъ Наданъ послалъ это письмо мнѣ руками двухъ изъ слугъ царя.

43. И затѣмъ мой сынъ Наданъ взялъ письма, которыя онъ написалъ, какъ если бы онъ ихъ на самомъ дѣлѣ нашелъ;

44.

45.

46.

47.

48.

41. Они должны бояться насъ, ибо они наши враги и наши завистники“.

42. Это письмо онъ послалъ черезъ одного изъ служителей царя, моего государя.

43. Затѣмъ онъ

взялъ письмо, которое онъ написалъ Фараону моими словами какъ человекъ, только что нашедшій его,

44.

45.

46.

47.

48.

41.

42.

43.

44. и сказалъ: „О царь, живи всегда.

45.

46. Мнѣ, который ѣлъ хлѣбъ и соль въ твоёмъ домѣ, Богъ запретилъ, чтобы я могъ видѣть зла передъ тобою.

47.

Кичарь, мой отецъ, который былъ въ чести и въ величїи передъ тобою, нагналъ мнѣ и тебѣ, и принялъ сторуону твоихъ враговъ“.

48. И письмо, которое Натанъ написалъ въ моихъ словахъ, и [въ

41.

42. ѿ вѣснѣхъ мой ѿнаданъ¹ грамотѣ². со³ двѣма ѿтрокама⁴, прїела ко мнѣ, твора ѿ⁵ ѿ [ВХ. ѿ] црѣа.

43. ѿнаданъ, *снѣхъ мой⁶, прѣстоа⁷ црѣи

нѣ прїнесе ѿвѣ грамотѣ прѣ црѣемъ⁹, ѣже¹⁰ бѣ написалъ¹¹ к ратнымъ црѣмъ¹²,

44. нѣ¹³ рѣ: „црѣю, въ вѣки живи!

45. ¹⁴ се грамота¹⁵ ѿца моего акїра¹⁶. нѣ¹⁷ азъ не прїа ѣвѣта ѣ. *но се принесоухъ к тобѣ¹⁸ грамотѣ¹⁹ ѣ.²⁰

46. [97] зане²¹ ала ѣсмь²² брашно твоѣ,

нѣ²³ не достойтъ ми твѣѣ²⁴ зла [X. зла] мыслити.

47. послѣшанъ рѣ²⁵ моего, ѣн²⁶ црѣю. ты ѿца моего акїра²⁷ възвекн²⁸ нѣ възвеличн²⁹ пѣ³⁰ велиможъ³¹ своѣ: *нѣ се³² вижъ³³, что писа на тѣ³⁴ нѣ на црѣтво твоѣ“.

48.

42. И это письмо Натанъ послалъ ко мнѣ какъ будто бы по приказанію царя.

43. И онъ самъ Натанъ сталъ предъ царемъ

44. и сказалъ: „Царь, живи всегда!

46. Я ѣлъ хлѣбъ и соль въ твоёмъ домѣ. Богъ запретилъ, чтобы я обманывалъ моего царя.

47. Ибо мой отецъ Кичарь, котораго ты привелъ къ покою, къ чести, къ славѣ,

не сдѣлалъ согласно съ приказаніемъ Вашего царскаго величества, но обманулъ Бога и Ваше царское величество“.

48. И онъ далъ письмо вѣрнымъ

¹ В. нѣтъ. ² В. грамотѣ. ³ В. нѣтъ. ⁴ В. X. ѿтрокома. ⁵ В. X. нѣтъ. *—⁶ В. нѣтъ. ⁷ В. прѣста. ⁸ В. снѣхъ мой. ⁹ В. X. црѣа. ¹⁰ В. X. нѣже. ¹¹ X. писа. ^{11—12} В. X. к ратнымъ црѣма. ¹³ В. нѣтъ. ¹⁴ В. доб. „ѣ“. ¹⁵ В. грамоты ѿ. ¹⁶ В. акїра. ¹⁷ В. нѣтъ. ¹⁸ X. твѣѣ. ¹⁹ X. грамоты. *—²⁰ В. опускаетъ всю фразу. ²¹ В. ѣ зане же. ^{21—22} В. ала ѣсмн. ²³ В. нѣтъ. ²⁴ В. твѣѣ, X. на тѣ. ²⁵ В. X. рѣчи. ²⁶ В. нѣтъ. ²⁷ В. акїра. ²⁸ В. възвыси, X. възвыси. ²⁹ В. възвеличнѣ [такъ], X. възвеличнѣ. ³⁰ В. доб. „вѣѣ чѣкъ. ³¹ В. велиможнѣ. *—³² В. нѣтъ. ³³ X. виждѣ. ³⁴ В. ти.

^a а передѣлано изъ з.

и онъ прочелъ ихъ передъ царемъ;

49. и когда мой государь царь
услышалъ ихъ,

онъ горько заплакалъ и сказалъ:

50. „О Боже, въ чемъ я согрѣ-
шилъ противъ Ахидара,

чтобы онъ поступалъ со мною такимъ
образомъ?“

51.

52.

53.

54.

и прочелъ его царю Санхерибу.

49. Когда царь узналъ содержаніе
письма,

онъ совсѣмъ вышелъ изъ себя,
очень огорчился и воскликнулъ:

50. „Мой Боже! въ чемъ я согрѣ-
шилъ противъ Хивара,
что онъ пишетъ эти строки Фараону,
египетскому царю, моему врагу и
ненавистнику,

что онъ такъ отплачиваетъ мнѣ?“

51.

52.

53.

54.

которомъ] онъ уподобилъ свой почеркъ моему почерку, онъ взялъ, и прочелъ письмо, которое онъ самъ запечаталъ, передъ царемъ.

49. И когда царь услышалъ это,

онъ былъ очень огорченъ, и сказалъ:

50. „Какое зло я сдѣлалъ Кикару,

что онъ поступилъ такъ со мной?“

51. И одновременно Натанъ написалъ по приказанію царя письмо такъ задуманное:

52. „Когда ты прочтешь это письмо, ты долженъ собрать твои войска,

53. и притти въ долину Орловъ въ 25-й день мѣсяца Грогица.

54. И когда ты увидишь меня, ты выступишь въ боевой порядокъ противъ меня.

надежнымъ людямъ царя, и они дали его владыкѣ; и владыка далъ его Натану и сказалъ: „читай“.

И Натанъ прочелъ его передъ царемъ.

И царь былъ плачевно встревоженъ, и спросилъ тѣхъ, которые дали ему письмо: „Кто далъ въ ваши руки это письмо?“ И Натанъ подкупилъ ихъ, они отвѣчали единодушно, говоря: „Путники, которые шли въ Египеть. Они имѣли письмо, и мы твои слуги нашли ихъ и схватили ихъ силою. И когда мы спросили ихъ: «откуда вы?» они отвѣчали: «Мы урожденные рабы Кикара».“

49. И царь былъ обезпкоенъ и сказалъ вѣрнымъ людямъ: 50. „Какое зло сдѣлалъ я Кикару, что онъ прикупилъ такую сѣть противъ меня? Почему воздалъ онъ зломъ за добро?“

и¹ се рекъ, вѣд² црѣн грамоты³.

49. и⁴ ако слыша црѣ,

и⁵ велии ѿскорбѣ⁶ и⁷ рѣ:

50. „Гн бѣ! коѣ зло створи акирови,⁸

да велико зло помысли на ма и на црѣтко моѣ⁹“

51.

52.

53.

54.

¹ В. нѣтъ. ² В. и да, X. влд. ³ X. грамо. тѣ. ⁴ В. нѣтъ. ⁵ В. X. нѣтъ. ^{6—8} В. ѿс. корби вѣл'ми. ⁷ В. ѿвѣщавъ. ⁸ В. и зъ и кѣ. рови.

55.

56.

57. И мой сынъ Наданъ отвѣчалъ и сказалъ царю:

58. „Мой государь, не безповойся и не гнѣвайся.

Встань, и пойдемъ въ долину Орловъ, въ день, который написанъ имъ въ письмѣ.

59. И если это правда,

то все, что ты приважешь, будетъ сдѣлано“.

60.

61. Тогда мой сынъ Наданъ взялъ царя моего государя, и они пришли во мнѣ въ долину Орловъ:

62. и они нашли меня имѣющаго съ собой большія силы, которыя были собраны тутъ.

63. И когда я увидѣлъ царя,

я выстроилъ мои войска противъ него.

55.

56.

57. Тогда Наданъ сказалъ царю Санхерибу:

58. „Не печалься,

но собирайся съ нами, и мы отправимся въ Орлиную долину въ день, который онъ назначилъ въ своемъ письмѣ.

59. Тогда мы непременно узнаемъ, вѣрно ли извѣстіе или нѣтъ“.

60.

61. Царь Санхерибъ и мой сынъ Наданъ отправились также въ Орлиную долину

62. и нашли тамъ меня и [15] собранное вокругъ меня войско.

63. Когда же я, Хиваръ, замѣтилъ ихъ и увидѣлъ, что они приближаются и уже вблизи насъ, я сдѣлалъ,

55. Ибо послы Фараона пришли
во мнѣ видѣть мои войска“.

56. Онъ послалъ письмо во мнѣ,
а самъ пошелъ къ царю.

57. Онъ стоялъ передъ царемъ и
говорилъ:

58. „Не огорчайся, правитель;

но поидемъ въ долину Орловъ

59. и дай намъ увидѣть, таеъ ли
это.

Тогда, что прикажешь, будетъ сдѣ-
лано“.

60.

61. И Сенежеримъ взялъ свое
войско и пошелъ въ долину Орловъ,

62. и нашелъ меня съ моимъ вой-
скомъ;

63.

и я выстроилъ мои силы противъ
него,

57. Нафанъ отвѣчалъ и сказалъ:
58. „Не тревожься, могуществен-
ный царь!

Но поидемъ въ долину Орловъ,
какъ написано въ письмѣ;

59. и увидимъ, таеъ ли это,
тогда отдай свои приказанія.“

61. И Нафанъ взялъ царя
и пошелъ въ равнину Орловъ.

63. Но я Киваръ когда узналъ объ
отбытіи царя, то приготовилъ мои
силы и выставилъ противъ него,

55.

56.

57. ѡбѣща¹ ѡмѣ² ѡ[на]данн³ рѣ⁴:

58. „црѣю мой⁵,

что то⁶ ѡсть. да ѡклеветанн^{7а} бѣ-
детъ;

но⁸ мѣа двгѣста [X. доб.: в кѣ⁸]
*дабы шел⁹ на поле ѡгѣпетскоѣ¹⁰;

59. тогда бн¹¹ оувиднн¹² б, дще¹³
ѡсть истинна¹⁴.

60. н¹⁵ послѣша црѣ сѣа моѡго¹⁶

61. [В. доб.: прн[д]е црѣ¹⁷ на поле
*ѡгѣпетскоѣ. [н]¹⁸ сѣа мой] ѡна-
данн бѣ¹⁹ со црѣ¹⁹.

62.

63. н²⁰ ѡко оуѡрѣх²¹ црѣа
прнблнжанцаа,

н²⁰ оуѡготовах²⁰ воа ѡко²⁰ вх днѣ
бранн

¹ X. нѣтъ. ² В. X. нѣтъ. ³ В. X.
ѡданнн. ⁴ В. нѣтъ. ^{4—5} X. ѣн мой црѣю.
⁶ В. нѣтъ. ⁷ В. клеветанн. ⁸ В. нѣтъ.
*—⁹ X. да наешн. ¹⁰ В. ѡгѣпетскоѣ, X.
ѡгѣпетскоѣ. ¹¹ В. бн, X. нѣтъ. ¹² В. шѣ
да видѣах бн, X. ѡбѣщн. ¹³ В. нко.
^{13—14} В. истинна, X. истинна ѣ. ¹⁵ В. X.
нѣтъ. ¹⁶ доб. В. ѡданнн, X. ѡданнн.
^{16—17} X. н прннде. *—¹⁸ X. ѡгѣпетскоѣ н.
¹⁹ В. нѣтъ. ²⁰ В. нѣтъ. ²¹ В. вхрѣѣ.

* к изъ с. ⁶ въ ркспн передъ а не
то н, не то а.

КАКЪ БЫЛО НАПИСАНО ВЪ ПИСЬМѢ.

64. И когда царь увидѣлъ это,
онъ былъ очень испуганъ.

65.

66.

67. Тогда мой сынъ Наданъ отвѣ-
чалъ и сказалъ ему:

68.

69. „Пусть это не смущаетъ тебя,
мой государь царь.

Воротись и поди въ свою комнату
съ миромъ:

70.

КАКЪ ОНЪ НАПИСАЛЪ ВЪ ПИСЬМѢ И
приказалъ мнѣ,

и построилъ войско и оставилъ его
такъ, чтобы оно дало ему сраженіе.

64. Когда мой государь, царь Сан-
херибъ увидѣлъ, что я это дѣлаю,
онъ пришелъ въ большой страхъ
предо мной

*и подумалъ, что я возсталъ про-
тивъ него и завелъ интригу, и ему
стало ясно, что между мной и моими
врагами состоялось соглашеніе¹.

65. Я напротивъ того не зналъ
хитрости, какую противъ меня затѣ-
ялъ и выдумалъ Наданъ.

66.

67. Тогда Наданъ сказалъ царю:

68. „Я зналъ, что извѣстіе было
вполнѣ вѣрно;

69. но не печалься объ этомъ,

а возвращайся въ свой дворецъ и
къ управленію и не бойся;

70.

*—¹ Вторая араб. ред. оп..

КАКЪ ОНЪ ПОВЕЛѢЛЪ.

64. Когда царь увидалъ это,
онъ былъ очень огорченъ.

65.

66.

67. Натанъ сталъ говорить и сѣз-
залъ:

68.

69. „Не огорчайся, царь,
но веди насъ домой.

70.

по реченом¹ писанью.

64.

65. и² н³ вѣдахъ,⁴ ако еихъ мой
анаданъ⁵ подо мною ровъ копаѣтъ⁶.

66. ако оузрѣ⁸ ма црѣ с вон
оуготовишваса⁹,
великимъ страхомъ ѡбѣса¹⁰
и¹¹ рѣ, ако вса гланиа анадано
истина¹² естъ¹³.

67. и¹⁴ ѡвѣща анаданъ¹⁵:

68. „и¹⁶ мой црѣ, се уже виднахъ
еси своиа ѡчима, еже створи ѡць
мой акирь,

69.

и¹⁷ уже взвративса¹⁸ ѡтюдъ¹⁹.

70. азъ идѣ кх црѣ [В. X. ѡцѣ]
моимъ акиревн²¹ и²² развѣщанъ²³
мысль его здѣ²⁴, и распушѣ коѣ²⁵,

какъ было написано въ письмѣ по
приказу царя.

64. Когда царь увидалъ мои силы,
онъ былъ очень встревоженъ.

¹ X. попо реченом^v. ² В. нѣтъ. ³ В. X. не. ⁴ В. вѣдахъ, X. вѣдѣ. ⁵ X. нѣтъ. ^{6—8} В. ровъ копаѣтъ подо мною. ⁷ X. доб. „и“. ⁸ В. вззрѣ. ⁹ В. оуготовав. шаса, X. зготовившаса. ¹⁰ В. оубоиваса, X. збояся. ¹¹ В. нѣтъ. ¹² В. X. истина. ¹³ В. етъ. ¹⁴ В. нѣтъ. ¹⁵ В. X. анаданъ, дагѣ В. доб. рече. ¹⁶ В. гнѣ. ¹⁷ В. нѣтъ. ¹⁸ В. X. взвративса. ¹⁹ В. ѡс[ѣ]дѣ, X. ѡтюдъ. ²⁰ X. доб. „и“. ²¹ В. акирѣ, X. нѣтъ. ²² В. нѣтъ. ²³ X. развѣю. ^{24—25} В. всю здѣю мысль его. ²⁵ X. доб. иго. ^{24—25} В. нѣтъ.

и я приведу Ахикара передъ тебя“.

71.

72.

73.

74. Тогда мой государь царь вернулся въ свой домъ.

75. И мой сынъ Наданъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ:

76.

77.

78. „Все, что ты сдѣлалъ, ты сдѣлалъ тонко:

и царь тебя очень хвалилъ;

я приведу тебѣ Хикара,

закованнаго и въ цѣпяхъ,

71. Куда долженъ онъ притти къ тебѣ и [чтобы] его глаза увидѣли тебя? (!)¹

72.

73.

74. Затѣмъ царь Санхерибъ печальный и огорченный вернулся домой,

75. а мой сынъ Наданъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ:

76.

77.

78.

„Царь очень доволенъ тобой, хвалить и превозносить тебя,

¹ Весь § 71 вторая араб. ред. оп..

И я приведу отца моего Кияра предъ тебя“.

71.

72.

73. Царь сказалъ Натану:

„Если ты приведешь Кияра предъ меня, я дамъ тебѣ очень большіе дары и я вручу тебѣ довѣренность во всѣхъ моихъ дѣлахъ. И всѣ дѣла моего царства будутъ дѣлаться тобой съ ловкостью“.

74. И царь вернулся въ свой дворецъ,

75. и Натанъ, сынъ моей сестры, пришелъ ко мнѣ и сказалъ:

76.

77. „Царь Сенежеримъ послалъ меня къ тебѣ и говорить:

78.

73. Царь сказалъ:

„Если ты приведешь Кияра предъ меня, большіе подарки дамъ я тебѣ, и всѣ царскія дѣла будутъ исполняться тобою; ибо ты оказался вѣрнымъ слугою предо мною.“

74. И царь пошелъ назадъ въ свой дворецъ.

75. И Натанъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ:

76. „Мой отецъ Кияръ, очень славнымъ и пріятнымъ показалось царю это приведеніе кавалеріи въ боевой порядокъ.“

77. Поэтому онъ послалъ меня къ тебѣ и сказалъ:

78. „Все, что ты сдѣлалъ, ты сдѣлалъ хорошо и мудро.“

и¹ самого, оубѣщавъ² добрыми словесы, приидѣ [В. X. приведѣ]³ к тебѣ⁴.

71.

72. и⁵ тогда *сѣдшіи ѓмѣ⁶ противѣ⁷ дѣломъ ѓго“.

73.

74. Обращающіи⁸ црѣи⁹,

75. и¹⁰ се¹¹ снхъ мой анданъ¹² приидѣ¹² ко мнѣ, *и человекъ¹³ ма, и рѣ¹⁴:

76. „Здравъ бѣ“, оцѣ [В. X. ѡче] акире¹⁴!

77. Се црѣ мой¹⁵ прислалъ ма¹⁶ к тебѣ и¹⁷ рекаъ ти¹⁸:

78.

„благенъ бѣ“, акире¹⁹, ако оугоди мнѣ²⁰ въ днѣшніи²¹ днѣ

¹ В. а. ² В. оубѣщаю. ³ X. доб. и. ⁴ X. текѣ. ⁵ В. нѣтъ. *—⁶ В. сѣди. ⁷ В. X. „по“. ⁸ В. и сѣ обращающаеа, X. и егда обращающаеа. ⁹ X. црѣ. ¹⁰ В. X. нѣтъ. ¹¹ X. приидѣ. ¹² X. нѣтъ. *—¹³ В. поцелова. ¹⁴ В. мой. ¹⁵ В. X. нѣтъ. ¹⁶—¹⁸ В. ма посла, X. присла мя. ¹⁷ В. нѣтъ. ¹⁸ В. доб. „естъ“. ¹⁹ В. акире. ²⁰ В. ми. ²¹ В. нынѣшніи. Дальнѣйшіе листки (не перебитой) рукописи Вахрамѣева утрачены, и поэтому далѣе варианты подводятся только изъ реп. Хлудова.

* а, стоящее за а, похоже на о.

79.

80.

81. и онъ привязываетъ тебѣ рас-
пустить твои силы, чтобы каждый
могъ идти къ своему мѣсту и къ
своей области.

А ты самъ одинъ приходи ко мнѣ“.
[69]

82.

Тогда я пошелъ къ царю,

83. и когда онъ увидѣлъ меня,
онъ сказалъ мнѣ:

84. „Пришелъ ты, Ахицаръ, мой
секретарь и питомецъ Ассиріи и Ни-
невіи,

котораго я возвысилъ до почестей?

85. но ты повернулъ спину

и принялъ сторону моихъ враговъ“.

86. И онъ далъ мнѣ тѣ письма,
которые были написаны отъ моего
имени

и были запечатаны печатью моего
собственнаго перстня.

такъ какъ ты исполнилъ то, что онъ
приказалъ тебѣ въ своемъ письмѣ.

79.

80. Теперь онъ прислалъ меня къ
тебѣ,

81.

чтобы ты и я одни явились къ нему.

Распусти также войско и отпусти
каждаго съ миромъ домой!“¹

82. Тогда распустилъ я войско,
и я и мой сынъ Наданъ пришли
къ царю, и я поклонился ему.

83. Когда царь [15] увидѣлъ меня,
онъ сказалъ мнѣ:

84. „Ты пришелъ, Хиваръ, мой
секретарь и правитель моего госу-
дарства,

ты, который былъ мнѣ другомъ

и которому я далъ отставку, чтобы
ты наслаждался побоемъ:

85. и теперь ты выступилъ про-
тивъ меня

и принялъ сторону моихъ враговъ!“

86. Тутъ онъ вынулъ письма,
которые мой сынъ Наданъ напи-
салъ моимъ языкомъ и моимъ почер-
комъ

и запечаталъ моею печатью,

и далъ ихъ мнѣ.

¹ § 81 по Карш. (Сад., Сальг.,
Агуб.): „А теперь онъ прислалъ
меня къ тебѣ, чтобы ты распустилъ
солдатъ къ выходу ихъ тропинокъ и
пришелъ самъ къ нему“.

79.

80.

81.

Иди ко мнѣ
и будемъ веселиться вмѣстѣ“.

82.

И когда я пришелъ,

83. царь сказалъ мнѣ:

84. „Князь, секретарь и мудрецъ,
ты былъ мой канцлеръ и правитель,
и давалъ приказы дома азоровъ
и ниневитовъ;

85.

и ты перешелъ на сторону моихъ
враговъ“.

86. И то письмо,
которое Натанъ написалъ моими
словами и сдѣлалъ похожимъ въ
немъ свой почеркъ на мой почеркъ,

царь далъ мнѣ и сказалъ: „Возьми
и читай“.

81. И такъ дай приказаніе твоимъ
силамъ идти на ихъ мѣсто, а ты при-
ходи и повеселимся вмѣстѣ“.

^a Вен. опускаетъ „моими“.

и прѣстави въ¹ моѣ, ако тѣ бѣ
велѣлъ².

79. и се възвеличнхса прѣ послы
фараѡновы³.

80.

81. [Сол. доб.: и оуже распустѣи вол].

и гдѣ ко мнѣ придѣ“.

82. и по ренію распустѣи⁴ вол
и ндохъ съ сномъ своимъ анаданомъ
къ црѣи.

83. ⁵узрѣ ма [97 об.] црѣ и рѣ:

84. „приде ли, акире, свѣтннице
моѣ,⁶ книгичѣ моѣ?“

дсх⁸ та бѣхъ⁹ възвыснх¹⁰ въ чтѣ и
въ¹¹ славу,

85.

ты же въздкнже рать на ма.“

86. и, се рекхъ, вѣда ми грамотѣ.
и виднхъ,¹² ако¹³ (по) подобно¹⁴ моѣму
писаннѣ^a [X. писаннѣ]

и печатано мѡи¹⁵ перстнемъ.¹⁶

¹ вол. ² повелѣлъ. ³ фараѡновы. ⁴ распустѣи. ⁵ доб. j. ⁶ доб. и. ^{6—7} книгичи. ⁸ д. ⁹ возвеличн и. ¹⁰ въвысн. ¹¹ нѣтъ. ¹² видѣхъ. ¹³ нѣтъ. ¹⁴ подобно. ¹⁵ моѣ. ¹⁶ доб. „и“.

^a можно прочесть также писаннѣ

87. И когда я прочелъ ихъ,
мой языкъ замялся
и мои члены ослабѣли:

88. и я исказилъ одно только слово
изъ словъ мудрости
и я не нашелъ ни одного.

89. И мой сынъ Наданъ отвѣчалъ
и связалъ мнѣ:

90. „Прочь ты съ царскаго лица,
ты глупый старикъ:

91.

92. дай твои руки для узъ
и твои ноги для желѣзныхъ оковъ“.

93. Тогда Сеннахерибъ царь от-
вернулъ свое лицо отъ меня
и говорилъ онъ съ Набусема-
хномъ...¹ и сказалъ ему:

94. „Встань, иди убить Ахикара,
и отдѣли его голову на сто локтей
отъ его тѣла“.

¹ Въ ркпс: „Yabusemakh Meskin Kapti“, что, по мнѣнiю Гарриса, является ошибкой вмѣсто „Набусемахъ палачъ, мой товарищъ (Kenothi).“

87. Когда я прочелъ ихъ,
я покраснѣлъ, мои члены ослабѣли,
я началъ дрожать, пришелъ въ
страхъ,
и мой языкъ парализовался.

88. Я хотѣлъ сказать слово изъ
словъ знанiя и мудрости,
но не могъ.

89. Тогда Наданъ закричалъ на
меня и связалъ мнѣ:

90. „Держись далеко отъ царя, ты
глупый старикъ!

91.

92. Пусть закуютъ въ оковы твои
руки и свяжутъ твои ноги“.

И онъ заковалъ меня въ цѣпи и
связалъ,

93. а царь отвернулъ свое лицо
отъ меня и сердился на меня.

Затѣмъ онъ сказалъ палачу:

94. „Встань, иди и казни его у
воротъ его дома и его голову отнеси
отъ туловища на сто локтей“.

III.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Н. Серебрянскій.

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ
ВЪ
ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛѢ

съ критико-библиографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ
по исторіи Псковскаго монашества.

Въ предлагаемыхъ «Очеркахъ» читатель не найдетъ ни полной исторіи псковскаго монашества, ни справочныхъ, историко-археологическихъ и статистическихъ, указаній о всѣхъ существовавшихъ когда-либо въ Псковской области монастыряхъ, такъ какъ удовлетвореніе подобнымъ требованіямъ не входило въ задачу моего изслѣдованія. Последнюю я понималъ нѣсколько иначе. Въ своей книгѣ я старался представить по возможности обстоятельное и отчетливое разъясненіе основныхъ вопросовъ во внутренней исторіи псковскаго монашества и разсмотрѣть эти вопросы въ связи съ тѣми направленіями въ русской монастырской жизни, которыя хронологически совпадаютъ съ описываемыми событіями изъ жизни монашества псковскаго, и въ связи съ общими условіями псковской церковной и общественной жизни. Такимъ путемъ я хотѣлъ установить, что новаго даетъ исторія псковскаго монашества, въ какой степени она пополняетъ собою страницы исторіи русскаго монашества вообще, и одновременно съ этимъ объяснить причины особенностей въ мѣстной монастырской жизни.

Но поставивъ себѣ цѣлю дать сравнительное изложеніе изучаемаго мною предмета, я нерѣдко ограничивалъ рамки сравнительнаго изученія. Когда памятники псковской монастырской исторіи представлялись сами по себѣ достаточно полными и подробными, когда они на тотъ или другой вопросъ давали обстоятельный и совершенно ясный отвѣтъ, я не обращался къ стороннимъ источникамъ. Не пользовался я послѣдними и въ тѣхъ случаяхъ, когда для извѣстій сторонняго памятника, хотя бы и очень цѣнныхъ, нельзя было найти никакихъ соотвѣтствующихъ данныхъ въ памятникахъ мѣстныхъ. Дѣлать аналогичные выводы, основываясь исключительно на стороннихъ извѣстіяхъ и не имѣя никакихъ данныхъ за или противъ этихъ выводовъ въ мѣстныхъ памятникахъ, я не считалъ нужнымъ и полезнымъ для дѣла. Къ сто-

ронному источнику я обращался лишь тогда, когда въ памятникахъ псковской монастырской исторіи не находилъ вполне исчерпывающаго вопросъ отвѣта.

Неполнота сравнительнаго изученія предмета въ значительной степени объясняется, затѣмъ, и недостаточностію разработки исторіи какъ русскаго монашества вообще, такъ псковскаго въ частности. Не всѣ страницы въ исторіи древне-русскаго монашества разъяснены съ достаточною полнотою и обстоятельностью, не мало остается вопросовъ спорныхъ и даже совсѣмъ не разъясненныхъ; сравнительное же изученіе монашества древне-русскаго и восточнаго,—къ которому по многимъ вопросамъ долженъ обращаться историкъ древне-русской монастырской жизни,—произведено еще не въ такомъ видѣ, чтобы легко было дѣлать частные выводы и частныя сопоставленія. Какъ убѣдится читатель изъ помѣщаемаго во введеніи критико-библіографическаго обзора научной литературы по исторіи псковскаго монашества, и въ послѣдней сдѣлано до сихъ поръ не очень много. Приходилось, отсюда, ограничивать размѣры сравнительнаго изученія предмета и въ тѣхъ видахъ, чтобы подробнѣе использовать мало изученный матеріалъ мѣстныхъ памятниковъ. Наконецъ, приходилось ограничивать и самое изложеніе исторіи псковскаго монашества. Недостаточное изслѣдованіе предыдущими историками памятниковъ мѣстной монастырской исторіи побудило меня, быть можетъ, подробнѣе, чѣмъ это требуется для спеціальной цѣли моего труда, остановиться не только на оцѣнкѣ историческаго значенія того или другаго памятника, но и на разъясненіи литературной исторіи каждаго изъ нихъ. Посвящая почти половину своей книги этой работѣ, я исходилъ въ данномъ случаѣ изъ того убѣжденія, что научное изслѣдованіе и изданіе памятниковъ псковской монастырской письменности едва-ли не полезнѣе будетъ для науки, чѣмъ самое изложеніе исторіи мѣстной монастырской жизни.

Въ числѣ недостатковъ изслѣдованія могутъ быть указаны: отсутствіе хронологическихъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ излагается изучаемый предметъ, и нарушеніе плана во второмъ очеркѣ, въ изслѣдованіи иноческаго устава преп. Евфросина. Первый пробѣлъ допущенъ намѣренно, второй—совершенно случайно. Предѣльнымъ пунктомъ изслѣдованія является конецъ XVI в., время учрежденія въ Псковѣ самостоятельной епархіи. Но почти во всѣхъ отдѣлахъ своей работы я пользуюсь и памятниками позд-

нѣйшими, XVII, иногда XVIII в.,—особенно въ очеркахъ о монастырскомъ богослуженіи и о хозяйственномъ бытѣ псковскихъ монастырей. Этотъ формальный недочетъ обусловливается нѣкоторыми особенностями въ планѣ моей работы. Такъ какъ я ставилъ для себя цѣлю, чтобы каждый очеркъ въ моемъ изслѣдованіи представлялъ собою, по возможности, законченное цѣлое, то пользованіе позднѣйшими источниками являлось иногда прямо неизбѣжнымъ, иначе пришлось бы обрывать рѣчь на половинѣ.

Изслѣдованіе иноческаго устава преп. Евфросина правильнѣе было бы помѣстить во введеніи. Причиною нарушенія плана въ этомъ случаѣ были слѣдующія обстоятельства. По первоначальному плану предполагалось использовать уставъ преп. Евфросина лишь какъ историческій памятникъ, рассмотретьъ, что новаго вносилъ въ русскую монастырскую жизнь преподобный своими требованіями. Для выясненія этого я пытался изложить взгляды древне-русскихъ подвижниковъ и высшей власти на монашескую жизнь и тѣ порядки, которые они старались установить въ русскихъ монастыряхъ,—какъ объ этомъ можно судить по житіямъ святыхъ и по грамотамъ и посланіямъ въ монастыри высшей власти. Въ такомъ видѣ рѣчь объ уставѣ Евфросина во второмъ очеркѣ являлась вполне умѣстной. Но сдѣланныя въ этомъ направленіи наблюденія не удовлетворили меня, и, зачеркнувъ эту часть въ своей работѣ, я замѣнилъ ее изслѣдованіемъ литературной исторіи Евфросинова устава. Послѣднее было произведено уже послѣ напечатанія введенія и при томъ—въ два приѣма. Первоначально я изслѣдовалъ источники устава по печатнымъ изданіямъ, позднѣе, послѣ напечатанія второго очерка, я имѣлъ возможность произвести это сравненіе по рукописнымъ спискамъ и кое-что дополнить. Результаты этой второй работы помѣщены въ приложеніяхъ, при изданіи текста памятника. Въ общемъ они подтвердили всѣ сдѣланныя въ изслѣдованіи объ уставѣ выводы и, кажется, дали возможность обосновать кое-что и изъ того, что при изслѣдованіи пришлось высказать лишь предположительно.

Въ работѣ мѣстнаго изслѣдователя читатель естественно ожидаетъ встрѣтить широкое пользованіе памятниками мѣстныхъ, въ частности монастырскихъ книгохранилищъ. Насколько могъ, я старался удовлетворить этому требованію: знакомился съ монастырскими бібліотеками и сохранившимися древностями приходскихъ церквей—прежнихъ монастырей. Но результаты этихъ изысканій

получились въ общемъ незначительные. Новые документы, заимствованные изъ монастырскихъ библиотекъ, не очень цѣнны въ научномъ отношеніи. Монастырскіе списки памятниковъ по своему достоинству ниже списковъ этихъ же памятниковъ, хранящихся въ библиотекахъ столичныхъ, и моложе ихъ по времени написанія. Причины недостатка въ мѣстныхъ книгохранилищахъ матеріаловъ по древнѣйшей исторіи Пскова разъяснены мною въ особой статьѣ: «Къ вопросу объ изученіи псковскихъ древностей во второй половинѣ XIX в.» (Псковъ, 1902 г.).

Н. Серебрянскій.

Псковъ.

14 ноября 1908 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Критико-библіографическій обзоръ научной литературы и источниковъ по исторіи Псковскаго монашества.

Въ каждомъ историческомъ изслѣдованіи для правильной его постановки, а равно и для оцѣнки его научнаго значенія, существенную важность имѣетъ предварительное, по возможности объективное, выясненіе слѣдующихъ двухъ вопросовъ: 1) располагаетъ ли авторъ достаточнымъ историческимъ матеріаломъ по избранному имъ предмету и 2) насколько самый предметъ его работы изслѣдованъ въ предыдущей ученой литературѣ. Необходимость выясненія этихъ вопросовъ понятна сама собою. Если нѣтъ достаточнаго историческаго матеріала, то нѣтъ и условій, оправдывающихъ появленіе новой книги. Исторія, какъ и всякая наука, не можетъ существовать при однѣхъ гипотезахъ, не опирающихся на достаточное количество фактовъ. По каждому вопросу она требуетъ прежде всего фактовъ и больше всего такихъ, которые бы сами говорили за себя, были бы ясны для всѣхъ и каждаго, не допускали бы неодинаковаго пониманія, разнорѣчивыхъ объясненій. Къ установленію такихъ новыхъ фактовъ долженъ стремиться каждый изслѣдователь, и наличность ихъ въ его трудѣ составляетъ наибольшую его научную цѣнность. Наоборотъ, если нѣтъ возможности и надежды дать что-либо новое для науки, то нѣтъ и основаній для появленія новаго историческаго труда. Какъ бы ни былъ интересенъ самъ по себѣ предметъ изслѣдованія, какъ бы ни были велики внѣшнія достоинства работы, какою бы логичностію ни отличались предположенія автора,—все это, при недостаткѣ строго фактическихъ выводовъ, не сдѣлаетъ новое изслѣдованіе цѣннымъ приобрѣтеніемъ для исторической науки. Въ работѣ же, имѣющей своимъ предметомъ вопросъ частный, мѣстный и потому не очень крупный и занимательный,—въ родѣ избраннаго нами,—удовлетвореніе указанному сейчасъ требованію новизны фактическихъ данныхъ является единственнымъ оправданіемъ ея появленія и вмѣстѣ съ тѣмъ единственною гарантіею, чтобы новая книга въ ряду другихъ историческихъ изслѣдованій не представила собою ненужнаго ученаго балласта и чтобы не испытала обидной для ея автора будущности—забвенія или даже невниманія.

Возможность новых данных въ работѣ обусловливается многими обстоятельствами. Иногда она зависитъ отъ случайныхъ благопріятныхъ для автора обстоятельствъ, часто отъ личныхъ качествъ изслѣдователя, но больше всего отъ того, въ какой степени разработанъ въ наукѣ предметъ новаго изслѣдованія. Само собою понятно, что если избранный авторомъ предметъ изслѣдованія достаточно уже разработанъ, если не только приведенъ въ извѣстность, но и критически изслѣдованъ и использованъ относящейся къ темѣ исторической матеріалъ, то новая попытка обзорѣнія стараго вопроса неизбежно сведется или къ систематизаціи связаннаго раньше и подновленію забытаго, или даже просто къ повторенію стараго, общеизвѣстнаго. Для оцѣнки новаго труда единственнымъ критеріемъ будутъ служить опять его внѣшнія, формальныя достоинства, тогда какъ главный смыслъ работы—цѣнность ея фактическихъ выводовъ. *Mater studiorum repetitia* ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа и *mater litterarum*; и вопреки пословицъ: ново то, что давно позабыто,—забытое въ наукѣ, конечно, не новое. Но не все и новое бываетъ цѣнно для науки, и не всякое новое объясненіе историческихъ фактовъ представляетъ собою шагъ впередъ. Нерѣдко устанавливаются новые факты, не имѣющіе въ сущности никакой цѣнности для науки; еще чаще высказываются новыя гипотезы для объясненія стараго, убѣдительность которыхъ очевидна только для самихъ авторовъ ихъ. Въ работѣ, посвященной исторіи мѣстной старины, подобныя недоразумѣнія и преувеличенія въ особенности возможны,—почти неизбежны, такъ какъ авторъ, увлеченный своимъ предметомъ, при субъективной мѣрѣ, легко можетъ признать существенно важнымъ и новымъ то, что читателю его книги, оцѣнивающему ее съ болѣе широкой научной точки зрѣнія, вовсе не покажется такимъ. Опасаясь подобнаго недоразумѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ желая точнѣе выяснить смыслъ появленія нашего труда, мы и считаемъ нужнымъ прежде всего дать полную и по возможности объективную оцѣнку того, что сдѣлано было въ предшествующихъ изслѣдованіяхъ по исторіи псковскаго монашества и что можно было бы сдѣлать на основаніи имѣющагося историческаго матеріала.

Исторія псковскаго монашества въ исторической наукѣ не представляетъ собою отдѣла, совершенно не разработаннаго, въ которомъ все нужно начинать сначала. Напротивъ, по количеству имѣющихся историческихъ сочиненій о псковскомъ монашествѣ можно заключить, что въ этомъ отдѣлѣ сдѣлано уже многое, и что задача новаго изслѣдованія значительно упрощается. Прежде всего, имѣется пѣлый рядъ историческихъ сочиненій, посвященныхъ общимъ историческимъ судьбамъ Пскова и принадлежащихъ такимъ замѣчательнымъ ученымъ, какъ м. Евгеній Болховитиновъ, профессора: Костомаровъ, Бѣляевъ, Никитскій и др. Въ эти работы должна, конечно, была входить, какъ часть одного цѣлага, и исторія псковскаго монашества. Значить, на долю спеціальнаго историка о монашествѣ остается лишь выдѣлать его исторію въ самостоятельное

цѣлое. Но и это уже сдѣлано—частію митрополитомъ Евгеніемъ, въ его Исторіи княжества псковскаго и въ отдѣльныхъ описаніяхъ псковскихъ монастырей, частію другими изслѣдователями, которые своими описаніями пополняли описанія Евгенія. Таковы: арх. Аполлосъ, іер. Іосифъ, Василевъ, Пановъ, Миротворцевъ. Болѣе того, имѣются ученые работы, посвященныя отдѣльнымъ личностямъ изъ псковскаго монашества, наприм., проф. В. О. Ключевскаго, Е. Е. Голубинскаго—объ Евфросинѣ, В. Н. Малинина—объ елсазар. старцѣ Филоеѣ. Исторія псковскаго монашества включена и въ общую исторію монашества русскаго въ трудахъ арх. Амвросія Орнатскаго, Филарета Черниговскаго, м. Макарія.

Затѣмъ, уже то обстоятельство, что существуютъ отдѣльныя описанія монастырей псковскихъ, иногда по объему представляющія собою книжки довольно обширныя, и что жизнь и литературная дѣятельность одного псковскаго монаха (Филоея) дала матеріалъ для обширнаго (болѣе, чѣмъ въ 700 стр.) спеціальнаго изслѣдованія, доставившаго автору ученую степень доктора русской словесности,—все это даетъ право предположить, что и со стороны историческихъ матеріаловъ дѣло обстоитъ вполне благополучно; они могутъ удовлетворить собою не одного изслѣдователя, а очень многихъ, какія бы цѣли ни ставили послѣдніе... И дѣйствительно, стоитъ сдѣлать бѣглый перечень историческихъ источниковъ о псковскомъ монашествѣ, чтобы понятно было, какимъ достаточнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ можетъ располагать изслѣдователь. Кромѣ общихъ источниковъ, каковыми являются двѣ псковскихъ лѣтописи и отчасти псковская Судная Грамота, въ распоряженіи изслѣдователя могутъ быть: повѣсти: а) объ основаніи монастырей и б) о явленіи иконъ въ связи съ исторіей основанія монастыря, житія подвижниковъ, иноческій и богослужебный уставы, кормовая книга, синодики, посланія въ монастыри высшей власти, посланія самихъ псковскихъ монаховъ, духовное завѣщаніе и, наконецъ, цѣлый рядъ изданныхъ и рукописныхъ актовъ преимущественно о хозяйственномъ бытѣ мѣстныхъ монастырей. Понятно, что при такихъ разнообразныхъ источникахъ исторія псковскаго монашества можетъ быть разсмотрѣна довольно разносторонне. Научная цѣнность перечисленныхъ источниковъ увеличивается еще и потому, что нѣкоторые изъ нихъ,—напр., повѣсти и житія святыхъ,—сохранились въ нѣсколькихъ редакціяхъ (двухъ-трехъ) или въ спискахъ, хотя и не представляющихъ собою отдѣльныхъ редакцій, но зато дополняющихъ и разъясняющихъ другъ друга. Все это даетъ возможность изслѣдователю сличать извѣстія однородныхъ памятниковъ, провѣрять ихъ показанія въ тѣхъ случаяхъ, когда они разнятся между собою или съ показаніями другихъ источниковъ о тѣхъ же самыхъ фактахъ, нерѣдко—установить первоисточникъ того или иного сообщенія, словомъ, произвести критическій обзоръ историческаго содержанія памятниковъ на болѣе или менѣе строго фактическия основахъ. Одновременно съ этимъ разнообразіемъ рукописныхъ списковъ дѣлаетъ возможнымъ и болѣе точное изслѣдованіе литературной исторіи мѣстныхъ памятниковъ. Послѣднее же, имѣя значеніе для цѣлей

исторію послѣдней, поскольку она возможна вообще для древне-русской областной письменности.

Другой вопросъ, насколько использованы въ исторической литературѣ о псковскомъ монашествѣ имѣющіеся письменные памятники, нужно-ли новое изслѣдованіе о мѣстной монастырской жизни и какой характеръ оно должно принять, чтобы не явилось лишь повтореніемъ извѣстнаго, ранѣе сказаннаго. Положительнымъ отвѣтомъ на вторую часть указаннаго вопроса служить самое появленіе нашей книги. Но желая и здѣсь быть по возможности объективнымъ, авторъ предпочитаетъ предложить вниманію читателя критическій обзоръ научной литературы о псковскомъ монашествѣ и самому читателю предоставляетъ сдѣлать выводъ, правильно ли авторъ понялъ задачу своей работы.

Едва-ли нужно подробно доказывать, что въ общихъ изслѣдованіяхъ по исторіи Пскова исторія монашества является недостаточно разъясненною. Изслѣдователей мѣстная политическая и церковная жизнь интересовала главнымъ образомъ со стороны тѣхъ ея особенностей, которыя объясняются мѣстными условіями этой жизни, и благодаря которымъ псковская исторія можетъ дополнять собою исторію обще-русскую. Это особенно нужно сказать о сочиненіяхъ Никитскаго: „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“, Спб. 1873 г., и Костомарова: „Сѣверно-русскія народоправства“, Спб. 1868 г., т. II. Такихъ особенностей меньше всего можно встрѣтить въ исторіи монастырской жизни, такъ какъ монашество по существу своему представляетъ наиболѣе консервативный институтъ, на который не только условія мѣстности, но и условія времени мало вліяютъ; измѣняются внѣшнія формы, но сущность дѣла остается та же. Количество страницъ, посвященныхъ въ упомянутыхъ изслѣдованіяхъ псковской монастырской жизни, подтверждаетъ высказанное предположеніе (у Никитскаго не болѣе 10 стр., у Костомарова 13 стр.). Очевидно оба изслѣдователя не нашли въ исторіи псковскаго монашества того, что для нихъ было нужно. Но что они искали этого, доказательствомъ могутъ служить хотя бы тѣ страницы въ сочиненіи Никитскаго, гдѣ онъ нѣтается опредѣлить внутренней строй мѣстной монастырской жизни по памятникамъ Снѣтогорскаго монастыря (стр. 233—5). Сдѣлавъ на основаніи снѣтогорской исторіи общій выводъ, что въ Псковѣ общежитіе не получило для себя полнаго развитія, было въ зачаточной формѣ, Никитскій въ другихъ случаяхъ, касаясь мѣстной монастырской жизни, почти не пользуется мѣстными монастырскими памятниками; свои замѣтки онъ основываетъ на указаніяхъ общихъ извѣстій о монашествѣ въ древней Руси и въ Византіи, примѣняетъ сказанное тамъ въ исторіи мѣстнаго монашества.

У Костомарова фактическая сторона свѣдѣній о псковскомъ монашествѣ поставлена лучше, чѣмъ у Никитскаго. Онъ упоминаетъ о большинствѣ псковскихъ монастырей, а о нѣкоторыхъ: Елезаровскомъ, Крыпецкомъ, Печерскомъ, дѣлаетъ даже болѣе или менѣе обстоятельныя замѣчанія (стр. 369—378). Но отвѣта на болѣе важный вопросъ: отличалась ли чѣмъ-нибудь псковская монастырская жизнь отъ новгородской, у него

нѣтъ, хотя этого отвѣта въ правѣ бы ожидать читатель, такъ какъ изслѣдованіе Костомарова своею цѣлю ставитъ не столько полный обзоръ исторіи сѣверно-русскаго народоправства, сколько выясненіе особенностей этого порядка въ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ. О внутреннемъ устройствѣ псковскихъ монастырей Костомаровъ ничего не говоритъ, если не считать краткой передачи содержанія уставной грамоты Свѣтогорскому монастырю арх. Діонисія, на стр. 381—382.

Болѣе разнообразныя извѣстія о псковскомъ монашествѣ находимъ въ III т. „Разказовъ изъ русской исторіи“ Бѣляева. Авторъ дѣлаетъ замѣчанія о распредѣленіи псковскихъ монастырей, вмѣстѣ съ приходскими церквами, по соборамъ (стр. 93), о вотчинномъ владѣніи монастырей (стр. 92), объ участи въ дѣлахъ монастырскаго хозяйства и внутренняго управленія выборныхъ мірскихъ старостъ (77—78, 92) и т. п.; даетъ и характеристику безпорядковъ въ монастырской жизни (78—79). Но и эти свѣдѣнія нельзя признать очень цѣнными, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ они не представляются даже и безошибочными. Причиною этого является отчасти самая цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ въ своихъ „Разказахъ“. Онъ имѣлъ въ виду дать популярно-научное изложеніе исторіи псковской жизни, а не специальное, подробное ея изслѣдованіе. Отсюда, отмѣчая ту или другую особенность въ мѣстной монастырской жизни, онъ не всегда входитъ въ подробности ея разъясненія. Такъ, напр., характеристика безпорядковъ въ монастырской жизни представляетъ собою просто перифразъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ посланій въ Свѣтогорскій монастырь архіепископа новгородскаго Симеона и митр. Фотія. Дѣлая подобный перифразъ, Бѣляевъ не всегда строго придерживается извѣстій этихъ памятниковъ, преувеличиваетъ ихъ показанія. Такъ, напр., преувеличенными и не совсѣмъ точными являются его утвержденія, что „при монастыряхъ (псковскихъ) было по два выборныхъ старосты отъ мѣстнаго общества“ (стр. 92), что эти старосты завѣдывали и распоряжались монастырскимъ имуществомъ „безъ всякаго отношенія къ игуменамъ и священникамъ“ (77), что въ псковскихъ монастыряхъ встрѣчались „іеромонахи, которые смѣялись надъ священничествомъ и никогда не причащались св. таинъ“ (78). Изъ сказаннаго можно сдѣлать слѣдующій выводъ: въ общихъ изслѣдованіяхъ по исторіи Пскова отдѣлъ исторіи монастырской жизни изложенъ не полно, а въ частностяхъ даже и не всегда точно. Отвѣта на самый интересный вопросъ: имѣли ли какое-нибудь вліяніе на строй монастырской жизни особенности въ общемъ строѣ политической и церковной жизни въ Псковѣ и какое именно,—не дано упомянутыми изслѣдователями.

Исторія псковскаго монашества излагается и въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи русской церкви: митр. Макарія, арх. Филарета, еп. Амвросія Орнатскаго, а также въ сочиненіяхъ, специально посвященныхъ историческимъ судьбамъ псковской церкви (напр., III-й т. Исторіи княжества псковскаго, митр. Евгенія). Сочиненія первой группы вызываютъ къ себѣ большой интересъ у знакомящагося съ исторіею псковскаго монашества. Мѣстная монастырская жизнь въ нихъ разсматривается въ связи съ общео

исторією монаст. жизни въ древней Руси. Естественно ожидать, что при такомъ способѣ изложенія будутъ установлены и отчасти объяснены мѣстныя особенности монастырской жизни. Но и эти ожиданія остаются тщетными. Въ обстоятельномъ изслѣдованіи Ист. рус. ц. митр. Макарія на долю исторіи псковскаго монашества отведено значительное мѣсто, но никакихъ замѣчаній о ея отличительныхъ чертахъ нѣтъ. Заинтересованный читатель, естественно, приходитъ къ печальному для него выводу, что никакихъ особенностей въ строѣ псковской монастырской жизни, очевидно, и не было, и что исторія псковскаго монашества входитъ въ общую исторію русскаго монашества просто для внѣшней полноты изложенія послѣдней.

Трудъ еп. Амвросія: „Исторія рос. іерархіи“ появился въ то время, когда въ исторической наукѣ не преслѣдовалось цѣлей всесторонняго разъясненія тѣхъ или другихъ историческихъ явленій, а исключительно болѣе или менѣе подробный сводъ имѣющихся историческихъ извѣстій. Его и оцѣнивать можно, значить, лишь съ послѣдней точки зрѣнія. Въ отношеніи къ полнотѣ извѣстій о псковскомъ монашествѣ это сочиненіе можно признать трудомъ почтеннымъ. Въ немъ мы находимъ упоминанія и извѣстія не только о большихъ псковскихъ монастыряхъ, но и о монастыряхъ незначительныхъ, давно уже прекратившихъ свое существованіе. Больше всего мѣста отведено Печерскому монастырю (стр. 543—550, ч. V, 1813 г.) и Никандровой пустыни (ib., стр. 181—186).

По мнѣнію г. Полетаева, историческія свѣдѣнія о псковскихъ монастыряхъ въ „И. Р. I.“ не утратили своего значенія и послѣ появленія болѣе обстоятельнаго изслѣдованія: „Ист. кн. пск.“ митр. Евгенія. „Пользуясь трудомъ митр. Евгенія, церковному историку необходимо,—замѣчаетъ Полетаевъ,—пользоваться и „Ист. Р. I.“¹⁾ По нашему мнѣнію, въ настоящее время „И. Р. I.“ для изслѣдователя псков. мон. жизни совершенно бесполезна. Пользоваться ею нужно съ такою осторожностію, что выгоднѣе совсѣмъ не пользоваться. Для любителя полноты подстрочной цитации эта книга, м. б., и полезна, но для изслѣдователя, не желающаго прикрываться непровѣренными авторитетами старины, обязательно лишь знакомство съ этимъ сочиненіемъ, а не пользованіе имъ. Не говоря уже о краткости свѣдѣній, здѣсь нерѣдко встрѣчаются неточности и грубыя ошибки. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Авторъ допускаетъ существованіе двухъ монастырей: Спасо-Мирожскаго и Спасскаго-Завеличскаго, основаніе обоихъ приписываетъ еп. новгородскому Нифонту и устройство перваго относитъ къ 1156 г. (ч. V, стр. 69), а втораго къ 1154 г. (ч. IV, стр. 123). Эту ошибку, повторенную и митр. Макаріемъ (Ист. рус. ц., т. III, Спб. 88 г., стр. 77), впервые, кажется, отмѣтилъ проф. Голубинскій (Ист. рус. ц., т. I, п. II, стр. 634). Для второй хронологической даты, а равно и для предположенія существованія Спасскаго-Завеличскаго монастыря нѣтъ никакихъ данныхъ.

¹⁾ „Труды митр. кіевск. Евгенія Болховитинова по ист. р. церкви“, Казань, 1888 г., стр. 150.

Очень неопредѣленно и въ сущности неточно указаніе на источникъ свѣдѣній о построеніи Іоанно-Предтеченскаго монастыря. „О построеніи сего монастыря,—читаемъ мы,—въ лѣтописяхъ россійскихъ упоминается слѣдующее: 6751—1243 г., мая въ 8 день, заложенъ на Завеличѣ монастырь св. Іоанна Предтечи теткою благовѣрному князю Доманту“ (ч. IV, стр. 312). Что это за лѣтописцы—мы не знаемъ; не знаемъ этого и авторъ, заимствовавшій свое извѣстіе изъ книги Ильинскаго: „Историч. описаніе гор. Пскова“ (Спб. 1790 г., стр. 35), гдѣ читаемъ: „6751—1247 г. (?), мая въ 18 день, заложенъ на Завеличѣ монастырь св. Іоанна Предтечи, построенный благ. княгинею Евпраксіею, теткою благ. кн. Доманту“. Изъ сопоставленія этихъ выдержекъ можно судить, какой неважный источникъ представляютъ собою эти мнимые лѣтописцы россійскіе.

Но особенно много путаницы въ извѣстіяхъ объ Елезаровскомъ монастырѣ, т. е. такомъ, о которомъ сохранилось больше всего свѣдѣній изъ древней письменности. О немъ читаемъ на стр. 84—85, ч. IV, и кромѣ того въ VI и III ч.ч. сочиненія. Преп. Евфросину приписывается основаніе цѣлыхъ 3 монастырей. Такъ, на стр. 437, ч. VI, читаемъ: „Трехсвятительскій псковскій съ болота, упраздненный дѣвичь монастырь, находился близъ г. Пскова, надъ рѣкою Толвою, отъ города въ 25 верстахъ. Монастырь сей основанъ пр. Евфросиномъ, преставившимся въ 6989—1481 г., мая 15, сооруженіемъ церкви во имя трехъ святителей“. На самомъ дѣлѣ этотъ дѣвичій монастырь находился въ Псковѣ, „на болотѣ“; о времени построенія его нѣтъ извѣстій, впервые же упоминается онъ въ актахъ XVII в.—На стр. 512—513, ч. III, читаемъ о Великопустынскомъ монастырѣ, что онъ „построенъ въ 1450 г. преп. Евфросиномъ, пустынножителемъ, нѣсколько отдаленнѣе отъ нынѣшняго мѣста, сооруженіемъ первоначально въ немъ церкви во имя Преображенія Господня“. И здѣсь смѣшивается съ Елеаз. монастыремъ, не имѣвшимъ Преобр. церкви, монастырь Спасскій Великопустынский, приписанный къ Елезаровскому въ XVIII вѣкѣ. Основаніе этого монастыря м. Евгений и за нимъ другіе изслѣдователи приписываютъ новгородскому митрополиту Александру, въ 1590 г.; по нашему мнѣнію, согласно указанію I пск. лѣт., основаніе монастыря должно быть отнесено къ началу XV в.

Можно бы указать и другія неточности и ошибки въ показаніяхъ „И. Р. I.“, но думаемъ, что и отмѣченнаго достаточно для разъясненія того, какъ ненадеженъ этотъ источникъ свѣдѣній о псковскихъ монастыряхъ. Въ такомъ обширномъ по объему трудѣ, какъ „И. Р. I.“, появившемся въ то время, когда церковно-историческая наука была въ зачаточномъ почти состояніи, а мѣстная псковская исторія ограничивалась лишь сочиненіемъ Ильинскаго,—писателя очень старательнаго, но не очень умѣлаго и точнаго въ передачѣ содержанія историческихъ источниковъ,—ошибки конечно, были вполне возможны и вполне извинительны.

Неизвѣстно въ точности, кому принадлежало составленіе свѣдѣній о псковскихъ монастыряхъ въ рассмотрѣнномъ сочиненіи; думаютъ, что м. Евгению. Если и вѣрно послѣднее предположеніе, то во всякомъ случаѣ нужно признать, что допущенныя ошибки исправлены были этимъ глав-

источниковъ представляли собою одну изъ главныхъ задачъ ученой дѣятельности преосвященнаго. Изображенный Полетаевымъ процессъ составленія „Ист. вн. пск.“ показываетъ, какъ дорожилъ м. Евгенийъ каждымъ новымъ источникомъ и какъ онъ умѣлъ вызвать интересъ къ отысканію новыхъ памятниковъ въ другихъ лицахъ. Но у этого „статистика исторіи“ были нѣкоторые недостатки, понижающіе цѣнность его историческихъ работъ. Будучи хорошимъ знаткомъ матеріаловъ своихъ работъ, м. Евгенийъ былъ историкомъ слишкомъ объективнымъ, больше, чѣмъ это нужно. Очень рѣдко онъ высказываетъ свое мнѣніе, личный свой взглядъ на достоинство того или другого источника, на степень достовѣрности его показаній; даже и въ томъ случаѣ, если показанія двухъ источниковъ были разнорѣчивы, онъ ограничивается простымъ сопоставленіемъ ихъ и только изрѣдка дополняетъ указаніемъ третьяго, сторонняго источника. Примѣровъ этого можно немало найти и въ историческихъ извѣстіяхъ преосвященнаго о псковскомъ монашествѣ. Такъ, отмѣчая разногласіе въ показаніяхъ монастырской лѣтописи и сказаній вн. Курбскаго о годѣ смерти преп. Корнилія печерскаго, Евгенийъ не дѣлаетъ какихъ-либо разъясненій, а просто лишь ссылается на третій источникъ: монаст. синодиль, подтверждающій показаніе лѣтописи¹⁾. Но подобныя параллельныя ссылки очень рѣдки, обычно же противорѣчивыя извѣстія приводятся безъ всякихъ поясненій. Примѣромъ этого могутъ служить свѣдѣнія о Дорошеѣ верхнеостр. и о печерск. игуменѣ Трифонѣ²⁾. Словомъ, критическое обслѣдованіе источниковъ, хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ, совершенно отсутствуетъ въ работахъ автора. Но у него встрѣчаемся и съ болѣе крупнымъ недостаткомъ: съ отсутствіемъ точной цитаціи источниковъ. Точныхъ ссылокъ на источники м. Евгенийъ почти никогда не дѣлаетъ, а ограничивается лишь общимъ перечнемъ ихъ въ заглавіяхъ отдѣльныхъ статей; не говоритъ и о томъ, въ какой мѣрѣ онъ пользовался тѣмъ или другимъ источникомъ. Съ точки зрѣнія тогдашнихъ научныхъ приѣмовъ указанные недочеты не представляли собою какихъ-либо недостатковъ. При изложеніи того или другого событія считалось вполне достаточнымъ сдѣлать общую ссылку на „россійскихъ лѣтописцевъ“. Но для современнаго изслѣдователя псковской исторіи эти недочеты являются очень досадными, они затрудняютъ пользование книгою преосвященнаго. Не всегда возможно является провѣрка сообщаемыхъ свѣдѣній по ихъ первоисточнику, а равно и оцѣнка нѣкоторыхъ источниковъ авторской работы, тогда какъ это совершенно необходимо. Въ перечнѣ упраздненныхъ монастырей м. Евгенийъ неоднократно ссылается на писцовыя книги и монастырскія грамоты, опредѣляя по нимъ время основанія монастырей или ихъ упраздненія. Какъ показано будетъ въ нашей работѣ, на основаніи тѣхъ же источниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно пополнить указанія Евгения и исправить допущенныя имъ ошибки. Изъ этого можно заключить о случайномъ знакомствѣ автора съ нѣкоторыми источниками, о поль-

1) „Опис. Пск. Печ. м-ря“, Дерить, 1832 г., стр. 52—53.

2) „Ист. вн. пск.“, III, 78. „Опис.“, 54.

зованіи имъ свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ. Но произвести подробную провѣрку всѣхъ извѣстій этого отдѣла въ настоящее время не легко, такъ какъ часть документовъ, которыми пользовался м. Евгеній, или утрачена, или не розыскана въ архивахъ, другая часть: псковскія писцовыя книги, почти не изслѣдована. Отсюда, „хронологическій списокъ упраздненныхъ монастырей“ для изслѣдователей псковскаго монашества представлялъ собою болѣе, чѣмъ ученый трудъ; во многихъ отношеніяхъ онъ являлся какъ бы первоисточникомъ, не вполне цѣннымъ потому, что имъ приходилось пользоваться безъ достаточной провѣрки¹⁾.

Отличительную черту м. Евгенія, какъ историка, по замѣчанію Поле-таева, составляютъ преимущественный интересъ изслѣдователя къ внѣшней, фактической сторонѣ дѣла и почти полное игнорированіе внутреннею, бытовою стороною изслѣдуемыхъ предметовъ. Пресвященный—изслѣдователь—археологъ, но не историкъ въ современномъ пониманіи этого названія. Эта черта особенно замѣтна въ отдѣлѣ его сочиненія о монастыряхъ и монашествѣ. Подъ руками изслѣдователя былъ довольно разнообразный и богатый матеріалъ, но онъ использованъ имъ лишь по частямъ; надъ нимъ произведена работа только для справокъ. Такъ, преосвященный пользовался большинствомъ извѣстныхъ въ настоящее время главнѣйшихъ памятниковъ по исторіи мѣстнаго монашества: лѣтописью Псково-Печ. м-ря, житіями св. Евфросина, Саввы, Никандра, иноческимъ уставомъ перваго подвижника, службами всѣмъ имъ. Ему были извѣстны какъ печатные тексты этихъ памятниковъ, такъ и рукописные, хотя онъ и предпочиталъ пользоваться первыми. Но какое незначительное примѣненіе этихъ источниковъ сдѣлано авторомъ, показываютъ біографіи псковскихъ подвижниковъ. Онѣ представляютъ собою не характеристики подвижниковъ, а просто лишь краткіе, — если можно такъ выразиться, — послужные ихъ списки, по возможности съ точными хронологическими данными отдѣльныхъ событій жизни²⁾. Одному лишь пр. Евфросину, и то въ другомъ сочиненіи: „Словарь о рус. писат. дух. чина“ (Спб. 1827 г., т. I, стр. 165—171), м. Евгеній, въ цѣляхъ полемики со старообрядцами, посвятилъ нѣсколько страницъ, заключающихъ въ себѣ характеристику личности этого подвижника; и нужно сказать, что эти страницы представляютъ собою лучшее изъ того, что можно найти въ научной литературѣ объ Евфросинѣ до 70-хъ г.г. прошедшаго столѣтія. Можно, такъ обр., лишь пожалѣть, что авторъ не сдѣлалъ подобныхъ характеристикъ и другихъ псковскихъ подвижниковъ, а равно не произвелъ анализа памятниковъ мѣстной монастырской письменности въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ произведенъ, напр., въ томъ же „Словарѣ“ надъ

¹⁾ Въ настоящее время нѣкоторыя изъ указаній м. Евгенія о старинныхъ псковскихъ монастыряхъ провѣрены и исправлены проф. Н. Суворовымъ въ его изслѣдованіи: „Псковское церковное землевладѣніе въ XVI и XVII в.“. См. Ж. М. Н. Пр. 1906, IV, стр. 364—399; V, стр. 1—18.

²⁾ Нѣкоторыя неточности и хронологическія ошибки будутъ отмѣчены ниже. Здѣсь мы имѣемъ въ виду дать лишь общую характеристику свѣдѣній о монашествѣ въ „Ист. кн. пск.“, а не критическую ихъ провѣрку.

житіемъ Евфросина. Но эти *ria desideria* конечно не имѣютъ значенія для общаго положительнаго достоинства разсматриваемаго сочиненія.

Вѣднѣе фактическое направленіе въ изслѣдованіи м. Евгенія служитъ причиною и того, что авторъ вовсе не дѣлаетъ выводовъ изъ передаваемыхъ имъ историческихъ фактовъ. Въ его книгѣ не находимъ замѣчаній ни о количествѣ монастырей въ Псковской области за тотъ или другой періодъ псковской исторіи, ни о видахъ и формахъ, въ которыхъ развивалась здѣсь монастырская жизнь, ни о причинахъ возникновенія той или другой обители. Произведя весьма нелегкую черновую работу, авторъ не использовалъ ея результатовъ, какъ бы предоставилъ другимъ сдѣлать изъ нея выводы и обобщенія. Получилась въ общемъ хорошая справочная работа по исторіи псковскаго монашества, но только не исторія послѣдняго. Нужно ли послѣ трудовъ м. Евгенія работать надъ составленіемъ исторіи мѣстнаго монашества, послѣ сейчасъ сдѣланнаго общаго заключенія—вопросъ излишній. На вопросъ же, что нужно сдѣлать для этого и чего и какъ дѣлать не слѣдуетъ, опредѣленный отвѣтъ найдемъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ описаній псковскихъ монастырей какъ самого м. Евгенія, такъ и его продолжателей и подражателей.

Митр. Евгеніемъ были составлены слѣдующія описанія псковскихъ монастырей: Псково-Печерскаго первовласнаго монастыря (Дерптъ, 1821, вт. изд., 1832 г.), Иоанно-Предтеченскаго женскаго монастыря (Д. 1821), Благовѣщенско-Никандровой пустыни (Д. 1821), Святогорскаго Успенскаго монастыря (Д. 1821 г.), Иоанно-Богословскаго Крыпецкаго и Рождество-Богородицкаго Снѣтогорскаго, съ прибавленіемъ списка преосвящ. архіереевъ псковскихъ (въ одной книгѣ, Д. 1821 г.). По содержанію своему эти „Описанія“ для изучающаго исторію мѣстнаго монашества являются непосредственнымъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ о монашествѣ въ „Ист. кн. пск.“. Нѣкоторыя изъ „Описаній“—очень кратки, напр., Святогорскаго—8 стр., Ивановскаго—15. Такая краткость объясняется незначительностію источниковъ, которыми могъ пользоваться составитель, и заслуживающею подражанія его привычкою не говорить о томъ, о чемъ вѣтъ историческихъ данныхъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда источники были богаче свѣдѣніями, и „Описанія“ получились довольно полныя, сравнительно даже обширныя по своему объему. Такъ, описаніе Крыпецкаго монастыря состоитъ изъ 23 стр., Никандровой пустыни—изъ 32, Псково-Печерскаго монастыря—61 (по изд. 1832 г.).

Всѣ „Описанія“ составлены по одинаковому плану. Въ началѣ составитель говоритъ о мѣстоположеніи монастыря и здѣсь же даетъ описанія названія монастырей (Крыпецкаго, Святогорскаго, Снѣтогорскаго, Печерскаго). Далѣе излагается исторія возникновенія монастыря и его устройства, въ связи съ краткими біографическими свѣдѣніями объ основателяхъ—подвижникахъ (Саввы—въ Описаніи Крыпецкаго монастыря, стр. 4—6, Иоасафа—въ Описаніи Снѣтогорскаго монастыря, стр. 23, Тимоея—въ Описаніи Святогорскаго монастыря, стр. 3, Никандра—Благ. пуст., стр. 3—6). Вслѣдъ за исторіей обители помѣщаются свѣдѣнія о совре-

менномъ составителю описаній внѣшнемъ видѣ монастырскихъ зданій, о замѣчательнѣйшихъ святыняхъ, украшающихъ обитель, о монастырскихъ владѣнιάхъ и угодьяхъ, и списки настоятелей отъ начала монастыря до позднѣйшаго времени. Въ „Описаніи Псково-Печерскаго монастыря“ кромѣ того находимъ отдѣльныя главы: „о вкладчикахъ и вкладахъ“ (стр. 29—40), съ перечнемъ вещей, хранящихся въ монастырской ризницѣ, „о замѣчательнѣйшихъ происшествіяхъ въ сей обители“: рассказы о нападеніяхъ на монастырь литовцевъ, поляковъ и шведовъ (стр. 40—47) и о посѣщеніяхъ монастыря Высочайшими особами (стр. 47—51).

Какъ можно видѣть изъ сдѣланнаго перечня статей, „Описанія“ Евгенія представляютъ собою довольно полную внѣшнюю исторію монастырей, и съ этой стороны, археологической, они сохраняютъ за собою научное значеніе и въ настоящее время. Но въ нихъ вовсе нѣтъ свѣдѣній о внутренней исторіи монастырской жизни. Изъ „Описаній“ мы узнаемъ, какъ и когда строился тотъ или другой монастырь, церкви, кельи, крѣпостныя стѣны, какія имѣлъ и имѣетъ монастырь святыни и древности, на какія средства содержалась монастырская братія, кто стоялъ во главѣ монастырскаго управленія въ то или другое время; но здѣсь почти совсѣмъ отсутствуютъ указанія о томъ, какъ жили за этими монастырскими стѣнами, какъ относились къ монастырскимъ святынямъ иноки и міряне, что связывало монастырь съ міромъ и т. п. Словомъ, внутренній бытъ монашества не входитъ въ задачу изслѣдованія; о немъ можно встрѣтить лишь случайныя краткія замѣтки, такія же, какъ и въ „Ист. кн. пск.“

При составленіи „Описаній“ митрополитъ Евгеній пользовался преимущественно тѣми источниками, которые хранились въ его время въ монастырскихъ бібліотекахъ. Къ сожалѣнію, онъ не всегда точно называетъ ихъ и не дѣлаетъ никакихъ отзывать о нихъ. Этотъ недочетъ имѣетъ свою неприятную сторону. Дѣло въ томъ, что въ пору составленія „Описаній“ монастырскія бібліотеки были, повидимому, богаче историческими документами, чѣмъ сейчасъ. Въ настоящее время нѣтъ, напр., подлинныхъ грамотъ Печерскаго монастыря,—онѣ извѣстны лишь по копіямъ, снятымъ въ началѣ XIX ст. для бібліотеки Рум. музея; не сохранилось монастырскихъ списковъ житій преп. Саввы и Никандра, утеряна старинная повѣсть о Святогорскомъ монастырѣ, неизвѣстны „грамоты“, которыми пользовался преосвященный при исчисленіи настоятелей Крыпецкаго монастыря, въ частности—при изложеніи цѣнныхъ свѣдѣній о церковной и хозяйственной дѣятельности третьяго изъ игуменовъ—*Феоуктиста*¹⁾. Провѣрить передаваемыя въ „Опис.“ свѣдѣнія, та-

¹⁾ Кое-что исчезло изъ монастырскихъ бібліотекъ, кажется, благодаря самому митр. Евгенію. Такъ, напр., въ бібліотекѣ Кіев. Соф. собора въ числѣ рукописей, поступившихъ туда отъ преосвященнаго, значится синодикъ Псково-Сироткина монастыря. См. у Петрова, „Опис. рук. К. Соф. собора, въ Чт. Общ. И. и Др. 1904 г., кн. 208, стр. 125. Полетаевъ (о. с., 152)—говоритъ (но, кажется, ошибочно), что туда же поступилъ синодикъ Псково-Печерскаго монастыря.

кимъ образомъ, не всегда возможно, хотя такая провѣрка была бы совсѣмъ не излишнею. Въ „Описаніяхъ“ м. Евгенія встрѣчаются неточности и ошибки,—правда, не имѣющія большого значенія. Такъ, напр., въ „Описаніи Псково-Печерскаго монастыря“ Евгеній не только не разъясняетъ намъ извѣстія III новг. лѣт. о явленіи печерской иконы Божіей Матери въ 1471 г. (стр. 242), но своими неточными замѣтками объ этой иконѣ даже запутываетъ этотъ вопросъ. Старою успенскою иконою у него названа написанная въ 1521 г. живописцемъ Алексѣемъ Малымъ и подаренная въ монастырь купцами Василиемъ и Θεодоромъ (стр. 26). Но и въ монастырской лѣтописи, и въ кормовой книгѣ объ этой подаренной иконѣ сказано, что она была написана „въ житіи“, тогда какъ старая икона написана безъ изложенія по крайямъ ея событій изъ жизни Богоматери. По опредѣленію художника Мартынова, бывшаго въ монастырѣ въ 1867 г., написаніе этой иконы можетъ быть отнесено къ концу XI в. или къ началу XII в.¹⁾

Затѣмъ, въ спискѣ настоятелей монастыря на 8 мѣстѣ поставленъ Трифонъ, о которомъ замѣчено: „съ котораго года былъ, неизвѣстно, а въ синодикѣ церковномъ записано, что онъ былъ послѣ митрополитомъ, но гдѣ, не сказано“ (стр. 54). На самомъ дѣлѣ игумена съ этимъ именемъ въ Печерскомъ монастырѣ совсѣмъ не было, и въ синодикѣ сдѣлана описка: Трифонъ—вмѣсто Тихонъ, съ 1583 по 1589 г. архіепископъ казанскій.

Неправильно и несогласно съ указаніями въ „Истор. кн. псков.“ опредѣлено время приписки Верхне-Островскаго и Изборскаго монастырей,—это будетъ разъяснено ниже.

Въ „Описаніи Нивандровой Благовѣщенской пустыни“ авторъ неточно выражается о построеніи дворяниномъ Муравьевымъ церкви во имя преподобнаго. „Около половины XVII стол., по благословенію Нивона, митр. новгородскаго, создана въ сей обители общаніемъ и издивеніемъ дворянина Іакова Матвѣевича Муравьева церковь во имя преп. Нивандра“ (стр. 7). Изъ житія святаго узнаемъ, что церковь эта была поставлена Муравьевымъ не въ обители, а въ его имѣніи. Одинаково неточна и несогласна съ житіемъ и слѣдующая замѣтка: „сіи начальническія должности (епископа и келаря) за точное исполненіе оныхъ подвергли его (Нивандра) навѣтамъ и оскорбленіямъ“ (стр. 5). Наоборотъ, по разсказу біографа, крыпецкіе монахи за это „точное исполненіе“ еще болѣе полюбили Нивандра, но онъ самъ оставилъ эти должности, такъ какъ онъ мѣшала безмолвію и молитвамъ.

Въ „Описаніи Крыпецкаго монастыря“ невѣрно опредѣлены годы кончины, открытія мощей и канонизаціи преп. Саввы. Здѣсь читаемъ, что Савва: „скончался въ 1487 г., августа 27 подъ 28 число, а черезъ 60 лѣтъ по кончинѣ его, въ 1547 г., 23 апрѣля, обрѣтены были мощи

¹⁾ „Первоуказ. Псково-Печерскій монастырь“, изд. 2, Островъ, 1893 г., стр. 88. Насколько компетентно это мнѣніе, не беремся судить.

его, которыя въ томъ же году московскимъ соборомъ, по чудесамъ, бывшимъ отъ нихъ, и по извѣстію о богоугодномъ житіи его, признаны святыми“ (стр. 6). Но по указанію рукоп. списковъ житія святаго кончина его должна быть отнесена къ 1495 г., а открытіе мощей къ 1554—1555 гг. Такъ и въ „И. Р. Іер.“, ч. IV, стр. 877. Изъ „Описанія Печерскаго монастыря“ (стр. 29) видно, что митр. Евгеній пользовался печатнымъ изданіемъ 1807 г. „повѣсти о Псково-Печерскомъ монастырѣ“, въ которомъ помѣщенъ въ сокращеніи и текстъ житія преп. Саввы. Въ извѣстныхъ намъ изданіяхъ „повѣсти“ 1831 и 1849 гг. встрѣчаемъ ту же ошибку въ опредѣленіи времени канонизаціи Саввы, но годъ его кончины указанъ соотвѣтственно рукописнымъ спискамъ житія—7003. По замѣчанію Евгенія, ему было извѣстно и рукописное житіе, хранившееся въ монастырской библіотекѣ и послужившее источникомъ для печатнаго изданія (Ист. кн. пск., ч. III, стр. 106). Приходится пожалѣть, что преосвященный не сдѣлалъ точной ссылки, откуда у него заимствована дата о времени канонизаціи святаго: изъ печерскаго изданія житія, или изъ монастырской рукописи. Тогда мы имѣли бы объясненіе этой ошибки, со словъ Евгенія нерѣдко повторяемой и другими писателями. Теперь въ монастырской библіотекѣ нѣтъ рукописнаго списка житія и неизвѣстно, куда онъ запропалъ.

Вотъ примѣры ошибокъ, допущенныхъ митр. Евгеніемъ въ его „Описаніяхъ“. Понятно, что подобныя ошибки не умаляютъ научнаго значенія „Описаній“. Причиною ошибокъ можно считать скорѣе недостатки и опіски въ источникахъ, которыми пользовался авторъ, чѣмъ личный недосмотръ этого изслѣдователя, старавшагося быть не только объективнымъ, но по возможности и точнымъ въ изложеніи тѣхъ данныхъ, которыми приходилось ему пользоваться. „Описанія“ не утратили своего интереса и по настоящее время, несмотря на то, что, начиная съ 50-хъ гг. XIX стол., появился рядъ новыхъ „Описаній“, болѣе подробныхъ, чѣмъ евгеніевскія.

Въ своемъ обзорѣ мы не будемъ останавливаться на тѣхъ изъ описаній монастырей, которыя или представляютъ собою описаніе впечатлѣній паломниковъ, или по содержанію своему ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ официальныхъ свѣдѣній, которыя можно почерпнуть изъ клировыхъ монастырскихъ вѣдомостей. Мы коснемся лишь тѣхъ описаній, которыя имѣютъ научный интересъ и даютъ возможность судить, что новаго сдѣлано мѣстными изслѣдователями послѣ митр. Евгенія. Съ этой стороны интересны работы: іер. Іосифа, арх. Аполлоса, Миротворцева, Панова и Василева.

Іер. Іосифомъ составлены описанія Елеазаровскаго монастыря и Никандровой пустыни (изданы въ Спб. 1858 г.). Кромѣ того, нѣсколько свѣдѣній о псковскихъ монастыряхъ находимъ въ его брошюрѣ: „О крестныхъ ходахъ въ г. Псковѣ и его окрестностяхъ“ (Спб. 1858 г.). Какъ изслѣдователь мѣстной старины, Іосифъ извѣстенъ еще своею статьею: „Историческая достовѣрность сказанія Степенной книги о первоначальной

святынь города Пскова“, (Спб. 1858), составленною въ защиту преданія о просвѣтительной дѣятельности благ. кн. Ольги, по поводу отрицательнаго на достовѣрность этого преданія взгляда Н. Иваницкаго, въ его брошюрѣ: „Изслѣдованія о времени основанія города Пскова“ (Псковъ, 1856 г.). Описание Елеазаровскаго монастыря помѣщено въ одной книжкѣ съ указанною статьею о Степенной книгѣ и нѣсколько связано съ этою статьею по содержанію. Въ началѣ описанія авторъ говоритъ о просвѣтительской дѣятельности св. княгини, „отъ одного креста которой и отъ воздвигнутаго ею храма произошло множество храмовъ и крестовъ, которые видны на самыхъ непроходимыхъ прежде мѣстахъ псковской области“ (стр. 4). Такимъ непроходимымъ мѣстомъ была въ частности и Елеазаровская пустынь. „Описание“ составлено Іосифомъ по слѣдующему плану: объ основаніи монастыря и жизни его основателя (стр. 4—10), объ участи монастыря послѣ кончины Евфросина (10—12), о памятникахъ древности, сохранившихся въ монастырѣ (12—16), о монастырскихъ святыняхъ (16—17), о крестныхъ ходахъ (17—20). На слѣдующихъ страницахъ помѣщены: описаніе дороги въ монастырь изъ города (20—22) и характеристика дѣятельности тогдашняго настоятеля—арх. Порфирія (22—24).

При изложеніи начальной исторіи Елеазаровскаго монастыря о. Іосифъ пользовался свѣдѣніями о ней въ „Ист. кн. псков.“ и житіями: Саввы—въ печатномъ изданіи, и Евфросина—въ редакціи Василя; упоминаетъ также объ уставѣ и завѣщаніи основателя обители. Начало обители и у него, какъ и у митр. Евгенія, отнесено въ 1447 г., хотя и сдѣлана оговорка, что Евфросинъ перешелъ на Толву въ 1425 г. Характеристика преподобнаго основана преимущественно на тѣхъ строкахъ житія Саввы, въ которыхъ излагается бесѣда Евфросина съ Саввою, передъ отходомъ послѣдняго на безмолвную жизнь въ Крыпецкую пустынь. Пользовался ли авторъ уставомъ и завѣщаніемъ Евфросина или говоритъ объ этихъ памятникахъ съ чужихъ словъ,—трудно сказать. Повидимому, у него было подъ руками завѣщаніе святаго. Самымъ житіемъ Евфросина о. Іосифъ пользуется съ большою, даже съ преувеличенною осторожностію. Назвавъ предыдущіе памятники источниками свѣдѣній о жизни святаго вполне достовѣрными, онъ затѣмъ продолжаетъ: „но есть и недостовѣрная повѣсть объ этомъ угодникѣ Божіемъ, къ несчастію очень древняя и слишкомъ извѣстная, чтобы умалчивать о ней,—это рукописное житіе преп. Евфросина, составленное клир. Васиіемъ около 1547 г.“ (стр. 7). Далѣе и слѣдуетъ разборъ сказаній житія о сугубой аллилуйи (стр. 8—10) и приводится отзывъ о житіи московскаго собора 1667 г. Къ разбору этого разсказа авторъ возвращается и при описаніи памятниковъ древности, когда говоритъ о завѣщаніи святаго и о монастырскомъ спискѣ житія (стр. 13—15).

Свѣдѣнія о монастырскихъ святыняхъ, памятникахъ древности, крестныхъ ходахъ, о событіяхъ монастырской жизни послѣ кончины Евфросина—ничего новаго, по сравненіи съ указаніями Евгенія, не содержатъ въ себѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже не полны и ошибочны. Напр.,

составитель „Описанія“ не упоминаетъ о цареградской иконѣ Божіей Матери, неправильно относитъ явленіе иконы Спасителя къ 1590 г. Не совсѣмъ онъ справедливъ, когда говоритъ о недостаткѣ памятниковъ древности въ монастырѣ. По сравненію съ другими псковскими монастырями, Елеазаровскій монастырь сохранилъ не только не меньше, но даже больше письменныхъ матеріаловъ для своей исторіи. Другой вопросъ, насколько цѣнны эти матеріалы; но объ этомъ нѣтъ указаній у о. Іосифа. Несомнѣнно, что житіе Серапіона, повѣсть о цареградской иконѣ Божіей Матери и монастырскіе синодики остались для него неизвѣстными.

Авторъ нерѣдко отвлекается отъ задачи своей работы разсужденіями на общія темы и передачею личныхъ впечатлѣній. Пользуясь своими пособіями, не дѣлаетъ провѣрки ихъ, повторяетъ чужія ошибки, вноситъ и новыя ошибки отъ себя. Такъ, напр., вслѣдъ за митр. Евгениемъ, онъ относитъ канонизацію Евфросина къ 1551 г. Отъ себя онъ добавляетъ, вопреки показаніямъ житія, что до прихода Евфросина на Толву тамъ уже подвизался преп. Серапіонъ (стр. 4). Разборъ житія Евфросина составленъ по книгѣ митр. Магарія: „Ист. рус. раск.“, на которую дважды ссылается авторъ (стр. 9, 10).

По одинаковому плану составлено и „Описаніе Никандровой Благовѣщенской пустыни“; но авторъ здѣсь еще менѣе самостоятеленъ, чѣмъ въ предыдущемъ описаніи. Въ основу работы положено „Описаніе“ Евгения, которому авторъ слѣдуетъ съ точностію. А такъ какъ это „Описаніе“ пресвященнаго—очень обстоятельное, то такимъ же достоинствомъ отличается и работа о. Іосифа.

Научнаго значенія разсмотрѣнныя „Описанія“ іер. Іосифа не имѣютъ. Но за ними, несмотря на это, остается достоинство хорошихъ популярныхъ очерковъ, весьма пригодныхъ для назидательнаго чтенія паломникамъ. Послѣднюю задачу и преслѣдовалъ составитель (Опис. Ел. м., стр. 22). Выполненію этой задачи много способствуетъ и изложеніе,—живое, проникнутое убѣжденіемъ въ нравственномъ значеніи монастырей и въ современномъ благотворномъ вліяніи ихъ на религіозную жизнь. Съ этой стороны „Описанія“ о. Іосифа представляютъ собою противоположность строго-научнымъ и потому сухо-дѣловымъ „Описаніямъ“ митр. Евгения, не преслѣдовавшаго въ своихъ работахъ цѣлей назиданія и популяризаціи. Переизданныя вновь, съ необходимыми поправками, „Описанія“ іер. Іосифа могли бы, по нашему мнѣнію, представлять собою очень полезныя книжки для интеллигентныхъ посѣтителей монастырей.

Довольно обширнымъ трудомъ является описаніе Пскв. Печ. монастыря, составленное арх. Аполлосомъ: „Псково-Печерскій монастырь“, Спб. 1860 г., стр. I—III+1—140. Въ предисловіи составитель объясняетъ побужденія, вызвавшія его работу,—это „незнакомство общества съ исторіею обители, достойной по своимъ великимъ заслугамъ и по своей чудотворной святинѣ стоять въ ряду первыхъ русскихъ монастырей во мнѣніи всякаго православнаго сына Россіи“. Желаніе дать по возможности полное и вѣрное понятіе о Псково-Печ. м-рѣ,—заключаетъ авторъ свое предисловіе,—

и было побужденіемъ къ настоящему труду и вмѣстѣ цѣлю труда (стр. III). Въ качествѣ источниковъ и пособій онъ упоминаетъ монаст. лѣтопись, псковскую лѣтопись и сочиненія митр. Евгенія: „Ист. кн. пск.“ и „Описаніе“ монастыря (1832 г.).

„Описание“ раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ послѣдовательное изложеніе исторіи монастыря отъ его возникновенія до 1860 г. (стр. 1—77), вторая часть, озаглавленная: „описание Пск. Печ. м-ря въ настоящемъ его видѣ“, представляетъ собою археологическій очеркъ о монастырскихъ церквахъ, зданіяхъ, святыняхъ, древностяхъ, и оканчивается общимъ замѣчаніемъ объ историческомъ значеніи обители (стр. 97—132. Нумер. невѣрная). Въ приложеніи помѣщены двѣ рѣчи автора, сказанныя имъ въ Псковѣ во время крестныхъ ходовъ (стр. 132—140).

Историческій очеркъ раздѣленъ на три періода: первый—отъ начала монастыря до нашествія Стефана Баторія (1470 г.—1581 г.), второй—отъ нашествія Баторія до присоединенія Лифляндіи къ Россіи (1581 г.—1721 г.) и третій—до 1860 г. Каждый періодъ заключается общимъ взглядомъ на состояніе монастыря за это время, а въ концѣ изложенія второго періода, кромѣ этого, помѣщенъ, въ качествѣ приложенія, перечень чудесъ отъ чудотворныхъ печерскихъ иконъ. Раздѣленіе на періоды нельзя признать удачнымъ, такъ какъ въ основу его положены не внутреннія событія изъ исторіи монастырской жизни, а внѣшнія, правда, значительно вліявшія на монастырскую жизнь, однако не обусловливавшія собою ея отличительныхъ чертъ и особенностей.

Такъ какъ въ основѣ „Описанія“ лежатъ такія надежныя руководства, какъ монастырская лѣтопись и „Описаніе“ Евгенія, то вполне понятно, что этотъ новый трудъ представляетъ собою работу обстоятельную, такъ же полно, какъ и въ „Описаніи“ митр. Евгенія, излагающую внѣшнюю исторію Печерскаго монастыря. Пользуясь монастырской лѣтописью, авторъ дѣлаетъ перифразъ ея разказа, дополняя свѣдѣніями изъ „Описанія“ митр. Евгенія и личными своими соображеніями и догадками. Осада Пскова и монастыря Баторіемъ передана со всѣми подробностями лѣтописнаго разказа. Дальнѣйшая исторія монастыря, начиная съ XVII в., изложена авторомъ, по собственному его признанію, на основаніи свѣдѣній въ „Ист. кн. пск.“ (стр. 35).

Пользуясь монастырскою лѣтописью, составитель не дѣлаетъ на нее ссылокъ. Точно также не всегда онъ цитируетъ и „Описаніе“ Евгенія, хотя послѣднее почти полностью вошло въ содержаніе работы о. Аполлоса. Пытаясь исправить ошибку пр. Евгенія въ перечнѣ настоятелей, составитель еще болѣе запутываетъ дѣло, когда вмѣстѣ съ Трифономъ приводитъ и опущеннаго Евгеніемъ иг. Тихона (стр. 72). Точнѣе Евгенія онъ опредѣляетъ названіе старой успенской иконы Б. М. (стр. 102—103). Археологическій очеркъ подробнѣе историческаго, полнѣе и указаній м. Евгенія. Но добавленія, сдѣланныя здѣсь, не существенны и особаго научнаго значенія не имѣютъ.

Авторъ въ своей работѣ не преслѣдовалъ цѣлей строго научныхъ. Его „Описание“ и по характеру изложенія, и по отношенію къ источникамъ напоминаетъ рассмотрѣнный выше „Описанія“ іер. Іосифа. Болѣе подробное, по сравненію съ еженіевскимъ, по своему объему, „Описание“ арх. Аполлоса менѣе точно и научно по своимъ приемамъ. Нерѣдко авторъ, при недостаткѣ историческихъ данныхъ, дѣлаетъ собственныя догадки и соображенія, не имѣющія какихъ-либо фактическихъ основаній, но свидѣтельствующія о его заботливости разъяснить читателю непонятныя явленія въ исторіи Печерскаго монастыря. Таковы, напр., объясненія о появленіи надписи надъ Богомъ зданными пещерами (стр. 3—4) и по вопросу о томъ, что это были за подвижники-пещерники, цѣнныя которыхъ слышали изборскіе звѣроловы, и куда они скрылись послѣ этого? (стр. 5—6). Представленныя объясненія на эти „недоумѣнія“, не имѣя какой-либо научной цѣнности, не лишены однако назидательности.

Предположеніе автора, что приписные монастыри не приносили Печерскому монастырю никакихъ выгодъ, за исключеніемъ развѣ лишь того, что въ трудное для себя время монастырь могъ изъ приписныхъ монастырей пополнять ряды своей братіи (стр. 47), какъ показано будетъ ниже, — нельзя признать правильнымъ.

Разсмотрѣнное нами Описание Печерскаго монастыря въ 1893 г. было переиздано подъ заглавіемъ: „Первоклассный Псково-Печерскій монастырь“ (г. Островъ). Это изданіе названо дополненнымъ. Въ сущности, оно полностью воспроизводитъ текстъ „Описанія“ Аполлоса, исключая изъ него лишь нѣкоторыя мѣста, содержащія въ себѣ личныя соображенія и догадки составителя, въ родѣ отмѣченныхъ выше. Цѣннѣе новое изданіе тѣмъ, что въ немъ сдѣлана сравнительно точная цитация источниковъ, изъ которыхъ заимствованы извѣстія, въ частности — рукописной монастырской лѣтописи. На ряду съ перифразомъ нерѣдко въ примѣчаніяхъ приводятся и самый текстъ памятника. Это сообщаетъ описанію, съ внѣшней по крайней мѣрѣ стороны, болѣе научный видъ. Интересны и приложенія въ концѣ книжки. Здѣсь находимъ: выписки изъ монастырскаго синодика (стр. 147—151), краткую лѣтопись монастырскихъ событій отъ 1472 по 1892 г. (стр. 127—140), списокъ лицъ, особенно извѣстныхъ въ исторіи обители (141—142), и перечень лицъ, положенныхъ въ монастырской пещерѣ, въ которомъ воспроизведены и надписи, находящіяся надъ гробами погребенныхъ (152—162). Въ числѣ пособій для составленія „Описанія“ указаны между прочимъ: „Рукоп. записки или замѣчанія о Пск.-Печ. м-рѣ, выбранныя изъ разныхъ источниковъ монастырскихъ по распоряженію Евгенія I, арх. Пск., Лиф. и Кур., вполсѣдствіи м. Кіев., 1821 г., маія 18 дня“ (стр. 1).

Имѣются, затѣмъ, описанія двухъ монастырей, безъ имени авторовъ: „Старовознесенскій женскій монастырь въ г. Псковѣ“, Спб. 1862 г., стр. 54, и „Описание псковскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря“, изд. 2, Спб. 1874 г., 135 стр. Первая книжка, по указанію Евлентьева (Указатель

веществ. пам. старины... въ г. Псковѣ, стр. 10), принадлежить кн. Голицыну, вторая, по указанію Василева (Библ. указатель статей, относящ. къ Псков. губ., Псковъ, 1891 г., стр. 31),—А. Панову. Объясненіе побужденій, которыми руководились составители описаній, находимъ во второй книжкѣ,—это недостатокъ свѣдѣній о монастыряхъ въ сочиненіяхъ м. Евгенія. „Многіе благотворители и посѣтители этого монастыря,—замѣчаетъ Пановъ,—часто выражали свое неудовольствіе на краткость упомянутого „Опис.“ м. Евгенія“ (стр. 1). Описаніе и преслѣдустъ цѣли болѣе подробнаго изложенія монастырской исторіи.

Для нашей цѣли—изученія событій монастырской исторіи за древнѣйшій ея періодъ, обѣ книжки особаго значенія не имѣютъ. Этотъ періодъ изложенъ въ нихъ такъ же кратко, какъ и въ „Опис.“ Евгенія. Какихъ-либо цѣнныхъ дополненій здѣсь не находимъ. Оба составителя въ буквально сходныхъ выраженіяхъ жалуются на отсутствіе источниковъ за раннѣйшій періодъ монастырской исторіи и даютъ одинаковое объясненіе этому прискорбному факту. „Можетъ быть и были,—читаемъ мы,—въ монастырскомъ архивѣ или лѣтописи, или повѣсть, или тому подобныя сочиненія, но, какъ относящіяся къ русской исторіи, по неоднократнымъ распоряженіямъ мѣстнаго начальства, особенно вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія 1791 г., они отобраны для справокъ и не возвращены по принадлежности“¹⁾. Вслѣдствіе этого въ обѣихъ книжкахъ историческому быту обитателей отводится очень немного страницъ (въ 1-й—5, во второй—7), обнимающихъ собою монастырскую исторію и за XVIII в. Большая часть содержанія посвящена описанію внѣшняго вида обитателей, ихъ святынъ и древностей, и съ этой стороны разсматриваемыя книжки представляютъ собою работы довольно обстоятельныя и полныя.

При изложеніи событій XVIII в., оба составителя пользуются монастырскими преданіями. На такихъ преданіяхъ въ описаніи Панова основаны и нѣкоторыя подробности въ изложеніи біографій псковскихъ княгинь—инокинь Ивановскаго монастыря. На преданіи же основано и сообщеніе, что возлѣ стѣнъ Ивановскаго монастыря любилъ отдыхать блж. Николай, псковскій юродивый (стр. 4).

Въ „Опис. Ив. м-ря“ встрѣчаемъ ссылки на планы XVIII в. (стр. 3), хозяйственные отчеты 1767 и 1801 г.г. (стр. 5), келейную расходную книгу 1718 г., изъ которой дѣлаются выписки о заупокойныхъ службахъ въ монастырѣ съ кормами (стр. 32—33, 34—35), а также о подаркахъ, которые приходилось дѣлать монахинямъ мѣстному начальству, когда нужно было попросить его содѣйствія по какому-либо хозяйственному дѣлу (стр. 70). Для изученія позднѣйшей монастырской исторіи эти свѣдѣнія имѣютъ свой интересъ. Въ приложеніи къ „Опис.“ даны копіи съ трехъ монастырскихъ документовъ, изъ которыхъ одинъ (стр. 113—115) относится къ 1804 г. и два (стр. 91—113) къ XVII в. Послѣдніе раньше были уже изданы въ Псков. губ. вѣд. 1840 г., № 3 и 1872 г., №№ 11, 15, 16.

¹⁾ „Ст. Воз. м-рь“, стр. 1; „Опис. I. Пр. м-ря, стр. 67, прим. 4.

Далѣ, въ „Памят. книж. Пск. губ.“ за 1860 и 61 г.г. помѣщены очерки Миротворцева о четырехъ псковскихъ монастыряхъ: Печерскомъ, Елеазаровскомъ, Святогорскомъ и Никандровомъ. По разъясненію самого автора, предлагаемыя имъ свѣдѣнія собраны по особому порученію тогдашняго начальника Псков. губ.¹⁾ Нужно, однако, замѣтить, что эта официальная инициатива не отразилась на характерѣ самой работы Миротворцева. Послѣдній отнесся къ исполненію возложеннаго на него порученія съ такимъ вниманіемъ и усердіемъ, которыя не всегда наблюдаются и въ работахъ, производимыхъ по личному почину. Не довольствуясь существовавшими въ то время описаніями монастырей, Миротворцевъ лично произвелъ обзоръ всего относящагося къ исторіи и археологіи описываемыхъ имъ монастырей, кое-что изъ хранящихся тамъ памятниковъ издалъ въ Пск. губ. вѣд., и потому его небольшіе очерки не лишены интереса. Наиболѣе подробными являются описанія Псково-Печ. м-ря, въ 25 стр. (3—27), и Никандровой пустыни—въ 31 стр. (3—34). Самое краткое и наименѣе интересное—описаніе Святогорскаго монастыря.

Въ своихъ очеркахъ Миротворцевъ придерживался общаго плана описаній, раздѣлялъ ихъ на два отдѣла: исторію обитателей и описаніе ихъ внѣшняго вида, съ археологическими замѣтками. Чего-либо новаго, по сравненію съ своими предшественниками, онъ не даетъ. Иной разъ онъ даже повторяетъ прежнія ошибки и дѣлаетъ новыя. Такъ, напр., время рожденія Евфросина у него отнесено къ 1376 г. (стр. 29); отсюда онъ говоритъ, что въ моментъ перехода святаго на Толву, въ 1447 г., ему было уже 70 лѣтъ (стр. 30). Эту хронологическую ошибку онъ повторяетъ и въ Опис. Никандровой пуст., когда замѣчаетъ, что преп. Никандръ родился на 130 лѣтъ позднѣе своего односельчанина Евфросина (въ 1507 г.²⁾. Но очерки Миротворцева цѣнны въ другомъ отношеніи,—со стороны содержанія тѣхъ народныхъ преданій, которыя были собраны авторомъ и которыми онъ пополняетъ иногда свой рассказъ. Такъ, при описаніи мученической кончины преп. Корнилія Печерскаго, въ дополненіе къ разсказу м. Евгенія о обезглавленіи святаго царемъ Іоанномъ Грознымъ, Миротворцевъ замѣчаетъ: „народная молва, смѣшивая обстоятельства разныхъ эпохъ, прибавляетъ къ этому, что обезглавленный Корнилій поднялъ руками свою голову, и что, вслѣдствіе этого, испуганный царь опрометью бѣжалъ изъ монастыря, оставивъ много своихъ вещей и между прочимъ коляску“ (подаренную въ монастырь императрицею Анною Іоанновною³⁾). Подобная же легенда помѣщена и въ концѣ описанія монастырскихъ пещеръ. „Объ одномъ пещерномъ корридорѣ,—читаемъ мы,—который, говорятъ, простирается въ неопредѣленную длину за кирпичною стѣною, недавно устроенною въ концѣ его, ходитъ молва, что онъ прокопанъ до самаго Кіева и соединяется съ кіевскими пещерами, и будто въ прежніе годы пускали

¹⁾ Пам. кн. 1860 г., стр. 3.

²⁾ Пам. кн. 1861 г., стр. 3.

³⁾ стр. 9—10.

по этому ходу животныхъ, которыя чрезъ нѣсколько дней оказывались въ кievскихъ пещерахъ“ (стр. 24). Этотъ легендарный рассказъ хорошо иллюстрируетъ собою общую мысль раннѣйшихъ монастырскихъ памятниковъ о тѣсной связи Псково-Печерской исторіи съ исторіею Киево-Печерской обители.

Въ описаніи Елеазаровскаго монастыря приведенъ любопытный рассказъ, представляющій собою варіацію житійнаго разсказа объ умноженіи рыбъ молитвами св. Евфросина. Недалеко отъ монастыря имѣется ископаный, по преданію, Евфросиною колодезь, съ свѣжею проточною водою, въ которой плаваютъ маленькія рыбы. „Въ народѣ,—замѣчаетъ Миротворцевъ,—есть преданіе, что эти рыбки ведутся со временъ преп. Евфросина; что однажды въ праздникъ, когда не было рыбы для угощенія пріѣхавшаго изъ города духовенства, Евфросинъ послалъ службу на колодезь, и тамъ оказалась разная рыба, остатокъ которой и ведется до настоящаго времени“¹).

Интересныя сами по себѣ, эти народныя преданія интересны еще и потому, что они характеризуютъ намъ народное пониманіе событій монастырской исторіи и свидѣтельствуютъ о вниманіи къ послѣдней простого народа.

Изъ описаній мѣстныхъ монастырей нужно, наконецъ, отмѣтить книжку Василева: „Псковскій Спасо-Мирожскій мужской третьеклассный монастырь“ (Псковъ, 1868 г.),—единственный отдѣльный очеркъ по исторіи этой древнѣйшей псковской обители. Какъ археологъ, Василевъ особенно подробно останавливается на описаніи монастырскихъ вещественныхъ памятниковъ и передаетъ здѣсь интересныя свои наблюденія о древней архитектурѣ монастырскаго Преображенскаго храма. Онъ говоритъ, что по первоначальному плану въ храмѣ не было предызначено особаго мѣста для иконостаса въ томъ видѣ, въ какомъ онъ устроится доселѣ. Въмѣсто иконостаса восточная стѣна храма была украшена фресковыми изображеніями святыхъ. Мнѣніе Василева основано на томъ, что церковный куполь въ монастырскомъ храмѣ, въ противоположность другимъ псковскимъ церквамъ, построенъ не посреди церкви, а ближе къ восточной сторонѣ, такъ что одинъ бокъ его утверждёнъ на восточной сторонѣ, а противоположныя стороны утверждены на аркахъ, опирающихся своими сторонами на двѣ другія арки. Алтарь не былъ, такъ обр., отдѣленъ отъ храма (стр. 4—5). Подробнѣе это разъяснено Василевымъ въ его „Археол. указат. древн. г. Пскова“, 1898 г., стр. 75 и сл.

Очень подробно авторъ описываетъ памятники древности, сохранившіеся въ монастырской ризницѣ и библіотекѣ, и дѣлаетъ выписки изъ рукописнаго сборника о явленіи въ 1595 г. Спасо-Мирожской иконы Б. М. (стр. 6—7, прим.). На стр. 11—12 у него помѣщена и особая статья, подъ заглавіемъ: „Образъ жизни монастырской и число братій“,—не очень, впрочемъ, цѣнная. За недостаткомъ свѣдѣній о жизни собственно

¹) стр. 43. Ср. Нам. ст. р. лит. Куш.-Безбородко, в. IV, стр. 79—80.

мирожской братіи, Василевъ ограничивается лишь общими замѣчаніями о псковской монастырской жизни до XVI в., о ея внутреннемъ устройствѣ и объ отношеніяхъ монастырей къ мѣстной власти и къ новгородскому архіепископу. Подробнѣе излагается исторія монастыря за время послѣ введенія штатовъ 1764 г. Характеризуя въ началѣ описанія общій бытъ Мирожскаго монастыря, Василевъ, слѣдуя митр. Евгенію, замѣчаетъ, что „исторія Мирожской обители была исторіею постоянныхъ ея разореній, такъ какъ болѣе чѣмъ шесть вѣковъ она была предметомъ первыхъ нападеній со стороны псковскихъ враговъ: ливонскихъ нѣмцевъ и литовцевъ“ (стр. 2).

По вопросу о происхожденіи монастыря авторъ придерживается хронологической даты митр. Евгенія, хотя и дѣлаетъ предположеніе о болѣе раннемъ возникновеніи обители, основываясь въ данномъ случаѣ на томъ соображеніи, что въ 1156 г. въ монастырѣ былъ уже игумень— Авраамій, и что, по преданію, мѣстность, занимаемая монастыремъ, была въ то же время и мѣстомъ перваго заселенія Пскова при благовѣрной княг. Ольгѣ (стр. 2—3).

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами описаній псковскихъ монастырей, появившихся послѣ работъ митр. Евгенія, очеркъ Василева представляетъ собою единственный вполнѣ научный и самостоятельный трудъ, который и теперь можетъ служить образцомъ для составленія археологическихъ очерковъ о мѣстныхъ псковскихъ обителяхъ. Будучи знатомомъ мѣстныхъ древностей и мѣстной исторической литературы, Василевъ дѣлаетъ о послѣдней не очень лестный отзывъ. По его мнѣнію: „всѣ (мѣстныя) изысканія не заходили далѣе трудовъ митр. Евгенія, или большею частію на нихъ основывались“¹⁾. Признаемъ справедливость этого отзыва и по отношенію къ „Описаніямъ“ монастырей, къ однимъ: іер. Іосифа, арх. Аполлоса, Голицына,—въ полной мѣрѣ, къ другимъ: Миротворцева, Павнова,—съ ограниченіями, и въ то же время должны выдѣлить работы самого Василева. Его описаніе Мирожскаго монастыря, по научнымъ достоинствамъ этой книжки, мы готовы поставить даже выше „Описаній“ митр. Евгенія²⁾.

Попытку объединить разрозненные свѣдѣнія о псковскихъ монастыряхъ встрѣчаемъ въ книгѣ графа М. Толстого: „Святѣни и древности Пскова“ (М. 1861 г.). Здѣсь мы находимъ краткія историко-археологическія замѣтки о монастыряхъ: Старовознесенскомъ (стр. 51), Спасо-

¹⁾ „Арх. указ. г. Пскова“, стр. 6, прим.

²⁾ Болѣе подробную оцѣнку историческихъ работъ И. И. Василева см. въ нашей статьѣ: „Къ вопросу объ изученіи псковскихъ древностей во второй половинѣ XIX в.“, №№ 19 и 20 неофф. части Псков. губ. вѣд. за 1902 г., и отд. оттиски.—Мы не останавливаемся на разборѣ новѣйшихъ описаній Святогорскаго монастыря—игум. Іоанна (Псковъ, 1899 г.) и Мирожскаго—Ф. А. Ушакова (въ Труд. Псков. Арх. Общ. за 1901—2 гг., стр. 1—25), такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего новаго и цѣннаго, по сравненію съ описаніями Евгенія и Василева.

Мирожскомъ и Ивановскомъ (стр. 66—72), Снѣтогорскомъ, Любятковскомъ, Сереткинѣ (стр. 75—78) и отдѣльные очерки объ Елеазаровскомъ (стр. 80—92), Крыпецкомъ (93—97) и Псково-Печерскомъ монастыряхъ (98—124). И археологическія замѣтки автора, и самыя очерки почти ничего не даютъ новаго. Толстой слѣдовалъ „Описаніямъ“, составленнымъ раньше его работы, и главнымъ образомъ сочиненіямъ митр. Евгенія, повторяя ошибки послѣднихъ, напр., въ хронологіи кончины и обрѣтенія мощей преп. Саввы (стр. 95), причисленія въ лику святыхъ Евфросина (85), о печерскихъ игуменахъ Трифонъ—Тихонъ (109) и т. п. Онъ лично посѣтилъ мѣстныя обители, но, кажется, мало ознакомился съ сохранившимися въ нихъ памятниками исторіи. Отсюда, нѣкоторыя его замѣтки вызываютъ недоразумѣнія. Онъ говоритъ, напр., со словъ преосв. Евгенія, о монастырскомъ спискѣ устава преп. Евфросина; но этого памятника нѣтъ теперь въ монастырской бібліотекѣ и неизвѣстно, имѣлся ли онъ въ 1861 г. (стр. 92). На стр. 122 Толстой даетъ перечень статей печерской лѣтописи и въ число ихъ вноситъ такія, которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ и никогда не бывало въ этомъ памятникѣ: „свѣдѣнія о жизни нѣкоторыхъ святыхъ псковскихъ“. Въ этомъ случаѣ онъ смѣшиваетъ содержаніе рукописи съ содержаніемъ печатныхъ ея изданій, дѣйствительно дополненныхъ житіями св. Довмонта и Саввы. Очевидно, самыя памятники, о которыхъ говоритъ авторъ, не были у него въ рукахъ. Обстоятельнѣе свѣдѣнія объ Елеазаровскомъ монастырѣ. При составленіи этого очерка Толстой пользовался рукописными списками житія преп. Евфросина, № 205, М. Д. А. и № 676, Тр. С. Л. При помощи этихъ списковъ ему удалось правильнѣе установить хронологическую дату перехода Евфросина въ Толвскую пустынь (стр. 81, 35) и такимъ образомъ впервые исправить ошибку митр. Евгенія.

Въ очеркахъ объ Елеазаровскомъ и Крыпецкомъ монастыряхъ Толстой дѣлаетъ довольно подробный перифразъ содержанія житій Евфросина и Саввы и описаній чудесъ. •

Сочиненіемъ графа Толстого мы можемъ закончить обзоръ спеціальной литературы по исторіи псковскаго монашества. Изъ сказаннаго о ней ясно опредѣляется, на что должно быть направлено главное вниманіе нашей работы. Внѣшняя исторія, исторія монастырей псковскихъ, сравнительно уже разработана въ ученой литературѣ. Если и можно признать желательнымъ объединеніе свѣдѣній о псковскихъ монастыряхъ и провѣрку нѣкоторыхъ изъ этихъ свѣдѣній, то во всякомъ случаѣ для научныхъ цѣлей не эта часть работы представляется существенно необходимою. Гораздо важнѣе изслѣдованіе внутренняго быта мѣстныхъ монастырей—исторія монашества, которой мы не находимъ въ разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ или которая разработана въ нихъ слишкомъ недостаточно. Для исторіи внутренняго быта монашества всѣ эти археологическія работы предшественниковъ имѣютъ немаловажную цѣнность. Онѣ даютъ ему возможность представить внѣшнюю обстановку, въ которой проходила жизнь иноческая, и одновременно съ этимъ на половину осво-

боятся его отъ черновой работы по хронологіи, топографіи, статистикѣ псковскихъ монастырей. Провѣрять сказанное по этимъ отдѣламъ, конечно, гораздо легче, чѣмъ самому собирать матеріалы. Однако, наличность исторической литературы, облегчая работу изслѣдователя, не дѣлаетъ послѣднюю очень легкою. Какъ бы ни была хорошо обрисована внѣшняя обстановка монастырской жизни, съ какою бы точностію ни былъ воспроизведенъ видъ монастырскихъ зданій,—все это мало даетъ матеріала для изображенія самаго быта монашества. Для послѣдняго нужны болѣе живые, болѣе обстоятельные источники—памятники письменные. Для историка—археолога письменный памятникъ—источникъ дополнительный, въ которомъ многое можно оставить безъ вниманія. Для историка бытовой жизни это источникъ исключительно важный, въ которомъ цѣнна каждая мелочь фактическаго свойства. Въ предыдущихъ работахъ, какъ можно заключить изъ сказаннаго, письменные памятники по исторіи псковскаго монашества не нашли для себя широкаго примѣненія и исторической оцѣнки,—такъ какъ общія жалобы на недостатокъ письменныхъ источниковъ, разумѣется, нельзя признать оцѣнкою ихъ. Для современнаго изслѣдователя исторіи мѣстнаго монашества необходимо точнѣе опредѣлить наличное число письменныхъ источниковъ и ихъ достоинство. Благодаря этому, напередъ будетъ видно, чего можно требовать отъ автора и какихъ требованій онъ не могъ удовлетворить, какъ бы ни были они важны. Къ критическому обзору письменныхъ источниковъ по исторіи мѣстнаго монашества и должны мы перейти теперь.

Считаемъ, впрочемъ, нужнымъ оговориться, что изъ этого обзора мы сознательно опускаемъ одинъ отдѣлъ мѣстной монастырской письменности: посланія елсазаровскихъ монаховъ Памфила и Филоея. Дѣлаемъ это по слѣдующимъ соображеніямъ. Со стороны своего содержанія посланія Памфила и Филоея достаточно уже изслѣдованы въ ученой литературѣ и каждому извѣстны даже изъ литературы учебной. Правда, изслѣдователей эти посланія интересовали собою, какъ памятники литературные, какъ образцы тѣхъ или другихъ литературныхъ направленій, выразителями которыхъ явились Памфилъ и Филоей, а не какъ памятники историческіе и тѣмъ болѣе, не какъ матеріалъ для исторіи мѣстнаго монашества. Но положительныхъ данныхъ для исторіи мѣстнаго монашества въ нихъ и вообще нѣтъ, а потому и для насъ они интересны преимущественно съ литературной своей стороны. Изслѣдовать ихъ съ этой стороны тѣмъ болѣе излишне, что въ послѣднее время о посланіяхъ Памфила и Филоея появилось специальное изслѣдованіе проф. В. Н. Малинина. Мы ограничимся лишь общою библиографическою замѣткою о книгѣ проф. Малинина, тѣмъ болѣе необходимою, что со стороны ученой критики эта книга вызвала къ себѣ неодинаковое отношеніе.

Заглавіе сочиненія: „Старецъ Елсазарова монастыря Филоей и его посланія“ (Кіевъ, 1901 г.), не совсѣмъ точно опредѣляетъ собою содержаніе книги, такъ какъ біографія Филоея и характеристика его писательской дѣятельности не представляютъ собою исключительнаго, чтобы

не сказать — главного, — предмета изслѣдованія. Какъ говоритъ самъ авторъ въ концѣ своего труда, онъ имѣлъ цѣлю: „поставить личность Филоея и его литературную дѣятельность въ возможно широкую историческую обстановку“¹⁾. Въ результатѣ этого съ внѣшней стороны и произошла слишкомъ замѣтная неравномѣрность между количествомъ страницъ, посвященныхъ непосредственно Филоею, и имѣющихъ лишь самое отдаленное отношеніе къ его біографіи или литературной дѣятельности. Въ обширной книгѣ Малинина, состоящей изъ 768 стр. текста, помимо примѣчаній и приложений, на долю собственно Филоея и его посланій отведено не болѣе 330 стр., меньше половины книги. Такая постановка изслѣдованія въ научной критикѣ вызвала различное отношеніе.

Проф. С. И. Смирновъ въ библиографической замѣткѣ, помѣщенной въ „Бог. В.“ за 1902 г., VII кн., даетъ очень лестный отзывъ о такихъ приемахъ авторской работы. Онъ находитъ, что „задача (сравнительнаго изученія личности и литературной дѣятельности Филоея) выполнена превосходно, и что авторъ даетъ не только исчерпывающее изслѣдованіе о взятомъ имъ лицѣ, но и обстоятельный трактатъ по исторіи русской духовной литературы XV—XVI в., до Стоглаваго собора“ (стр. 617). Широту постановки изслѣдованія рецензентъ относить къ положительнымъ достоинствамъ работы автора и говоритъ, что „изслѣдователь не подлежитъ упреку въ узости и односторонности, игнорированія общаго историческаго фона, на которомъ отобразилась писательская дѣятельность взятаго имъ лица, — чѣмъ обычно страдаютъ монографіи“ (стр. 630). На стр. 631—640 онъ дѣлаетъ нѣсколько поправокъ и замѣчаній къ объясненіямъ автора, но и это не мѣшаетъ ему повторить лестный отзывъ о научныхъ достоинствахъ сочиненія Малинина.

Въ другомъ направленіи сдѣланы отзывы объ изслѣдованіи проф. Малинина акад. А. И. Соболевскимъ и проф. С. Т. Голубевымъ. Оба рецензента находятъ, что сравнительное изслѣдованіе главнаго предмета поставлено излишне широко, въ ущербъ дѣлу. По отзыву Соболевскаго: „авторъ говоритъ обо всемъ по поводу Филоея, дѣлаетъ большія выписки изъ доступныхъ для всѣхъ книгъ, рассуждаетъ о томъ, что къ предмету его изслѣдованія въ сущности не имѣетъ никакого отношенія и что выходитъ далеко за рамки историко-литературнаго изысканія“²⁾.

Еще сильнѣе подчеркиваетъ этотъ недостатокъ Голубевъ. По его мнѣнію: „изслѣдованіе оказывается искусственно раздутымъ. Филоея нужно искать здѣсь со свѣчею. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ экскурсы въ сторону, далеко выходящіе за предѣлы, вызываемые сущностію дѣла и въ большинствѣ случаевъ сообщающіе свѣдѣнія общеизвѣстныя“³⁾. Опредѣляя общее достоинство сочиненія Малинина, Голубевъ говоритъ, что эта книга „въ ряду литературно-историческихъ произведеній, вышед-

¹⁾ стр. 753.

²⁾ Ж. М. Нар. Пр. 1901 г., XII, 486—487.

³⁾ Тр. Киев. Д. А. 1903, II, извлеч. изъ прот. Совѣта, стр. 112.

шихъ за послѣднее время, не займетъ мѣста передового, но не будетъ отодвинута и на задній планъ. Мѣсто ея въ наукѣ срединное“ (стр. 116). Оба рецензента отмѣчаютъ рядъ недостатковъ и ошибокъ и въ самой характеристикѣ литературной дѣятельности Филоодея. А. И. Соболевскій не считаетъ сочиненія Малинина исчерпывающимъ взятый авторомъ вопросъ. По его мнѣнью, автору извѣстенъ не весь матеріаль, который можно найти въ рукописныхъ книгохранилищахъ: „новые списки въ нашихъ общедоступныхъ библиотекахъ легко могутъ дать не только новые интересные списки извѣстныхъ уже сочиненій Филоодея, но и новыя произведенія этого писателя“ (486).

Приведенными отзывами достаточно разносторонне характеризуется изслѣдованіе проф. В. Н. Малинина, и мы думаемъ, что для насъ нѣтъ нужды входить въ критическій обзоръ этого сочиненія. Мы ограничимся лишь тѣми замѣтками, которыя невольно появляются у мѣстнаго читателя книги Малинина. Съ этой стороны наибольшій интересъ получаютъ тѣ ея отдѣлы, въ которыхъ излагаются біографія и характеристика личности этого псковскаго инока-писателя и ближайшія условія его литературной дѣятельности: мѣстно-псковскія и монастырскія, елсазаровскія.

Слишкомъ широкая постановка сравнительнаго изученія предмета, несомнѣнно, невыгодно отражается на характеристикѣ личности Филоодея и его писательской дѣятельности. При широкой исторической обстановкѣ, въ которую поставлена дѣятельность елсазаровскаго старца, сглаживаются индивидуальныя черты личности Филоодея, его взглядовъ и понятій. Отъ читателя требуется много вниманія, чтобы отчетливо представить себѣ, чѣмъ же отличался этотъ псковскій инокъ, какъ писатель и отшельникъ—аскетъ отъ другихъ лицъ того времени, близкихъ къ нему по своему характеру и по литературнымъ взглядамъ, заслуживаетъ ли онъ особаго вниманія и спеціальнаго изслѣдованія? Въ концѣ своего труда, на стр. 765, проф. Малининъ, опредѣляя положеніе Филоодея въ ряду другихъ тогдашнихъ писателей, говоритъ: „изученіе его посланій въ связи съ литературнымъ наслѣдіемъ того времени не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что сходство между произведеніями нашего автора и его предшественниками оказывается не въ единствѣ только воззрѣній, но и въ слововыраженіяхъ. При всемъ томъ нельзя не признать нашего старца однимъ изъ наиболѣе типичныхъ выразителей духа и стремленій своей эпохи“. Первая мысль для читателя книги Малинина представляется настолько ясною, что ему трудно согласиться со второю; Филоодей кажется ему только писателемъ, а не типическимъ выразителемъ современныхъ ему литературныхъ взглядовъ и общественныхъ понятій. При менѣ широкой сравнительной постановкѣ изслѣдованія эта мысль представлялась бы болѣе доказанною.

Біографическій отдѣлъ книги производитъ болѣе выгодное впечатлѣніе. Попытка автора дать біографію Филоодея заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что до него на личности Филоодея не останавливались изслѣдователи его писательской дѣятельности. Благодаря открытой авто-

ромъ цѣнной замѣткѣ, характеризующей Филоея, какъ старца преподобнаго, неисходно жившаго въ монастырѣ, хорошо извѣстнаго тогдашней высшей власти за свое добродѣтельное житіе, отличавшагося великимъ дерзновеніемъ въ обличеніи неправды и насилій псковскихъ намѣстниковъ и „безпопеченіемъ о семъ вѣцѣ“,—эта попытка имѣла положительный успѣхъ. Личность Филоея представляется живою, мастерски охарактеризованною. Что же касается частныхъ сторонъ въ біографіи Филоея, то здѣсь, при независимости отъ автора трудности дѣла, не все является выясненнымъ съ желательною точностію.

О Филоеѣ не сохранилось старинной біографіи, такъ какъ въ древнее время біографія посвящалась исключительно святымъ. Только уже позднѣе, въ XVII в., начали появляться біографіи болѣе замѣчательныхъ личностей, напр., патр. Никона, расколоучителя Неронова, и даже автобіографіи,—напр., протоп. Аввакума. Біографу Филоея приходилось, значить, довольствоваться лишь случайными указаніями въ другихъ памятникахъ и автобіографическими замѣтками въ собственныхъ посланіяхъ старца. Но тѣхъ и другихъ сохранилось очень мало. Указанная замѣтка въ старинной рукописи является единственною. По содержанию своему она очень важна, но не полна со стороны заключающихся въ ней біографическихъ данныхъ. Изъ нея мы не узнаемъ, когда Филоею пришелъ въ Елеазаровскій монастырь, сколько времени жилъ и какое занималъ тамъ положеніе. Посланія самого Филоея даютъ еще меньше біографическаго матеріала. Здѣсь онъ называется старцемъ или инокомъ „Елеазарова монастыря изъ псковскія области“,—но и то не во всѣхъ посланіяхъ и не во всѣхъ рукописныхъ спискахъ посланій. Въ нѣкоторыхъ спискахъ, по принятому въ древней Руси обычаю обезличивать литературный памятникъ, помѣщено неопредѣленное указаніе: „посланіе нѣкоего старца“. Въ нѣкоторыхъ посланіяхъ совсѣмъ нѣтъ упоминаній объ авторѣ, такъ что изслѣдователю приходилось доказывать принадлежность этихъ посланій Филоею и иногда ограничиваться лишь полупризнаніемъ его авторства (стр. 753).

Основываясь на содержаніи самыхъ посланій Филоея, Малининъ обще опредѣляетъ время его литературной дѣятельности періодомъ княженія Василія III и Іоанна IV. По вопросу же о положеніи Филоея авторъ склоненъ думать, что Филоею занималъ въ монастырѣ должность игумена. Единственнымъ основаніемъ для этого служить упоминаніе о какомъ-то игуменѣ Филоеѣ во второй редакціи Евфросинова житія, въ описаніи 9-го чуда. Но показаніе этого источника является не очень цѣннымъ, такъ какъ біографъ Евфросина при описаніи чудесъ не придерживался строго хронологическаго порядка, и потому по его упоминанію о Филоеѣ нельзя съ точностію опредѣлить время его игуменства. Строевъ въ своемъ сочиненіи: „Списки іерарховъ и наст. монастырей“ (стр. 387), ставитъ упоминаемаго здѣсь игумена Филоея даже раньше Памфила. На основаніи посланій самого Филоея, а также свѣдѣній о немъ въ позднѣйшихъ памятникахъ можно даже отрицать тождественность этихъ одно-

именныхъ лицъ. Въ посланіяхъ онъ никогда не пишется игуменомъ, а только старцемъ или инокомъ. Раскольничій инокъ Авраамій, изъ уваженія къ Филоою называвшій даже его: „святій Филоею Елеазарова монастыря“¹⁾, точно также не усваиваетъ ему титула игумена, хотя послѣднее названіе могло бы имѣть значеніе для большей авторитетности взглядовъ Филоея, принятыхъ въ XVII в. защитниками старины. Вообще, очень вѣроятное предположеніе В. Н. Малинина объ игуменствѣ Филоея является недостаточно обоснованнымъ, и очевидно, что, при наличныхъ историческихъ данныхъ, этотъ вопросъ нужно признать неразрѣшимымъ. Тѣмъ не менѣе, біографическая часть въ книгѣ Малинина и характеристика личности Филоея представляютъ собою столь обстоятельный трактатъ, что, при отсутствіи новыхъ историческихъ данныхъ, къ нему едва ли можно сдѣлать какія-либо серьезныя поправки и дополненія.

Существенный интересъ въ разсматриваемой книгѣ имѣютъ для изучающаго мѣстную исторію и тѣ ея страницы, на которыхъ изображается ближайшая обстановка жизни и дѣятельности Филоея. На стр. 121—123 проф. Малининъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній и дополненій въ характеристикѣ литературной дѣятельности елеазаров. игумена Памфила, близкаго къ Филоою не только по времени жизни, но и по своимъ взглядамъ. Во введеніи, на стр. 1—25, онъ даетъ сравнительный обзоръ текста двухъ редакцій Евфросинова житія, а на стр. 4, 7, 11, 377 дѣлаетъ и общіе выводы относительно не вполне еще изслѣдованной первоначальной редакціи житія святаго. На стр. 116—117 и 484 онъ останавливается на „посланіи къ Аѳанасію, ктиторю великія общеобительныя лавры св. Николы, о трегубой аллилуіи“,—памятникѣ, имѣющемъ непосредственное отношеніе къ исторіи псковскихъ споровъ изъ-за аллилуіи и отсюда—къ біографіи Евфросина. Находимъ, наконецъ, въ книгѣ автора и попытку охарактеризовать бытъ и внутреннее устройство Елеазаровскаго монастыря при жизни его основателя (стр. 26—32). Вся эта часть труда проф. Малинина имѣетъ непосредственное отношеніе и къ нашей темѣ и вся она одинаково высоко цѣнится всѣми рецензентами его книги. Такъ, напр., по отзыву акад. Соболевскаго: „тѣ страницы книги, которыя посвящены Елеазарову монастырю и его основателю Евфросину, полны интереса и заслуживаютъ высокихъ похвалъ“²⁾. „Выводы автора о редакціяхъ житія Евфросина и о древнѣйшей исторіи Елеазаровскаго монастыря покоятся на прочныхъ основаніяхъ. Вся разсмотрѣнная часть его работы читается съ большимъ интересомъ и производитъ самое пріятное впечатлѣніе“,—замѣчаетъ и проф. Голубевъ³⁾.

Съ изложенными взглядами въ этой части книги проф. Малинина намъ придется имѣть дѣло въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ своей работы; тогда мы сдѣлаемъ и свои замѣчанія на нихъ, а пока ограничимся общимъ

1) Мат. для ист. раск. т. VII, 86—87.

2) Ж. М. Нар. Пр. 1901, XII, 490.

3) Тр. К. Д. А. 1903, II, 72.

выводомъ о разсмотрѣнной книгѣ по главному ея вопросу. О Филоеѣ и о Памфилѣ въ настоящее время, если и не сказано всего, то во всякомъ случаѣ сказано очень много, и изслѣдователю псковскаго монашества позволительно уже не останавливаться на подробной характеристикѣ этихъ личностей и ихъ дѣятельности. Гораздо полезнѣе удѣлить лишнія страницы въ своемъ трудѣ другимъ псковскимъ инокамъ писателямъ, менѣе знаменитымъ, но зато и менѣе извѣстнымъ въ ученой литературѣ.

Переходимъ теперь къ обзору самыхъ памятниковъ по исторіи псковской монастырской жизни. Выше мы раздѣлили ихъ на двѣ группы: памятники обще-историческіе и специально-монастырскіе. Въ такомъ порядкѣ произведемъ и обзоръ ихъ.

Дошедшіе до насъ два псковскихъ лѣтописныхъ сборника представляютъ собою письменные памятники сравнительно поздняго происхожденія. Академикъ Соболевскій относитъ списки ихъ къ XVI в., замѣчая при этомъ, что они написаны „повидимому, во Псковѣ и несомнѣнно съ псковскихъ оригиналовъ“¹⁾. Другими изслѣдователями начало псковскаго лѣтописанія относится къ XIV и даже къ XIII в. в.²⁾ До второй половины XIV в. псковская лѣтопись, скудная содержаніемъ вообще, очень бѣдна въ частности и извѣстіями о монашествѣ. Мы встрѣчаемъ всего лишь три замѣтки: одну, подъ 6818 г., о построеніи церкви въ Снѣтогорскомъ монастырѣ (И. С. Р. Л. т. IV, стр. 184), другую, — содержащую въ себѣ перечень именъ инокъ, убитыхъ при нападеніи на Псковъ нѣмцевъ въ 1299 г. (стр. 182), третью съ упоминаніемъ о Пантелеимоновскомъ монастырѣ, до котораго ѣхали псковичи вслѣдъ за княземъ Александромъ Всеволодовичемъ, прося его возвратиться въ Псковъ и не ходить къ нѣмцамъ (стр. 186 подъ 6849 г.). Двѣ послѣднихъ замѣтки — случайнаго происхожденія и только первая специально ведетъ рѣчь о монастырѣ.

Со второй половины XIV в. замѣтки о монастыряхъ въ лѣтописи встрѣчаются чаще, но и теперь онѣ имѣютъ по большей части тотъ же случайный характеръ. Чаще всего монастыри упоминаются или по поводу построенія въ нихъ храмовъ, или по поводу какихъ-либо событій, случившихся вблизи монастыря, напр., торжественныхъ процессій или общественныхъ бѣдствій: пожаровъ, непріятельскихъ нападеній и т. п. Такъ, въ псковскихъ лѣтописяхъ очень часто встрѣчаемъ упоминанія о монастыряхъ Старовознесенскомъ и Пантелеимоновомъ Дальнемъ, не потому, чтобы эти монастыри выдѣлялись чѣмъ-либо изъ другихъ псковскихъ обителей и этимъ привлекали къ себѣ вниманіе общества и лѣтописца,

¹⁾ „Слав. рус. палеографія. Спб. 1902 г., курсъ II-й, стр. 31.

²⁾ Бест. Рюминъ, „О составѣ рус. лѣтоп. до XIV в.“ стр. 36. Костомаровъ, „Лекціи по рус. ист.“, ч. I, стр. 73. Янишъ, „Новг. лѣт. и ея москов. передѣлки“ — въ Чт. Об. И. и Др. 1874 г. кн. 2, стр. 18. Авторъ статьи: „Обзоръ русскихъ лѣтописей въ содерж. и характ. ихъ преимущественно церков. истор.“, въ Прав. Соб. за 1860 г. ч. II, стр. 176.

а только потому, что вблизи ихъ совершались торжественныя встрѣчи и проводы князей, владыкъ и др. почетныхъ лицъ¹⁾. Упоминаются иногда монастыри или по поводу какихъ-либо чудесныхъ событій, происшедшихъ въ томъ или другомъ монастырѣ, или для указанія мѣстъ постриженія и погребенія такихъ лицъ, судьбою которыхъ интересовалось псковское общество²⁾. Но чаще всего монастыри упоминаются по случаю построения въ нихъ церквей³⁾. Встрѣчаются, наконецъ, извѣстія объ участіи монаховъ въ торжественныхъ процессіяхъ при встрѣчѣ новгородскихъ владыкъ, при приемѣ и отправленіи почетныхъ псковскихъ гостей, и объ участіи монастырей въ расходахъ общества и духовенства на постоянныя или случайныя нужды и на дѣла благотворительности⁴⁾.

Съ XVI в. лѣтописныя извѣстія о монашествѣ становятся болѣе содержательными и полными. Лѣтописецъ, не опуская замѣтокъ о монастыряхъ прежняго характера, подробнѣе останавливается на исторіи знаменитаго изъ псковскихъ монастырей—Печерскаго, говоритъ объ его устройствѣ, объ отношеніи къ монастырю мѣстнаго общества и высшей власти, отмѣчаетъ внутреннія событія въ печерской монастырской жизни, дѣятельность иг. Корнилія и т. п. Находимъ у него нѣсколько указаній объ отношеніяхъ къ мѣстнымъ монастырямъ новгородскихъ владыкъ: Сергія, Геннадія, Макарія, великихъ князей: Василя III и Иоанна IV, и ихъ намѣстниковъ. Подъ 7013 г. полностью помѣщено посланіе елєаз. иг. Памфила, какъ образецъ общественной дѣятельности болѣе видныхъ представителей псковскаго монашества. Подъ 7012 г. приводится посланіе о недостаткахъ въ монастырской жизни м. Симона. Изъ краткихъ замѣтокъ и здѣсь больше всего встрѣчаемъ упоминаній о построеніи храмовъ въ монастыряхъ или о случайныхъ событіяхъ, происшедшихъ вблизи монастырей; но есть извѣстія и о возникновеніи новыхъ монастырей⁵⁾.

По количеству извѣстій,—какъ можно видѣть изъ цитации,—лѣтописи слѣдовало бы признать довольно хорошимъ источникомъ свѣдѣній о псковскихъ монастыряхъ. Но характеръ содержанія этихъ свѣдѣній въ

¹⁾ П. С. Р. Л. т. IV—6958 стр. 214, 6968, стр. 219, 6977—232, 6981—246, 6986—256—7, 6997—268, 7004—270, т. V—6994—46 и др.

²⁾ А) ib. 6904—194, 6941—207, 6948—211, 6967—218, 6978—235. Б) 6912—196, 6927—202—3, 6986—259, 6995—267, 7032—296; т. V—6912—18, 6925—22.

³⁾ ib. 6875—192, т. V—15, 6891—193, 6903—194, 6906—195, т. V—18, 6907, 6912—196, 6922—202, 6927—203, 6950—212, т. V—30, 6954—213, 6976—231, 6992—266, т. V—42 и др.

⁴⁾ ib. 6899—194, 6943—209, 6958—214, 6971—224, 6974—230, 6977—232, 6979—240, 6981—244—5, 6982—249, 6985—254, 6986—258, 6997—268 и др.

⁵⁾ ib. 7027—293, 7042—298, 7045—302, 7048—303, 7052—306, 7065—309, 7001—268, 7008—272, 7040—298, 7049—304, 7052—306, 7058—308, 7069—313, 7070—313 (по пов. пожаровъ); 7073—316, 7117—326 (по пов. нап. непр.); 7054 и 7074 стр. 306, 317, о Миронос. и Свят. м-ряхъ.

значительной степени понижает цѣнность источника. Въ сущности мы имѣемъ въ лѣтописяхъ голый перечень монастырскихъ церквей и рядъ случайныхъ замѣтокъ о монастыряхъ. На основаніи такихъ извѣстій можно опредѣлить мѣстоположеніе того или другого монастыря, можно даже сдѣлать статистическій подсчетъ общаго числа монастырей въ Псковѣ за тотъ или другой періодъ, но весьма неточный, приблизительный. При случайности лѣтописныхъ извѣстій, нельзя думать, чтобы въ лѣтописяхъ упоминались всѣ монастыри, существовавшіе въ Псковѣ. О монастыряхъ же внѣ-городскихъ здѣсь почти и совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній. Не могутъ служить лѣтописи точнымъ руководствомъ и для опредѣленія времени возникновенія того или другого изъ упоминаемыхъ монастырей. Отмѣчая хронологическія даты построенія монастырскихъ церквей, лѣтописцы, — за исключеніемъ двухъ случаевъ (подъ 6929 г. т. V и 7054 т. IV), — не говорятъ о времени возникновенія самыхъ монастырей, при которыхъ строились церкви. Первую лѣтописную замѣтку о монастырѣ въ большинствѣ случаевъ нельзя считать начальною хронологическою датою его существованія. Но, при отсутствіи другихъ источниковъ, хронологическія указанія лѣтописей имѣютъ свое значеніе, такъ какъ даютъ возможность хотя бы приблизительно опредѣлить время возникновенія мѣстныхъ монастырей.

Есть у лѣтописца одна замѣтка, непосредственно относящаяся къ характеристикѣ внутренняго быта мѣстнаго монашества. Именно, подъ 1471 г., рассказывая о злоупотребленіяхъ, допущенныхъ посадниками при постройкѣ церкви на Уситвѣ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что это дѣло вызвало не мало волненій на вѣчѣ, особенно послѣ того, какъ въ немъ принялъ участіе какой-то псковскій игумень. Воспользовавшись возникшими недоразумѣніями, онъ хотѣлъ оттягать часть церковныхъ земель въ свой монастырь отъ соборнаго троицкаго храма. Противъ этого домогательства и направленъ обвинительный трактатъ лѣтописца подъ заглавіемъ: „а се о сребролюбіи“. „Нѣсть лѣпо,—говоритъ онъ,—и сего тайти, еже врагъ—дьяволъ нанесе на св. Божию церковь крамолу: другіи человекъ тако же (какъ и посадники), забывше страхъ вышній, обольшеси въ безстудство, отрекшися міра и аже въ мірѣ, и пришедше въ міръ и начаша воздвизатися и препростую чадь воздымати по міру на самую соборную и апост. церковь, на домъ св. Троица, истязуя отъ нея воды и земля, данныя въ наслѣдіе Божіе, въ домъ св. Троица, а міръ облеская лживыми словеса, а рья міру тако: „нѣсть вамъ въ томъ нивагого грѣха, толко вы отнемъ тую землю и воду отъ дому св. Троица, да мнѣ дайте въ монастырь, а то язъ вѣдаю“ (т. IV, стр. 237-8).

Помѣстивъ такую характерную замѣтку, лѣтописецъ, къ сожалѣнію, не разъяснилъ намъ: подобный поступокъ игумена представлялъ ли собою явленіе исключительное или былъ явленіемъ въ средѣ псковскаго монашества весьма распространеннымъ? Въ послѣднемъ случаѣ замѣтка была бы очень цѣнною для характеристики юридическихъ взглядовъ мѣстнаго монашества и его отношенія къ общественнымъ дѣламъ.

Другимъ источникомъ по исторіи псковскаго монашества служить Псковская Судная Грамота—XIV в. ¹⁾. Это—памятникъ не историческій, а правовой; въ немъ, поэтому, нѣтъ фактическихъ свѣдѣній о монашествѣ, а есть лишь указанія на формально-юридическое его положеніе, на права и преимущества, которыя закономъ предоставлялись этому церковному институту. Статьи Грамоты получаютъ свой интересъ при сопоставленіи ихъ съ самыми актами судопроизводства по дѣламъ монастырскимъ, какъ они изложены въ монастырскихъ документахъ. Въ Грамотѣ встрѣчаемъ подтвержденіе извѣстій другихъ памятниковъ о существованіи у монаховъ частной собственности, о занятіяхъ монастырей торговлею, о зависимости монаховъ въ судебномъ отношеніи отъ владычнаго намѣстника. Эти свѣдѣнія интересны опять потому, что они разъясняютъ намъ, какъ смотрѣло мѣстное общество на такіа недозволительныя съ канонической точки зрѣнія явленія въ монастырской жизни, какъ, напр., торговля ²⁾.

При оцѣнкѣ лѣтописныхъ извѣстій о монашествѣ имѣло бы свое значеніе точное рѣшеніе вопроса: откуда почерпалъ свои извѣстія о монастыряхъ лѣтописецъ? Къ сожалѣнію, у него нѣтъ для этого какихъ-либо прямыхъ данныхъ, и потому приходится рѣшать этотъ вопросъ лишь предположительно.

Несомнѣнно, что значительная часть извѣстій могла быть сдѣлана на основаніи личныхъ наблюденій лѣтописца; но это не исключаетъ возможности, что лѣтописецъ пользовался и монастырскими записями, особенно когда ему приходилось говорить о событіяхъ давнихъ. Что въ монастыряхъ велись записи о времени построенія церквей, о чудесныхъ событіяхъ, происходившихъ въ монастыряхъ, поминальныя записи и хозяйственныя замѣтки,—это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Сохранились, по крайней мѣрѣ, позднѣйшія записи, XV—XVII в.в., представляющія собою частію копии, частію обработку записей древнѣйшихъ. О времени построенія храма есть, напр., запись (подновленная) на иконостасѣ Успенской церкви Святогорскаго монастыря. Сохранились въ спискахъ XVII в. синодики большинства извѣстныхъ псковскихъ монастырей, и о синодикѣ Печерскаго монастыря знаемъ, что въ краткой формѣ, въ видѣ „поминанья церковнаго“, онъ существовалъ еще въ начальную пору исторіи монастыря. Есть записи о чудесныхъ событіяхъ, сдѣланныя на предметахъ, съ которыми соединялась память объ этихъ событіяхъ. Такъ, напр., на древнемъ паникадилѣ Ивановскаго монастыря, предъ иконою Спасителя, имѣется запись о чудесномъ истеченіи мира отъ иконы въ продолженіе 12 дней. На иконѣ Богоматери Любятов. церкви (бывш. м-ря) помѣщена замѣтка о посѣщеніи монастыря Іоанномъ IV накануне предполагавшагося разгрома Пскова. Въ ней разсказывается, что колокольный звонъ къ утренѣ

¹⁾ Мы обще опредѣляемъ время написанія Пск. С. Грамоты. Болѣе подробныя опредѣленія см. у проф. Сергѣевича: „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи рус. права“, 2 изд. Спб. 1899 г., стр. 29—30.

²⁾ Пск. Суд. Грам. изд. 2. Одесса 1868 г. стр. 6, 15.

въ Псковѣ умиротворяюще подѣйствовали на жестокаго царя, и, умилившись душою, Грозный приказалъ своимъ приближеннымъ прекратить убійства. На иконѣ Б. М. въ покровской церкви (б. м.) помѣщено подробное описаніе явленія Б. М. въ сонѣ псковскихъ подвижниковъ слѣщцу Дороею, въ 1581 г. ¹⁾. По свидѣтельству печерскаго лѣтописца, послѣднее чудо было описано какимъ-то пѣвцомъ Митрофаномъ.

Разказы о первыхъ двухъ событіяхъ мы находимъ и въ лѣтописяхъ: подъ 1243 г. въ I Новгор. (изд. 1888 г. стр. 262—3), подъ 1570 въ I Псков. лѣтописи (стр. 343),—въ Новг. въ болѣе краткой, въ Псковской въ болѣе подробной передачѣ, чѣмъ въ записяхъ.

Конечно, наличность этихъ разсказовъ въ лѣтописяхъ не говоритъ еще, чтобы лѣтописецъ непременно пользовался монастырскими о нихъ записями. Записи и лѣтописный разказъ могли составляться независимо однѣ отъ другого. Но анализъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій о монашествѣ даетъ основаніе предполагать дѣйствительную зависимость лѣтописи отъ старинныхъ монастырскихъ записей. Примѣръ этому можно видѣть въ одномъ изъ раннѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій о монашествѣ, подъ 1299 г. Извѣстіе подъ этимъ годомъ въ I Пск. лѣт. приведено въ двухъ редакціяхъ: въ формѣ краткой, первоначальной записи и—болѣе подробной.

Первоначальная запись.

6807 г. „Тоя же зимы изгоняша нѣмцы ратю посадъ у Плескова мѣсяца марта въ 4 д., избиша черницы, и черница и убогия и жены и малыя дѣтки, а мужи Богъ ублюде.

т. IV стр. 180. Ср. т. III, подъ 6806 г. стр. 304.

За первоначальность этой записи говоритъ и написаніе: „Плесковъ“, вмѣсто позднѣйшаго—„Псковъ“.

Распространенная.

Тоя же зимы, грѣхъ ради нашихъ, изгоняша нѣмцы изгонною ратю посадъ у Пскова, въ лѣто 6807, мѣсяца марта въ 4 д., на память св. муч. Павла и Ульяны, и избиша игумены; тогда убиенъ бысть Василий игумень св. Спаса, Іосифъ прозвиреть, Іасафъ игумень святѣй б-цѣ Святой Горѣ и съ ними 17 мниховъ и черница и черница и убогия и жены и малыя дѣтки, а мужей Богъ ублюде.

ib. стр. 182, ср. т. V, стр. 7.

Очевидно, что имена убитыхъ нѣмцами псковскихъ иноковъ заимствованы лѣтописцемъ изъ синодиковъ Мирожскаго и Снѣтоторскаго монастырей.

Одинаковый источникъ имѣетъ для себя и первое лѣтописное извѣстіе о монашествѣ, подъ 1272 г.: „и возьмъ же игумень Сидоръ мечъ, и весь іерѣйскій чинъ, препоясавше мечемъ, и благословіша и отпустиша“ Довмонта на битву съ нѣмцами (т. IV стр. 182). Біографъ Довмонта доба-

¹⁾ Князевъ А. „Указатель достопам. г. Пскова“, М. 1858 г., стр. 33, 37, 13—16. Свящ. Лебедевъ. „Погость Любятово“, стр. 2.

вляеть: „Исидоръ, игумень Спасо-Мирожскаго монастыря“¹⁾). И здѣсь имя игумена заимствовано, вѣроятно, изъ старинной записи или монастырской, или троицкой.

Вообще фактъ пользованія лѣтописцемъ старинными монастырскими записями представляется весьма вѣроятнымъ. Но эти записи еще больше могли пригодиться для специально монастырскихъ историковъ. У нихъ мы встрѣчаемъ уже прямыя извѣстія о пользованіи старинными монастырскими записями. Теперь мы и перейдемъ къ обзору этой второй группы источниковъ по исторіи мѣстнаго монашества.

Однимъ изъ болѣе раннихъ и болѣе достовѣрныхъ памятниковъ монастырской исторіи является лѣтопись Псково-Печерскаго монастыря.

Лѣтопись Псково-Печерскаго монастыря сохранилась въ двухъ редакціяхъ: начальной, краткой, составленной въ первой половинѣ XVI в., и позднѣйшей, представляющей собою продолженіе начальной и ея переработку, писанной въ концѣ того же вѣка и дополненной, затѣмъ, нѣкоторыми статьями въ началѣ XVII в.

При изученіи первой редакціи мы пользуемся двумя ея рукописными списками: библ. Тр. Сер. Л., № 679, XVII в., и Волок. библ.—М. Д. А. № 659, XVI в. Здѣсь этотъ памятникъ помѣщенъ подъ заглавіемъ: „О печерскомъ монастырѣ во Псковѣ“, которое представляетъ собою сокращеніе болѣе полнаго заглавія другихъ списковъ. Судя по указаніямъ Строева и митр. Евгенія, памятникъ этотъ имѣеть, впрочемъ, различныя названія: 1) „Повѣсть о началѣ печерскаго монастыря, иже во градѣ Псковѣ“, 2) „Повѣсть о началѣ печерскаго монастыря, подлежащаго близъ Ливонскіе земли“ и 3) „Сказаніе, отгуду бысть прозваніе печерскому монастырю во Псковѣ“²⁾). Въ сущности, ни одно изъ этихъ названій не даетъ намъ точнаго представленія ни объ объемѣ этого памятника, ни о характерѣ его содержанія, такъ какъ названія: „повѣсть“ и „сказаніе“, очень распространенныя въ древне-русской письменности, не заключали въ себѣ точной терминологіи и нерѣдко прилагались къ такимъ памятникамъ, которые по своему содержанію менѣе всего могутъ быть названы историческими. Правильнѣе назвать письменный источникъ исторіи Псково-печерскаго монастыря лѣтописью, такъ какъ онъ, по справедливому замѣчанію Строева, представляетъ собою „полную хронику“ событій этой обители. Но разумѣется, что и послѣднее названіе можетъ быть усваиваемо разсматриваемому памятнику не въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно усваивается древне-русскимъ лѣтописямъ. Монастырская хроника не могла, конечно, представлять собою погодной записи монастырскихъ событій. Для такой систематической записи не хватало матеріала и у русскихъ лѣтописцевъ, нерѣдко оставившихъ пустыя мѣста или ограничивавшихся замѣтками въ родѣ того, что

1) Повѣсть о нач. Пск. Печер. м-ря. М. 1831 г. стр. 34 об.

2) Строевъ. Библ. слов. и черн. къ нему матеріалы. Спб. 1882 г. стр. 380, 182. М. Евгеній. Словарь ист. о писат. духов. чина 1827 г. изд. 2, т. I стр. 340.

„въ сіе лѣто ничтоже бысть“. Тѣмъ больше такихъ пустыхъ мѣстъ могло быть у монастырскаго лѣтописца, особенно по отношенію къ событіямъ печальной исторіи монастырскаго жизни. Отсюда, названіе: „лѣтопись“ болѣе относится къ характеру этого памятника, какъ въ полномъ смыслѣ историческаго труда, чѣмъ въ внѣшнему его составу.

Начальная лѣтопись была составлена въ печерскомъ монастырѣ игуменомъ Корнилиемъ, въ 1531 г. Эту хронологическую дату находимъ въ концѣ рукописныхъ ея списковъ. „Написана же бысть сія повѣсть въ лѣто 7039, при державѣ государя великаго князя Василія Ивановича всеа русіи и при архіепископѣ великаго Новограда и Пскова владыки Макарія“¹⁾. Замѣтка эта относится къ окончанію работы, время же составленія этого памятника приблизительно можетъ быть опредѣлено упоминаемыми въ предисловіи именами печерскихъ игуменовъ Дороева и Герасима, изъ которыхъ первый управлялъ монастыремъ въ 1523—1526 г.г., второй—до 1529 г. По благословенію этихъ настоятелей, и взялся авторъ за свою работу.

Въ предисловіи разъяснены и причины, вызвавшія составленіе повѣсти, а равно указаны и тѣ задачи, которыя преслѣдовалъ въ этомъ случаѣ ея составитель. Именно: о происхожденіи монастыря и о жизни перваго его инова ходили въ то время самые разнообразныя и невѣрныя толки. Имъ нужно было положить конецъ, представить болѣе точное и вѣрное описаніе начальныхъ событій печерской жизни, и эту задачу возложили на автора повѣсти игумень и братія Печерской обители²⁾. Но кромѣ этой чисто исторической цѣли составитель имѣлъ въ виду и цѣль болѣе общаго, назидательнаго характера: сохранить въ памяти монаховъ „предивная и досточюдная благодѣанія въ земли сей паче жъ въ томъ святѣмъ мѣстѣ печерномъ пречистою богородицею“, о которыхъ также не было точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній³⁾. Въ концѣ своего предисловія самъ авторъ точнѣе опредѣляетъ содержаніе своей повѣсти, а равно указываетъ и источники, на основаніи которыхъ она составлена. „Испытавше отъ старыхъ челоувѣкъ и ту жившихъ близъ монастыря пречистыя, яже суть истинна и не ложна; свидѣтель же сему богъ и богородица: ничтоже вписа отъ своего ума еже не бѣ, но еже бысть и бываетъ, и яже слышахомъ, иная же и видѣхомъ, и, извопрошавше правое, положихомъ писаніемъ памяти ради и единорѣчія по насъ братіямъ, како

¹⁾ Рук. № 679. Т. С. Л. л. 218.

²⁾ „По благословенію отецъ, и иже преже мене бывшихъ здѣ игумень и священноинокъ Дороева и Герасима, иже быша въ та лѣта, яже строился новый сей монастырь, и по совѣту и проразсуженіемъ всѣхъ яже о Христвѣ брати нашей повелѣно бысть мнѣ худому и грѣшному написати сія, помыслившимъ о семъ имъ и рекшимъ: яко нелѣпо есть пречистыя богородица чудесемъ и явленіе сего мѣста и перваго начальника глаголатися отъ нѣкихъ челоувѣкъ, овъ сице, і иже инако“. л. 210.

³⁾ ib. л. 209 об.

откровенно бысть сіе святое мѣсто и кимъ содѣлана бысть церкви богородичина въ горѣ и по волицѣхъ лѣтехъ та же церковь болши содѣлана бысть и преселеніе въ новый монастырь, яже въ долу (л. 210 об.). Такимъ образомъ, со стороны содержанія начальная повѣсть можетъ быть раздѣлена на двѣ части: исторію возникновенія Псково-печерскаго монастыря и исторію дальнѣйшаго его устройства до 1529 г., т. е. до начала игуменства самого Корнилія. Источниками ея послужили частію устные рассказы монастырскихъ старцевъ и сосѣднихъ мірянъ, частію личныя наблюденія и воспоминанія составителя. Къ числу первыхъ относятся рассказы сибѣтогорскаго инока Патермуфія, — пасынка Ивана Дементьева, во владѣніи котораго находилось мѣсто, занятое впоследствии монастыремъ. Въ семействѣ Дементьева сохранялись, несомнѣнно, точныя воспоминанія и свѣдѣнія о начальной исторіи Печерскаго монастыря. По рассказамъ Патермуфія составлены слѣдующіе отдѣлы повѣсти: объ открытіи Богомъ зданныхъ пещеръ, о приходѣ и жизни здѣсь перваго инока Іоны, о построеніи имъ церкви въ пещерахъ, о надѣленіи Дементьевымъ новаго монастыря землею и о смерти Іоны ¹). Первый отдѣлъ: „объ откровеніи сего святаго мѣста“, составленъ на основаніи рассказовъ изборскаго поселянина Селиша, челоуѣка въ то время стараго („старъ сый“), который вмѣстѣ съ отцемъ, во время охоты, слышалъ на мѣстѣ, занимаемомъ монастыремъ, „въ часъ церковнаго пѣнія, гласы неизреченно поющихъ“ и благоуханіе, хотя и не умѣлъ объяснить, чьи это были „прекрасныя гласы“. Составитель отъ себя сдѣлалъ объясненіе къ этому разсказу, сказавъ: „отъ насъ же мнится, яко быти сіе пѣвое явленіе ангельское и благодать св. Духа освящающе мѣсто то, яко хотяшу Богу показати свою великую милость въ томъ мѣстѣ пречистою Богородицею“ ²). Къ числу старыхъ людей, жившихъ близъ монастыря, отъ которыхъ добывались свѣдѣнія, можно также отнести и упоминаемаго въ повѣсти нѣкоего Захарія, которому самъ преп. Іона передавалъ о неоднократно („многожды“) слышанномъ имъ ангельскомъ пѣніи во вновь устроенной церкви. Впрочемъ, въ текстѣ памятника нѣтъ указаній, чтобы составитель повѣсти лично бесѣдовалъ съ Захаріемъ; его рассказъ могъ быть записанъ по сообщеніямъ уже другихъ лицъ. И къ этому разсказу авторъ дѣлаетъ поясненіе, совершенно сходное съ помѣщеннымъ выше, въ концѣ разсказа Селиши ³). Изъ числа

¹) Послѣ разсказа объ открытіи пещеръ составитель замѣчаетъ: „о семъ же явленіи сказаваше намъ инокъ Тернуое снятогорскаго монастыря, иже пасынокъ тому Ивану Подгорьскому бысть; и иная же и прочая отъ того жъ слышахомъ“. л. 211 об.

²) ib. л. 211 и 210 об.

³) Яко жъ и самъ той преже бывшій Іона священникъ сказываше нѣкоему челоуѣку Захарію Кляпину о семъ, яко многожды, рече, слылахъ пѣнія бывающая въ церкви Богородичины. Сіе же все предвозвѣщаемо бываше отъ ангель Божіихъ, яко хочеть Богъ и пр. Богородица в той святей церкви безпрестани славима быти, яже нынѣ и збытсѣя отъ насъ бываемое славословіе къ Богу во вся дни приношеніемъ и пѣснями духовными. (л. 215).

таких же лицъ, какъ Захарія, т. е. лицъ, отъ которыхъ шли рассказы, упоминается еще нѣкто Иванъ Долгій, который, проѣзжая ночью вблизи монастыря, увидѣлъ „свѣтъ стоящъ яко облакъ надъ монастыремъ“ и подумавъ, что въ монастырѣ пожаръ, поспѣшилъ туда на помощь. Видѣніе это относится уже ко времени устройства новаго, вищепещернаго монастыря, и, повидимому, рассказъ о немъ слышалъ самъ составитель, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ его словъ: „сія жъ намъ онъ исповѣда, мы же прославихомъ Бога и пречистую Богородицу“ ¹⁾. Но больше всего было безыменныхъ рассказчиковъ, изъ которыхъ одни слышали гѣніе и видѣли неизвѣстно гѣмъ зажженные въ монастырской церкви свѣчи, другіе, подобно Селищѣ, ощущали особое благоуханіе. Изъ числа этихъ безыменныхъ рассказчиковъ нужно выдѣлить упоминаемыхъ пятнадцать человекъ „сызборьскаго града“, посланныхъ „для поймки языка“ во время перваго нападенія нѣмцевъ на обитель. На основаніи ихъ рассказовъ описаны подробности безчиній, допущенныхъ неприятели въ монастырской церкви, и чудеснаго наказанія, обратившаго безчинниковъ въ бѣгство. По замѣчанію составителя повѣсти, въ это время въ монастырѣ не было ниего изъ монаховъ ²⁾. Нужно думать, что всѣ такіе рассказы окрестныхъ жителей были хорошо извѣстны въ монастырѣ, и составителю повѣсти не было, слѣдовательно, нужды самому разспрашивать живыхъ свидѣтелей описываемыхъ имъ событій.

Меньше свѣдѣній, по крайней мѣрѣ изъ начальной исторіи монастыря, можно было найти среди самихъ иноковъ, такъ какъ, по свидѣтельству повѣсти, монастырское братство въ начальную пору было очень маленькое, состояло изъ двухъ-трехъ человекъ, а иной разъ монастырь дѣлался и совсѣмъ необитаемымъ, какъ, напр., при первомъ разореніи обители. Но все-таки и здѣсь составитель кое-что узнавалъ въ дополненіе къ рассказамъ мірянъ. Такъ, онъ самъ говоритъ, что чудесный свѣтъ надъ монастыремъ приходилось видѣть нѣкоторымъ и изъ монаховъ. Такимъ образомъ, рассказы мірянъ находили для себя подтвержденіе и со стороны монастырской братіи, заслуживавшей, конечно, большаго довѣрія ³⁾. Затѣмъ, многое могъ узнать составитель повѣсти отъ игуменовъ Дорофея и Герасима, „иже быша въ та лѣта, яже строился новый сей монастырь“ ⁴⁾. На основаніи исключительно монастырскихъ преданій сдѣланы замѣтки: объ устройствѣ „ветхаго“ монастыря священноинокомъ Мисаиломъ, о его преем-

¹⁾ л. 215 и об. О времени видѣнія сказано: „егда строился новый сей монастырь“. л. 215.

²⁾ „Нѣкогда же нашедшимъ нѣмцомъ ратию на сіе мѣсто, игумену и братіи монастыря пречистыя бого родицы отбѣгшимъ“, л. 214. И къ этимъ рассказамъ авторомъ сдѣлано поясненіе: „вся же сіе бысть помощію пречистыя Богородицы“, л. 214 об.

³⁾ Нѣдци жъ отъ нашихъ братій многожды видяху свѣтъ въ нощи, стоящъ надъ монастыремъ пречистыя, яже въ долу; и не отъ нашихъ же точію видѣвше, но и отъ мірскихъ“. л. 215.

⁴⁾ л. 210.

никахъ, непоименованныхъ авторомъ, о малочисленности первоначальнаго братства и вообще о неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ развитія монастырской жизни: о скудости, убожествѣ и объ опасностяхъ пограничнаго положенія монастыря, требовавшихъ отъ первыхъ насельниковъ св. мѣста великаго терпѣнія. Въ пору составленія повѣсти въ монастырѣ эти преданія не были еще записаны. Но возможно предположить, что преп. Корнилій пользовался „церковнымъ поминаньемъ“, т. е. монастырскимъ синодикомъ, въ которомъ были записаны имена первыхъ иноковъ. По свидѣтельству продолжателя повѣсти, этотъ синодикъ былъ заведенъ раньше Корнилія, однимъ изъ первыхъ игуменовъ, и былъ извѣстенъ преподобному.

Всѣ эти отмѣченные устные рассказы имѣютъ свою безусловную цѣнность, во-первыхъ, потому, что они принадлежатъ или современникамъ и очевидцамъ описанныхъ событій, какими, напр., были Селиша и Иванъ Долгій, или лицамъ, передававшимъ со словъ очевидцевъ, какъ, напр., инокъ Патермуфій. Во-вторыхъ, будучи собраны въ монастырѣ, различныя преданія и рассказы еще до составленія повѣсти были уже и провѣрены, часть ихъ была признана не заслуживающею довѣрія, такъ какъ, по словамъ памятника, въ нихъ „нелѣпо“ (л. 210), т. е. несоотвѣтственно съ важностію событій, передавалась начальная исторія обители и чудеса Богоматери. Но цѣнность описаній, составленныхъ на основаніи устныхъ рассказовъ, увеличивается еще тѣмъ, что и самъ составитель повѣсти относился критически къ своимъ источникамъ, пользовался лишь тѣмъ, что заслуживало полнаго довѣрія. Такъ, у него мы не находимъ не только описанія жизни, но даже и упоминанія о первомъ изъ печерскихъ старцевъ — преп. Маркѣ, такъ какъ рассказы о немъ, по замѣчанію продолжателя начальной лѣтописи, показали преп. Корнилію невѣроятными. Пропускъ такого факта, дававшего возможность менѣе разборчивому въ историческихъ показаніяхъ писателю отнести къ болѣе раннему времени начальную страницу исторіи Псково-печерской обители, уже самъ по себѣ свидѣтельствуетъ, съ какимъ вниманіемъ относился составитель повѣсти къ исполненію возложеннаго на него дѣла и какъ осторожно онъ пользовался своими источниками. Также внимательно относился Корнилій и къ внѣшней сторонѣ своей работы. Составленные по рассказамъ описанія не страдаютъ излишними подробностями въ ихъ изложеніи и въ личныхъ авторскихъ объясненіяхъ. Внѣшняя форма соотвѣтствуетъ содержанію рассказовъ, и съ этой стороны составитель повѣсти является однимъ изъ рѣдкихъ монастырскихъ писателей, чуждыхъ стремленія украшать свой рассказъ и увеличивать его объемъ различными риторическими амплификаціями.

Кромѣ устныхъ рассказовъ, источникомъ начальной лѣтописи послужили еще личные наблюденія и воспоминанія составителя; какъ самъ онъ говорить: „иная же и видѣхомъ“ (л. 210 об.). Воспоминанія эти относятся, впрочемъ, уже къ позднѣйшему времени. Преп. Корнилій скончался въ 1570-мъ году, на 69 году своей жизни, по свидѣтельству монастырской подробной лѣтописи, пробывъ игуменомъ 41 годъ. Если эта хронологія вполнѣ точна, то выходитъ, что онъ возведенъ былъ на игуменство

очень молодымъ человекомъ, 27—28 лѣтъ. Несомнѣнно, что нѣкоторое, хоть и непродолжительное, время онъ прожилъ въ монастырѣ въ числѣ рядовой братіи. Такимъ образомъ, время его прихода въ Печерскій монастырь можно отнести ко времени игуменства Дороея или Герасима. Судя по выраженію Корнилія объ этихъ игуменахъ, что они „быша въ та лѣта, яже строился сей монастырь“, можно думать, что самъ преподобный не былъ еще въ обители до 1523 г., т. е. до освященія вновь построенной Успенской церкви. Но и послѣ этого составителю повѣсти пришлось еще лично наблюдать скудость и убожество печерской обители, какъ видно изъ собственныхъ его словъ. Именно: сказавъ, что при предшественникахъ Дороея часто не доставало въ монастырѣ хлѣба для братіи и что, получая отъ благотворителей жито и овесъ, монахи, ссыпавъ зерна вмѣстѣ, мололи своими руками и изъ этой смѣси приготовляли для себя хлѣбъ,—онъ, затѣмъ, дополняетъ: „такихъ же хлѣбовъ и азъ застахъ въ томъ монастырѣ“ (л. 214). Это убожество монастырское продолжалось и все время игуменства Дороея и Герасима, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ повѣсти: „бѣ убо при нихъ игуменствѣ во всемъ было скудость и терпѣнія великаго потреба въ то время бываетъ“ (л. 217).

Главное дѣло, совершенное при игуменѣ Дороеѣ: поставленіе Успенскаго храма, авторомъ описано подробно. Онъ отмѣчаетъ „велико тщаніе“, проявленное Дороеемъ, и тѣ „многи“ труды, которые пришлось перенести малочисленному тогда, состоявшему всего изъ 6-ти человекъ, печерскому братству. На своихъ плечахъ игуменъ и братія переносили съ ветхаго монастыря на новое мѣсто келии и трапезу. Изъ числа этихъ братій, какъ особенно ревностный помощникъ настоятелю, упоминается старецъ Филаретъ (л. 216). Здѣсь же авторъ повѣсти отмѣчаетъ и помощь обители со стороны христіанцевъ, на пожертвованія которыхъ нанимались „древодѣли“. Первое мѣсто между этими христіанцами занималъ дьякъ великаго князя Мисюрь Мунехинъ, о которомъ авторъ говоритъ, какъ о главномъ помощникѣ и благотворителѣ строившейся обители¹⁾.

Но составитель повѣсти не оканчиваетъ своихъ рассказовъ объ устройствѣ новаго монастыря, въ частности, ничего не говоритъ онъ о дѣятельности своего предшественника, игумена Герасима, которому пришлось продолжать неоконченное дѣло Дороея. Онъ лишь глухо замѣчаетъ о нестроеніяхъ въ монастырской жизни, мѣшавшихъ дѣлу окончательнаго внутренняго устройства монастыря. По проiscaмъ какаго-то „враждолюбца“, вынужденъ былъ оставить игуменство Дороеей. Черезъ три года была прервана и дѣятельность Герасима, тоже „отъ нѣкихъ зломысленниковъ“. Откуда шли эти вражда и зло—ничего не говоритъ авторъ повѣсти. Вѣроятно, какъ современнику описываемыхъ событій, ему не совсѣмъ было удобно

¹⁾ Посла жь Богъ такихъ строитель, отъ кого мочно строитися: великаго князя діаку Мисюрю Мунехину мѣсто и церковь пр. Богородицы видѣвшу и вѣру велику стяжа къ пр. Богородицы и начать спомогати къ строенію монастырскому. (л. 216).

останавливаться на подробностях ихъ объясненія. Авторъ повѣсти ограничился лишь общою характеристикою этихъ игуменовъ-строителей, потрудившихся „Бога ради, а не мзды ради коея“ (л. 216 об.). Ничего не говоритъ Корнилій и о личныхъ своихъ трудахъ по устройству обители, ограничиваясь общимъ замѣчаніемъ, что въ пору составленія имъ повѣсти устройство обители уже закончилось, время скудости и убожества прошло, и въ монастырѣ „Божіею милостію и пр. Богородицы и великаго вѣня жалованьемъ“ водворилось довольство и даже изобиліе во всемъ. Въ заключеніе повѣсти авторъ дѣлаетъ общее замѣчаніе о чудесахъ, совершавшихся въ Печерскомъ монастырѣ, прославившихъ обитель не только среди окрестныхъ ея жителей—псковичей, но и среди иновѣрныхъ „латинянь нѣмецкіа земли“. Авторъ не считаетъ нужнымъ подробно говорить объ этихъ чудесахъ, такъ какъ они общеизвѣстны и настолько многочисленны, что ихъ „не мощно исчитати“. По его словамъ, онъ дѣлаетъ лишь начало ихъ записи: „сіе убо начало токмо вписахъ“ (л. 217 и об.). Выше, на л. 213 об., онъ отмѣчаетъ и первое чудо, происшедшее при освященіи первой церкви въ 1473 году. Этими замѣтками о чудесахъ авторъ выполняетъ, такимъ образомъ, первую цѣль своей работы: сохранить въ памяти потомковъ „дивная Божія чудеса“.

Нѣтъ нужды подробно говорить объ историческомъ значеніи разсмотрѣннаго нами памятника. Для изученія начальной исторіи Псково-печерской обители это—незамѣнимый источникъ, подобнаго которому не имѣетъ почти ни одна изъ древне-русскихъ обителей. Необходимо въ дополненіе къ характеристикѣ начальной печерской лѣтописи добавить лишь одну черту, по которой она является памятникомъ въ строгомъ смыслѣ историческимъ,—это точность хронологическихъ опредѣленій. Авторъ точно, съ обозначеніемъ года, именъ новгородскаго архіепископа и псковскаго намѣстника—князя опредѣляетъ время освященія церкви, построенной преп. Іоною. Еще точнѣе обозначено у него время начала работъ и время освященія второй церкви при игуменѣ Дороѣевѣ. Въ первомъ случаѣ, въ качествѣ хронологическихъ датъ, у него указаны: промежутки времени отъ освященія первой церкви—49 лѣтъ, и 12 лѣтъ, прошедшихъ съ того времени: „отъ внегода же бывшу благовѣрному вел. князю Василію Ивановичю всеа русіи въ своей отчигѣ во Псковѣ и посадниковъ болшихъ людей вывелъ“ (л. 215 об.). Во второмъ случаѣ указаны годъ и число: 7031, августа 15 (л. 216). Точно указано и время управленія монастыремъ игуменовъ Дороѣея и Герасима. Имѣя въ большинствѣ случаевъ въ монастырской письменности дѣло съ такими неопредѣленными обозначеніями событій начальной исторіи древне-русскихъ монастырей, какъ напр.: „многу времени минувшу“, „мало времени минувшу“,—изслѣдователь начальной лѣтописи еще болѣе дорожитъ точностію хронологическихъ датъ въ этомъ памятникѣ.

Помимо своего значенія для исторіи Псково-печерскаго монастыря, начальная лѣтопись имѣетъ и болѣе широкую историческую цѣнность. По отзыву проф. В. О. Ключевскаго, печерская лѣтопись представляетъ

собою одинъ изъ любопытнѣйшихъ источниковъ по исторіи русской колонизаціи и особенно цѣнна она для опредѣленія связи монастырской колонизаціи съ земскою ¹⁾).

Литературный трудъ преп. Корнилія нашель для себя продолжателей въ Печерскомъ монастырѣ. Памятникомъ этой послѣдующей монастырской литературной работы является пространная лѣтопись, сохранившаяся въ рукописныхъ спискахъ первой половины и конца XVII в. Она имѣетъ слѣдующее заглавіе: „повѣсть списана о печерскомъ монастырѣ, иже во псковской земли и о Марцѣ печерскомъ, первомъ старцѣ, и о игуменѣхъ, въ ней же явлено вкратцѣ и о чудесѣхъ отъ иконы преч. Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, и о избавленіи града Пскова и обители отъ плѣненія въ нашествіе безбожнаго короля литовскаго Стефана Обатура“ ²⁾. Заглавіе это не совсѣмъ точно передаетъ содержаніе большинства рукописныхъ списковъ, имѣющихъ дополненія къ послѣдней статьѣ. Въ рукописныхъ спискахъ А. М. И. Д. № 399 и библіотеки Псково-печерскаго монастыря находимъ, кромѣ упомянутыхъ въ заглавіи, слѣдующія еще статьи: „о переложеніи мощей старцевъ печерскихъ“, „о крестохожденіи въ Псковѣ“ и подробное, а не вкратцѣ, описаніе чудесъ ³⁾.

Трудно рѣшить вопросы о томъ, кѣмъ именно составлена подробная монастырская лѣтопись, въ какое время и какой она имѣла первоначальный свой составъ. Нѣкоторыя руководящія указанія даетъ намъ, впрочемъ, рукописный списокъ библіотеки А. М. И. Д. № 470. Здѣсь мы имѣемъ болѣе ранній составъ лѣтописи, безъ дополнительныхъ статей, соотвѣтствующій приведенному выше заглавію. Въ концѣ, на л. 372 и об., разъяснены и обстоятельства составленія первыхъ трехъ статей. „Собраны жъ сія три повѣсти, отъ многихъ скудная, по благословенію господина Тихона, архіепископа Казанскаго, понуженіемъ печерскаго монастыря епископа аввы Исаія, съ ними свидѣтельствомъ тоя обители игумена Никона, труды жъ и списаніемъ ихъ лѣностнаго послушника, именовъ буквъ численныхъ слогу: третьему сотое съ осьмымъ, паки жъ и съ третіемъ седмъ десятое, сотое жъ паки съ десятымъ и тысящное“ (Григорія).

Въ позднѣйшей статьѣ: „о крестохожденіи“ упоминается „діакъ григорій иконникъ“, который, можетъ быть, и былъ одно лицо съ этимъ послушникомъ. Участіе архіепископа Тихона, по благословенію котораго произведена эта работа, легко выясняется. До поставленія въ архіепископа Казанскаго онъ былъ игуменомъ Печерскаго монастыря и именно во время осады монастыря и Пскова войсками Стефана Баторія ⁴⁾. Но

¹⁾ Д. Р. Ж. Св. стр. 250.

²⁾ Заглавіе приводимъ по спискамъ библ. А. М. И. Д. № 470, гл. 18, л. 322 об., № 399 л. I и 6-ки Печ. мон. л. I.

³⁾ По монастырской рукописи л. 50—62, л. 62—85, 85—118. По архив. рук. № 399, л. 48—53, л. 65—82.

⁴⁾ О Тихонѣ у еп. Амвросія „Ист. Рос. Іер.“ ч. I, М. 1807 стр. 99 и у Строева „Списки іер. и наст.“ стр. 287 и 385.

остаётся не совсемъ понятнымъ, принадлежитъ ли составленіе повѣсти самому Григорію и всё ли три статьи составлены однимъ и тѣмъ же лицомъ. По этимъ вопросамъ въ текстѣ памятника нѣтъ указаній. Содержаніе статей даётъ лишь право предположить одновременность ихъ происхожденія. Главная статья: объ избавленіи Пскова и обители отъ осады Стефана Баторія,—составлена вскорѣ послѣ этого событія и притомъ очевидцемъ и участникомъ въ защитѣ обители, какъ самъ онъ говоритъ въ концѣ своего разсказа. Не раньше этого времени составлены и двѣ предыдущія статьи: о началѣ монастыря и о первомъ печерскомъ старцѣ Маркѣ, такъ какъ онѣ основаны, главнымъ образомъ, на разсказахъ преемника Тихона—игумена Никона. Но работа по составленію лѣтописи началась еще до возведенія Тихона на архіепископскую кафедру, какъ видно изъ слѣдующей замѣтки автора къ разсказу о видѣніи Дороея: „якоже повѣдаша намъ той преждереченный игумень Тихонъ“¹⁾, значить, не позднѣе 1583 г. Сколько времени былъ игуменомъ Никонъ—не извѣстно, но въ 1587 году, какъ видно изъ предисловія къ описанію чудесъ, игуменомъ былъ уже Мелетій. Между 1583 и 1587 г. г. и составлена, значить, эта первая часть подробной лѣтописи. Ей вполне соотвѣтствуетъ и замѣтка составителя, что о чудесахъ отъ иконы Богоматери здѣсь „явлено вкратцѣ“. И на самомъ дѣлѣ, кромѣ общей замѣтки на л. 371 об. о чудесахъ отъ иконы Умиленія, написанной Арсеніемъ Хитрошемъ, нѣтъ никакихъ новыхъ указаній по сравненію съ лѣтописью Корнилія.

Позднѣйшія статьи: о переложеніи мощей печерскихъ угодниковъ, описаніе чудесъ и чинъ крестохожденія, составлены при Мелетіи и Іоакимѣ, между 1587 г. и 1605—1621²⁾. Въ рукописномъ спискѣ Каз. Д. А. № 609, отъ 1632 г., помѣщено еще описаніе монастыря „въ настоящей сей въ 111-й (1603-й) годъ“³⁾. Въ рукописи библіотеки Печерскаго монастыря, списанной въ 1692 г. іеродіакономъ Пятиримомъ, въ приложеніи къ лѣтописи, помѣщенъ позднѣе составленный списокъ игуменовъ и архимандритовъ Печерскаго монастыря⁴⁾.

Самое видное мѣсто въ подробной лѣтописи занимаетъ собою описаніе осады Пскова и въ частности монастыря, раздѣленное на двѣ отдѣльныхъ статьи. Оно представляетъ собою законченный трудъ, сопро-

¹⁾ Монаст. лѣт. л. 26 об.—27. А. М. И. Д. № 399, л. 21 об.

²⁾ Этимъ годомъ помѣчены: 46-е чудо въ Арх. рук. № 399 л. 81, и 54 въ спискѣ С. Б. № 564 (Строевъ стр. 378).

³⁾ Ключевскій Д. Р. Ж. Св. стр. 315. Намъ эту статью, съ сожалѣнію, не удалось воспользоваться.

⁴⁾ Монаст. лѣт. л. 118 об. По указаніямъ Строева описаніе осады есть въ спискѣ Каз. Биб. № 609 и Новг.—Соф. соб., начала 18 в. Въ послѣдней съ слѣдующимъ заглавіемъ: „о нашествіи поганья литвы и нѣмцевъ на обитель пресв. Б-цы на печерскій монастырь, и како взяша его, и о чудеси пр. Б-цы, како избави обитель свою отъ поганыхъ“. (Строевъ Библ. сл. стр. 379—380). Въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчается еще описаніе второй осады монастыря литовцами въ 1611 году.

воздаемый слѣдующею припискою автора: „обаче же, отци честнии и братія, долженъ сый пречистыя Богородицы тмою таланствъ, пребывая въ грубости лѣннества и страхомъ Божиимъ одержимъ, бояхся забвенію предати за сіе, яко и азъ окаянный милостію и храненіемъ ея четверицею плѣненія и смерти отъ сопостатъ избавленъ, кромѣ вѣшнихъ нападеній. Сія же исповѣдахъ, преклоняя колѣни, молю ваше преподобіе: обаче аще кто инъ и выше насъ вѣсть исповѣдати отъ чудесь пречистыя Богородицы, и той да потщится и сія исправить и на среду превести и похваленія пѣсни принести, еже исперва богоблаженнии отци во святѣй соборнѣй и апостольствѣй церкви написана быша въ славу и честь единосущнѣй и животворящей и нераздѣлимѣй троицы О. и С. и св. Д. нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. аминь“¹⁾).

Но списатель былъ очевидцемъ лишь осады монастыря, описаніе же осады Пскова имъ составлено по разсказамъ другихъ лицъ, бывшихъ въ то время въ Псковѣ: игумена Тихона, келаря Арсенія и демественника Ѳерапонта, — какъ видно изъ замѣтки о видѣніи кузнеца Дороея²⁾. Изъ послѣднихъ словъ указанной замѣтки видимъ также, что при описаніи видѣнія Дороея авторъ пользовался и письменнымъ изложеніемъ этого событія, сдѣланнымъ нѣвцомъ Митрофаномъ.

Нападеніе Баторія на Псковъ авторъ повѣсти разсматриваетъ, какъ наказаніе Божіе „за умноженіе грѣхъ нашихъ и крामолы другъ на друга“, еще раньше вызвавшія „позорны смерти, преселеніе людемъ повелѣніемъ царя и имѣнью отъятіе“. Мысль эта ясно высказана и въ описаніи явленія Богоматери Дороею. Только по неотступнымъ слезнымъ просьбамъ преп. Корнилія, Антонія Печерскаго и св. Ниволая Юродиваго, повтореннымъ и другими явившимися святыми, Богоматерь преклонила на милость свой праведный гнѣвъ къ грѣшнымъ жителямъ града Пскова. Силою этой „возбранныя и непобѣдимыя Воеводы, Пресвятыя Владычицы Богородицы“ и былъ, собственно, побѣжденъ и посрамленъ страшный врагъ Пскова.

Судя по замѣчаніямъ автора, нападеніе на Псковъ Баторія не было неожиданнымъ. О немъ еще за 14 лѣтъ, въ 7076 г., предсказаль „въ книзе—лѣтописаніи своемъ“ преп. Корнилій. И позднѣе или, какъ говорить составитель повѣсти: „въ настоящее время, предъ приходомъ короля“, многіе видѣли чудесное предзнаменованіе этого событія: лучи свѣта небеснаго надъ Домантовою стѣною³⁾.

Съ особенною обстоятельностью описана авторомъ осада Печерскаго монастыря. Послѣдовательно описывая событія осады, авторъ точно ука-

¹⁾ Мон. рук. л. 59 об.—60. Архив. № 399 л. 45 об.—46 об.

²⁾ „Яко же повѣдаша намъ той преждереченный игумень Тихонъ, и келарь Арсеній и демественникъ Ѳерапонтъ и писаніемъ нѣкто пѣвецъ Митрофанъ“. А. М. И. Д. № 399 л. 21 об. Отдѣльно описаніе явленія Богоматери Дороею помѣщено въ рукописи № 145/212 А. М. И. Д., л. 205—209.

³⁾ л. 20 об.—21. № 399.

зываетъ время отдѣльныхъ событій, отмѣчая иногда не только число и день, но и часъ, когда какое изъ нихъ совершилось. Кромѣ личныхъ воспоминаній, онъ пользуется здѣсь разсказами другихъ лицъ, какъ защитниковъ обители, такъ и тѣхъ изъ ея враговъ, которые были взяты въ плѣнъ въ началѣ и концѣ осады. Наконецъ, полностью приводитъ онъ грамоту гетмана Яна Замойскаго, писанную на имя игумена Тихона, бывшаго тогда въ Псковѣ,—и отвѣтъ на нее инока Патермуфiя. Но гораздо интереснѣе этихъ подробностей въ изложенiи взглядъ автора на описанныя имъ событiя и оцѣнка ихъ историческаго значенiя. Геройская защита монастыря далеко разнесла славу о печерской обители, сдѣлала ее извѣстною даже въ Римѣ и Царьградѣ. Объ этомъ разсказывалъ составителю повѣсти одинъ изъ плѣнниковъ—Косма Ляпуновъ, возвратившiйся на родину изъ Царьграда. По словамъ автора, сами враги удивлялись героизму инововъ, „укоризну себѣ износяща“ за то, что не могли взять такого маленькаго городка, не имѣвшаго „воевъ храбрыхъ, кромѣ чернцевъ и простыхъ людей“. Удивляясь храбрости инововъ, они даже склонны были объяснять свои неудачи ихъ колдовствомъ. Составитель повѣсти иначе оцѣнилъ и объяснилъ описанныя имъ событiя. Причину успѣха онъ видитъ въ милости и помощи Пречистой Богородицы, вѣра въ небесный покровъ Которой надъ обителию укрѣплялась различными видѣнiями и чудесами. Описанiю послѣднихъ онъ отводитъ значительное мѣсто въ своей повѣсти и обычно дѣлаетъ дополненiя и объясненiя отъ себя. Таковы разсказы о явленiи Богоматери юношѣ Iудiану (л. 33), о видѣнiяхъ монастырскимъ старцемъ Стефаномъ Аникiевымъ преп. Варлаама Хутынскаго и рыболовомъ Сергiемъ, по прозванiю витая брада, „множества етеръ въ бѣлыхъ ризахъ надъ церковию Пречистыя Богородицы“ (л. 34). По поводу послѣдняго видѣнiя авторъ дѣлаетъ отъ себя такую замѣтку: „сихъ юношей мною быти св. 40 мученикъ, иже въ Севастii“, въ честь которыхъ еще при игуменѣ Дороеѣ былъ сооруженъ въ монастырѣ храмъ. Интересно, далѣе, что эти чудесныя видѣнiя подтверждались, какъ передаетъ авторъ повѣсти, и самими врагами: уграми и нѣмцами. По ихъ разсказамъ, во время осады они тоже видѣли „множество вой въ бѣлыхъ ризахъ, бiющихъ насъ“. Они даже дополняли монастырскiе разсказы, передавая о видѣнiи „мужа стара“, днемъ и ночью ѣздившаго на конѣ и появлявшагося на стѣнѣ въ пробитыхъ мѣстахъ. По объясненiю автора, это былъ Николай Чудотворецъ, въ честь котораго былъ сооруженъ храмъ при монастырскихъ вратахъ¹⁾. Словомъ, на ряду съ земными защитниками еще большее участiе въ борьбѣ съ врагами обители принимали ея небесныя покровители, которымъ преимущественно и была обязана своимъ сохраненiемъ печерская обитель. Послѣдняя мысль ясно выражена авторомъ въ передачѣ того впечатлѣнiя, которое произвели разсказы о монастырской защитѣ въ отдаленныхъ отъ обители мѣстахъ. По словамъ упо-

¹⁾ Сего мужа стара мною быти святаго Николая Чудотворца. По печ. изд. повѣсти 1831 г. л. 10 об.

мянутаго выше цареградскаго плѣнника—Космы Лапунова, даже турки, слушая доходившіе до нихъ рассказы о неудачахъ польскаго короля, говорили, что „аще бы и всея вселенныя царіе пришли на восхищеніе града онаго и монастыря, не бы могли взяти домъ Божій и Избавителя и Защитителя ихъ“¹⁾).

Такимъ образомъ, повѣсть объ осадѣ Пскова и монастыря, представляя по своему содержанію подробный и довольно точный рассказъ очевидца описываемыхъ событій, по характеру своего изложенія является вмѣстѣ съ этимъ и назидательнымъ литературнымъ памятникомъ, несомнѣнно, вызывавшимъ у читателя глубокое уваженіе къ печерской обители и благоговѣніе къ ея святынямъ. Въ качествѣ назидательнаго чтенія эта повѣсть и предлагалась въ Псковѣ слушателямъ на трапезѣ послѣ богослуженія, какъ видно изъ слѣдующей замѣтки позднѣйшихъ списковъ лѣтописи: „а на трапезѣ да читается въ повѣсти печерской о нахожденіи литовскаго краля во граду Пскову“²⁾). Значительное же количество сохранившихся рукописныхъ списковъ этой повѣсти можетъ служить доказательствомъ сравнительной распространенности этого памятника среди древне-русскихъ читателей³⁾:

Меньшее мѣсто въ подробной монастырской лѣтописи отводится первымъ двумъ статьямъ: о началѣ обители и о первыхъ ея инокахъ и настоятеляхъ. Причины этого вполне понятны. Начальная исторія Печерскаго монастыря хорошо уже была изложена раньше, преп. Корнилиемъ. Его трудъ и былъ положенъ въ основу разсматриваемой редакціи лѣтописи. Но монастырскій лѣтописецъ, пользуясь письменнымъ памятникомъ, явился не простымъ лишь его переписчикомъ. Онъ вносилъ добавленія и поправки въ своему источнику. Повѣсть Корнилія не совсѣмъ удовлетворяла читателей. Нѣкоторые вопросы изъ начальной исторіи монастыря не нашли въ ней полнаго разъясненія и попрежнему оставались предметомъ толковъ и предположеній людей любознательныхъ. Такъ, Корнилій, какъ уже замѣчено выше, ничего не сообщилъ о первомъ печерскомъ подвижникѣ, преп. Марѣѣ. Его продолжатель и старается восполнить этотъ пробѣлъ. Опуская

¹⁾ ib. л. 13.

²⁾ А. М. И. Д. № 399 л. 57.

³⁾ Кромѣ отмѣченныхъ уже пяти списковъ монастырской лѣтописи извѣстны еще: № 103 (3129) 6-ки Твер. Муз. (Сперанскій, Опис. рук. Твер. Муз., стр. 130) и № 564 Син. Б. Отдѣльно повѣсть осады Пскова и монастыря помѣщена въ рук. № 559 той же Библ. и въ рукописной библиотекѣ графа Толстого, въ спискахъ Антоніева Сійскаго и Макарьева Унженскаго монастырей (Строевъ „Библиографическій словарь“, стр. 378—379).—Въ началѣ XVII в. повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, повидимому, была уже значительно распространена. Какъ можно видѣть изъ „Описи келейной казны патр. Филарета Никитича“ отъ 1630 г. 26 августа, въ патриаршей библиотекѣ имѣлось 3 экземпляра этой повѣсти. (Р. Ист. Б. т. III, стр. 907 и 908). Тамъ же значится: „книга въ четверть въ доскахъ, въ красной кожѣ. писаная, житіе Корнилія чудотворца“ (не Псково-Печерскаго ли?) (908).

предисловіе начальной лѣтописи, онъ составляетъ новое предисловіе, въ которомъ путемъ общихъ замѣчаній о проповѣди ап. Петра и Марка, названныхъ имъ первыми учредителями иноческаго житія, о благоповоривомъ и благопослушномъ Маркѣ, восхваляемомъ въ числѣ древнихъ иноковъ Ѳеодоромъ Студитомъ, и, наконецъ, о первомъ русскомъ инокѣ Маркѣ, гробоконателѣ кіево-печерскомъ,—послѣдовательно устанавливаетъ переходъ къ Марку иноку—псково-печерскому. „Въ сіемъ же богознаменитомъ печерскомъ мѣстѣ,—пишетъ онъ,—онѣмъ же древнимъ тріемъ маркомъ, паки четвертый сей маркъ тезоименить—вѣроу же и терпѣніемъ“¹⁾).

Повидимому, авторъ хочетъ объяснить, что имя Маркъ одно изъ первыхъ иноческихъ именъ, какъ вообще въ христіанской церкви, такъ въ частности—въ церкви русской. Оно было именемъ и перваго псково-печерскаго подвижника.

Но и у позднѣйшаго монастырскаго лѣтописца, рѣшившагося подробнѣе Корнилія разъяснить начальную исторію обителя, не было данныхъ для болѣе точнаго изложенія обстоятельствъ жизни перваго псково-печерскаго подвижника. О немъ онъ могъ лишь слышать рассказы, такіе же разнорѣчивые и маловѣроятные, какіе были и въ пору составления начальной лѣтописи²⁾. Характеризуя эти рассказы, авторъ самъ сознаетъ, что они ничего не даютъ точнаго. „О семъ бо извѣстно не могохомъ обрѣсти, каковъ бѣше старецъ и коего рода человекъ или како въ сіе мѣсто прииде и волико время пожить и како скончася“³⁾. Лучше удалось ему изложить исторію Марка послѣ его кончины. Источникомъ для этихъ описаній послужили монастырскія преданія и въ частности рассказы игумена Нивона. Основываясь на нихъ, лѣтописецъ отмѣтилъ три факта изъ исторіи преп. Марка: запись его въ поминаніе церковное, т. е. въ монастырскій синодикъ, сдѣланную вторымъ послѣ Іоны игуменомъ, переложение въ новый гробъ при игуменѣ Дороеѣ и отношеніе къ Марку преп. Корнилія. Послѣдній рассказъ имѣетъ для насъ особый интересъ, такъ какъ онъ объясняетъ, почему исторія Марка не вошла въ начальную монастырскую лѣтопись, а подробности разсказа въ то же время свидѣтельствуютъ, насколько осторожно относился преп. Корнилій при составленіи лѣтописи къ своимъ источникамъ. „Игумень же Корнилій,—читаемъ мы,—вознепщева о семъ, како объявися имя того старца Марка, понеже бо никто же отъ прежнихъ инокъ исповѣда, еже бы кто о немъ извѣстно вмалѣ извѣстилъ, ниже того игумена написася имя въ поминаніи церковнѣмъ, иже написа имя въ поминаніи того старца Марка; и сего ради повелѣ въ поминаніи имя его загладити, мня въ себѣ и глаголя: яко

¹⁾ Рук. А. М. И. Д. № 470, л. 323 об.; въ рук. № 399 ошибочно написано: „тезоименнѣмъ“, л. 2.

²⁾ „О немъ же,—говоритъ лѣтописецъ,—слышахомъ убо отъ нѣкихъ человекъ въ повѣстехъ обносимо“. л. 2, № 399, М. Рук. л. 1 об.

³⁾ ib.

неправедно написано бысть¹⁾. Но сомнѣвавшійся игумень скоро былъ вразумленъ свыше: „бысть же ему отъ Бога извѣщеніе нѣбако“; именно, онъ былъ наказанъ болѣзнію и тотчасъ раскаялся въ сдѣланномъ имъ: „въ недоумѣніи и скорби величѣй о семъ, еже содѣя о имени Маркове“.—Получивъ чудесное исцѣленіе при гробѣ подвижника, онъ отмѣнилъ свое распоряженіе, снова велѣлъ поминать имя Марка. „И тоя ради вины, заключаетъ лѣтописецъ свой разсказъ, поминаху именемъ тѣмъ перваго старца даже и до нынѣ непремѣнно“ (л. 4 об.). Такимъ образомъ, этотъ чудесный фактъ и явился лучшимъ подтвержденіемъ достовѣрности монастырскихъ преданій о первомъ печерскомъ подвижникѣ. Въ то же время и начальная страница исторіи печерскаго монастыря въ подробной лѣтописи могла быть отнесена къ болѣе раннему времени, такъ какъ „первоначальникомъ“ монастыря является Маркъ, а не Іона, какъ это сказано у начальнаго монастырскаго лѣтописца.

Дополненія въ начальной лѣтописи дѣлаются и при изложеніи дальнѣйшихъ событій исторіи монастырскаго монастыря. Такъ, напр., точнѣе опредѣляется количество земли, отданной въ монастырское владѣніе первымъ жертвователемъ Иваномъ Дементьевымъ: „на поприще“, съ замѣчаніями: „и на горѣ роца березѣ и елье и всякимъ древіемъ украшено“ (л. 10 об.). Затѣмъ, лѣтописецъ называетъ имена тѣхъ „иныхъ игуменовъ“, которые были преемниками Мисаила. Это—Сергій и Симонъ (л. 11). Имена этихъ игуменовъ, по всей вѣроятности, заимствованы изъ монастырскаго синодика. Наконецъ, лѣтописецъ пытается точнѣе опредѣлить время игуменства Герасима, хотя и впадаетъ здѣсь въ хронологическую ошибку. „По игуменѣ же Дороеѣ,—пишетъ онъ,—въ четвертое лѣто царства великаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича всеа русіи, бысть игумень Герасимъ“ (л. 15). На самомъ дѣлѣ это было четвертое лѣто управленія монастыремъ Дороея, а не царствованія Іоанна IV.

Болѣе всего подробностей находимъ въ изложеніи исторіи Богомъ зданныхъ пещеръ, кратко переданной въ начальной лѣтописи. Здѣсь авторъ даетъ описаніе вишняго вида пещеръ и говоритъ объ ихъ назначеніи, какъ монастырскихъ усыпальницъ, гдѣ погребались иноки и нѣкоторые изъ мірянъ. Онъ передаетъ, затѣмъ, интересный взглядъ печерскихъ монаховъ на пещеры, какъ на мѣста особенно святаго, въ которыхъ: „смираду же не бѣ слышати отнюдь ни отъ каковыхъ людей умершихъ“ (л. 18), и одно лишь погребеніе въ которыхъ освобождаетъ умершихъ отъ грѣховъ. Послѣдняя мысль выражена отъ лица псковскаго епископа Геннадія²⁾.

¹⁾ л. 3 об.—4. № 399.

²⁾ Боголюбивый же епископъ Генадій псковскій, слышавъ сія, ужасомъ одержимъ, со удивленіемъ, во умиленіи сице бывъ, глаголаше: яко пречистыя ради матере своея и преп. отецъ молитвами, аще кто и великъ грѣхъ имать, а сподобится положенъ быти во обители пр. Богородицы, въ сей богомзданнѣй пещерѣ, не токмо смрада избудеть, но и грѣховъ прощеніе получить. благодатію Г. Н. I. X., Ему же слава, аминь (л. 18). При обозначеніи одного лишь листа во всѣхъ случаяхъ имѣется въ виду Арх. Рук. № 399.

Для иллюстраціи первой мысли лѣтописецъ приводитъ монастырское преданіе о томъ, какъ въ игуменство Корнилія утонулъ одинъ старецъ, трупъ котораго проплавалъ въ рѣкѣ Пимжѣ шесть дней и успѣлъ уже разложиться. По разсказу, посланные за тѣломъ умершаго старца: „едва возмогоша плоть его взяти, понеже смрадь лють отъ плоти его исхождаше“. Но, какъ только принесли тѣло въ монастырь къ пещерамъ и совершили кажденіе, — „тогда смрадь преста“ (л. 17 об.). Излагая исторію открытія пещеръ, авторъ со словъ игуменовъ Никона и Германа Мирожскаго передаетъ о юродивомъ монахѣ Варлаамѣ, который нѣсколько разъ пытался стереть надпись надъ входомъ въ пещеры, но каждый разъ она была возстановливаема невидимою силою (л. 7 об. М. Лѣт.). Это добавленіе еще болѣе отгѣняетъ чудесный характеръ открытія пещеръ.

Съ описанія дѣятельности игумена Герасима, не охарактеризованной въ трудѣ Корнилія, подробная монастырская лѣтопись принимаетъ уже вполне самостоятельный видъ. Въ этой ея части мы находимъ цѣнныя указанія о введеніи Герасимомъ монастырскаго устава, скрѣпленнаго подписью дьяка Мисюря Мунехина. Съ особенною подробностію лѣтописецъ говоритъ, затѣмъ, о преемникѣ Герасима, преп. Корнилія. Онъ точно отмѣчаетъ годъ поставленія его на игуменство: въ лѣто 7037 (л. 15), и продолжительность времени игуменства преподобнаго: 41 годъ и два мѣсяца (л. 16 об.). Находимъ здѣсь же и нѣкоторыя біографическія указанія о преподобномъ, какъ, напр., о количествѣ лѣтъ его жизни, точное указаніе времени смерти, съ обозначеніемъ не только года, но мѣсяца и дня, а также краткую замѣтку о томъ, что преподобный былъ постриженникомъ Печерской же обители. Подробно передавая о трудахъ Корнилія по благоустройству обители извнѣ и внутри, монастырскій лѣтописецъ старается точно опредѣлить отдѣльныя событія этого времени, — напр., построеніе церквей въ монастырѣ и въ Псковѣ, обнесеніе монастыря каменною оградой и т. н. Въ характеристикѣ преп. Корнилія онъ называетъ его добрымъ пастыремъ, приснопамятнымъ и достоблаженнымъ игуменомъ, который свою жизнь представлялъ для печерскихъ монаховъ „образъ во спасенію“ (л. 17).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ лѣтописецъ говоритъ не какъ очевидецъ событій, но онъ воспроизводитъ ихъ по разсказамъ очевидцевъ или таковыхъ лицъ, которыя передавали слышанное ими отъ очевидцевъ и сами по своему положенію заслуживали особаго довѣрія. Къ первому разряду описаній относится „дивная“, какъ называетъ ее лѣтописецъ, повѣсть объ утонувшемъ старцѣ, которая написана имъ со словъ „древняго старца Ферапонта демественника“¹⁾. На такомъ же разсказѣ очевидцевъ, — игумена Никона и Герасима, — основывается и сообщеніе объ юродивомъ монахѣ Варлаамѣ. Къ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ вторыхъ рукъ, не отъ

¹⁾ Въ замѣткѣ лѣтописца находимъ указанія на разсказы другихъ очевидцевъ. „Слышахъ убо о семъ повѣсть дивну отъ древняго старца Ферапонта демественника и иныхъ самовидцевъ“ (л. 17).

очевидцевъ, относятся преданія о преп. Маркѣ. Такъ, напр., о невѣрїи Корнилія игумень Никонъ передавалъ лѣтописцу слышанное имъ отъ монастырскихъ старцевъ: „Келестина епископа и Маркелла“ (л. 4). Особенно много воспоминаній въ періодъ составленія лѣтописи сохранилось о преп. Корниліи, дѣятельности котораго и обязанъ былъ монастырь своею славою. Изъ характеристики лѣтописца видно, что и самая нравственная личность этого подвижника—мученика имѣла большое вліяніе на его современниковъ.

Первыя двѣ статьи, предшествующія повѣсти объ осадѣ, имѣютъ даже и съ внѣшней стороны законченный видъ, какъ можно убѣдиться изъ приведенныхъ выше словъ еп. Геннадія о значеніи погребенія въ пещерахъ. Къ этому первоначальному своду монастырской лѣтописи сдѣланы были дополненія—краткія и подробныя, послѣднія въ видѣ отдѣльныхъ статей. Къ первымъ относятся замѣтки о поставленіи Іоанномъ Грознымъ игуменовъ Саввы въ 1557 г. и Сильвестра въ 1572 г. (л. 18 об.—19). Вставки эти сдѣланы передъ третьею статью. Такого же болѣе поздняго происхожденія и отсылы о царяхъ Іоаннѣ и Теодорѣ и въ частности объ ихъ отношеніи въ пещерской обители, а также и предшествующая имъ замѣтка о чудесахъ отъ иконы Богоматери. Замѣтки эти поставлены не на мѣстѣ, передъ заключительными словами описателя повѣсти монастырской осады. За позднѣйшую вставку ихъ говорятъ слѣдующія строки, противорѣчащія заглавію памятника: „бываютъ же отъ сея богоносныя пречистыя иконы дивная и неизреченная чудеса съ вѣрою приходящымъ, слѣпымъ прозрѣніе, даже и до днесь, о нихъ же послѣди подробну да скажемъ“ (л. 43). Это подробное описаніе вовсе не входило въ задачу автора, такъ какъ, наоборотъ, о чудесахъ онъ имѣлъ въ виду говорить лишь „вкратцѣ“ (Арх. № 470 л. 322 об.). Къ болѣе подробнымъ дополненіямъ относятся статьи: „о переложеніи мощей“ (л. 46 об.—48), „о крестохожденіи“ (л. 48—65) и описаніе чудесъ (л. 65—82). Событіе, разсказъ о которомъ ведется въ первой статьѣ, относится ко времени игуменства Іоакима и точно опредѣлено: 7108 г. (л. 46 об.). Ко времени этого игумена относятся и описанія крестныхъ ходовъ во Псковъ. Въ содержаніе этой второй статьи входитъ переписка между еп. псковскимъ Геннадіемъ и игуменомъ Іоакимомъ объ уставѣ, по которому долженъ былъ совершаться крестный ходъ. Содержанія устава мы подробнѣе коснемся въ очеркѣ о монастырскомъ богослуженіи.

Статья о чудесахъ имѣетъ въ рукописныхъ спискахъ слѣдующее заглавіе: „о чудесѣхъ Пречистыя Богородицы отъ иконы честнаго и славнаго ея успѣнія, яже во псковской области въ Печерскомъ монастырѣ, и отъ иконы умиленія Пречистыя Богородицы, зовома въ Россіи Владимірскою“ (л. 65).

Въ основѣ этихъ описаній лежитъ, прежде всего, „роспись“, поданная въ 7095 г. игуменомъ Мелетіемъ, согласно запросу о чудесахъ, сдѣланному псковскимъ княземъ Нивитю Романовичемъ Трубецкимъ. Въ эту роспись вошли, впрочемъ, не болѣе, какъ 8 чудесъ, такъ какъ пер-

вое чудо, происшедшее въ Псковѣ во время осады Баторія, помѣщено ранѣе переписки между Трубецкимъ и игуменомъ Мелетіемъ, а 10-ое чудо помѣщено уже подъ 7098 г. (л. 69). Въ Архивскомъ спискѣ помѣщено описаніе 50 чудесъ. Послѣ описанія 40-го чуда находимъ „отписку Геннадія игумену Іоанниму о крестномъ ходѣ“ (л. 76—77 об.).

Описанія чудесъ очень кратки. Большинство изъ нихъ сопровождается хронологическими опредѣленіями года, мѣсяца и числа, а въ нѣкоторыхъ указаны и службы, за которыми совершилось то или иное чудо. Особой исторической цѣнности, въ смыслѣ пополненія лѣтописнаго разсказа о монастырской жизни, эти описанія не имѣютъ, какъ по краткости своего содержанія, такъ и потому, что большинство чудесъ совершилось не въ обители, а въ Псковѣ, во время крестохожденія. Въ описаніи 23-го чуда, отъ 1599 г., передается объ исцѣленіи слѣпой дѣвицы „латынки“, что подтверждаетъ замѣтку начальнаго лѣтописца объ уваженіи къ монастырской святынь даже и иновѣрныхъ людей ¹⁾.

Передъ описаніемъ чудесъ помѣщенъ разсказъ о видѣніи старцемъ Савватіемъ, толмачемъ Василиемъ Аксентьевымъ, да діакомъ Григорьемъ иконникомъ и по нимъ старцемъ Савватіемъ, свѣчи, горѣвшей въ алтарѣ успенской церкви. Передавъ о своемъ видѣніи пономарю Θεодосію и узнавъ отъ послѣдняго, что онъ не зажигалъ свѣчи, они рѣшили, что свѣча эта „невѣдомо отъ кого зажжена“ (л. 64 об. 65). Разсказъ этотъ показываетъ, что чудесныя видѣнія, аналогичныя съ передаваемыми еще преп. Корнилиемъ, повторялись въ монастырѣ и въ концѣ XVI вѣка.

Такимъ образомъ, эта пространная монастырская лѣтопись, пополняя собою свѣдѣнія о начальной исторіи Печерской обители, даетъ возможность прослѣдить монастырскую жизнь до начала XVII столѣтія. Въ то же время по характеру своего изложенія она остается такимъ же историческимъ памятникомъ, съ точными хронологическими опредѣленіями событій, каковымъ является и начальная лѣтопись. Въ объясненіи событій, въ общемъ взглядѣ на монастырскую жизнь позднѣйшіе монастырскіе лѣтописцы остаются вѣрными взглядамъ преп. Корнилія. Въ монастырской жизни они видятъ особый промыслъ и покровъ пр. Б-цы, избравшей Печерскую обитель мѣстомъ для своего прославленія. Понятно отсюда, что съ первыхъ уже страницъ монастырской лѣтописи монастырская жизнь разсматривается съ этой именно точки зрѣнія. Все въ этомъ святомъ мѣстѣ полно чудесъ и видѣній. Проникнутые особымъ уваженіемъ къ своей обители и въ то же

¹⁾ Мон. рук. л. 96 об. А. М. И. Д. № 399, л. 72. Образцомъ краткой записи можетъ служить 13 чудо отъ 1596 г.: „да другой женѣ аннѣ ись порховщины очима прозрѣніе дарова“ (л. 70).—Образцы болѣе точныхъ хронологическихъ опредѣленій: 4-е чудо „на рождество св. Іоанна Предтечи, на литургіи“ (л. 67 об.), 8-е „на обѣдни“ (л. 68 об.), 12-е „на праздникъ покрова Пр. Богородицы, въ церкви, на всенощномъ“ (л. 70), 16—на литургіи (л. 71), 17—„послѣ обѣдни“, 29—„на непорочныхъ“ (л. 79), 43—„минувшу яко часу паки еще чудо дивно показа“ (л. 80).

время хорошо понимая ея значеніе, какъ крѣпкаго мѣста на рубежѣ православной Руси съ иновѣрцами, монастырскіе лѣтописцы высоко цѣнятъ историческое значеніе своего монастыря. Для Пскова Печерскій монастырь—особая святыня, лучшее его украшеніе. Безъ нея „сія жъ земля прежде пуста бѣше таковыя благодати, нынѣ же красится симъ святымъ мѣстомъ“,—замѣтилъ еще начальный лѣтописецъ. Но она,—добавляетъ его продолжатель, „свѣтло сіяеть, яко свѣтило во вся концѣ“. Слава печерской обители, по замѣчанію позднѣйшаго лѣтописца, далеко разошлась по всѣмъ странамъ: „прослу же монастырь той печерскій пречистыя ради Богородицы, неизреченнаго ея поможенія и заступленія, во всѣ скіенскія страны, и въ нѣмецкія острова по Варяжскому морю, даже и до Рима, паче же и до Царя-града“ (л. 40). Такой взглядъ на исторію монастыря, на его обще-русское значеніе, могъ вызвать особый интересъ и къ самому литературному памятнику этой исторіи, превращая его изъ хроники специально монастырской въ назидательную повѣсть объ обще-русскихъ событіяхъ и притомъ, столь важныхъ, какъ борьба „благочестивой“ Руси съ „нечестивымъ“ ненавистнымъ латинствомъ и въ частности съ „безбожнымъ“ его представителемъ—королемъ Стефаномъ. Въ трудную минуту этой борьбы изъ стѣнъ печерской обители раздавался, какъ видимъ, ободряющій голосъ о неодолимости Руси, имѣющей въ порубежномъ мѣстѣ такой крѣпкой оплотъ противъ враговъ, какъ Печерскій монастырь.

Въ содержаніи разсматриваемаго памятника не трудно, затѣмъ, замѣтить еще одну интересную черту во взглядѣ печерскихъ лѣтописцевъ на свою обитель. Именно: въ событіяхъ мѣстной монастырской жизни они склонны были видѣть сходство съ событіями кіево-печерской жизни, вслѣдствіе чего исторія монастыря въ ихъ изложеніи очень часто напоминаетъ исторію кіевской обители. Въ разсматриваемомъ видѣніи Доробоя рядомъ поставлены преп. Антоній и Корнилій. Исторія Марка наводитъ лѣтописца на сопоставленіе этого подвижника съ одноименнымъ ему подвижникомъ кіево-печерскимъ. Для обозначенія одинаковыхъ обстоятельствъ начальной монастырской жизни печерскіе лѣтописцы употребляютъ одинаковые термины, какъ бы заимствованные ими изъ кіевопечерскаго патерика. Такъ напр., пещерный монастырь и здѣсь, какъ и въ Кіевѣ, называется „ветхій“, внѣпещерный—„новый“¹⁾. Эту параллель между мѣстными монастырскими событіями и древне-кіевскими очень ясно выражаетъ составитель подробной лѣтописи въ концѣ описанія Богомъ зданныхъ пещеръ. „О великому челоувѣколюбію Божію, еже, елико хоцетъ, творить. Яко же во древнѣй оной богознаменитой пещерѣ, иже въ Кіевѣ, преп. отецъ Антонія и Θεодосія печерскихъ молитвами, сице и въ сей Богомъ зданнѣй пещерѣ преч. ради Б-цы и преп. старцевъ Марка, Іоны и Корнилія и протчихъ святыхъ молитвами вмѣсто злосмрадія вона благовонна исходитъ

¹⁾ Яковлевъ, Памятники русской литературы XII—XIII в.в. Спб. 1872 г. стр. LXXIV. № 679 Тр. С. Л., л. 216, 215. Одинаковыя выраженія о церквахъ: „малу церковцю“, и „велику“ стр. XIX и LXXIV. ср. л. 213, 216.

даже и до днесь“ (л. 17 об.—18). Но стремление установить параллель въ исторіи двухъ одноименныхъ (печерскихъ) обителей не ограничивается лишь отдѣльными случаями. Оно замѣтно и въ объясненіи общихъ основъ, на которыхъ развивалась монастырская жизнь. По взгляду Кіево-печерскаго лѣтописца, „монастырь тотъ подобенъ небеси“, его жизнь полна чудесныхъ небесныхъ явленій, которыя непонятны для человѣческаго ума. Небесный свѣтъ, ангельское пѣніе неоднократно видятъ и слышатъ иноки и міряне. То же самое, по свидѣтельству лѣтописцевъ, наблюдалось и въ начальной исторіи Псково-печерскаго монастыря, казавшейся столь же чудесной и непонятной. Мѣстные монастырскіе лѣтописцы даже усерднѣе, чѣмъ кіевскіе, стараются побольше собрать такихъ чудесныхъ фактовъ. Ниже мы попытаемся объяснить историческія условія, вызвавшія такое сопоставленіе исторіи двухъ обителей.

Но отмѣченное сходство въ отдѣльныхъ мысляхъ, излагаемыхъ въ историческихъ памятникахъ этихъ обителей, не даетъ возможности точнѣе опредѣлить форму литературнаго вліянія кіево-печерскаго патерика на псково-печерскую лѣтопись, въ частности, установить такую же зависимость послѣдней отъ перваго, какую легко можно наблюдать при сравненіи очень многихъ позднѣйшихъ русскихъ житій съ образцовыми сочиненіями этого рода. Нѣкоторые рассказы псково-печерской лѣтописи такъ, впрочемъ, близки къ соответствующимъ имъ по содержанію рассказамъ кіево-печерскаго патерика, что ихъ зависимость отъ послѣднихъ представляется почти несомнѣнною. Такъ, рассказы о видѣніяхъ нѣкоторыхъ иноковъ и мірянина Ивана Долгаго даже и по изложенію напоминаютъ собою рассказы патерика о видѣніяхъ великокняжескаго боярина и Михаило-архангельскаго игумена Софронія. Для ясности сопоставимъ эти рассказы.

„Нѣцны жь отъ нашихъ братій многожды видяху свѣтъ въ ноци стоящъ надъ монастыремъ Пречистыя яже въ долу; и не отъ нашихъ же точію видѣвше, но и отъ мірскихъ“.

„.... се явися игумену м-ря св. Михаила-Архангела, Софронію же именемъ: ѣдущу бо ему въ монастырь свой нощію, сущи же темни сеи ноци, и се видѣвъ великъ свѣтъ токмо надъ монастыремъ блаженна Феодосіа.... Сице же и иніи мнози, видѣвше се, многожды исповѣдаху“ (Яковлевъ, стр. XXV. Ср. „Сборникъ XII в. Моск. Усп. Собора“ стр. 60).

„Нѣкій оубо человѣкъ, Иванъ Долгій нарицаемъ, видѣ нѣкогда въ ноци свѣтъ стоящъ, яко облакъ надъ монастыремъ Пречистыя, егда строилсѧ новый сей монастырь, и мнѣвъ, яко нѣчто отъ пещнаго огня горитъ въ монастырѣ, и на конѣ пригнавъ, хотя пособляти гасити, свѣтъ же абіе поднялся къ небеси и неви-

„Иногда паки видѣ единъ отъ бояръ христіолюбца Изяслава: ѣздящу тому нѣколи въ ноци на поли, яко пятнадцать поприщъ отъ монастыря блаженнаго, и се видѣ церковь у облака сущу, и въ ужастн бивъ, погна съ отроки, хотя видѣти,—вая ти есть церкви; и се яко доиде монастыря блаженнаго

димъ бысть. Сія же намъ онъ исповѣда.“ (Рук. Тр. С. Л. № 679, л. 215).

Θеодосіа, тогда же оному зрящю, и сѣступи церковь и ста на своемъ же мѣстѣ. Оному же тлѣкнувшу въ врата, видѣ исповѣда блаженному бывшее“... (Яковлевъ, стр. XXXVI—XXXVII. Ср. „Сбор. XII в.“, стр. 71).

Такою же близостью въ передачѣ можно наблюдать и между рассказами о видѣніяхъ изборскихъ звѣролововъ и кievскихъ разбойниковъ, пытавшихся пограбить монастырь.

„И на край горы бывши, идѣже нынѣ церкви Владычина, и слышашомъ во время и часъ церковнаго гѣнія гласы неизреченно поющихъ и прекрасно, гласы убо слышашуся, поющихъ же не видѣхомъ. Мѣсто же то все около того святаго мѣста исполнено суци благоуханія, яко отъ множества фиміама благовонна. Отъ насъ же мнится, яко быти сіе гѣное явленіе ангельское“..... (ib. л. 211).

„И се слышаша гласъ поющихъ въ церкви. Сами же мѣввши, яко братіамъ въ церкви повечерняя молитвы поющимъ, отъидоша и мало помедливши въ лѣсѣ, таже мѣввши, яко уже кончану быти гѣнію, пакы пріидоша къ церкви, и се слышаша тѣ-же гласъ и видѣша же и свѣтъ пречюденъ въ церкви суци, благоуханіе исходяше отъ церкви; ангели бо бѣша поюще въ ней“.

(Яковлевъ, стр. XXXV. Ср. „Сборникъ“ стр. 70¹⁾).

Приведенный выше рассказъ псково-печерской лѣтописи объ утонувшемъ монахѣ напоминаетъ собою рассказъ патерика о духовномъ сынѣ прозорливаго пресвитера Онисифора. Рассказъ псково-печерскаго лѣтописца приведенъ для иллюстраціи той мысли, что въ пещерахъ „смраду же не бѣ слышати отнюдь ни отъ каковыхъ людей умершихъ“. Ту же мысль,

¹⁾ Далѣе кievо-печерскій лѣтописецъ отмѣчаетъ, что этотъ голосъ ангельскій повторялся нѣсколько разъ: „и тако многажды приходящимъ имъ и тѣ гласъ ангельскій слышашимъ“. О неоднократно повторявшемся ангельскомъ гѣніи въ Псково-печерской церкви свидѣтельствуеетъ самъ преп. Іона: „многажды, рече, слышашъ гѣнія бывающе въ церкви богородичины, сія же все предвозвѣщаемо бываше отъ ангель Божіихъ“ (Рук. № 679, л. 215). Въ описаніи жизни иноковъ при Мисаилѣ и его преемникахъ преп. Корнилій говорить, что въ монастырѣ: „еже обрѣташеся отколе что Богъ пошлетъ или отъ жита или овса, то своимъ руками измилаху и въ томъ хлѣбы себѣ творяху“ (л. 214). То же передается и въ кievо-печерскомъ патерикѣ въ описаніи жизни иноковъ при игуменѣ Варлаамѣ: на деньги, вырученныя отъ продажи предметовъ рукодѣля: „жита коупляху и се раздѣляхуть, да каждый въ нощи свою часть измеляше на строеніе хлѣбомъ“. (стр. XIX).—Есть сходство въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ о жизни въ пещерахъ преп. Антонія и Іоны псково-печерскаго. О преп. Антоніи говорится, что, приидъ въ пещеру, онъ „возлюбилъ мѣсто то и вселися ту въ немъ....., копаше пещеру“ (LXXIII). Преп. Іона: „видѣвъ же и возлюбилъ мѣсто то..... пришедъ въ сіе св. мѣсто, начатъ копати церковь за богомзданною пещерою къ западу (л. 212 и об.).

хотя и въ другой формѣ, содержитъ и рассказъ кіево-печерскаго патерика. Интересно сопоставить частности этихъ рассказовъ. По псково-печерской лѣтописи: „посланиі же (за тѣломъ утонувшаго) едва возмогоша плоть его взяти, понеже бо смрадь лють отъ плоти его исхождаше“. Точно также и по смерти кіево-печерскаго монаха „не можаше же ни единъ тѣлеси его приблизитися, смрада ради бывающаго отъ него“. Псково-печерскій старецъ былъ, повидимому, благочестивый человѣкъ; поэтому, какъ только поднесли его тѣло къ монастырской пещерѣ „и покадиша, тогда смрадь преста“. Наоборотъ, монахъ, упоминаемый въ кіево-печерскомъ патерикѣ, былъ человѣкъ лживый, невоздержный, „скверноживый“. Положеніе въ пещерѣ такого, какъ сказалъ о немъ явившійся Онисифору преп. Антоній, „сквернаго, нечестиваго и беззаконнаго и многогрѣшнаго человѣка“, было оскверненіемъ этого св. мѣста. Отъ него пошелъ такой смрадь, что нельзя было пройти мимо пещеры. Братія рѣшила уже извлечь изъ пещеры тѣло грѣшника и „въ воду ввергнуть“. Но преп. Антоній смиловался надъ душою этого брата, простилъ его, такъ какъ не могъ нарушить своего обѣщанія: „яко всякъ, положенный здѣ, помилованъ будетъ, аще и грѣшенъ“ и „понеже здѣ мнози грѣшніи суци положены быша и всѣ прощены быша ради угодившихъ ми святыхъ“. И дѣйствительно, когда братія подошла къ пещерѣ, то „обоняша вси благоуханіе отъ тѣлеси его, злосмрадіе же и вопль никако же слышашеся и вси насладившеся добровоніа“, порѣшили, что грѣшный ихъ братъ прощенъ. Тотъ же выводъ дѣлается и въ псково-печерской лѣтописи. Сравнивая свою „богомзданную пещеру“ съ богознаменитою кіевскою, лѣтописецъ говоритъ, что и здѣсь по молитвамъ печерскихъ угодниковъ „вмѣсто злосмрадіа воня благовонна исходитъ даже и до днесъ..., не бѣ смраду отъ тѣлесъ слышати“. Мысль о спасительности погребенія въ пещерахъ лѣтописцемъ высказана отъ лица епископа Псковскаго Геннадія, который, услышавъ о пещерахъ, „со удивленіемъ, во умиленіи сице бѣвъ, глаголаше: яко пречистыя ради матере своея и препод. отецъ молитвами, аще кто и великъ грѣхъ имать, а сподобится положенъ быти во обители преч. Б-цы въ сей Богомъ зданнѣй пещерѣ, не токмо смрада избудеть, но и грѣховъ прощеніе получить“¹⁾.

Если приведенныя параллели и не дають права видѣть въ кіево-печерскомъ патерикѣ литературный источникъ печерской лѣтописи въ томъ смыслѣ, въ какомъ, напр., были сочиненія Пахомія Логоета источниками для житій псковскихъ святыхъ, то, во всякомъ случаѣ, онѣ показываютъ, что эта книга хорошо была знакома составителямъ монастырской лѣтописи, и что послѣдніе, при литературной обработкѣ монастырскихъ преданій и рассказовъ, придерживались формы изложенія подобныхъ же рассказовъ въ кіево-печерскомъ патерикѣ.

¹⁾ Рук. А. М. И. Д. № 399, л. 17 об. и 18. Яковлевъ, стр. ХСІ—ХСІІІ. Рассказъ этотъ написанъ еп. Симономъ. Въ концѣ его владыка выражаетъ желаніе быть погребеннымъ въ кіевской пещерѣ: „да быхъ... малу отраду пріаль быхъ многихъ ми грѣховъ, молитвъ ради святыхъ отецъ“, стр. ХСІІІ.

Изъ числа рукописныхъ списковъ монастырской лѣтописи заслуживаетъ вниманія списокъ, помѣщенный въ сборникѣ XVII в., скорописью, Импер. Публ. Б-ви ¹⁾. Заглавіе въ этомъ списокѣ слѣдующее: „Повѣсть о началѣ Печерскаго монастыря, предлѣжащаго близъ Ливонскіе земли“. По содержанію этотъ списокъ сходенъ съ начальною лѣтописью Корнилія, но есть въ немъ и нѣкоторыя особенности, не дающія, правда, возможности выдѣлить его въ особую редакцію, но все-таки пополняющія собою литературную исторію нашего памятника. Слѣдуя во всемъ повѣсти Корнилія, составитель этого списка дѣлаетъ и нѣкоторыя дополненія. Такъ, онъ вноситъ рассказъ о преп. Маркѣ, сходный въ общемъ съ рассказомъ подробной лѣтописи (л. 166—168). Въ концѣ повѣсти онъ называетъ ея автора: „а писалъ сию повѣсть корнилей игуменъ пещеры сивонскія (?), еже есть во псковѣ того жъ монастыря богородицына“ (л. 187). Непосредственно за этимъ онъ говоритъ объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ переписку Корниліевой повѣсти, дѣлаетъ общія замѣтки о себѣ и о своемъ адресатѣ. Повѣсть переписана была по просьбѣ этого адресата: „сія убо написахъ ти, христороубче, яко вѣрну рабу Христову и по велицей твоей вѣрѣ и любви ко пречистѣй Богородицы, и еже понудилъ еси насъ на сіе дѣло“ (л. 187). Переписчикъ, какъ видно изъ заключительныхъ строкъ повѣсти, былъ монахомъ Печерскаго монастыря. Объ адресатѣ онъ отзывается не только какъ о человѣкѣ, интересовавшемся исторіею печерскаго монастыря, но и какъ о потрудившемся для составленія этой исторіи. „О семъ же ти мзда отъ Б-цы да воздастся, яко да таково тѣпаніе показалъ еси и самъ преже собирая, яко трудолюбивая пчела отъ цвѣтець божія чюдеса и пр. Б-цы, и яко во глубинѣ забвенія покрываема, и ты на свѣтъ изнеслъ еси и явленна сотворилъ еси во вся конца божія чюдеса преч. Б-цею, и моя скверная уста принудилъ еси, испытавъ, исповѣдати и написати“ (л. 187 об.—188). Въ концѣ повѣсти онъ описываетъ величину успенскаго храма и расположеніе монастырскихъ пещеръ (л. 189—190), говорить о передѣлкѣ, произведенной въ пещерахъ при Корниліи, и въ заключеніе, въ отвѣтъ на недоумѣніе адресата: „что ради смрада не бываетъ отъ ту положенныхъ братій?“—дѣлаетъ интересное сообщеніе о томъ, что въ прежнее время тѣла умершихъ монаховъ полагали въ пещеры, не предавая ихъ землѣ, но что въ его время этотъ порядокъ уже былъ измѣненъ: „умирающихъ братію погребаемъ въ землѣ, (такъ какъ) краситися мертвыми тѣлесы не лѣпо есть“ (л. 190 об.).

Изъ этихъ дополненій видно, во-первыхъ, что списокъ этотъ былъ сдѣланъ для человѣка, не бывавшаго лично въ монастырѣ, и во-вторыхъ, что сообщенія о Печерскомъ монастырѣ въ повѣсти Корнилія не совсѣмъ удовлетворяли читателей.

Трудно опредѣлить время составленія этого списка. Несомнѣнно лишь, что онъ былъ написанъ послѣ смерти Корнилія, и очень возможно, что

¹⁾ Древнехр. Погодина № 1553, по „Описан.“ А. Бычкова № XXV, стр. 86—88.

еще до составления второй редакціи лѣтописи. При правильности послѣдняго предположенія, этотъ списокъ можно бы назвать, по его составу, переходнымъ спискомъ отъ начальной редакціи лѣтописи къ подробной, подобно тому, какъ такимъ же переходнымъ спискомъ по отношенію къ позднѣйшимъ спискамъ подробной лѣтописи признанъ нами архив. списокъ № 470.

Подробная монастырская лѣтопись неоднократно издавалась печатно: въ Москов. Син. Тип., въ 1820, 1831 г.г. и въ Псковѣ—въ 1849 г. Мы пользовались двумя послѣдними изданіями, совершенно сходными между собою ¹⁾.

Печатный текстъ не представляетъ собою точнаго и полнаго воспроизведенія рукописнаго списка. Его разница съ послѣднимъ начинается съ первой же страницы, съ заглавія. Псково-печерская лѣтопись издана подъ такимъ заглавіемъ: „повѣсть о началѣ и основаніи Печерскаго монастыря, взята изъ древнихъ лѣтописцевъ, обрѣтающихся въ книгохранительницѣ онаго монастыря“. Редакторомъ изданія не указано, какіе именно древніе лѣтописцы имѣются здѣсь въ виду. Въ настоящее время въ 6-кѣ Псково-печерскаго монастыря есть лишь списокъ подробной лѣтописи, полууставомъ переписанный іеродіакономъ Питиримомъ въ 1692 году. Никакихъ другихъ лѣтописцевъ здѣсь нѣтъ ²⁾.

Печатныя изданія преслѣдуютъ популярно научныя цѣли: сдѣлать болѣе доступнымъ для читателей литературный памятникъ исторіи псково-печерской обители. Этими соображеніями объясняются какъ распредѣленіе статей лѣтописи, такъ и общіе приемы пользованія издателями своимъ источникомъ. Порядокъ статей въ печатномъ изданіи не соотвѣтствуетъ рукописному. Такъ, предисловіе съ статьею о преп. Маркѣ помѣщено въ концѣ изданія, послѣ описанія чудесъ (л. 24 об.—25 об.). Послѣднее мѣсто занимаетъ статья „о преложеніи мощей начальныхъ старцевъ печерскихъ“ (л. 26); въ рукописныхъ спискахъ эта статья слѣдуетъ непосредственно за описаніемъ монастырской осады ³⁾. Начинается печатная повѣсть разсказомъ Селиши, и первые пять листовъ занимаетъ собою исторія монастыря до осады Пскова Баторіемъ. Далѣе идутъ разсказы объ осадѣ Пскова (л. 6—8) и монастыря (л. 8—14, съ особымъ заглавіемъ), о врестохожденіи (л. 14—20 об.) и описаніе чудесъ (л. 21—24). Описаніе видѣнія Дороея, помѣщенное въ рукописяхъ въ повѣсти объ осадѣ, въ печатномъ изданіи выдѣлено въ особую статью: чудо I-ое (л. 21 об.—23 ⁴⁾). Въ качествѣ предисловія къ описанію чудесъ помѣщена замѣтка о чудесахъ по освященіи успенской церкви. Въ рукописяхъ эти строки читаемъ въ раз-

¹⁾ Изданія Син. Тип. на славянскомъ языкѣ, псковское изданіе—на русскомъ. Во всѣхъ случаяхъ мы будемъ цитировать изданіе 1831 года.

²⁾ Первоклассный Пск. Печ. м-рь. Изд. 2-е, Островъ, стр. 108.

³⁾ Рук. Печ. м-ря л. 50, А. М. И. Д. № 399, л. 46 об.—48.

⁴⁾ Начало этого видѣнія въ измѣненномъ видѣ помѣщено и въ концѣ описанія осады Пскова (л. 8), согласно рукописному распредѣленію описаній.

связь объ освященіи церкви. Разсказъ начальной лѣтописи о чудесныхъ видѣніяхъ при построеніи новаго монастыря помѣщенъ послѣ описанія 6-го чуда (л. 24 и об.).

Размѣщая такъ рукописный матеріалъ, издатели нерѣдко дѣлають въ немъ выпуски и сокращенія. Такъ, напр., изъ описаній чудесъ, не включая въ этотъ отдѣлъ разсказа о видѣніи Дорооея, помѣщено всего лишь пять. Передъ описаніемъ чудесъ сдѣлано такое объясненіе: „Оная роспись (поданная иг. Мелетіемъ) хранится (?) въ библіотекѣ Печерскаго монастыря, гдѣ подробно описаны всѣ чудеса, бывшія отъ иконы пресвятыя Богородицы. Здѣ же не многая нѣкая свѣдѣнія ради помѣщаются“ (л. 21 об.). Встрѣчаемъ пропуски и меньшія по объему. Такъ, напр., вовсе нѣтъ разсказовъ: о видѣніи свѣчи, неизвѣстно гѣмъ зажженной, и о погребеніи въ пещерахъ утонувшаго старца. Въ передачѣ рукописныхъ описаній нерѣдко дѣлаются пропуски и сокращенія. Въ описаніи пещеръ, кромѣ отмѣченнаго уже пропуска о погребеніи утонувшаго старца, не находимъ приведенныхъ выше словъ еп. Геннадія о спасительности погребенія въ пещерахъ. Равнымъ образомъ, нѣтъ и словъ самого лѣтописца, подробно, путемъ сравненія псково-печерскихъ пещеръ съ кievскими, развивавшаго мысль объ отсутствіи „смирада“ отъ погребенныхъ въ пещерахъ ¹⁾. Въ концѣ изложенія повѣсти монастырскаго осады неполно приведено обращеніе лѣтописца къ читателямъ, именно: нѣтъ его просьбы объ исправленіи и пополненіи его труда. Но еще больше измѣненій, поправокъ и сокращеній сдѣлано въ изложеніи. Текстъ печатнаго изданія на каждой почти строкѣ отстываетъ отъ текста рукописи, почему и не представляется возможности подробно сравнить ихъ. Въ качествѣ образцовъ, насколько разнится печатный текстъ отъ рукописнаго, сопоставимъ два случайно взятыхъ мѣста изъ рукописи и печатнаго изданія. Ихъ сопоставленіе можетъ намъ объяснить и общій принципъ, которымъ руководились въ данномъ случаѣ издатели лѣтописи.

Первый примѣръ—изъ разсказа объ отношеніяхъ къ монастырю Мисюря Мунехина:

По рукописи № 399, л. 12. Времени же минувшу отъ освященія первыя церкви лѣтъ пятьдесятъ, при державѣ г-ря царя и вел. кн. Вас. Іоанновича всеа россіи, посла Богъ таковыхъ строителей, кому мочно потру-

По печатн. изд. 1831 г. л. 3 об. „Минувшимъ же осми (?) лѣтомъ ²⁾ отъ освященія первыя церкви, при державѣ Государя Царя и В. К. Вас. І. всея Россіи, посла Богъ другихъ нѣкихъ благочестивыхъ лю-

¹⁾ Рукоп. № 399, л. 17 об. 18. Печ. изд., 4 об.—5.

²⁾ Хронологическая ошибка въ данномъ случаѣ произошла оттого, что издателями принята буква Н за И. Въ нач. лѣтописи стоятъ МѠ лѣтъ, такъ какъ тамъ берется дата не до освященія церкви, а до начала работъ (1522).—Другой такой же примѣръ хронологической ошибки, допущенной въ печатномъ изданіи, находимъ въ стѣтѣ „о переложеніи мощей:“ въ лѣто 7150—1542“, тогда какъ въ рукописяхъ: 7108—1600.—(Рукоп. № 399, л. 46 об.).—

даться въ дѣлѣ монастырскаго строенія. Игуменство тогда по Исимоне Дорофею приимшу, вел. князя діаку Михаилу Мисюрю оувѣдавшу мѣсто и церковь Пр. Б-цы и велику вѣру показавъ по преч. Б-цы о строеніи монастыря“.

Другой примѣръ—изъ разсказа
ib. л. 3 об.—4.

Игумень же Корнилій вознепщева о семь, како объявился имя того старца Марка, понеже бо никто же отъ прежнихъ инокъ исповѣда, еже бы кто о немъ извѣстно вмалѣ извѣстилъ, ниже того игумена написася имя въ поминаніи церковнѣмъ, еже написа имя того старца Марка, и сего ради повелѣ въ поминаніи имя его загладити, мя въ себѣ и глаголя: яко неправедно написано бысть.—

„ Бысть же ему отъ Бога извѣщеніе нѣкако, и абіе повелѣваетъ пѣти молебная и молить братію, дабы привели“ и т. д.

Изъ приведенныхъ образцовъ можно видѣть, что въ печатномъ изданіи сдѣланы сокращенія рукописнаго текста, объясненія не совсѣмъ понятныхъ его выраженій и попытка примѣнить старинный русскій слогъ памятника къ оборотамъ церковно-славянской рѣчи.

Для изученія исторіи Псково-печерской монастырскаго жизни съ фактической ея стороны печатныя изданія монастырскаго лѣтописи, несмотря на указанные недочеты, однако могутъ быть признаны вполнѣ достаточнымъ руководствомъ. Но они не могутъ замѣнить собою рукописныхъ списковъ и являются неполнымъ памятникомъ исторіи этой жизни при изученіи идейной ея стороны, какъ она объяснялась самими иноками—лѣтописцами. Равнымъ образомъ, печатное изданіе не даетъ возможности прослѣдить самый процессъ постепенной литературной обработки монастырскаго лѣтописи, такъ какъ оно имѣетъ дѣло съ одною лишь второю ея редакціею.

Разсмотрѣнная нами лѣтопись Псково-печерскаго монастыря представляетъ собою основной источникъ по исторіи Псково-печерскаго обители. Но въ псковской письменности конца того же XVI в. имѣется и другой, второстепенный источникъ для исторіи монастырскаго печерскаго жизни, изображающій собою отношенія Печерскаго монастыря къ Пскову. Это—„повѣсть преславна, сказаемая о пришествіи Пресв. Владычицы нашей Богородицы и приснодѣвы Маріи печерскія въ богоспасаемомъ градѣ

дей, иже много усердствоваху въ дѣлѣ строенія монастырскаго, въ нихъ же бѣ единый дьякъ Вел. Кн., именемъ Михайль, прозваніемъ Мисюрь, той увѣдавъ о мѣстѣ печерскія обители, многое показа тщаніе о строеніи монастыря“.

о преп. Маркѣ:

ib. л. 25.

Игумень же Корнилій сумняся о семь, праведно ли внесеса въ синодикъ имя старца Марка, понеже никто отъ прежнихъ инокъ точно не извѣстилъ о томъ, и сего ради повелѣ изъ синодика имя его изгладити, мя въ себѣ, яко неправедно написано бысть.—

„ Бысть же ему извѣщеніе нѣкое, яко сего ради страждеть, понеже изгладилъ имя старца Марка. И абіе начать молити братію, дабы привели“ и т. д.—

Псковъ въ приходженіе литовскаго короля Стефана съ великимъ и гордымъ войскомъ на великій и славный градъ Псковъ“. Повѣсть представляетъ собою памятникъ довольно распространенный въ древне-русской письменности XVII в. Она нѣсколько разъ издана и печатно: въ Чт. Общ. И. и Др. Р. 1847 г., кн. I, стр. 1—47—Бодянскимъ; и въ Пск. Губ. Вѣд. за 1876 г., №№ 44—51. (неофф. части) ¹⁾.

Для изсѣдователя исторіи мѣстной монастырской жизни этотъ памятникъ интересенъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онъ даетъ возможность сопоставить между собою описанія псковской осады, сдѣланныя печерскимъ лѣтописцемъ и другимъ неизвѣстнымъ лицомъ, тоже современникомъ и очевидцемъ описываемыхъ событій. Во-вторыхъ, въ виду того, что составленіе этого памятника нѣкоторыми изсѣдователями приписывается иноку Елеазаровскаго монастыря Серапіону, его можно было бы разсматривать, какъ памятникъ монастырской письменности, пополняющій собою наши свѣдѣнія о литературныхъ занятіяхъ псковскихъ монаховъ. Къ сожалѣнію, указанія объ авторствѣ Серапіона сдѣланы безъ ссылки на источникъ, изъ котораго они заимствованы, и, такимъ образомъ, мнѣніе это представляетъ собою не болѣе, какъ предположеніе ²⁾. Разсмотримъ этотъ памятникъ со стороны заключающихся въ немъ данныхъ для исторіи Печерскаго монастыря.

По сравненію съ соотвѣтствующею ей статьею монастырской лѣтописи, повѣсть подробнѣе и точнѣе изображаетъ событія осады Пскова; въ нѣкоторыхъ случаяхъ вноситъ даже новыя извѣстія, касающіяся участія въ защитѣ Пскова монаховъ Печерской обители. Прежде всего, въ повѣсти подробнѣе изложены причины войны съ Польшею,—это насилія „отъ вифлянствія земли нѣмецъ“, отъ которыхъ страдали не только пограничныя селенія и города, но и самая Печерская обитель ³⁾. Въ защиту этого св.

¹⁾ По рукописи Псков. Археол. Общества повѣсть эта издана Ушаковымъ въ „Трудахъ Псков. Арх. Общ.“ за 1903—4 г. Псковъ 1905 г., стр. 1—69.

²⁾ Серапіону приписываютъ составленіе повѣсти м. Евгений (Слов. ист. о. пис. д. ч. Спб. 1827 г. изд. 2, т. II, стр. 200), арх. Филаретъ (Обзоръ р. д. л. 3 изд. Спб. 1884 г. стр. 164) и арх. Леонидъ „Систем. опис. рукоп. гр. А. С. Уварова“. М. 1894 г. ч. III, стр. 16. Въ послѣсловіи списка 6-ки Археол. Ком. говорится, что повѣсть эта списана псковскимъ изографомъ Василюемъ. По объясненію г. Тимофеева, Василий не былъ авторомъ повѣсти, а только переписчикомъ. (См. Н. Барсуковъ, „Рукописи Арх. Ком.“ Спб. 1882 г., стр. 18—19).—Ушаковъ въ предисловіи къ изданію повѣсти замѣчаетъ, что авторомъ ея былъ „монахъ—игумень“, но дѣлаетъ это безъ всякихъ основаній.

³⁾ Чт. О. И. и Др. стр. 2: „не токмо же многимъ мѣстомъ тоя страны, но и всѣмъ градомъ многа зла сотворяють и насилуютъ, но и чудотворное и св. мѣсто Успенія Пр. Б-цы Печер. м-ря около все обвоевали и заступиша, и многозѣльная злая монастырю творяще“. Въ Псковскомъ спискѣ повѣсти это мѣсто читается такъ: „не токмо его государевымъ градомъ и весямъ тамо приближеннымъ насилуютъ, но и подъ чудотворное мѣсто печерское крѣпщѣ вооружающимся оутѣсняють“. Пск. Г. В. № 44.—Послѣдній списокъ относится

мѣста и начинаетъ войну государь: „за богородицынъ домъ на враги ополчается“ (стр. 2). Событій этой начальной войны въ Ливоніи монастырскій лѣтописецъ не касается. Отмѣтивъ первые успѣхи русскихъ въ борьбѣ за Печерскую обитель и пограничныя вообще мѣста, авторъ повѣсти говоритъ, что въ благодарность за успѣхъ на войнѣ Іоаннъ Грозный: „безчисленное множество злата и серебра пречистѣй Б-цы въ домъ предаде“¹⁾. Монастырскій лѣтописецъ въ своей характеристикѣ отношеній Грознаго къ монастырю опускаетъ и этотъ частный фактъ.

Въ изложеніи осады Пскова Баторіемъ авторы обоихъ памятниковъ въ общемъ сходны между собою. Авторъ повѣсти лишь точнѣе и подробнѣе отмѣчаетъ отдѣльные факты этой осады; его описаніе во многихъ случаяхъ напоминаетъ собою дневникъ очевидца, какимъ очевидцемъ, какъ замѣчено выше, не былъ монастырскій лѣтописецъ. Въ нашу задачу не входитъ подробный сравнительный обзоръ содержанія двухъ памятниковъ, такъ какъ для насъ въ повѣсти осады имѣютъ цѣнность лишь тѣ мѣста, которыя относятся къ исторіи участія въ этой осадѣ монастыря. И съ этой стороны въ повѣсти находимъ нѣкоторые не безынтересныя дополненія. Такъ, составитель точнѣе отмѣчаетъ участіе въ защитѣ города игумена Тихона и келаря Арсенія Хвоста. Онъ отводитъ первое мѣсто печерскому игумену въ числѣ тѣхъ „священныхъ начальниѣ“, которые руководили тогда въ Псковѣ церковными процессіями²⁾. Имя Арсенія у него упоминается въ числѣ монаховъ—защитниковъ Покровской башни: „печерскаго монастыря келарь Арсеній, именуемый Хвостъ, казначей Р. Бог. Свѣтогорскаго монастыря Іона Наумовъ, третій Мартирій игумень,—знаемъ бѣ той во Псковѣ всѣми“. При этомъ онъ добавляетъ: „сіи же предпомянутыи черноризцы плотскимъ уроженіемъ дѣти боярскіе, и егда бѣяху въ мѣрѣ, тогда искусни воины были“³⁾. У монастырскаго лѣтописца келарь Арсеній упоминается лишь, какъ одинъ изъ рассказчиковъ о видѣніи Дорооея.

Подробнѣе описано въ повѣсти и видѣніе Дорооея и точно обозначено время этого видѣнія: „августа 29, въ послѣднемъ часу дни“ (стр. 18). Въ числѣ святыхъ, явившихся вмѣстѣ съ Богоматерью и умолявшихъ ее помиловать городъ, упоминаются Евфросинъ и преп. Савва Крыпецкій. Но здѣсь нѣтъ замѣчанія объ описаніи этого видѣнія пѣвцемъ Митрофаномъ.

къ 1765 году. По предположенію издателя, повѣсть была „написана для влюченія въ службу Богоматери или для такъ называемаго синаксаря, который обыкновенно читается во время всеобщей“ (ib.)

¹⁾ Стр. 4. Въ Псковскомъ спискѣ: „безчисленное множество злата и серебра и примногіе села и узорочія новоплѣненныя монастырю предаде“. № 44 Пск. Губ. Вѣд.

²⁾ „Тогда бѣше въ преиенитомъ и богоспасаемомъ градѣ томъ Псковѣ отъ священныхъ начальниѣ успенія преч. Б-цы Печерскаго монастыря игумень Тихонъ“ (стр. 15).

³⁾ стр. 30.

Въ оцѣнкѣ описываемыхъ событій оба повѣствователя сходны между собою. И авторъ повѣсти, какъ и монастырскій лѣтописецъ, въ избавленіи Пскова отъ осады Баторія видитъ чудесное событіе, въ которомъ выразился особый покровъ Божіей Матери надъ городомъ. „И тако,—завлючаетъ онъ свою рѣчь,—благодатію Христовою и пресвятыя Богородицы явленны спасенъ бысть великій градъ Псковъ“¹⁾.

Отсутствіе хронологической даты составленія этой повѣсти не даетъ возможности опредѣлить: какое изъ двухъ описаній является болѣе раннимъ памятникомъ. Во всякомъ случаѣ, для предположенія о вліяніи одного изъ описаній на другое въ содержаніи этихъ повѣстей нѣтъ никакихъ данныхъ. Мнѣніе арх. Филарета, что продолжатель начальной лѣтописи, инокъ Григорій: „внесъ въ сочиненіе Корнилія повѣсть Серапіона объ осадѣ монастыря (?) Баторіемъ“,—ни на чемъ не основано²⁾.

Кромѣ печерской „повѣсти“, сохранилась еще „Повѣсть о явленіи чудотворныхъ иконъ пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи во области града Пскова на Синичьи горѣ“,—историческій памятникъ о событіяхъ возникновенія Святогорскаго Успенскаго монастыря. Святогорская повѣсть помѣщена въ рукописи XVII в. бібліотеки Кіево-Софійскаго собора, № 99/100 in 4-о, на л. 260—284, и поступила сюда изъ бібліотеки митр. Евгенія Болховитинова. Это—единственный, сохранившійся до нашего времени, древній списокъ памятника.

Въ палеографическомъ отношеніи списокъ не представляетъ собою какихъ-либо особенностей. Онъ написанъ скорописью XVII в., съ обычными для того времени погрѣшностями въ орфографіи. Судя по составу статей, сборникъ этотъ псковскаго происхожденія. Въ немъ есть и другое псковское сказаніе, о чудѣ отъ иконы Одигитріи Б. М. въ 1631 г., на л. 287—297 об.

Интересна, прежде всего, исторія разсматриваемаго памятника. Повѣсть извѣстна была митр. Евгенію по списку, хранившемуся въ началѣ XIX в. въ Святогорскомъ монастырѣ. Въ своемъ „Описаніи Святогорскаго Успенскаго монастыря“, Дерптъ, 1821 г., стр. 3, Евгеній назвалъ ее древнею лѣтописью, но не сдѣлалъ никакихъ указаній ни о составѣ этого памятника, ни объ отношеніи монастырскаго списка къ списку, принадлежавшему преосвященному. Равнымъ образомъ неизвѣстно, откуда и какимъ способомъ былъ приобрѣтенъ митр. Евгеніемъ списокъ святогорской повѣсти. А между тѣмъ всѣ эти вопросы имѣютъ важное значеніе для опредѣленія литературной исторіи изучаемаго памятника.

Дѣло въ томъ, что въ настоящее время въ бібліотекѣ Святогорскаго монастыря нѣтъ стариннаго списка повѣсти, о которомъ упоминаетъ м.

¹⁾ Стр. 47. Въ псковскомъ спискѣ замѣчено, что Господь избавилъ Псковъ отъ враговъ: „маніемъ неизреченнаго своего милосердія.“ Пск. Губ. Вѣд. № 51-й.

²⁾ Обз. р. дух. лит., изд. 3, Спб. 1884 г. стр. 157.

Евгеній; нѣтъ никакихъ свѣдѣній и объ обстоятельствахъ утраты этого монастырскаго списка. Въ монастырѣ имѣются лишь новыя списки повѣсти, XIX в., изъ которыхъ одинъ снятъ со списка, тоже новаго, изъ библіотеки Полянскій церкви. Оба эти монастырскіе списка по содержанию не во всемъ сходны другъ съ другомъ; отличаются они и отъ списка евгеніевскаго. Такимъ образомъ, трудно опредѣлить, который изъ трехъ списковъ болѣе соответствуетъ этой утраченной „древней лѣтописи“¹⁾.

Затѣмъ, раньше уже замѣчено нами, что нѣкоторые изъ монастырскихъ памятниковъ, находившихся въ пользованіи митр. Евгенія, не были имъ возвращены, остались въ его библіотекѣ. Возникаетъ, естественно, вопросъ: не представляетъ ли собою евгеніевскій списокъ той именно лѣтописи, которая хранилась раньше въ монастырѣ, и нельзя ли литературную исторію памятника начать прямо съ этой его редакціи?—Судя по сохранившимся, правда незначительнымъ даннымъ, на этотъ вопросъ нельзя дать положительнаго отвѣта. Въ полянскомъ спискѣ повѣсти мы читаемъ слѣдующую замѣтку: „написана сія повѣсть въ лѣто 1837, мѣсяца маія, въ семь Святогорскомъ монастырѣ изъ древней лѣтописи или повѣсти“. Отсюда, утрату монастырскаго списка нужно отнести во времени послѣ 1837 г., т. е. по крайней мѣрѣ, черезъ 16 лѣтъ послѣ того, какъ имъ пользовался преосв. Евгеній. Къ этому времени онъ уже закончилъ свои занятія псковскою исторіею.

Вторая половина приведенной замѣтки говоритъ, повидимому, за то, что для опредѣленія состава первоначальной редакціи повѣсти большее значеніе можетъ имѣть полянскій списокъ, такъ какъ онъ представляетъ собою копію съ утраченнаго монастырскаго списка. Списки евгеніевскій и монастырскій, болѣе подробные по содержанию, нужно, значитъ, разсматривать, какъ позднѣйшія редакціи повѣсти. Но такіе выводы, основанные на данныхъ полянскаго списка, не могутъ быть признаны безусловно вѣрными. Дѣло въ томъ, что слогъ полянскаго списка во многихъ мѣстахъ подновленъ и несомнѣнно не соответствуетъ оригиналу. А при такихъ условіяхъ можно сомнѣваться и о соответствіи между двумя этими списками по содержанию. Первоначальный составъ памятника приходится устанавливать путемъ сравнительнаго изученія всѣхъ сохранившихся списковъ и дѣлать выводы, для которыхъ не всегда можно указать точныя данныя.

Главнымъ содержаніемъ памятника, по евгеніевскому и монастырскому спискамъ, служатъ рассказы о двукратномъ явленіи чудотворныхъ иконъ Одигитріи и Умиленія Божіей Матери и о чудесахъ отъ этихъ иконъ во время явленія и во время установленнаго позднѣе вѣстнаго хода изъ монастыря въ Псковъ. Съ этой стороны памятникъ можно раздѣлить на

¹⁾ Для краткости мы будемъ называть эти списки: евгеніевскій, полянскій и монастырскій.

двѣ части: описаніе явленій (по евгеніевскому списку, л. 260—268) и описаніе чудесъ (л. 268—282¹). Но на ряду съ этимъ главнымъ предметомъ содержанія въ повѣсти имѣются и другіе рассказы: біографія блаж. Тимофея, удостоившагося видѣній и предсказаній о явленіи иконъ, и замѣтка объ основаніи на мѣстѣ явленія монастыря,—наиболѣе интересная въ историческомъ отношеніи.

По изложенію повѣсти можно судить, что составитель ея былъ чловѣкъ книжный, умѣвшій витіевато, съ обычными для того времени риторическими приѣмами, вести свой рассказъ, и что онъ поставилъ себѣ не столько историческія цѣли, сколько назидательныя. Онъ такъ мало говоритъ о Святогорскомъ монастырѣ, что трудно допустить, чтобы это былъ святогорскій монахъ, составлявшій свой трудъ или по личной инициативѣ, или, какъ чаще это бывало, по порученію монастырскаго начальства. Къ тому же, когда онъ упоминаетъ о монастырѣ или о святой горѣ, на которой явились иконы, то обычно выражается: „тоя обители“ (л. 277 об., 278), „на той горѣ“ (л. 269 об.).

Несомнѣнно, затѣмъ, что составитель повѣсти, по евгеніевской редакціи, не былъ очевидцемъ или современникомъ описанныхъ имъ событій явленія иконъ и основанія монастыря. Это видно и изъ его словъ. Переходя къ описанію чудесъ, авторъ повѣсти замѣчаетъ: „время же прейде не мало по явленіи, и въ та убо многая мимошедшая лѣта быша многая и неизреченная предивная чудеса“ (л. 273). Въ другомъ случаѣ, при описаніи чуда, происшедшаго во время управленія псковскою епархіею арх. Іоакима,—значить, между 1616—1623 г.,—онъ говоритъ, что это чудо совершилось „во дни наша“ (л. 276). Но и это не значить, чтобы составитель повѣсти былъ очевидцемъ упомянутаго чуда. Далѣе онъ самъ говоритъ, что запись чуда произведена уже послѣ смерти исцѣленнаго, случившейся черезъ 15 лѣтъ послѣ исцѣленія, не раньше, такимъ образомъ, 1631 г. Есть, затѣмъ, прямое указаніе, что повѣсть составлена позднѣе 1647 г. Объ установленіи порядка крестнаго хода изъ монастыря въ Псковъ авторъ повѣсти замѣчаетъ: „въ лѣто же 7155 уставивша проводить тѣ чудотворныя иконы въ среду, въ шестый день по внесеніи во градъ, и оттолѣ и доннѣ тако творять, а иногда же и во инъ день провождаху, когда архіепископъ изволяше“ (л. 274 об.). Наконецъ, хронологическія даты въ описаніи двухъ чудесъ, совершившихся въ монастырѣ: одно 7160 г., при игуменѣ Веніаминѣ, второе при его преемникѣ, игум. Антоніи, ясно говорятъ, что редакція повѣсти, помѣщенная въ евгеніевскомъ спискѣ, могла появиться не раньше второй половины XVII в., по крайней мѣрѣ, спустя 90 лѣтъ послѣ явленія иконъ и основанія Святогорскаго монастыря.

Можно догадываться и о ближайшемъ поводѣ въ составленію этой редакціи. Такимъ поводомъ было установленіе въ 1647 г. болѣе точнаго порядка крестнаго хода въ Псковъ.

¹) Цитация въ рукописи невѣрная.

Несомнѣнно, что и высшая церковная власть, и сами святогорскіе монахи были заинтересованы въ томъ, чтобы это крестохождение обставить торжественнѣе. А для послѣдней цѣли очень важно было ввести при богослуженіи чтеніе нарочито составленной повѣсти о явленіи иконъ Божіей Матери на Синичьей горѣ и о многочисленныхъ чудесахъ отъ нихъ какъ въ первое время, такъ и позднѣе, въ XVII в. Сдѣлать это было тѣмъ болѣе необходимо, что подобное чтеніе было давно уже введено печерскими монахами для службы во время печерскаго крестнаго хода въ Псковѣ. Для установленія порядка новаго крестнаго хода естественнѣе всего было заимствовать кое-что изъ порядка уже существовавшихъ крестныхъ ходовъ. За наличность такого повода къ составленію повѣсти ясно говоритъ и характеръ ея изложенія. Авторъ нерѣдко свой рассказъ прерываетъ назидательнымъ обращеніемъ къ слушателямъ, и эта часть въ его сочиненіи количественно даже превышаетъ обычную норму назиданія въ тѣхъ древне-русскихъ повѣстяхъ, которыя составлялись не исключительно для церковнаго чтенія. Такъ, напр., послѣдніе пять листовъ (278 об.—282 об.) посвящены исключительно наставленію слушателямъ и изложенію молитвы къ Богоматери. Подобные же перерывы въ историческомъ рассказѣ встрѣчаются и раньше (л. 270—1, 273, 276). Въ общемъ третья часть всего состава повѣсти отведена специально назиданію.

Разсматривая отдѣлъ описанія чудесъ (л. 276—278 об.), замѣчаемъ, что въ немъ рѣчь идетъ исключительно о событіяхъ позднѣйшихъ, совершившихся, по выраженію автора: „во дни наша“, т. е. приблизительно между 20 и 50-ми годами XVII столѣтія. Объ этихъ чудесахъ авторъ повѣсти могъ знать частію по рассказамъ очевидцевъ и въ томъ числѣ святогорскихъ монаховъ (о чудесахъ въ монастырѣ), частію и по личнымъ своимъ наблюденіямъ. Такъ какъ все это были событія недавнія, то и рассказъ о нихъ въ повѣсти подробный и точный. Указываются какъ мѣсто и время совершенія того или другого чуда, такъ и обстановка, при которой оно совершилось. Но о чудесахъ, случившихся ранѣе указаннаго періода, авторъ, по собственному его признанію, не имѣлъ никакихъ свѣдѣній. Онъ самъ говоритъ, что, несмотря на многочисленность чудесъ, совершавшихся въ монастырѣ, о нихъ не было никакой записи: „время же прейде немало по явленіи, и въ та убо многая мимошедшая лѣта быша многая и неизреченная предивная чюдеса, ихъ же множества ради и долготы словесъ не исписаны быша“ (л. 273 об.). Отсюда, въ повѣсти нѣтъ никакихъ извѣстій о событіяхъ монастырской жизни за періодъ отъ 1570 г. до 1616—24 гг. Но исторія возникновенія обители и событій, предшествовавшихъ этому, повидимому, хорошо была извѣстна составителю повѣсти. Его рассказы о явленіи иконъ на Синичьей горѣ, біографическія свѣдѣнія о блаж. Тимоѣѣ, описаніе чуда, случившагося 1 октября и послужившаго поводомъ къ устройству монастыря, отличаются содержательностію, полнотою и сравнительною точностію хронологическихъ датъ. Въ описаніи явленій, при опредѣленіи мѣстъ, времени и внѣшней обстановки, авторъ не опускаетъ даже мелкихъ чертъ, что возможно лишь въ

описаніяхъ современника или очевидца. Равнымъ образомъ, и біографію Тимоѳея онъ излагаетъ съ такими подробностями, какія не всегда встрѣчаются и въ спеціально біографическихъ памятникахъ старинной письменности. Очевидно, для этой части повѣсти авторъ имѣлъ хорошій матеріалъ. Допустить, чтобы всѣ эти свѣдѣнія въ теченіе 90 лѣтъ съ такою полнотою сохранились въ устномъ преданіи, за исключеніемъ однихъ лишь сказаній о многочисленныхъ чудесахъ, очень трудно. Естественнѣе предположить, что у составителя повѣсти въ данномъ случаѣ былъ письменный источникъ, которымъ онъ и воспользовался, и что, такимъ образомъ, его трудъ, помѣщенный въ евгеніевскомъ спискѣ, не представляетъ собою первоначальной редакціи повѣсти. Правильность таковаго предположенія подтверждаетъ полянскій списокъ повѣсти. Одновременно съ этимъ онъ даетъ намъ возможность опредѣлить какъ составъ первоначальной повѣсти, такъ и время ея написанія.

Въ полянскомъ спискѣ помѣщены слѣдующіе рассказы: о явленіи иконъ, о жизни блаж. Тимоѳея, объ устройствѣ обители и краткая замѣтка о первоначальномъ установленіи крестнаго хода въ Псковъ, оканчивающаяся тоже краткою молитвою къ Богоматери. О чудесахъ, совершившихся послѣ основанія монастыря, въ этомъ спискѣ не говорится, а только дѣлается общая замѣтка, что „слышавше сія (т. е. о явленіи иконъ), православніи стекахуся съ радостію на поклоненіе на сію Синичью гору, яже нынѣ глаголется Святая гора, и возвращахуся съ пользою душевною, благодаряще Бога и Пречистую Богородицу“. Къ этой замѣткѣ вполне подходитъ дополненіе, сдѣланное редакторомъ евгеніевского списка: „стицахуся народи мнози отъ всѣхъ странъ на Святую сію гору, въ церковь Богоматере, и многа исцѣленія быша болящимъ различными недуги, приходящимъ съ вѣрою; имена же исцѣлевшихъ не написаны, но вратцѣ сіе написано“ (л. 270). Въ полянскомъ спискѣ, дѣйствительно, нѣтъ упоминанія именъ получившихъ исцѣленія. Вѣроятно, таковой же составъ статей былъ и въ древнемъ монастырскомъ спискѣ повѣсти, утраченномъ послѣ 1837 года.

Если полянскій списокъ соотвѣтствуетъ оригиналу, то по его замѣткѣ объ архіепископѣ псковскомъ, установившемъ крестохождение въ Псковъ, можно заключить, что древняя повѣсть была составлена въ началѣ XVII в., не раньше 1616 года.

Остается теперь выяснитъ обстоятельства, при которыхъ появилась эта древняя редакція повѣсти. Она, во всякомъ случаѣ, не представляла собою первой записи событій явленія иконъ. Такая запись была сдѣлана,—только не въ формѣ повѣсти, а въ формѣ официального доклада высшей свѣтской власти,—одновременно съ явленіемъ иконъ. Во всѣхъ сохранившихся спискахъ повѣсти говорится, что царскій намѣстникъ въ Псковѣ, князь Георгій Токмаковъ, о явленіи иконъ и о чудѣ 1 октября, послѣ разслѣдованія этихъ событій: „возвѣсти писаніемъ вседержавному царю, государю и великому князю Іоанну Васильевичу всеа Росіи“ (л. 268 и 269 об.). Это „писаніе“, несомнѣнно, представляло собою болѣе или

меньше подробный рассказ о событиях на Синичьей горѣ вообще и о личности блаж. Тимофея въ частности, составленный однимъ изъ членовъ слѣдственной комиссіи, которые „исцѣлевшихъ дозираху, истина ли сіе будетъ“ (л. 268). Официальный докладъ Токмакова въ свою очередь могъ послужить поводомъ и отчасти дать матеріалъ для составленія рассказа уже неофициального, въ формѣ повѣсти, предназначеннаго для тѣхъ многихъ людей, которые послѣ устройства обители: „стипахуся отъ всѣхъ странъ на Святую сію гору, въ церковь Богоматере“ (л. 270). Составителемъ повѣсти могъ быть монахъ Святогорскаго монастыря. Въ такомъ видѣ представляемъ мы начальную исторію памятника.

Этотъ первоначальный, краткую редакцію повѣсти и воспользовался составитель пространной редакціи, помѣщенной въ евгеніевскомъ спискѣ. Написанное вратцѣмъ предшественникомъ о явленіи иконъ и о жизни блаж. Тимофея онъ пополнилъ нѣсколько съ литературной стороны различнаго рода риторическими украшеніями, а затѣмъ отъ себя описалъ позднѣйшія чудеса и подробности установленія новаго порядка крестнаго хода въ 1647 г. Отдѣла о чудесахъ за періодъ отъ основанія монастыря до 20-хъ годовъ XVII стол., опущеннаго въ древней повѣсти, не находимъ и въ этой редакціи. Взамѣнъ фактическаго разсказа составитель ограничился лишь риторическими восклицаніями (л. 270, об.—271, 272 об.—273 об.), заключивъ ихъ слѣдующимъ признаніемъ о невозможности сказать что-нибудь точное: „паче же убо кто можетъ исповѣдати или подробну исписати поистиннѣ многая и преславная предивная чудеса Пресв. Богородицы“. Въ концѣ повѣсти онъ помѣщаетъ особую молитву въ Богоматери (л. 280—2 об.), которая встрѣчается и въ другихъ памятникахъ,—напр., въ описаніи чуда отъ иконы Одигитріи Божіей Матери въ Псковѣ въ 1631 г. (л. 295 об.—296). Въ его изложеніи эта молитва представляетъ собою видоизмѣненіе и расширеніе краткой молитвы, помѣщенной въ древней повѣсти, въ полянскомъ спискѣ.

Не называя въ числѣ своихъ источниковъ первоначальной редакціи повѣсти, авторъ евгеніевской редакціи дѣлаетъ зато намекъ о своемъ знакомствѣ съ какими-то „лѣтописными книгами“. Въ описаніи кончины блаж. Тимофея онъ говоритъ: „сія же проповѣдь раба Божія Тимофея бысть въ Великомъ Новѣ-градѣ не за много лѣтъ предъ плѣненіемъ того града, еже бысть въ лѣта 7078-го, якоже въ лѣтописныхъ книгахъ написано“ (л. 272 об.). Какія именно лѣтописныя книги извѣстны были автору, онъ не разъясняетъ этого. Но несомнѣнно, что онъ не пользовался первою псковскою лѣтописью, въ которой есть замѣтка о явленіи святогорскихъ иконъ. Иначе авторъ не повторилъ бы хронологическихъ датъ своего предшественника или, по крайней мѣрѣ, разъяснилъ бы намъ несогласіе его показаній съ лѣтописью.

Третій изъ сохранившихся списковъ повѣсти, который мы назвали монастырскимъ, не включаетъ въ себѣ какихъ-либо новыхъ данныхъ для литературной исторіи памятника и въ историческомъ отношеніи не представляетъ собою особаго интереса. По содержанию онъ близко стоитъ

въ евгеніевскому списку и представляет собою сокращенную редакцію повѣсти. Въ этомъ спискѣ нѣтъ тѣхъ страницъ назиданія, которыя отмѣтили мы въ евгеніевской редакціи, а равно и описанія событій, относящихся къ крестохожденію въ Псковъ. Въ болѣе краткомъ видѣ описаны и чудеса. По упоминанію о чудѣ въ 1652 г. можно приблизительно опредѣлять время составленія этой новой редакціи. Она не могла появиться раньше второй половины XVII в. и по всей вѣроятности представляет собою передѣлку евгеніевской редакціи. Опредѣлить точнѣе, когда была произведена эта передѣлка, нѣтъ возможности; монастырскій списокъ слишкомъ поздній, его слогъ совсѣмъ не старинный, чтобы дѣлать какія-либо заключенія. Отношеніе этого списка къ евгеніевскому очень напоминаетъ отношеніе печатныхъ изданій житій святыхъ въ началѣ XIX в. къ ихъ рукописнымъ источникамъ. Не зная приемовъ издателей, можно было бы заключить, что печатныя изданія представляют собою новыя редакціи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они только передѣлка подлинника, результатъ излишне свободнаго отношенія къ оргиналу. То же самое нужно сказать и о разсматриваемой редакціи повѣсти. Отсюда, можно допустить, что эта новая редакція появилась уже въ XIX столѣтіи.

Дополненія, сдѣланныя въ рассказѣ о явленіи иконъ и въ біографіи блаж. Тимоѳея, не представляют собою чего-либо цѣннаго въ историческомъ отношеніи. Заслуживаетъ вниманія лишь замѣтка о кончинѣ Тимоѳея. Въ полянскомъ и евгеніевскомъ спискахъ говорится, что блаж. Тимоѳей въ Новгородѣ за свою проповѣдь былъ отосланъ въ заточеніе и „ скончася, мученически пострада“ (л. 272 об). Въ этомъ спискѣ дѣло представлено правдоподобнѣе. „ Блаженный Тимоѳей пойдя по градомъ и весямъ, возвѣщая о явленіи св. иконъ Б. М. Умиленія и Одигитріи на Святой горѣ, Псковской области, вблизи града Воронича и рѣки Сороти; съ каковымъ извѣщеніемъ прииде въ Новъ-градъ, гдѣ занемогоше отъ трудовъ проповѣди и преиде отъ сего земного житія въ вѣчное блаженство, и погребоша во святой Софіи.“ Остальные варианты въ разсматриваемомъ спискѣ касаются, главнымъ образомъ, подробностей въ описаніи Синичьей и Тимоѳеевой горъ.

Несомнѣнно, что эта редакція повѣсти составлена человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ мѣстностію, гдѣ произошло явленіе иконъ, а также и съ мѣстными старинными преданіями о событіяхъ этого явленія. Новая редакція составлена не для церковнаго употребленія; этимъ и объясняется незначительность назидательнаго элемента въ ея содержаніи, по сравненію съ редакціею евгеніевскою.

Обобщая сказанное о святогорской повѣсти, можно представить литературную исторію этого памятника приблизительно въ слѣдующемъ видѣ. Первоначальная редакція повѣсти была составлена въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія для чтенія за богослуженіемъ въ монастырской церкви. Затѣмъ, во второй половинѣ того же вѣка эта редакція была переработана и дополнена для чтенія въ Псковѣ, за службою во время крестнаго хода. Позднѣе, и очевидно въ монастырѣ, и эта вторая редакція измѣнялась и

отчасти дополнялась: подвергалась сокращенію ея назидательная часть и вносились нѣкоторыя дополненія въ повѣствовательную часть. Списокъ первой редакціи утраченъ въ XIX столѣтіи, и копіею съ него, не очень точною, можно считать полянскій списокъ повѣсти. Вторая редакція сохранилась въ евгеніевскомъ спискѣ, а ея позднѣйшая передѣлка—въ спискѣ, названномъ нами монастырскимъ.

Историческое значеніе разсмотрѣннаго памятника и вообще, и въ частности для изложенія начальной исторіи святогорской обители очень не велико. Исслѣдователю исторіи псковскаго монашества приходится останавливаться на этомъ памятникѣ, во-первыхъ, потому, что онъ пока совсѣмъ не изслѣдованъ, и во-вторыхъ, потому, что онъ представляетъ собою почти единственный источникъ по начальной исторіи Святогорскаго монастыря.

Болѣе подробнымъ источникомъ по исторіи монашества являются житія святыхъ. Въ прежнее время этимъ памятникамъ придавалось важное историческое значеніе, и по нимъ, очень полно воспроизводилась жизнь русскихъ подвижниковъ, хотя и оказывалось, что описанія жизни нѣкоторыхъ святыхъ являлись похожими одно на другое. Теперь, послѣ изслѣдованія проф. В. О. Ключевского: „Др. Р. Ж. Св., какъ историч. источникъ“ (М. 1871 г.), такое довѣрчивое отношеніе къ этому источнику признается уже не научнымъ, и біографія святаго, составленная по житію, безъ критической провѣрки его сообщеній, пригодна лишь для назидательнаго чтенія, а не для научнаго сочиненія. Оказалось, что житіе только по названію своему представляетъ собою историко-біографическій памятникъ, а по содержанію это—скорѣе памятникъ церковно-ораторской литературы, въ которомъ преслѣдуются цѣли, главнымъ образомъ, не біографическія. Только первичныя редакціи житій, составленныя не для церковнаго употребленія, да отдѣлы описанія чудесъ могутъ быть признаны историческими источниками, цѣнными для научныхъ работъ. Большинство же житій, составленныхъ по поводу канонизаціи святыхъ, являются памятниками, въ которыхъ форма не только господствуетъ надъ содержаніемъ, но нерѣдко прямо обезличиваетъ и даже поглащаетъ его. И чѣмъ опытнѣе былъ біографъ въ дѣлѣ писанія житій, тѣмъ меньше у него фактическихъ данныхъ о личности святаго. Его житіе составлено „по образу и по подобию, якоже и прочимъ святымъ“, и изображаемый имъ подвижникъ является во многихъ случаяхъ точно такимъ же, „якоже и прочіи святіи“, вмѣсто живой личности получается литературный типъ монаха-аскета. Чѣмъ опытнѣе писатель, чѣмъ больше онъ былъ знакомъ съ житійною литературою, тѣмъ труднѣе опредѣлить, насколько изображенный имъ идеальный типъ подвижника соотвѣтствуетъ дѣйствительной личности святаго. Такъ образомъ, фактъ, что въ настоящее время по житіямъ святыхъ нельзя составлять полныхъ научныхъ біографій, послѣ изслѣдованій проф. Ключевского, является настолько несомнѣннымъ, что нѣтъ нужды и распространяться объ этомъ. Новѣйшій изслѣдователь русскихъ житій, А. Кадлубовскій, обобщая выводы проф. Ключевского,

дѣлаетъ къ нимъ такую характерную замѣтку: „можно было по готовымъ формуламъ написать житіе святаго, о которомъ не было извѣстно ничего, кромѣ имени и того основного содержанія его жизни, что онъ былъ иновою и подвижникомъ ¹⁾).

Но если житія не даютъ возможности съ точностію воспроизвести жизнь того или другого святаго, если въ нихъ святые являются похожими въ общемъ другъ на друга, то не позволяютъ ли они, по крайней мѣрѣ, возстановить особенности въ жизни святыхъ отдѣльной мѣстности, возсоздать типъ мѣстнаго подвижника? Быть можетъ, сходства въ агіобиографическихкихъ памятникахъ не простирается до полного обезразличенія мѣстныхъ особенностей житійной литературы? На эти вопросы, для нашей цѣли существенно важные, въ ученой литературѣ о житіяхъ святыхъ можно находить различные отвѣты.

Если послѣдовательно проводить обобщенія проф. Ключевского и не брать во вниманіе отдѣльныхъ житій, представляющихъ собою исключеніе изъ общаго типа житійной литературы, то придется дать отвѣтъ только отрицательный. Таковой отрицательный отвѣтъ и находимъ въ изслѣдованіи И. Яхонтова: „Житія св. сѣверно-русскихъ подвижниковъ поморскаго края, какъ историческій источникъ“ (Казань, 1881 г.). Характеризуя въ заключеніи своей работы историческое значеніе избранной имъ серіи мѣстныхъ житій, этотъ изслѣдователь приходитъ къ слѣдующимъ неутѣшительнымъ выводамъ: „представленный нами, по возможности подробный, критическій разборъ избранной нами серіи житій святыхъ достаточно показываетъ, какъ съ одной стороны неудобно историку пользоваться этими произведеніями безъ предварительной критической ихъ разработки, а съ другой, какъ мало чисто историческаго матеріала онъ можетъ извлечь изъ нихъ даже и при такой ихъ разработкѣ.“ Значительная часть поморскихъ житій, по мнѣнію Яхонтова, представляетъ собою просто лишь копія съ житій подвижниковъ другихъ мѣстностей нашего отечества (стр. 332). И этотъ выводъ является особенно неожиданнымъ потому, что изслѣдователь имѣлъ дѣло съ житійною литературою такой мѣстности, гдѣ, по самымъ уже условіямъ умственной жизни, литературное вліяніе должно бы быть незначительнымъ. Заподозрить автора въ тенденціозности или въ поспѣшности обобщеній нѣтъ никакихъ основаній. Наоборотъ, его выводы основаны на точныхъ сравненіяхъ и сопоставленіяхъ поморскихъ памятниковъ съ общерусскими, образцомъ чего можетъ служить изслѣдованіе житія пр. Александра Свирскаго ²⁾. Можно ли послѣ этого говорить о возсозданіи мѣстнаго типа подвижника по мѣстнымъ житіямъ святыхъ? Конечно нѣтъ. „На основаніи однихъ житій изслѣдователь,—замѣчаетъ Яхонтовъ,—едва ли найдетъ себѣ въ состояніи возсоздать сколько нибудь удовлетворительно для исторіи даже болѣе общій характеристическій типъ собственно помор-

¹⁾ „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ“. Варшава, 1902 г., стр. III.

²⁾ Стр. 37—87 и прил. 334—376.

скаго подвижника вообще“ (222). Авторъ признаетъ историческое значеніе лишь за отдѣломъ описанія чудесъ (333), но и здѣсь онъ указываетъ рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что и этотъ отдѣлъ испытывалъ на себѣ литературное вліяніе въ формѣ сходной съ отдѣломъ біографическимъ¹⁾. Такимъ образомъ, историческое значеніе житій святыхъ, даже и какъ памятниковъ мѣстной литературы, въ разсматриваемомъ сочиненіи окончательно дискредитировано. Однако этотъ выводъ въ наукѣ не общепринятый. Нѣсколько иную оцѣнку историческаго значенія мѣстныхъ житій даютъ Н. Коноплевъ въ изслѣдованіи о Вологодскихъ святыхъ, В. Яковлевъ и Д. Абрамовичъ—о Кіево-печерскомъ патерикѣ.

Коноплевъ не преувеличиваетъ историческаго значенія житій: онъ даже склоненъ признать ихъ скорѣе произведеніями литературными, чѣмъ историческими, и считаетъ невозможнымъ на основаніи одного лишь житія составить біографію святаго²⁾. Но, отмѣчая недочеты въ житіяхъ, Коноплевъ не опускаетъ изъ вниманія и достоинствъ отдѣльныхъ памятниковъ. Въ результатѣ онъ признаетъ житія вологодскихъ святыхъ цѣнными для изученія исторіи русскаго монашества, въ частности и для характеристики жизни мѣстныхъ святыхъ³⁾. Затѣмъ, авторъ призналъ серію разсмотрѣнныхъ имъ житій цѣнною, между прочимъ, и для изученія монастырской колонизаціи⁴⁾. Такъ обр., слѣдуя въ общемъ плану изслѣдованій Ключевскаго и Яхонтова, Коноплевъ, по сравненію съ послѣднимъ, приходитъ къ болѣе положительнымъ выводамъ объ историческомъ значеніи мѣстныхъ житій.

Яковлевъ въ своемъ изслѣдованіи: „Древне-кіевскія религіозныя сказанія“ (Варшава, 1875 г.), пытается объяснить и причину литературныхъ заимствованій въ древне-русскихъ житіяхъ, представить древнерусское списательство дѣломъ не просто механически-неразсудительнымъ, но отчасти вызывавшимся и фактическими требованіями. Литературныя заимствованія въ житіяхъ и сходство въ характеристикахъ одного подвижника съ другимъ, по мнѣнію Яковлева, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что сами русскіе подвижники старались подражать жизни знаменитыхъ святыхъ, и потому въ монашеской жизни въ различныхъ мѣстностяхъ повторялись одни и тѣ же случаи⁵⁾. Но такое объясненіе пригодно лишь отчасти и въ очень незначительной степени. Представленные въ изслѣдованіяхъ проф. Ключевскаго и Яхонтова примѣры не оставляютъ сомнѣнія, что сходство между житіями зависѣло преимущественно отъ литературныхъ приемовъ составленія житій и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно влекло за собою даже прямо противорѣчія житійнаго разсказа съ фактическими данными о жизни изображаемаго святаго. Увлечшись

1) Стр. 75—86, прил. 342—343.

2) „Святые Вологодскаго края.“ М. 1895 г. стр. 6, 8.

3) 34, 43, 60, 72, особенно 86; 106; 109—120.

4) 124—130 ср. у Ключевскаго, о. с., стр. I.

5) 9, 11—12.

своимъ литературнымъ стороннимъ источникомъ, біографъ нерѣдко игнорировалъ эти фактическія данныя ¹⁾). Даже и по отношенію къ южно-русскимъ житійнымъ памятникамъ: житію Θεодосія и разсказамъ кіево-печерскаго патерика, объясненіе Яковлева можетъ быть принято лишь съ большими оговорками. Несмотря на то, что эти памятники составлены при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, нельзя сказать, чтобы они не подчинялись тѣмъ условно-литературнымъ формамъ, съ которыми встрѣчаемся въ житіяхъ позднѣйшаго времени. И у самого Яковлева, и особенно у проф. Абрамовича отмѣченъ въ кіево-печерскомъ патерикѣ цѣлый рядъ литературныхъ заимствованій, изъ которыхъ многихъ нельзя объяснить съ точки зрѣнія Яковлева ²⁾). Очевидно начало писательства почти современно начальной исторіи русской агиографіи, только оно было чуждо тѣхъ крайностей, съ какими является позднѣе, въ XVI, напр., вѣкѣ. Попытка Абрамовича доказать историческую цѣнность сообщеній патерика путемъ свода всѣхъ мелкихъ фактическихъ извѣстій, заключающихся въ его содержаніи, не смотря на умѣлую систематизацію, кажется все-таки мало доказательною. Въ заключительныхъ строкахъ своей работы самъ авторъ признаетъ разсматриваемый имъ памятникъ лишь „далеко не безразличнымъ историческимъ источникомъ“ ³⁾). О сочиненіи же Коноплева можно съ увѣренностію сказать, что если бы въ немъ біографіи святыхъ были изложены отдѣльно отъ литературнаго изслѣдованія житій, то эта историческая часть работы и по содержанію, и по общимъ выводамъ менѣе бы говорила въ защиту историческаго значенія мѣстной житійной литературы. Словомъ, по послѣднему вопросу правильнѣе будетъ придерживаться отрицательныхъ взглядовъ Яхонтова и относиться къ извѣстіямъ мѣстныхъ житій съ критическою провѣркою, граничащею иногда прямо съ недоувѣріемъ къ біографу. Это—путь болѣе гарантирующій отъ ошибокъ, хотя и стѣсняющій изслѣдователя.

Кромѣ исторической оцѣнки, житія святыхъ подвергались еще оцѣнкѣ со стороны ихъ литературнаго значенія, и въ этомъ отношеніи ихъ достоинство признано несомнѣннымъ. Опуская отзывы о житіяхъ съ этой стороны Шевырева, Буслаева и И. Некрасова, мы остановимся лишь на новѣйшемъ, цитированномъ уже изслѣдованіи А. Кадлубовскаго. Въ этомъ сочиненіи, на примѣрѣ заволжскихъ и волоколамскихъ житій, представлена такая убѣдительная характеристика различныхъ направленій въ житіяхъ, что считать наше писательство дѣломъ какимъ-то бессознательно-страннымъ во многихъ случаяхъ будетъ прямою ошибкою. Списывали не просто „отъ сихъ до здѣ“, но соображаясь съ тѣмъ, какою литературнымъ источникомъ и насколько могъ соотвѣтствовать преслѣдуемой

¹⁾ Ключев. о. с. 275, 433.

²⁾ Яковлевъ о. с. 70, 75, 90, 103, 106—7, 141, 151 и др. Д. Абрамовичъ, „Изслѣдованіе о кіево-печерскомъ патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ.“ Спб. 1902 г., 142—183.

³⁾ ib. стр. 190—204.

дѣли, взглядамъ и направленіямъ партіи, къ которой принадлежали тотъ или другой святой, тотъ или другой писатель. Конечно, и это объясненіе, какъ и объясненіе Яковлева, приложимо не во всѣмъ случаямъ, но при оцѣнѣ мѣстныхъ житій святыхъ необходимо имѣть его въ виду. Впрочемъ, должны оговориться, что съ этой точки зрѣнія мы почти не будемъ разсматривать житій псковскихъ подвижниковъ. Дѣлаемъ это не потому, чтобы псковскія житія въ литературномъ отношеніи не представляли собою никакого интереса. Этого нельзя по крайней мѣрѣ сказать о житіи Евфросина. Проф. Архангельскій находитъ даже необходимымъ первую редакцію Евфросинова житія внести въ учебный курсъ исторіи древне-русской литературы, какъ памятникъ, необычайно ярко рисующій умственное настроеніе той эпохи, крайне своеобразный складъ религіозныхъ понятій большинства тогдашнихъ книжниковъ, крайнюю бѣдность, ограниченность ихъ религіозной мысли, ея страшную хаотичность¹⁾. Мы съ своей стороны думаемъ, что и издаваемая въ приложеніи къ сочиненію начальная редакція житія пр. Никандра псковскаго имѣетъ положительное, хотя и не столь большое значеніе для исторіи древне-русской письменности XVII в. По отзыву А. И. Соболевскаго, это было время замиранія древне-русской литературы; и для такого времени житіе Никандра, съ своимъ живымъ, въ иныхъ случаяхъ прямо народнымъ языкомъ является памятникомъ небезынтереснымъ. Мы не останавливаемся на литературной оцѣнкѣ псковскихъ житій прежде всего потому, что для нашей дѣли важнѣе историческая сторона житій, чѣмъ литературная. Затѣмъ, всѣ почти псковскія житія появились въ XVI—XVII в.в., послѣ присоединенія Пскова къ Москвѣ, во время м. Макарія и позднѣе, т. е. когда литературная форма житій выработалась уже окончательно и получила общую обязательность. При такихъ условіяхъ трудно ожидать, чтобы въ псковской агиографіи отразились мѣстные псковскіе взгляды, какъ это видимъ, напр., въ лѣтописяхъ. Наконецъ, не только житія иноковъ—подвижниковъ,—за исключеніемъ житія преп. Никандра,—но и житія другихъ псковскихъ святыхъ, а также святыхъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ исторіи монашеской жизни въ Псковѣ (Нифонта Новгород., Исидора Юрьевскаго), въ окончательной своей обработкѣ принадлежали одному лицу—пресвитеру Василю. вмѣсто характеристики взглядовъ псковскихъ писателей пришлось бы, такимъ образомъ, говорить о взглядахъ одного лица, о литературной дѣятельности котораго—и за, и противъ—говорено уже и безъ того много. Отсюда, о литературной исторіи псковскихъ житій мы будемъ говорить лишь постольку, поскольку это нужно для исторической ихъ оцѣнки.

Собственно иноческихъ псковскихъ житій имѣется очень немного. Не сохранилось житія ни одного изъ подвижниковъ городскихъ монастырей: Авраамія, Василя Мирожскихъ, Иоасафа Снѣтогорскаго, Евпраксія,

¹⁾ „Замѣтки на программу по исторіи рус. литературы и теоріи словесности“, Ж. М. Нар. Пр. 1906 г. V, стр. 10. ср. стр. 19.

да и изъ житій пустынножителей нѣтъ многихъ: Іоны, Корнелія Печерскихъ, Досифея, Иларіона, Онуфрія Мальскаго. Въ распоряженіи изслѣдователя псковскаго монашества всего лишь житія четырехъ подвижниковъ: Евфросина, Саввы, Никандра и Серапіона,—послѣднее позднѣйшаго происхожденія. Зато этотъ количественный недочетъ восполняется особенностями въ постановкѣ біографическѣй части этихъ житій и наличностію нѣсколькихъ ихъ редакцій. Изъ указанныхъ житій только житіе Саввы Крыпецкаго составлено „по образу и по подобію“ другихъ русскихъ житій, т. е. исторически малоцѣнно. Житія же Евфросина и Никандра, въ ихъ первоначальныхъ редакціяхъ, замѣтно отличаются отъ общаго типа древне-русскихъ житій. Житіе Евфросина преслѣдуетъ цѣли не біографически-назидательныя, а историко-полемическія; біографическая часть здѣсь не основная, а случайная, дополнительная. Житіе Никандра появилось при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, что сохранило въ себѣ немало мелкихъ біографическихъ подробностей о святомъ и почти не испытало на себѣ какаго либо литературнаго вліянія. Эти случайныя обстоятельства въ литературной исторіи указанныхъ памятниковъ даютъ надежду на возможность болѣе положительныхъ выводовъ объ ихъ сравнительной цѣнности и для изложенія исторіи псковскаго монашества. Съ этой, преимущественно, стороны мы и изложимъ литературную исторію псковскихъ иноческихъ житій.

Первымъ памятникомъ псковской агиографіи и хронологически, и по своему значенію, должно быть поставлено житіе преподобнаго Евфросина.

Житіе это со стороны главнаго предмета своего содержанія—вопроса о сугубой аллилуіи очень рано, еще въ древне-русской письменности, вызвало къ себѣ критическое отношеніе. Въ послѣдней разборъ оснований, которыя приводились защитниками двоенія, былъ сдѣланъ даже раньше, чѣмъ эти основанія получили систематическое изложеніе въ трудѣ перваго біографа. Такъ, еще въ концѣ XV в. въ полуоффиціальномъ по своему значенію посланіи объ аллилуіи, приписываемомъ Димитрію греку, съ достаточною ясностію была указана неосновательность главной ссылки защитниковъ двоенія на авторитетъ Константинопольской церкви, по ихъ словамъ, державшейся, будто бы, однообразнаго порядка въ возглашеніи аллилуіи. По свидѣтельству автора посланія, въ XV в. и на Востоку, какъ и у насъ въ древней Руси, не было единообразія, и тотъ или иной способъ возглашенія аллилуіи самъ по себѣ считался безразличнымъ. Этимъ разъясненіемъ въ значительной мѣрѣ суживался смыслъ утвержденія Евфросина о томъ, что въ пору посѣщенія имъ Константинополя: „такъ бо (т. е. дважды) и сами (греки) γὰρ καὶ παρὰ ἁλλοῖα ἐστὶν“¹⁾.

Но еще полнѣе въ томъ же XV в. были разобраны мнѣнія защитниковъ сугубой аллилуіи русскимъ писателемъ—псковичемъ, въ посланіи къ какому-то Аѳанасію, вѣттору общеобительныя лавры св. Николы. Въ

¹⁾ Рук. Унд. № 306 л. 36 об.

этомъ памятникѣ, написанномъ сторонникомъ троенія, не только разсмотрѣны и охарактеризованы полемическіе приемы представителей противоположнаго взгляда, но указанъ въ частности и самый источникъ ихъ ошибки: неправильное филологическое толкованіе слова аллилуїа.

Естественно предположить, что указанные памятники должны были имѣть непосредственное вліяніе и на самое житіе Евфросина, въ первой своей редакціи представляющее въ сущности не что иное, какъ защитный трактатъ о сугубой аллилуїи. Очевидно, что защитникъ двоенія не могъ оставить безъ вниманія помѣщенныхъ въ этихъ памятникахъ возраженій какъ противъ правильности сугубой аллилуїи вообще, такъ въ частности и противъ приемовъ, съ помощью которыхъ предшественники перваго редактора защищали свой взглядъ. Но для положительнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ ни въ житіи, ни въ другихъ памятникахъ древне-русской письменности нѣтъ точныхъ данныхъ; нельзя даже найти прямыхъ указаній, чтобы отмѣченные памятники были дѣйствительно извѣстны писателю Евфросинова житія. Въ своемъ трудѣ онъ, правда, имѣетъ въ виду мнѣнія и взгляды сторонниковъ троенія, но излагаетъ ихъ неполно и совсѣмъ не въ той формѣ, въ какой они изложены въ посланіи къ епитиму Аѳанасію. Такимъ образомъ, сравнивая содержаніе перваго житія преп. Евфросина съ посланіемъ къ Аѳанасію, скорѣе можно сдѣлать выводъ, что первый писатель или вовсе не былъ знакомъ съ посланіемъ, или намѣренно игнорировалъ содержаніе этого памятника, такъ какъ не могъ обстоятельно рассмотретьъ заключающихся въ немъ возраженій противъ двоенія.

Но наличность въ древне-русской письменности этой полемической литературы имѣла свое вліяніе на дальнѣйшую исторію нашего памятника. Какъ показываетъ послѣдняя, трудъ перваго писателя самими защитниками двоенія былъ признанъ недостаточнымъ, и черезъ какихъ либо 50 лѣтъ послѣ его появленія была предпринята литературная его переработка, произведенная псковскимъ пресвитеромъ Василиемъ. Василій, перерабатывая этотъ памятникъ въ обычный типъ древне-русскаго житія, нашелъ нужнымъ внести нѣкоторыя измѣненія и дополненія и въ самый трактатъ перваго писателя о сугубой аллилуїи, — незамѣтная съ внѣшняго вида, но существенно измѣняющія собою какъ историческую послѣдовательность описанныхъ его предшественникомъ событій, такъ и ихъ церковно-историческое значеніе. Со времени появленія этой второй редакціи житія Евфросина трудъ перваго писателя совершенно вышелъ изъ употребленія, такъ что въ XVII, напр., вѣкѣ о немъ не имѣли почти никакихъ свѣдѣній, какъ видно изъ актовъ московскаго собора 166⁶/₇ г. Наоборотъ, работа Василя получила въ древне-русской письменности извѣстность и значеніе; она даже болѣе чѣмъ на сто лѣтъ приостановила начинавшуюся было литературную критику житія въ отмѣченной выше, главной части его содержанія.

Нельзя сказать, чтобы такая перемѣна въ отношеніи къ житію неподобнаго обуславливалась внутренними достоинствами новой его редакціи, благодаря которымъ устранялась бы возможность дальнѣйшихъ возраженій,

въ родѣ, напр., приведенныхъ въ посланіи къ Аѳанасію. Причиною указанной пережѣны было, напротивъ, совершенно случайное обстоятельство, вовсе не литературнаго свойства. Именно, черезъ четыре года послѣ составленія Василюмъ житія его трудъ получилъ официальное одобреніе со стороны цѣлаго собора русскихъ іерарховъ. Послѣ этого критическое отношеніе къ содержанію житія само по себѣ дѣлалось невозможнымъ, такъ какъ недовѣрчивый читатель шелъ бы уже противъ компетенціи собора и за свою подозрительность легко могъ бы поплатиться. Этимъ и объясняется, что въ древне-русской письменности второй половины XVI и первой XVII в. мы не встрѣчаемъ литературныхъ памятниковъ въ родѣ посланія къ Аѳанасію, а значительное количество сохранившихся отъ этого времени списковъ второй редакціи свидѣтельствуетъ не только о широкомъ на неѣ спросѣ, существовавшемъ среди тогдашнихъ грамотныхъ людей, но и объ ихъ довѣрїи къ житію, повоиншемся, очевидно, на соборномъ авторитетѣ.

Но отцы Стоглаваго собора, прїостановивъ своимъ авторитетомъ критическое отношеніе къ житію преп. Евфросина, вовсе не вошли въ разсмотрѣніе фактической достовѣрности содержанія этого памятника. Свой отзывъ о немъ они основали на такомъ излишнемъ довѣрїи къ сообщеніямъ писателя, которое справедливо вызвало позднѣе суровое осужденіе. „Извѣстно же увѣдѣкомъ,—читаемъ въ 42 главѣ соборныхъ актовъ,—отъ писателя житія преподобнаго отца нашего Евфросина псковскаго, новаго чудотворца, какъ его ради святыхъ молитвъ извѣсти и запрети пресвятая Богородица о трегубой аллилуїи и повелѣ православнымъ христіанамъ пѣти двоегубое аллилуїа, а въ третіе: слава тебѣ, Боже. Понеже бо по-еврейски аллилуїа, а по-русски: слава тебѣ, Боже“¹⁾.

Изъ приведенныхъ словъ соборнаго опредѣленія можно видѣть, что, помимо излишняго довѣрїя къ самой недостовѣрной части житія, отцы собора, ссылаясь на авторитетъ вселенской церкви и неправильнымъ толкованіемъ слова: аллилуїа, допустили двѣ ошибки, давно уже разобранныя въ „посланіяхъ“ XV вѣва. И эта невнимательность къ дѣлу представляется тѣмъ болѣе странною, что оба критико-полемическихъ памятника предшествующаго времени были извѣстны, если и не всѣмъ членамъ собора, то по крайней мѣрѣ его предсѣдателю, митрополиту Макарію, который внесъ эти памятники въ свои В. Ч. Миней. Понятно, затѣмъ, что причину такого „безразсуднаго“ опредѣленія нельзя видѣть лишь въ простотѣ и невѣжествѣ членовъ собора, какъ объяснялъ это позднѣе московскій соборъ 166^{6/7} г.г. Такого обвиненія мы не имѣемъ права повторять по отношенію къ митрополиту Макарію, который не только хорошо былъ знакомъ съ древне-русскою письменностію, но и имѣлъ значительное вліяніе на дальнѣйшее ея развитіе. О личныхъ дарованіяхъ этого знаменитаго архипастыря, о его краснорѣчїи и учительности, современники Макарія были столь высокаго мнѣнія, что называли его вторымъ Златоустомъ, просїавшимъ въ Россїи-

¹⁾ Стоглавъ, изд. Д. Кожанчикова. Спб. 1863 г., стр. 148—149.

свой землѣ¹⁾. Причину невнимательности, съ которою было сдѣлано соборное опредѣленіе о сугубой аллилуіи, правильнѣе будетъ усматривать въ самой постановкѣ этого вопроса на Стоглавомъ соборѣ.

Несомнѣнно, что въ это время вопросъ о сугубой аллилуіи не представлялся уже столь спорнымъ вопросомъ, каковымъ онъ былъ въ пору составленія первой редакціи Евфросинова житія. Наоборотъ, въ богослужбной практикѣ онъ былъ уже разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и отцамъ собора не было, такимъ образомъ, особой нужды подыскивать основанія и провѣрять историческіе документы, которыми оправдывалось бы ихъ соборное постановленіе. Въ частности не было особыхъ побужденій останавливаться на разборѣ, напр., возраженій противъ двоенія, помѣщенныхъ въ посланіи къ Аванасію, послѣ того, какъ за сугубую аллилуію высказался столь авторитетный человѣкъ, каковымъ считался въ древней Руси Максимъ Грекъ.

Авторитетъ соборнаго опредѣленія о сугубой аллилуіи оставался въ силѣ до второй половины XVII в., когда поставленъ былъ вопросъ о недостаткахъ въ обрядовой сторонѣ вѣры и о необходимости ихъ исправленія путемъ сличенія мѣстной богослужбной практики съ практикою церкви греческой. Въ числѣ другихъ предметовъ, отличавшихъ нашъ порядокъ богослуженія отъ греческаго, было и двоеніе аллилуіи; и вполнѣ понятно, что при замѣнѣ его троеніемъ долженъ былъ возникнуть вопросъ о степени достовѣрности источника, на которомъ было основано соборное опредѣленіе 1551 года. Но на первыхъ порахъ вопросъ получилъ совершенно неправильную постановку, такъ какъ вниманіе было обращено не на литературный, собственно, источникъ,—какъ бы слѣдовало по ходу дѣла,—а на самую личность защитника сугубой аллилуіи; высказывалось сомнѣніе: можно ли довѣрять тому, что говорилъ Евфросинъ, защищая двоеніе? Выходить отсюда, что житіе само по себѣ считалось попрежнему памятникомъ, вѣрно передававшимъ историческую сторону дѣла. Выразителемъ приведеннаго взгляда былъ предстоятель русской церкви и инициаторъ церковной реформы—патріархъ Никонъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, представляетъ намъ дѣло житіе расколуучителя—протопопа Неронова, сохранившее въ своемъ содержаніи слѣдующее интересное сообщеніе.

Когда Нероновъ отказывался нѣтъ за службою тройную аллилуію и въ защиту стараго порядка ссылался на Евфросина, то патріархъ, со свойственною ему рѣзкостью въ отзовахъ, высказался противъ этого авторитета. „И патріархъ Никонъ рече: воръ-де, блядинъ сынъ Евфросинъ“. Эти слова привели въ ужасъ собесѣдника патріарха, и, не возражая по существу, онъ лишь замѣтилъ: „какъ таковая дерзость и какъ хулу на святыхъ вѣщати? услышитъ Богъ и смиритъ тя“²⁾.

1) „Дѣло же второй золоточустъ оученьемъ просѣмъ изъ російской земли сей свѣдѣній Янакаріе“,—читаемъ у пресвитера Василія, въ его житіи преп. Саввы Крыпецкаго. По рукоп. № 1188/678 Арх. М. И. Д., л. 28 об.

2) Мат. для ист. раск., т. I, стр. 162.

Изъ этихъ словъ, переданныхъ, быть можетъ, съ значительною долею преувеличенія, слѣдуетъ заключить, что, во-первыхъ, патр. Никонъ склоненъ былъ отрицать установившійся было авторитетъ защитника сугубой аллилуйи, и во-вторыхъ, что онъ въ полемикѣ съ своими противниками сталъ на самую неправильную точку зрѣнія по спорному вопросу.

Эта ошибка патріарха скоро, впрочемъ, была исправлена соборомъ восточныхъ и русскихъ іерарховъ 1666—7 г.г. Въ дополненіи къ своему опредѣленію о сугубой аллилуйи отцы собора прямо заявили, что виновникомъ неправильныхъ мнѣній объ аллилуйи былъ не Евфросинъ, а писатель его житія. „И сіе смущеніе, еже глаголати аллилуйа дважды, таже: слава тебѣ, Боже,—читаемъ въ соборныхъ дѣяніяхъ,—не отъ Евфросина стало, но отъ писателя Евфросинова житія, дѣвольскимъ навѣтомъ. Солгано на преподобнаго Евфросина отъ писателя житія его“¹⁾. Въ-стѣ съ этимъ общимъ положеніемъ отцы собора высказали строгое осужденіе и всему содержанію житія, нашли, что оно написано: „отъ соннаго мечтанія писателява“, и представляетъ собою: „писаніе блядивое (лживое) отъ льстиваго и лживаго писателя писаное“²⁾. Въ указанномъ дополненіи къ своему опредѣленію, предоставляя самому читателю житія убѣдиться въ „суемудріи“ его составителя, отцы собора, какъ бы для руководства, даютъ и критическій общій разборъ содержанія житія. На основаніяхъ главнымъ образомъ предположительныхъ („мнимъ, яко“...) они заподозриваютъ не только фактъ путешествія Евфросина въ Константинополь, но даже и самый фактъ споровъ его изъ-за аллилуйи съ псковичами. По поводу же описанія писателемъ явленія ему Богоматери отцы собора дѣлаютъ читателю житія слѣдующее предостереженіе: „и тамо будетъ ужасатися читатель безумія писателява Евфросинова житія“³⁾.

Подвергнувъ критическому разбору содержаніе житія преп. Евфросина со стороны главнаго его предмета: вопроса о сугубой аллилуйи, отцы собора вмѣстѣ съ этимъ лишили литературный трудъ пресвитера Василя и того официальнаго одобренія, котораго онъ удостоился на Стоглавомъ соборѣ. По ихъ мнѣнію, все изложенное „въ книзѣ стоглавѣ“ по вопросамъ обрядовымъ написано: „неразсудно, простотою и невѣжествомъ“. Не имѣетъ отсюда значенія и соборное одобреніе житія Евфросина; наоборотъ, житіе это составлено писателемъ: „на прелесть благочестивымъ народомъ.“ И эта отиѣна соборнаго опредѣленія имѣла важное значеніе для дальнѣйшаго критическаго разбора содержанія житія. Снимая запретъ съ критики житія, отцы собора даже располагали читателя недověрчиво относиться къ сообщеніямъ этого памятника. Въ результатѣ, со второй половины XVII в. возникаетъ постепенно увеличивавшаяся въ своемъ объемѣ

¹⁾ Дѣян. москов. соб. 1666—67 г.г. изд. братства св. Петра, М. 1893 г. стр. 30, 31.

²⁾ *ib.*, стр. 8.

³⁾ *ib.*, стр. 30—31.

литературная критика житія. Согласно церковно-историческимъ условіямъ того времени, она получила полемиическое направленіе.

Изъ своей задачи мы исключаемъ историческій обзоръ полемиической литературы о житіи преп. Евфросина въ послѣдовательномъ ея развитіи и ограничимся лишь общими замѣчаніями о позднѣйшихъ (XIX в.) критико-полемиическихъ изслѣдованіяхъ изучаемаго нами памятника въ сочиненіяхъ: митр. Евгенія, Макарія, Григорія, арх. Филарета и Руднева, такъ какъ эти изслѣдованія имѣютъ большій научный интересъ и потому ближе относятся къ темѣ нашей работы.

Сопоставляя общіе выводы о житіи Евфросина у упомянутыхъ изслѣдователей съ изложеннымъ выше первоначальнымъ опытомъ критическаго разбора житія на соборѣ 1666—7 г.г., не трудно замѣтить, что, несмотря на двухвѣковой періодъ своего существованія, критико-полемиическая литература сдѣлала въ общемъ очень незначительные успѣхи въ изученіи этого памятника. Она ограничивалась лишь частными дополненіями да болѣе точными разъясненіями тѣхъ положеній, которыя кратко были изложены въ соборномъ опредѣленіи. Такъ, напр., путемъ общихъ соображеній и параллельныхъ хронологическихъ сопоставленій событій мѣстной, псковской жизни съ одной стороны, и константинопольской съ другой, болѣе точно раскрыта и обоснована (особенно у митр. Макарія и Руднева) мысль о неправдоподобности сообщеній біографа, касающихся посѣщенія Евфросиномъ Царь-града. Съ помощію подобнаго же приѣма, а равно на основаніи отсутствія упоминаній объ евфросиновомъ спорѣ съ псковичами въ другихъ историческихъ памятникахъ того времени: въ лѣтописяхъ, уставѣ и завѣщаніи святаго,—точнѣе поставленъ рядъ возраженій и противъ достовѣрности описаній самаго спора. Самый объемъ изслѣдованія ограничивался лишь спеціальною частію житія: повѣстію о сугубой аллилуйи, и изъ остальнаго содержанія этого памятника въ критическій обзоръ входили только тѣ отдѣлы, которые или имѣютъ непосредственное отношеніе къ главному предмету,—напр., статья: „о хожденіи святаго къ царствующему граду“,—или даютъ возможность критиковать біографа на основаніи противорѣчій, допущенныхъ имъ самимъ въ его работѣ. Къ послѣднимъ относятся: хронологическая дата о времени перехода Евфросина изъ Снѣтогорскаго монастыря въ пустыню на Толву, а также отдѣльныя, общія выраженія, съ помощію которыхъ, за недостаткомъ точныхъ данныхъ, второй редакторъ устанавливаетъ историческую послѣдовательность событій возникновенія Елеазаровскаго монастыря и жизни нѣкоторыхъ монаховъ, сподвижниковъ Евфросина. Сопоставленіе такихъ выраженій одного съ другимъ и съ общею хронологическою датой о путешествіи Евфросина въ Константинополь дало собою матеріалъ для цѣлаго ряда очень стройныхъ въ логическомъ отношеніи возраженій противъ достовѣрности путешествія Евфросина. Возраженія эти сдѣланы митр. Макаріемъ въ его „Исторіи рус. раскола“.

Главный пунктъ критико-полемиическаго разбора составляло описаніе писателемъ явленія ему Богоматери. Какъ и въ соборномъ опредѣленіи,

послѣднее разбиралось исключительно со стороны невѣроятности самаго его содержанія. Вслѣдствіе такой постановки дѣла въ полемической литературѣ остался недостаточно выясненнымъ вопросъ о постепенномъ возникновеніи тѣхъ неправильныхъ взглядовъ, которые въ такой необычной, съ современной намъ точки зрѣнія, формѣ изложены въ житіи. Эти взгляды, наоборотъ, рассматривались какъ продуктъ личнаго измышленія біографа, не заслуживающій научнаго вниманія, и только полемико-практическія соображенія побуждали изслѣдователей останавливаться на разборѣ подобныхъ измышленій. Такое отношеніе особенно замѣтно у преосв. Филарета. Онъ находилъ излишнимъ въ научныхъ цѣляхъ разбирать описанія Василія и помѣстилъ свои замѣчанія на нихъ, и то не въ текстѣ, а въ примѣчаніяхъ, въ цѣляхъ лишь вразумленія старообрядцевъ. „И скучно, и стыдно,—говоритъ онъ,—а надобно показать, какъ объяснялъ Василій сугубую аллилуію. Пусть извѣстные люди видятъ и судятъ, кто имъ учитель“¹⁾. Слѣдующій за этими предварительными словами разборъ объясненій Василія сдѣланъ далеко не въ объективно-научномъ тонѣ. Послѣдняя черта, по отзыву проф. Ключевскаго, свойственна и другимъ изслѣдованіямъ, преслѣдовавшимъ полемическія цѣли. Менѣе она замѣтна въ сочиненіяхъ митр. Евгенія, отличавшагося вообще осторожностію выводовъ и критическихъ сужденій.

Но митр. Евгеній сдѣлался невольнымъ виновникомъ одной хронологической ошибки, не только повторенной другими изслѣдователями, но и напедшей для себя мѣсто въ одномъ изъ лучшихъ полемическихъ сочиненій, гдѣ на основаніи ея категорически отрицается фактъ путешествія преп. Евфросина въ Константинополь. Именно, со словъ преосв. Евгенія, митр. Григорій въ своемъ сочиненіи: „Истинно-древняя и истинно-православная церковь“, опредѣляетъ время основанія Евфросиномъ монастыря 1447 годомъ и на этомъ обосновываетъ слѣдующее возраженіе: „цареградскій патріархъ Іосифъ скончался на Флорентійскомъ соборѣ въ 1439 г., а преподобный Евфросинъ, по сказанію житія его, основалъ свой монастырь въ 1447 г. и умеръ въ 1481 году. Слѣдовательно, п. Іосифъ умеръ осмью годами ранѣе самаго основанія Евфросинова монастыря“²⁾. На самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ точныхъ указаній для опредѣленія времени устройства Евфросиномъ монастыря, и отмѣченная дата, 1447-й годъ, внесена митр. Евгениемъ очевидно на основаніи неточнаго извѣстія въ рукописномъ спискѣ житія, хранящемся въ бібліотекѣ Елеазаровскаго монастыря. Этимъ спискомъ пользовался преосв. авторъ, и въ немъ время перехода Евфросина изъ Сяѣтогорскаго монастыря въ пустыню на Толву, дѣйствительно отнесено къ 1447 г., а не къ 1425, какъ въ другихъ спискахъ³⁾. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что самъ митр. Евгеній не

¹⁾ Ист. рус. цер., пер. III, по изд. 1888 г., стр. 193—196, прим. 306.

²⁾ Ч. II, стр. 139, М. 1883 г., изд. 2-е.

³⁾ „И ту блаженный отецъ вселиси безмолвствовати наединѣ въ лѣто 6955“. Монаст. рукоп., л. 19. Ошибочность этой даты будетъ объяснена ниже.

придавалъ особой цѣнности этой датѣ и даже допускалъ, что путешествіе въ Царьградъ было предпринято Евфросиномъ до устройства монастыря ¹⁾). Такимъ образомъ, и попытка митр. Григорія точнѣе обосновать возраженія противъ исторической достовѣрности сообщеній писателя о путешествіи Евфросина не представляется удачною.

Главною причиною недостаточности научныхъ результатовъ критико-полемическихъ изслѣдованій о житіи преп. Евфросина была узость постановки изслѣдуемаго вопроса. Сосредоточивая все вниманіе на спеціальной части житія, научная критика имѣла своимъ предметомъ исключительно вторую редакцію, составленную пресвитеромъ Василиемъ. Трудъ его предшественника, представлявшій собою основной источникъ для этой позднѣйшей переработки житія святаго, оставался неизвѣстнымъ. Вслѣдствіе этого не только не было поставлено вопроса о литературной зависимости второй редакціи житія отъ первой, но самый трудъ Василія разсматривался въ качествѣ самостоятельной работы, и все изложенное въ житіи о сугубой аллилуіи и о спорахъ изъ-за нея объяснялось, какъ личная выдумка второго редактора, челоуѣка легковѣрнаго и притомъ по времени своей жизни значительно отдаленнаго свидѣтеля описанныхъ имъ псковскихъ событій XV вѣка. Послѣдній взглядъ облегчалъ, вонечно, собою критическую работу, но въ то же время онъ вносилъ нѣкоторую неустойчивость въ общіе выводы изслѣдованій о житіи, сообщалъ имъ лишь относительную цѣнность. Случайное открытіе первоначальной редакціи житія Евфросина могло уже само по себѣ подорвать научное значеніе предыдущихъ выводовъ. Такъ и было въ дѣйствительности. Послѣ прекраснаго анализа текста первой редакціи, произведеннаго профессоромъ Ключевскимъ, многіе изъ прежнихъ взглядовъ утратили свою цѣну, и въ позднѣйшихъ работахъ прежнихъ изслѣдователей,—напр., въ VII т. Ист. рус. ц. митр. Макарія,— вмѣсто нихъ были приняты выводы и соображенія этого новаго изслѣдователя житія преподобнаго.

Узость постановки изслѣдуемаго вопроса выразилась еще и въ томъ, что житіе Евфросина, во второй его редакціи, разсматривалось въ полемической литературѣ внѣ связи съ другими памятниками древне-русской письменности, близкими къ нему по однородности своей темы,—какимъ, напр., памятникомъ является упомянутое уже раньше посланіе къ ктитору Аванасію. Въ XVIII в. православные полемисты, въ лицѣ арх. Теофилакта Лопатинскаго, даже совсѣмъ исключили этотъ памятникъ изъ предмета своей полемики, предполагая, что онъ представляетъ собою позднѣйшее измышленіе старообрядцевъ. Въ XIX вѣкѣ, правда, была признана ошибочность такого предположенія, но изслѣдованіе этого памятника сопровождалось неправильною оцѣнкою его значенія; на посланіе стали смотрѣть, какъ на оффиціальныи указъ о трегубой аллилуіи, изданный

¹⁾ Словарь истор. о бывш. писат. дух. чина, т. I, изд. 2, Спб. 1827 г., стр. 167.

будто-бы митр. Макаріемъ ¹⁾). Такое заключеніе не только не устанавливало внутренней связи „посланія“ съ житіемъ Евфросина, но даже создавало собою излишнія затрудненія въ опѣвкѣ историческаго значенія послѣдняго памятника, одобреннаго Стоглавымъ соборомъ, подъ предѣтельствомъ того же Макарія. Только въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ профес. Нильскаго и Голубинскаго, а также въ VII т. Ист. рус. ц. митр. Макарія была исправлена эта ошибка, и посланіе къ Аванасію получило для себя спеціальныя объясненія. Сопоставленіе его содержанія съ житіемъ Евфросина, въ первой его редакціи, дало, какъ увидимъ ниже, интересные результаты и для рѣшенія вопроса о начальной исторіи и о литературныхъ источникахъ житія преподобнаго,—нуждающіеся, впрочемъ, въ пересмотрѣ.

Такимъ образомъ, въ содержаніи научно-полемической литературы нельзя найти прямыхъ данныхъ для рѣшенія вопросовъ, касающихся литературной исторіи житія Евфросина, и для точнаго опредѣленія, какое значеніе имѣлъ этотъ памятникъ въ ряду другихъ сочиненій того времени, однородныхъ съ нимъ по своей темѣ. Тѣмъ не менѣе для изслѣдователя указанныхъ вопросовъ эта литература не утрачиваетъ своей цѣны. Если въ ней и не представлено точно обоснованныхъ возраженій противъ исторической достовѣрности содержанія житія, зато довольно подробно и правильно раскрыто несоотвѣтствіе описаній спора изъ-за аллилуйи съ другими историческими извѣстіями о событіяхъ этого времени. Наконецъ, здѣсь очень тщательно, хотя и не во всѣхъ случаяхъ объективно, изслѣдованъ вопросъ о внутреннихъ противорѣчіяхъ и несообразностяхъ въ изложеніи біографомъ сущности спорнаго вопроса. На выясненіи всего этого нѣтъ уже особой нужды останавливаться позднѣйшему изслѣдователю. Съ этой стороны научно-полемическая литература можетъ быть разсматриваема, какъ рядъ подготовительныхъ работъ для дальнѣйшаго, болѣе подробнаго и строгаго научнаго изслѣдованія житія Евфросина ²⁾.

¹⁾ См. объяснит. замѣтку предъ изданіемъ текста посланія въ Прав. Собес. 1866 г., стр. 139, и послѣсловіе къ печат. изданію второй редакціи житія Евфросина, въ II. ст. рус. лит., вып. IV, стр. 117—118.

²⁾ На ряду съ критикою официальною по своему происхожденію, въ древне-русской письменности, повидимому, существовала и частная, не преслѣдовавшая полемическихъ цѣлей, критика житія Евфросина, въ формѣ замѣтокъ читателей на поляхъ. Образецъ такой критики имѣемъ въ рукописномъ спискѣ житія XVIII в., скорописью, на 52 л., № 1230, бібліотеки Арх. Св. Синода. Съ помощію новгородскаго лѣтописца или, какъ называетъ самъ критикъ: „бниги гранографа, сирѣчь лѣтописца Вел. Новаграда, соборныя церкви“, а также Книги о вѣрѣ, онъ отмѣчаетъ рядъ хронологическихъ ошибокъ, недоговорокъ и противорѣчій во второй редакціи житія. Въ общемъ критика получается довольно слабая, но не безынтересная, такъ какъ критикъ подробнѣе, чѣмъ это дѣлалось въ полемической литературѣ, разбираетъ ошибки біографа. Отмѣтивъ (на л. 9 и 10) кратко недочеты біографа въ опредѣленіи имени архіепископа, посвятившаго во священники Игнатія, Харлампія и Памфила, критикъ

Первымъ опытомъ такого изслѣдованія и по времени своего появленія, и по своему достоинству являются работы проф. В. О. Ключевского, въ которыхъ вопросъ объ историко-литературномъ значеніи Евфросина житія получилъ широкую, строго-научную постановку. Благодаря указанной Ключевскимъ ранней редакціи житія, представилась возможность подробнѣе изслѣдовать вопросъ о литературномъ вліяніи перваго писателя на содержаніе житія, составленнаго пресвитеромъ Василиемъ. Одновременно съ этимъ съ послѣдняго снята значительная доля обвиненій въ намѣренныхъ искаженіяхъ фактовъ, произвольныхъ вымыслахъ и вообще въ литературной недобросовѣстности, такъ какъ при сопоставленіи текстовъ обѣихъ редакцій оказалось, что не одинъ Василій виноватъ въ томъ, что онъ рассказываетъ объ алилуіи и о хожденіи Евфросина въ Царь-градъ

съ особою подробностію разбираетъ статью: „о хожденіи святаго къ царствующему граду“ (л. 12—15). Вотъ образцы его разсужденій. По поводу начальныхъ словъ у Василія: „малу же времени минувшу et cet.“, критикъ замѣчаетъ: „А почему и отчего малу времени минувшу, о томъ безымянный писатель умалчиваетъ, да не познана будетъ лжа его умышленія“ (л. 12); по поводу словъ: „и много вопрошахъ отъ церковныя чади“, на полѣ замѣчено: „а кого имяны вопрошахъ и у кого и въ каля лѣта, прежде ли вселенія въ пустыню или по вселеніи въ пустыню, о томъ безымянный писатель, укрывая лжу свою, весьма умалчиваетъ“ (л. 13); противъ словъ: „сами бо тогда волняхуся и великъ расколъ влагающе“, читаемъ: „а кто имяны волновалися, и о томъ умалчиваетъ безымянный писатель; а кто имяны влагалъ расколъ и гдѣ и когда, о томъ умалчиваетъ. Подобало бы о таковый расколъ и несогласіе творящихъ и о своемъ сумнѣннн святому возвѣстити и объявити своему архіерею своея епархіи В. Новограда и Пскова. И въ семъ безымянный писатель повергаетъ святаго въ противленіе апостольскому ученію, по оному (sic!): повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся,—яко бы святой не повинуюся своему архіерею, подобнѣ и московскому митрополиту, того время бывшему, яко бы отходить въ Царьградъ совопрошати къ тамошнему патріарху, и не воспріявши о томъ отхожденіи благословенія и повелѣнія отъ архіерея своея епархіи, яко бы святой презиратель апостольскихъ и отеческихъ правилъ, о чемъ явственно написано въ правилѣ св. апостоль 34-мъ и въ протчихъ правилахъ отеческихъ“ (л. 13 и на об.).

Интереснѣе л. 14—15, гдѣ критикъ, пользуясь указаніями хронографа о событіяхъ царствованія импер. Іоанна Палеолога и сопоставляя съ ними хронологическія замѣтки біографа о начальныхъ событіяхъ изъ исторіи Елеазаровскаго монастыря, доказываетъ, что Евфросинъ не могъ въ Константинополѣ застать ни императора, ни патріарха Іосифа. По замѣчанію критика: „здѣ безымяннаго писателя явственно лжа предъ всѣми открывается“. И дѣйствительно, пользуясь данными житія и особенно замѣткою о Мартиріи, онъ доказываетъ, что Евфросинъ не могъ отправиться въ Константинополь раньше 6937 года, тогда какъ „царь калянинъ отъиде въ Римъ въ лѣто 6935, съ нимъ же и патріархъ бѣ Іосифъ“ (л. 15. Подробнѣе см. въ приложеніяхъ).

Разборъ житія почему то остался незаконченнымъ. На л. 40 об.—48 об., гдѣ помѣщены описанія ночныхъ видѣній писателя, оставлены чистые столбцы, очевидно, предназначенные тоже для критическихъ замѣтокъ.

за правдою о ней. Онъ составилъ свой разсказъ по извѣстіямъ, какія нашель у своего предшественника, обвинять котораго въ вымыслахъ нѣсколько труднѣе, чѣмъ Василия, такъ какъ житіе составлено имъ всего лишь лѣтъ двадцать спустя по смерти святаго¹⁾.

Единственнымъ пока извѣстнымъ спискомъ этой первой редакціи, — если не считать современной (XIX в.) копіи съ него, принадлежащей Хлудовской библіотекѣ²⁾, — является рукописный списокъ изъ библіотеки Ундольскаго, № 306-й, XVI в. (въ Москов. Румянц. музеѣ). По отзыву специалистовъ, этотъ памятникъ — весьма замѣчательный и чрезвычайно рѣдкій: *gagio albis corvis*, — заслуживающій поэтому самаго внимательнаго изслѣдованія³⁾.

Въ изслѣдованіяхъ проф. Ключевскаго данъ первый опытъ сравнительнаго, критическаго обзора текста обѣихъ редакцій, а равнымъ образомъ представлены и общія соображенія, касающіяся какъ внѣшней исторіи происхожденія памятника, такъ и частныхъ его содержанія. Изъ дальнѣйшихъ, затѣмъ, работъ по изученію текста первой редакціи, произведенныхъ въ направленіи, данномъ проф. Ключевскимъ, нужно отмѣтить статьи проф. Нильскаго и Голубинскаго, пытавшихся точнѣе разъяснить вопросъ о литературныхъ источникахъ, которыми могъ пользоваться первый биографъ преподобнаго, и новѣйшее изслѣдованіе кievскаго проф. Малинина: „Старецъ Елеазарова м-ря Филоеи и его посланія“. Малининъ путемъ болѣе подробнаго сравненія текста обѣихъ редакцій точнѣе устанавливаетъ степень вліянія на второго биографа его предшественника, а равно и самостоятельную сторону работы Василия въ специальной части житія — объ аллилуіи. Одновременно съ этимъ авторомъ сдѣлана попытка къ болѣе точному опредѣленію хронологическихъ и историко-литературныхъ обстоятельствъ и условий, при которыхъ написана была первая біографія святаго.

Если въ перечисленныхъ сочиненіяхъ прибавить еще общія замѣчанія о первой редакціи въ VIII т. Ист. рус. ц. м. Макарія и въ изслѣдованіи проф. Некрасова: „Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси,“ то мы будемъ имѣть полный перечень научныхъ изслѣдованій о редакціяхъ житія преп. Евфросина за послѣдніе 30 лѣтъ прошедшаго столѣтія. Два послѣднихъ изслѣдованія не имѣютъ, впрочемъ, особой научной цѣнности. М. Макарій, какъ видно изъ цитации въ его книгѣ, не былъ лично знакомъ съ рукописнымъ спискомъ первой редакціи и свои замѣчанія о ней сдѣлалъ, отчасти пользуясь изслѣдованіями Ключевскаго, отчасти изъ описанія рукописей Ундольскаго. Въ сочиненіи Некрасова замѣчанія о первой редакціи сдѣланы, правда, на основаніи непосред-

¹⁾ Др. рус. жит. св., какъ историч. источ., М. 1871 г., стр. 25. Подробнѣе въ статьѣ: „Псковскіе споры“, Прав. Обзор. 1872 г., кн. XII, стр. 716.

²⁾ Н. Барсуковъ, „Источники русской агиографіи“, Спб. 1882 г., стр. 184.

³⁾ „Славяно-русскія рукописи Ундольскаго“, М. 1878 г., стр. 230. Можно лишь пожалѣть, что такой своеобразный памятникъ древне-русской письменности до сихъ поръ остается не изданнымъ.

ственной изученія памятника, но они очень кратки. Авторъ въ то же время допускаетъ ошибки и неточности. Такъ, напр., сравнительно правильно относивъ написаніе житія ко времени игуменства Памфила, Некрасовъ не совсѣмъ точно характеризуетъ взгляды его составителя, когда говоритъ, что „то сочувствіе и та симпатія, съ которой писалъ неизвѣстный первую редакцію, обличаютъ въ немъ дѣйствительно ученика и послѣдователя преп. Евфросина. Видно, что писалъ ее человекъ, хорошо и подробно знавшій учениковъ Евфросина, когда который изъ нихъ пришелъ въ обитель преподобнаго“ (стр. 40). Все это вѣрно меньше, чѣмъ на половину. Разсматриваемый списокъ житія преподобнаго Некрасовъ относитъ въ разрядъ первичныхъ редакцій житій святыхъ.

Изъ представленнаго перечня научныхъ изслѣдованій первой редакціи житія преп. Евфросина можно такимъ образомъ видѣть, что научно-историческая литература о ней, по сравненію съ полемиической, не такъ богата числомъ изслѣдованій, зато этотъ недостатокъ искупается ихъ качественною стороною и ученымъ авторитетомъ лицъ, останавливавшихся на изученіи этого интереснаго памятника древне-русской письменности. Естественно отсюда, что предлагаемый опытъ дальнѣйшей разработки вопроса о литературной исторіи житія преподобнаго преслѣдуетъ очень скромныя задачи: имѣется въ виду дать болѣе подробный сравнительный обзоръ текста обѣихъ редакцій и съ этой стороны провѣрить и дополнить сдѣланные ранѣе выводы объ отношеніи между двумя редакціями житія и объ историческихъ и литературныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ происхожденія каждой изъ нихъ. При разрѣшеніи второй половины своей задачи, мы будемъ, по возможности, строго слѣдовать положительнымъ даннымъ, заключающимся въ текстѣ разсматриваемыхъ памятниковъ, и воздерживаться отъ предположительныхъ разъясненій на поставленные вопросы. Предположительныя на нихъ отвѣты, какъ будетъ показано при разборѣ взглядовъ Голубинскаго, Нильскаго и Малинина, даже и при всемъ своемъ научномъ интересѣ, при критической провѣркѣ не во всѣхъ случаяхъ представляются правильными и достаточно убѣдительными. По точности выводовъ изъ всѣхъ указанныхъ изслѣдованій лучшимъ руководствомъ при изученіи нашего памятника являются работы В. О. Ключевскаго.

По мнѣнію этого изслѣдователя, первая редакція житія препод. Евфросина должна быть отнесена къ началу XVI в. Частіе, житіе было написано до 1510 года, такъ какъ въ текстѣ его встрѣчается выраженіе, ясно говорящее, что Псковъ во время написанія житія еще сохранялъ свою политическую самостоятельность¹⁾. Это опредѣленіе времени напи-

¹⁾ Др. рус. ж., стр. 254. Прав. Об. 1872 г., кн. XII, стр. 716.—Рук. Унд. № 306, л. 73 об. „Слыши ж, пач слыши и зѣло вѣмъли, христоробивый градъ Пскове, земля свободная“. Во второй редакціи, въ похвалѣ святому, послѣднія слова опущены, и приведенное мѣсто читается такъ: „Тѣмже и ты, христоробивый граде Пскове, слыши убо и паче внемли“. Рук. 6-ки Тр. Сер. Доры, № 676, л. 463.

санія житія является самымъ точнымъ положеніемъ въ изслѣдованіи. Слѣдующія за этимъ замѣчанія о мѣстѣ написанія житія и о личности автора требуютъ нѣкоторыхъ дополненій и поправокъ. По мнѣнію проф. Ключевского, — принятому и преосв. Макаріемъ¹⁾, — житіе написано въ Псковѣ, монахомъ Елеазаровскаго монастыря. Для этихъ выводовъ въ самомъ текстѣ памятника нѣтъ какихъ-либо основаній. Наоборотъ, тамъ можно находить, хотя и незначительныя, указанія, которыя даютъ право сдѣлать противоположные выводы, т. е. что житіе написано не въ Псковѣ и не псковичемъ. Такъ, уже самый способъ обращенія къ Пскову: „земля свободная,“ какъ вполне основательно замѣчаетъ проф. Малининъ, непригодный для писателя — псковича начала XVI в., говоритъ противъ выводовъ Ключевского²⁾. Но въ текстѣ памятника можно находить на этотъ счетъ и болѣе ясныя указанія. Излагая споръ Евфросина съ псковичами изъ-за аллилуйи, писатель говоритъ, что противникъ преподобнаго, располь Іовъ, пожаловался на него „пятма соборомъ церковнымъ“, и вслѣдъ за этими словами дѣлаетъ такое поясненіе: „иж естъ во градѣ оу нихъ“³⁾. Послѣднія слова представляются неумѣстными, если допустимъ, что житіе составлено псковичемъ. И дѣйствительно, во второй редакціи, составленной въ Псковѣ, въ Елеазаровскомъ монастырѣ, они опущены. Тамъ мы читаемъ: „повѣда на блаженнаго пятма соборомъ, иже во градѣ“⁴⁾.

Подобнаго же рода замѣтку, излишнюю въ сочиненіи псковича, находимъ и въ описаніи чуда надъ діакономъ Петропавловскаго Островскаго монастыря Закхеемъ. Опредѣляя, какъ и во второй редакціи, время совершенія этого чуда днемъ праздника во имя трехъ святителей въ Елеазаровской обители, первый біографъ замѣчаетъ: „тоже бѣше храмъ бысть тремъ святымъ въ обители ефросима преподобнаго“⁵⁾. Во второй редакціи и эти пояснительныя слова, какъ и выше приведенныя, опущены, по одинаковымъ, очевидно, соображеніямъ. Тамъ прямо читаемъ: „нѣкогда же празднику приспѣвшу во обители препод. отца нашего Евфросина святыхъ тріехъ святитель“⁶⁾. Изъ связаннаго прямо уже слѣдуетъ, что и предположеніе объ авторѣ, какъ елеазаровскомъ монахѣ, не можетъ быть принято. Но подробнѣе это будетъ разъяснено ниже, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ вопросовъ: представляетъ ли эта редакція житія то именно „писаніе нѣкоего прежняго сказателя“, которымъ позднѣе воспользовался Василій, и какіе въ свою очередь имѣлъ матеріалы для составленія житія преподобнаго этотъ первый, неизвѣстный по имени, писатель?

Первый вопросъ съ достаточною полнотою рѣшенъ проф. Ключевскимъ. По его мнѣнію, разсматриваемая редакція и есть именно то писаніе,

¹⁾ И. рус. ц., т. VIII, изд. 2, Спб. 1898 г., стр. 138.

²⁾ О. с., стр. 7.

³⁾ Рук. Унд., № 306, л. 17. „Повѣдоваше слоцо со многомъ коризномъ и хѣломъ на стѣго мазьваще пятма соборомъ црковнымъ, иж естъ во градѣ оу нихъ“.

⁴⁾ Пам. ст. рус. лит., в. IV, 82.

⁵⁾ Рук. № 306, л. 108 об.

⁶⁾ Пам. ст. рус. лит., IV, 106.

изъ котораго полными руками черпалъ позднѣйшій біографъ свои извѣстія и которому онъ сдѣлалъ вѣрную оцѣнку, сказавъ, что оно изложено: „нѣвако и смутно, ово здѣ, ово индѣ“. Самостоятельность позднѣйшаго біографа ограничилась лишь незначительными стилистическими поправками и сокращеніями, да болѣе правильнымъ расположеніемъ отдѣльныхъ разсказовъ, беспорядочно разсѣянныхъ въ повѣсти его предшественника ¹⁾).

Правда, отзывъ самого Василя не можетъ еще служить несомнѣннымъ ручательствомъ, что онъ дѣйствительно пользовался письменнымъ памятникомъ. Подобные отзывы встрѣчаются въ агіобіографической литературѣ даже въ такихъ случаяхъ, когда писатели житій или не имѣли у себя никакихъ письменныхъ источниковъ, или если и имѣли, то не въ правѣ были такъ умалять ихъ значенія ²⁾). Но полное соотвѣтствіе въ значительной части содержанія обѣихъ редакцій уже само по себѣ, и безъ авторскихъ признаній, служитъ доказательствомъ указанной зависимости. Необходимо лишь замѣтить, что поправки, внесенныя Василю въ трудъ его предшественника, нельзя считать простою, механическою работою. Хотя и безъ особаго умѣнья, онѣ сдѣланы, однако, по извѣстному плану, и, какъ будетъ видно при ближайшемъ сравненіи соотвѣствующихъ мѣстъ текста обѣихъ редакцій, у второго біографа онѣ не только измѣняютъ хронологическій порядокъ описанныхъ ранѣе событій, но и придаютъ имъ нѣсколько иное церковно-историческое значеніе.

Вопросъ объ источникахъ, которыми могъ пользоваться первый писатель Евфросинова житія, почти не затронутъ въ изслѣдованіяхъ Ключевскаго и остается не разъясненнымъ въ исторической литературѣ. Единственное объясненіе этого вопроса находимъ у проф. Е. Е. Голубинскаго, который старается установить непосредственную зависимость житія отъ посланія къ егитору Аванасію. Но это объясненіе основано скорѣе на стороннихъ соображеніяхъ, чѣмъ на непосредственныхъ данныхъ изъ текста этихъ памятниковъ.

¹⁾ Прав. Обоз., стр. 715. Др. рус. ж., стр. 254—5. Ср. у митрополита Маеварія, И. рус. ц., т. VII, изд. 2, Спб. 1891 г., стр. 428.

²⁾ См., напр., тожественные отзывы: 1) объ устныхъ разсказахъ „самовидцевъ“ въ житіи преп. Кирилла Бѣлоозерскаго (Рук. Волок. 6-ки, М. Д. А., № 645, л. 400 об.), 2) въ житіяхъ: Іоасафа Каменскаго (Прав. Соб. 1861 г., ч. I, стр. 216), Варлаама Хутынскаго (по изд. О. Л. Др. П., Спб. 1881 г., стр. 3) и кн. Владиміра (въ Степенной книгѣ). Слѣдуетъ замѣтить, что пресвитеръ Василій не только былъ знакомъ съ Степен. книгою, но, какъ думаютъ, состоялъ въ числѣ сотрудниковъ по отдѣлу составленія и передѣлки для нея житій святыхъ. Объ этомъ см. у арх. Филарета, „Обзоръ рус. дух. лит.“, т. I, стр. 225, и въ статьѣ проф. Абрамовича: „Памятники археографическіе на XII археол. съѣздѣ“ (Хр. Чт. 1903 г., 1, 175). Впрочемъ, новѣйшій изслѣдователь Степ. книги, Васенко, отрицаетъ сотрудничество Василя, предполагая, что все содержаніе Степенной принадлежитъ одному лицу, царскому духовнику, впоследствии митрополиту Андрею—Аванасію („Книга Степенная“..., Спб. 1904 г., стр. 195—198 и 243).

Недостаточно полно и согласно разрѣшены въ научной литературѣ и вопросы объ историческихъ условіяхъ, вызвавшихъ появленіе въ древнерусской письменности этого памятника, а также о литературно-историческомъ его значеніи въ ряду другихъ, близкихъ къ нему по времени и однородныхъ по своей темѣ, сочиненій. Нѣкоторыя руководящія указанія объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ составленіе письменнаго житія Евфросина, даетъ намъ, впрочемъ, второй біографъ, при описаніи явленій Евфросина и Серапіона первому списателю. Здѣсь мы читаемъ, что новгородскій архіеп. Геннадій приказалъ елсазаровскому игумену Памфилу: „образъ святаго отца на иконѣ написать и житіе изложить“ (стр. 103). Это распоряженіе владыки можно отнести ко времени посѣщенія имъ Пскова въ 1486 году¹⁾.

Пресвитеръ Василій разъясняетъ и обстоятельства, при которыхъ было сдѣлано такое распоряженіе. Но, къ сожалѣнію, онъ ничего не говоритъ ни о побужденіяхъ, вызвавшихъ это распоряженіе, ни о результатахъ его, т. е. было-ли написано по повелѣнію Геннадія житіе, гдѣмъ, въ какое время и въ какой именно формѣ. Приказаніе изложить житіе было сдѣлано въ результатѣ личной бесѣды архіепископа съ елсазаровскимъ игуменомъ, поводомъ къ которой послужило слѣдующее обстоятельство въ монастырской жизни. Послѣ смерти монаха-иконописца Игнатія, въ его изразцахъ, среди другихъ иконъ, случайно было найдено изображеніе Евфросина и представлено игумену Памфилу. Послѣдній, желая установить въ монастырѣ церковное чествованіе его основателю, обратился за разрѣшеніемъ на это къ архіеп. Геннадію, представилъ ему найденный въ монастырѣ образъ и въ личной бесѣдѣ рассказалъ владыкѣ какъ объ обрѣтеніи образа, такъ вообще и „о добродѣтельномъ житіи блаженнаго отца и о чудесѣхъ, при животѣ его бывшихъ“. Архіепископъ велѣлъ Памфилу: „образъ св. отца на иконѣ написать“, и этимъ далъ согласіе на празднованіе Евфросину въ его обители. Одновременно съ этимъ сдѣлано распоряженіе и о письменномъ изложеніи житія новаго святаго, на что, — если слѣдовать буквальнымъ словамъ приведенной записки, — елсазаровскій игумень не просилъ разрѣшенія у Геннадія. Отсюда, главную инициативу приведеннаго распоряженія можно приписать Геннадію.

Но, указавъ поводъ къ означенному распоряженію, Василій ничего не говоритъ о внутреннихъ побужденіяхъ, которыми руководился въ данномъ случаѣ владыка. Изъ другихъ историческихъ источниковъ, правда, мы узнаемъ, что Геннадій и вообще интересовался житіями святыхъ своей епархіи. Такъ, напр., въ началѣ XVI в. онъ велѣлъ игумену Досіею написать біографію Соловецкихъ святыхъ—Зосимы и Савватія. И интересно, что этому распоряженію предшествовала личная бесѣда о жизни святыхъ между владыкою и біографомъ, приблизительно въ той же формѣ, какъ она велась у него и съ игуменомъ Памфиломъ. „И прилучися ми, —

¹⁾ Пол. собр. рус. лѣт., т. V, 46. Въ I пск. лѣт. отмѣченъ еще прїездъ Геннадія въ Псковъ подъ 1495—6 г.г., т. IV, стр. 269.

рассказывает Досиеей,—быти въ пресловутомъ великомъ Новѣградѣ у архіепископа Геннадія. Архіепископъ же вопрошаше мя прилежно о устрои мѣста Соловецкаго острова и о начальникахъ монастыря; азъ же, елико видѣхъ, и исповѣда вся подробно. Архіепископъ рече: напиши ми о житіи начальникъ монастыря вашего и о чудесѣхъ ихъ, и еже вся исповѣдалъ ми еси“¹⁾). Но въ данномъ случаѣ извѣстія объ обстоятельствахъ написанія житія соловецкихъ святыхъ гораздо полнѣе, чѣмъ сохранившаяся краткая замѣтка въ житіи Евфросина о первоначальныхъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ біографію святаго. С писатель точно обозначаетъ и причину, которою было вызвано распоряженіе архіепископа. Именно, Геннадій былъ ученикомъ преп. Савватія, имѣлъ къ нему вѣру, какъ къ своему старцу, „великому и святому по жизни“, и хотѣлъ имѣть у себя житіе соловецкихъ подвижниковъ „памяти ради“. Такими побужденіями не могъ руководиться владыка при своемъ распоряженіи о письменномъ изложеніи житія Евфросина, такъ какъ никакихъ личныхъ отношеній у Геннадія къ Евфросину не было, а значить, не о чемъ было бы и вспоминать. Такимъ образомъ, аналогичный случай самъ по себѣ еще не можетъ объяснить намъ дѣла.

Въ исторической литературѣ высказано мнѣніе, по которому причину распоряженія Геннадія нужно искать въ самомъ фактѣ установленія церковнаго празднованія святому, такъ какъ для церковнаго праздника, по древне-русскому (въ XVI в.) порядку, житіе было почти такъ же необходимо, какъ и образъ. Для подобнаго объясненія въ текстѣ житія Евфросина, какую-бы редакцію мы ни взяли, нѣтъ, правда, указаній; но мы имѣемъ свидѣтельство въ другомъ памятникѣ житійной литературы, которое подтверждаетъ возможность такого именно пониманія дѣла. Въ житіи преп. Саввы Вишерскаго рассказывается, что новгородскій архіеп. Іона, посѣтивъ монастырь и совершивъ молебенъ у гроба чудотворца, „повелѣ образъ святаго написать на иконѣ, тако же и канонъ и прочая во славу превеликому и чудному Господу Богу и Спасу нашему І. Христу, прославляющему и по преставленіи святая своя“. Подъ словами: „и прочая“, подразумѣваютъ черновыя записи о жизни святаго, которыми позднѣе воспользовался біографъ преподобнаго—Пахомій сербъ²⁾).

Въ приведенномъ случаѣ мы имѣемъ, какъ и въ замѣткѣ соловецкаго біографа, сообщеніе болѣе ясное и подробное, чѣмъ то, которое оставилъ намъ пресвитеръ Василій. Но недоговору послѣдняго пополняетъ отчасти м. Евгений, утверждая, что въ Елеазаровской обители находится рукописная служба Евфросину, сочиненная по повелѣнію Геннадія, вскорѣ по преставленіи преподобнаго³⁾). Утверженіе это имѣло бы большое значеніе, если бы сопровождалось точными указаніями о рукописномъ

¹⁾ И. Некрасовъ, „Зарожд. нац. лит. въ сѣвер. Руси“, стр. 44.

²⁾ Голубинскій, „Исторія канонизаціи святыхъ въ рус. церкви“, М. 1903 г., стр. 78. Ключевскій, Др. рус. ж., стр. 156—157.

³⁾ Словарь историч. о писат. дух. чина, Спб. 1827 г., т. I, стр. 166.

спискѣ, которымъ пользовался м. Евгеній. Но, въ сожалѣнію, никакихъ указаній у него нѣтъ. Въ настоящее же время въ Елеазаровск. монастырѣ имѣется лишь позднѣйшій, XIX в., списокъ службы Евфросину. Сопоставляя этотъ списокъ со списками службы, составленной Василиемъ, правильнѣе видѣть въ немъ простую лишь передѣлку послѣдней, произведенную послѣ собора 1666—7 г.г.

Наиболѣе подробно, хотя и не совсѣмъ послѣдовательно, съ указанной точки зрѣнія вопросъ о первоначальныхъ обстоятельствахъ появленія первой редакціи житія преп. Евфросина разъясненъ въ цитированномъ уже сочиненіи проф. Малинина. По мнѣнію Малинина, рассматриваемая нами редакція житія была вызвана мѣстной канонизаціею святаго, чѣмъ и объясняется употребленіе въ текстѣ такихъ эпитетовъ, какъ: преподобный, святой, Божій человекъ, богоносный отецъ Евфросинъ и т. п. „Объявленіе преп. Евфросина святымъ,—говоритъ проф. Малининъ,—требовало житія, которое и поручено было составить неизвѣстному автору“¹⁾. Инициатива исходила въ данномъ случаѣ отъ елеазаровскаго настоятеля Памфила, которымъ составитель „нарочито“ былъ приглашенъ въ монастырь²⁾. Цѣль составленія житія была прежде всего церковная: дать біографію святаго для чтенія въ церкви за праздничною службою. Но эта цѣль осталась неисполненною: житіе по своему содержанію и изложенію явилось мало приспособленнымъ къ чтенію въ церкви. Причину послѣдняго Малининъ видитъ въ личныхъ недостаткахъ писателя житія и въ его происхожденіи: онъ былъ чужой, пришлый человекъ. Ниже, на стр. 119—120, онъ даетъ, впрочемъ, нѣсколько иное объясненіе, почему вмѣсто житія въ собственномъ смыслѣ явилось лишь изложеніе споровъ о сугубой аллилуйи. Въ этомъ виноваты были сами елеазаровскіе монахи и въ частности игумень Памфилъ, пожелавшіе имѣть житіе въ такой именно формѣ, а не писатель, который „по крайней мѣрѣ въ началѣ своего труда не былъ даже сторонникомъ двоенія“³⁾. Окончаніе работы надъ житіемъ, по мнѣнію Малинина, слѣдуетъ относить не позднѣе, какъ къ 1504 году, когда арх. Геннадій принужденъ былъ оставить новгородскую кафедру⁴⁾.

Такимъ образомъ, приведенное объясненіе даетъ намъ отвѣтъ на не разъясненный самимъ Василиемъ вопросъ о результатахъ упомянутой бесѣды Геннадія съ Памфиломъ. Распоряженіе владыки о письменномъ

1) „Старецъ Елеаз. м-ря Филовей и его посланія“, Кіевъ, 1901 г., стр. 6.

2) *ib.*, стр. 2, 6, 377.

3) стр. 119—120. Мысль эта не новая. На елеаз. монаховъ слагалъ подобную вину и м. Евгеній. „Монахи сочинили житіе начальника своей обители, преп. Елеазара (въ монашествѣ называвшагося Евфросина), скончавшагося въ 1481 г., и въ семь жизнеописаній для подкрѣпленія себя выставили его учителемъ сего раскола, тогда уже въ Москвѣ и по другимъ російскимъ городамъ распространившагося“ (Ист. вн. псков., ч. III, стр. 43.)

4) стр. 11, ср. у Ключевскаго, „Прав. Обзор.“, стр. 715, примѣчаніе.

изложеніи житія было, значить, исполнено, и притомъ во время его управленія новгородско-псковскою церковію. Въ рукоп. спискѣ Ундольскаго, № 306-й, мы и имѣемъ это житіе, написанное по повелѣнію Геннадія. По мнѣнію автора, пресвитеръ Василій подтверждаетъ его „догадку о происхожденіи перваго житія“¹⁾. Какъ видно изъ послѣднихъ словъ, самъ авторъ предлагаемому имъ объясненію придаетъ значеніе лишь гипотезы, безъ которой, за недостаткомъ точныхъ данныхъ, не можетъ, къ сожалѣнію, обойтись изслѣдователь житія Евфросина, и вѣроятность которой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ повоюетъ въ значительной степени на чисто субъективныхъ основахъ. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія и объясненіе проф. Малинина, при всей правдоподобности основной его мысли, можетъ вызвать нѣсколько не безразличныхъ для дѣла недоумѣній.

Прежде всего, составленіе житія преп. Евфросина представляло собою дѣло, по тому времени очень важное. Оно налагало на автора такую трудную задачу, съ которой не приходилось считаться другимъ писателямъ житій древне-русскихъ святыхъ. Нужно было не только должнымъ образомъ прославить св. подвижника, но еще представить оправданіе его дѣйствій по такому важному вопросу, какъ возгласеніе аллилуіи. Помимо трудности этой задачи, значительно осложнялся и внѣшній процессъ работы. Составитель житія въ своей работѣ не могъ слѣдовать общему примѣру своей литературной собратіи, т. е. пользуясь образцовыми біографіями другихъ святыхъ, заимствовать изъ нихъ общія черты для характеристики своего подвижника и вообще „счиневать приличнѣ“ выбранный изъ стороннихъ источниковъ литературный матеріалъ. По крайней мѣрѣ, при изложеніи главнаго предмета своего труда біографъ ничего не могъ найти у своихъ литературныхъ предшественниковъ, а содержаніе и внѣшняя форма его разсказовъ показываютъ, что онъ и вообще не испыталъ чьего-нибудь литературнаго вліянія, какъ это случалось съ большинствомъ писателей житій. Естественно думать, что въ виду такой сложной задачи игумень Памфилъ долженъ былъ позаботиться о выборѣ біографа. „Нарочито“ приглашая его въ монастырь, онъ долженъ былъ остановиться на человѣкѣ, или хорошо знавшемъ обстоятельства дѣла и сущность предмета, которыя ему приходилось описать, или, по крайней мѣрѣ, зарекомендовавшемъ себя предыдущею писательскою дѣятельностію, умѣломъ составителѣ житій. На самомъ дѣлѣ ни того, ни другого не было. По объясненію самого Малинина, авторъ былъ пришлый человѣкъ; онъ не зналъ обстоятельствъ жизни преподобнаго, вслѣдствіе чего „личность преподобнаго у него обрисована блѣдно и безъ должной теплоты“. Съ литературной стороны въ его трудѣ нигдѣ не замѣтно истиннаго одушевленія, а только одна реторика и притомъ очень невысогого качества²⁾. Этотъ неизвѣстный, „зело неключимый и многогрѣшный“ инокъ, по словамъ Евфросина, неискусный черноризецъ (возможно, молодой еще

¹⁾ ib., стр. 10.

²⁾ стр. 7.

человѣкъ), былъ, какъ писатель, человѣкъ довольно искренній. Онъ не скрывалъ своихъ сомнѣній и недоумѣній. Но, если судить по тексту сохранившейся редакціи, онъ былъ неискусенъ даже и въ „сложеніи словесъ“, плохо грамотенъ. Задачи, предложенной ему, онъ вовсе не исполнилъ: не написалъ біографіи Евфросина, хотя и находился для этого въ очень удобныхъ условіяхъ. Обративъ свое вниманіе преимущественно на главную сторону въ жизни подвижника: на защиту имъ сугубой аллилуіи, онъ и здѣсь не сумѣлъ справиться съ трудностію задачи, представилъ такое описаніе споровъ, которое даже и съ фактической стороны во многихъ частностяхъ было неудовлетворительно. Каково же смыслъ было „нарочито“ приглашать его въ монастырь и отдавать дѣло въ такія неумѣлыя руки, когда среди самихъ елсазаровскихъ монаховъ можно было найти человѣка, и болѣе знакомаго съ дѣломъ, и по своимъ литературнымъ способностямъ болѣе подходившаго для его выполненія? Вѣдь объ елсазаровскомъ братствѣ конца XV—начала XVI в. нельзя сказать, чтобы среди него: „не бѣ книжному умѣющихъ“. Наоборотъ, и самъ игум. Памфилъ, и особенно инокъ Филоеѣй были образованными людьми того времени. Для нихъ, какъ очевидцевъ жизни святаго, составить его житіе было бы, конечно, легче, чѣмъ для этого неискуснаго пришлаго монаха.

Затѣмъ, и дальнѣйшее отношеніе Памфила къ составленію житія съ указанной точки зрѣнія представляется не совсѣмъ понятнымъ. По мнѣнію Малинина, отъ Памфила, какъ сторонника взглядовъ преп. Евфросина, зависѣла самая форма, въ какой составлено было житіе. Списатель въ началѣ своей работы не принадлежалъ къ сторонникамъ двоенія и явился, значитъ, лишь послушнымъ исполнителемъ желаній елсазаровскаго игумена и братіи. По нашему мнѣнію, изъ первой, основной мысли о взглядахъ на сугубую аллилуію Памфила, очень правдоподобной, сдѣланъ выводъ преувеличенный, котораго нельзя подтвердить данными изъ текста разсматриваемаго памятника. Здѣсь мы находимъ ясныя указанія на то, что писатель обращался къ Памфилу за свѣдѣніями, нужными для него, и получалъ ихъ, но нѣтъ даже и намека о какомъ-либо вліяніи со стороны игумена на біографа. Равнымъ образомъ и недоумѣнія біографа о тайнѣ сугубой аллилуіи могли появиться не въ началѣ работы, а въ концѣ ея, подъ вліяніемъ рассказовъ елсазаровскихъ монаховъ о томъ, что, по словамъ Евфросина, таинственное значеніе аллилуіи недоступно человѣческому уму, и что одинъ только Богъ: „и(ж)е(е) хоцетъ(ъ) своими судьбами... можетъ(ъ) открыти ю“¹⁾. Изъ этихъ словъ писатель могъ понять, какъ трудно для него открыть эту тайну церкви Божіей. Ниже мы разъяснимъ, что и историческія обстоятельства, при которыхъ первый біографъ писалъ житіе, могли въ свою очередь наводить его на сомнѣнія въ плодотворности задуманной имъ работы. Но изъ его признаній нельзя ни въ какомъ случаѣ дѣлать вывода, что въ правильности сугубой аллилуіи онъ убѣдился лишь подъ вліяніемъ Памфила и елсазаровскихъ старцевъ и писалъ подъ

¹⁾ Рук. № 306, л. 40 об.

ихъ исключительнымъ руководствомъ. Что біографъ, наоборотъ, былъ самостоятеленъ въ своей работѣ, это видно изъ собственныхъ его словъ. Далекое не все онъ повѣрялъ своимъ руководителямъ, предпочитая даже не во всѣхъ случаяхъ быть съ ними откровеннымъ. Такъ, напр., онъ скрылъ отъ игумена явленіе къ нему Евфросина, какъ самъ свидѣтельствуешь объ этомъ: „видѣнія жъ игумену не повѣдахъ, тькьмо выпросихъ(ъ) его о серапіонѣ нѣкоемъ(ъ) (л. 90 об.). Съ безошибочностію можно предположить, что ничего не сказалъ онъ игумену и о явленіи Богоматери.

За самостоятельность біографа и въ то же время за недостатокъ руководства со стороны Памфила говоритъ и тотъ фактъ, что при разъясненіи сугубой аллилуіи писатель не только расходится со взглядами на нее Евфросина, даетъ совсѣмъ не—евфросиновское толкованіе, но и противорѣчитъ ранѣе приведеннымъ словамъ преподобнаго. Можно даже утверждать, что и въ окончательномъ своемъ видѣ житіе не было просмотрѣно Памфиломъ, или что послѣдній отнесся къ этому дѣлу безъ должнаго вниманія. Такъ, напр., въ текстѣ памятника остались хронологическія неточности въ опредѣленіи имени архіепископа, посвятившаго во священники старшаго брата Памфила—Игнатія, и въ указаніи начала споровъ Евфросина съ псковичами. Начало споровъ писатель отнесъ ко времени существованія въ Псковѣ пяти церковныхъ соборовъ, тогда какъ ихъ было въ то время только четыре. Внимательный просмотръ житія тѣмъ болѣе былъ необходимъ, что оно, будучи написано по распоряженію Геннадія, могло поступить на его разсмотрѣніе. Но Памфилъ при вызваніи архіепископа: „житіе изложити“, не могъ понимать въ смыслѣ составленія спеціальнаго трактата въ защиту сугубой аллилуіи, такъ какъ Геннадій, какъ доказано въ исторической литературѣ, вовсе не принадлежалъ къ безусловнымъ сторонникамъ взглядовъ Евфросина. А если бы елевазоровскій игумень захотѣлъ убѣдить владыку въ ихъ исключительной правильности, то долженъ былъ бы это сдѣлать съ особою тщательностію, не полагаясь излишне на умѣнье приглашеннаго имъ писателя.

Наконецъ, и общая мысль, лежащая въ основѣ объясненій проф. Малинина, — что житіе явилось, какъ непосредственный результатъ и даже какъ условіе мѣстной канонизаціи Евфросина, — на нашъ взглядъ кажется не совсѣмъ доказанною. Можно сомнѣваться, чтобы при установленіи мѣстнаго празднованія какому-либо подвижнику въ концѣ XV—нач. XVI в. составленіе житія имѣло столь обязательное значеніе, какъ это было позднѣе, во время митр. Макарія, при общецерковной канонизаціи святыхъ. Наоборотъ, есть основанія утверждать, что мѣстное монастырское празднованіе въ честь подвижника начиналось и даже разрѣшалось вышшею властію задолго до написанія житія. Вотъ нѣсколько примѣровъ этому. По мнѣнію проф. Е. Е. Голубинскаго, мѣстное празднованіе преп. Сергію Радонежскому началось въ его обители, „какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, тотчасъ или въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ его кончины“. По свидѣтельству же біографа преподобнаго, Епифанія, въ продолженіе цѣлыхъ 26 лѣтъ по кончинѣ святаго: „никтоже

не дръзняше писати о немъ, ни дални, ни ближни, ни болши, ни менши; болши убо, яко не изволяху, а менши, яко не смѣху¹⁾. Точно также празднованіе преп. Кириллу Бѣлоозерскому въ монастырѣ началось гораздо ранѣе составленія житія. По утверженію Голубинскаго, не позднѣе, какъ въ 1447—8 г., преподобный сталь уже общепочитаемымъ святымъ. Но житіе его написано спустя 34 года послѣ кончины, и за это время не было собрано даже черновыхъ записей²⁾. Подобный же примѣръ имѣемъ и въ исторіи менѣе знаменитаго подвижника—преп. Макарія Колязинскаго. Мѣстное празднованіе ему было разрѣшено вскорѣ послѣ открытія мощей (1521 г.), тогда какъ житіе было написано только въ 1547 г., т. е. ко времени его общецерковной канонизаціи³⁾. Церковное празднованіе Евфросину, установленное при архіеп. Геннадіи, носило въ строгомъ смыслѣ мѣстный характеръ. Принимая во вниманіе характеристику отношеній къ преподобному псковичей въ послѣдніе годы его жизни, сдѣланную писателями житій, можно утверждать, что новый праздникъ не получилъ распространенія въ псковскихъ приходскихъ церквахъ, былъ праздникомъ исключительно монастырскимъ. Значитъ, и здѣсь можно было довольствоваться написаніемъ образа и составленіемъ службы и обойтись безъ житія, какъ было и въ другихъ, приведенныхъ выше, аналогичныхъ случаяхъ. Если же архіеп. Геннадій вмѣнилъ въ обязанность елеазаровскому игумену составить житіе новаго святаго, то естественно думать, что у владыки были особыя побужденія къ такому распоряженію. Наличие послѣднихъ не трудно установить.

Если Евфросинъ, какъ подвижникъ—основатель монастыря, и не могъ особенно интересовать новгородскаго владыку, то онъ могъ и долженъ былъ вызвать къ себѣ его вниманіе частною стороною своей жизни, какъ защитникъ сугубой аллилуіи и не только участникъ, но отчасти и виновникъ споровъ изъ-за нея, не прекращавшихся въ новгородско-псковской епархіи и въ описываемое время. Затѣмъ, какъ москвичъ по мѣсту предыдущей службы, Геннадій могъ не имѣть точныхъ свѣдѣній о псковскихъ спорахъ при жизни преподобнаго, и вполне возможно, что за разъясненіями онъ обратился къ постриженнику Евфросина—Памфилу, который долженъ былъ хорошо знать, въ чемъ выразилось участіе въ спорахъ его учителя и каковы были его взгляды по спорному вопросу. Отсюда, при разсказѣ „о добродѣтельномъ житіи блаженнаго отца“, Памфилъ не могъ опустить и его „великой скорби и трудовъ“ изъ-за сугубой аллилуіи. Наконецъ, вполне естественно, если Геннадій послѣ бесѣды съ елеазаровскимъ игуменомъ пожелалъ имѣть письменное изложеніе житія, такъ

¹⁾ „Ист. кан. св. въ рус. церкви“, М. 1903 г., стр. 72. Вел. Ч. М., по изд. Археогр. Ком., Спб. 1883 г., сент., III, стр. 1464.

²⁾ Голубинскій, *ib.*, стр. 74. Ключевскій, Др.-рус. ж. св., стр. 158.

³⁾ Голубинскій, стр. 83. Н. Барсуковъ, „Источн. рус. агіографія“, стр. 342. У В. О. Ключевскаго (Др.-р. ж., стр. 387—388) указаны примѣры, когда мѣстное чествованіе подвижниковъ устанавливалось безъ всякаго даже разрѣшенія высшей власти.

какъ, во-первыхъ, устный рассказъ, несомнѣнно не очень точный и послѣдовательный, не могъ замѣнить собою письменнаго изложенія; во-вторыхъ, послѣднее могло имѣть въ данномъ случаѣ и особую цѣнность. Не будучи приверженцемъ взглядовъ Евфросина, Геннадій едва-ли могъ безъ предварительнаго просмотра житія разрѣшить церковное прославленіе Евфросина за защиту имъ сугубой аллилуіи.

Но было ли исполнено распоряженіе архіепископа и какъ именно, — объ этомъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Съ внѣшней стороны нѣтъ препятствій допустить, что житіе дѣйствительно было написано. Воспроизвести на бумагѣ свой устный рассказъ и этимъ исполнить волю своего начальника для Памфила, какъ человѣка хорошо грамотнаго, не было особой трудности. Не могло быть недостатка и во времени, такъ какъ елсазаровскій игумень, какъ видно изъ его посланія къ псковскимъ властямъ, пережилъ даже новгородскаго владыку. Если бы житіе было дѣйствительно написано, то его мы могли бы назвать первымъ опытомъ официальной біографіи Евфросина и съ него начинать литературную исторію житія преподобнаго. Но въ виду того, что никакихъ указаній объ этомъ въ житіи нѣтъ, все это не болѣе, какъ предположеніе, изъ котораго мы не намѣрены дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ. Для насъ несомнѣнно лишь то, что рассматриваемая нами редакція житія по списку Ундольскаго не представляетъ собою памятника, явившагося въ результатъ распоряженія Геннадія: „житіе изложить“, и что причину появленія этого памятника нужно искать не въ установленіи мѣстнаго праздника святому, какъ это дѣлаетъ проф. Малининъ, а совершенно въ другихъ обстоятельствахъ: въ спорахъ изъ-за аллилуіи послѣ смерти Евфросина. Первая мысль подтверждается самимъ писателемъ, у котораго нѣтъ даже и намека, чтобы поводомъ къ его работѣ послужило распоряженіе Геннадія. Это отмѣчено еще въ статьѣ Е. Е. Голубинскаго, взглядовъ котораго, — нужно замѣтить, — г. Малининъ не приводитъ въ своемъ изслѣдованіи о житіи Евфросина. „Что касается до того, — читаемъ мы у Голубинскаго, — что житіе изложено по повелѣнію арх. Геннадія, изъ чего слѣдовало бы, что оно написано не позднѣе 1504 г., то сего въ немъ нѣтъ, — должно бы было быть на л. 89, — и это есть прибавка самаго Василя“¹⁾. На самомъ дѣлѣ и Василій ни въ приведенномъ мѣстѣ, ни въ предисловіи къ житію, при характеристикѣ своего письменнаго источника, не говоритъ, чтобы его замѣчаніе относилось именно къ этой редакціи житія, бывшей у него подъ руками. Вѣроятно сами елсазаровскіе монахи, со словъ которыхъ сдѣлалъ свою замѣтку Василій, не могли точно установить, въ какомъ отношеніи стоитъ эта редакція житія къ бесѣдѣ архіепископа съ Памфиломъ; быть можетъ, они имѣли даже основанія не смѣшивать этого памятника съ житіемъ, которое могло быть написано по распоряженію Геннадія.

¹⁾ „Къ нашей полемикѣ со старообрядцами“, Чт. въ Имп. Общ. И. и Др., кн. 214, стр. 208.—Курсивъ нашъ.

Для разъяснения вопроса об обстоятельствах, вызвавших появление рассматриваемой редакціи житія, нѣкоторыя указанія можно находить въ другомъ, однородномъ съ житіемъ по своей темѣ, памятникѣ древней письменности, который былъ написанъ по распоряженію того же Геннадія и извѣстенъ въ литературѣ подъ именемъ посланія о трегубой аллилуіи. Къ сожалѣнію, этотъ памятникъ въ ученой литературѣ не принадлежитъ къ числу такихъ, которые изслѣдованы со всею точностію, и потому имъ нельзя пользоваться безъ предварительнаго критическаго обзора научныхъ его объясненій. Въ исторической литературѣ, несмотря на значительное количество научныхъ замѣтокъ о посланіи, остается недостаточно выясненною большая часть вопросовъ, касающихся литературной его исторіи. О составѣ памятника, о времени, мѣстѣ и о ближайшихъ обстоятельствахъ его написанія, а также о личности автора встрѣчаемъ въ литературѣ самыя разнообразныя мнѣнія. Не выполнѣвъ разъясненъ и болѣе общій вопросъ—объ историческомъ значеніи этого небольшого по объему памятника.

Посланіе о трегубой аллилуіи часто встрѣчается въ рукописяхъ XVI и особенно XVII в. в., то какъ отдѣльный, самостоятельный памятникъ, то въ связи съ изложеніемъ другихъ вопросовъ въ одной и той же статьѣ. Неодинаковъ и объемъ памятника въ различныхъ его спискахъ. Посланіе помѣщается или полностію, или въ сокращеніи—одно лишь толкованіе слова аллилуія, и притомъ не буквально сходное съ толкованіемъ по полному списку. Образцы сокращеннаго текста встрѣчаемъ въ рукописяхъ 6-ки М. Д. А. № 520, л. 87 и № 577, л. 248 об.—249, XVI вѣка. Въ первомъ сборникѣ посланію предшествуетъ: „посланіе отъ архіеп. Евѳимія къ преп. Евфросину“ (л. 83 об.—86 об.), сходное съ текстомъ во второй редакціи Евфросинова житія. Самая выписка изъ посланія сдѣлана съ такимъ заглавіемъ: „сказаніе о трѣгубной аллилуіи“ (л. 87). Для изученія памятника эти выписки не имѣютъ какого-либо значенія; онѣ лишь свидѣтельствуютъ, что въ XVI в. защитники троенія пользовались посланіемъ Димитрія на ряду съ отрывками изъ другихъ памятниковъ, касавшихся того же вопроса. По тѣмъ же, очевидно, соображеніямъ посланіе объ аллилуіи въ видѣ полнаго и самостоятельнаго памятника помѣщено въ сборникѣ XVI в., № 466, Син. 6-ки, непосредственно за посланіемъ къ епитору Аѳанасію,—памятникомъ, въ которомъ доказывается исключительная правильность троенія¹⁾.

Противъ самостоятельности памятника первый, кажется, сдѣлалъ возраженія митрополитъ Макарій. Основываясь на томъ, что въ рукописномъ спискѣ: „древнѣйшемъ, писанномъ игум. Нифонтомъ, и въ другихъ“, посланіе помѣщается на ряду съ посланіемъ о семи тысящахъ лѣтъ: „какъ одно цѣлое“, преосвященный Макарій утверждаетъ, что оно и въ дѣйствительности представляло собою лишь часть общаго посланія къ Геннадію и только впоследствии было выдѣлено въ самостоятельный, отдѣльный памятникъ.

¹⁾ Прав. Соб. 1866 г., V, 164. Арх. Савва, Указ. патр. (син.) 6., М. 1858, стр. 231.

никъ¹⁾. Такая постановка вопроса для изслѣдованія памятника имѣеть большое значеніе, какъ можно видѣть изъ выводовъ митрополита Макарія, основанныхъ на этомъ соображеніи. Онъ находитъ возможнымъ точнѣе установить хронологическую дату написанія посланія (1491 г.) и разъяснить вопросы объ авторѣ и о мѣстѣ, гдѣ оно было написано. Выводы митрополита Макарія приняты и въ изслѣдованіяхъ Е. Е. Голубинскаго и А. И. Соболевскаго.

По нашему мнѣнію, это предположеніе могло бы имѣть свое значеніе только въ томъ случаѣ, если бы посланіе объ алилуіи встрѣчалось всегда лишь съ посланіемъ „о седми тысящахъ лѣтъ“; но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Такъ, въ рукописи б-ки М. Д. А. № 491, XVI—XVII в.в., л. 466—467 (ср. Прав. Соб. 1861 г., ч. 1, 110—112), посланіе объ алилуіи помѣщено вмѣстѣ съ отвѣтомъ о томъ, какъ нужно читать начальныя слова 31 псалма: „блажени имъ ж отпустишася безаконія и имъ же прикрывшася грѣси“, т. е. прикрывшася или открывшася,—какъ читалось по псалтири, бывшей у архіеп. Геннадія. Переходъ отъ одного предмета къ другому въ посланіи довольно естественный и связанный: „да велѣлъ еси, господине, къ себѣ отписать и о той рѣчи, что въ псалтири пишеть“ и т. д. Если непременно нужно отыскивать для посланія Димитрія продолженіе, то, по нашему мнѣнію, правильнѣе будетъ остановиться на сейчасъ указанномъ спискѣ, чѣмъ на спискѣ, отмѣченномъ у митрополита Макарія. Между толкованіемъ слова алилуія и словъ: „прикрывшася—открывшася“, несомнѣнно, больше связи, чѣмъ между алилуіей и „лѣтами“, вопросомъ изъ области пасхалии. Къ тому же, для справокъ по обоимъ вопросамъ—и объ алилуіи, и о словахъ 31 псалма, въ сущности нужна была одна и та же книга: толковая псалтирь; значить, справки могли быть наведены одновременно, одновременно могли быть представлены владыкѣ и ихъ результаты. Но при такомъ пониманіи вопроса, соображенія митрополита Макарія о времени написанія посланія не представляются уже достаточно обоснованными. Посланіе могло быть написано и позднѣе 1491 г., и раньше. Это подтверждаютъ отчасти и рукописные списки посланія, по однимъ изъ которыхъ написаніе его нужно отнести къ 1493 г., по другимъ—къ 1486 г.²⁾

Но неодинаковая разстановка посланія въ рукописныхъ спискахъ ослабляетъ значеніе и другого утвержденія преосв. Макарія, что посланіе лишь позднѣе, переписчиками, было выдѣлено въ особый памятникъ. Съ такимъ же правомъ можно утверждать, что посланіе объ алилуіи представляло въ первоначальномъ своемъ видѣ самостоятельный памятникъ, но позднѣе, переписчиками, оно соединялось съ другими посланіями—или вслѣдствіе однородности ихъ темы (рук. № 491, М. Д. А.), или по тѣмъ соображеніямъ, что два памятника, несходные по предмету своего содержанія, приписывались одному и тому же автору (списки, цит. у

¹⁾ Ист. р. ц., VII, 237 и прим.

²⁾ А. Соболевскій, „Переводная литература Моск. Руси XIV—XVII в.“, Спб. 1903 г., стр. 40, прим. 2-е.

митрополита Макарія). Въ сущности же рукописные списки посланія не только не даютъ намъ какихъ-либо указаній о первоначальномъ составѣ посланія объ аллилуїи, которыми въ свою очередь можно было бы воспользоваться для разъясненія литературной исторіи этого памятника, но, наоборотъ, они лишь затрудняютъ изслѣдователя, предлагая ему вопросы, почти неразрѣшимые. Также обстоитъ дѣло и по другимъ вопросамъ: о личности автора посланія и о значеніи этого памятника. Доказательствомъ этого можетъ служить уже самая разнорѣчивость во мнѣніяхъ по этимъ вопросамъ у изслѣдователей посланія.

По вопросу о личности автора въ научной литературѣ высказано два неодинаковыхъ взгляда. Такъ, по мнѣнію митрополита Евгенія, которое принято Рудневымъ, проф. Ключевскимъ и подробнѣе развито академикомъ Гамелемъ, въ его изслѣдованіи: „Англичане въ Россіи въ XVI—XVII ст.“,— посланіе объ аллилуїи написано грекомъ Димитріемъ, прибывшимъ въ Россію въ концѣ XV в. ¹⁾ По другому мнѣнію, принятому въ сочиненіяхъ: арх. Филарета, Костомарова, Нильскаго, Голубинскаго, и наиболѣе обоснованному въ И. рус. ц. митрополита Макарія,—авторомъ посланія былъ русскій грамотей—Димитрій Герасимовъ, носившій прозваніе толмача и стараго и извѣстный своею переводническою дѣятельностію сначала въ Новгородѣ, у архіеп. Геннадія, впоследствии въ Москвѣ, какъ сотрудникъ преп. Максима Грека ²⁾. Послѣдній взглядъ слѣдуетъ признать болѣе распространеннымъ и болѣе современнымъ, такъ какъ онъ принятъ и въ специальныхъ изслѣдованіяхъ исторіи споровъ изъ-за аллилуїи у проф. Нильскаго и Голубинскаго; повторяется онъ и въ настоящее время нѣкоторыми учеными, какъ вполне уже доказанный ³⁾. Съ формально-научной стороны достоинство этого взгляда состоитъ въ томъ, что онъ даетъ возможность разсматривать посланіе объ аллилуїи въ связи съ другимъ памятникомъ—посланіемъ о бѣломъ клобукѣ, которое еще въ XVII в., отцами собора 1666—7 г., приписывалось Герасимову. Благодаря этому для насъ становится болѣе опредѣленною писательская дѣятельность Димитрія; видно, что онъ писалъ не по личной инициативѣ, а по порученію высшей власти, на предложенные ему вопросы.

¹⁾ М. Евгеній, „Словарь историч. о пис. д. ч.“, стр. 114; Рудневъ, „Разсуд. о ерес. и раск.“, стр. 201; Ключевскій, „Др. рус. ж.“, 256 и Пр. Обзор., 719—20, 738; Гамель, „Записки Имп. Акад. Наукъ“, т. VIII, кн. 1, стр. 173—174, 176, въ приложенияхъ къ цит. статьѣ.

²⁾ Филаретъ, „И. рус. ц.“, пер. III, М. 1888 г., изд. 5, стр. 191, прим.; ср., „Обзоръ р. д. л.“, 1884 г., 124; Нильскій, „Хр. Чт.“ 1884 г., май—июнь, стр. 726—7; Голубинскій, „Чтен. Об. И.“, кн. 214, стр. 207; Макарій, „И. рус. ц.“, т. VII, 1891 г., 237—8, т. VIII, 1898 г., 137—138; Строевъ, „Библиогр. Слов.“, Спб. 1882 г., стр. 86. На предыдущей страницѣ Строевъ усволяетъ Герасимову и прозваніе грекъ.

³⁾ Проф. А. С. Архангельскій, „Замѣтки на программу по исторіи русской литературы и исторіи словесности“, Ж. Мин. Нар. Просв. 1906 г., май, стр. 10.

Въ зависимости отъ неодинаковаго взгляда на личность автора посланія находится и разница въ оцѣнѣ историческаго значенія этого памятника. Такъ, проф. Ключевскій видитъ въ посланіи объ аллилуіи одно изъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ извѣстіе житія Евфросина о возможности неодинаковаго рѣшенія спорнаго псковскаго вопроса и въ восточной церкви. Наоборотъ, по мнѣнію митрополита Макарія и архіеп. Филарета, — исходнымъ пунктомъ для котораго служить мысль, что на Востокѣ не могло быть подобныхъ разногласій и тѣмъ болѣе споровъ, — посланіе Димитрія подтверждаетъ лишь дѣйствительность мѣстныхъ, русскихъ споровъ изъ-за аллилуіи во второй половинѣ XV в. Выраженіе автора: „но мнѣ ся помнитъ, что и у насъ о томъ вѣспоръ бывалъ межъ великихъ людей“, — указанными изслѣдователями объясняется такъ: въ Москвѣ или въ предѣлахъ новгородской епархіи. Такимъ образомъ по этому объясненію выходитъ, что ссылка Евфросина на практику константинопольской церкви, отмѣченная писателями его житія, не имѣетъ для себя никакихъ основаній.

Въ сторонѣ отъ этихъ взглядовъ стоитъ мнѣніе Н. И. Костомарова. Обративъ вниманіе на то, что посланіе отправлено изъ Рима, Костомаровъ предполагалъ, будто бы Димитрій имѣлъ въ виду провѣрить взглядъ по спорному вопросу римской церкви, на богослужебную практику которой, въ цѣляхъ унижить авторитетъ троявшихъ, сослался позднѣе авторъ Евфросинова житія¹⁾.

Различно рѣшается вопросъ и о мѣстѣ написанія посланія. Тогда какъ большинство изслѣдователей признаетъ, что посланіе написано въ Римѣ, проф. Голубинскій думаетъ, что оно написано въ Москвѣ, такъ какъ до 1524 г. Герасимовъ не бывалъ въ Римѣ²⁾.

Какое же изъ приведенныхъ объясненій можно признать болѣе правильнымъ?

Въ древне-русской письменности — ни въ рукописныхъ спискахъ посланія, ни въ стороннихъ памятникахъ, нѣтъ точныхъ указаній о личности автора. Оно подписывалось то именемъ Димитрія грека, то именемъ Димитрія толмача, иногда даже Димитрія грека-толмача, — знакъ, что даже и въ то время не умѣли точно опредѣлить имени автора³⁾. Возражая акад. Гамелю, митр. Макарій, правда, замѣчаетъ, что противъ авторства Димитрія грека говорить фактъ отсутствія указаній на это въ раннѣй-

¹⁾ „Руск. исторія въ біографіяхъ“, Спб. 1896 г., т. I, 311. Взглядъ Костомарова принятъ и проф. Архангельскимъ. Ж. М. Н. Пр. 1906 г., май, стр. 10.

²⁾ Чт. въ Общ. Ист. и Др., кн. 214, стр. 207.

³⁾ Въ спискѣ второй половины XVII в. Имп. Цуб. бібліотеки, Q 1,984, посланіе озаглавлено такъ: „Посланіе Димитрія грека толмача“. Въ текстѣ онъ названъ: „митя малой“. (А. Соболевскій, „Палеограф. снимки съ рус. рукоп. XII—XVII вв., Спб. 1901 г., № LXVI). Въ „описи келейной казны патр. Филарета“, отъ 1630 г., значится: „тетрадь грамотка посыльная Дмитрея грека, толмача, къ новгородскому епископу (sic!) Геннадію“, — Р. ист. бібліотека, т. III, стр. 908.

ших списках посланія. По утверженію преосвященнаго, съ надписаніемъ: „грека“, этотъ памятникъ встрѣчается лишь въ спискахъ XVII в. Но утверженіе это, кажется, не совсѣмъ правильно. По крайней мѣрѣ, въ рукописномъ сборникѣ М. Син. б., № 466, второй половины XVI в., посланіе помѣщено съ такимъ заглавіемъ: „посланіе архіеп. Геннадію новгородскому отъ Димитрія грека о трегубной аллилуіи“¹⁾. Затѣмъ, не во всѣхъ спискахъ указывается—грекъ или русскій человекъ былъ авторомъ посланія, и это можно отмѣтить даже по отношенію къ спискамъ XVI в. Такъ, напр., въ текстѣ списка № 491, М. Д. А., читаемъ: „слуга святительства его димитрій *старой* челомъ біеть“ (л. 466). И понятно, что если подчеркнутое слово считать выраженіемъ самого автора посланія, то послѣднее ни въ какомъ случаѣ нельзя приписывать Герасимову, такъ какъ въ пору написанія посланія ему было не болѣе 30 лѣтъ; въ 1500 г. онъ подписывался: „митида малой“²⁾. Наконецъ, не всегда даже посланіе соединялось съ именемъ Димитрія. Въ рукописномъ спискѣ Вахрамѣева, № 226, оно приписывается „Юрію малому, греку“³⁾. Такимъ образомъ, надписанія посланія въ отдѣльныхъ рукописныхъ спискахъ не даютъ права рѣшать вопроса о личности автора въ томъ или иномъ положительномъ смыслѣ. Для рѣшенія этого вопроса, по нашему мнѣнію, большее значеніе имѣютъ частные вопросы: въ какихъ книгахъ наводились справки объ аллилуіи и къ чему относятся личныя воспоминанія автора о какихъ-то спорахъ изъ-за аллилуіи?

Если допустить, что посланіе объ аллилуіи написано одновременно съ посланіемъ о разночтеніяхъ въ 31 псалмѣ и составляетъ съ нимъ одинъ памятникъ, то первый вопросъ разрѣшится самъ собою почти на половину. Въ концѣ второй части посланія читаемъ, что справки о томъ, какъ читать: „открышась“ или „прикрышась“, наводились „во псалтири и въ толцѣхъ“, т. е. въ псалтири богослужебной и въ толковой. Въ этихъ, очевидно, книгахъ наводились и справки для объясненія слова аллилуія. Но при всемъ этомъ остается еще недоумѣніе: въ какой же именно псалтири наводились справки—въ славянской или греческой? Намъ представляется болѣе правильнымъ рѣшать вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, во-первыхъ, потому, что въ концѣ XV в. въ кругѣ русскихъ богослужебныхъ книгъ даже и не было толковой псалтири, а были лишь неполные переводы на толкованія нѣкоторыхъ псалмовъ, принадлежавшія (толкованія) св. отцамъ—Василію В., Аванасію Ал. и другимъ. Въ полномъ видѣ толковая псалтирь появилась лишь въ первой четверти XVI в., въ переводѣ Максима Грека. Во-вторыхъ, косвенное подтвержденіе тому, что справки наводились въ греческихъ книгахъ, можно находить въ самомъ толкованіи слова аллилуія, помѣщенномъ въ посланіи Димитрія. „Аль иль оуія,—писаль Димитрій,—толкуется: аль—приде, иль—явися, оуія—Богъ;

¹⁾ Прав. Соб. 1866 г., кн. V, стр. 164.

²⁾ А. Соболевскій, „Перев. литер.“, стр. 186.

³⁾ *ib.*, стр. 40, прим. 2.

пойте, хвалите живаго Бога“. Источникъ этого толкованія, несогласнаго съ тогдашнимъ русскимъ, ясно опредѣленъ отцами собора 1666—7 г. По ихъ объясненію, толкованіе это: „обрѣтается и писано во многихъ древнихъ греческихъ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ“¹⁾). Противъ высказаннаго сейчасъ предположенія, что справки объ аллилуйи наводились авторомъ посланія не въ славянскихъ, а въ греческихъ книгахъ, ничего не говоритъ и вторая половина посланія, какъ оно помѣщено въ рукописи № 491. И о разночтеніи начальныхъ словъ 31 псалма: „открышась—прикрышась“, точно также справки могли дѣлать въ греческихъ книгахъ. По крайней мѣрѣ отъ XVI в. имѣемъ прямое извѣстіе, что и по такимъ маловажнымъ разногласіямъ въ славянскихъ книгахъ дѣлались справки и разъясненія по книгамъ греческимъ. Такъ, въ „Словѣ Лаодикійскаго собора“ читаемъ: „недоумѣють вѣдци: почто въ написаніи псаломъ Давиду пишеть, а не Давидовъ? Вѣдомо буди, яко по греческому языку тако лежитъ, еже толковаше отцы псалтирь..; являетъ же тожде рѣчь по греческому: псаломъ Давидовъ, рекше, яко Давидомъ сътворенъ“²⁾). Естественно отсюда заключить, что справку въ греческихъ книгахъ удобнѣе всего было поручить греку, а если русскому человѣку, то хорошо знавшему греческій языкъ. Послѣдняго однако нельзя сказать о Герасимовѣ. Какъ показываютъ замѣтки о его переводахъ, греческаго языка онъ вовсе не зналъ, зналъ лишь латинскій, переводилъ: „отъ римскаго писанія и рѣчи на русское писаніе, на русскую рѣчь, съ Божіею помощію“. Латинскій языкъ онъ зналъ, повидимому, хорошо, такъ какъ состоялъ въ числѣ сотрудниковъ пр. Максима Грека; хотя самъ Герасимовъ и считалъ себя вообще „чуждаго (языка) зѣло мало вѣдущимъ“. Что Герасимовъ не зналъ греческаго языка, это видно изъ слѣдующей замѣтки въ книгѣ толкованій Златоуста на евангеліе отъ Іоанна: „споспѣшници же въ переводѣ Максиму толмачи латынскіе Власій и Димитрій. Максиму убо смотрящу во греческую книгу и симъ изъявляя латынскимъ языкомъ, они же сказаваху писцомъ рускою бесѣдою; Максимъ бо бѣ обѣма языкомъ зѣло искусенъ“³⁾). Такимъ образомъ, порученіе Геннадія являлось непосильнымъ для Герасимова.

Затѣмъ, и самое отношеніе автора къ предмету его работы можетъ наводить на сомнѣніе въ принадлежности посланія Герасимову. Къ данному владыкою порученію Герасимовъ отнесся очень внимательно и въ своемъ отвѣтѣ обнаружилъ такую осторожность въ сужденіяхъ, которая побуждаетъ смотрѣть на него, какъ на одного изъ очень немногихъ рус-

¹⁾ Дѣян. моск. соб., М. 1893 г., цит. изд., стр. 34 (втор. части).

²⁾ Прав. Соб. 1866 г., V, 166. Считаю необходимымъ замѣтить, что мы вовсе не настаиваемъ на томъ, чтобы списокъ № 491 былъ тождественъ оригиналу посланія. Думаемъ, что указанныя здѣсь соображенія не утратятъ своего значенія и въ томъ случаѣ, если мы будемъ считать посланіе объ аллилуйи памятникомъ отдѣльнымъ.

³⁾ Строевъ, „Библиол. словарь“, стр. 87, 200.

свихъ людей конца XV в., умѣвшихъ правильно оцѣнить спорный вопросъ со стороны его догматическаго значенія. „Высмотривъ въ книгахъ,— писалъ Димитрій архіепископу,—ино господине того и здѣсе въ книгахъ не описано, како говорити: трегубно ли, сугубно ли“¹⁾. Послѣднія слова нужно понимать такъ, что въ греческихъ книгахъ справщикъ нашель тотъ и другой порядокъ возглашенія аллилуи, безъ указанія, который изъ нихъ правильнѣе. Такимъ образомъ, не составитель посланія виновать, если онъ не могъ дать вполне точнаго отвѣта архіепископу. Виною послѣдняго обстоятельства является самый источникъ—греческія книги, вѣрнѣе—слишкомъ большія надежды, которыя возлагались Геннадіемъ на этотъ источникъ. Геннадій въ греческихъ книгахъ рассчитывалъ найти или точное указаніе объ одномъ лишь способѣ возглашенія аллилуи, или прямое разъясненіе о догматическомъ значеніи того или другого изъ возглашеній. На дѣлѣ справки не привели къ результатамъ, и, отиѣтивъ это въ началѣ посланія, составитель ограничился лишь выпискою толкованій слова аллилуія. Это строгое слѣдованіе своимъ источникамъ характеризуетъ автора, какъ человѣка очень осторожнаго въ выраженіи личныхъ своихъ мнѣній, чего вовсе нельзя было бы ожидать отъ Герасимова, принимая во вниманіе содержаніе составленной имъ „отъ вѣтра главы своея“ повѣсти о бѣломъ кlobуцѣ (если только отцы собора 1666—7 г. не ошиблись, приписывая составленіе этой повѣсти Герасимову²⁾).

Но въ посланіи гораздо важнѣе справокъ и толкованій аллилуи являются слова личныхъ воспоминаній автора, при помощи которыхъ, за недостаткомъ точныхъ данныхъ, онъ пытался разъяснить недоумѣнный для архіепископа вопросъ. „Но мнѣ ся помнѣть, что и у насъ о томъ въ спорѣ бывалъ межъ великихъ людей, и они обоя едино судили“³⁾. По нашему мнѣнію, смыслъ этихъ словъ трудно объяснить и согласить съ другими историческими извѣстіями, если допустить, что они сказаны русскимъ человѣкомъ о русскихъ же событіяхъ, совершившихся на его памяти въ Москвѣ или въ предѣлахъ новгородско-псковской епархіи. Прежде всего, въ контекстѣ рѣчи такой неожиданный переходъ отъ греческихъ книгъ къ воспоминаніямъ о домашнихъ событіяхъ съ логической стороны,—даже если примемъ во вниманіе общій недостатокъ въ этомъ отно-

¹⁾ Р. М. Д. А., № 491, л. 466.

²⁾ По вопросу объ авторѣ повѣсти о бѣломъ кlobуцѣ, а равно и о времени написанія этого памятника, въ научной литературѣ можно встрѣчать разныя сужденія. Большинство изслѣдователей составленіе повѣсти относится ко времени арх. Геннадія и приписывается Герасимову. Но акад. Гамель считаетъ ея авторомъ грека Димитрія Ивановича Ралева или Ларева (о. с., стр. 175). Проф. Павловъ высказалъ мнѣніе, что повѣсть въ томъ видѣ, въ какомъ она извѣстна теперь, появилась уже по учрежденіи въ Россіи патріаршества (у пр. Голубева, Тр. К. Д. А. 1903 г., протоколы, стр. 97). Несомнѣнную принадлежность повѣсти Герасимову признаетъ такой компетентный изслѣдователь, какъ А. И. Соболевскій („Перев. лит.“, стр. 39, прим. 2).

³⁾ Прав. Соб. 1861 г., стр. III. Въ рук. № 491, л. 466: „ини обоя осудили“.

пеніи древнерусскихъ сочиненій,—представляетъ собою salto mortale. Но такимъ онъ является и по существу дѣла. Герасимовъ былъ хорошо извѣстенъ архіеп. Геннадію. Нужно думать, что владыка послалъ его для справокъ въ Москву тогда уже, когда убѣдился, что въ Новгородѣ нѣтъ данныхъ выяснитъ спорный вопросъ. Отсюда, вспоминать о спорахъ, бывшихъ здѣсь при жизни Евфросина, не было никакой нужды. Затѣмъ, невозможно опредѣлить, о какихъ именно „великихъ людяхъ“ говорить здѣсь авторъ посланія. По болѣе вѣроятной догадкѣ, подъ однимъ изъ нихъ разумѣется новгор. архіеп. Евѣимій II-й, по житію Евфросина, отказавшійся разрѣшить споръ въ томъ или другомъ смыслѣ. Но объ этомъ Герасимовъ, родившійся спустя семь лѣтъ послѣ кончины Евѣимія¹⁾, могъ лишь повторить то, что онъ слышалъ отъ другихъ, т. е. то, что и безъ него зналъ Геннадій. Къ тому же, со взглядами Евѣимія Геннадій могъ ознакомиться изъ его посланія къ Евфросину, которое въ качествѣ самостоятельнаго памятника встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ XVI в. и въ своемъ оригиналѣ несомнѣнно хранилось въ Елеазаровскомъ монастырѣ²⁾. По смыслу приведеннаго объясненія слѣдовало бы заключить, что архіеп. Евѣимій, получивъ посланіе отъ Евфросина, прежде чѣмъ отвѣтить на него, совѣтовался съ „великими людьми“, и что на этомъ совѣтѣ, названномъ авторомъ посланія споромъ, вопросъ о томъ или иномъ способѣ возглашенія аллилуйи былъ признанъ безразличнымъ. Но для такого предположенія нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ. Единственный руководитель при рѣшеніи этого вопроса, біографъ Евфросина, представляетъ намъ дѣло въ совершенно иномъ видѣ. По его сообщеніямъ, Евѣимій правда отказался разрѣшить спорный вопросъ, ссылаясь на свое недомысліе, но не сказалъ, чтобы этотъ вопросъ представлялся ему безразличнымъ.

Еще меньше основанийъ относить воспоминанія автора посланія къ событіямъ московскимъ или къ начальнымъ спорамъ въ Псковѣ, между Евфросиномъ и Іовомъ—людьми въ сущности и невеликими. О московскихъ спорахъ,—если только они были тамъ въ XV в.,—Димитрій не могъ имѣть болѣе точныхъ свѣдѣній, чѣмъ самъ Геннадій, который, живя въ Москвѣ, принималъ тамъ дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ церковной жизни. Доказательствомъ послѣдняго служить исторія споровъ о хожденіи посолонь³⁾. Что же касается псковскихъ споровъ, то къ послѣднимъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесена замѣтка автора посланія о безразличномъ рѣшеніи спорнаго вопроса. По свидѣтельству житія

¹⁾ Въ 1525 г. Герасимову, по свидѣтельству Павла Іовія, было 60 лѣтъ. Значитъ, онъ родился приблизительно въ 1465 г.

²⁾ Посланіе помѣщено, напр., въ рук. М. Д. А., № 620, л. 84—86 об. Въ рукоп. № 262 и 185 библиотеки Кіево-Соф. собора помѣщены оба посланія—Евфросина и Евѣимія (Н. Петровъ, „Описаніе“.. въ Чт. Об. Ист. и Др., М. 1904 г., кн. 4, стр. 257, 258).

³⁾ И. рус. ц. м. Макарія, т. VI, стр. 65—66, по втор. изд., 1887 г.

преподобнаго, спорившія стороны не только не пришли къ соглашенію, но, наоборотъ, слишкомъ разошлись между собою, грозили одна другой анафемою.

Въ виду указанныхъ соображеній намъ представляется болѣе правильнымъ считать авторомъ посланія грека, — какъ это дѣлаютъ м. Евгеній, проф. Ключевскій и академикъ Гамель. Такой взглядъ не только устраняетъ собою отмѣченныя недоумѣнія въ подробностяхъ объясненія этого памятника, но стоитъ въ большемъ соответствіи и съ обстоятельствами, вызвавшими его написаніе. Ближайшій поводъ написанія посланія въ научной литературѣ остается мало выясненнымъ. По нашему мнѣнію, уже самый фактъ одновременности событій написанія посланія и бесѣды арх. Геннадія съ игуменомъ Памфиломъ побуждаетъ видѣть между ними причинную связь и внутреннее соотношеніе, въ томъ смыслѣ, что посланіе явилось вслѣдъ за бесѣдою о „добродѣтельномъ житіи“ Евфросина, ея результатомъ¹⁾. Мы не знаемъ подробностей содержанія этой бесѣды, равнымъ образомъ не имѣемъ возможности рѣшить вопроса, была ли эта бесѣда, согласно распоряженію Геннадія, воспроизведена письменно или нѣтъ. Но, слѣдуя указаніямъ позднѣе составленныхъ житій преподобнаго о его взглядахъ на сугубую аллиудію, безошибочно можно утверждать, что Геннадію Евфросинъ былъ представленъ, какъ одинъ изъ сторонниковъ авторитета восточной церкви, въ спорахъ съ своими противниками оправдывавшій себя, главнымъ образомъ, ссылкою на богослужебный порядокъ этой церкви. Этой ссылке не могъ игнорировать новгор. архіепископъ, такъ какъ и въ его время подобный приѣмъ доказательствъ практиковался въ спорахъ по однороднымъ въ сущности вопросамъ. На практикѣ восточной церкви и въ частности аеонскихъ ея представителей основывались, напр., въ XV в. защитники противосолонія²⁾. Конечно, новгор. владыка не имѣлъ основаній отрицать или даже заподозрѣвать достовѣрность посвѣщенія Евфросиномъ Константинополя; но онъ могъ сомнѣваться, дѣйствительно-ли въ пору этого путешествія въ богослужебной практикѣ восточной церкви было такое единообразіе относительно сугубой аллиудіи, какъ свидѣтельствовали псковскій ея защитникъ и его позднѣйшіе сторонники, современники Геннадія. За разъясненіями владыка и обратился къ болѣе свѣдущему лицу, т. е. греку, поручивъ ему навести справки въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ³⁾. Но и грекъ,

¹⁾ Выше мы отнесли бесѣду Геннадія съ Памфиломъ приблизительно къ 1486 г. Къ этому году въ нѣкоторыхъ спискахъ относится и написаніе посланія объ аллиудіи.

²⁾ *ib.*, стр. 65.

³⁾ Гамель считаетъ авторомъ посланія Димитрія Трахоніота (о. с., стр. 178); но нельзя сказать, чтобы это утвержденіе было основано на какихъ-либо точныхъ данныхъ. Можно допустить, что посланіе было составлено Юріемъ Малымъ, который былъ переводчикомъ у Геннадія. Имѣлъ-ли какое отношеніе къ посланію Герасимовъ, — нѣтъ возможности разъяснить. Вѣроятно всего, что

какъ видно изъ посланія, не могъ въ точности выполнить порученія Геннадія. Чтобы сколько-нибудь разъяснить архіепископу спорный вопросъ, онъ обратился къ личнымъ воспоминаніямъ. Форма этихъ воспоминаній не даетъ возможности точнѣе опредѣлить, къ какимъ именно событіямъ они относятся, и въ частности—имѣлъ ли упоминаемый „въспоръ“ какую-либо связь съ спорами русскими. Естественнѣе всего было бы „въспоръ“ на Востокѣ отнести ко времени путешествія въ Константинополь Евфросина, который, какъ узнаемъ изъ житія, дѣйствительно обращался къ великимъ людямъ и въ частности къ патр. Іосифу съ своими недоумѣніями и получилъ для себя успокоительный на нихъ отвѣтъ,—хотя житіе и не говоритъ, чтобы въ греческой церкви въ то время были споры изъ-за аллилуіи. Но съ другой стороны, трудно допустить, чтобы у грека конца XV в. сохранились какія-либо воспоминанія о столь отдаленномъ (первой четверти XV в.) и въ сущности столь незначительномъ событіи. Къ этому времени на его родинѣ едва-ли помнили о русскомъ паломникѣ, безуспѣшно искавшемъ здѣсь „достоверна сказателя тайны божественной аллилуіи“. Проверить русскіе рассказы о путешествіи преп. Евфросина въ Константинополь авторъ посланія едва-ли могъ. Но такъ какъ на Руси до второй половины XVII в. фактъ этого путешествія не подвергался сомнѣнію, то для автора посланія и не было нужды близко знакомиться съ частностями этого событія. Доказать же неправильность ссылки защитниковъ двоенія, будто бы въ пору путешествія Евфросина двоеніе аллилуіи было общепринятымъ въ греческой церкви, не представляло для автора никакихъ трудностей. Онъ могъ воспользоваться богослужебными книгами первой половины XV в., въ которыхъ употреблялось на ряду съ двоеніемъ и троеніе. Отсюда онъ могъ сдѣлать выводъ, что и въ греческой церкви въ первой половинѣ XV в. объ аллилуіи, значить, „бывалъ въспоръ“,—вопросъ рѣшался различно¹⁾.

Въ бібліотекѣ Елеазаровскаго монастыря есть одинъ позднѣйшій источникъ, который позволяетъ предположить, что сношенія съ Востокомъ не были порваны преп. Евфросинимъ и по возвращеніи на родину, что свой „въспоръ“ о сугубой аллилуіи онъ могъ предложить „великимъ людямъ“ и позднѣе, во второй разъ, въ концѣ 50-хъ г.г. XV ст., лѣтъ за тридцать до составленія посланія объ аллилуіи. Такимъ памятникомъ

во второй половинѣ XVI в., когда литературная дѣятельность Герасимова созидала ему нѣкоторую извѣстность, ему одновременно съ повѣстію о бѣломъ клобукѣ и приписано было посланіе объ аллилуіи.—Въ окружномъ посланіи м. Іоны, отъ 1454 г. (А. И., т. I., № 264, стр. 496), упоминается „Дмитрей Гречинъ“, пришедшій въ Россію послѣ взятія Константинополя турками.

¹⁾ Свидѣтельства о двоеніи въ греч. бог. книгахъ первой полов. XV в. см. у Нильскаго, Христ. Чт. 1884 г., кн. V (май—іюнь), стр. 727, и у Голубинскаго, Чт. Об. Ист., кн. 214, 198. Быть можетъ правильнѣе будетъ въ посланіи вмѣсто: „въспоръ бывалъ“, читать: „въспоръ бывалъ“, тогда и недоумѣнія м. Макарія и арх. Филарета о возможности въ греческой церкви споровъ изъ-за аллилуіи устранятся сами собою.

является рукописное „сказаніе о пришествіи отъ царь-града чудотворныя цареградскія, паче же елсазаровскіе иконы пресв. и пречистыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи“. Оно имѣетъ въ виду разъяснить происхожденіе этой иконы. Оставляя пока въ сторонѣ частности въ характеристикѣ этого памятника, мы воспользуемся лишь нѣкоторыми его извѣстіями. Такъ, здѣсь разсказывается, что елсазаровская икона, представляющая собою копію съ иконы цареградской, прислана была чрезъ какого-то христоробца констант. патриархомъ Геннадіемъ преп. Евфросину, на благословеніе устроенной имъ обители: „въ архіепископство святителя Евфимія великаго Новаграда и Пскова, предъ блаженною вончиною его, еже бѣ въ лѣто отъ сотворенія міра 6966, отъ Р. же по плоти Бога Слова—1458“¹⁾. Въ этомъ извѣстіи, устанавливаемъ фактъ сношеній Евфросина съ патр. Геннадіемъ, наибольшій интересъ представляетъ собою хронологическая дата. Послѣдніе годы жизни архіеп. Евфимія слѣдуетъ считать самымъ горячимъ временемъ псковскихъ споровъ. Въ это время въ греческой исторіи произошло то печальное событіе, которое дало право русскимъ людямъ смотрѣть на грековъ, какъ на отступниковъ отъ православія, уже наказанныхъ за это Богомъ. Въ 1453 г. Константинополь былъ завоеванъ турками. Для защитника сугубой аллилуйи событіе это было тѣмъ болѣе важно, что со стороны мѣстной власти, у архіеп. Евфимія, онъ не нашелъ поддержки и защиты отъ своихъ противниковъ, мало, повидимому, обращавшихъ вниманія на заявленія Евфросина, что онъ былъ въ Царьградѣ „в самый благодатный цвѣтъ и въ время всекрасныя тишины“, „за длѣ(о) до взятія бгохранимаго прыграда от(ъ) поганого бусурменина турьскаго“ (л. 49 об., 36). По свидѣтельству писателя житія, Евфросинъ, получивъ отвѣтное посланіе отъ новгор. архіепископа, почувствовалъ себя совершенно одинокимъ: „не бѣ ему утѣшающаго печаль, ни помощника ему бѣ ни откуда“. Очень возможно, что въ это время онъ и обратился чрезъ упомянутаго „христоробца“ къ патр. Геннадію, чтобы авторитетомъ этого защитника православія подкрѣпить себя въ продолжавшейся борьбѣ съ троегласниками. Только этимъ соображеніемъ можно объяснить причину такого вниманія константиноп. патриарха къ Елсазаровскому монастырю. Что Геннадій могъ успокоить Евфросина въ правильности двоенія, подтвердить то, что Евфросинъ слышалъ отъ Іосифа, это само по себѣ не представляется невозможнымъ. Къ этому времени и можно было бы приурочить воспоминанія автора посланія о трегубой аллилуйи. Но въ виду ненадежности историческаго памятника этому предположенію мы не считаемъ возможнымъ придавать особаго значенія. Думаемъ только, что самое извѣстіе о сношеніяхъ Евфросина съ Геннадіемъ можно признать вѣроятнымъ.

Въ исторіи споровъ изъ-за возгласенія аллилуйи „посланіе о трегубой аллилуйи“ имѣло свое практическое значеніе. Взглядъ автора о безразличіи способа возгласенія, при условіи правильнаго толкованія догма-

¹⁾ Въ рук. сборникѣ нѣтъ нумераціи листовъ.

гическаго смысла того или иного возгласенія, былъ принять и архіеп. Геннадіемъ. По мнѣнію преосв. Филарета, Геннадій сдѣлалъ даже болѣе выводъ изъ посланія: въ личныхъ своихъ взглядахъ онъ склонялся на сторону сворѣе трюившихъ, чѣмъ сугубившихъ¹⁾. Такое отношеніе владыки къ спорному вопросу далеко не всѣхъ могло удовлетворить. Для сторонниковъ двоенія это полупризнаніе Геннадіемъ относительной правильности излюбленнаго ими порядка не могло имѣть практическаго значенія. Нужно думать, что они отнеслись къ нему точно такъ же, какъ позднѣе, въ XVII в., отнесся родственникъ имъ по возрѣніямъ представитель старообрядчества, Григорій Нероновъ, къ одновременному одобренію патр. Никонъ новыхъ и старыхъ служебниковъ. На слова патріарха: „обои-де добры“, т. е. и напечатанные прежде, и новоисправленные, „все-де равно, по коимъ хоцешъ, по тѣмъ и служишь“,—Нероновъ сказалъ: „я старыхъ-де добрыхъ и держусь“. То же самое могли сказать и въ отвѣтъ на слова Геннадія о трегубой и сугубой аллилуіи защитники послѣдней, тѣмъ болѣе, что и основаніе для отвѣта было совершенно одинаковое. Нероновъ въ своемъ рѣшеніи основывался на томъ, что „иностранныя (греческія) власти нашихъ старыхъ служебниковъ не хулятъ, но и похваляютъ“²⁾. Въ свою очередь и защитники двоенія, ссылаясь даже на посланіе Димитрія грека, могли прямо заявить, что представители греческой церкви не только „не хулятъ“ принятаго ими порядка двоенія, но и сами допускаютъ его въ церквахъ своей области. Въ то же время изъ содержанія посланія они могли видѣть, что Димитрій грекъ вовсе не доказалъ неправильности ссылки Евфросина на авторитетъ греческой церкви, а лишь ослабилъ ея значеніе, указавъ, что утвержденіе, будто бы въ началѣ XV в. тамъ былъ единообразный порядокъ двоенія аллилуіи,—не точно. Зато онъ подтвердилъ полную солидарность Евфросина съ представителями греческой церкви въ пониманіи догматическаго смысла двоенія, такъ какъ и псковскій защитникъ, какъ видно изъ его житія, видѣлъ въ двоеніи аллилуіи образное выраженіе догматическаго ученія о двухъ естествахъ въ единомъ лицѣ Иисуса Христа³⁾.

1) „И. рус. ц.“, пер. III, М. 1888 г., стр. 191—192. По замѣчанію автора: „Геннадій примѣчалъ неправильность толкованія защитниковъ двоенія,—что мысль о двухъ естествахъ не толковита.“ Б. можетъ безразличное отношеніе владыки къ спорамъ изъ-за аллилуіи объясняется не тѣмъ, что онъ, вопреки взглядамъ большинства своихъ современниковъ, не придавалъ особаго значенія спорному вопросу, а лишь тѣмъ, что занятый всецѣло болѣе важнымъ нестроеніемъ въ тогдашней церковной жизни, происходившимъ отъ ереси жидовствующихихъ, просто не имѣлъ времени и побужденій останавливаться на спорахъ изъ-за аллилуіи, какъ предметъ сравнительно маловажномъ.

2) М. Макарій, „И. рус. ц.“, т. XII, Спб. 1883 г., стр. 218. Мат. для ист. раскола, т. I, стр. 157.

3) „Азъ прославляю Христа двоегласною алугією.“ Рук. № 306, л. 37. Во второй редакціи: „устави чинъ церковный пѣти въ своей обители—дважды глаголати св. аллилугія..., еже словословити единѣми усты божество же купно и челоуѣчество.“ Пам. ст. рус. лит., IV, 81.

Но слѣдуя взглядамъ Евфросина,—какъ они позднѣе изложены въ житіи,—сторонники его въ дозволениі Геннадіемъ обоихъ способовъ приглашенія аллилуіи могли видѣть неправильное рѣшеніе дѣла, вызывавшее собою на практикѣ тѣ же „нестроеніе церковное и великое разногласіе“, объ устраненіи которыхъ такъ заботился преподобный. Подъ вліяніемъ этого въ болѣе образованномъ кружкѣ сторонниковъ двоенія естественно могла возникнуть мысль о необходимости болѣе подробнаго, письменнаго изложенія доказательствъ въ защиту сугубой аллилуіи, чтобы этимъ путемъ не только разъяснить превосходство двоенія надъ троеніемъ, но и добиться установленія единообразія—на началахъ, конечно, двоенія. Выразителемъ этихъ мыслей и намѣреній и явился первый писатель житія преподобнаго, литературный трудъ котораго извѣстенъ теперь по рукописному списку № 306 изъ 6-ки Ундольскаго. Такимъ образомъ можно сказать, что посланіе о трегубой аллилуіи если и не непосредственно, то косвеннымъ образомъ повліяло на составленіе біографіи Евфросина въ формѣ этой первой редакціи; письменный памятникъ въ пользу троенія вызвалъ въ свою очередь письменный памятникъ и въ защиту двоенія.

Въ предисловіи къ своему труду этотъ первый писатель въ очень ясной формѣ высказываетъ какъ побужденія, по которымъ онъ взялся за перо, такъ и основныя задачи, какія онъ поставилъ для своей работы. Открыть тайну сугубой аллилуіи, доказать ея превосходство надъ трегубой и этимъ прекратить споры и вражду между двумя партіями—составляло цѣль его труда¹⁾. Біографія преп. Евфросина должна была входить въ содержаніе житія лишь постольку, посольку она касается главнаго предмета работы писателя. И дѣйствительно, какъ говоритъ самъ писатель, онъ изображаетъ жизнь преподобнаго главнымъ образомъ для того, чтобы образно, сопоставляя ее съ жизнію защитника троенія, распопа Іова, представить читателю превосходство благочестіемъ и святостію жизни двоившихъ аллилуію передъ троившими²⁾. Отсюда и заглавіе, помѣщенное въ рукописномъ спискѣ: „Житіе и жизнь и подвизи преподобнаго

¹⁾ Купно ж и призывая его, съ вѣрою варяючи молитвою, на помощь ефросима угодника, сю да ми испроситъ(ъ) у Христа, як(о) тепль дръзатель безумью моему разумично слово, да возмогу дръзаа откровеніемъ(ъ) преподобнаго сего нашего оца ефросима и великимъ(ъ) его къ г҃у дръзновеніемъ(ъ) открыти свѣтъ(ъ) видѣнія цркви в҃жіа великую тайну престыа алагуа, да не мутитс(а) вл҃нянцес(ъ) вѣтриломъ(ъ) недоумѣнія разумное море, да навькнутъ(ъ) христіаньскыа конци едиными усты единогласно славити единосущную троицу и да разумѣютъ(ъ) опасно блгочестыа существо пресв. аллуга. Рук. № 306, л. 9 и об.

²⁾ И сего ради (т. е. для доказательства: „колни пач двоацей предъ троацими пр. ал. благочестіемъ предъ бгомъ“, л. 11) прохожу вамъ словомъ многоболѣзнівное обаче дѣловное житье, купно ж и вѣотрѣдное подвизаніе таж и боголюбивыа дша его ст҃ню и прѣвѣство великаго ншего оца ефросима тезоимянитаго, да услышавъ б҃седу и повѣсть слова на разумъ(ъ) вземше, да сугубъ вонмете обоихъ вину: троащих купно ж и двоащимъ(ъ) пр. ал., сице ж и прѣвнаго еже къ г҃у вѣу великое дръзновеніе“ (л. 12).

отца нашего ефросима трудолюбца поустынножителя“,—менѣе соотвѣтствуетъ содержанію разсматриваемаго памятника, чѣмъ названіе, которое ниже даетъ своему труду самъ писатель: „повѣсть о престѣй аллугія“.

Скудость біографическихъ данныхъ о подвижникѣ и такая необычная въ агиографической литературѣ постановка житія, преслѣдующаго стороннія, не агиобіографическія задачи, уже сами по себѣ служатъ доказательствомъ, что обстоятельства, вызвавшія написаніе этого памятника, заключаются не въ частномъ случаѣ установленія празднованія подвижнику въ его обители, а въ самыхъ спорахъ изъ-за сугубой аллилуіи, которые не прекратились послѣ благоразумнаго разрѣшенія спорнаго вопроса архіепископомъ Геннадіемъ. Въ текстѣ памятника не находимъ никакихъ указаній, чтобы житіе было составлено по чьей-либо официальной инициативѣ,—напр., Геннадія или игумена Памфила. Это и служитъ подтвержденіемъ ранѣе высказанной нами мысли о неофициальномъ характерѣ этого памятника. Въ своемъ содержаніи, не связанномъ условною агиобіографическою формою, этотъ памятникъ сохранилъ слѣды личныхъ взглядовъ писателя, противорѣчащихъ иногда съ самыми источниками его работы.

Съ указанной точки зрѣнія можно выяснитъ не совсѣмъ еще опредѣленные въ научной литературѣ частные вопросы: о личности автора, мѣстѣ и обстоятельствахъ написанія имъ житія, о времени появленія этого памятника и о его источникахъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ, въ содержаніи памятника, правда, нѣтъ прямыхъ указаній, и потому нельзя каждое объясненіе подтвердить *точною* ссылкой на соответствующее мѣсто изъ текста памятника. Но все-таки мы надѣемся по каждому вопросу представить рядъ такихъ соображеній, которыя не покажутся читателю лишь личными нашими догадками, по возможности будутъ основаны на словахъ самого писателя.

Автобіографическія замѣтки составителя первой редакціи недостаточны, чтобы по нимъ можно было представить точную его біографію. На л. 85 и об. писатель называетъ себя зѣло неключимымъ и многогрѣшнымъ во иноцѣхъ. Передавая затѣмъ о явленіи Евфросина, на л. 90, добавляетъ, что въ это время онъ былъ еще неискуснымъ черноризцемъ, хотя, по словамъ преподобнаго, и обѣщаль сдѣлаться „искуснымъ“. Ни о своей родинѣ, ни о монастырѣ, ни о возрастѣ своемъ писатель не оставилъ никакихъ указаній. Какъ разъяснено выше, изъ отдѣльныхъ выраженій писателя слѣдуетъ заключить, что онъ былъ не псковичъ по происхожденію. Нѣтъ указаній, чтобы онъ былъ монахомъ Елеазаровскаго монастыря или сдѣлался такимъ во время своей работы надъ житіемъ Евфросина. По мнѣнію проф. Голубинскаго, можетъ быть сдѣланъ положительный выводъ о непринадлежности писателя къ елеазаровскому братству, ибо нигдѣ онъ не называетъ Елеазаровскаго монастыря нашею обителію, но всегда того или его, т. е.—Евфросина¹⁾. И дѣйствительно,

¹⁾ Чт. въ Общ. Ист. и Др., кн. 214, стр. 208.

даже Василій, какъ псковичъ, иногда находилъ нужнымъ замѣнить подобныя выраженія перваго писателя¹⁾. Писатель сообщаетъ, что онъ проживалъ нѣкоторое время въ Елеазаровскомъ монастырѣ, но когда онъ сюда пришелъ и какъ долго здѣсь пробылъ, и на это у него нѣтъ указаній. Изъ его словъ узнаемъ только, что онъ былъ въ монастырѣ при игуменѣ Памфилѣ, современникѣ преп. Евфросина и третьемъ по порядку настоятелѣ Елеазаровской обители. Это упоминаніе о Памфилѣ не даетъ однако возможности точнѣе опредѣлить время пребыванія писателя въ монастырѣ, такъ какъ намъ неизвѣстно, съ каковаго и по какой именно годъ былъ Памфилъ настоятелемъ. Изъ частной замѣтки объ образѣ, стоявшемъ на гробѣ преподобнаго, можно заключить, что писатель пришелъ въ монастырь уже послѣ установленія здѣсь церковнаго праздника въ честь Евфросина. Но для точнаго опредѣленія и этого событія нѣтъ тоже данныхъ. Знаемъ лишь, что празднованіе преподобному было разрѣшено архіепископомъ Геннадіемъ.

Выше указано, что нѣтъ основаній предполагать о нарочитомъ приглашеніи писателя игуменомъ Памфиломъ для составленія житія преподобнаго, а также приписывать инициативу дѣла елеазаровскому настоятелю. Но и усвоивъ инициативу составленія житія самому писателю, мы легко поймемъ, почему онъ пришелъ въ монастырь и чѣмъ здѣсь занимался. Не будучи псковичемъ, онъ конечно не имѣлъ точныхъ свѣдѣній, въ чемъ выразилось участіе Евфросина въ спорѣ изъ-за аллилуіи и каковы были личные взгляды преподобнаго по спорному вопросу. Точно узнать объ этомъ онъ могъ только въ Елеазаровскомъ монастырѣ, гдѣ были современники Евфросина. Кромѣ того, у писателя могли быть и особыя побужденія посѣтить Елеазаровскую обитель. Писатель могъ разсчитывать, что въ лицѣ тамошняго настоятеля и другихъ монаховъ онъ найдетъ не только свѣдущихъ разсказчиковъ, но и людей, вполне сочувствующихъ намѣреніямъ и цѣлямъ, которыя ставилъ онъ себѣ, принимаясь за составленіе житія. Разъ Евфросинъ держался сугубаго возгласенія аллилуіи, то несомнѣнно, что такой порядокъ былъ въ его обители и послѣ его смерти, и что его взгляды раздѣлялись его постриженниками и учениками. Рѣшеніе вопроса о сугубой аллилуіи архіеп. Геннадіемъ и Памфила могло, значить, такъ же не удовлетворять, какъ не удовлетворяло оно этого перваго біографа.

Въ монастырѣ писатель прежде всего занялся собираніемъ нужныхъ для его работы матеріаловъ; съ этою цѣлью онъ бесѣдовалъ съ игуменомъ и, вѣроятно, съ другими монахами, и содержаніе этихъ бесѣдъ за-

¹⁾ Въ разсказѣ объ исхожденіи во внутр. пустыню у перваго писателя: „черноризци же бяху монастыря его“,—у Василія: „святаго“. Въ описаніи перваго чуда: „Памфилъ игумень обители тоя“,—у Василія: „Памфилій же игумень“; въ описаніи 4 чуда: „игумень обители тоя“,—у Василія: „святаго“ и др. Объясненіе лишнихъ словъ въ описаніи 3 чуда: „тоже баше храмъ бысть тремъ стымъ въ обители ефросима преподобнаго“,—дано нами выше.

писывалъ вчернѣ. Такая предварительная запись представляется необходимою по существу дѣла, и въ агиографической литературѣ мы встрѣчаемъ о ней довольно частыя извѣстія. Такую запись въ продолженіи двадцати лѣтъ вель, напр., біографъ преп. Сергія—Епифаній: „памяти ради“, предполагая написать затѣмъ полную біографію святаго¹⁾. Въ иныхъ случаяхъ черновая запись носила характеръ официальной работы; производилась не единолично, а при участіи и съ помощію всей монастырской братіи, подъ руководствомъ настоятеля. Пользуясь подобною записью, позднѣйшій составитель житія могъ составить свой трудъ, не зная святаго и не бывавъ въ его монастырѣ. Такъ, напр., было при написаніи житій соловецкихъ подвижниковъ.

Что и писатель Евфросинова житія вель предварительную запись, указаніе можно находить въ самомъ текстѣ памятника. Такъ, напр., въ концѣ описанія чуда надъ черноризцемъ Конономъ онъ замѣчаетъ: „сіе же чудо и преднаписах(ъ) в житіи стго и поставих(ъ) и в ряду чудесъ, понеж(е) бо тамо пач(е) нечто мало не исправих(ъ), не поберегох(ъ) бо, дострочно испытуя сказателя“ (л. 67 об.). Правильнѣе читать это мѣсто, согласно указанію проф. Малинина, такъ: „не преднаписахъ и не поставихъ“, такъ какъ, слѣдуя буквальному тексту, нельзя понять смысла этихъ словъ. Очевидно, въ данномъ случаѣ писатель противопоставляетъ предварительное, черновое описаніе чуда надъ Конономъ описаніямъ другихъ чудесъ—надъ Захеемъ, которыя были у него полнѣе „преднаписаны“ и не нуждались въ поправкахъ. Установить слѣды черновой работы писателя по отношенію къ разсматриваемому памятнику, впрочемъ, очень трудно, такъ какъ и вся вообще историко-біографическая часть житія представляетъ собою не что иное, какъ черновыя, не обработанныя въ литературномъ отношеніи, записи. Къ числу ихъ нужно отнести рассказы: о Памфилѣ и его братьяхъ (л. 50 об. и слѣд.), о Серапіонѣ (л. 90 об.—94 об.), о приходеніи братіи ко святаму (л. 95—97), о трудѣхъ блаженнаго Евфросима (л. 95 и об.), о посѣщеніи Елеазаровскаго монастыря новгородскимъ священникомъ (л. 97—99 об.) и др. Статьи эти, безпорядочно разбросанныя въ житіи, не имѣютъ внутренней связи съ главнымъ предметомъ содержанія; мало связаны и одна съ другою. Это, повидимому, сознавалъ и самъ писатель; онъ старался установить по крайней мѣрѣ внѣшнюю связь,—хотя и послѣднее не всегда ему удавалось. Такъ, напр., біографію Игнатія писатель помѣщаетъ послѣ посланія Евфросина къ Евонмію, такъ какъ это посланіе было передано архіепископу Игнатіемъ (л. 50 об.—51). Скорби, которыя выпали на долю защитника сугубой аллилуіи, раздѣлены на двѣ категоріи: скорби отъ діавола

¹⁾ Имѣхъ же у себя за 20 лѣтъ приготованы такового списанія свитки, въ нихъ же бѣху написаны нѣкія главизны, еже о житіи преподобнаго, памяти ради: ова убо въ свиткахъ, ова же въ тетратехъ, еще же и не по порядку, но предняя назади, а задняя напереді“. В. Ч. М., сент., вып. III, стр. 1464—1465.

и скорби отъ людей. Въ соотвѣтствіе этому слѣдуютъ рассказы: о исхожденіи святаго во внутреннюю пустыню (л. 67 об.—70 об.) и о черноризцѣ Кононѣ (л. 64—67). О Серапіонѣ писатель говорятъ лишь въ концѣ своего труда, по поводу ночныхъ своихъ видѣній.

Еще меньше связи между отдѣльными статьями, которыя слѣдуютъ послѣ рассказовъ объ игуменѣ Игнатіи и о Серапіонѣ. Въ этихъ случаяхъ писатель и не пробовалъ разъяснять, какое отношеніе могутъ имѣть сдѣланныя вставки къ главному предмету, а указалъ лишь причину, почему онъ занесъ эти рассказы въ свою повѣсть. Такъ, напримѣръ, послѣ рассказовъ о братьяхъ Игнатія: Харлампіи, Памфилѣ, Мартирії и объ ихъ отцѣ Филаретѣ (л. 51 об.—56 об.), онъ замѣчаетъ: „мнѣ ж оубо, писателю сущоу повѣсти, не гѣпо минути есть, не вмѣстивше в словесное пространство и в бремяне мльчанія тацѣхъ(ъ) мужъ(ъ) жителства и достойныхъ(ъ) незабвенія свѣта и бжественая памяти. Нынѣ же пач(е) съвращу слово на подлежащую ми повѣсть престыя аллугія“ (л. 56 об.). Въ большинствѣ же случаевъ онъ не дѣлаетъ даже и такихъ объясненій, связываетъ рассказы чисто внѣшнимъ способомъ, при помощи такихъ выраженій, какъ, напр.: „таже и ино сказаніе“, „таж и инъ трудъ и ино подвизаніе стго з братею“, „ино сказаніе трудовыхъ(ъ) плодовъ воздѣланъ плодъ“ и т. п. (л. 67 об., 95, 94). Наконецъ, въ рассказѣ о новгородскомъ священникѣ писатель, не дѣлая никакихъ разъясненій, просто лишь говоритъ: „сиде же оубо мало повоснѣхъ здѣся въ повѣсти сіи и оудръжахъ медлянѣмъ слово о бывшемъ во мнѣ явленіи стго“ (л. 99 об.).

Приведенная выше замѣтка изъ описанія чуда надъ Конономъ свидѣтельствуетъ, что писатель самъ сознавалъ недочеты въ нѣкоторыхъ рассказахъ и исправлялъ ихъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ: „тамо пач(е) нечто мало не исправих..., и сего ради здѣся паче исполних исправленія мѣре и поставих въ ряду бываемое сиде“. Дѣйствительно, въ житіи это чудо описано обстоятельно. Изъ другой замѣтки біографа видимъ, что онъ сознавалъ и неудобства такого беспорядочнаго расположенія рассказовъ и даже ясно представлялъ способъ, благодаря которому можно было бы устранить этотъ недостатокъ. Именно, послѣ біографической замѣтки о Памфилѣ онъ говоритъ: „о нихъ же (т. е. о братьяхъ—инокахъ) ми есть еще слово впереди лежаще, и хошу свазати, егда прійдутъ в рядъ повѣсти и тогда помяну трудолюбное ихъ и уское путіи скорбное теченіе произволенію ихъ(ъ). Нынѣ же граду путь повѣстію и не съвращу слова съ теченія исвомого“ (л. 52 об.—53). На самомъ дѣлѣ писатель нигдѣ больше не говоритъ объ этихъ инокахъ и, несмотря на обѣщаніе не возвращать слова съ теченія исвомаго, сейчасъ же начинаетъ совершенно не относящіяся къ его предмету рассказы о Мартирії и Филаретѣ. Отсюда, при чтеніи житія, всѣ эти рассказы, не поставленные „въ рядъ повѣсти“, представляются вставками, нарушающими контекстъ рѣчи, дѣлающими нестройнымъ изложеніе главнаго предмета. Послѣднему они такъ же вредятъ, какъ вредятъ въ болѣе обработанныхъ въ литературномъ отношеніи

житіяхъ историческому разсказу о подвижникѣхъ выписки и общія мѣста, взятая изъ стороннихъ литературныхъ источниковъ. Видно, что писатель вносилъ эти разсказы изъ готовыхъ записей, не заботясь о литературной ихъ обработкѣ.

Въ подготовительной работѣ писателя можно наблюдать немало недочетовъ по вопросамъ очень важнымъ. Такъ, въ житіи вовсе нѣтъ сообщеній о раннемъ періодѣ жизни преподобнаго, до устройства имъ Елеазаровскаго монастыря, равнымъ образомъ нѣтъ точныхъ хронологическихъ датъ ни о посвѣщеніи Евфросиномъ Востока, ни о его смерти. Первый пропускъ можно объяснить тѣмъ, что ранній, — дѣтскій и юношескій, періодъ жизни преподобнаго не могъ имѣть особаго значенія для писателя, такъ какъ онъ интересовался Евфросиномъ, главнымъ образомъ, какъ защитникомъ сугубой аллилуіи, а не какъ подвижникомъ-монахомъ. Поэтому историческую часть своего сочиненія онъ и начинаетъ прямо повѣстію споровъ, о событіяхъ же предшествующаго времени дѣлаетъ лишь случайныя замѣтки въ срединѣ и въ концѣ этой повѣсти. Но кромѣ того была и другая причина указанныхъ пропусковъ: неосвѣдомленность писателя. Насколько мало или, по крайней мѣрѣ, насколько недостаточно ознакомился писатель съ раннимъ періодомъ жизни Евфросина, можно видѣть изъ того, что онъ принялся за составленіе повѣсти, вовсе не имѣя точныхъ свѣдѣній о начальной исторіи Елеазаровской обители. Только послѣ ночныхъ видѣній онъ обратился съ своими вопросами къ Памфилу о Серапіонѣ: „яко обрѣтете ли въ дни стго сичевъ черноризецъ и въ пьрвыхъ прииде ли жити къ придбному?“ (л. 90 об.). Только теперь онъ собрался внимательнѣе разсмотрѣть и образъ преподобнаго, стоявшій на его гробницѣ (л. 89). Эти авторскія сообщенія, помѣщенные въ описаніи явленій Евфросина и Серапіона, стоятъ въ противорѣчій съ начальными строками этого описанія. Тамъ мы читаемъ: „егда прьвое вначалѣ, егда наченшу ми писати яз(е) по ряду житъе приѣмаг(о), како родися от(ъ) влгчѣтѣу родителу и како въспитанъ быс(тъ) в добре наказаніи“... и т. д. (л. 86 и об.). Изъ этихъ словъ слѣдовало бы заключить, что писателю не только не было чуждо намѣреніе писать полную, „по ряду“, біографію святаго, но что онъ даже пробовалъ писать ее по такому общежитіиному плану. И, по его словамъ, затрудненіе онъ встрѣтилъ не въ этой—біографической части, а при разъясненіи самой тайны сугубой аллилуіи, безъ откровенія которой вся біографическая часть теряла, по взгляду писателя, свой смыслъ и значеніе. „Сиче ж,— продолжаетъ писатель,—егда приѣдох(ъ) словом(ъ) к повести оной, како ходил(ъ) бѣ въ юности своей премудрый елиозарь къ царюграду на въспросъ к патриарху прстго ради и бжственаг(о) аллугія и тои жъ паче двоити повеле ему..., но паче и сичевая мыслити начах(ъ), тѣи аще не извращу о тайнѣ искомаг(о), тѣи оуже паче сего ради житъе стго не имат(ъ) мноу съвршитис(ъ)“ (л. 87 и об.). Представлятъ, чтобы писатель дѣйствительно написалъ біографію преподобнаго, начиная съ его дѣтскаго возраста и ованчивая путешествіемъ въ Константинополь, а затѣмъ напи-

саль новое сочиненіе, опустивъ въ немъ всю первую біографическую часть,—едва ли возможно. Какъ уже замѣчено, его трудъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, не есть одно лишь изложеніе споровъ изъ-за сугубой аллилуіи; въ его содержаніе внесено много постороннихъ, не имѣющихъ существеннаго отношенія къ дѣлу, разсказовъ. Основываясь на словахъ самого біографа, можно даже сдѣлать выводъ, что разказы о Серапіонѣ и о событіяхъ первоначальной жизни Елеазаровской обители внесены позднѣе, ихъ не было въ первомъ (предполагаемомъ) опытѣ біографіи. Отсюда представляется совершенно пемыслимымъ, чтобы при переработкѣ своего сочиненія писатель, оставивъ всѣ сторонніе разказы и даже пополнивъ ихъ новыми, опустилъ лишь разѣ помѣщенныя у него сообщенія относительно того: „како родися (преп. Евфросинъ) отъ(ъ) благочестиву родителю и како въспитанъ быс(ть) в добре наказаніи и как(о) возрасте в чистотѣ и цѣломудріи в свѣршена мужа“. Сообщенія объ этомъ во всякомъ случаѣ болѣе относились бы къ его темѣ, чѣмъ разказы объ ученикахъ преподобнаго или о случайномъ посѣтителѣ Елеазаровскаго монастыря—новгородскомъ священникѣ. Очевидно, что слова: „пръвое вначалѣ, егда наченшу ми писати“..., нужно относить точно также къ подготовительной работѣ, когда авторъ, собравъ матеріалы, рѣшилъ сѣсть за составленіе по нимъ житія и началъ свою работу съ пересмотра черновыхъ записей. Невозможно, затѣмъ, представлять, чтобы онъ написалъ цѣлыя части житія и только въ срединѣ работы замѣтилъ свое полное невѣдѣніе о тайнѣ аллилуіи. Что для раскрытія этой тайны у него нѣтъ данныхъ въ біографіи святаго, писатель могъ это ясно понять и раньше, изъ разсказовъ учениковъ преподобнаго, передававшихъ ему, что по словамъ Евфросина тайна аллилуіи недоступна человѣческому уму. Словомъ, приведенныя выше слова поставлены писателемъ не на мѣстѣ. Но помѣщеніе ихъ именно здѣсь становится понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, какое значеніе имѣютъ описанія ночныхъ видѣній въ этомъ полемическомъ сочиненіи. Они представляютъ собою не только заключеніе къ труду писателя, но и основную его часть, безъ которой писателю не было смысла выпускать въ свѣтъ свою работу. Ниже подробнѣе будетъ объяснено отношеніе этихъ описаній къ предыдущему содержанію житія, поэтому теперь ограничимся краткими замѣчаніями.

Для писателя, несомнѣнно, ясно было, что какъ бы хорошо ни была изложена имъ исторія споровъ преподобнаго съ его противниками, какъ бы ясно ни была доказана на жизни святаго общая мысль о превосходствѣ въ благочестіи защитниковъ двоенія надъ ихъ противниками,—онъ этимъ путемъ не можетъ еще выполнить поставленной имъ задачи: убѣдить въ превосходствѣ самой сугубой аллилуіи надъ трегубою. Съ „добродѣтельнымъ житіемъ“ псковскаго подвижника хорошо былъ знакомъ архіепископъ Геннадій и однако вовсе не нашелъ возможнымъ признать исключительную правильность за сугубой аллилуіей. Въ приведенныхъ словахъ писатель и самъ сознаетъ, что въ житіи Евфросина нѣтъ отвѣта на главный вопросъ. Но онъ очевидно хорошо запомнилъ слова препо-

добнаго, что тайну аллилуйи, недоступную человѣческому пониманію, можетъ открыть Богъ. Далѣе, со словъ Евфросина, онъ разъясняетъ мысль о современности отверженія этой тайны и дѣйствительно открываетъ эту тайну въ описаніи явленія Богоматери. Все изложенное писателемъ на л. 86—90 нужно отсюда разсматривать, какъ предисловіе къ описанію явленія Богоматери, къ которому авторъ приступалъ очень осторожно, стараясь показаться читателю вполне искреннимъ и правдивымъ. Для характеристики же начальныхъ работъ писателя приведенныя строки не имѣютъ никакого значенія. Нѣтъ основаній думать, чтобы послѣ явленія Богоматери писатель заново, по другому уже плану, написалъ житіе Евфросина. Оставляя поэтому въ сторонѣ эти начальныя строки описанія ночныхъ видѣній и основываясь на содержаніи предшествующей имъ части житія, мы можемъ сдѣлать о работахъ писателя въ бытность его въ Елеазаровскомъ монастырѣ лишь слѣдующіе выводы. Здѣсь онъ собиралъ матеріалы для своей работы; разспрашивалъ игумена Памфила и другихъ, вѣроятно, монаховъ и если не все, то многое записывалъ, частію подробно: „дострочно“, частію не совсѣмъ полно, по небрежности,—какъ самъ онъ говорить,—не дострочно испытую сказателя. Здѣсь же онъ могъ воспользоваться и письменными источниками: посланіемъ къ Евфросину архіепископа Евѣимія, посланіемъ самого Евфросина къ троицкому духовенству, описаніемъ чудесъ надъ Закхеемъ, быть можетъ, навонецъ, и письменнымъ изложеніемъ „о добродѣтельномъ житіи блаженнаго отца и о чудесѣхъ, при животѣ его бывшихъ“,—если только существовалъ таковой памятникъ. Изъ послѣдняго онъ могъ заимствовать и запись чуда надъ Конономъ, которое именно и относится къ разряду чудесъ, „при животѣ Евфросина бывшихъ“. Такимъ образомъ сдѣлалась бы для насъ понятною замѣтка, помѣщенная въ концѣ описанія этого чуда: „не побрегохъ-бо, до строчно испытую сказателя“.

По словамъ писателя, помѣщеннымъ въ предисловіи къ описанію явленія Евфросина, въ монастырѣ же онъ началъ и самое составленіе житія, когда еще не обо всемъ разспросилъ елеазаровскаго игумена. Свои первыя попытки онъ характеризуетъ слѣдующими образными выраженіями. Долго размышлялъ онъ, какъ приступить къ описанію тайны аллилуйи: „и множицею покушахся поставити в ряду слово о вещи, то пач(е) сиче никако ж возмогох(ъ) моимъ промысломъ сътворити каково любо что сичево на успѣхъ любомудрію“; „оумное ми пареніе души моеа не дѣйствует(ъ), слово мое не вяжется..., и дхвное злато не точится и не плететь ми ся“ (л. 87 и об.). Приходило на мысль уже совсѣмъ бросить работу, разъ не удастся разрѣшить самаго главнаго вопроса. „И сиче смыслях(ъ) и не домыслих(ъ) и того ради възвратихся помысломъ не вршити житья преподобнаго“ (л. 100, ср. л. 87). Сопоставляя эти слова съ приведенными ранѣе, мы получаемъ слѣдующій смыслъ. Біографія Евфросина и исторія споровъ изъ-за аллилуйи были изложены писателемъ еще въ монастырѣ. Такъ ли это было и въ дѣйствительности,—трудно сказать; но, какъ замѣчено выше, къ этимъ словамъ писателя нужно относиться съ осторожностію.

Уже собственные его замѣтки, имѣющія въ виду пояснить читателю существованіе въ Псковѣ пяти соборовъ и трехсвятительскаго храма въ Елеазаровскомъ монастырѣ, побуждаютъ сдѣлать выводъ, что въ окончательномъ своемъ видѣ разсматриваемый нами памятникъ явился не въ Елеазаровской обители. За послѣднее предположеніе говорить и наличность ошибокъ, сдѣланныхъ, напримѣръ, въ опредѣленіи имени архіепископа, посвятившаго Игнатія во священника, и въ хронологіи начала споровъ изъ-за аллилуйи. Такія описки несомнѣнно были бы исправлены Памфиломъ, если бы житіе было закончено въ монастырѣ. Затѣмъ, по собственному признанію писателя, работа его была очень трудная и велась имъ медленно. Въ научной литературѣ о житіяхъ святыхъ не выясненъ вопросъ, какъ много времени посвящали составители житій на свою работу. Послѣднее зависѣло отъ многихъ причинъ: отъ личныхъ качествъ біографа, отъ достоинства матеріаловъ, которые онъ имѣлъ подъ руками, и отъ задачи, которая преслѣдовалась составителемъ житія при обработкѣ письменныхъ матеріаловъ. Пресвитеръ Василій,—писатель съ средними способностями, но достаточно знакомый съ лучшими образцами агиографической литературы,—написалъ вторую редакцію Евфросінова житія очень скоро,—какъ думаютъ, за одинъ съ небольшимъ годъ. Это объясняется тѣмъ, что у Василія былъ довольно обстоятельный письменный источникъ, которому онъ въ большинствѣ случаевъ строго слѣдовалъ; онъ былъ такимъ образомъ въ полномъ смыслѣ писателемъ, а не сочинителемъ житія. Даровитый біографъ преп. Сергія—Епифаній за одною лишь подготовительною работою провелъ, по собственному его признанію, 20 лѣтъ. Затѣмъ, и самый умѣлый составитель житій, Пахомій Сербъ, не слишкомъ скоро велъ работу въ тѣхъ случаяхъ, когда она не ограничивалась простымъ лишь сокращеніемъ ранѣ написаннаго или украшеніемъ простой рѣчи источника „добрословіемъ“. По предположенію преосв. Макарія, составленіе житія преп. Кирилла Бѣлоозерскаго заняло нѣсколько лѣтъ (1462—72 г.), въ продолженіе которыхъ не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ литературной дѣятельности Пахомія¹⁾. Даже передѣлка Епифаніева житія, памятника и въ историческомъ и въ литературномъ отношеніи весьма хорошаго, была произведена Пахоміемъ не вдругъ, а въ два приема, изъ которыхъ первый въ свою очередь можетъ быть названъ подготовительною, черною работою²⁾. Наконецъ, при опредѣленіи количества времени, которое посвящалось на написаніе житія, почти всегда памятника по объему обширнаго, не слѣдуетъ забывать и тѣхъ чисто внѣшнихъ трудностей, которыя приходилось преодолевать писателю не какъ автору сочиненія, а просто какъ переписчику. Процессъ переписки въ древней Руси представлялъ собою работу утомительную, на которую требовалось не мало времени и усидчиваго труда. По замѣчанію одного переписчика, за списываніемъ книги октоиха, въ 260 листовъ, въ два

¹⁾ Ист. рус. ц., т. VII, 1891 г., стр. 139.

²⁾ Ключевскій, Др. рус. ж., стр. 115.

столбца на страницѣ, онъ провелъ цѣлыхъ полгода¹⁾. Въ большинствѣ же случаевъ переписчики, не опредѣляя точно времени, потраченнаго на работу, ограничивались лишь общими замѣтками о своей радости по поводу ея окончанія. И эти образныя замѣчанія хорошо характеризуютъ трудность дѣла. Вотъ для примѣра два образца: „яко же отрѣшается воля отъ ярма, такъ писатель, книги кончавъ“, или: „какъ радъ заецъ ись теньята ся вывалиль, такъ и язъ грѣшный радъ, сію книгу списавъ“²⁾.

О личности перваго біографа преп. Евфросина можно лишь сказать, что онъ не былъ умѣлымъ и тѣмъ болѣе опытнымъ сочинителемъ. Изъ его труда не видно даже, чтобы онъ былъ человѣкомъ начитаннымъ въ той области древнерусской письменности, въ которой относится его работа. Условія для написанія житія точно также нельзя признать вполне благоприятными. Правда, въ лицѣ Памфила и другихъ елсазаровскихъ монаховъ писатель имѣлъ надежныхъ и свѣдущихъ руководителей, но зато самъ онъ былъ человѣкомъ пришлымъ, не имѣлъ дотолѣ нивакихъ точныхъ свѣдѣній о преподаваемомъ; ему обо всемъ нужно было обращаться съ разспросами къ другимъ. Помимо трудности главнаго предмета его сочиненія, и самая постановка дѣла являлась не совсѣмъ современною,—разъ архіеп. Геннадій держался противоположныхъ взглядовъ. Изложить сущность вопроса объ аллилуйи нужно, значить, было со всею обстоятельностью, тѣмъ болѣе, что существовали и письменные памятники, представлявшіе собою критику доказательствъ, приводимыхъ защитниками двоенія. Отсюда, едва ли писатель могъ скоро закончить свою работу. Вѣрнѣе думать, что она заняла собою не одинъ годъ. Подтверженіе этому можно отчасти находить и въ словахъ самого писателя. По его описанію, преп. Евфросинъ, удерживая Серапіона отъ упрековъ писателю за его недовѣріе, сказалъ: „не дѣй, брате, писателю, понеже и искусенъ есть черноризецъ хочеть быти въ немъ“ (л. 90). Разъ біографъ помѣстилъ эти слова, то несомнѣнно онъ имѣлъ на это право, т. е. въ пору окончательной обработки своего труда онъ уже не былъ неисканнымъ черноризцемъ, а наоборотъ занималъ видное мѣсто въ монастырѣ и могъ и другимъ

¹⁾ Прологъ XVI в., № 101, Виленской пуб. бібліотеки, на 404 листахъ, писанъ былъ въ теченіе 10 слишкомъ мѣсяцевъ: съ 15 апрѣля по 20 февраля. Евангеліе № 45, той же бібліотеки, на 359 листахъ, писано было въ теченіе 7 мѣсяцевъ: съ 5 февраля по 31 августа. Ф. Добрянскій, „Описаніе рукописей Виленской пуб. бібліотеки церковнослав. и русскихъ“, Вильна, 1882 г., стр. 199 и 57.—Въ періодъ до конца XIV в. переписчикъ могъ написать $1\frac{1}{2}$ — $4\frac{1}{2}$ листовъ въ день. Иконниковъ, „Опытъ рус. исторіографіи“, т. I, кн. I, Кіевъ, 1891 г., стр. 99, прим. I.

²⁾ Описаніе слав. рукоп. М. С. 6., отд. III, ч. I, М. 1869 г., стр. 273, 524.—„Яко же радуется женихъ о невестѣ, такъ радуется писецъ, видя последний листъ“ (У Срезневскаго, „Слав. русск. палеографія“, Спб. 1885 г., стр. 155). Болѣе подробныя сравненія: съ рыбою, выскочившею изъ сѣтей, птицею—изъ западни, должникомъ, освободившимся отъ рѣзонипа, холопомъ—отъ государя, см. въ прологѣ XVI в., № 101, Виленской пуб. бібліотеки, „Описаніе“, стр. 200.

казаться почтеннымъ инокомъ. Иначе его слова могли бы показаться читателю ни на чемъ неоснованнымъ самохвальствомъ. Но, какъ указано уже выше, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы писатель житія былъ инокомъ Елеазаровскаго монастыря и чтобы здѣсь именно онъ сдѣлался искуснымъ черноризцемъ. Житіе въ своемъ окончательномъ видѣ появилось, значить, не въ стѣнахъ Елеазаровской обители. Здѣсь были лишь собраны и записаны вчернѣ матеріалы.

Точнѣе рѣшить вопросъ о мѣстѣ написанія житія нѣтъ возможности, за отсутствіемъ въ текстѣ памятнаго какихъ-либо указаній. На этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь предположительно, основываясь на такомъ соображеніи: житіе было написано тамъ, гдѣ для его составленія могли быть болѣе удобныя условія. Самымъ же удобнымъ мѣстомъ для этого, кромѣ Пскова, могъ быть Новгородъ. Здѣсь въ концѣ XV в. вопросъ объ аллилуіи вызвалъ къ себѣ интересъ со стороны тогдашнихъ грамотныхъ людей; здѣсь былъ данъ въ частности и поводъ къ написанію трактата въ защиту двоенія (извѣстнымъ уже посланіемъ Димитрія грека къ арх. Геннадію); здѣсь, наконецъ, могла быть и часть матеріаловъ, нужныхъ для работы. По крайней мѣрѣ, фактъ существованія отрывковъ изъ переписки между Евфросиномъ и архіеп. Евѣміемъ, какъ отдѣльныхъ памятниковъ въ древне-русской письменности XVI в., дѣлаетъ очень вѣроятнымъ предположеніе, что писатель въ Новгородѣ же могъ найти и воспользоваться самымъ подлинникомъ посланія Евфросина; въ то же время онъ могъ хорошо разузнать, почему новгородскій архіепископъ уклонился отъ разрѣшенія спорнаго вопроса. У писателя дѣйствительно и находимъ объясненіе этому въ представленной имъ характеристикѣ Евѣмія, какъ человѣка святаго по жизни, но не имѣвшаго глубокаго „исуса“ въ книжной премудрости, — что требовалось для пониманія таковаго труднаго предмета, какъ тайна сугубой аллилуіи. Въ Новгородѣ знали и о самомъ Евфросинѣ. Еще при жизни его находились люди, — какъ, напр., упоминаемый въ житіи новгородскій священникъ, — которые посѣщали обитель преподобнаго и на своей родинѣ передавали затѣмъ впечатлѣнія отъ личнаго знакомства съ подвижникомъ. Разсказъ о новгородскомъ священникѣ могъ быть написанъ авторомъ житія подъ вліяніемъ такихъ домашнихъ разсказовъ и только лишь дополненъ сообщеніями монастырской братіи объ уставномъ порядкѣ богослуженія въ ихъ обители при Евфросинѣ. Наконецъ, получаютъ свой смыслъ и слова писателя, съ которыми онъ обращается къ Пскову: „земля свободная“, если допустимъ, что ихъ написалъ монахъ-новгородецъ, не забывшій еще о недавней политической свободѣ своей родины.

Изложенныя предварительныя замѣчанія объ исторіи составленія первой редакціи житія преп. Евфросина могутъ, такимъ образомъ, быть представлены въ слѣдующихъ общихъ чертахъ. По своему происхожденію житіе представляетъ собою литературный памятникъ, вызванный не официальнымъ распоряженіемъ высшей церковной власти или монастырскаго начальства, какъ это было съ большинствомъ подобныхъ сочиненій, а

личными соображениями составителя; при чемъ писатель поставилъ себѣ такую практическую цѣль, которая даже и не могла вызвать къ себѣ сочувствія со стороны тогдашней церковной власти. По своему содержанию это—не біографическій, а скорѣе историко-полемическій памятникъ; его правильнѣе называть не житіемъ, а повѣстію о сугубой аллилуіи. Поводомъ къ составленію этой повѣсти были споры изъ-за аллилуіи въ новгородско-псковской епархіи послѣ смерти Евфросина; въ частности, на появленіе повѣсти повлияло разрѣшеніе спорнаго вопроса въ посланіи о трегубой аллилуіи Димитрія грека, взглядъ котораго былъ принятъ и тогдашнимъ новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ. Житіе составлено на основаніи разсказовъ елсазаровскихъ монаховъ, главнымъ образомъ—игумена Памфила. Эти разсказы были собраны авторомъ на мѣстѣ, въ Елсазаровскомъ монастырѣ, и здѣсь же записаны начерно. Въ качествѣ письменныхъ источниковъ авторъ пользовался несомнѣнно: перепискою между Евфросиномъ и архіепископомъ Евѳиміемъ, и вѣроятно: описаніями чудесъ надъ діакономъ Закхеемъ и посланіемъ Евфросина къ троицкому духовенству. Предположительно допуская существованіе ранѣе написанной, по приказанію Геннадія, біографіи преподобнаго „о добродѣтельномъ житіи блаженнаго отца и о чудесѣхъ, при животѣ его бывшихъ“, можно было бы въ свою очередь признать, что писатель пользовался и этимъ памятникомъ, въ частности, что онъ заимствовалъ изъ него описаніе чуда надъ Конономъ. Житіе написано до 1510 г., послѣ мѣстной канонизаціи святаго. Оно написано не псковичемъ по происхожденію, даже и не елсазаровскимъ монахомъ, и въ окончательномъ своемъ видѣ явилось не въ стѣнахъ Елсазаровской обители, а вдали отъ нея, вѣроятно въ какомъ-нибудь изъ новгородскихъ монастырей. Къ этимъ общимъ замѣчаніямъ остается теперь добавить характеристику житія, какъ литературнаго памятника, и сдѣлать оцѣнку его историческаго значенія.

Разсматриваемое въ цѣломъ своемъ видѣ, житіе можетъ быть раздѣлено на предисловіе (л. 1—14), повѣсть споровъ изъ-за аллилуіи (л. 14—86), описаніе явленій писателю Евфросина съ Серапіономъ и Богородицы (л. 86—108) и историко-біографическіе разсказы, не систематически: „ово здѣ, ово индѣ“,—какъ замѣтилъ второй редакторъ,—размѣщенные во второй и третьей частяхъ житія. Въ качествѣ дополненій къ житію служатъ: описанія двухъ чудесъ надъ діакономъ Закхеемъ (л. 108—112) и неоконченный списокъ посланія Евфросина къ духовенству псковскаго троицкаго собора (л. 112—117 об.).

Историко-біографическіе разсказы уже охарактеризованы нами раньше. Въ житіи они расположены такимъ образомъ, что первое мѣсто занимаютъ статьи, имѣющія менѣе важную цѣну для біографіи Евфросина (разсказы объ Игнатіи, его братьяхъ и отцѣ), тогда какъ въ концѣ поставлены разсказы, болѣе относящіяся къ біографіи преподобнаго (о Серапіонѣ, о прихожденіи братіи ко святому, о трудѣхъ блаженнаго Евфросина, о новгородскомъ священникѣ). Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ только статьи объ Игнатіи, Серапіонѣ, о исхожденіи святаго во внутреннюю пустыню и

о черноризцѣ Кононѣ, хоть и внѣшнимъ образомъ, связаны съ главнымъ содержаніемъ. Всѣ же другія статьи вставлены безъ всякой связи съ предыдущимъ. Послѣ умѣстнаго, напримѣръ, разсказа о Серапіонѣ (по поводу его явленія писателю вмѣстѣ съ Евфросиномъ) совершенно неожиданно слѣдуютъ разсказы о приходеніи братія, объ устройствѣ церкви въ монастырѣ, о новгородскомъ священникѣ. Точно также послѣ разсказа объ Игнатіи (по поводу доставленія имъ Евѳимію посланія Евфросина) слѣдуютъ излишніе разсказы о братьяхъ Игнатія и ихъ отцѣ. Вѣроятно, что біографъ переписывалъ эти разсказы изъ черновыхъ записей одинъ за другимъ, какъ они тамъ стояли, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—напр., въ разсказѣ о черноризцѣ Кононѣ,—исправляя недочеты предварительной записи.

Біографіи Евфросина за ранній періодъ его жизни нѣтъ въ житіи, очевидно потому, что, увлекшись преподобнымъ, какъ защитникомъ сугубой аллилуи, писатель вовсе не собралъ свѣдѣній о до-монашеской жизни преподобнаго, точнѣе—до путешествія его въ Константинополь; вслѣдствіе этого онъ не могъ отвѣтить на вопросы: „како родися отъ(ъ) блгчству родителю и како възпитаѣ быс(ть) в добре наказаніи и как(о) възрасте в чистотѣ и цѣломудріи в сѣвршена мужа отъ(ъ) пеленъ своихъ(ъ) въ страсъ кѣи“ (л. 86 об.). Самые вопросы эти поставлены только потому, что по такой рубрикѣ вопросовъ, какъ зналъ писатель, составлялось каждое житіе. Но онъ ограничился лишь перечисленіемъ ихъ, такъ какъ въ черновыхъ записяхъ не было на нихъ отвѣтовъ, а наводитъ справеніи вновь было уже поздно.

Очень кратки свѣдѣнія и о послѣднихъ дняхъ жизни Евфросина. Писатель не оставилъ указаній ни о годѣ и днѣ кончины преподобнаго, ни о числѣ лѣтъ его жизни. Нѣтъ даже и описанія внѣшняго вида подвижника. Отсутствие точныхъ данныхъ объясняется тѣмъ, что въ описаніи кончины преподобнаго писатель преслѣдовалъ одну лишь цѣль—назидательную, для которой точности хронологическія значенія и особаго интереса не имѣютъ. Вообще въ біографической части житія осталось значительное пустое мѣсто, которое предстояло заполнить второму біографу преподобнаго.

Но, несмотря на указанные недочеты, историко-біографическіе разсказы имѣютъ безусловную историческую цѣнность уже потому, что надъ ними, какъ отдѣлами не существенно важными для цѣлей писателя, не было произведено излишней литературной обработки. Въ отличіе отъ другихъ древне-русскихъ житій, содержащихъ обычно полную (по формѣ) біографію святаго, но дающихъ мало свѣдѣній о его сподвижникахъ, разсматриваемая редакція житія преп. Евфросина свои недочеты въ біографіи преподобнаго значительно искупаетъ обстоятельными свѣдѣніями о первыхъ ученикахъ и постриженникахъ Евфросина. Она даетъ такимъ образомъ изслѣдователю цѣнный матеріалъ для изображенія начальной жизни Елеазаровкой обители. Только отсутствие хронологическихъ датъ и неточности въ упоминаніи лицъ, временемъ жизни которыхъ можно

было бы, хотя приблизительно, установить хронологию описываемых событий, понижают порою цѣнность такихъ свѣдѣній. Руководясь исключительно указаніями писателя, при изложеніи начальныхъ событий елсазаровской жизни получимъ обстоятельный разсказъ, но безъ хронологическихъ датъ.

Свое значеніе имѣютъ и приложенія къ житію: описанія чудесъ надъ Захеемъ и „посланіе сто ефросима къ събору стѣя (троицы)“. Самъ писатель устанавливаетъ связь между описаніями чудесъ и предыдущимъ разсказомъ о явленіи ему Богоматери (л. 108). Но не имѣетъ связи съ житіемъ посланіе Евфросина, и подлинность этого памятника даже не подтверждается предыдущимъ содержаніемъ житія, такъ какъ въ исторіи споровъ нѣтъ указаній, чтобы Евфросинъ письмененно оправдывалъ себя передъ псковскимъ духовенствомъ. Впрочемъ подлинность этого памятника не отрицается изслѣдователями; и принимая во вниманіе особое положеніе „предняго“ псковскаго собора, представлявшаго собою въ нѣкоторомъ родѣ главную церковную власть въ псковской области, вполне возможно признать фактъ обращенія къ троицкому духовенству Евфросина. Изъ начальныхъ словъ посланія: „Гдѣи нашей, священникомъ събору стѣя трца и прочимъ всему священническому чину“ (л. 112), слѣдуетъ заключить, что оно было написано не для одного лишь троицкаго духовенства, но и для священническаго чина прочихъ трехъ соборовъ. Посланіе это хронологически, очевидно, предшествовало посланію къ архіепископу Евѳимію, явилось результатомъ жалобы Іова на Евфросина „пятма соборомъ“ псковскимъ. Не внесенное въ самый текстъ повѣсти споровъ, оно можетъ служить доказательствомъ, что и въ спеціальной части своего труда писатель допустилъ недочеты, что онъ представилъ вѣшнюю исторію споровъ не съ тою полнотою, какъ это можно было бы ему сдѣлать на основаніи имѣвшихся у него матеріаловъ.

Менѣе важную въ историческомъ отношеніи часть житія представляетъ собою предисловіе, въ которомъ авторъ пытается раскрыть догматическій смыслъ сугубой аллилуіи, характеризуетъ современные ему споры изъ-за нея и отмѣчаетъ практическую цѣль своей работы. Только характеристика споровъ имѣетъ свой интересъ, такъ какъ она показываетъ, что послѣ кончины преп. Евфросина споры изъ-за аллилуіи не только не прекратились, но даже получили болѣе широкое развитіе. По отъѣзду писателя, вражда между представителями двухъ различныхъ взглядовъ доходила до того, что они уворяли другъ друга въ ереси и въ утратѣ христіанскаго благочестія¹⁾. Прекратить этотъ великій расколъ,

¹⁾ „Тяшкою бурєю на два чина разтрѣгшеса, прею разгласія раздѣлишас(ь), двоашеи св. ал. ти зазирают(ь) со укоризною на троящих(ь) стаа аллугіа, а троашеи св. ал. ти тако ж разизаю(ь) сидевою ж укоризною, мѣвьяше на двоаших(ь) св. ал., двоашеи стѣю и неразлучную безсмертнующую аллугіа пѣс(нь) ти троящим(ь) поношают(ь) глѣше, яко запеншимся ересью и отпадше от(ь) высоты блгчестья въ глубину на стремлину нечестія отриновени быша; а

тяжкую бурю разногласій, и составляло задачу автора, сторонника двоенія¹⁾. Разсужденія его о догматическомъ смыслѣ сугубой аллилуіи не отличаются отчетливостію и послѣдовательностію и не доказываютъ превосходства сугубой аллилуіи надъ трегубою. Ихъ интересъ со стороны исторической ограничивается лишь тѣмъ, что они знакомятъ насъ съ общимъ направленіемъ въ развитіи тогдашней богословской мысли, хотя и не свидѣтельствуютъ объ общемъ уровнѣ этого развитія, такъ какъ въ лицѣ перваго писателя мы имѣемъ богослова, даже въ сравненіи съ его современниками, совсѣмъ не высокаго качества.

Большее историческое значеніе, по сравненію съ введеніемъ, имѣетъ самая повѣсть споровъ Евфросина съ его противниками. И въ этой части много сочинительства и еще больше ненужныхъ словъ; есть и ошибки въ хронологіи событій. Особенно пристрастна характеристика противниковъ преподобнаго и приемовъ ихъ полемики. Тѣмъ не менѣе повѣсть интересна какъ со стороны постановки вопроса, такъ и частностями своего изложенія.

Списатель понималъ, что вопросъ о сугубой аллилуіи для того времени имѣлъ не только теоретическое значеніе, но и практическое, жизненное; это не только вопросъ разсудочной вѣры, но и предметъ христіанскаго благочестія. Повѣсть споровъ и разъясняетъ этотъ предметъ съ послѣдней стороны, раскрывая ранѣ поставленный тезисъ: „когда паче двоащєи предѣ троащєи пр. алл. и блгчєстїємъ предѣ бгомъ“ (л. 11 об.). Отвѣчая на этотъ вопросъ, писатель вмѣсто отвѣченныхъ разсужденій излагаетъ исторію спора Евфросина съ Іовомъ и одновременно съ этимъ даетъ характеристики какъ защитника сугубой аллилуіи, такъ и его противника. Защитникъ этой великой тайны благочестія—строгий, святой подвижникъ, вся жизнь котораго оправдывала его дѣйствія. Его противникъ—разстрига-попъ, человекъ гордый умомъ, но не высокій по нравственнымъ качествамъ. Силѣ нравственнаго авторитета Евфросина онъ противопоставляетъ силу внѣшнюю: подбираетъ себѣ подходящихъ помощниковъ, вмѣстѣ съ ними „куетъ клеветы“ на преподобнаго и возбуждаетъ противъ него несвѣдущихъ простыхъ людей. Несмотря на свою философскую кичливость, противники преподобнаго на самомъ дѣлѣ оказались, по словамъ писателя, людьми очень невѣжественными; на большую часть предложенныхъ Евфросиномъ вопросовъ они не могли дать отвѣта: „умолчаху, не вѣдуще, чимъ отвѣщати стому“. Но вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ была правда, всего лучше разрѣшала

троащєи стѣю и животворящую присноживотныя и неразлучныя аллугїа гѣс(нь) ти елма тако ж равнорнымъ(ъ) нечєстїємъ(ъ) тако ж поношають имъ(ъ) и съкрушають(ъ) ихъ(ъ) досадами, яко повиненъ (sic!) нечєстїю и всущєй ерєси. Оле, едіна вѣра, а на два чїна, яко тужди, не сѣглашаются“ (л. 10 и об.).

1) „Паче къ блгчєстїю възвышаю къ бжствєному оувѣдѣнїю прѣтѣмъ аллугїа, глше сїце, да сєго ради умлѣкнути въ васъ, къ єдинєнїа вашєг(о) согласїа, буи студєнїи вѣтри, помысла тишина уставїтєся“ (л. 13).

смерть спорившихъ, и особенно—Иова. Въ глубокой старости, благочестно предавъ въ руки Божіи свою блаженную душу Толвскій подвижникъ, на землѣ подготовивъ себя къ блаженству жизни безсмертной. По выраженію писателя: „честною смертію изыде, легко и дивно, блжная дша изъ бготруднаго тѣлеси..., досточодно и тихомирно, праведнически, вземъ часть свѣта и жизни безсмертіа, причастивъ себя тѣла и крови ꙗ ншг(с) I. X., и на будущюю жизнь и неглѣніе превзыдѣ храборьски“ (л. 71 и об.). Умеръ и противникъ преподобнаго. Онъ жилъ неблагочестиво: „погрязе во тмылѣ“ (л. 15), и смерть соотвѣтствовала его жизни. „Начать болѣти не человекьски“ (л. 72), „злѣ скончася“ въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ,—замѣчаетъ писатель о смерти Иова; „съ великою нужею испустис(ь) дша его исъ тѣлеси ему“ (л. 84). Братія не могла даже исполнить, какъ слѣдуетъ, послѣдняго долга къ умершему: „нестерпимыя ради вони и лютаго (отъ него) злосмрадіа“, подходила къ его смертному одру: „ноздри обоняніе свое попремногу заемлюще“ (л. 84 об.). Эти страданія при концѣ жизни прямо свидѣтельствовали, что и за гробомъ Иова ожидали осужденіе и вѣчныя муки.

Нарисовавъ такую картину, автору оставалось лишь добавить къ ней назиданіе для читателя, чтобы послѣднему было яснѣе ея значеніе. Это онъ и дѣлаетъ въ началѣ своего описанія и въ концѣ. „Видисте же паче обои боренія, видисте обоихъ виновное и правое... Видисте прпдбнаг(о) пресвѣтлое начало и свѣтоносное житіе и дивенъ конецъ преставленію его и чуденъ исходъ бголюбивыа дша его, таж видѣсте начало и житіе и конецъ Іеву столпу“ (л. 85); „блюдите ж вѣдуше, а не творящеи внемлете, да не когда възярятся гдѣ гнѣвомъ своимъ и послеть такоже люту казнь безъ испѣленія на ругающая имени его, якоже иногда на Іева столпа“ (л. 20); „аще ли не накажете себѣ так(о) от(ъ) бгоизвѣщенныа сеа вещи, ту ж паче спаситесь сами прочее, да не когда и вы таковая ж простражете, яко ж и онъ (Іовъ) иногда“ (л. 20 об.).

Литературный приѣмъ автора нужно признать довольно удачнымъ. Разсужденія его во введеніи, очень неясныя, если и могли имѣть значеніе, то исключительно для людей книжныхъ; простой же читатель могъ быть вполне удовлетворенъ самыми разсказами объ Евфросинѣ и Іовѣ. Отвлеченная идея становилась болѣе доступною для его пониманія, будучи облечена въ такіе конкретные образы. Отсюда, писатель, при условіи исторической правильности своихъ описаній, могъ разсчитывать, что читатель его повѣсти станетъ на сторону защитниковъ двоенія, подъ авторитетъ житійнаго Евфросина. Но указанное условіе не было выполнено авторомъ. Онъ преслѣдовалъ цѣли назидательно-полемическія, для которыхъ точность историческая не всегда выгодна, а въ данномъ случаѣ она была бы и совсѣмъ вредна. Наличие другихъ извѣстій о псковскомъ спорѣ, заключающихся въ посланіи къ етитору Аванасію, заставляетъ относиться къ сообщеніямъ повѣсти объ аллилуіи съ большою осторожностью.

Но, несмотря на тенденціозность этой части житія, нужно признать, что личные взгляды Евфросина на сугубую аллилуію въ описаніи бесѣды

его съ посланниками Иова переданы точно. С писатель изложилъ эту бесѣду такъ, какъ слышалъ отъ очевидцевъ—игумена Памфила и другихъ елсазровскихъ монаховъ. Онъ ничего не привнесъ здѣсь отъ себя, хотя и удобно было приписать преподобному часть толкованій аллилуи, которыя ниже, въ описаніи явленій, выданы за откровеніе Богоматери. Этою частію повѣсти споровъ, едва ли не самую главною, можно пользоваться, какъ историческимъ источникомъ довольно точнымъ.

Въ житіи нѣтъ полной біографіи святаго, но зато есть общая характеристика личности Евфросина и какъ подвижника, и какъ защитника сугубой аллилуи. Въ первой своей части характеристика эта кратка. Такъ, въ статьѣ: „о трудѣхъ блажен. ефросима“ писатель замѣчаетъ: „бѣ бо сице и самъ ефросимъ неусыпаемъ трудникъ и во всякомъ дѣлѣ образъ бываше“ (л. 95). Въ повѣсти споровъ онъ говоритъ о высокихъ умственныхъ дарованіяхъ подвижника и о его познаніяхъ въ божественномъ писаніи¹⁾. Эта часть характеристики—вполнѣ вѣрная, хотя она и сдѣлана писателемъ мимоходомъ, кратко. Подробнѣе онъ останавливается на характеристикѣ Евфросина, какъ защитника сугубой аллилуи. С писатель сравниваетъ преподобнаго съ знаменитѣйшими изъ св. отцевъ церкви, даже готовъ видѣть превосходство надъ ними Евфросина, такъ какъ онъ печаловался о такомъ вопросѣ, который не занималъ собою никого изъ св. отцевъ, не былъ разсмотрѣнъ ими ни на одномъ изъ соборовъ. „А еже о пресв. тайнѣ бжтвеннаго аллугіа, то паче явѣ ни единъ отъ сихъ вселенскихъ съборъ не приникъ къ тайнѣ сѣа мудрствовать“ (л. 76). По ревности въ защитѣ сугубой аллилуи Евфросинъ сопоставляется съ Златоустомъ и пророкомъ Иліею (л. 74, 77 об., 81). Твердость убѣжденій Евфросина писатель характеризуетъ слѣдующими словами: „не токмо ж словомъ не пременис(а) от(ъ) оудвоеніа на оутроеніе пр. ал., но и мыслию паче никако ж блужаше троити вещь исвома“ (л. 74 об.—75),—хотя, нужно сказать, эта замѣтка не совсѣмъ согласуется съ ранѣе сдѣланною характеристикою душевнаго настроенія Евфросина, какъ оно отразилось въ его молитвѣ къ Богоматери. Эта вторая часть характеристики, помѣщенная непосредственно за описаніемъ смерти Иова, по своему повышенному тону представляетъ собою нѣчто въ родѣ похвальнаго слова защитнику двоенія. Но оно не выдѣлено „въ рядъ“, поставлено немного раньше, чѣмъ слѣдовало бы по обще-житіиному плану. Это замѣтилъ и самъ писатель, какъ видно изъ его словъ по поводу сравненія Евфросина съ пророкомъ Иліею: „и есть еще предлежитъ паче впреди слово о вещи и въ раду исвомое; а еже вспомянухъ велиаго знаменосца въ пррцѣхъ Илью, вспомянухъ бо его не бездѣлно, паче въ притчу знаменія ради бжіа“ (л. 81). Въ „рядѣ“, т. е. въ

¹⁾ „Слышаху бо о немъ (Иовъ и его товарищи) и вѣдаху пач(е) зѣло, яко такожъ силенъ книгами и мнози бжтвеннаа глубины и недоведомыхъ и довѣдомыхъ вещей и утаемнаа тайны откровеніемъ ему сѣго дха глубокоу премудрость въ устѣхъ своихъ носить“ (л. 22 и об.).

похвальное слово, перенесъ часть изъ этихъ разсужденій перваго біографа уже его продолжатель—пресвитеръ Василій.

Описаніе явленій Евфросина съ Серапіономъ и Богоматери можно разсматривать, какъ заключеніе повѣсти о сугубой аллилуіи, которое для автора представляло собою самую важную часть его труда. Конечно, излишне было бы въ этомъ описаніи искать фактическихъ данныхъ для исторіи споровъ изъ-за аллилуіи Евфросина съ псковичами. С писатель самъ характеризуетъ достоинство этихъ своихъ сообщеній, когда говоритъ, что они плодъ его сонныхъ мечтаній, что онъ находился въ это время: „въ иступленіи оума съннаго ради въздреманія тягости“ (л. 88). Въ историко-полемиической литературѣ съ достаточною полнотою разобрана эта часть работы писателя и вполне правильно оцѣнена, какъ выдумка, не заслуживающая вниманія. Ошибка сдѣлана лишь въ томъ, что выдумка эта приписана Василию старавшемуся, будто бы, прикрыться именемъ своего предшественника. На самомъ дѣлѣ вина падаетъ всецѣло на перваго писателя.

Между описаніемъ явленія Богоматери и предыдущимъ содержаніемъ повѣсти можно установить нѣкоторую связь. Именно, разсказъ объ этомъ явленіи близко стоитъ къ содержанію равнѣ изложенной молитвы преподобнаго въ Богоматери, послѣ полученія отвѣтнаго посланія архіен. Евѳимія. Замѣчанія писателя, сопровождающія изложеніе этой молитвы, даютъ возможность точнѣе установить это взаимоотношеніе. Не получивъ отъ архіепископа поддержки, Евфросинъ почувствовалъ себя одиновимъ; не откуда было ждать ни утѣшенія въ печаляхъ, ни помощи противъ Іова и его сторонниковъ. Непрязнь къ преподобному еще болѣе развилась, такъ какъ о безрезультатности его аппеляціи къ Евѳимію его противники, конечно, легко могли узнать. Особенно смущало Евфросина обвиненіе его въ ереси: „въ ерѣтическомъ жребіи причитаемъ есмь отъ(ъ) врагъ моихъ“ (л. 62 об.). Въ молитвѣ къ Богоматери онъ и проситъ разрѣшить его печаль: наказать его для вразумленія другихъ, если онъ неправильно мудрствуетъ объ аллилуіи, или же вразумить его противниковъ. „О мати владычица, открий крѣпость дерзновенія твоего великія тайны“ „аще ли не бгволиши явити ты млсти гсдня, ты оуж и до исхода дша моя отъ(ъ) тѣлеси въ сѣтованіи поживу“ (л. 62 и об.). И не одинъ разъ,—замѣчаетъ писатель,—молился такъ преподобный, но всегда—и во время отдыха, и за руководльемъ, и въ часъ церковной молитвы: „стена сердцемъ и хлицаше дшою о искомѣй вещи“ (л. 63). Скорбь о ней увеличивала болѣзни и ускорила кончину преподобнаго. Такъ и умеръ онъ, не увѣренный свыше, чудесно, въ правотѣ своего подвига. Но вотъ прошло около 20 лѣтъ со дня кончины преподобнаго. За этотъ небольшой сравнительно промежутокъ времени многое, однако, успѣло измѣниться. Въ обители Евфросина, надъ его гробомъ, совершались чудеса; но и не только въ обители, а и „вдалѣ обители“ совершались они надъ тѣми, кто съ вѣрою призывалъ святаго. По вѣрѣ къ преподобному, вскорѣ послѣ его кончины его ученикъ и постриженникъ—игуменъ Памфилъ,

съ благословенія архіеп. Геннадія, удостоился открыть церковное празднованіе своему учителю. Не измѣнилось только положеніе главнаго вопроса: споры изъ-за аллилуи не прекратились, и, какъ и въ пору Евфросина, отъ церковной власти нельзя было ожидать разрѣшенія спорнаго вопроса въ благопріятномъ смыслѣ. Архіеп. Геннадій еще менѣе, чѣмъ архіеп. Евѣимій II-й, склоненъ былъ къ признанію исключительной правильности двоенія. Получалось такимъ образомъ неполное прославленіе святаго, которое не могло удовлетворить собою его почитателей. Попытка разрѣшить спорный вопросъ въ положительномъ смыслѣ являлась вполнѣ своевременною. Это ясно высказано устами самого Евфросина. По словамъ писателя, преподобный, явившись ему, сказалъ: „нынѣ же ти время есть написати о моей печали“ (л. 90). Но какъ описать эту печаль,—ничего не объяснилъ преподобный. Ничего не узналъ объ этомъ писатель и изъ разспросовъ елезаровскихъ монаховъ. Значить, нужно было или не „врѣшати житія“, или ждать чудеснаго откровенія—выдумать его. Писатель, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, склонился къ послѣднему: выдумалъ явленіе Богоматери, разъяснившей ему тайну сугубой аллилуи, и затѣмъ, какъ самъ онъ выражается: „написахъ искомое“ (л. 106 об.). Подъ ея авторитетъ онъ и поставилъ новое, не-евфросиновское толкованіе сугубой аллилуи, какъ выраженіе тайны воскресенія Христова. Явившаяся Богоматерь, отерувъ тайну аллилуи, вмѣстѣ съ этимъ оправдала и ея защитника, сказавъ: „его-бо ради ходатайства отерыхъ(ъ) скрвеннаа“ (л. 106).

Черезъ двадцать лѣтъ исполнилось, значить, то, о чемъ такъ долго (1456—1481 г.) молилъ преп. Евфросинъ Богоматерь при своей жизни. Въ такую связь можно поставить описаніе явленія Богородицы съ предыдущимъ содержаніемъ житія.

Какъ же смотрѣтъ на такой литературный пріемъ, допущенный писателемъ при защитѣ сугубой аллилуи?

Въ историко-полемической литературѣ высказанъ суровый, строго осуждающій писателя, приговоръ. Описанія явленія Богоматери, по отзыву пресвящ. Филарета, представляютъ собою дерзкій вымыселъ, оскорбляющій святую вѣру, противный здравому смыслу. Присоединяясь къ этому отзыву, сдѣланному по адресу второго біографа, мы думаемъ лишь, что по отношенію къ личности перваго писателя житія и по условіямъ того времени его нужно нѣсколько смягчить, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что о литературныхъ пріемахъ древне-русскихъ писателей не совсѣмъ справедливо судить съ точки зрѣнія современной намъ исторической критики. Склонность ко всему сверхъестественному и та легкость, съ которою древне-русскій писатель ставилъ свои измышленія подъ авторитетъ святоотеческій, довольно обычныхъ явленія въ древне-русской письменности. Писатель житія преподобнаго Евфросина былъ однимъ лишь изъ крайнихъ представителей подобнаго направленія, но не единственнымъ. Можно даже сомнѣваться, чтобы такимъ откровеніямъ придавалась большая цѣнность, тѣмъ болѣе, что имѣемъ случаи, когда подъ святоотеческій авто-

ритеть поставлялись мнѣнія, совершенно противорѣчившія одно другому. Такъ, напримѣръ, на св. отцевъ ссылались, какъ разъяснено будетъ ниже, и защитники троенія. Вѣроятно, что изъ двухъ ссылокъ придавалась большая цѣна той, которая болѣе умѣло была сдѣлана. Затѣмъ, важность цѣли, которую поставилъ себѣ авторъ повѣсти, и полемическій характеръ его труда въ особенности могли вліять на неразборчивость въ средствахъ для достиженія этой цѣли. Въ полемическомъ памятникѣ преувеличенія и увлеченія всегда возможны. Естественны они и въ повѣсти споровъ объ аллилуіи. Наконецъ, надъ биографомъ Евфросина не было и достаточнаго контроля. Нужно признать, вопреки мнѣнію В. Н. Малинина, что въ этой части своей работы писатель былъ слишкомъ самостоятеленъ, что онъ несомнѣнно скрылъ отъ Памфила ночное видѣніе Богоматери, какъ раньше скрылъ отъ него видѣніе Евфросина и Серапіона. Эта заключительная часть житія появилась не въ Елеазаровскомъ монастырѣ. По всей вѣроятности она была написана тогда, когда уже не было въ живыхъ ни игумена Памфила, ни архіепископа Геннадія. Иначе дерзкіе вымыслы писателя не получили бы для себя распространенія; они были бы исключены елеазаровскимъ игуменомъ изъ житія, какъ противорѣчащія личнымъ взглядамъ Евфросина на значеніе сугубой аллилуіи. Евфросинъ въ двоеніи аллилуіи видѣлъ лишь выраженіе догматическаго ученія о двухъ естествахъ во Христѣ, а вовсе не тайну Его воскресенія.

Что житіе въ разсмотрѣнной его редакціи появилось уже послѣ кончины игумена Памфила, подтвержденіе этому можно находить даже въ самомъ его текстѣ. Въ характеристикѣ Памфила писатель говоритъ: „сіи убо (Игнатій, Харлампій и Памфилъ) быше три браты по плоти, сщенници быша и единъ по единому кождо ихъ(ъ) въ время свое в монастырѣ стго игумені быша“ (л. 52 об.). Выразиться такъ о Памфилѣ можно было только послѣ его смерти.

Какое же значеніе имѣлъ этотъ защитительный трактатъ о сугубой аллилуіи?—Едва ли составителю „повѣсти“ удалось достигнуть практической своей цѣли: прекратить споры и несогласія, такъ какъ изложеніе предмета у него получилось не совсѣмъ правильное и точное и далеко не всѣ возраженія противниковъ двоенія были приняты имъ во вниманіе и разсмотрѣны. Въ исторической литературѣ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, отрывокъ одного памятника, который можетъ служить яснымъ доказательствомъ, что трудъ перваго писателя явился не отвѣчающимъ своей задачѣ. Этотъ памятникъ подъ заглавіемъ: „посланіе господину Аѳанасію, честнѣйшему во иноцѣхъ общеобительныя великия лавры святаго Николы еттору“, изданъ въ „Прав. Собесѣд.“ за 1866 годъ, часть II, стр. 140—164. Онъ представляетъ собою отрывокъ изъ переписки между какимъ-то псковскимъ клирикомъ и етиторомъ Аѳанасіемъ. Въ научной литературѣ не совсѣмъ еще разъяснены вопросы, касающіеся литературной исторіи этого памятника, но зато доказана несомнѣнная связь посланія съ первою редакціею житія преп. Евфросина и даже сдѣланы попытки установить зависимость одного изъ этихъ памятниковъ отъ другого.

По мнѣнію изслѣдователей посланія оно написано въ XV вѣкѣ—или въ первой его половинѣ, какъ думаютъ м. Макарій, профессора И. О. Нильскій, Е. Е. Голубинскій, или во второй, по смерти Евфросина, какъ полагаетъ В. О. Ключевскій. Основаній для болѣе точнаго рѣшенія этого вопроса въ содержаніи посланія нѣтъ. Единственнымъ указаніемъ можетъ служить общее замѣчаніе автора о событіяхъ флорентійскаго собора, происшедшихъ, по его выраженію, „на сихъ лѣтѣхъ“. Неопредѣленность, съ которою употреблялись подобныя выраженія въ древне-русской письменности, не даетъ права видѣть въ приведенныхъ словахъ точнаго хронологическаго указанія, а самое содержаніе посланія побуждаетъ отнести время его написанія скорѣе ко второй половинѣ XV вѣка, послѣ паденія Константинополя, чѣмъ къ первой. Какъ-бы то ни было, но посланіе къ Аѳанасію было написано раньше, чѣмъ рассмотрѣнная нами „повѣсть о сугубой аллилуіи“. Съ послѣднею оно стоитъ въ тѣсной связи не только по однородности своей темы, но и по сходству въ частностяхъ ея раскрытія и даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Въ посланіи мы встрѣчаемся съ тѣми же именами патр. вост. Іосифа и псковскаго распопа Іова, какъ и въ житіи, съ одинаковымъ также отзвонъ объ Іовѣ, какъ о мотыльномъ столпѣ и второмъ Іудѣ. Такое сходство посланія съ первою редакціею житія Евфросина побуждаетъ насъ подробнѣе остановиться на его содержаніи, чтобы точнѣе установить отношеніе между этими сходными памятниками.

Поводомъ къ написанію разсматриваемаго памятника послужила присылка въ Псковъ, на имя духовенства троїцкаго собора, какимъ-то ктиторомъ Аѳанасіемъ посланія въ защиту сугубой аллилуіи. Здѣсь одновременно съ изложеніемъ главнаго предмета было высказано нѣсколько порицаній по адресу защитника троенія—распопа Іова, въ выраженіяхъ, какъ сейчасъ замѣчено, сходныхъ съ отзвонъ о послѣднемъ преподобнаго Евфросина. Посланіе Аѳанасія сдѣлалось общеизвѣстнымъ въ Псковѣ: „таже и до міра дойде твое посланое писаніе“; но оно не произвело здѣсь того впечатлѣнія, на которое рассчитывалъ авторъ. Прочитавшіе посланіе лишь удивились неразумію Аѳанасія, дерзнувшаго такъ „нагло о семъ и о друзѣмъ писати“, но вовсе не были убѣждены его разсужденіями. Впрочемъ, среди псковичей нашелся одинъ клирикъ, почитатель Анаѳасія, принадлежавшій, повидимому, къ соборному троїцкому причту; онъ завелъ съ Аѳанасіемъ переписку, чтобы вразумить заблуждающагося въ такомъ „вышемъ и превосходномъ“ предметѣ. Отъ этой переписки остались отрывки, изданные подъ указаннымъ выше заглавіемъ. Такимъ образомъ, по своему происхожденію посланіе къ Аѳанасію такой-же частный, неофициальный памятникъ древне-русской письменности, какъ и повѣсть о сугубой аллилуіи. И если въ научной литературѣ нѣкоторое время ему придавалось официальное значеніе, какъ указу м. Макарія, то причиною такого ошибочнаго объясненія было не содержаніе памятника, а лишь помѣщеніе его Макаріемъ въ его Четвѣхъ-Минеяхъ.

По содержанію посланіе можетъ быть раздѣлено на два письма и прибавленія къ нимъ: „о трегубнѣй аллилуіи“—изъ Апокалипсиса и „слово

лаодивійскаго собора“. Въ печатномъ изданіи памятника первое письмо занимаетъ собою стр. 140—148. На послѣдней страницѣ оно оканчивается слѣдующими словами: „обаче молю тя второе ¹⁾, прости мя дерзновенное Гда ради. Тебѣ, моему господину, челомъ бью, моли Бога за мя“. Это первое письмо и есть отвѣтъ на присланное въ Псковъ посланіе Аѳанасія. Второе письмо (стр. 148—164), болѣе подробное по содержанию, распадается на двѣ статьи: уставъ св. отцевъ 7-го вселенскаго собора и толкованіе аллилуіи въ Апokalипсисѣ Іоанна Богослова ²⁾.

Нельзя съ точностію опредѣлить: представляетъ ли второе письмо отвѣтъ на другое, полученное уже самимъ авторомъ, посланіе Аѳанасія, или оно написано просто для дополненія перваго письма. Изъ содержанія памятника остается вообще неяснымъ, какіе отвѣты получалъ корреспондентъ Аѳанасія на свои письма. Видно только, что онъ усиленно расплагалъ египтора къ перепискѣ и въ свою очередь обѣщаль продолжать ее до тѣхъ поръ, пока не убѣдитъ Аѳанасія въ неправильности его взглядовъ. Такъ, по поводу недоумѣній Аѳанасія, что въ типикахъ, хранившихся въ его монастырѣ, не указано, сколько разъ возгласять аллилуію,—его корреспондентъ просилъ: „о семь бо по друзѣмъ отпиши ми Гда ради вборзѣ“ (161). Въ концѣ же письма, передъ обычными строками о прощеніи, онъ заявлялъ: „да дастъ и тебѣ Богъ по апостольскому оученію вѣровати, аще ли и еще (т. е. будешь упорствовать), то не престану писати тебѣ, посылая проведерзнутое въ твоей святости“ (стр. 164).

Вопросъ объ аллилуіи въ письмахъ къ Аѳанасію разсматривается съ двухъ сторонъ: съ догматической и богослужебно-практической. Въ первомъ случаѣ авторъ писемъ ученіе объ аллилуіи сопоставляетъ съ библейскимъ и святоотеческимъ ученіемъ о св. Троицѣ, останавливаясь подробнѣе на тѣхъ мѣстахъ изъ Св. Писанія, которыя вызывали недоумѣнія у Аѳанасія. Такъ, онъ разъясняетъ, почему въ псалмахъ Давида нѣтъ указаній о троеніи аллилуіи,—о чемъ выражалъ недоумѣніе Аѳанасій въ своемъ письмѣ: „а еже писалъ еси отъ пророка Давида“ (стр. 151). По мнѣнію автора, если у Давида мы встрѣчаемъ единую аллилуію, а не трегубую, другими словами,—если не находимъ у него ясно выраженнаго ученія о св. Троицѣ чрезъ утроеніе аллилуіи, то это не что иное, какъ уступка, принороченность со стороны псалмопѣвца къ ветхозавѣтному ученію о единобожій. „Давидъ убо оуступая израильскому роду едину вписа аллилуія“. Зато въ новомъ завѣтѣ, когда со всею ясностію было раскрыто ученіе о св. Троицѣ, „сынъ громовъ Иванъ фелогъ.... ³⁾ ясно възгремѣ

¹⁾ Въ началѣ посланія, на стр. 140: „обаче молю тя, общежительный верше, не зазри мене Гда ради, дерзнувша сицеваа“.

²⁾ Послѣдняя статья въ первой своей части лишь полнѣе развиваетъ мысли предыдущей статьи—устава.

³⁾ Стр. 152. Авторъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду 1 ст. XIX-й главы Апokalипсиса, въ которомъ хотя и не говорится о троеніи аллилуіи, но упоминается, что предъ престоломъ Агнца ее возгласили трижды.

трегубы аллилуія, а четвертое: пойте Богу нашему“. Такъ и насъ научилъ онъ пѣть аллилуію,—замѣчаетъ авторъ устава; такъ пѣли ее во время Василия Великаго и брата его Григорія Нисскаго. Такимъ образомъ, по воззрѣнію автора, троеніе аллилуіи основано на непосредственномъ свидѣтельствѣ Св. Писанія и подтверждается древнимъ церковнымъ преданіемъ.

Такой выводъ автора стоитъ въ противорѣчьи съ мнѣніемъ защитниковъ двоенія. По убѣжденію Евфросина, „вещь сія (т. е. аллилуія) не письменна есть достовѣрно отъ св. отецъ, ниже явлена тайна ея отъ пророкъ“. По словамъ его біографа, ни одинъ изъ св. отецъ „не приникъ къ тайнѣ сѣа мудрствовати“. Ту же приблизительно мысль высказываетъ и Аѳанасій, когда утверждаетъ, что „и не писаніемъ подобаетъ церковь Божія держати“ (стр. 145). Разъясняя подобныя недоумѣнія, авторъ отвѣтныхъ писемъ пришелъ къ совершенно другому выводу,—что троеніе аллилуіи „святіи апостоли и святіи отцы *писаніемъ* предаша намъ“. На этомъ основана у него мысль о догматической важности троенія. По его мнѣнію, сугубая аллилуія есть ересь, которою проповѣдуется еретическое ученіе о двухъ началахъ существующаго, гностическій дуализмъ. „Приводить ми слово Василие Амасійскій, и тамо, прилежно поискавъ въ посланіи его, обращении начальниковъ ереси двѣгубиѣ аллилуія“ (стр. 163).

Но и въ самомъ, затѣмъ, святоотеческомъ преданіи защитники двоенія встрѣчали для себя нѣкоторыя недоумѣнія, главнымъ образомъ со стороны неодинаковаго толкованія св. отцами слова аллилуія. Эти различныя толкованія, приведенныя позднѣе въ посланіи Димитрія грека, находимъ и въ разсматриваемомъ памятникѣ. По объясненію автора, до св. Василия употреблялось толкованіе, помѣщенное въ Апокалипсисѣ, по которому аллилуія означаетъ: „пойте Богу нашему“ (стр. 152). Св. Василий далъ новое толкованіе, которое принято и въ богослужебныхъ книгахъ: „отъ Василия бо пріяхомъ пѣти: слава Тебѣ, Боже“. Въ свою очередь и другіе св. отцы—напримѣръ, Григорій Нисскій и Андрей Кесарійскій, давали новыя толкованія. Это разнообразіе толкованій, повидимому, совершенно сбивало съ толку многихъ русскихъ грамотеевъ, и, остановившісь на толкованіи св. Василия, они поняли его, какъ буквальный переводъ слова аллилуія. Нашъ авторъ пытается разъяснить и это недоразумѣніе. По его мнѣнію, при всемъ разнообразіи толкованій слова, въ нихъ выражается одна и та же мысль: „великій Василий и братъ его Григорій оба согласно рекоста“ (стр. 149). Зато ни одно изъ толкованій не передаетъ буквального смысла слова такъ, чтобы толкованіе могло быть поставлено взаимѣнъ слова.—какъ сдѣлали это защитники двоенія. „Вѣдый буди.—предупреждаетъ авторъ Аѳанасія,—которое въспросъ, то въспросъ, а и не толкъ, а которое отвѣтъ, то отвѣтъ а не въспросъ; то како могль еси слава тебѣ Боже безъ аллилуія вмѣнати? аще вмѣнилъ еси, то уже не постигль еси“ (162). Излагая толкованіе аллилуіи Теофана Начертаннаго, авторъ писемъ дѣлаетъ замѣчаніе и о русскомъ толкованіи этого еврейскаго слова, по второму аллилуія относится „къ Христу воскресу“. (Мысль эта подробно раскрыта въ „повѣсти о сугубой аллилуіи“). „Или кто речеть, яко сія

аллилуія у стиховъ глаголется ко Христу всересшу Сыну, а не Отцу и Духу, таковыхъ обличаетъ сынъ громовъ“ (147). Изъ этихъ словъ можно видѣть, что въ своемъ толкованіи сугубой аллилуіи, какъ тайны воскресенія Христова, авторъ Евфросинова житія излагалъ не личные вымыслы, а существовавшее уже мнѣніе.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ авторъ посланія къ Аѳанасію излагаетъ свои взгляды на троеніе аллилуіи параллельно съ изложеніемъ церковнаго ученія о св. Троицѣ и придаетъ этимъ вопросу объ аллилуіи догматическій смыслъ и значеніе. Разсматривая затѣмъ спорный вопросъ съ точки зрѣнія богослужебной практики, онъ и въ послѣдней находитъ больше основанийъ для троенія, чѣмъ для двоенія. Большую древность троенія авторъ доказываетъ, прежде всего, аналогіями другихъ церковныхъ пѣсней, утряемыхъ при богослуженіи,—серафимской пѣсни: святъ, святъ, святъ, и трисвятаго. Затѣмъ, въ древнихъ богослужебныхъ книгахъ онъ находитъ и прямое подтвержденіе древности троенія,—напримѣръ, въ службѣ на день великомученика Георгія, составленной Теофаномъ Начертаннымъ (стр. 145). Такимъ образомъ, и Св. Писаніе, и святоотеческая письменность, и самая, наконецъ, богослужебная практика, по убѣжденію автора, говорятъ исключительно въ пользу троенія. Отсюда у него естественный выводъ, что трегубая аллилуія ведетъ свое начало „отъ св. апостоль, и отъ св. патріархъ вселенскихъ, и отъ св. соборъ седми вселенскихъ,—тіи изложиша намъ аллилуія трегоубы пѣти“, тогда какъ сугубая аллилуія представляетъ собою „нововѣдное оученіе“, не имѣющее для себя каноническихъ основанийъ (стр. 159).

Наиболѣе важнымъ доводомъ для защитниковъ сугубой аллилуіи было употребленіе двоенія въ современной имъ греческой церкви, и въ частности на Аѳонѣ: „отъ патріарха слышавъ Іосифа и афонскимъ“. Авторъ разсматриваемыхъ писемъ опровергаетъ и этотъ доводъ; онъ старается доказать ненадежность авторитета грековъ, говорить, что они измѣнили православію и несогласны въ ученіи объ аллилуіи съ древнимъ церковнымъ преданіемъ. Для доказательства послѣдней мысли онъ ссылается на древнія богослужебныя книги. „На святаго Георгія день,—говоритъ онъ,—стихове писаны на литіи киръ Теофаномъ Начертаннымъ, и перваго стиха на конци написано трикраты аллилуія“. Это—обычай соборной вселенской апостольской церкви, заявляетъ авторъ. Онъ несогласенъ съ обычаемъ современной греческой церкви; но понятно, какому обычаю должно отдать предпочтеніе. Творецъ приведеннаго канона пострадалъ за исповѣданіе вѣры: „лице ему сожжено бысть мѣдною керамидою, и многи бѣды по церкви Христовы исповѣданія ради принялъ“ (стр. 146),—а современные греки, отступники отъ православія, „ни одинаго отъ св. апостоль и св. отецъ послуха не приводятъ на двогубную аллилуія“. Непосредственный выводъ отсюда: какъ опасно довѣряться грекамъ. Флорентійскій соборъ, на которомъ они измѣнили православію, и навазанія Божія за эту измѣну какъ патріарху Іосифу, не дошедшему до своего престола, такъ и всему греческому царству, покоренному турками,—всѣ эти событія уже сами

по себѣ должны были предостеречь Аѳанасія. „Не истинна бо есть, уже бо прочіи (т. е. греки) погибоша, глаголюще двократы, и мы такожде погубимъ“ (154). Гораздо лучше въ вопросѣ объ алилуіи слѣдовать мѣстному, русскому, не зараженному флорентійскою ересію, авторитету—митрополиту Фотію, грамота котораго о троеніи „и до нынѣ лежитъ въ святѣй троици“ (стр. 162).

Конечный выводъ автора писемъ такой: „не усмотриша гревове и афоняне“ (стр. 164). Но интересно, что, доказавъ неправославность грековъ, псковскій клирикъ ничего не могъ возразить противъ ссылки Аѳанасія на богослужебную практику аѳонскихъ монаховъ; у него не было основаній заподозрѣть ихъ православность. Какъ узнаемъ изъ переписки между аѳонскими монахами и великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ, они даже строже, чѣмъ сами русскіе, отнеслись къ неудачной попыткѣ царя и патріарха заключить церковный союзъ съ Римомъ. „И мы убо, о любвицы,—писали съ Аѳона на Русь,—того патріарха и царя изъ помяна обычна извергохомъ“. Въ отвѣтъ на это князь Василій выражалъ радость русскихъ людей, что „святлюбное аѳонское собраніе“ такъ крѣпко стоитъ въ преданномъ отъ апостолъ православіи и своимъ посланіемъ утверждаетъ въ немъ и русскихъ людей¹⁾. Ссылка Аѳанасія на практику Аѳона заслуживала со стороны его корреспондента болѣе внимательнаго разбора и потому, что въ концѣ XV в. русскіе іерархи въ спорныхъ богослужебныхъ вопросахъ не переставали ссылаться на аѳонскіе порядки,—примѣръ чему можно находить въ исторіи споровъ о хожденіи по-солонь.

Къ этимъ двумъ письмамъ позднѣе,—неизвѣстно, самимъ ли авторомъ и по адресу-ли Аѳанасія, или другимъ какимъ-нибудь защитникомъ троенія, (послѣднее представляется намъ болѣе правильнымъ),—прибавлены еще двѣ статьи: о трегубнѣй алилуіи—изъ Апокалипсиса (стр. 164—165) и слово лаодикійскаго собора (стр. 165—166). Въ первой статьѣ, содержащей буквальную выдержку изъ XIX гл. Апокалипсиса и толкованіе на нее, нѣтъ чего-либо новаго, за исключеніемъ послѣднихъ строкъ, гдѣ полностью приведена стихира на литіи изъ службы св. Георгію, на которую раньше обще ссылался авторъ писемъ. Особенно новаго не представляетъ собою и вторая статья; въ древне-русской письменности она была извѣстна еще въ XIV вѣкѣ. Но ново въ ней заглавіе. Изъ содержанія этой статьи видно, что „новѣздное ученіе“ получило для себя широкую распространенность. Въ „словѣ“ слышнень уже грозный голосъ, обращенный къ двойшимъ алилуію, а новое заглавіе показываетъ, что недостаточная убѣдительность изложенныхъ прежде доказательствъ побудила защитниковъ троенія обратиться къ обычному древне-русскому приему полемики: поставить свои мнѣнія подъ вымышленный авторитетъ св. отцевъ лаодикійскаго собора²⁾.

¹⁾ Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи, вып. 3-й, стр. 30, 33.

²⁾ Какъ и изъ посланія Димитрія, такъ и изъ этихъ статей защитники троенія дѣлали выписки—частію буквально, частію измѣняя отдѣльныя выра-

Мы подробно остановились на обзорѣ содержанія посланія къ Аѳанасію въ тѣхъ видахъ, чтобы при разсмотрѣніи научнаго объясненія этого памятника въ сочиненіяхъ И. Ѳ. Нильскаго и Е. Е. Голубинскаго не дѣлать каждый разъ подробныхъ сопоставленій его содержанія съ первою редакціею Евфросінова житія. Изъ представленнаго обзора можно видѣть, что посланіе къ Аѳанасію имѣетъ близкое отношеніе къ житію Евфросіна. Оно напоминаетъ житіе и однородностію своей темы, и сходствомъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, и упоминаніемъ объ однихъ и тѣхъ же лицахъ. Но на ряду съ этимъ нельзя не отмѣтить и значительной разницы между двумя этими памятниками. Какъ литературное произведеніе сторонника троенія, посланіе нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ житіе, изображаетъ намъ противниковъ Евфросіна. По житію, они въ своихъ возраженіяхъ ограничивались лишь разсужденіями объ умаленіи или приложеніи божества чрезъ тотъ или иной способъ возглашенія аллилуіи и не могли дать отвѣта, откуда ведетъ начало ихъ обычай троенія. Изъ посланія, наоборотъ, видно, что они довольно убѣдительно возражали своимъ противникамъ и умѣли отстоять свои мнѣнія. Съ этой стороны посланіе къ Аѳанасію является памятникомъ, значительно пополняющимъ собою исторію псковскихъ споровъ. Затѣмъ, есть въ немъ новыя свѣдѣнія и о защитникахъ двоенія: говорится объ ихъ ссылкѣ на богослужебную практику аѳонскихъ монастырей. Наконецъ, на ряду съ прежними именами встрѣчаемъ и новое имя—митрополита Фотія, въ качествѣ представителя троенія. Такимъ образомъ, указывая сходство между посланіемъ и житіемъ Евфросіна, необходимо имѣть въ виду и различія между этими памятниками, чтобы не сдѣлать выводовъ одностороннихъ. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся теперь къ разбору взглядовъ на отношеніе между этими памятниками профессоровъ Нильскаго и Голубинскаго.

Исходная точка зрѣнія у обоихъ изслѣдователей—одинаковая. Сходство въ содержаніи между посланіемъ и житіемъ, по ихъ мнѣнію, служитъ прямымъ доказательствомъ зависимости одного изъ памятниковъ отъ другого; въ то же время оно даетъ право заключить о недействительности историческаго факта, передаваемого въ одномъ изъ памятниковъ. „Совершенная единовременность двухъ совершенно тождественныхъ исторій (спора объ аллилуіи) не указываетъ-ли на то,—замѣчаетъ Голубинскій,—что въ двухъ исторіяхъ должно видѣть одну исторію, раздѣленную на двѣ такимъ

женія и порядокъ изложенія мыслей. При этомъ, краткая ссылка на „Зерцало“ о троицномъ украшеніи дополнялась выпискою изъ него полнаго текста. Начальныя слова о необходимости троиць аллилуію приписывались блаж. Феодориту, а лаодикійскому собору—одно лишь толкованіе. Въ такомъ видѣ указанная статья можно читать въ рукописи № 557, л. 212—213 об., 6-ки М. Д. А. Въ рук. списокѣ конца XIV нач. XV в., 6-ки Спб. Д. А., вмѣсто выраженія: „иже поють мнози подваци“, стоитъ: „суть нѣдци, иже“ и т. д. Нильскій, Лекціи по облич. раскола, литограф. курсъ 188⁵/₆ г., стр. 4—5.

образомъ, что съ одного лица, съ которымъ она дѣйствительно случилась, она перенесена еще на другое лицо какъ вымысль ¹⁾). Одинаковую мысль высказываетъ и Нильскій. Именно, по поводу замѣчанія Ключевскаго, — что если бы въ оглавленіи посланія не стояло имени Аѳанасія, то можно было-бы отнести посланіе къ Евфросину, — Нильскій говоритъ: „по нашему мнѣнію, не только можно, но и должно такъ думать; иначе необходимо допустить двухъ лицъ, спорившихъ и бывшихъ въ Константинополѣ“ ²⁾). Но при дальнѣйшемъ разрѣшеніи вопроса: за какимъ изъ двухъ памятниковъ слѣдуетъ признать самостоятельное историческое значеніе, — изслѣдователи приходятъ къ различнымъ выводамъ. Профессоръ Голубинскій самостоятельнымъ признаетъ посланіе къ Аѳанасію; на житіе Евфросина онъ смотритъ какъ на памятникъ, стоящій въ прямой зависимости отъ посланія. По взгляду профессора Нильскаго, наоборотъ, не самостоятельно посланіе, оно представляетъ собою лишь часть документовъ изъ исторіи спора Евфросина съ псковичами, не вошедшихъ въ содержаніе первой редакціи житія. Оба изслѣдователя рѣшаютъ, такимъ образомъ, важный для изученія Евфросинова житія вопросъ о его литературныхъ источникахъ; это и побуждаетъ насъ остановиться на разсмотрѣніи ихъ взглядовъ.

По объясненію Нильскаго, самое оглавленіе памятника представляетъ собою не что иное, какъ описку переписчика, благодаря которой поставлено въ посланіи имя Аѳанасія — вмѣсто имени Евфросина, какъ по опискѣ далѣе, въ текстѣ памятника, поставлены имена: Іоасафа — вмѣсто Іосифа, Кирилла митрополита Фотія — вмѣсто киръ митрополита Фотія. Затѣмъ, самый порядокъ статей долженъ быть принятъ нѣсколько иной, чѣмъ въ печатномъ изданіи. Первымъ нужно поставить „уставъ“, вторымъ — „посланіе“. Такъ размѣщены эти статьи и въ Четивхъ-Миняхъ м. Макарія, за іюль мѣсяцъ. — Далѣе, оба памятника представляютъ собою два отдѣльныхъ сочиненія, но написаны они однимъ и тѣмъ-же лицомъ и по одному и тому же адресу, только по различнымъ поводамъ. Стараясь точнѣе установить ихъ отношеніе къ первой редакціи житія Евфросина, Нильскій предполагаетъ, что „уставъ“ — это та „эпистолія Іова въ цѣлый листъ“, которою онъ снабдилъ своихъ участниковъ, отправляя ихъ на споръ съ Евфросиномъ въ монастырь преподобнаго, „посланіе“ же является отвѣтомъ на посланіе Евфросина къ троицкимъ священникамъ, помѣщенное, въ качествѣ приложенія, въ первой редакціи житія. Авторомъ разсматриваемыхъ памятниковъ Нильскій склоненъ считать противника Евфросина — распоса Іова. Изложенные взгляды Нильскаго во всемъ объемѣ приняты и профессоромъ Малининымъ въ его изслѣдованіи о старцѣ Филоевѣ (стр. 116—118).

¹⁾ Чт. въ Общ. Ист. и Др., кн. 214, стр. 211.

²⁾ Христ. Чт., 1884 г., май—іюнь, стр. 713, „Къ исторіи споровъ объ алилуіи“.

Такое объяснение в сущности не представляет собою чего-нибудь безусловно новаго. По словамъ Нильскаго, оно высказано было еще въ XVIII вѣкѣ извѣстнымъ расколуучителемъ—Денисовымъ. И по взгляду послѣдняго, посланія объ аллилуйи представляются написанными „отъ стороны Ювлевы на сторону преподобнаго Евфросина“¹⁾. Ученые изслѣдователи, значить, лишь повторяютъ взглядъ этого расколуучителя, подробнѣе развивая его и сообщая ему научную аргументацію. И по существу дѣла, съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на вопросъ, подобное отношеніе къ нему не можетъ представлять собою чего-либо предосудительнаго²⁾. Если и вообще „свидѣтельство отъ врагъ съвершеннѣйшее бываетъ“,—какъ замѣчаетъ авторъ посланій (стр. 161),—то свидѣтельство такого свѣдущаго въ древней письменности лица, какъ Денисовъ, въ научномъ даже отношеніи можетъ имѣть безусловное значеніе. Но дѣло въ томъ, что Денисовъ, приписывая авторство Юву, руководился въ данномъ случаѣ, по замѣчанію самого И. Θ. Нильскаго, отнюдь не научными соображеніями, а побужденіями чисто практическаго свойства. Своимъ объясненіемъ онъ хотѣлъ умалить полемическое значеніе этого памятника, и успѣлъ этого достигнуть. Посланіе къ Аванасію въ XVIII вѣкѣ дѣйствительно было исключено изъ числа полемическихъ противъ раскола памятниковъ, и объясненіе Денисова не было разобрано въ полемической литературѣ того времени. По нашему мнѣнію, и въ самомъ изслѣдованіи Нильскаго оно принято безъ достаточной предварительной критики, и сдѣланные профессоромъ выводы нуждаются въ провѣрѣхъ и дополненіяхъ.

Прежде всего, у Нильскаго недостаточно объяснено оглавленіе посланія: все объясненіе основано на предположеніи описки. Описка въ старинной рукописи—дѣло, конечно, вполне возможное. Но въ оглавленіи посланія она сдѣлана не только въ имени Аванасія, а и въ названіи монастыря, въ которомъ онъ былъ второмъ. Что Елеазаровскій монастырь назывался лаврою,—это хорошо извѣстно и изъ житія Евфросина и изъ другихъ памятниковъ. Но нѣтъ никакихъ основаній для названія его „общеобительною лаврою св. Николы“, такъ какъ въ монастырѣ не было даже и храма въ честь этого святаго³⁾. Болѣе того, за періодъ до XVI в. въ псковской исторіи мы не встрѣчаемъ ни одного монастыря, въ которому можно было бы отнести упомянутые эпитеты. Чтобы быть послѣдовательнымъ въ объясненіи заглавія памятника, нужно, значить, и

¹⁾ Христ. Чт., стр. 696, 709.

²⁾ Имѣемъ въ виду отзывъ о статьѣ Нильскаго проф. Н. И. Субботина, „Вѣр. и Церк.“, 1901 г., книга X, стр. 834, „Еще 15 л. служ. церкви“.

³⁾ Изъ второй редакціи житія преп. Евфросина, а также изъ завѣщанія преподобнаго мы узнаемъ, что въ XV—XVI в.в. въ монастырѣ были храмы въ честь трехъ святителей, преп. Онуфрія и въ честь Рождества Богородицы; изъ позднѣйшихъ источниковъ видно, что въ XVII в. монастырь назывался еще Срѣтенскимъ, хотя и не имѣлъ храма этому празднику. Такое названіе встрѣчаемъ въ монастырскихъ рукописныхъ синодикахъ.

здѣсь допустить ошибку переписчика,—а это уже наводитъ на сомнѣніе въ ненамѣренности описки. Для разъясненія указаннаго недоумѣнія Нильскій и Малининъ дѣлаютъ ссылку на житіе арх. новгородскаго Евфимія II-го, гдѣ упоминается не только о Никольскомъ монастырѣ, но и о подвижникѣ этого монастыря—Евфросинѣ. Но ссылка эта ничего собою не объясняетъ, является просто недоразумѣніемъ, такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній считать тождественными лицами Евфросина Вязицаго и Евфросина Псковскаго. И изъ житія послѣдняго, и изъ его устава мы знаемъ, что Евфросинъ не былъ инокомъ ни одного изъ новгородскихъ монастырей. Недостаточность такого объясненія признаетъ и самъ профессоръ Малининъ, когда въ примѣчаніи 405-мъ говоритъ: „объясненіе происхожденія оглавленія посланія требуетъ новыхъ розысканій и соображеній“¹⁾.

Но это замѣчаніе Малинина должно быть отнесено и къ другимъ выводамъ, сдѣланнымъ въ изслѣдованіи Нильскаго. Такъ, напр., нѣтъ достаточныхъ основаній считать „уставъ св. отецъ объ аллилуіи“ тождественнымъ съ „епистоліею“ Іова. При рѣшеніи этого вопроса нельзя опускать изъ вниманія замѣчаній объ епистоліи въ житіи преподобнаго. По свидѣтельству писателя, епистолія Іова представляла собою *первый* письменный памятникъ въ исторіи споровъ Евфросина съ псковичами. Наоборотъ, изъ содержанія устава видно, что онъ былъ написанъ въ отвѣтъ на полученное уже посланіе отъ Аѳанасія. Такъ, на страницѣ 149 печ. изданія памятника читаемъ: „аще писалъ еси: Григорій Нисвскій, братъ Великаго Василія, глаголетъ аллилуія“ и т. д. Точно также далѣе, на страницѣ 151, авторъ устава замѣчаетъ: „а еже писалъ еси отъ пророка Давида“. Въ обоихъ случаяхъ онъ подробно останавливается на разборѣ этихъ недоумѣній Аѳанасія.

Болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе Нильскаго о томъ, что посланіе къ Аѳанасію является отвѣтомъ на посланіе Евфросина къ троїцкимъ священникамъ. Между этими памятниками замѣтно сходство не только въ упоминаніи однихъ и тѣхъ-же именъ Іова и патріарха Іосифа, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Такъ, Аѳанасій, по словамъ его корреспондента: „и еще глаголаше, яко отъ Сіона изыде законъ и слово Господне отъ Іерусалима“ (стр. 141). Тѣ же слова находимъ и въ посланіи Евфросина: „паки же мати церквамъ Сіонъ, отъ Сіона бо изыде законъ и слово Господне отъ Іерусалима“ (л. 114 об., рук. № 306). Въ обоихъ памятникахъ Іовъ одинаково называется мотыльнымъ столпомъ и вторымъ Іудею (въ посланіи Евфросина ошибка: „вторенію“). Однако, рѣшить этотъ вопросъ точно, сказать, что содержаніе посланія къ Аѳанасію „до точности“ соотвѣтствуетъ содержанію посланія Евфросина²⁾,—нѣтъ возможности. Прежде всего, мы не можемъ подробно сравнить содержанія этихъ двухъ памятниковъ, такъ какъ посланіе Евфросина дошло

1) „Старецъ Елеаз. м-ря Филофеей“, стр. 10.

2) Малининъ. о. с., стр. 117.

до насъ въ неоконченномъ видѣ. Затѣмъ, посланіе къ Аѳанасію полнѣе посланія Евфросина; оно касается такихъ вопросовъ, съ которыми мы не встрѣчаемся ни въ посланіи Евфросина, ни въ его житіи,—напримѣръ, ссылки Аѳанасія на богослужебную практику аѳонскихъ монастырей.

Едва-ли можно согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ Нильскаго, что авторомъ посланія и устава былъ Іовъ. Для этого нѣтъ никакихъ оснований въ содержаніи памятника и очень многое говоритъ противъ. Въ своемъ посланіи преподобный Евфросинъ называетъ Іова мотыльнымъ столпомъ, погибельнымъ, свиньею окаянною, тьмою омраченною, законопреступникомъ, отметникомъ Христовымъ, вторымъ Іудею. Нужно предположить необычайное смиреніе со стороны Іова, чтобы послѣ такихъ уворовъ онъ не утратилъ уваженія въ Евфросину. Но онъ попрежнему величаетъ своего адресата честнымъ отцемъ, ангеловидною главою, честнымъ пустыннымъ верхомъ, а о себѣ отзывается, какъ о безстудливомъ и многогрѣшномъ человѣкѣ, даже какъ о псѣ, смердящемъ злыми дѣлами (стр. 147). Едва-ли и Евфросинъ могъ имѣть расположеніе продолжать переписку съ подобнымъ корреспондентомъ. Но, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ изъ посланія къ Аѳанасію, мы имѣемъ право предположить, что переписка между этими корреспондентами продолжалась и что отношенія между ними были вполнѣ дружественныя.

Намъ кажется болѣе правдоподобною характеристика отношеній между Іовомъ и Евфросиномъ, данная писателемъ житія преподобнаго. Основываясь на ней, приходится отказать отъ мысли о принадлежности посланія къ Аѳанасію Іову. С писателемъ житія замѣчается, что послѣ обвиненій со стороны Евфросина, переданныхъ Іову его сообщниками, послѣдній не только не счелъ нужнымъ оправдываться передъ своимъ противникомъ, но „яко проклятый змій и аспидъ воссвиста, дышущи на святаго, гнѣвныя злобы и ярости исполнився“, что онъ публично, на вѣчѣ, обзывалъ старца еретикомъ и своими рѣчами вызвалъ такое неприязненное отношеніе къ нему со стороны псковичей, что многіе изъ нихъ, проѣзжая мимо Елеазаровскаго монастыря, не считали нужнымъ снимать шапокъ передъ монастырскою церковію, говорили: не слѣдуетъ имѣть общенія съ еретикомъ. Затѣмъ, если Іовъ, несмотря на всю горечь обвиненій, обращенныхъ къ нему Евфросиномъ, столь почтительно, какъ свидѣтельствуется посланіе къ Аѳанасію, относился къ своему противнику, то какой же смыслъ былъ послѣднему жаловаться на него новгородскому архіепископу Евѣмію, да притомъ еще въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ: „молю ти ся, Господа ради, верховною властію помози ми, понеже озлобленъ есмь здѣсь отъ некоего Іева, зовемого столпа, поношаемъ есмь отъ него и укоряемъ тяшкими словесы..., возбрани ему и запрети супротивству его и неуклонному его неистовству“¹⁾. Наконецъ, въ самомъ текстѣ памятника есть прямое указаніе, что авторъ его отличаетъ себя отъ Іова. На страницѣ 140, послѣ обѣщанія говорить объ аллилуіи въ концѣ по-

¹⁾ Рук. Унд., № 306, л. 48 и 50.

сланія, онъ замѣчаетъ: „а о друзѣмъ, сирѣчь о Іевѣ, вѣмъ, отче, вѣмъ, и ко мнѣ, сирѣчь и на насъ писалъ и послалъ еси“. Смысль послѣднихъ словъ слѣдующій: обвиненія противъ Іова, бывшаго священника, защитника троенія, восвешнымъ образомъ падали и на другихъ псковскихъ священниковъ, державшихся по спорному вопросу взглядовъ этого раскола. Но что эти слова связаны лишь сторонникомъ Іова, а не имъ самимъ,—для этого, кажется, нѣтъ нужды въ особыхъ доказательствахъ: контекстъ рѣчи и самъ по себѣ довольно ясенъ.

Такимъ образомъ, сравнительный обзоръ содержанія посланія къ Аѳанасію и первой редакціи житія преп. Евфросина устанавливаетъ фактъ несомнѣннаго сходства между двумя этими памятниками даже и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Съ этой стороны взглядъ проф. Нильскаго представляется очень правдоподобнымъ. Но тотъ же сравнительный обзоръ почти съ такою же несомнѣнностію устанавливаетъ и разницу между этими памятниками не только въ содержаніи, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Въ посланіи къ Аѳанасію мы встрѣчаемъ такіа выраженія, которыя, несомнѣнно, были выписаны авторомъ изъ посланія самого Аѳанасія и которыхъ нѣтъ ни въ посланіи Евфросина, ни вообще въ его житіи,—напр., „къ сему глаголеши: который пророкъ отъ пскова изыде?“ (стр. 142). И если въ противовѣсъ сходству рельефнѣе подчеркнуть эту разницу,—а сдѣлать послѣднее совсѣмъ не трудно,—то объясненія Нильскаго не покажутся уже столь правдоподобными. Но мы считаемъ излишнимъ производить эту работу, такъ какъ по существу дѣла она совершенно бесполезна. Мы не ставили себѣ цѣлью доказать односторонность въ объясненіяхъ Нильскаго. Намъ казалось болѣе важнымъ провѣрить, достаточно ли эти объясненія обоснованы на данныхъ изъ текста сравниваемыхъ памятниковъ, насколько убѣдительно положительная сторона доказательствъ. Думаемъ, что высказанныя нами на этотъ счетъ сомнѣнія не покажутся читателю голословными. Ту же цѣль мы будемъ преслѣдовать и при разборѣ взглядовъ проф. Е. Е. Голубинскаго.

По мнѣнію Голубинскаго, житіе Евфросина, въ первой его редакціи, есть не что иное, какъ фальсификація или поддѣлка: на Евфросина перенесены данныя изъ исторіи епископа Аѳанасія, который дѣйствительно вель споры съ псковичами о сугубой аллилуіи во время управленія новгородскою епархіею архіепископа Евѳимія II-го. Письменные матеріалы этого спора и послужили источниками для Евфросинова житія¹⁾.

Но уже на первый взглядъ возможность подобной литературной поддѣлки представляется сомнительною. Она произведена не позднѣе, какъ въ началѣ XVI вѣка, черезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ послѣ кончины преподобнаго Евфросина, когда еще живы были его современники, въ

¹⁾ Чт. въ Общ. И. и Др., кн. 214, стр. 208 и сл. Взглядъ проф. Голубинскаго принять и проф. Спб. Д. Ак. II. Смирновымъ. „Исторія р. раскола старообрядства“. Спб. 1895 г., стр. 14.

частности быть может—и игумень Памфилъ. Участвія Памфила въ такомъ подлогѣ не допускаетъ и Е. Е. Голубинскій.

Затѣмъ, нужно признать, что эта работа произведена умѣлою рукою. Фальсификаторъ, по мнѣнію Голубинскаго, пользовался одновременно и не дошедшими до насъ документами о спорѣ Аѳанасія съ псевовичами и извѣстіями, которыя касались лично Евфросина, сопоставлялъ ихъ между собою и дѣлалъ измѣненія въ первыхъ по требованію послѣднихъ. Можно объяснить, по какимъ побужденіямъ писатель житія не слѣдуетъ своему источнику при характеристикѣ противниковъ Евфросина, почему онъ опустилъ тѣ возраженія, которыя они дѣлали защитнику двоенія. Приводить послѣднія въ сочиненіи, имѣющемъ своею цѣлю оправдать двоеніе, не было особой нужды, тѣмъ болѣе, что писатель и не сумѣлъ бы разобрать ихъ по существу. Но непонятнымъ представляется, почему онъ изъ аргументаціи представителей двоенія исключилъ ссылку на аналогичный порядокъ въ монастыряхъ аеонскихъ. По объясненію проф. Голубинскаго, это сдѣлано потому, что Евфросинъ, какъ видно изъ его устава, не былъ на Аѳонѣ и, значить, не могъ сослаться на тамошніе богослужебные порядки. Но если писатель сдѣлалъ пропускъ изъ своего источника по такимъ именно соображеніямъ, то слѣдуетъ думать, что онъ и вообще критически относился къ источникамъ своей работы. Разсматривая же житіе, мы приходимъ скорѣе къ противоположному выводу, что авторъ велъ дѣло не очень внимательно, что онъ вносилъ черновыя записи безъ должнаго просмотра, не исправлялъ въ нихъ даже такихъ ошибокъ и неточностей, которыя исправить ему было легко.

Далѣе, подлогъ въ смыслѣ выдачи собственныхъ измышленій подъ именемъ другого, болѣе авторитетнаго лица былъ, дѣйствительно, распространенъ въ древне-русской письменности. Но условія настоящей работы не благопріятствовали допущенію подобнаго литературнаго приѣма. Выдать свою мысль отъ лица какаго-нибудь святаго отца писателю было бы гораздо легче, чѣмъ приписать мнѣнія Аѳанасія преподобному Евфросину. Фальсификація въ такомъ родѣ имѣла бы свой смыслъ въ житіи, написанномъ Василиемъ, когда воспоминанія о псевовсехъ спорахъ могли уже затемниться, когда могли даже забыть объ одномъ изъ спорившихъ лицъ; въ сочиненіи же перваго біографа, написанномъ чрезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ послѣ смерти Евфросина, поддѣлка является не имѣющею смысла, безцѣльною. Какъ очевидную ложь, писаніе автора оставили бы безъ вниманія его читатели, особенно псковичи,—а ихъ то преимущественно онъ и имѣлъ въ виду.

Наконецъ, не совсѣмъ понятна и цѣль этой фальсификаціи. Ближайшею цѣлю ея, по предположенію Голубинскаго, было желаніе авторитетомъ Евфросина, знаменитаго въ своемъ родѣ псковскаго подвижника, утвердить тѣ странныя мысли о сугубой аллилуіи, которыя дѣйствительно высказалъ его современникъ Аѳанасій, совершенно незначимый и даже неизвѣстный инокъ, не имѣвшій въ глазахъ псевовичей никакого авторитета, имя котораго для нихъ было бы пустымъ звукомъ. Но необходимо замѣ-

тить, что самую знаменитость Евфросина не должно преувеличивать. Правда, онъ былъ строгій подвижникъ, уважаемый псковичами. Но не меньшимъ, напримѣръ, уваженіемъ пользовался и ученикъ Евфросина—преподобный Савва Крыпецкій, которому, какъ постриженнику Аѳонской Горы, даже удобнѣе было бы приписать защиту сугубой аллилуіи. Вообще же, въ началѣ XVI вѣка, до составленія житія, Евфросинъ былъ менѣе знаменитъ, чѣмъ во второй половинѣ этого вѣка и въ первой XVII. Съ другой стороны, самъ Аѳанасій и по нравственнымъ качествамъ, и по своему положенію могъ быть не такимъ уже неизвѣстнымъ человѣкомъ. Названія: „великая лавра“, „общеобительный“,—примѣнялись не во всѣмъ русскимъ монастырямъ, а въ Псковѣ въ частности—лишь къ четыремъ: Снѣтогорскому, Мирожскому, Елеазаровскому и Крыпецкому. Такимъ образомъ, Аѳанасій могъ имѣть у псковичей нѣкоторый авторитетъ, хотя бы настолько, чтобы почти при его жизни намѣренно не забыли объ его путешествіи въ Константинополь и на Аѳонъ, о перепискѣ съ новгородскимъ архіепископомъ Евѳиміемъ II-мъ, о спорахъ съ псковичами, и не приписывали всего этого, безъ всякихъ основаній, съ явнымъ даже искаженіемъ фактовъ, другому, современному ему, иноу¹⁾.

Намъ кажется, что и вообще нѣтъ точныхъ данныхъ для того, чтобы отрицать дѣйствительность одного изъ споровъ изъ-за аллилуіи, какъ это дѣлаютъ Е. Е. Голубинскій и И. О. Нильскій. Исслѣдователи въ этомъ случаѣ основываются на мысли о невозможности двухъ одинаковыхъ фактовъ въ исторіи одного и того же вопроса, происшедшихъ притомъ одновременно. Но ближайшій обзоръ содержанія памятниковъ, какъ думаемъ, показываетъ, что при сходствѣ между собою—житіе Евфросина и посланіе къ Аѳанасію имѣютъ и значительную разницу; каждый изъ памятниковъ полнѣе освѣщаетъ намъ исторію споровъ изъ-за сугубой аллилуіи. Отсюда, они не только не исключаютъ взаимно другъ-друга, но и служатъ дополненіемъ одинъ къ другому. Но и обративъ вниманіе на одно лишь сходство въ содержаніи между этими памятниками, мы не имѣемъ еще права заключать о невозможности повторенія одинаковой исторіи съ двумя лицами,—въ тѣхъ, конечно, чертахъ, которыя указаны въ содержаніи разсмотрѣнныхъ памятниковъ. Посланіе къ Аѳанасію свидѣтельствуетъ, что на ряду съ Евфросиномъ былъ и другой защитникъ сугубой аллилуіи, пользовавшійся одинаковыми приемами защиты и даже повторявшій иногда слова Евфросина. И по существу дѣла это обстоятельство не должно вызывать какого-либо сомнѣнія. Наоборотъ, было бы болѣе страннымъ ограничивать исторію споровъ одною личностію, Евфросиномъ или Аѳанасіемъ, думать, что никакихъ споровъ объ аллилуіи не было среди другихъ грамотныхъ людей того времени. Вполнѣ затѣмъ допустимо, что спорившія

¹⁾ Выше, на стр. 8, и самъ Е. Е. Голубинскій допускаетъ, что въ глазахъ псковичей Аѳанасій могъ быть человѣкомъ авторитетнымъ. Здѣсь читаемъ: „онъ (Аѳ.) былъ человѣкъ весьма уважаемый, пустынноподвижникъ и строитель собственнаго общежительнаго монастыря“ въ псков. области.

стороны вспоминали о событіяхъ первоначальнаго спора,—поставимъ-ли мы впереди имя Евфросина или Аѳанасія—безразлично. И патріарха Іосифа, и попа Іова, несомнѣнно, должны были вспоминать обѣ стороны, какъ представителей двухъ авторитетовъ—восточной церкви и мѣстнаго, псковскаго обычая, притомъ по своимъ нравственнымъ качествамъ—представителей недостойныхъ. При отсутствіи какихъ-либо данныхъ въ содержаніи посланія къ Аѳанасію и въ житіи Евфросина не только нельзя рѣшать вопроса о литературной зависимости одного изъ этихъ памятниковъ отъ другого, но даже нельзя установить и исторической послѣдовательности описываемыхъ въ нихъ однородныхъ событій. Проф. Голубинскій относитъ споръ Аѳанасія съ псковичами во времени управленія новгородскою епархіею архіепископа Евѳимія II. Къ этому времени относятъ и написаніе памятника проф. Нильскій и преосв. Макарій. Но другой изслѣдователь исторіи псковскихъ споровъ, В. О. Ключевскій, склоненъ, кажется, думать, что посланіе было написано уже послѣ кончины преподобнаго Евфросина¹⁾. По нашему мнѣнію, большая подробность въ изложеніи спорнаго вопроса въ посланіяхъ къ Аѳанасію, по сравненію съ житіемъ Евфросина, говоритъ за то, что Аѳанасій и неизвѣстный псковичъ были продолжателями спора, начатаго въ Псковѣ Евфросиномъ и Іовомъ, и что посланіе къ Аѳанасію было написано уже въ концѣ XV в.

Въ посланіяхъ, встрѣчался съ именами патріарха Іосифа и Іова, мы не находимъ, однако, упоминанія о главномъ защитникѣ сугубой аллилуйи—преп. Евфросинѣ. Но характеръ упоминаній о первыхъ лицахъ легко объясняетъ намъ причину этого пропуска. Іосифъ былъ авторитетомъ для защитниковъ двоенія. На него ссылался Евфросинъ, говоря, что онъ „наказанъ былъ патріархомъ, еже глаголати дважды пр. ал.“ Одинаковую ссылку дѣлалъ и Аѳанасій: „отъ патріарха слышавъ Іосифа“. Защитникъ троенія и старается доказать ненадежность этого авторитета тѣмъ, что Іосифъ измѣнилъ православію вселенской церкви, согласившись на унію съ Римомъ. Позднѣйшіе защитники двоенія все-таки продолжали строго держаться этого авторитета. Въ отвѣтъ на указанныя возраженія они заявляли, что Евфросинъ бесѣдовалъ съ патріархомъ въ добрую пору, задолго до взятія Царьграда турками и до союза церковнаго съ Римомъ. О личности Евфросина оба корреспондента, вѣроятно, были одинаково высокаго мнѣнія. Въ жизни преподобнаго нельзя было указать ничего предосудительнаго, что налагало бы тѣнь и на его возрѣнія. Но нравственная личность представителя троенія, Іова, промѣнявшаго священство на „гостебное“ (купеческое) житіе, нуждалась въ реабилитаціи, такъ какъ, сопоставляя жизнь Іова съ жизнію Евфросина, защитники сугубой аллилуйи съ полнымъ правомъ могли говорить: „когда паче двоащеи предъ троащими и благочестіемъ предъ Богомъ“. Признавая въ общемъ справедливость обвиненій по отношенію къ Іову, сторонникъ его взглядовъ

¹⁾ Пр. Об. 1872 г., XII, стр. 736, ср. у Нильскаго, Хр. Чт., стр. 706, прим.

старается лишь смягчить самую форму этих обвинений. Онъ разъясняетъ, какъ несправедливо къ имени христіанина прилагать такіе эпитеты, какъ второй Іуда или мотыльный столпъ. „Гдѣ ли еси въ писаніи изобрѣлъ еси, ли начелъ, что мотыльнымъ именовать или іудею христіанскій родъ, аще и грѣшенъ“ (стр. 141). Замѣчаніе это, не устраняя собою всего обвиненія, сглаживало по крайней мѣрѣ рѣзкость его тона. Мѣтвое прозвище, данное Іову Евфросіномъ, вѣроятно хорошо запомнили и не переставали повторять сторонники преподобнаго въ спорахъ съ троегласниками. То же сдѣлалъ и Аѳанасій. Но псковскій влирикъ, оправдывая Іова, въ то же время разъясняетъ, что порядокъ троенія идетъ вовсе не отъ Іова, что онъ имѣетъ за себя безусловный авторитетъ въ лицѣ митрополита Фотія, нравственная личность и пастырская дѣятельность котораго высоко цѣнились псковичами. Въ свою очередь и Аѳанасій подкрѣпляетъ авторитетъ двоенія ссылкой на аѳонскіе монастыри, точно также пользовавшіеся особымъ уваженіемъ со стороны русскихъ людей XV в. Что касается ссылки на Іосифа, то Аѳанасій могъ ее сдѣлать и не бывавъ у патріарха, со словъ другихъ сторонниковъ двоенія, въ частности—преподобнаго Евфросіана. Точно также со словъ какихъ-нибудь аѳонскихъ монаховъ онъ могъ сослаться и на аѳонскіе порядки. Выраженіе: „слышавъ отъ патріарха Іосифа и афонскимъ“, само по себѣ не объясняетъ еще, былъ-ли Аѳанасій на Востокѣ или нѣтъ. Но можно допустить, что онъ побывалъ на Аѳонѣ, такъ какъ случаи посѣщенія послѣдняго въ древней Руси были довольно часты.

Какъ частная переписка, „посланіе къ Аѳанасію“ могло остаться неизвѣстнымъ первому редактору житія преподобнаго Евфросіана. Во всякомъ случаѣ, въ текстѣ первой редакціи нѣтъ никакихъ намековъ, чтобы біографъ преподобнаго пользовался этимъ памятникомъ въ качествѣ пособія для своей работы. Наличие посланія не можетъ такимъ образомъ отрицать собою историческое значеніе „повѣсти о пресвятѣй аллилуйя“ и не служитъ доказательствомъ того, что споръ Евфросіана—вымыселъ его біографа и житіе его—подлогъ. Посланіе показываетъ лишь, что первая редакція житія преподобнаго даже и со стороны главнаго предмета ея содержанія явилась трудомъ въ значительной мѣрѣ неудовлетворительнымъ; она не устраняла собою всѣхъ возраженій сторонниковъ троенія.

Въ концѣ первой половины XVI вѣка, когда былъ поднятъ вопросъ объ общецерковной канонизаціи преподобнаго Евфросіана, оказалась неудовлетворительною и біографическая часть первой редакціи житія. Вслѣдствіе этого въ 1547 году, по просьбѣ иноковъ Елеазаровскаго монастыря, было составлено новое житіе біографомъ псковскихъ святыхъ, пресвитеромъ Василіемъ¹⁾. Въ задачу этого новаго труда входило прежде всего

¹⁾ Эту редакцію житія будемъ цитировать по печатному изданію въ Памят. с. р. л. графа Куселево-Безбородко, Спб. 1862 г., вып. IV, стр. 67—116. Изданіе это—не безупречное. Не говоря уже о нѣкоторыхъ неисправностяхъ

дать биографическія свѣдѣнія о святомъ за ранній періодъ его жизни и подробнѣе изложить чудеса, совершавшіяся послѣ его кончины и свидѣтельствовавшія о его святости. Эту вторую половину задачи хорошо исполнилъ второй біографъ. Описанія чудесъ, сдѣланныя частью на основаніи существовавшихъ уже въ монастырѣ записей, но болѣе всего по рассказамъ очевидцевъ, по своей полнотѣ и по заключающимся въ нихъ историческимъ свѣдѣніямъ о жизни иноковъ Елеазаровскаго монастыря, представляютъ собою безусловный интересъ.

Нельзя сказать того-же самаго и относительно биографическихъ свѣдѣній о святомъ, переданныхъ Василиемъ со словъ монастырской братіи, въ частности—по рассказамъ старца Маркелла, 50 лѣтъ проживавшаго уже въ монастырѣ. Воспоминанія и рассказы монастырской братіи дали Василию въ общемъ очень скудный матеріалъ для біографіи Евфросина. У елеаз. монаховъ не сохранилось свѣдѣній ни о имени родителей святаго, ни объ отдѣльныхъ фактахъ изъ его жизни до устройства монастыря. Болѣе точными являются указанія о родинѣ Евфросина, о мѣстѣ его постриженія въ монашество, о времени прихода въ Толвскую пустыню и о кончинѣ преподобнаго. Впрочемъ, Василий былъ опытный писатель. По трудамъ Пахомія Серба онъ былъ хорошо знакомъ съ техникою составленія житія и потому его не смущалъ недостатокъ фактическаго ма-

въ текстѣ,—напр., стр., 72, 70: „и кѣліямъ непотребно есть упространитися“,—точнѣе, какъ въ рук. библ. Тр. Сер. Л., № 676, л. 353 об.: „оустроитися“, или: „вниде во единъ отъ монастырей Инжинскихъ“—вмѣсто „инокынскихъ“ (ib., л. 349, по рук. М. Д. А., Фун. 6-ки, № 205, л. 32 и Волок. б., № 632, л. 463 об.),—неправильно обозначенъ и годъ смерти преподобнаго: 6985—нужно 6989, какъ во всѣхъ цитиров. сейчасъ рукописныхъ спискахъ и въ проложной редакціи Рум. Муз., № 397, л. 375. Имя составителя житія, Василия, читаемъ въ Лавр. рук., на 344 л., въ началѣ: „миѣ недостойному клирику Василию“, въ рук. Волок. б., на 459 л.: „понудиста мене смиреннаго и недостойнаго и невѣжу клирика Василия“, въ печ. изд.—въ описаніи 19-го чуда (стр. 116). Печатное изданіе нельзя назвать полнымъ: въ немъ нѣтъ похвалы преподобному.

Изъ рукописныхъ списковъ, которыми мы пользовались, нѣкоторый интересъ представляетъ собою списокъ библ. Елеаз. монастыря, на 106 л., изъ которыхъ первые 14 занимаетъ служба преподобному. Особенность въ этомъ списокѣ составляетъ опредѣленіе времени перехода Евфросина на Толву: „и ту блаж. отецъ вселися безмолствовати наединѣ въ лѣто 6955“ (л. 19). Это—несомнѣнная описка, послужившая причиною отмѣченной уже хронологической ошибки въ изслѣдованіяхъ нѣкоторыхъ писателей. Описки есть и въ другихъ мѣстахъ этого списка. Онъ переписанъ во второй половинѣ XVIII вѣка, какъ можно видѣть изъ слѣдующей вставки въ описаніи предсмертной молитвы Евфросина: „прizzi на обитель сію и мене и живущихъ во обители твоей имени твоего ради, иже молитвы приносяти о благовѣрной и христоролюбивой императрицѣ Евкаторинѣ Алексѣевѣи всея великія Россіи и за вся благочестивыя князи и бояры и христоролюбивое воинство“ (л. 68 об.). Кончина Евфросина отнесена къ 6989 году (л. 70 об.).

теріала. Съ помощію риторическихъ приѣмовъ и общихъ мѣстъ изъ знакомыхъ ему житій онъ пополнилъ недостающее и тѣмъ удовлетворилъ тогдашнимъ литературнымъ требованіямъ,—хотя и сдѣлалъ это въ ущербъ исторической правдѣ и фактической точности. Съ литературной стороны получилась біографія законченная.

Въ пользованіи сторонними источниками Василій не обнаружилъ какой-либо самостоятельности или умѣнья,—списывалъ почти дословно. Заимствованія можно наблюдать, прежде всего, въ предисловіи къ житію. Первые сорокъ строкъ по печ. изд. до буквальности сходны, напримѣръ, съ предисловіемъ къ житію преподобнаго Дмитрія Прилуцкаго¹⁾). Отмѣчая это случайное совпаденіе въ начальныхъ строкахъ двухъ памятниковъ, мы, конечно, вовсе не склонны дѣлать положительнаго вывода о зависимости Василія отъ автора житія преп. Дмитрія. Вѣроятноже, что лица, специально занимавшіяся составленіемъ житій, имѣли у себя выписки изъ образцовыхъ сочиненій этого рода и пользовались ими по мѣрѣ нужды. Этимъ и объясняется, что нерѣдко въ одномъ и томъ же мѣстѣ житія встрѣчаемъ заимствованія, сдѣланныя изъ двухъ разныхъ источниковъ. Противъ самостоятельности Василія говоритъ во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что житіе Дмитрія появилось ранѣе второй редакціи житія Евфросина²⁾).

Слѣдующая за предисловіемъ статья: „о рожденіи блаженнаго отрока“, съ фактической стороны,—если исключить отмѣченныя выше указанія біографа о родинѣ святаго, о мѣстѣ его постриженія и о времени перехода на Толву,—никакой цѣнности не имѣетъ. Извѣстіе о посѣщеніи Евфросина въ пустынь матерію, конечно, можетъ быть признано вѣроятнымъ, но разсматривать его какъ вполне фактическое—нельзя. Разказы о такихъ случаяхъ въ древне-русскихъ житіяхъ встрѣчаются очень часто. Такова первая часть дополненій Василія къ труду перваго біографа святаго.

Съ большею подробностію, по сравненію съ первымъ писателемъ, Василій описалъ событія смерти преподобнаго. По его словамъ, эти описанія основаны на разказахъ монастырской братіи: „яко нѣщцы повѣдаютъ въ обители его“ (стр. 99). Въ дѣйствительности же Василій очень мало воспользовался разказами монастырской братіи и большую часть своихъ дополнительныхъ сообщеній заимствовалъ изъ сторонняго литературнаго источника. По крайней мѣрѣ, его описаніе предсмертной бесѣды Евфросина съ учениками и замѣчанія о принятіи святымъ „въ самый убо исходъ“ св. таинъ, о кончинѣ преподобнаго, слезномъ сокрушеніи братіи и о погребеніи ими своего учителя—до буквальности сходны съ соотвѣствующими мѣстами житія преподобнаго Сергія³⁾). Въ разсматриваемой вто-

¹⁾ Ср. Пам. ст. рус. лит., стр. 67 и 68 и № 640 рук. 6-ки М. Д. А. л. 45 об.—46 об.

²⁾ См. у В. О. Ключевскаго, о. с., стр. 189, 271.

³⁾ Ср. Пам. ст. рус. лит., в. IV, стр. 99. В. Ч. М., сент., вып. III, стр. 1561—1562.

рой части дополнений у второго биографа находимъ и ошибки. Такъ, напр., Василий отнесъ кончину Евфросина ко времени игуменства Игнатія, тогда какъ изъ завѣщанія преподобнаго видно, что игуменомъ въ то время былъ уже второй изъ братьевъ—Харлампій. Въ виду этой неточности можно думать, что Василий не пользовался ни завѣщаніемъ, ни уставомъ Евфросина, а упомянулъ о нихъ лишь со словъ перваго писателя.

Въ остальномъ содержаніи своей работы Василий слѣдовалъ письменному источнику, какъ и самъ онъ говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи въ житію: „прочая же и достовѣрнѣйшая навѣкъ отъ самаго того писанія, иже преже насъ написана быша отъ нѣкоего слагателя“ (стр. 68). Не имѣя возможности и не считая нужнымъ провѣрять эти „достовѣрнѣйшія“ описанія своего предшественника, Василий довѣрчиво относился ко всѣмъ разсужденіямъ и разсказамъ перваго биографа и полностью, чаще всего буквально, вносилъ ихъ въ свое житіе. Задачею своею онъ ставилъ лишь приведеніе въ порядокъ разбросанныхъ „ово здѣ, ово индѣ“ разсказовъ своего предшественника. Отсюда, въ историко-біографической части житія у Василия не находимъ ничего новаго. Порядокъ жизни монастырской за первоначальную ея пору, характеристика сподвижниковъ Евфросина приведены у него съ буквальною почти точностію по источнику. Центральное мѣсто и во второй редакціи занимаетъ собою повѣсть о сугубой аллилуіи; по своему изложенію она очень мало отличается отъ „повѣсти“ первой редакціи.

Но сравнивая текстъ обѣихъ редакцій, легко замѣтить, что распределение письменнаго матеріала въ этой спеціальной части житія по хронологической рубрикѣ, слѣланное Василиемъ, измѣняетъ нѣсколько историческое значеніе описанныхъ въ первой редакціи событій. Такъ, время путешествія Евфросина въ Константинополь у перваго писателя определено словами: „въ юности своей“. Василий опускаетъ эти слова и говоритъ, что путешествіе было совершено преподобнымъ уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ основанія имъ монастыря. Чтобы яснѣе доказать это, онъ составилъ даже особую статью: „о хоженіи святаго къ царствующему граду“ (стр. 80—81),—изъ которой мы узнаемъ, что Евфросинъ отправился на Востокъ послѣ того, какъ внутреннее устройство Елеазаровскаго монастыря было уже закончено. Съ тою же цѣлію Василий измѣняетъ и самыя слова Евфросина въ бесѣдѣ съ Филиппомъ и его товарищемъ объ этомъ путешествіи. По первой редакціи, Евфросинъ, въ увѣренности, что въ Константинополѣ онъ найдетъ полное разъясненіе всѣхъ недоумѣній, не разрѣшенныхъ въ Псковѣ, немедленно направился туда: „умыслихъ лучшее и устремихся къ царствующему граду“. Второй редакторъ, наоборотъ, старается установить нѣкоторый промежутокъ времени между появленіемъ намѣренія посѣтить Царьградъ и осуществленіемъ этого намѣренія; онъ дѣлаетъ слѣдующую вставку въ разсказъ своего предшественника: „и день отъ дни помышляющу ми и любовію душевною горящу о Отцѣ и Сынѣ и Св. Духѣ, како лѣпо славити въ пресвятѣй аллилуіи: сице умы-

слихъ лучшее и устремился къ царствующему граду¹⁾). Къ этому времени нельзя, конечно, было отнести упомянутой выше замѣтки перваго писателя о юношескомъ возрастѣ паломника.

Затѣмъ, первый писатель не говоритъ, былъ-ли Евфросинъ во время своего путешествія инокомъ или принялъ монашество уже по возвращеніи изъ Царьграда. Изъ начальныхъ словъ его статьи, въ которыхъ поставлено мірское имя святаго: „како ходилъ бѣ въ юности своей премудрый елиозаръ къ црюграду“ (л. 86 об.),—скорѣе можно сдѣлать заключеніе въ послѣднемъ смыслѣ. Первый писатель, при изложеніи бесѣды патріарха Іосифа съ Евфросиномъ, вовсе не говоритъ и о монастырѣ преподобнаго, тогда какъ Василиій упоминаетъ о немъ не одинъ разъ. Для примѣра приведемъ нѣкоторые мѣста изъ описанія этой бесѣды, какъ она передана у обоихъ писателей. По поводу прощальнаго благословенія патріарха Евфросину мы читаемъ въ первой редакціи слѣдующія слова: „рекъ ми: миръ ти, чадо, и иди съ миромъ, аминь“. Во второй редакціи добавлено: „иди съ миромъ во свой монастырь къ братіи“, и затѣмъ слѣдуетъ наставленіе поучать братію „подвизатися о спасеніи душевнѣмъ и терпѣти скорби лютыя, наносимыя на ны“ и т. д.,—чего нѣтъ въ первой редакціи. Далѣе, во второй редакціи читаемъ слѣдующія лишнія слова по поводу благословенія иконою: „и тако ми рекъ: Богъ буди съ тобою, чадо, и той тя достроитъ до обители твоея мирно и тихо“. Въ заключеніи, при передачѣ словъ первой редакціи: „и отыдохъ отъ него со мною радостію и веселіемъ и зѣло великъ миръ нося въ души моея“,—во второй редакціи сдѣлано слѣдующее измѣненіе: „миръ носай братіи своей и достигохъ до обители своея свята“²⁾). Равнымъ образомъ и въ заглавіи перваго писателя: „како ходилъ бѣ въ юности своей премудрый елиозаръ“, сдѣлано измѣненіе: „како ходилъ бѣ преподобный Евфросинъ, зовомый (?) Елеазаръ“ (стр. 102).

Нельзя думать, чтобы въ указанныхъ случаяхъ Василиій дѣйствительно исправлялъ ошибки своего предшественника. Для этого у него не было никакихъ данныхъ. Его руководители, елеазаровскіе монахи, не будучи современниками Евфросина, не имѣли, разумѣется, точныхъ свѣдѣній о путешествіи преподобнаго, которыми могъ бы воспользоваться Василиій. Наоборотъ, первый писатель, писавшій со словъ игумена Памфила, могъ ближе стоять къ истинѣ. Нельзя здѣсь довѣрять Василию и потому, что онъ не исправилъ ошибокъ своего предшественника даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ для этого основанія,—напримѣръ, при опредѣленіи личности архіепископа, посвятившаго игумена Игнатія, или при обозначеніи числа псковскихъ соборовъ во время спора Евфросина съ Іовомъ. Онъ и самъ допустилъ ошибки въ хронологіи такихъ событій изъ жизни святаго, о которыхъ въ монастырѣ имѣлись точныя, письменныя извѣстія. Такъ, напр., онъ неправильно назвалъ игумена, при которомъ скончался

¹⁾ Ср. рук. Унд. № 306, л. 35 об. и Пам. ст. рус. лит., вып. IV, стр. 89.

²⁾ Ср. л. 36 об., 37 и стр. 90.

преподобный Евфросинъ. Очевидно, что главнымъ побужденіемъ къ указаннымъ измѣненіямъ у Василія было лишь желаніе придать большую убѣдительность и большее значеніе описываемымъ фактамъ. Онъ хорошо понималъ, что Евфросинъ—инокъ, основатель общежительнаго монастыря, въ глазахъ читателя будетъ имѣть большой авторитетъ и вызоветъ къ себѣ большее довѣріе, чѣмъ юноша Елеазаръ, подвизавшійся противу силъ своей о божественномъ любомудріи св. аллилуія.

Въ тѣхъ-же видахъ усилить значеніе описываемыхъ фактовъ второй писатель въ передачѣ бесѣды Евфросина съ патріархомъ добавилъ, что Іосифъ не только на словахъ разъяснилъ псковскому паломнику его недомыслия, но далъ и письменное наставленіе о сугубой аллилуіи: „таже и отъ предреченнаго патріарха Іосифа пріемъ писаніе тѣмъ же образомъ, еже дважды глаголати пресвятая и животворящая аллилугія“ (стр. 89). Объ этомъ писаніи ничего не говоритъ первый писатель. Но позднѣйшіе защитники сугубой аллилуіи обратили большое вниманіе на это добавленіе Василія; съ его словъ они ссылались на писаніе патріарха, какъ на одно изъ важныхъ доказательствъ правильности двоенія. Въ XVII в. извѣстный расколоучитель Никита Суздальскій утверждалъ даже, что „то писаніе и до нынѣ на Москвѣ въ патріаршей книгохранительницѣ“. Однако, когда дѣло дошло до провѣрки его словъ, Никита не могъ фактически подтвердить сказаннаго и ограничился лишь ссылкой на другое лицо, передававшее будто-бы ему объ этомъ¹⁾. Эта разница между двумя редакціями житія Евфросина, отмѣченная впервые профессоромъ Нильскимъ, съ достаточною полнотою разсмотрѣна въ цитированномъ уже выше изслѣдованіи профессора Малинина, вслѣдствіе чего мы и не считаемъ нужнымъ останавливаться на ней подробно²⁾.

Въ литературно-стилистическомъ отношеніи поправки, сдѣланныя Васиіемъ въ повѣсти о сугубой аллилуіи, незначительны. Прежде всего, онъ вычеркнулъ или измѣнилъ такіа выраженія, которыя были или излишни для писателя псковича,—напримѣръ, отмѣченные выше объяснительныя слова перваго писателя о пяти псковскихъ соборахъ,—или не соответствовали личнымъ взглядамъ Василія,—о путешествіи Евфросина въ юности. Опустилъ онъ, затѣмъ, и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста изъ сочиненія своего предшественника или потому, что они не отвѣчали задачѣ новаго житія, или потому, что по характеру своему и по отдѣльнымъ выраженіямъ могли казаться не совсѣмъ приличными въ устахъ подвижника и противорѣчили отзывамъ въ другихъ письменныхъ памятникахъ объ однихъ и тѣхъ же лицахъ. Такъ, во второй редакціи нѣтъ предисловія о значеніи сугубой аллилуіи. Умѣстное въ трудѣ перваго писателя, предисловіе было-бы излишнимъ въ житіи Василія, преслѣдовавшемъ другую цѣль, болѣе общую. Не находимъ и посланія Евфросина къ духовенству троїцкаго собора, въ которомъ преподобный очень рѣзко отзывается объ Іовѣ

¹⁾ Мат. для ист. раск., т. IV, стр. 269.

²⁾ Хр. Чт., стр. 716—717; „Старецъ Ел. м. Филоевъ“, стр. 21—24.

и его сторонникахъ. Исключить этотъ памятникъ для Василя было тѣмъ удобнѣе, что изъ повѣсти споровъ не видно, чтобы Евфросинъ велъ письменную полемику съ своими противниками. Помѣстивъ, наконецъ, переписку Евфросина съ архіепископомъ Евѳиміемъ, Василий опустилъ объясненіе перваго писателя, почему Евѳимій отказался разрѣшить споръ Евфросина съ Іовомъ. Въ первой редакціи мы читаемъ: „поне ж бо архіеп. Еуфимье стъ житіемъ и препростъ обычай имы и книжной премудрости, купно ж тако и к законному разсоуженію не глубленъ искусь учителства имы, и сего ради ничто жъ управи или рассудивъ стму о вещи“¹⁾. Слова эти на первый взглядъ представляются двусмысленными; но нѣтъ нужды понимать ихъ, какъ ироническій отзывъ о недомыслии владыки. Вполнѣ возможно, что эти правдивыя строки первый біографъ написалъ скорѣе въ защиту Евѳимія, чѣмъ въ его униженіе. По крайней мѣрѣ, у Василя, опустившаго приведенныя слова, поступокъ новгородскаго владыки остался недостаточно объясненнымъ. По нему: „слышавъ нелѣпныя словеса Іевлевы, Евѳимій ничтоже вня или рассудивъ о влючимѣй скорби и печали, бываемой на святаго“,—другими словами, Евѳимій даже не захотѣлъ внимательно отнестись къ дѣлу, ссылаясь на его трудность. По объясненію перваго писателя, Евѳимій не помогъ святому не потому, что не захотѣлъ, а главнымъ образомъ потому, что не могъ приставить ключа премудрости разумѣнія къ такой глубинной тайнѣ, смыслъ которой былъ недоступенъ даже пророкамъ и св. отцамъ. Для почитателей памяти новгородскаго святителя такой отзывъ перваго біографа о недостаткѣ премудрости разумѣнія у Евѳимія не могъ показаться неудобнымъ или обиднымъ для святаго. Только „высооумные“ москвичи, въ родѣ архіеп. Сергія, придавали значеніе этому недостатку премудрости у новгородскихъ святителей (одного изъ которыхъ Сергій обозвалъ простымъ мужикомъ), сами же новгородцы „простоту ума и обычая“ у мѣстныхъ святыхъ даже и не считали какимъ-либо недостаткомъ. Но для Василя, болѣе образованнаго въ литературномъ отношеніи, чѣмъ его предшественникъ, знакомаго съ образцовыми житіями Пахомія Сербя, такая замѣтка перваго писателя могла показаться не только неудобною, но и не соответствующею официальному отзыву біографа Евѳимія объ умственныхъ его дарованіяхъ. Именно, у Пахомія Василий могъ прочитать слѣдующую замѣтку о годахъ школьной жизни Евѳимія: „времени пришедшу, вданъ бываетъ учитися божественнымъ книгамъ; тѣмже тому спѣшне писанія извыкшу, обыче же во иныхъ не упражнятися, развѣ иже въ божественная вѣдущихъ“²⁾.

Въ историко-біографической части житія добавленія и измѣненія, сдѣланныя Василиемъ, не существенны. Изъ новыхъ статей, составленныхъ „отъ слышанія отъ неложныхъ свидѣтелей“ (стр. 68), можно указать слѣдующія: „о умноженіи брашенъ молитвами святаго“, „о умноже-

¹⁾ Рук. Унд., № 306, л. 57.

²⁾ Пам. ст. рус. лит., вып. IV, стр. 17.

ни рыбъ“, и въ дополненіи къ статьѣ перваго писателя: „о Филаретѣ черноризцѣ“, краткую замѣтку объ ученикахъ Евфросина: Саввѣ Крыпецкомъ, Досиѣѣ и Илларионѣ. Событіе, о которомъ разсказывается въ первой статьѣ, относится къ начальной жизни Елеазаровской обители, когда, по словамъ писателя, монастырь еще „ново-строился“. Къ начальной исторіи монастырской жизни относится и второе событіе. Наоборотъ, приложение къ статьѣ о Филаретѣ касается событій позднѣйшихъ, говорить объ ученикахъ Евфросина, пришедшихъ къ преподобному уже во второй половинѣ XV в. Въ остальныхъ историческихъ разсказахъ Василій точно слѣдуетъ за своимъ предшественникомъ и по большей части буквально переписываетъ его сообщенія. Но онъ старается расположить описанія перваго писателя въ болѣе стройномъ видѣ, „по ряду“. Въ этихъ видахъ онъ опускаетъ тѣ выраженія, при помощи которыхъ его предшественникъ хотѣлъ установить внѣшнюю связь между главнымъ разсказомъ и сторонними добавленіями или просто объяснялъ читателю причину подобныхъ вставокъ. Но и эта несложная работа произведена Василюмъ очень невнимательно и неумѣло. Нѣкоторыя выраженія оставлены или измѣнены такъ, что получилась прямо бессмыслица¹⁾. Образцомъ послѣдней можетъ служить окончаніе статей „о прихожденіи братіи ко святому“ и „о Памфиліи старцѣ“. Послѣдняя статья у перваго писателя оканчивается обѣщаніемъ „впереди“ въ болѣе стройномъ видѣ разсказать о подвигахъ и о жизни первыхъ трехъ братьевъ: „о нихъ-же ми есть еще слово впередилежаще, я хошу связати, егда приидуть въ рядъ повѣсти и тогда поману трудолюбное ихъ и усвое пути і скорбное теченіе произволенію ихъ, нынѣ же граду путь повѣстію и не съврашу слова съ теченія искомого“. Василій переименовалъ эти слова такъ: „о нихъ-же ми есть слово предлежаще (?), нынѣ же настоящее да глаголется“²⁾.

¹⁾ Опущены: 2 строки послѣ разсказа о Серапіонѣ (л. 94 об., ср. стр. 71), 2—въ статьѣ „о прихоженіи братіи“ (л. 95 об.—96, стр. 71); 6 строкъ послѣ статьи о Памфилѣ (л. 53, ср. стр. 73); 2—передъ повѣстью о новг. свящ. (л. 97, ср. 77); 1—передъ ст. объ исхожденіи св. Евфр. во внутр. пустыню (л. 60 об., стр. 78) и др.

²⁾ Рук. Унд., № 306, л. 52 об.—53. Печ. жит., стр. 73. Разсказъ о прихоженіи братіи оканчивается словами, заимствованными у перваго писателя: „сіе до здѣ, и паки на предлежащую повѣсть возвратимся“ (стр. 77). Совершенно излишними у втораго писателя являются слѣдующія строки, которыми заканчивается статья, озаглавленная: „молитва пресвятѣй Богородицѣ“. „Азъ же паки и о семъ изнесу словомъ любви вашей и открыю явѣ злолютая плетенія лукаваго, бываемыя бѣды на святаго отца и многія напасти видимо и невидимо отъ дѣйства діавола претерпѣ, овогда бо отъ злыхъ челоувѣкъ ключахуся святому величии скорби, овогда же и самъ діаволь лицемъ къ лицу явѣ самъ являясь, спѣшаше терновное строеніе, да недѣлюю смертію препнеть животъ святому отцу Евфросину“ (стр. 97). У перваго писателя послѣ этихъ строкъ дѣйствительно и находимъ разсказы объ исхожденіи во внутреннюю

Измѣняя и опуская отдѣльныя выраженія въ разсказахъ перваго писателя, Василій иногда придавалъ этимъ нѣсколько иной смыслъ разсказу. Но и такія поправки нельзя признать удачными и нужными для дѣла. Безъ всякихъ, напримѣръ, основаній въ описаніи чуда надъ Конономъ Василій выпустилъ слѣдующія выраженія: „аще хоцещи, пребуди здѣ безъ сребра“ (слова Евфросина при поступленіи Конона въ монастырь), и „пришедь стый въ монастырь и не у бѣ паче внити въ велию свою и возва иконома“ (послѣ угрозы Конона убить святаго) (л. 66 об.). Въ разсказѣ о новгородскомъ священникѣ: „приде бяше отъ В. Новаграда нарокомъ паче“, послѣднихъ два слова замѣнены словами: „невѣриемъ одержимъ“. Въ соотвѣтствіе этому разсказъ заканчивается нравоучительнымъ приложеніемъ: „и тако священникъ онъ зазираше въ себѣ добродѣтельному житю и надъ смиренными не возношашеса и до кончины души своея, яко-же рече ему преподобный Евфросинъ“, — чего нѣтъ въ первой редакціи¹⁾.

Не измѣняя содержанія разсказовъ предшественника, Василій зато значительно увеличиваетъ ихъ объемъ вставками сочиненныхъ имъ, соотвѣтственно агіографическимъ требованіямъ, молитвъ. Такія молитвы помѣщены, напримѣръ, у него послѣ разсказа о чудѣ надъ Конономъ и въ описаніи кончины Евфросина. У перваго писателя въ первомъ разсказѣ послѣ словъ прощенія прямо говорится объ исцѣленіи согрѣшившаго; у Василія вставлены наставленіе Конону и молитва о немъ святаго. Точно также въ описаніи кончины преподобнаго первый писатель, послѣ общаго замѣчанія о старости и болѣзни подвижника, кратко говоритъ о прощальной бесѣдѣ его съ учениками и затѣмъ о смерти. Василій подробнѣе излагаетъ содержаніе этой бесѣды и передъ этимъ вставляетъ двѣ молитвы²⁾. Увеличивая собою объемъ описаній, молитвы эти не вносятъ ничего новаго въ ихъ содержаніе. Вслѣдствіе своей сочиненности, онѣ даже не отображаютъ намъ того настроенія, которое могло быть у святаго и его сподвижниковъ при томъ или иномъ случаѣ. Въ изложеніи предсмертной молитвы святаго допущенъ даже анахронизмъ. Именно, въ молитвѣ къ Богоматери преп. Евфросинъ проситъ ея покрова и заступленія своимъ ученикамъ, „иже молитвы приносятъ о благовѣрномъ и христілюбивомъ царѣ, великомъ князѣ, самодержцѣ всея великія Русіи“. Едва-ли въ такой именно формѣ молился о предержавшей власти подвижникъ — псковичъ XV в.

Не имѣя возможности точно опредѣлить время отдѣльныхъ событій въ жизни Евфросина и его сподвижниковъ, Василій ограничивается обыч-

пустыню и о чудѣ надъ Конономъ, какъ образцы „великихъ скорбей“ отъ діавола и отъ злыхъ людей, покушавшихся нелѣпою смертію пренести живость святому. У Василія разсказы эти помѣщены раньше, и вслѣдъ за этими словами онъ прямо переходитъ къ описанію кончины преподобнаго.

¹⁾ Стр. 78, ср. рук., л. 99 об. Въ описаніи одежды Серапіона опущены слова: „вѣшми посыпани“ (л. 94 об., ср. стр. 71).

²⁾ Ср. рук. № 306, л. 70 об.—71, и печ. житіе, стр. 98—99.

ными въ житіяхъ общими выраженіями для обозначенія послѣдовательности описываемыхъ событій,—напримѣръ, „и по времени“, „по малѣ же времени“ „времени же многу минувшу“, „малу же времени минувшу“¹⁾. Безъ точныхъ хронологическихъ датъ у него описано и большинство изъ посмертныхъ чудесъ святаго. Съ точнымъ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа имѣемъ лишь одну записъ—16-го чуда (стр. 113). Приблизительно, затѣмъ, можно установить время совершенія чудесъ 7-го, 9-го, 10-го, 12 по упоминаемымъ въ нихъ именамъ: архіепископа (7), игумена (9), дьяковъ псковскихъ (10 и 12). Въ остальныхъ случаяхъ нельзя даже сказать, какое изъ чудесъ совершилось ранѣе и которое позднѣе, такъ какъ Василиій въ своемъ описаніи чудесъ не держится хронологическаго порядка. Такъ, напримѣръ, 19 чудо (1542 г.), названное новѣйшимъ, на самомъ дѣлѣ должно бы стоять ранѣе 16-го, отъ 1547 г.²⁾ Описанія первыхъ двухъ чудесъ, надъ Закхеемъ діаволомъ, заимствованы изъ повѣсти предшественника; описанія же остальныхъ чудесъ составлены Василиємъ вновь, по рассказамъ елсазаровскихъ монаховъ, какъ видно изъ замѣтки въ описаніи 19 чуда: „еже слыпахъ отъ многихъ монастыря его“ (стр. 115). Описаніе этого чуда авторъ оканчиваетъ личными разсужденіями о своемъ недостойнствѣ и молитвою къ Евфросину за себя и за всѣхъ чтущихъ его память. Здѣсь же Василиій замѣчаетъ, что онъ описалъ далеко не всѣ чудеса преподобнаго: „многа же и иная повѣсти достойна чюдодѣянія святаго чюдотворца преминахъ множества ради“ (стр. 116). Начиная съ 7-го чуда, всѣ описанныя чудеса относятся ко времени управленія новгородскою епархіею Макарія и къ первымъ годамъ его митрополитства.

Отсутствіе точныхъ хронологическихъ датъ понижаетъ историческую цѣнность описаній чудесъ. Но все-таки они имѣютъ большое значеніе, такъ какъ въ нихъ можно находить интересныя свѣдѣнія о жизни елсазаровскихъ монаховъ во второй четверти XVI столѣтія. Наиболѣе цѣнны въ историческомъ отношеніи описанія чудесъ: 7-го, 10, 15, 16 и отчасти 18-го. Извѣстіями, заключающимися въ этихъ описаніяхъ, мы воспользуемся при изложеніи исторіи елсазаровской монастырской жизни за XVI вѣкъ.

Непосредственно за описаніемъ чудесъ въ рукописныхъ спискахъ житія Евфросина слѣдуетъ похвала святому, текстъ которой съ параллельными выписками изъ другихъ памятниковъ мы помѣщаемъ въ приложеніяхъ.

Хотя Василиій и дѣлаетъ замѣчаніе, что похвальное слово святому составлено имъ на основаніи житія: „возьмемъ слово отъ житія блаженнаго“, но на самомъ дѣлѣ онъ рѣдко пользуется житіемъ, а въ большинствѣ случаевъ просто списываетъ изъ житій другихъ святыхъ. Въ похвалѣ приведенъ лишь одинъ фактъ—изъ описанія чуда надъ Конономъ. Затѣмъ авторъ два раза восхваляетъ Евфросина за его ревность о сугу-

¹⁾ Стр. 69, 73, 70, 80, 107.

²⁾ См. у Малинина, о. с., стр. 34.

бой аллилуїи. Этимъ и ограничивается самостоятельность Василя. Въ остальномъ, какъ можно видѣть изъ сопоставленія текста похвалы Евфросину съ отрывками изъ другихъ подобныхъ же памятниковъ, Василій воспользовался цвѣтами краснорѣчія Пахомія Логовета, Епифанія Премудраго и другихъ. Нашелъ Василій возможнымъ помѣстить здѣсь и нѣсколько строкъ изъ первой редакціи, опущенныхъ въ текстѣ житія. Вставка эта интересна въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какъ не умѣли древне-русскіе писатели скрывать слѣды своихъ заимствованій. Употребляя въ другихъ случаяхъ мѣстоименія и глагольныя формы въ первомъ лицѣ: „мы, нашъ, принесемъ“ и т. д., здѣсь Василій, слѣдуя источнику, ставитъ формы второго лица: „ваша, восплещите, воскличите, слыши“ и т. п.

Изъ сдѣланныхъ замѣчаній ясно, что похвальное слово въ историческомъ отношеніи не можетъ имѣть никакого значенія.

Кромѣ рассмотрѣнныхъ нами двухъ редакцій житія преподобнаго Евфросина сохранилось еще краткое проложное житіе въ рукописи Румянц. Музея № 397, представляющее собою сокращеніе второй редакціи ¹⁾. Въ немъ помѣщены въ сокращеніи слѣдующія статьи изъ житія Василя: о рожденіи святаго (л. 372 об.), о постриженіи въ Снѣтогорскомъ монастырѣ и о переходѣ оттуда въ пустыню на Толву, съ точнымъ опредѣленіемъ разстоянія послѣдней отъ Пскова („отыде отъ обители на 25 поприщъ и вселися надъ Толвою рѣкою“, л. 373), о приходженіи къ Евфросину матери, Серапіона и братіи (л. 373 об.), о Кононѣ (л. 374), о чудесной ловлѣ рыбы и о поставленіи монастырей учениками Евфросина (л. 374 и об.). Въ разсказѣ объ уходѣ Серапіона добавлено: „и абіе отыде безъ благословенія“. Эту замѣтку находимъ и въ житіи Серапіона, позднѣйшій списокъ котораго есть въ библіотекѣ Елеазаровскаго монастыря ²⁾. Непосредственно за упоминаніемъ о построеніи монастырей Саввою, Досноеемъ и Иллариономъ помѣщено краткое описаніе спора изъ-за сугубой аллилуїи. Приводимъ полностью это описаніе. „И посемъ бысть волненіе и прѣ велика въ градѣ о невѣдомой тайнѣ бжіа аллугія: овѣмъ троящимъ, а инѣмъ двоящимъ; и абіе стый разгорѣся дхомъ и отыде въ царствующій градъ на взысканіе недовѣдомѣй тайнѣ стго аллилугіа, въ доброе время, еще бо не обладану бывшу царствующему граду отъ поганаго царя бусурманина Турскаго, при блгчтивомъ цари Калянине и при стѣйшемъ патріарсе Іосифе; тамо стый въ соборней церкви и въ честныхъ мона-

¹⁾ Списки XVII в. есть въ рук. № 30 (А. а. 155), л. 101 об.—106, 6-ви м. Макарія (См. Н. И. Петровъ, „Описан. рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, вып. I, М. 1892 г., Чт. въ Общ. Ист. и Др., кн. 160, стр. 60) и № СІХ Общ. Люб. Др. Письм., л. 493—4. Лопаревъ Х., „Описаніе рукоп. Импер. Общ. Люб. Др. Письм.“, Сиб. 1893 г., ч. II, стр. 176.

²⁾ „Богу попущающу, врагу же дѣйствующу, восхотѣ безъ благословенія старча на друзѣмъ брезѣ рѣки Толвы устроити себѣ келліицу и особѣ жити“ (л. 2-й).

стырехъ избобрѣтъ изъѣвную тайну, о ней же трудся; писаніе преда стму патріархъ, еже глаголати дважды стая аллугія въ прославленіе Отцу и Сыну и стму Духу, и благословеніе пріимъ отъ патріарха стый и устави чинъ въ обители своей дважды глаголати бжственая аллугія. И посемъ блаженный препрѣ Іева филосоа, зовомаго столпа, триженца суца, и его единомысленики о престѣй аллилуіи и тому бжій судъ прорекъ, еже и збытсѣя во время свое надъ Іевомъ тѣмъ: живѣ червymi вьскипѣ“ (л. 374 об.—375). Далѣе, послѣ краткаго упоминанія о чудесахъ, слѣдуютъ замѣтки о кончинѣ преподобнаго: „въ лѣто 6989, мѣсяца маія въ 15 день“, о числѣ лѣтъ его жизни и о внѣшнемъ видѣ подвижника. Житіе ованчивается словами: „сѣдины украшена“ (л. 375 об.). Помѣщенное на ряду со службою, это проложное житіе, вѣроятно, читалось на праздниѣ въ честь святаго.

Сопоставляя между собою рассмотрѣнныя нами три редакціи житія преподобнаго Евфросина со стороны ихъ содержанія и изложенія, мы можемъ сдѣлать слѣдующіе общіе выводы. Во всѣхъ редакціяхъ главнымъ предметомъ содержанія служить сугубая аллилуія; но характеръ изложенія этого главнаго предмета не во всѣхъ редакціяхъ одинаковъ. Въ проложномъ житіи изложеніе носитъ чисто-повѣствовательный характеръ. Здѣсь въ краткихъ чертахъ, хотя и подробнѣе чѣмъ другіе вопросы, описано отношеніе преп. Евфросина къ вопросу о сугубой аллилуіи. Нивакихъ отвлеченныхъ разсужденій о важности спорнаго предмета въ этомъ описаніи нѣтъ. Болѣе съ исторической стороны, чѣмъ съ полемико-догматической, разсматривается вопросъ о сугубой аллилуіи и во второй редакціи житія, пресвитеромъ Василиемъ. Въ обоихъ памятникахъ повѣсть о сугубой аллилуіи, занимая центральное мѣсто, не носитъ однако характера исключительно главнаго предмета. Обѣ редакціи преслѣдуютъ прежде всего навидательно-біографическія цѣли, и потому онѣ мало отличаются съ внѣшней своей стороны отъ другихъ древне-русскихъ житій. Сугубая аллилуія занимаетъ въ нихъ главное мѣсто только потому, что такое мѣсто она имѣла и въ самой жизни Евфросина. Но совершенно иное значеніе сугубая аллилуія имѣетъ въ первой редакціи житія. Здѣсь она является главнымъ предметомъ уже сама по себѣ, а не какъ лишь основной біографическій матеріалъ. Наоборотъ, біографія Евфросина въ трудѣ перваго писателя стоитъ въ зависимости отъ этой главной темы его разсказовъ и излагается лишь постольку и въ тѣхъ лишь чертахъ, постольку она могла разъяснить собою главный предметъ работы писателя. Отсюда первая редакція не можетъ быть названа житіемъ въ общепринятомъ смыслѣ, такъ какъ не только по своему предмету, но и по самой формѣ она не соотвѣтствуетъ типу древне-русскихъ житій. Правильнѣе называть первую редакцію повѣстію о сугубой аллилуіи, какъ называетъ ее не одинъ разъ и самъ писатель.

По характеру изложенія главнаго предмета наиболѣе спокойнымъ, догматическимъ тономъ отличается проложное житіе. Въ немъ споръ изъза аллилуіи переданъ, какъ несомнѣнный историческій фактъ, не тре-

бующій никакихъ комментарий. Это и понятно. Проложное житіе было составлено послѣ Стоглаваго собора, когда вопросъ о сугубой аллилуіи былъ уже окончательно разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Къ тому же, въ виду церковнаго назначенія этого памятника помѣщеніе въ немъ замѣчаній полемическаго свойства представлялось и не совсѣмъ удобнымъ. Проложное житіе имѣетъ своими слушателями сторонниковъ Евфросина, почитателей его святой жизни и его, очень цѣнимаго въ то время, подвига изъ-за сугубой аллилуіи.

Другія цѣли и другихъ читателей имѣли въ виду составители иностранныхъ редакцій. Для пресвитера Василя нужно было представить на соборное разсмотрѣніе такой трудъ, въ которомъ отцы собора нашли бы данныя для рѣшенія двухъ вопросовъ: объ установленіи общаго на Руси праздника въ честь мѣстно почитавшагося до тѣхъ поръ святаго (1549 г.) и о введеніи единообразнаго порядка въ возглашеніи аллилуіи, такъ какъ не во всѣхъ церквахъ аллилуія возглашалась по примѣру и обычаю этого святаго (1551 г.). Какъ указано уже въ началѣ нашей статьи о житіи преподобнаго, дѣло нужно представлять такъ, что вопросъ о двоеніи аллилуіи практически былъ разрѣшенъ еще раньше, до Стоглаваго собора. Число „многихъ“ приходскихъ и монастырскихъ церквей въ Псковѣ и Новгородѣ, въ которыхъ, по замѣчанію Стоглава, употреблялось троеніе, на самомъ дѣлѣ нужно считать не очень многимъ, по сравненію съ русскими храмами, гдѣ двоили аллилуію. Во всякомъ случаѣ въ пору составленія Василюмъ житія троегласники не представляли собою привилегированнаго класса по своему церковному или общественному положенію, и слѣдовательно не могли имѣть вліянія на окончательное разрѣшеніе спорнаго вопроса. Историческіе памятники этого времени показываютъ, что по взгляду представителей высшихъ классовъ русскаго общества, свѣтскаго и духовнаго, нужно было двоить аллилуію. Такъ, на примѣръ, сугубую аллилуію пѣлъ на смертномъ одрѣ великій князь Василій III. Очевидно онъ привыкъ слушать двоеніе и въ своей дворцовой церкви, и въ каедральномъ успенскомъ соборѣ. Василю не было, такъ образомъ, нужды входить въ полемику съ оставшимися въ то время сторонниками троенія. Отсюда мы и видимъ, что, повторивъ большую часть полемическихъ выраженій своего предшественника, онъ ничего не добавилъ къ нимъ лично отъ себя. Въ своемъ изложеніи Василій держится историко-повѣствовательнаго тона, доказательствомъ чему можетъ служить изложеніе статьи: „о хожденіи святаго къ царствующему граду“, которая представляетъ собою перифразъ бесѣды объ этомъ самомъ Евфросинѣ съ Филиппомъ и его спутникомъ. Сравнивая эти сходныя мѣста житія, мы видимъ, что въ статьѣ „о хожденіи“ дѣло представляется проще и можно даже сказать—не столь важнымъ, какъ въ изложеніи бесѣды, заимствованной Василюмъ у предшественника.

Опустилъ Василій и разсужденія догматическаго характера, помѣщенныя въ предисловіи первой редакціи. По условіямъ его работы, эти разсужденія не имѣли уже такой важности, каковую придавалъ имъ первый

списатель. Но не преслѣдуя полемическихъ цѣлей въ своей работѣ, Василій не опускалъ однако изъ виду, что составленное имъ житіе Евфросина будетъ имѣть для отцевъ Стоглаваго собора значеніе оправдательнаго документа къ официальному признанію двоенія. Отсюда, переработывая литературный трудъ своего предшественника, онъ позаботился въ болѣе доказательной формѣ представить основанія, по которымъ Евфросинъ установилъ въ своемъ монастырѣ двоеніе. Какъ это онъ сдѣлалъ,—уже показано нами выше, при изложеніи особенностей второй редакціи по вопросу о времени посѣщенія Евфросиномъ Востока и о писаніи патриарха.

Совершенно въ иномъ тонѣ написана первая редакція житія, которую мы называемъ повѣстью о сугубой аллилуіи. Если проложная редакція имѣетъ свою цѣлю просто лишь воспроизвести во вниманіи слушателей-богомольцевъ знакомый имъ фактъ спора Евфросина изъ-за сугубой аллилуіи, редакція Василія—подробнѣе познакомить съ обстоятельствами этого факта, случившагося почти за сто лѣтъ тому назадъ, то первая редакція, имѣя въ виду читателей, хорошо знакомыхъ съ описываемыми событіями, почти очевидцевъ спора, преслѣдуетъ одну лишь цѣль: убѣдить ихъ въ исключительной правильности сугубой аллилуіи и такимъ образомъ отклонить отъ распространеннаго въ то время обычая троенія. Въ числѣ своихъ читателей авторъ повѣсти имѣлъ преимущественно лицъ несогласныхъ съ его взглядами, въ частности—псковичей. Отсюда у него очень часты обращенія: „благочестивіи мужи псковичи“, „христолюбивый граде Пскове, земля свободная“, „внемлите не творящія“ и т. п.¹⁾ Такъ какъ число этихъ „не творящихъ“ въ то время было значительное и даже высшая церковная власть, въ лицѣ архіепископа Геннадія, останавливалась только на полупризнаніи двоенія, то и понятно, что полемическій тонъ повѣсти принимаетъ по мѣстамъ очень рѣзкій оттѣнокъ. Въ своемъ стремленіи убѣдить противниковъ писатель не останавливается и передъ грозными предостереженіями упорствующимъ не только лично отъ себя, но и отъ лица архангела и отъ Богоматери. „Аще ли не накажете себѣ тако отъ боизвещенна сеа вещи (изрядною сею повѣстію), ту ж паче спаситесь сами прочее, да не когда и вы таковая ж простражете, якож и онъ (Іовъ) иногда“... „Нужу ми творять, рече, трояще бжественная алугіа“,—услышавъ „въ тонцѣ снѣ“ писатель отъ явившейся будто бы ему Богоматери. Побуждавшій записать все сказанное Богородицею ангель въ отвѣтъ на недоумѣнія писателя: какъ же могли спастись и чудесами прославиться святые угодники, трюившіе аллилуію,—яростно возрѣвъ на него, замѣтилъ: „не вѣдый тайны сеа, не судится ему; нынѣ же вѣды осужденъ будетъ отъ бга, и азъ немилостивъ и тяжекъ явлюся ему во исходе дша его“²⁾. По своему изложенію первая редакція не походитъ на другія житія святыхъ, которыя писались въ нѣсколько возвышенномъ, но почти всегда въ объ-

1) Рук. № 306, л. 73 об., 20.

2) ib., л. 20 об., 101 об. и 106 об.

ективно-спокойномъ тонѣ, съ отгнѣномъ назиданія, чуждаго однако полемическихъ угрозъ и „прещеній“.

Въ заключеніе обзора литературной исторіи житія Евфросина сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о внѣшней исторіи разсмотрѣнныхъ нами редакцій, о степени ихъ распространенности въ древне-русской письменности и о литературномъ значеніи каждой изъ нихъ.

Процессъ составленія житія преподобнаго Евфросина нужно представлять въ такомъ видѣ. До перваго списателя не было сдѣлано черновой работы, не было собрано матеріаловъ для составленія житія святаго. Въ пору составленія повѣсти о сугубой аллилуіи были слѣдующіе письменные матеріалы: монастырскій уставъ преп. Евфросина и духовное его завѣщаніе, переписка Евфросина съ архіеп. Евеиміемъ и посланіе его къ духовенству псковскаго троїцкаго собора. Возможно, что существовала и „епистолиа Іова“, текста которой не привелъ первый списатель. О содержаніи этой „епистолиа“ можно отчасти судить по разсмотрѣннымъ письмамъ къ Аванасію—позднѣйшему стороннику двоенія. Кромѣ письменныхъ источниковъ авторъ „повѣсти“ воспользовался устными рассказами объ Евфросинѣ игум. Памфила и другихъ елсазаровскихъ монаховъ. Составленная имъ повѣсть извѣстна пока всего лишь въ одномъ спискѣ. Въ небольшомъ количествѣ списковъ извѣстно и проложное житіе. Наоборотъ, редакция Василя, составленная главнымъ образомъ на основаніи первой „повѣсти“, сохранилась въ такомъ значительномъ числѣ списковъ, въ какомъ мы не имѣемъ, кажется, ни одного памятника древне-русской письменности. По крайней мѣрѣ, въ каждомъ ученое книгохранилищѣ можно находить списки этой редакціи. Не трудно понять причину такой неравномѣрности въ количествѣ сохранившихся до нашего времени списковъ той или иной редакціи. Проложное житіе представляло собою памятникъ не литературный въ собственномъ смыслѣ, а церковно-богослужебный. Оно могло быть распространено лишь постольку, поскольку распространень былъ самый праздникъ въ честь Евфросина. Но историческія извѣстія даютъ основаніе заключить, что праздникъ этотъ въ XVI—XVII вв. не получилъ для себя широкой распространенности. До собора 1549 года, внесшаго Евфросина въ число общепризнаваемыхъ русскихъ святыхъ, мѣстное почитаніе преподобнаго ограничивалось лишь его обителію, такъ какъ трудно допустить, чтобы псковское духовенство, придерживавшееся, по свидѣтельству Стоглава, троенія, особенно заботилось о распространеніи праздника защитнику двоенія. Но и позднѣе, послѣ канонизаціи 1549 года, праздникъ не сдѣлался обще-русскимъ. Изъ предложеннаго Іоанномъ IV-мъ отцамъ Стоглаваго собора вопроса: „да о псковскомъ чудотворцѣ Евфросинѣ и о смоленскомъ Аврааміи уложити же, какъ имъ праздновати“, можно видѣть, что къ новому празднику не были подготовлены въ первой половинѣ XVI вѣка¹⁾. А что этотъ

¹⁾ Стоглавъ, по изд. Д. Е. Кожанчикова, Спб. 1863 г., гл. 41, вопр. 5, стр. 130.

праздникъ плохо распространялся и позднѣе, въ XVII вѣкѣ, можно заключить изъ того, что въ уставахъ и минеяхъ московскихъ самый день памяти Евфросина опредѣлялся весьма не точно: 15, 17, 14 мая¹⁾. Далѣе, во второй половинѣ XVII вѣка, послѣ соборнаго опредѣленія о сугубой аллилуйи, служба Евфросину,—а вмѣстѣ съ нею, значить, и житіе,—и совсѣмъ была исключена изъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ. Такъ, напримѣръ, не положено службы по уставу 1682 года. Въ минеѣ же 1691 года зачеркнута память преподобному и передъ службою замѣчено: „не быти сей службѣ“²⁾. Наконецъ, и въ XVI, и въ XVII в.в. появлялись люди, которые, „возвысаясь высокоуміемъ своимъ“, не хотѣли даже признавать Евфросина святымъ. Выше отмѣчено такое отношеніе со стороны патріарха Нивона. Въ описаніи 15 чуда Василия выводитъ высокоумнаго москвича—дѣвона Павла, который смущалъ елсазаровскую братію своими хульными словами: „не подобаетъ святымъ называти мужика, ни поклонятися ему“ (стр. 112). Такимъ образомъ, условія для распространенія проложнаго житія были не очень благопріятны.

О литературномъ значеніи памятниковъ подобнаго рода не можетъ быть и рѣчи. Сокращенія дѣлались по одобреннымъ уже пространнымъ житіямъ, и форма проложныхъ житій въ большинствѣ случаевъ была одинаковая.

О степени распространенности первой редакціи, т. е. повѣсти о сугубой аллилуйи, нельзя сказать чего-либо положительнаго. Въ виду интереса къ вопросу о сугубой аллилуйи въ нач. XVI вѣка нужно думать, что она читалась и переписывалась. Возможно, что въ книгохранилищахъ старообрядцевъ, отъ одного изъ которыхъ приобрѣтена повѣсть Ундольскимъ, находятся и другіе экземпляры этого памятника. Но особой распространенности „повѣсть“ не могла получить, въ виду небольшого промежутка времени отъ ея написанія до переработки ея Василиемъ. Новая редакція житія могла болѣе удовлетворить читателей. По своей формѣ она ближе подходила къ общему типу древне-русскихъ житій и потому могла представлять собою литературный памятникъ, съ тогдашней точки зрѣнія, вполне достойный памяти новозанонизованнаго святаго. Затѣмъ, сохранивъ въ своемъ содержаніи трактатъ первой редакціи о сугубой аллилуйи и даже дополнивъ ея аргументацію, сочиненіе Василия вполне удовлетворяло читателя и съ этой стороны; оно давало разъясненіе на недоумѣнный вопросъ, такъ долго тревожившій благочестивые умы книжныхъ людей того времени. Послѣ соборнаго одобренія житія Василия трудъ его предшественника совершенно вышелъ изъ употребленія, такъ что въ XVII вѣкѣ о немъ вовсе не имѣли свѣдѣній. Распространенность списковъ

¹⁾ Мансветовъ, Церковный уставъ (типикъ), М. 1863 г., стр. 439; въ уставѣ церковныхъ обрядовъ, совершавшихся въ москов. усп. соборѣ, около 1634 г.: „въ 17 день Евфросину псковскому, благовѣсть въ лебедь, трезвонъ средней“. Рус. ист. б., т. III, стр. 78.

²⁾ Мансветовъ, ib.

житія Василя можетъ служить доказательствомъ интереса къ его труду среди русскихъ читателей XVI—XVII в.в. Одинъ изъ памятниковъ агіо-біографической литературы XVI в. свидѣтельствуетъ, что пресвитеръ Василій своимъ житіемъ Евфросина приобрѣлъ даже себѣ и нѣкоторый литературный авторитетъ: у него находили возможнымъ кое-чему поучиться другіе писатели житій. Такъ, напримѣръ, составитель житія кн. Іоасафа Каменскаго предисловіе и похвальное слово святому буквально выписалъ изъ житія Евфросина, не выпустивъ даже словъ о Столпѣ философѣ, посрамленномъ Евфросиномъ¹⁾. Приведенный фактъ свидѣтельствуетъ, что литературный трудъ Василя, получившій столь строгую оцѣнку со стороны ученыхъ изслѣдователей въ XIX в., по взгляду современниковъ писателя представлялся, наоборотъ, трудомъ очень почтеннымъ, заслуживавшимъ полного довѣрія и вниманія не только со стороны своего содержанія—какъ памятникъ историческій, но и со стороны изложенія, какъ литературный памятникъ, пригодный въ качествѣ руководства и пособія и для другихъ писателей древне-русскихъ житій святыхъ.—Переходимъ теперь къ другому памятнику мѣстной агіобіографіи—житію преподобнаго Саввы Крыпецкаго.

Житіе преп. Саввы Крыпецкаго сохранилось въ трехъ редакціяхъ, изъ которыхъ первыя двѣ относятся къ XVI вѣку, послѣдняя—къ XVII в. Болѣе пространная редакція помѣщена въ рукописи Московской Синодальной бібліотеки, № 633, XVI в., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Сказаніе о житіи и чудесехъ и о приходѣ въ приснословущій градъ Псковъ преподобнаго отца нашего Савы пустынножителя, составляшаго лавру пречестну во имя Ивана Богослова (въ) пустыни, глаголемѣй Крыпецъ“. Въ рукописи оно занимаетъ л. 15 об.—95. Предшествующіе листы заняты службой этому святому.

По своему содержанію житіе распадается: на предисловіе (л. 15 об.—22), біографію и описаніе обрѣтенія мощей (л. 22 об.—45), описаніе чудесъ (л. 45—86) и похвалу святому (л. 87—95). Въ такомъ же порядкѣ статей списокъ этой редакціи помѣщенъ и въ рукописи XVII в. А. М. И. Д., № 676/1188, л. 23—124.

Въ предисловіи, представляющемъ собою какъ бы историческое введеніе къ труду, авторъ кратко излагаетъ исторію распространенія христіанской вѣры вообще и просвѣщенія ею Руси въ частности. Связавши о вознесеніи Спасителя и о проповѣди апостоловъ (л. 15 об.—16), онъ подробнѣе говоритъ затѣмъ о проповѣди апостола Андрея на Руси и приводитъ здѣсь мѣстную легенду о посвѣщеніи апостоломъ села Грузина (л. 16 об.—17). Наконецъ, упомянувъ о русскихъ равноапостолахъ, Вла-

¹⁾ См. объ этомъ у В. О. Ключевскаго, Др. рус. ж. св., стр. 275. Вліаніе Василя отразилось, повидимому, и на біографѣ Симона Воломскаго, о чемъ см. тамъ же, стр. 344, и въ „Библ. словарь“ Строева, стр. 344.

димирѣ и Ольгѣ, переходить къ ближайшимъ по времени событіямъ, въ которыхъ выразилось торжество христіанской вѣры на Руси, именно: къ побѣдѣ, одержанной великимъ княземъ Іоанномъ IV надъ татарами, и къ церковной дѣятельности митрополита Макарія. О личности этого „чуднаго пастыря“, равно какъ и о его дѣятельности, въ житіи дается прекрасный отзывъ (л. 18 об.—20). Заключеніемъ къ этому введенію служить характеристика религіознаго состоянія Руси XVI в., въ которой писатель житія высказываетъ мысли, совершенно сходныя съ мыслями тогдашняго елсазровскаго инокъ-публициста Филоея. „Яко нѣкое свѣтило,—говорить онъ,—сіяетъ на свѣщницѣ руская земля православіемъ и вѣрою правою и ученіемъ божественныхъ апостолъ писаніе (sic!) по всей вселенней, яко жъ второй и великій Римъ и царствующій градъ, тамо бо вѣра православная испроказиса махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ“ (л. 20 об.). Слѣдующее за этимъ житіе, переходомъ въ которому служатъ обычныя въ древне-русскихъ житіяхъ замѣчанія писателя о своихъ недостоинствахъ, а также о побужденіяхъ и обстоятельствахъ составленія житія,—раздѣляется на шесть отдѣльныхъ статей; изъ нихъ первыя пять касаются событій, современныхъ жизни подвижника, послѣдняя—описываетъ открытіе его мощей. Чудеса и похвала представляютъ собою отдѣльныя части, написанныя, какъ увидимъ ниже, не одновременно съ первою половиною житія.

Вопросы о личности писателя житія, мѣстѣ и времени составленія имъ этого труда разъяснены въ самомъ житіи. Вопросъ объ источникахъ, изъ которыхъ черпалъ свои извѣстія писатель, въ своемъ разрѣшеніи не представляетъ тѣхъ трудностей, съ которыми приходится имѣть дѣло изслѣдователю при изученіи житія преп. Евфросина.

Житіе преп. Саввы написано тѣмъ же пресвитеромъ Василюемъ, которому принадлежитъ составленіе второй редакціи житія Евфросина и житій другихъ псковскихъ святыхъ. Писатель говоритъ о себѣ очень часто, называя себя недостойнымъ, многогрѣшнымъ пресвитеромъ Василюемъ¹⁾. Время написанія житія узвано въ предисловіи: „сице въ лѣто 7063 (1555), индикта въ 13-й день, составлено бысть сказаніе сіе о житіи и о чудесехъ....., при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, митрополитѣ Макарії и архіепископѣ Пименѣ Новгородскомъ“ (л. 19 об.). Эта хронологическая замѣтка можетъ быть отнесена, впрочемъ, не ко всему содержанию житія, такъ какъ изъ описанія чудесъ мы узнаемъ, что писатель продолжалъ свою работу и позднѣе, въ 1557 г. (л. 68 об.), 1559, 1560 (л. 75) и даже въ 1564 г. (л. 72 об.). Описаніе чудесъ, бывшихъ до 1555 года, оканчивается 12-мъ (л. 67). Къ этому году должно отнести и написаніе похвалы, въ которой нѣтъ упоминанія о позднѣйшихъ чудесахъ.

Мѣстомъ написанія житія былъ Крыпецкій монастырь. Изъ описанія позднѣйшихъ чудесъ, которыя авторъ называетъ „новѣйшими“, мы даже

¹⁾ Въ предисловіи (л. 20 об.—21), въ описаніи обрѣтенія мощей (л. 44 об.), чуда 10-го (л. 62) и раньше, въ поученіи преподобнаго къ братіи (л. 31 об.).

узнаемъ, что въ концѣ своей писательской дѣятельности Василій становится монахомъ Крыпецкаго монастыря—Варлаамомъ. Первое чудо, написанное имъ уже въ монашескомъ санѣ, относится къ 1559 году (л. 79).

Ближайшимъ поводомъ къ написанію житія послужило открытіе мощей преп. Саввы, бывшее въ 1554 году.

Относительно источниковъ для составленія житія преп. Саввы Василій стоялъ въ худшихъ сравнительно условіяхъ, чѣмъ при написаніи житія Евфросина: литературнаго предшественника у него здѣсь не было. Какъ самъ онъ говоритъ въ предисловіи, онъ писалъ по порученію игумена Иосифа и крыпецкихъ старцевъ: Мисаила, Ионы, Варлаама, Данила, Александра и другихъ. По мнѣнію проф. В. О. Ключевского, у Василя могли быть и письменные матеріалы: акты о приобрѣтеніи селъ монастыремъ и о введеніи въ немъ общежитія при жизни Саввы (Древ.-рус. жит. св., стр. 259). Несомнѣнно только одно, что біографъ зналъ о „крѣпости“, данной преподобному псковскимъ княземъ Ярославомъ и псковичами на вѣчѣ въ 6995—1487 г., которая могла сохраниться въ монастырѣ; но и ея содержанія онъ не излагаетъ (л. 36 и об.).

Главнымъ источникомъ послужили такимъ образомъ монастырскія преданія, съ которыми познакомили Василя упомянутые выше старцы. Ни одинъ изъ нихъ не былъ современникомъ преп. Саввы, вслѣдствіе чего ихъ воспоминанія и свѣдѣнія о жизни преподобнаго не отличались свѣжестью и точностію. Василій не могъ найти въ монастырѣ точныхъ свѣдѣній ни о родинѣ преподобнаго, ни о событіяхъ изъ его первоначальной жизни, до пришествія въ Псковъ, какъ говоритъ онъ: „преходенія ради многихъ лѣтъ“ (л. 22). Разнорѣчивыя преданія сходились лишь въ одномъ, что Савва былъ не псковичъ, а пришелъ сюда „изъ туждыхъ странъ“. Этотъ недостатокъ свѣдѣній не смутилъ, однако, писателя, приобрѣвшаго уже значительный писательскій навыкъ въ составленіи житій Евфросина и Всеволода. Какъ и въ житіи Евфросина, онъ пополнилъ недостатокъ біографическихъ данныхъ риторическими разсужденіями о происхожденіи Саввы изъ горняго Іерусалима, сравненіемъ его съ Авраамомъ (л. 22 и об.), и только уже въ похвалѣ упомянулъ, что „нѣщцы глаголють, яко отъ Сербскія земли, а нѣмъ глаголющимъ, яко отъ Святыя Горы прииде въ приснословущій и великій градъ Псковъ“ (л. 92 об.—93). Но и здѣсь, въ дѣлахъ той же риторической красоты, онъ опустилъ другое, существовавшее въ то время, преданіе о происхожденіи Саввы изъ Литвы, вѣроятнѣе, кажется, и проще разрѣшающее вопросъ объ его родинѣ. Не нашелъ въ монастырѣ писатель указаній и относительно другихъ событій изъ жизни преподобнаго по приходѣ его въ Псковъ и ограничился лишь краткими замѣчаніями о жизни Саввы въ Свѣтогорскомъ и Елеазаровскомъ монастыряхъ. Въ монастырѣ не сохранилось даже свѣдѣній о времени возникновенія Крыпецкаго монастыря и о мѣстѣ, на которомъ былъ погребенъ основатель обители. Вообще монастырскія воспоминанія были очень скудны. Лучше представленъ въ житіи характеръ подвижника и въ частности, какъ отличительная его черта,—учительность,

благодаря которой онъ и приобрѣлъ большое вліяніе не только среди своихъ иноковъ, но и въ средѣ псковскаго общества. Цѣнною является также характеристика отношеній общества къ учительному подвижнику. Что же касается статьи, излагающей самое содержаніе поученій преподобнаго, то, конечно, въ значительной степени она могла быть и сочиненною. По крайней мѣрѣ, содержаніе поученій Саввы къ приходившимъ къ нему вельможамъ и простымъ людямъ, равно какъ и вся первая половина главы изъ житія: „о пришествіи во внутреннюю пустыню“, какъ можно видѣть изъ прилагаемыхъ ниже параллельныхъ выписокъ, почти во всей полнотѣ заимствованы изъ Пахоміевскаго житія преп. Варлаама Хутынскаго (если только оба автора не пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ).

Очень обстоятельно и полно описано авторомъ обрѣтеніе мощей преподобнаго. Въ этомъ случаѣ онъ писалъ хотя и не какъ очевидецъ, но на основаніи рассказовъ очевидцевъ и участниковъ этого торжественнаго событія въ монастырской жизни. „Сіе-жъ ми явленіе,—говоритъ онъ послѣ описанія явленія Саввы иноку Исаіи,—повѣда писателю¹⁾ самъ той священноиноу Исаіа подробну... Тако же повѣдаша и нини отъ братіи обители святаго объ обрѣтеніи честныхъ мощей и понудиша мя писанію предати“ (л. 43 об.—44). Въ концѣ описанія онъ опять говоритъ: „слышахъ отъ неложныхъ свидѣтелей“ (л. 44).

На основаніи тѣхъ же рассказовъ „неложныхъ свидѣтелей“ и очевидцевъ составлено и описаніе чудесъ, изъ которыхъ первыя двѣнадцать были до открытія мошей. Лица, отъ которыхъ получалъ свѣдѣнія о чудесахъ Василій, — какъ, напр., старцы Мисаиль, Даніиль и Іона, — иногда были непосредственными свидѣтелями чудесъ. Этимъ и объясняется точность въ опредѣленіи лицъ, мѣста и времени совершенія чудесъ. Судя по замѣчаніямъ Василія, чудеса до него не были записаны въ монастырѣ; во всѣхъ случаяхъ онъ говоритъ, что запись сдѣлана со словъ монастырской братіи. Такъ, въ заключеніи описанія 3-го чуда читаемъ: „и мнѣ жъ писателю вси сущіи братія святаго обители повѣдаху со свѣдѣтельствомъ о семъ чюдеси, азъ же многогрѣшный грубый, слышавъ отъ нихъ, и написахъ, яко незабвенна будетъ блаженнаго отца чюдеса“ (л. 50 об.—51). Иногда, впрочемъ, между рассказами о совершившемся чудѣ и записью проходилъ нѣкоторый промежутокъ времени, такъ что въ описаніи авторъ говоритъ

¹⁾ Такъ читаемъ въ рук. А. М. И. Д., л. 57; въ Милют. мин., № 808, л. 1173—„писателѣ“. Въ рук. № 633 ошибочно написано: „писатель“. Отдѣльно это сказаніе помѣщено въ рук. № 66, л. 233, м. Макарія (Ист. рус. ц., т. VII, изд. 2, стр. 442—443; Петровъ, Опис. рук. собр., наход. въ г. Кіевѣ, стр. 73, № 32 (Аа. 170), XVII в., л. 485—490), и въ рукоп. сборникѣ службъ № 817, л. 190 об.—194 об., б-ки Архива св. Син. „Описаніе рукописей хранящихся въ Архивѣ св. Синода“, т. I, Спб. 1904 г., стр. 353. Здѣсь, какъ и въ рук. № 633, написано: „повѣда писатель самъ той священноиноу Исаіа“ (л. 194).

о лицахъ, передававшихъ ему про событія, какъ уже объ умершихъ. Такая, напр., замѣтка въ концѣ описанія 10-го чуда, надъ Иваномъ Дойнею: „азъ же многогрѣшный, умиленный прозвितеръ Василій, писатель житія и чудесь святаго старца Савы, і сіе чудо написахъ въ похвалу и въ честь святому отцу, иже слышахъ отъ игумена Антонія и старца Ионы; и повелено бысть ми сіе чудо написати, еще бо сей игумень Антоней и старецъ Иона въ то время въ жизни сей и съ нами водворяютца въ тое жъ обители, идѣже чудотворныя мощи лежать отца Савы, при паствѣ чуднаго старца и игумена Феоктиста, въ лѣто 7063, мѣсяца іюля въ 28-й день“ (л. 62).

Особый интересъ представляютъ собою описанія послѣднихъ двухъ чудесъ, 18-го и 19-го, такъ какъ авторъ былъ, повидимому, очевидцемъ ихъ. Здѣсь онъ говоритъ о себѣ уже, какъ объ инокѣ Крыпецкаго монастыря, и дѣлаетъ маленькую замѣтку о предшествующей своей писательской дѣятельности, передаетъ, что раньше: „еще ми въ то время бѣлыя ризы носящу и въ мѣрѣ живущу“, онъ сподобился „и житія святыхъ тѣхъ (Саввы и Всеволода) и чудодѣйствія ихъ и канонъ написати Саввинъ“. Впрочемъ, и это 19-е чудо, съ автобіографическими замѣтками, Василій, какъ и предыдущія чудеса, описываетъ главнымъ образомъ со словъ другихъ: „понужену бывшу отъ самого того діакона Мисаила, елико слышахъ отъ неложныхъ его устъ со свидѣтельствомъ и иныхъ человекъ, елико ми Богъ поможетъ“ (л. 80).

Совершенно самостоятельнымъ является описаніе 18-го чуда, надъ княземъ Данииломъ. Въ противоположность предшествующимъ описаніямъ инокъ Варлаамъ дѣлаетъ здѣсь предисловіе, занимающее въ рукописи 8 строкъ, слѣдующаго содержания: „Божія благодѣянія всегда поминати намъ довольно достоинъ..., творимыя чудотворцемъ Савою, споснивомъ преподобнаго отца и чудотворца Евфросина...“ Изъ замѣчанія въ концѣ описанія узнаемъ, что рассказъ исцѣленнаго слышалъ самъ Варлаамъ; по крайней мѣрѣ, онъ не ссылается здѣсь на другихъ свидѣтелей. „Сіе жъ чудо,—говоритъ онъ,—самъ той благовѣрный князь Даниилъ умиленне повѣда аже о себѣ со истинною, мнѣ жъ худому во всѣхъ соборехъ иноческихъ писателю, священноиноку Варлааму, и сіе чудо написавшу мнѣ на похвалу чюдотворцу“ (л. 74 об.)¹⁾.

Дальнѣйшія три чуда, помѣщенныя въ рукописи на л. 80 об.—87, записаны уже послѣ Василія. Изъ нихъ 20-е, надъ Германомъ священникомъ, по началу описанія даетъ возможность предположить, что запись чуда произведена самимъ псовскимъ владыкою Геннадіемъ со словъ исцѣленнаго, или, по крайней мѣрѣ, что это чудо самимъ имъ свидѣтельствовано. „Повѣда мнѣ, многогрѣшному священноепископу Генадію священноинокъ Германъ, постриженникъ Савины пустыни на Многи реки псовскія области“ (л. 80 об.).

Послѣднее—22-е чудо относится уже къ 1598 году.

¹⁾ Въ началѣ описанія 19-го чуда повторены характеристики Іоанна Грознаго и митрополита Макарія, помѣщенныя выше, въ предисловіи къ житію.

Хронологическія опредѣленія чудесъ у Василия не вездѣ одинаково точны и подробны. Иногда, какъ, напр., въ описаніи 1-го чуда, вовсе нѣтъ указаній на время. Иногда, какъ, напр., во второмъ, лишь въ концѣ общая замѣтка: „сіе жь чюдо бысть до обрѣтенія святыхъ мощей его“ (л. 47). Но въ большинствѣ случаевъ не только указывается годъ, но и дѣлаются болѣе частныя хронологическія замѣтки. Такъ, чудо 3-е, отъ 7062 г., (л. 51) и чудо 16-е, отъ 7068 г., (л. 70 об.)—оба были „въ годъ зимній“, чудо 4-е (л. 52)—„въ годъ великаго поста, 4-ой недѣли“, чудо 10-е (л. 62)—7063 г. „мѣсяца іюля въ 28-й день“, чудо 15-е—„бысть же чюдо сіе въ лѣто 7065, въ первую недѣлю послѣ Покрова святей Богородицы Владычицы нашея и Приснодѣвы Маріи, октяврія мѣсяца въ 4-й день“ (л. 68 об.). Трудно установить время чудесъ, оставленныхъ въ описаніяхъ Василия безъ хронологическихъ опредѣленій, тѣмъ болѣе, что въ разстановкѣ описаній писатель не придерживался строго хронологическаго порядка. Такъ, напр., пятое и двѣнадцатое мѣста занимають чудеса отъ 7059 г., тогда какъ на третьемъ мѣстѣ помѣщено описаніе чуда, бывшаго въ 7062 г. (л. 51, ср. 53, 67).

Описанія чудесъ по своей полнотѣ и точности составляютъ лучшую часть въ трудѣ Василия. Нельзя сказать этого и о похвалѣ, помѣщенной въ концѣ труда. Это—такой же безсвязный трактатъ, какъ и похвала Евфросину, съ тою лишь разницею, что здѣсь „плетеніе словесъ“ еще больше не относится къ темѣ. Помимо того, что въ ней повторено вкратцѣ все изложенное уже въ житіи и въ описаніи первыхъ четырехъ чудесъ, сюда внесено многое, не имѣющее никакого отношенія къ дѣлу. Такъ, напр., составлено краткое, особое „сказаніе о чудотвореніи Пречистыя Богородицы (Печерскія) и отъ святыхъ Всеволода и Евфросина“ (л. 92), отмѣченъ фактъ исцѣленія латинянь отъ Печерской иконы Божіей Матери, но нѣтъ даже акаѳиста Саввѣ.

Единственно цѣннымъ въ похвалѣ является болѣе точное опредѣленіе тѣхъ „туждыхъ странъ“, въ которыхъ родился и принялъ постриженіе преподобный.

Историческое значеніе житія мы оцѣнимъ при изложеніи жизни преп. Саввы и описаніи порядковъ въ его обители. Но здѣсь мы должны сказать, что, несмотря на краткость біографическихъ свѣдѣній, для изслѣдователя житіе имѣетъ нѣкоторый интересъ, главнымъ образомъ со стороны характеристики личности подвижника и отношеній къ нему и къ его обители мѣстнаго общества. Подробность же въ описаніяхъ чудесъ даетъ возможность изслѣдователю собрать нѣсколько данныхъ для болѣе полнаго изображенія порядковъ жизни въ Крыпецкой обители послѣ смерти святаго. По сравненію съ другими памятниками псковской монастырской письменности, историческое значеніе житія Саввы очень невелико¹⁾.

¹⁾ Списокъ разсмотрѣнной нами редакціи житія имѣется еще въ рукописи 6-ки Общ. Люб. Др. Письм., № ССLVIII, л. 137—210, XVI—XVII в., съ описаніемъ 17 чудесъ и съ неоконченнымъ текстомъ похвалы. Лопаревъ Х., „Описаніе рукоп.“, ч. II, стр. 403.

Въ близкой связи съ разсмотрѣннымъ нами сочиненіемъ Василія стоятъ остальные двѣ редакціи житія преп. Саввы, именно: житіе, помѣщенное въ Милютинскихъ минеяхъ, № 808, Синодальной библіотеки, и проложное житіе—въ рукописи Румянцевскаго музея № 397.

Первая редакція не представляетъ собою особаго научнаго интереса; она не что иное, какъ сокращеніе житія Василія. Въ рукописи она занимаетъ л. 1141—1220. Послѣдній листъ содержитъ въ себѣ краткую приписку, сдѣланную позднѣйшимъ почеркомъ, въ которой перечислены три послѣднихъ чуда, записанныхъ уже послѣ Василія. Ихъ текста нѣтъ въ этой редакціи. Въ концѣ замѣтка: „обрѣтеніе же честныхъ мощей преподобнаго Савы празднуется мѣсяца апрѣля въ 22 день“. Редакторъ поставилъ, повидимому, своею цѣлью сократить текстъ Василія въ тѣхъ случаяхъ, когда описанія его не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ біографіи святаго. Такъ, здѣсь мы не находимъ, прежде всего, предисловія Василія: житіе прямо начинается статьею о пришествіи преподобнаго въ Псковъ. Въ тѣхъ же видахъ исключены предисловіе Василія къ описанію 18-го чуда и автобіографическая замѣтка писателя въ концѣ этого описанія. Нѣтъ, наконецъ, и похвалы святому. Что же касается отдѣльныхъ выраженій, то въ этомъ отношеніи какихъ-нибудь поправокъ не замѣтно.

Мы остановились на милютинской редакціи главнымъ образомъ въ тѣхъ видахъ, что приемы, допущенные здѣсь, нашли для себя подражаніе и широкое примѣненіе со стороны издателей житія преп. Саввы въ прошедшемъ столѣтіи. Житіе это неоднократно переиздавалось въ „повѣсти о началѣ и основаніи Псковскаго Печерскаго монастыря“¹⁾. Въ печатномъ изданіи сокращеніе произведено въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Милютинскихъ минеяхъ. Здѣсь нѣтъ не только указанныхъ выше предисловія Василія и похвалы, но почему-то исключены всѣ мѣста, гдѣ авторъ говоритъ о себѣ, и большинство сдѣланныхъ имъ хронологическихъ опредѣленій въ описаніи чудесъ. Произвольно затѣмъ сдѣлано внѣшнее расположеніе матеріала, не соответствующее рукописному, со вставками отдѣльныхъ выраженій для установленія внѣшней связи. Главный же недостатокъ изданія составляетъ излишняя замѣна старинныхъ словъ текста новѣйшими выраженіями, иногда не только неудачными, но и измѣняющими первоначальный смыслъ текста. Такъ, въ поученіи преп. Саввы: „и вси блудники и любодей, и прелюбы творящія, и мужеложници не узрять Господа“,—подчеркнутое выраженіе замѣнено словами: „и многимъ же-нидбамъ прилѣпляющіися“²⁾.

Въ опредѣленіи времени открытія мощей вмѣсто хронологической даты Василія: 7062 г. (1554), поставлена другая: 1547 г., августа перваго—вмѣсто 30-го³⁾, но годъ кончины святаго оставленъ безъ измѣненія—

¹⁾ По изданію 1831 г., л. 45—66, по изданію 1849 г., л. 107—158.

²⁾ Рук. Син. 6-ки, № 633, л. 27. Милют. мин., № 880, л. 1147 об., ср. Повѣсть о началѣ Печер. мон., 1831 г., М., л. 47.

³⁾ Въ послѣднемъ случаѣ издателемъ, очевидно, принята буква ѣ за я.

1495, и такимъ образомъ не подходитъ къ этой датѣ общее число 60-ти лѣтъ, прошедшихъ со дня кончины до открытія мощей.

Печатное изданіе если и имѣетъ свою цѣну для изслѣдователя, то лишь настолько, насколько оно облегчаетъ и ускоряетъ его работу надъ сличеніемъ рукописныхъ редакцій.

Большій интересъ и значеніе, по сравненію съ милютинскою редакціею и печатнымъ изданіемъ, имѣетъ краткое проложное житіе, въ указанной выше рукописи Румянцевскаго музея, № 397, гдѣ оно занимаетъ собою всего лишь три листа, въ два столбца (л. 383 об.—385 об.). Заглавіе его такое: „Мѣсяца августа въ 28-й день. Память преподобнаго отца нашего Савы пустынножителя, новаго чудотворца псковскаго“. По мнѣнію Восточова, это проложное житіе представляетъ собою сокращеніе житія Василия (Опис. рук. Румян. муз., стр. 601). Изъ ближайшаго сравненія двухъ редакцій узнаемъ, что передѣлка эта произведена въ XVI вѣкѣ, быть можетъ очень скоро послѣ появленія житія Василия, одновременно съ установленіемъ церковнаго праздника въ честь Саввы. Но она произведена не самимъ Василиемъ. Сходясь въ общемъ съ своимъ источникомъ, эта новая редакція представляетъ и нѣкоторыя отступленія отъ него. Такъ, вносится добавленіе о мѣстѣ родины преп. Саввы, имѣющее свое значеніе. „Слышахъ отъ нѣкихъ чловѣкъ,—читаемъ на л. 384,—въ повѣстехъ обносило бѣяше о семъ блаженнѣмъ Савѣ. Ови глаголють, яко отъ Сербьскія земли емоу пришедшоу или отъ Стга Горы, а инѣмъ глаголющимъ, яко Литовская страна пороуди и въспита того“. Источникъ этого новаго извѣстія сходенъ, разумѣется, съ источникомъ предыдущихъ указаній,—это отголосокъ болѣе ранняго преданія, не забытаго еще и въ пору составленія проложнаго житія. Его значеніе подробнѣе мы опредѣлимъ при другомъ случаѣ.

Разницу наблюдаемъ, затѣмъ, и въ опредѣленіи времени кончины преподобнаго. Въмѣсто 7003 г., августа 30-го дня, здѣсь читаемъ: „душу свою мирно Господеви предасть въ лѣто шц девят-девят-осмаго, мѣсяца августа въ 7“. Открытіе мощей святаго, по указанію этой редакціи („по преставленіи св. отца Савы минувшимъ оубо шесть-десятымъ лѣтомъ“, л. 385), нужно, значить, отнести къ 1550—1 гг. Трудно сказать, что это—случайная хронологическая ошибка или намѣренная поправка, сдѣлать которую у редактора были основанія. Болѣе вѣроятнымъ представляется намъ первое объясненіе, такъ какъ Василій, несомнѣнно, могъ имѣть болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ этотъ новый редакторъ, и его дата находитъ для себя подтвержденіе въ псковской лѣтописи. Въ послѣдней освященіе новой церкви, съ началомъ работъ для созданія которой связано, по житію, открытіе мощей святаго, относится къ 1557 году¹⁾.

¹⁾ Пол. соб. рус. лѣт., т. IV, стр. 309, 7065 г. „Того же лѣта совершена бысть церковь въ Крыпецкомъ монастырѣ святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова каменная, игуменомъ Феоктистомъ“.

Маленькая подробность внесена, наконец, и въ описаніе внѣшняго вида подвижника: „образомъ же бѣ святыи великѣ тѣломъ, погорбился отъ многіа старости, браду имѣя широкоу, кроуглоу, сѣдоу всю и не добрѣ долгоу“.

• Третьимъ памятникомъ псковской агіобіографіи является житіе преп. Никандра. Житіе это представляетъ собою памятникъ, въ литературной исторіи котораго многіе вопросы являются трудно разрѣшимыми вслѣдствіе недостатка указаній въ самомъ содержаніи памятника. Такъ, здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ данныхъ ни для опредѣленія личности составителя житія и времени написанія имъ біографіи святаго, ни для рѣшенія болѣе важнаго вопроса—объ отношеніи ранней редакціи житія къ позднѣйшей ея переработкѣ, которую легко можно замѣтить при сопоставленіи рукописныхъ списковъ съ печатнымъ изданіемъ. Мало выяснены эти вопросы и въ научныхъ изслѣдованіяхъ о житіи преподобнаго.

Если бы можно было вполне довѣрять указаніямъ, помѣщеннымъ въ печатномъ изданіи житія препод. Никандра, то процессъ составленія этого памятника для насъ былъ бы совершенно яснымъ. По этимъ указаніямъ, житіе составлено при освидѣтельствovanіи мощей святаго, въ 1687 году, лицами, производившими это освидѣтельствованіе. Затѣмъ, будучи отправлено въ Москву, житіе было прочитано здѣсь на соборѣ въ присутствіи патріарха, двухъ митрополитовъ и архіепископовъ, пяти архимандритовъ, „да печатнаго двора справщиковъ Сергіа и Евѣміа“. Послѣ таковой предварительной цензуры со стороны высшей власти новосоставленное житіе чрезъ тихвинскаго архимандрита Магарія было отправлено въ Никандрову пустынь, къ игумену Евѣмію, „для чтенія и послушанія къ духовной пользѣ братіи обители сея и всѣхъ православныхъ христіанъ, приходящихъ съ вѣрою къ мощамъ препод. Никандра“¹⁾.

Черезъ сто слишкомъ лѣтъ списокъ этого житія былъ изданъ печатно, при службѣ преподобному, въ Москов. Синод. типографіи²⁾.

Согласно этимъ указаніямъ, къ 1687 году относить время составленія житія и м. Евгений. Въ его „Исторіи княжества псковскаго“ (Кіевъ, 1831 г., ч. III, стр. 80) читаемъ: „преп. Никандръ причтенъ въ святые въ 1687 году, и тогда же сочинена ему служба и житіе, но напечатана со умноженіемъ и исправленіемъ уже въ 1805 году“³⁾. Изъ послѣднихъ словъ видно, что и этотъ первый по времени изслѣдователь житія препод. Никандра замѣтилъ значительную разницу между печатнымъ и рукописнымъ текстами, хотя, къ сожалѣнію, не только не раскрылъ подробнѣе

¹⁾ Житіе препод. отца нашего Никандра пустынножителя псковскаго, ново въ чудесѣхъ просіявшаго, 1805 г., изд. Москов. Синод. типографіи, л. 74—75.

²⁾ Первымъ печатнымъ изданіемъ житія служить изданіе 1799 г., изъ старопечатныхъ книгъ бібліотеки Ундольскаго (нынѣ Румянцевскаго музея), № 1236—588.

³⁾ Очевидно, что у преосвященнаго было лишь третье изданіе разсматриваемаго памятника.

этой разницы, но даже не назвал и рукописного списка, которымъ онъ пользовался при сравненіи двухъ текстовъ.

Оригинала, о которомъ говорится въ первомъ печатномъ изданіи памятника, въ настоящее время нѣтъ въ библиотекѣ Никандровой пустыни; не сохранилось здѣсь даже и извѣстій, къ какому времени относится его утрата¹⁾. Для разъясненія послѣдняго болѣе точная ссылка на рукописный списокъ въ сочиненіи м. Евгенія имѣла бы свой интересъ и значеніе, такъ какъ преосвященный въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ видно изъ его замѣчаній о житіи и о монастырскомъ уставѣ препод. Евфросина, обычно пользовался списками мѣстныхъ монастырскихъ библиотекъ. Такимъ образомъ, сравнить печатный текстъ житія препод. Никандра съ текстомъ его первоисточника въ настоящее время не представляется возможнымъ; приходится ограничиться лишь другими сохранившимися рукописными списками этого памятника. Такихъ списковъ извѣстно четыре: № 620 Москов. Синод. б-ки, № 212—145 А. М. И. Д., № 8 библиотеки Императ. Археогр. Коммисіи и поморскій сборникъ библиотеки проф. В. О. Ключевского. По первому и послѣднему спискамъ такое сравнительное изслѣдованіе изучаемаго нами памятника уже произведено проф. Ключевскимъ, въ его сочиненіи: „Древне-русскія житія святыхъ“, стр. 331—332, гдѣ представлены слѣдующіе краткіе выводы и замѣчанія.

По сравненію съ печатнымъ изданіемъ, рукописный списокъ представляетъ собою болѣе простую и болѣе древнюю редакцію житія преподобнаго, составленную еще въ первой половинѣ XVII в. Лица, производившія освидѣтельствованіе мощей препод. Никандра, не составляли вновь житія, а лишь передѣляли прежде написанную біографію. Уже въ 1684 году одно изъ чудесъ было вписано въ готовую книгу житія и чудесъ Никандра,

¹⁾ Рукописное житіе преп. Никандра хранилось въ монастырѣ въ первой половинѣ XVIII в. Въ Архивѣ свят. Синода, подъ № 330, отъ 1735 г., имѣется интересное дѣло по поводу суевѣрнаго отношенія посѣтителей м-ря къ камню, служившему при жизни преподобнаго возглавіемъ ему для отдыха. Въ этомъ почитаніи камня архіеп. Теофанъ Прокоповичъ усмотрѣлъ одно „безпутное суевѣріе“ и, по разслѣдованіи дѣла, отослалъ камень въ Синодъ, съ слѣдующимъ предложеніемъ: „дабы впредь не было какого простому народу соблазна, бросить камень въ воду или положить впредь на память того бывшаго суевѣрія при Синодальной канцеляріи на публичномъ мѣстѣ“. 9 апрѣля 1736 г. Синодъ постановилъ: „означенный камень, во время присутствія въ св. Синодѣ архіеп. Теофана, среди Невы рѣки бросить въ воду“. Но постановленіе это не было приведено въ исполненіе: камень хранится въ залѣ Синод. Архива, въ витринѣ подъ № XVII. Въ дѣлѣ читаемъ, что вмѣстѣ съ камнемъ Теофану была выслана изъ монастыря: „книжица въ переплетѣ кожаномъ въ полдестъ, шитая гладью, въ коей служба и житіе да чудеса онаго Никандра чудотворца объявлены“. Не видно изъ дѣла, была ли возвращена въ монастырь эта „книжица“ съ житіемъ или нѣтъ. (Подробности содержанія этого акта см. въ нашей статьѣ: „Къ исторіи борьбы съ народными суевѣріями въ XVIII в.“, Пск. Еп. Вѣд. 1905 г., № 24.)

въ продолженіе же XVII в., до 1686 г., къ прежнимъ чудесамъ приписывались дальнѣйшія, внесенныя въ печатную редакцію. Редакція 1686 года составлена, какъ видно по ея намекамъ, тогдашнимъ игуменомъ Никандрова монастыря Евѣиміемъ. Она не вездѣ точно воспроизводитъ старую редакцію.

Какъ показано будетъ ниже, главное положеніе этого изслѣдованія: объ отношеніи печатной редакціи къ рукописной,—вполнѣ подтверждается данными списка житія Археогр. Ком. Здѣсь въ разсказѣ объ освидѣтельствованіи мощей ничего не говорится о составленіи обыскною комиссіею житія преподобнаго. Что же касается другихъ вопросовъ: о времени написанія болѣе ранней редакціи житія, о личности составителя, а также объ источникахъ рукописной редакціи, то вслѣдствіе уже краткости самаго изслѣдованія они остались у Ключевского недостаточно выясненными. Въ задачу изслѣдованія не входило и болѣе подробное сопоставленіе текстовъ рукописной и печатной редакцій житія. На этихъ вопросахъ мы и остановимся въ своей работѣ и будемъ пользоваться главнымъ образомъ тѣми данными, которыя имѣются въ рукописныхъ спискахъ житія препод. Никандра, сдѣлавшихся извѣстными уже послѣ напечатанія книги проф. Ключевского. Но прежде всего мы считаемъ нужнымъ представить болѣе подробный обзоръ содержанія рукописной редакціи житія, помѣщенной въ спискахъ № 620 Моск. Син. б-ни, и поморскаго сборника проф. Ключевского, чтобы чрезъ это точнѣе выяснить отношеніе къ ней редакціи печатной.

Въ списокѣ № 620 житіе преподобнаго помѣщено на л. 91—169 об. и имѣетъ слѣдующее заглавіе: „мѣсяца сентября въ 24 день преставленіе преп. отца нашего Никандра чюдотворца, пустынножителя, еже отъ части житія его и чюдесь боголюбезное связаніе, благослови отче“. На предыдущихъ листахъ помѣщена служба святому.

Житіе не имѣетъ предисловія и прямо начинается статьею о рожденіи святаго.—По содержанію его можно раздѣлить на двѣ части, которыя и съ внѣшней стороны представляются законченными: 1) біографію святаго (л. 91—140) и 2) описаніе посмертныхъ его чудесъ (л. 140 об.—169). Послѣдніе пять листовъ въ разсматриваемомъ списокѣ представляютъ собою уже позднѣйшую, сдѣланную другимъ почеркомъ, приписку.

Первая часть житія представляетъ собою довольно полный и въ историческомъ отношеніи обстоятельный разсказъ о жизни препод. Никандра, начиная съ его рожденія и юношескихъ годовъ его домашней жизни и кончая описаніями смерти и погребенія подвижника. Біографъ точно отмѣчаетъ годы рожденія и смерти преподобнаго и по возможности старается подробнѣе передать отдѣльные факты изъ его жизни. Въ характеристикѣ періода дѣтской и отроческой жизни святаго онъ пользуется обще-житійными чертами: говоритъ о ранней склонности отрока Никона (мірское имя преподобнаго) къ подвижничеству, выразившейся въ неопустительномъ посѣщеніи имъ мѣстной церкви, въ стремленіи къ изученію божественныхъ книгъ, въ рано появившейся постоянной заботѣ и мысли

о томъ: „како и кимъ образомъ спастися“. Но на ряду съ этими общими чертами, не особенно цѣнными въ историческомъ отношеніи, въ описаніи юношеской жизни преподобнаго находимъ сообщенія и вполне фактическаго характера, которыя даютъ возможность объяснить частныя причины таковой ранней склонности святаго къ подвижнической жизни. Именно, родиню Никандра, по замѣчанію его біографа, было село Виделебье, хорошо, повидимому, извѣстное составителю житія, какъ показываетъ его замѣтка о церкви, въ которой молился преподобный: „бѣше бо церковь каменна въ селѣ томъ и до нынѣ во имя великаго архіерѣя и чудотворца Христова Ниволы“¹⁾. По мѣсту своего рожденія препод. Никандръ былъ, значить, землякомъ преп. Евфросина. Отсюда и дальнѣйшая замѣтка писателя житія: „таже слышавъ о святыхъ мѣстехъ, иже есть оволо славнаго града Пскова, и о потрудившихся въ нихъ препод. отцехъ Евфросинѣ и Саввѣ, въ постѣ просіявшихъ и къ Богу отшедшихъ и последи въ чудесехъ прославившихся, желая день и ночь безпрестанно сподобитися житію ихъ и повлонитися мощемъ ихъ“ (л. 93 и об.),—въ характеристивѣ преподобнаго получаетъ значеніе историческаго факта, а не литературнаго лишь „добрословія“. О жизни и подвигахъ Евфросина несомнѣнно сохранились воспоминанія среди его односельчанъ. Затѣмъ, такую же и даже большую фактическую цѣнность имѣютъ и двѣ другія замѣтки писателя—о семейной обстановкѣ, въ которой проходило дѣтство Никона, свидѣтельствующія, что вопросъ о томъ: „како спастися“, одинаково занималъ и старшихъ членовъ семейства, притомъ и для нихъ лучшимъ путемъ во спасенію представлялась монашеская жизнь. Еще въ дѣтствѣ Никандра братъ его былъ уже инокомъ „не въ коемъ монастырѣ“; когда же преподобному исполнилось 17 лѣтъ, то и мать его, раздавши свое имѣніе на церкви и нищихъ, „изыде изъ суетнаго міра и въ нѣкоторый монастырь дѣвическій пришедши и ту пріемши иноческій образъ“ (л. 93 об.). Преподобному такимъ образомъ оставалось лишь послѣдовать этимъ двумъ примѣрамъ.

Съ такою же фактическою подробностію біографъ продолжаетъ свой разсказъ и о послѣдующихъ событіяхъ изъ жизни преподобнаго: о посѣщеніи имъ псковскихъ обителей, о жизни въ Псковѣ у торговаго челоувѣка Филиппа (л. 94), объ изученіи грамоты у какого-то діавона (л. 94 об.), о первыхъ подвигахъ въ пустынѣ вмѣстѣ съ Теодоромъ ситникомъ (л. 96—98 об.), о постриженіи, при содѣйствіи Филиппа, въ монашество въ Крыпецкомъ монастырѣ и о жизни здѣсь (л. 99—102 об.), о возвращеніи въ пустыню и о вторичномъ пришествіи въ Крыпецкій монастырь (л. 103 об.—108 об.), о размолвкѣ съ настоятелемъ и братіею и окончательномъ водвореніи въ пустынѣ (л. 109 и слѣд.). Не опускаетъ писатель житія и различныхъ частныхъ случаевъ изъ жизни святаго, напр., происшествія на дорогѣ изъ монастыря въ пустыню въ селѣ Локаты, когда преподобный едва избѣжалъ смерти отъ хозяина дома, гдѣ онъ ночевалъ (л. 109 об.—111),

¹⁾ Рук. Син. 6-ки, № 620, л. 92 об.

о нападеніи на преподобнаго волковъ (л. 111 об.—112), о приходѣ къ его келии огромнаго медвѣдя (л. 120 об.) и мн. др. Также подробно характеризуетъ біографъ и жизнь святаго въ пустынѣ, а равно отношенія пустынника къ окрестнымъ жителямъ.

Подробности разсказовъ соотвѣтствуетъ и живость изложенія—черта не совсѣмъ обычная въ памятникахъ древне-русской агиографіи. Многіе факты такъ живо и наглядно переданы біографомъ, что не оставляютъ сомнѣнія въ достоинствѣ источниковъ, на основаніи которыхъ произведена писателемъ житія его работа. Для примѣра слѣдуетъ лишь прочесть хотя бы такое мѣсто изъ описанія бесѣды преподобнаго съ нѣкимъ Симеономъ. „Преподобный же пророчески глагола ему, прозя его смерть—Симеона: „время ти совращается, покаяйся!“ И вземъ преподобный ножицы и даде ему: „пойди въ монастырь, Симеоне, вонъ же ты Господь наставитъ и постризися ножицами сими, уже бо приближися конецъ житію твоему“ (л. 121 об.).

Особенностью разсматриваемаго памятника является, наконецъ, сравнительная точность помѣщенныхъ въ немъ разсказовъ, какъ результатъ похвальнаго со стороны писателя стремленія хронологически опредѣлить описываемыя имъ событія. Правда, стремленіе это не всегда имѣло благое результаты; но въ неточностяхъ и хронологическихъ ошибкахъ былъ виноватъ не самъ писатель, а источники, которыми онъ пользовался и которыхъ онъ не имѣлъ уже возможности какъ-нибудь провѣрить. Біографъ не могъ, напр., назвать имени діавона, у котораго учился преподобный, такъ какъ „діавона же сего имене писаніе не повѣда многихъ ради лѣтъ“ (л. 94 об.). Не называетъ онъ и имени врыщецаго игумена, при которомъ постригся и жилъ въ монастырѣ преподобный. Весьма неудачны у него опредѣленія количества лѣтъ, проведенныхъ преподобнымъ въ пустынѣ. Что и здѣсь онъ старался быть точнымъ, это видно уже изъ самыхъ подробностей въ его хронологическихъ опредѣленіяхъ: указываются не только годы, но и мѣсяцы проведенной преподобнымъ жизни въ пустынѣ за тотъ или другой ея періодъ. Причиною ошибокъ былъ лишь недостатокъ указаній, которыми могъ воспользоваться въ данномъ случаѣ біографъ, такъ какъ о количествѣ лѣтъ, прожитыхъ Никандромъ въ пустынѣ, не знали даже и очевидцы святаго. На вопросъ одного изъ нихъ: „отче преподобне! волико ты живеша лѣтъ въ пустыни сей?“—преподобный отвѣтилъ: „о лѣтѣхъ же нѣсть твое пытати, токмо Богъ единъ вѣсть“ (л. 115).

Передъ разсказами о принятіи преподобнымъ схимы и о кончинѣ его помѣщены описанія трехъ чудесъ, совершенныхъ святымъ при жизни, въ своемъ содержаніи заключающія интересныя данныя для характеристики отношеній преподобнаго къ его посѣтителямъ. Источники этихъ описаній укажемъ ниже.

Біографическая часть разсматриваемаго памятника оканчивается молитвеннымъ обращеніемъ къ святому, которое по своему изложенію представляетъ собою нѣчто въ родѣ похвалы святому, не выдѣленной лишь,

какъ это наблюдаемъ въ другихъ житіяхъ, въ особую часть. За такой именно характеръ этой заключительной части въ біографіи говорятъ какъ литературный источникъ, которымъ здѣсь, какъ показано будетъ ниже, пользовался писатель (похвала препод. Θεодосію Печерскому), такъ и самыя начальныя слова: „мы же правовѣрніи похвальная воспоемъ ему, глаголюще...“ (л. 137 об.). Похвала эта заканчивается обычнымъ въ житіяхъ славословіемъ.

Вторую часть житія по разсматриваемому списку составляютъ описанія посмертныхъ чудесъ святаго съ предшествующимъ предисловіемъ, которое представляетъ собою частью выписки изъ литературнаго сторонняго источника, частью самостоятельное произведеніе писателя. Въ разсматриваемомъ спискѣ помѣщены описанія 12 чудесъ (л. 140 об.—169), въ спискѣ же № 8 Импер. Археогр. Ком., воспроизводящемъ ту же редакцію житія, всѣхъ чудесъ помѣщено 20 (л. 38 об.—86). Наиболѣе интересно описаніе перваго чуда, излагающее событія возникновенія монастыря на мѣстѣ пустынныхъ подвиговъ препод. Никандра.

Нельзя сказать, чтобы и эта часть житія отличалась точностію хронологическихъ опредѣленій. Точныя даты имѣются лишь въ описаніяхъ перваго чуда—7093 г. (л. 143), четвертаго—7171 г. 22 декабря (л. 153 об.) и 9-го—7173 г. (л. 161). Въ другихъ случаяхъ время совершенія чуда можно опредѣлить лишь приблизительно по упоминаемымъ въ описаніяхъ лицамъ, напр., митрополитовъ воегородскихъ Афѳонія (5-ое чудо), Никона (6 ч.) и игумена Сергія (2 ч.). Изъ описанныхъ чудесъ только первое относится къ концу XVI в., остальные же большею частью ко второй половинѣ XVII ст. Нѣтъ указаній, былъ ли описатель чудесъ одновременно и составителемъ біографіи или это были разныя лица. По крайней мѣрѣ, тогда какъ въ первой части разсматриваемаго памятника авторъ никогда не говоритъ о себѣ, въ описаніи чудесъ часто встрѣчаются замѣтки автора о себѣ и всегда въ первомъ лицѣ. Изъ словъ писателя: „повѣда ми игумень Исаія и братія препод. Никандра“ (л. 153 об.), „повѣдаша ми братія обители препод. Никандра“ (л. 161), или: „сіе нѣдци видѣвше, возвѣстиша игумену Сергію обители тоя“,—можно даже думать, что описатель чудесъ не принадлежалъ къ братству Никандровой пустыни. Во всякомъ случаѣ, онъ не былъ очевидцемъ ни одного изъ описанныхъ чудесъ, а описывалъ ихъ по рассказамъ монастырской братіи, какъ видно изъ послѣднихъ словъ въ описаніи 4-го чуда: „сіе же преславное чудо, елико ми повѣдаша, толико и написахъ на ползу слышащимъ, во славу Богу и въ похвалу преподобному отцу“ (л. 154 об.).

Запись чудесъ сдѣлана довольно подробно, и это объясняется тѣмъ, что у писателя были свѣдущіе рассказчики. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ писалъ со словъ очевидцевъ и даже самихъ исцѣленныхъ. Такова, напр., запись 6-го чуда, надъ сыномъ дворянина Муравьева, изъ которой узнаемъ, что писатель не только бесѣдовалъ съ отцомъ исцѣленнаго, но видѣлъ и самого исцѣленнаго. „Сынъ же Игнатій, —говоритъ онъ,—здравствуетъ и по се время, азъ же его видѣхъ яко двоюнадесяти лѣту“ (л. 157 об.).

Такая же замѣтка и въ концѣ описанія 5-го чуда: „азъ же сія слышавъ отъ него (отца исцѣленнаго, священноинова Іоны) и сына его видѣвъ возрастомъ яво пятнадцати лѣтъ“ (л. 156). Со словъ самого исцѣленнаго записано 7-ое чудо, надъ страпчимъ митрополита Аѳеонія, какъ видно изъ послѣднихъ строкъ описанія: „сія же азъ грѣшный слыпахъ отъ него и написахъ слышачимъ на пользу“ (л. 159 об.).

Нѣтъ возможности точно опредѣлить, когда произведена была запись чудесъ; несомнѣнно лишь, что не ранѣе 1665 года, такъ какъ случившееся въ этотъ годъ чудо надъ Евдовією Шипишиною записано по рассказамъ монастырской братіи,—значить, въ это время писатель не жилъ еще въ монастырѣ¹⁾. Если въ этому году отнести начало записи чудесъ, то можно будетъ опредѣлить хронологію чудесъ: 5-го, надъ сыномъ священноинока Іоны, исцѣленнымъ на шестомъ мѣсяцѣ и имѣвшимъ въ пору записи около 15 лѣтъ, и 6-го, надъ сыномъ Муравьева, исцѣленнымъ во время управленія новгородскою епархією митрополита Никона. Первое было въ 1650—1651 г., а второе—въ 1652 г., т.-е. въ послѣдній годъ управленія Никона новгородскою епархією.

Вѣроятно, что девятью первыми чудесами и ограничивалась первоначальная запись чудесъ, въ которой затѣмъ дѣлались дополненія²⁾. Къ числу такихъ дополненій относимъ мы и запись слѣдующихъ трехъ чудесъ въ рассматриваемомъ сборникѣ, отличающуюся отъ предыдущей записи и по изложенію. Такъ, напр., рассказъ о послѣднемъ чудѣ: о погорѣннѣ церквей въ обители, ведется уже отъ лица самого игумена Иларіона и по своей формѣ представляетъ собою нѣчто въ родѣ официального доклада³⁾. Описаніе 10-го чуда, отъ 7178 г., надъ женою дворянина Беклемишева, составлено по рассказамъ матери и сына исцѣленной⁴⁾.

Нѣтъ нужды подробно разъяснять историческую цѣнность описаній чудесъ. Для исторіи монастыря препод. Никандра эти описанія имѣютъ еще большее значеніе, чѣмъ описанія чудесъ Евфросина и Саввы для исторіи ихъ обителей, такъ какъ безъ нихъ мы вовсе не имѣли бы свѣдѣній о начальныхъ событіяхъ монастырской жизни въ пустынѣ преподобнаго. Съ этой стороны особенно цѣнны: описаніе перваго чуда, знающее насъ съ обстоятельствами возникновенія Никандровскаго монастыря, и описаніе 4-го чуда, отъ 22-го декабря 7171 г., содержащее въ себѣ

1) „Повѣдаша ми братія обители преп. Никандра чюдо преславно и удивленія многа исполнено, въ лѣто 7173“ (л. 161).

2) Запись 9-го чуда заканчивается слѣдующими словами: „братія же, слышавше сія (рассказъ исцѣленной), воздаша хвалу Богу и преп. Никандру, славяще св. Троицу—Отца и Сына и Св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь“ (л. 164).

3) „Въ понедѣльникъ свѣтлыя недѣли азъ убогій игумень Иларіонъ зъ братьею, пришедъ въ 3 часа дня и отпѣвъ часы и молебень пасцѣ и преп. Никандру, и поидохомъ въ трапезу зъ братьею“ и т. д. (л. 168).

4) „Возвѣстиша о семъ чюдеси игумену Макарію зъ братьею и все по ряду сказаша“ (л. 166 и об.).

интересныя замѣтки о состояніи монастыря черезъ 80 почти лѣтъ послѣ его возникновенія, когда монахи „скудости ради пустыннаго житія“ не могли имѣть у себя постоянного священника и даже въ праздники Рождества Христова въ монастырской церкви не было службы.

Въ описаніяхъ чудесъ находимъ, затѣмъ, нѣкоторые дополненія и въ біографіи святаго, правда, незначительныя,—напр., сообщеніе о томъ, что камень, о которомъ говорится въ описаніи 3-го чуда, при жизни преподобнаго служилъ ему возглавіемъ для отдыха¹⁾.

Наконецъ, характеризуя отношенія окрестныхъ жителей къ монастырю, описанія сообщаютъ намъ, что очень рано, задолго до канонизаціи подвижника, онъ уже почитался какъ святой не только въ монастырѣ, но и внѣ его. По свидѣтельству, находящемуся въ описаніи 6-го чуда, въ 1652 году была построена дворяниномъ Муравьевымъ въ его имѣннѣи церковь во имя препод. Нивандра. По сообщенію въ записи 12-го чуда, еще въ 1673 г. при гробѣ преподобнаго совершались молебны, начало которыхъ нужно отнести, несомнѣнно, къ болѣе раннему времени.

Но представляя собою хорошій источникъ для начальной исторіи монастырской жизни, описанія чудесъ, какъ и предшествующая имъ біографія, не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо данныхъ для разрѣшенія вопросовъ о литературной исторіи разсматриваемаго памятника,—о времени его написанія, о личности списателя и т. п.; и попытки въ разъясненію этихъ вопросовъ, сдѣланныя на основаніи хронологическихъ датъ въ описаніяхъ, по нашему мнѣнію, должны быть считаемы мало доказательными. По крайней мѣрѣ, мнѣніе преосв. Филарета о томъ, что житіе написано въ 1665 г. и что составителемъ его былъ, вѣроятно, Я. М. Муравьевъ, является догадкою, совершенно не обоснованною. (Обзоръ рус. дух. лит., Спб. 1884 г., стр. 233). Не совсѣмъ точно замѣчаніе и арх. Саввы, что житіе написано послѣ 1665 г. Въ основаніи этого опредѣленія, принятаго и Строевымъ, лежитъ хронологическая дата записи 9-го чуда,—въ разсматриваемомъ спискѣ—7173 г.²⁾ Но изъ этой даты можно сдѣлать выводъ лишь о времени записи чудесъ, а не о времени составленія біографіи, которая могла появиться раньше записи чудесъ, а могло

¹⁾ „Есть убо во обители святаго камень, яко брусъ видѣніемъ, нецыи же повѣдаютъ, яко сей камень бысть въ возглавіи у святаго, егда бысть въ телеси преподобный“ (л. 151). Описанію этого чуда предшествуетъ особое предисловіе, занимающее собою цѣлый листъ, слѣдующаго содержанія: „духовная убо духовнымъ прилагати подобаетъ, якоже глаголетъ писаніе, святыхъ же чудеса проповѣдати подобаетъ, подробну же сказати не возможно..., не токмо бо дивно, иже древле отъ святыхъ чудесъ источникомъ изливаемымъ, но и въ послѣдняя сія времена, егда же кончина седмаго вѣка переходитъ, осмый же наставши, но и тогда у гроба святаго точатся беспрестани чудеса съ вѣрою приходящимъ къ нему...“ (л. 149 об.—150).

²⁾ А. Савва, Указатель для обозр. Москов. Патр. (нынѣ Синод.) 6-ки, изд. 2, М. 1858 г., стр. 177. Строевъ, Библиогр. слов. и чернов. къ нему матеріалы, Спб. 1882 г., стр. 337—338.

быть и наоборотъ. Нѣтъ, затѣмъ, прямыхъ указаній, чтобы составленіе обѣихъ частей разсматриваемаго памятника принадлежало одному и тому же лицу. Наконецъ, въ различныхъ спискахъ разсматриваемой редакціи число записанныхъ чудесъ неодинаково: 9—12 № 620 Син. 6-ки, 3—6-ки проф. Ключевского и 20 № 8 6-ки Арх. Ком. На основаніи текста первой части житія можно лишь утверждать, что оно было составлено до освидѣтельствванія мощей преподобнаго, такъ какъ здѣсь нѣтъ статьи о послѣднемъ событіи. О томъ же говоритъ и замѣтка писателя по поводу погребенія святаго: „боголюбивый же той мужъ (Иванъ Долгій) вземъ препод. отца тѣло и погребе его близъ дуба, еже и до нынѣ ту пребываетъ“ (л. 136).

О личности составителя житія, въ виду отсутствія указаній въ текстѣ памятника, нельзя сдѣлать какихъ-нибудь предположеній.

При сопоставленіи обѣихъ частей житія очень замѣтною становится разница между ними относительно источниковъ. Тогда какъ въ описаніяхъ чудесъ въ качествѣ источника всегда указываются устные рассказы очевидцевъ¹⁾, въ біографической части житія мы ни разу не встрѣчаемъ подобной ссылки. Біографъ указываетъ лишь имена нѣкоторыхъ лицъ, — напр., порховскаго діакона Петра, монаховъ Демянскаго монастыря и др., — отъ которыхъ шли рассказы о жизни преподобнаго; но ни съ однимъ изъ этихъ лицъ ему не привелось бесѣдовать. Разница эта вполне понятна. Тогда какъ въ описаніяхъ чудесъ передаются сообщенія о фактахъ недавнихъ, случившихся тому назадъ какихъ-нибудь 12—15 лѣтъ, въ біографіи идетъ рассказъ о такихъ событіяхъ, со времени которыхъ прошло не менѣе 80—100 лѣтъ. Разумѣется, что біографъ не могъ уже найти живыхъ свидѣтелей жизни и подвиговъ преподобнаго и долженъ былъ свои описанія составлять на основаніи рассказовъ позднѣйшихъ лицъ — не очевидцевъ. Но отмѣченный выше характеръ сообщеній въ біографической части житія: ихъ фактичность и подробность въ передачѣ, заставляютъ думать, что авторъ имѣлъ подъ руками очень хорошій источникъ, какими не могли быть воспоминанія и рассказы его современниковъ. Промежутокъ времени между годами смерти препод. Нивандра (1582 г.) и составленія разсматриваемаго житія (приблизительно 60-е годы XVII ст.) слиш-

¹⁾ Въ предисловіи къ записи 1-го чуда, правда, читаемъ такія строки: „*видяхомъ бо калугера клосна и ногама скорбна зѣло многими лѣты..., нынѣ же яво отъ самого оного слышахомъ испѣлѣвшаго...*“ Но въ этомъ предисловіи подчеркнутыя слова не что иное, какъ ораторскій приѣмъ, съ помощью котораго писатель старается точнѣе провести параллель между описываемымъ событіемъ и испѣленіемъ „во Іерусалимѣ, при красныхъ дверехъ церковныхъ, хромца“, по молитвѣ апостоловъ Петра и Іоанна (л. 142). Для живости изложенія писатель употребляетъ здѣсь и множественное число, тогда какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ говоритъ обычно лишь отъ своего лица. Но что ни писатель, ни рассказчики не могли ни видѣть, ни слышать испѣленнаго Исаію, это ясно изъ того, что здѣсь разсказывается о событіи, происшедшемъ 80 лѣтъ тому назадъ (1585 г.—1665 г.).

вошь великъ, чтобы за это время въ монастырѣ могли сохраниться такія свѣжія воспоминанія о жизни подвижника. Біографъ препод. Саввы Крыпецаго, приступившій къ своей работѣ черезъ 70 лѣтъ послѣ кончины святаго, нашель въ монастырѣ его очень скудный запасъ воспоминаній и свѣдѣній о строителѣ обители, заставившій на многіе вопросы отвѣчать молчаніемъ: „прехожденія ради многихъ лѣтъ“, или сочинительствомъ очень невысогого въ историческомъ отношеніи качества. По отношенію къ житію Нивандра дѣло могло обстоять еще хуже. Никандровской братіи тѣмъ труднѣе было хранить воспоминанія о преподобномъ, что и сама-то обитель возникла уже послѣ его смерти и никто даже изъ первыхъ ея насельниковъ не былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ пустынной жизни преподобнаго. Несомнѣнно отсюда, что отмѣченныя черты въ біографіи препод. Никандра объясняются тѣмъ, что у біографа былъ ранѣе составленный письменный источникъ, которымъ онъ и воспользовался въ своей работѣ. Это видно отчасти и изъ словъ самого біографа. Въ разсказѣ объ ученіи преподобнаго въ Псковѣ у какого-то діакона онъ, напр., замѣчаетъ: „діакона же сего имене писаніе не повѣда, многихъ ради лѣтъ“ (л. 94 об.). Разумѣется, что было бы очень поспѣшнымъ на основаніи одной этой замѣтки дѣлать положительный выводъ, зная, какъ часто писатели житій невѣрно выражались о своихъ источникахъ. Но въ данномъ случаѣ правильность высказаннаго предположенія можетъ быть доказана существованіемъ болѣе ранней и болѣе простой и краткой, по сравненію съ рассмотрѣнною, редакціи житія препод. Нивандра. Сопоставленіе этихъ двухъ редакцій дѣлаетъ несомнѣннымъ фактъ пользованія первою въ качествѣ письменнаго источника („писанія“) вторымъ біографомъ святаго. Списокъ этой болѣе ранней редакціи помѣщенъ въ рукописи № 212/145 Арх. М. И. Д. и ошибочно въ „Источн. рус. агіографіи“ г. Барсукова отнесенъ въ разрядъ другихъ, перечисленныхъ выше, списковъ житія. Въ виду того, что текстъ этой редакціи помѣщенъ полностью въ приложеніяхъ къ нашей работѣ, ограничимся лишь общими замѣчаніями относительно ея содержанія.

Въ рукописи житіе занимаетъ собою всего лишь двадцать листовъ (213—232), и такимъ образомъ по самому уже объему своему оно является болѣе краткою редакціею по сравненію съ выше рассмотрѣнною. Но такую она является и по своему содержанію. Разница между этими двумя списками начинается съ самаго заглавія, которое въ краткой редакціи помѣщено въ такомъ видѣ: „житіе и подвизи препод. отца нашего Нивандра пустынножителя, иже на Демянѣ езерѣ жившаго, порховскія области, благослови отче“. Въ краткомъ предисловіи составитель ясно указываетъ источникъ своихъ описаній, когда говоритъ, что онъ излагаетъ жизнь преподобнаго „отъ юны версты до здѣ“ на основаніи разсказовъ о ней древнихъ отцевъ и записываетъ послѣдніе не во всей полнотѣ: „отъ многа мало списахъ, еже слысахъ отъ древнихъ отецъ“.

Въ рукописи это житіе помѣщено въ ряду другихъ житій псковскихъ святыхъ: кн. Всеволода (л. 1—83 об.) и Довмонта (л. 170—212).

Относительно житія Всеволода есть указаніе на 2 л., что оно написано въ 1592 г., по желанію псковскаго епископа Геннадія¹⁾. Это указаніе можетъ предположительно установить намъ хронологическую дату составленія и разсматриваемой редакціи житія препод. Никандра. Житіе было написано не позднѣе первой половины XVII в. и всего вѣроятнѣе—въ началѣ ея. Въ это время списатель дѣйствительно могъ слышать рассказы о жизни святаго отъ „древнихъ отецъ“, т.-е. отъ современниковъ преподобнаго. Дальнѣйшія слова предисловія: „въ царство государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи самодержца“, нельзя разсматривать, какъ опредѣленіе времени написанія житія, такъ какъ составитель говоритъ далѣе о событіяхъ, случившихся уже послѣ смерти Грознаго,—напр., о построеніи Благовѣщенской церкви на могилѣ преподобнаго и о возникновеніи обители. Царствованіемъ Грознаго списатель, очевидно, хотѣлъ опредѣлить время земной жизни и подвиговъ преподобнаго († 1582 г.).

Списатель самъ хорошо характеризуетъ свою работу какъ со стороны ея содержанія, такъ и со стороны изложенія, когда говоритъ, что у него записано „отъ многа мало“ и притомъ „неудобренне“. Дѣйствительно, его рассказъ, обнимающій собою всю жизнь преподобнаго, очень кратокъ по сравненію съ описаніями второго біографа. Тогда какъ, напр., у послѣдняго рассказъ о жизни преподобнаго до удаленія въ пустыню занимаетъ собою цѣлыхъ три листа, у перваго біографа онъ изложенъ всего лишь на одномъ. Описаніе сборовъ преподобнаго въ пустыню, занявшее у второго біографа два листа, у перваго изображено въ нѣсколькихъ строкахъ. Такое же отношеніе наблюдается и въ передачѣ другихъ случаевъ изъ жизни преподобнаго.

Но что разсматриваемое житіе представляетъ собою не сокращеніе болѣе подробной редакціи, а вполне самостоятельную, первичную редакцію, послужившую источникомъ для подробной біографіи, это ясно какъ изъ характера біографическихъ замѣтокъ, такъ и изъ изложенія. Говоря о рожденіи преподобнаго Никандра, біографъ не называетъ родины преподобнаго, замѣчая лишь, что „рожденіе и воспитаніе имѣяше... во области псковскія, села нѣкоего“. Не называетъ по имени и старшаго брата Никандра, тогда какъ во второй редакціи помѣщены и названіе села, и имя брата преподобнаго, и разумѣется, что у перваго біографа не могло быть какихъ-либо побужденій вмѣсто точныхъ обозначеній употреблять неопредѣленные. Первый біографъ разнится отъ второго и въ хронологіи жизни преподобнаго въ пустынѣ. По его указаніямъ, преподобный въ первый разъ прожилъ въ пустынѣ 12 лѣтъ, во второй—15 и въ послѣдній 39 лѣтъ и 2 мѣсяца. У второго біографа въ первыхъ двухъ случаяхъ стоитъ одинаковая цифра—15, въ третьемъ 32 года и 2 мѣсяца.

¹⁾ Хронологическая дата эта не совсѣмъ точная. Геннадій былъ хиротонисанъ во епископа псковскаго 16 февр. 1595 г. (См. у Строева, „Списки іерарховъ...“, Спб. 1877 г., стр. 379).

Ни одно изъ этихъ указаній не точно, и первый біографъ, очевидно, такъ же мало былъ освѣдомленъ о времени жизни Никандра въ пустынѣ, какъ и второй. Изъ его передачи бесѣды преподобнаго съ Петромъ Есуповымъ можно даже подумать, что и самъ подвижникъ какъ бы не помнилъ точно, сколько времени онъ прожилъ въ пустынѣ. На вопросъ Петра: „отче преподобне! елико ты въ пустыни сей живещи лѣтъ, повѣждай ми?“— онъ же отвѣщая и рече: „Богъ вѣсть, чадо“ (л. 219 и на об.). Нѣтъ въ разсматриваемой біографіи и имени діакона, у котораго, будучи во Псковѣ, учился преподобный, такъ что и въ этомъ случаѣ разсматриваемое житіе подходит къ упоминаемому вторымъ біографомъ писанію, въ которомъ не нашель онъ имени учителя преподобнаго.

Но за первичность этой редакціи особенно говоритъ характеръ изложенія. На послѣднемъ почти не отразилось книжнаго, литературнаго вліянія. Слогъ автора не книжный, а разговорный, просторѣчный, или,— какъ самъ онъ называетъ,—неудобренный. Списатель называетъ преподобнаго— „преп. отецъ нашъ Никандра“, блаженнаго Николая юродиваго— „Никула“, т.-е. такъ, какъ и теперь произносятся имена этихъ святыхъ простымъ народомъ. За нѣкоторыми изъ его описаній такъ и виденъ разсказчикъ, съ которымъ авторъ сейчасъ бесѣдовалъ. Вотъ образцы этого. Въ бесѣдѣ съ Симеономъ о близости его смерти, преподобный, вручая ему ножницы, говоритъ: „тебѣ сіи ножницы пригодятца“ (л. 221 об.). Діакону Петру онъ говоритъ: „не вѣмъ, коли тебѣ вѣсть учинити“ (л. 223). Но особенно интересенъ въ этомъ отношеніи разсказъ въ описаніи второго чуда о бесѣдѣ преподобнаго съ нѣкимъ Іосифомъ. „Чадо Іосифе! нѣсть у меня вота, но сотвори ми послушаніе, сыщи ми вота“.—Іосифъ же рече: „да гдѣ такову азъ вещь обрящу тебѣ угодну?“—Онъ же рече ему: „есть у спаскаго дьякона въ Завляньи“.—Іосифъ же рече: „ты у него просилъ ли сего?“ Святый же рече: „азъ и во образъ его не видѣхъ“ и т. д. (л. 227 и об.). Въ подобной же формѣ записаны и всѣ четыре чуда, случившіяся при жизни святаго. Очевидно, объ этихъ чудесахъ хорошо помнили „древніе старцы“ Никандровой пустыни, отсюда и запись ихъ, по сравненію съ біографіей, сдѣлана подробно, занимаетъ собою почти 8 листовъ (л. 225 об.—232). Въ отличіе отъ второй редакціи, въ которой только 4-е чудо выдѣлено изъ біографіи, въ разсматриваемой редакціи всѣ 4 чуда поставлены послѣ біографіи и представляютъ собою какъ бы дополненіе къ ней.

Основнымъ источникомъ этой редакціи житія послужили, какъ уже замѣчено, разсказы монастырской братіи, въ средѣ которой авторъ, тоже повидимому монахъ Никандровой пустыни, былъ человѣкомъ сравнительно молодымъ. Несомнѣнно, что разсказовъ очевидцевъ жизни святаго въ пустынѣ авторъ лично не слышалъ, но упоминаемые имъ древніе старцы если и не были очевидцами жизни святаго, то многое слышали о ней непосредственно отъ очевидцевъ.

Чѣмъ вызвана была эта біографія преподобнаго,—объ этомъ нѣтъ указаній въ текстѣ памятника. Предположительно можно указать слѣдую-

ція причины, вызвавшія собою письменное изложеніе житія. Въ пору написанія житія изъ монастырскихъ инововъ едва ли было много современниковъ препод. Нивандра, и несомнѣнно, что среди нихъ не было очевидцевъ подвижнической жизни святаго. По крайней мѣрѣ, какъ видно изъ житія, рассказы о преподобномъ шли главнымъ образомъ отъ мірянъ—Ивана Долгаго, Петра Есупова, Симеона и порховскаго діакона Петра, а не отъ монастырскихъ старцевъ. Свѣжестъ воспоминаній о преподобномъ у этихъ окрестныхъ жителей свидѣлствуетъ, какъ интересовались послѣдніе жизнью этого необычнаго пустынножителя. Но еще большій интересъ былъ, конечно, у первыхъ инововъ Нивандровой пустыни, старательно собиравшихъ свѣдѣнія о подвижникѣ, во имя котораго они сошлись къ его могилѣ, чтобы продолжать здѣсь его пустынную жизнь. Эти первые иноки въ пору написанія житія были уже древними старцами; и вполне естественно, что въ монастырѣ появилось желаніе написать по ихъ рассказамъ біографію святаго въ назиданіе позднѣйшимъ инокамъ. Но могло быть и особое побужденіе къ составленію житія. Какъ указано уже выше, чествованіе препод. Никандра и въ монастырѣ, и внѣ его началось задолго до обще-церковной канонизаціи святаго, вѣроятно одновременно съ возникновеніемъ обители. Житіе могло быть, такимъ образомъ, написано для церковнаго чтенія на праздниѣ преподобному, для чего оно вполне подходило и по своему объему. Замѣтка составителя въ началѣ житія: „братіе и отцы еже о Христвѣ! молю вы, почитающіи жъ сего житіе старца Никандра, не порцйте Господа ради тягости на душу мою...“, кажется, говоритъ скорѣе за наличность первой причины, вызвавшей написаніе житія, хотя не исключаетъ и второй.

Этотъ первую редакцію житія и воспользовался второй біографъ преподобнаго, писавшій во второй половинѣ XVII ст. При этомъ, нѣкоторые рассказы своего предшественника (напр., запись трехъ первыхъ чудесъ) онъ переписалъ почти дословно, въ другихъ случаяхъ дѣлалъ частію незначительныя дополненія, частію—очень замѣтную переработку. Образцомъ передѣлки перваго рода можетъ служить описаніе четвертаго чуда—надъ Исаіей, полнѣе изложенное вторымъ біографомъ, съ замѣчаніями объ устройствѣ Исаіею монастыря при ранѣе уже поставленной церкви надъ могилою преподобнаго.

Къ дополненіямъ втораго рода относится вся вообще біографическая часть житія, изложенная первымъ біографомъ въ формѣ краткихъ, иногда даже отрывочныхъ рассказовъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что дополненій собственно фактическаго свойства вторымъ біографомъ сдѣлано очень мало. Пользуясь рассказами монастырской братіи, онъ точнѣе опредѣлилъ мѣсто родины преподобнаго, назвалъ его брата и внесъ нѣсколько новыхъ сообщеній объ отдѣльныхъ случаяхъ изъ жизни преподобнаго,—напр., рассказъ о нападеніи на Нивандра волковъ, замѣтку объ обычаяхъ святаго содержать постъ, кромѣ среды и пятка, еще въ понедѣльникъ и т. п., опущенныя первымъ біографомъ. Болѣе подробное разъясненіе сдѣлано и относительно иконы, которую велѣлъ преподобный перенести

въ церковь діакону Петру. Въ первой редакціи кратко сказано, что преподобный „сказа ему, гдѣ взяти мѣстную икону и како храмъ создати“ (л. 223 об.). Во второй встрѣчаемъ слѣдующія подробности: „тогда, чадо, и мѣстную икону преч. Богородицы честнаго и славнаго ея благовѣщенія возми въ логостѣ великаго чудотворца Николы на Тишанки, въ лѣсѣ, на пустѣ мѣстѣ. Мѣсто же то отъ пустыннаго вселенія преп. Никандра разстояніемъ имѣя тридесять поприщъ“ (л. 133).

Гораздо больше сдѣлано вторымъ биографомъ дополненій литературнаго свойства, съ цѣлю обличь простой, краткій рассказъ своего предшественника въ обычную литературную форму древне-русскаго житія. Соотвѣтственно этой цѣли биографъ пользуется литературнымъ стороннимъ источникомъ: житіемъ препод. Θεодосія кіево-печерскаго. Кажется, на этотъ источникъ натолкнулъ его самъ первый биографъ своею замѣткою о внѣшнемъ сходствѣ препод. Нивандра съ кіево-печерскимъ подвижникомъ¹⁾. Форма пользованія указаннымъ источникомъ выразилась частію въ обычномъ въ древне-русской письменности приѣмѣ, т. е. въ буквальномъ списываніи, частію въ заимствованіи отдѣльныхъ лишь чертъ изъ біографіи препод. Θεодосія для характеристики препод. Нивандра. Образецъ перваго способа литературнаго заимствованія представляютъ собою два послѣднихъ листа біографіи (139—140), дословно выписанныхъ изъ похвалы препод. Θεодосію.

Вотъ параллельный текстъ изъ этихъ памятниковъ.

Изъ житія препод. Θεодосія:

Вѣдая твое милосердье, дерзнуохъ прострети азыкъ на твое похваленіе, не яко по достоянію хвалоу ти принося, но собѣ оуспѣха чая приобрѣсти отъ тебе, отче, и ослабы грѣхомъ и на прочее сблюденія и на подобна обученія, ибо прославиша ты бесплотныя силы, пріяша ты апостоли, присвоиша ты пророци, обьяша ты мученицы, радуютъ ти ся святини, срѣтоша ты лица черноризецъ, възвеличи ты сама царица Мати Господня и превъзнесе и знаема показа отъ конецъ до конецъ земли. Азъ ли быхъ по достоинству похвалихъ ты, честный рабе Господень, скверна оуста имоущъ и нечистъ азыкъ и не имѣя что принести ти

Изъ житія препод. Никандра:

Видяще же твое благосердіе, о отче, дерзнухомъ простерти азыкъ нашъ на твое похваленіе, не яко по достоянію хвалу ти приносяще, но себе успѣхъ чающе приобрести отъ тебѣ и ослабу грѣхомъ нашимъ и сблюденіе отъ прочихъ непотребныхъ обученій, ибо прославиша ты бесплотныя силы, пріяша ты апостоли, прославиша ты пророци, обьяша ты мученицы, срадуются святители, срѣтоша ты лица черноризецъ, възвеличи ты сама царица пречистая Мати Господня и зѣло превознесе и знаема показа во всей странѣ сей. Мы же како ты возмоемъ, вѣрный рабе Господень, по достоянію похвалити, скверна оуста имуща и нечистъ

¹⁾ „Брада ж бысть у Никандра долга, а не широка, равна, руса, сѣдною вся равна и бѣла—подобна Θεодосію печерскому“ (л. 222 об.). То же читаемъ и въ рук. С. 6-ки, № 620, л. 137 об.

въ день преставленія твоего, сіе малое похваленіе принесохъ ти, аки малъ и смердящъ потокъ въ широтѣ морстей проливаясь, и еда море наполнить и тогда смрада избоудеть; тѣмъ, о святой Феодосіе, не прогнѣвайся, но умоли о рабѣ твоємъ, да не осудитъ въ день пришествія своего Господь нашъ І. Х., емоу же слава съ бесконечнымъ Отцемъ и съ пресвятымъ Духомъ и нынѣ и присно в вѣки вѣкомъ. аминь.

Памятники русск. литературы XII—XIII вв., изд. В. Яковлевымъ, Спб. 1872 г., стр. LXXI—LXXII.

Къ литературному своему источнику второй біографъ обращался обычно въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось касаться такихъ сторонъ изъ жизни препод. Никандра, о которыхъ или вовсе не было упоминаній у перваго біографа, или были лишь краткія, отрывочныя замѣтки. Такъ, напр., изъ житія препод. Феодосія второй біографъ дѣлалъ заимствованія, характеризуя душевное состояніе святаго при тѣхъ или другихъ случаяхъ его жизни и описывая жизнь преподобнаго въ Крыпецкомъ монастырѣ, о которой первый біографъ Никандра сообщилъ очень немного.

О кончинѣ преподобнаго въ первой редакціи кратко замѣчено: „а преставися преподобный во единствѣ, не бысть людей никого жъ“ (л. 224). Слѣдуя житію преподобнаго Феодосія, второй біографъ сдѣлалъ дополненія въ этой замѣткѣ, которыя мы приведемъ полностью, съ параллельною выпискою изъ источника.

Моляше со многими слезами все-милостиваго Бога о спасеніи души своея и всѣхъ святыхъ призывая на помощь, наипаче же Пресв. Владычицу нашу Богородицу, ей же мѣсто сіе вручаше; таже възлежъ на роговину и возврѣвъ на небо, свѣтло лице имый, велегласно рече: „благословенъ Богъ, сице благоволивый, слава тебѣ!“ и опрытався, нозѣ простре и руцѣ крестообразно сложи и тако предаде духъ свой Богу.

Ркп. № 620 С. 6-ки, л. 134 об.

изыкъ, но не имуще что принести тебѣ въ день преставленія твоего, сіе малое похваленіе приносимъ ти, аки малъ и смердящъ потокъ въ широтѣ морстей; тѣмъ же о честная главо, преподобне отче нашъ Никандре, не прогнѣвайся, но моли о насъ грѣшныхъ рабѣхъ твоихъ, да не осудитъ ны въ день пришествія своего Господь нашъ І. Х., емоу же слава со безначальнымъ его Отцемъ и съ единосущнымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. аминь.

Ркп. № 620 Син. 6-ки, л. 139—140 об.

Моляше съ слезами милостиваго Бога о спасеніи душа своея, вся святая призывая на помощь, а наипаче же святую нашу Владычицу Богородицу и тою Господа Бога и Спаса нашего І. Х. моля о стадѣ своемъ и о мѣстѣ томъ, и тако пакы по молитвѣ възлеже на мѣстѣ своемъ, и мало полежавъ таче възрѣвъ на небо великимъ гласомъ, лице весело имый рече: „благословенъ Богъ, аще тако есть, то уже не боюся, но паче радуяся отхожу свѣта сего“... Потомъ опрытався, нози простеръ, роу-

ци же на персѣхъ крестообразно положивъ, предасть святую тою душою в роуци Божіи.

Житіе преподобнаго Θεодосія, по цитир. изд., стр. LIX.—Въ Сборникѣ XII в. Моск. уснен. собора, стр. 92—93.

Особенно замѣтны слѣды литературнаго заимствованія въ изображеніи жизни препод. Никандра въ Крыпецкомъ монастырѣ. Дополненія къ первой редакціи начинаются здѣсь съ разсказа о приходѣ преподобнаго въ обитель. Первый біографъ очень ясно говоритъ о причинѣ, по которой Никандръ долгое время не могъ, несмотря на свое желаніе, поступить въ крыпецкое братство: у него не было средствъ сдѣлать при постриженіи вкладъ, безъ котораго не принимали въ монастырь. Какъ только же расположенный къ преподобному псковичъ Филиппъ внесъ за него и за его товарища Θεодора ситника вклады, оба они тотчасъ были приняты въ число братіи. Замѣтку эту сохранилъ въ своемъ трудѣ и второй біографъ, но снова дополнилъ разсказъ своего предшественника выпискою изъ житія Θεодосія бесѣды, которую будто бы велъ съ Никандромъ крыпецкій игумень.

Игумень же рече къ нему: „о чадо! видиши обитель сію скорбну сущу и пусту, ты же не имаша терпѣти скорби і тесноты на мѣсте семъ“.

Ркп. № 620, л. 100.

Великій же Антоній казаше и глаголя: „чадо, видиши ли пещеру сію, скорбно мѣсто соущи и тѣстно, ты же оунъ сый и, аѣже мню, не имаше трпѣти скорби на мѣстѣ семъ“.

О. с., стр. X. Ср. „Сборникъ XII в.“, стр. 48.

Кажется, и самъ біографъ замѣтилъ, что слова Антонія къ юному Θεодосію не совсѣмъ подходятъ къ 32-хъ-лѣтнему Никандру, который 15 уже лѣтъ провелъ въ пустынныхъ подвигахъ; поэтому онъ и выпустилъ слова: „ты же оунъ сый“. Но вліяніе литературнаго источника было такъ сильно, что, по примѣру Нестора, біографъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ продолжаетъ называть препод. Никандра отрокомъ и юношею, хотя такіе эпитеты совершенно не подходили къ годамъ подвижника (л. 97, 102 и др.).

На томъ же источникѣ основана и дальнѣйшая характеристика жизни препод. Никандра въ монастырѣ. Заимствуя не только черты, которыми характеризуетъ препод. Θεодосія Несторъ, но и самую форму изложенія, біографъ лишь иногда дѣлаетъ, и то незначительныя, измѣненія въ своемъ источникѣ, такъ какъ не все сказанное о кievскомъ подвижникѣ можно было полностью переносить на псковскаго пустынножителя. Позволимъ себѣ и здѣсь сдѣлать сопоставленіе сходныхъ мѣстъ изъ этихъ двухъ памятниковъ въ виду того, что такое сравненіе дастъ возможность точнѣе опредѣлить литературный источникъ біографіи Никандра и въ то же время прослѣдить характеръ пользованія имъ—степень переработки,

которую производилъ въ своемъ источникѣ писатель XVII в., слѣдуя въ данномъ случаѣ еще болѣе старой литературной привычкѣ съ излишнимъ вниманіемъ относиться къ чужому труду.

Добродѣтелями же всѣхъ сущихъ во обители превосходяще, наипаче же смиреніемъ и люботруднымъ послушаніемъ всѣмъ служа и работая, и днемъ убо воду и дрова изъ лѣсу принося, въ нощи же на молитвѣ непрестанно бдя; иногда же нощію тайно исхождаше въ лѣсъ и обнаживъ тѣло свое до пояса, предаваше е въ снѣдъ ядовитымъ оводомъ, комаромъ и мшицамъ; тѣмъ же лютѣ уязвляющимъ плоть его, терпяше, рукама волну прядый, усты же псалтирь поя... Отъ множества ядущихъ оводовъ и комаровъ тѣло преподобнаго все кровію обагрено видѣти баше. Обаче онъ неподвижимъ пребываше, ниже прехождаяше отъ мѣста на мѣсто, но яко твердый адамантъ... И тако чрезъ всю нощь терпѣливодушно пребывъ подъ облакомъ ядовитыхъ оныхъ животныхъ, пакы отхождаше въ монастырь и въ церкви на утрени прежде всѣхъ обрѣташеса, стоя на единомъ мѣстѣ непоступенъ и божественному словлюю внимаая; по отпущеніи же гнѣнія послѣди всѣхъ изъ церкви исхождаше. Сего ради вси во обители сущіи зѣло любляху святаго, дивящеса смиренію его и кротости.

По печат. изд. 1805 г., 35—37. Ср. рук. № 620, л. 106 и об.

Непосредственно за этимъ препод. Несторъ говоритъ о возведеніи Θεодосія въ санъ игумена, по просьбѣ братіи, „яко и черноризъческую управивша и божія заповѣди извѣстно вѣдуще“, и дѣлаетъ замѣчаніе, что высокій санъ не измѣнилъ смиреннаго образа жизни подвижника. Соотвѣтственно этому и біографъ Никандра передаетъ о возведеніи преподобнаго, тоже по просьбѣ братіи, сначала въ должность пономаря, а затѣмъ—келаря, „яко иночское житіе добрѣ исправляюща и заповѣди божія извѣстно вѣдуща“, и дѣлаетъ одинаковую характеристику смиренія подвижника въ новомъ его служеніи.

Отець нашъ Θεодосій смиреннымъ смысломъ и послушаніемъ вся преслѣваше, трудомъ и подвизаніемъ и дѣломъ тѣлеснымъ. Бяше бо и тѣломъ благъ и крѣповъ, и спослѣшествомъ всѣмъ служаще, водунося и дрова изъ лѣса влача, бдяше по вся нощи въ славословленіи Божіи... Другоици же оводуу соушу многу и комаромъ в нощи, излезъ надъ пещеру и обнаживъ тѣло свое до пояса сѣдьяше прядый вълну на съплетеніе влобоуковъ и псалтирь же Давидову поя; отъ множества же овода и комаровъ все тѣло его покровенно боудяше, и ядаху плоть о немъ, піющи кровь его; отецъ же нашъ Θεодосій пребываше неподвижимъ, ни вѣставая отъ мѣста того, донъдеже годъ боудяше заутрени, тако преже всѣхъ обрѣташеса въ церкви, и ставъ на своемъ мѣстѣ и непостоупенъ сый, не мятыйся оумомъ, божественное славословіе съвершаше, ти тако пакы послѣди же всѣхъ изъ церкви излазаше. И сего ради вси любяхуть и зило, яко же отца имяхуть и зило дивящеса смиренію его и покоренію.

Ор. с., стр. XIX—XX. Ср. „Сборникъ XII в.“, стр. 55.

Святый же Никандръ аще и старѣйшинство пріять, не измѣни своего смиренія и обычая, но паче труды къ трудомъ прилагая, преже всѣхъ на дѣлѣ обрѣташеса и всѣмъ служаше присно, имѣя во умѣ Господемъ реченное слово: „аще кто хоцетъ въ васъ ваящій быти, да будетъ всѣмъ слуга“.

Рук. № 620, л. 107 об.

Подробно останавливаясь на сравненіи сходныхъ мѣстъ изъ житій препод. Никандра и Θεодосія, мы руководимся въ данномъ случаѣ и тѣмъ еще соображеніемъ, что приведенными выписками и ограничиваются въ сущности всѣ дополненія, которыя сдѣлалъ второй біографъ препод. Никандра къ труду своего предшественника, къ его краткому разсказу о жизни преподобнаго въ Крыпецкомъ монастырѣ. Изъ сдѣланныхъ сопоставленій понятнымъ становится, какую цѣну долженъ придавать изслѣдователь жизни препод. Никандра этимъ новымъ чертамъ, заключающимся во второй редакціи его житія.

Біографъ преподобнаго нашелъ возможнымъ пользоваться своимъ литературнымъ источникомъ и при изложеніи жизни препод. Никандра въ пустынѣ. Такъ, у него сдѣланы очень сходныя съ житіемъ Θεодосія замѣтки о непрестанныхъ молитвахъ преподобнаго и о его смиреніи, побуждавшемъ скрывать отъ другихъ свои молитвенные и постническіе подвиги. Оканчивая на этомъ изслѣдованіе вопроса о литературномъ источникѣ второй біографіи, позволимъ себѣ и здѣсь точнѣе отмѣтить степень этого литературнаго вліянія.

Человѣды же, живущіи окрестъ, начаша во мнозѣ приходити къ нему, приходяще же къ келіи тихо, всегда слышаху того молящася и зѣло плачуща и главу свою о землю часто біюща; егда же святый ощущаше человѣческій приходъ абіе умолчаваше и творяшеса, яко спить... И сиде по вся дни и ноци повѣдаху его творяще.

По печ. изд. житія 1805 г., л. 51.
Ср. рук. № 620, л. 117.

Отець жь нашъ Θεодосій, аще пріимъ старіишинство, не измѣни смиренія своего и правила, на памяти имѣя Господа рекшаго: „иже аще кто въ васъ хоцетъ старіе быти, боуди всѣмъ мній и всѣмъ слуга“; тѣмъ же смирашася, мній всѣхъ сътвори и всѣмъ служба и собою образъ всѣмъ дая, и на дѣло преже всѣхъ исхода“...

Ор. с., стр. XX. Ср. „Сборникъ XII в.“, стр. 56.

Внегда бо годъ боудяше заутреннему пѣнію и онѣмъ (церковнымъ строителямъ) хотящимъ благословеніе взяти отъ него, и единъ отъ нихъ тихыма ногама шедъ и ставъ, послушаше, ти слышаше и молящася и вельми плачущася и главою часто о землю біюща; таче пакы мало отступивъ, и се начяше рамяно шествовати, якоже слышаше тоутенъ, оумолкыаше, творяся, еже мнѣти оному, яко спить... Сиде же по вся ноци сповѣдахутъ и творяща.

Ор. с., стр. XXXIII—XXXIV. Ср. „Сборникъ XII в.“, стр. 68.

По вся же лѣта в постъ святыхъ чотыредесятницы поединою въ недѣлю адяше и въ постѣ и молитвѣ пребываше до настоящія ноши приходящія цвѣтныя недѣли, въ пятюкъ же прежде тоя недѣли во время вечерни приходаше въ Демянскій монастырь и отъ тамо сущихъ игумена пріимаше пречистыхъ тайнъ Х. Б. нашего; братія же тоя обители себѣ недостойно творяща, аки и единыя недѣли не достигша противу трудомъ ихъ.

Рук. № 620, л. 117 об.—118.

Въ кратвой редакціи объ этомъ читаемъ лишь: „и единою лѣтомъ хожаше исъ пустыни святой въ Демянскій монастырь исповѣдаться и пречистыхъ тайнъ пріимати и паки вскорѣ возвращаяся въ свою пустыню“.

(Рук. № 212/143, л. 222 об.).

Такимъ образомъ, пользуясь болѣе раннею редакціей житія препод. Никандра и дѣлая незначительныя дополненія въ ней фактическаго свойства, второй біографъ преподобнаго главное свое вниманіе обратилъ на литературную обработку „неудобреннаго“ труда своего предшественника и въ основу своей работы положилъ, какъ видимъ, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ древне-русской агиографической литературы. Неудивительно послѣ этого, если его трудъ и въ литературномъ отношеніи представляетъ собою столь же хорошій памятникъ о жизни преподобнаго, какимъ онъ является и со стороны исторической—по своему содержанию. Изъ житій псковскихъ святыхъ житіе препод. Никандра можетъ по справедливости занимать первое мѣсто.

Въ заключеніе обзора рукописныхъ редакцій житія препод. Никандра необходимо сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ вторую біографію святаго. Какъ и въ первой редакціи, объ этомъ здѣсь нѣтъ какихъ-либо указаній. Но съ вѣроятностію можно представлять дѣло такъ, что эта вторая редакція была вызвана канонизаціею святаго, для которой первое житіе оказывалось недостаточнымъ, такъ какъ въ немъ не было самаго главнаго—описанія посмертныхъ чудесъ. Этотъ недостатокъ и восполняетъ вторая редакція житія, которая и по времени своего написанія, какъ отмѣчено выше, очень близка ко времени открытія мощей препод. Никандра и причтенія его къ лику общепочитаемыхъ русскихъ святыхъ.

По вся же лѣта въ великое гонѣніе святыхъ мясопущъ отецъ нашъ Θεодосій отхожаше въ пещеру, идѣ же честное его тѣло положено бысть, тоуже затворяшеса до вербныхъ недѣля единъ, и в пятюкъ тоя недѣля, в годъ вечерняя, приходаше къ братіи и ставъ в дверехъ церковныхъ оучаше вся и оутешаше я подвига ради и пощенія ихъ, себе же недостойна творя, якоже понѣ ни единыя недѣли достигнути противу трудомъ ихъ.

О. с., стр. XXII. Ср. „Сборникъ XII в.“, стр. 57.

Рукописными редакціями житія препод. Никандра не исчерпывается литературная исторія этого памятника. Какъ указано раньше, имѣется еще печатное изданіе житія, представляющее собою образецъ дальнѣйшей литературной обработки житія преподобнаго. Къ сожалѣнію, при неизвѣстности рукописнаго списка, по которому было произведено это изданіе, мы не можемъ подробно прослѣдить процессъ окончательной литературной обработки житія преподобнаго и точно установить отношеніе печатнаго изданія къ рукописному его источнику. Въ виду этого, во избѣжаніе предположительныхъ рѣшеній, ограничимся лишь общими замѣчаніями по указаннымъ вопросамъ и такую же общую оцѣнку историческаго значенія этой новой редакціи. Хорошимъ руководствомъ въ данномъ случаѣ можетъ служить позднѣйшій (XVIII в.) списокъ житія въ рукописи № 8 Археогр. Комм., въ которомъ помѣщены не только описанія всѣхъ чудесъ, имѣющихся въ печатномъ изданіи, но и, — что особенно важно, — статья объ освидѣтельствованіи мощей преподобнаго въ 1687 году.

Извѣстны три печатныхъ изданія житія препод. Никандра (всѣ — Моск. Син. тип.): 1799 г. (изъ собранія старопечатныхъ книгъ Ундольскаго, № 1236/588), 1801 г. (ib., № 1252/598) и 1805 г.¹⁾ Мы пользуемся послѣднимъ изданіемъ. Между этими изданіями нѣтъ какой-либо разницы, если не считать того, что въ первомъ изданіи не находимъ описанія 18-го чуда: „како избави (препод. Никандръ) нѣкоего Богдана Лаврова отъ демоновъ“, которое помѣщено во 2-мъ и 3-мъ изданіяхъ. Къ разъясненію вопроса объ источникѣ, на которомъ основывается это изданіе, могутъ относиться двѣ замѣтки въ текстѣ его, правда, не совсѣмъ ясныя и въ сущности не заслуживающія довѣрія. Въ описаніи обрѣтенія мощей говорится, что оригиналъ житія, послѣ прочтенія его на соборѣ 1687 г., черезъ тихвинскаго архимандрита Макарія былъ переданъ въ Никандрову пустынь (л. 75). Можно бы отсюда заключить, что это „оригинальное житіе“ и легло въ основу печатнаго изданія. Но отличалось ли оно чѣмъ-либо отъ рассмотрѣнныхъ списковъ второй редакціи или своими особенностями текстъ печатнаго изданія обязанъ исключительно редактору, на это нельзя дать положительнаго отвѣта.

Объ обстоятельствахъ составленія новой редакціи въ предисловіи ея мы читаемъ слѣдующую замѣтку. „Сего ради (т. е. въ виду назидательнаго значенія житій святыхъ) и азъ, братіе, вашему повелѣнію отеческому повинувся и уповаю на помощь Вышняго (аще и нѣсмь достоинъ, выше бо силы моя дѣло сіе), нынѣ дерзнухъ достохвальнаго и блаженнаго Никандра житіе писанію предати, и аже слышахъ о немъ отъ ученикъ его, исперва съ нимъ добрѣ жителствовавшихъ и купно въ пустыни трудившихся..., пріяхъ сія..., да не во глубину забвенія пріидуть“ (л. 6 об.). Изъ этой замѣтки можно бы заключить, что

¹⁾ Въ „Хронол. указателѣ слав.-рус. книгъ церков. печати“, Ундольскаго, (М. 1871 г.), отмѣчено еще изданіе 1802 г., № 3207, стр. 293.

житіе имѣло полуофициальное происхождение и составлено было по разсказамъ учениковъ преподобнаго съ цѣлю сохранить отъ забвенія эти устные разсказы. Но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Редакторъ въ данномъ случаѣ лишь повторяетъ обычныя въ древне-русскихъ житіяхъ слова авторскаго предисловія, и притомъ—очень неудачно. По крайней мѣрѣ онъ не могъ слышать разсказовъ учениковъ преподобнаго, „съ нимъ добръ жительствовавшихъ и купно въ пустыни трудившихся“, такъ какъ ихъ и совсѣмъ не было у псковскаго пустынножителя. Точно такъ же жизнь и чудеса преподобнаго не могли впасть „во глубину забвенія“, такъ какъ житіе было написано уже давно; а что оно хранилось въ монастырѣ, объ этомъ свидѣтельствуеъ и самъ авторъ разсматриваемой редакціи, когда говоритъ, что разсказъ дворянина Ушакова объ исцѣленіи его дочери въ 1684 г. игуменъ и братія приказали „вписать въ книгу житія и чудесъ его (Никандра)“ (л. 109).

Нельзя точно опредѣлить, насколько самостоятеленъ редакторъ этой третьей біографіи въ составленіи предисловія, но что и ему не чужды были обычай дѣлать заимствованія изъ сторонняго источника, это безспорно. Въ пѣвоторыхъ строкахъ его предисловіе до буквальности почти сходно, напр., съ предисловіемъ къ житію св. Саввы Сербскаго. И интересно, что оно совпадаетъ съ нимъ даже и въ приведенныхъ выше строкахъ объ обстоятельствахъ написанія житія препод. Никандра. Позволимъ себѣ сопоставить текстъ изъ обоихъ памятниковъ,—разумѣется, не съ тѣмъ, чтобы утверждать о зависимости редактора отъ составителя житія св. Саввы, но чтобы яснѣе доказать высказанную выше мысль, что замѣтка новаго редактора не можетъ имѣть никакой цѣны для выясненія литературной исторіи житія преподобнаго.

Изъ житія препод. Никандра, по печатн. изд. 1805 г.

...Праведно глаголю и воистину праведно и сего святаго и всеблаженнаго отца нашего Никандра, въ нынѣшняя времена новопросіявшаго, елико по силѣ нашей богоугодное житіе описати. Сіе же не яко онаго ищущимъ намъ похвалити (похвала бо праведнику отъ Господа), но нѣчто полезное отъ него снискати. Аще бо древнихъ и изрядныхъ мужей житія потребно писати и прочитати пользы ради, бываемыя отъ нихъ человѣкомъ, воelmi паче въ нынѣшнее послѣднее время, въ немже мало спасаемыхъ есть, не точію потребно, но и зѣло желанно о

Изъ житія св. Саввы Сербскаго, по рук. б-ки М. Д. Ак. № 620.

...всеблаженнаго Савы, иже нынѣ ново въ наша роды просіявшаа добродѣтели житія бодрено сказати възможемъ, не яко оного ищуще похвалити, похвала бо праведнику отъ Господа,—паче же полѣзно что самѣмъ отъ него снискающе, не бо но и древнихъ изрядныхъ мужей житія потребно бяху писатися и почитати пользы ради отъ нихъ преbываемыя человѣкомъ, а еже нынѣ нашего послѣдняго лѣнливаго рода, въ нъже вѣкъ кончина достиже, в немже мало спасаемыхъ, не точію потребно, но и зѣло желанно еже сихъ писати и частѣе почитати, и

праведныхъ мужехъ повѣствовать и на житія ихъ, яко на высотѣ стоящия одушевленные столпы взирати, и отъ нихъ наставлятися, и яко остнами подстреваемымъ въ добродѣтели по малу направлятися: едва бо и многія повѣсти возбуждуть сердца наша къ житію исправленію. Сего ради и азъ, братіе, вашему повелѣнію отеческому повинувся и уповая на помощь Вышняго (аще и нѣсмь достоинъ, выше бо силы моя дѣлосіе), нынѣ дерзнухъ достохвальнаго и блаженнаго Никандра житіе писанію предати, и яже слышахъ о немъ отъ ученикъ его, исперва съ нимъ добрѣ жительствовавшихъ и купно въ пустыни трудившихся, и яко пребогатое сокровище или наслѣдіе отче извѣстно пріяхъ сія и будущихъ по насъ памяти оставить, да не во глубину забвенія пріидуть. Аще же по достоянію едва изъяснити вся возможемъ, имуще умъ страненъ и нечистъ и неудобопостигающъ, обаче же Бога въ помощь молитвами его призываемъ и по силѣ благодати, даниѣй намъ отъ него, начинаемъ повѣсть (л. 5 об.—7).

яко въ высоту стоящаа одушевленная столпы на житія ихъ зрѣти и како и елико отъ нихъ остающе себѣ зазрѣти и съвѣстію осудитися, овоже за сущаа въ насъ лѣности, яко се поучаемы ими и яко остномъ стрѣчемы въ добродѣтели и малы подвиженемся; едва бо аще и многы и великыи повѣсти возбуждуть сердца наша къ житію исправленію. Сихъ ради и азъ вашему повелѣнію отеческому повинувся, нынѣ хвалимаго всеблаженнаго Савы житіе, иже въ святѣй горѣ Афона постившагося, послѣди же бывша прѣваго архіепископа и учителя Сербскаго, въ повѣсть предлагаю слышащи, не отъ слышанія токмо сіа пріемъ, но отъ честныхъ его ученикъ, иже съ нимъ спостникъ и странчествія спутникъ и хожденія трудникъ, иже яко пребогатое съкровище или причастіе оче, иже по нихъ онога стаду писаніемъ оставиша, прѣдлагаемъ же о мужи слово, не несущаа о немъ списающе и яко многыи похвалами сего оуворимъ, паче нежели похвалимъ, паче же сущихъ, аще и едва изъяснити възможемъ, блажimy будемъ, не оскуденъ бо отъ небесныхъ похвалъ бжтвенныхъ вкупѣ и агльскихъ, яже оумъ нашъ яко страстенъ и нечистъ и непостиженъ изглаголати, обаче Бога въ помощь млтвами его призываемъ, иже по силѣ начинаемъ повѣсть (л. 1—3).

Точно также не слѣдуетъ придавать нивакого значенія и помѣщенной въ статьѣ объ освидѣтельствovanіи мощей преподобнаго замѣткѣ объ одновременности съ этимъ событіемъ составленія житія. Какъ можно видѣть изъ помѣщеннаго въ приложеніи параллельнаго текста этой статьи по печатному изданію житія и по рукописи библиотеки Импер. Археогр. Коммиссіи, при освидѣтельствovanіи мощей препод. Никандра не только не было составлено житія, но не было даже составлено и службы, а просто лишь лица, производившія освидѣтельствovanіе, взяли изъ мона-

стыря для представлення въ Москву ранѣе уже составленныя житіе и службу. Послѣдняя названа „новосложною“, и составленіе ея приписывается нивандровскому монаху Андронику (л. 87).

Не считаемъ нужнымъ входить въ подробный сравнительный обзоръ текстовъ печатнаго изданія и рукописныхъ списковъ житія и ограничимся лишь краткою характеристикою особенностей перваго и такими же краткими замѣчаніями объ отношеніяхъ его къ тексту второй рукописной редакціи.

Печатное изданіе представляетъ собою расширеніе описаній рукописной редакціи, произведенное на тѣхъ же основахъ, на какихъ сдѣлана переработка болѣе ранней редакціи вторымъ біографомъ преподобнаго. Объемъ описаній здѣсь значительно увеличенъ вставками текстовъ изъ Священнаго Писанія и различнаго рода правоучительныхъ сентенцій. Понятно, что такое увеличеніе сдѣлано скорѣе въ ущербъ историческому содержанію памятника, чѣмъ въ его пользу, такъ какъ біографическія свѣдѣнія о святомъ не только не освѣщаются этими широкими поясненіями, но даже утрачиваютъ живость и непосредственность, съ какими они переданы, напр., первымъ біографомъ. Въ печатномъ изданіи измѣненія дѣлаются не только со стороны содержанія описаній ранней редакціи, но и въ изложеніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобныя поправки нельзя назвать удачными и правильными. Такъ, напр., въ рукописной второй редакціи, отмѣчающей вліяніе на подвижническое настроеніе препод. Нивандра разсказовъ о жизни и подвигахъ препод. Евфросина и Саввы Крыпецкаго, передается, что онъ „послушавъ житія ихъ и ревнуя во всемъ оуподобитися житію ихъ“ (№ 620, л. 94). Въ печатномъ изданіи дѣло представляется такъ, что преподобный, будучи еще во Псковѣ, самъ читалъ житія этихъ подвижниковъ: „чтеніемъ же святаго ихъ житія яко небеснымъ хлѣбомъ алчную душу свою насыти“ (л. 16 об.). Но въ 1524—25 гг.,—въ какому времени нужно отнести эту замѣтку,—не было еще написано житія препод. Саввы, а житіе Евфросина хотя и имѣлось, но изъ него не много могъ узнать преподобный о пустынныхъ подвигахъ своего односельчанина, такъ какъ первая редакція житія Евфросина мало останавливается на этой сторонѣ жизни святаго.

Такую же неточность находимъ я въ поправкѣ, сдѣланной къ замѣткѣ рукописныхъ редакцій о псковской Богоявленской церкви, въ которой имѣлъ обыновеніе молиться преподобный: „великаго богоявленья изъ Кстовы въ среднемъ городѣ“ (рукоп. Ар. М. И. Д., л. 215), „въ церкви св. богоявленій, иже есть и до нынѣ стоитъ въ среднемъ городѣ, именуемомъ во Кстовѣ“ (рукоп. Син. библ., л. 97 об.). Такъ дѣйствительно и называлась мѣстность, гдѣ стоитъ эта церковь¹⁾. Въ печатномъ изданіи эта замѣтка была признана опискою и вмѣсто словъ: „въ среднемъ городѣ во Кстовѣ“, здѣсь поставлено: „въ среднемъ градѣ во Псковѣ“ (л. 21 об.).

¹⁾ См. Археолог. указатель г. Пскова—Василева, стр. 63.

Редакторъ текста печатнаго изданія пытался установить болѣе правильную хронологію пустынной жизни преподобнаго; но и эта попытка вышла неудачною. Въмѣсто опредѣлений въ рукописныхъ редакціяхъ перваго періода жизни преподобнаго въ пустынь—въ 12 или 15 лѣтъ, здѣсь стоитъ неопредѣленное указаніе: „пробыть въ той пустыни неисходно лѣта многа“ (л. 22 об.). Въ опредѣленіи продолжительности втораго періода печатное изданіе сходно съ рукописными редакціями: 15 лѣтъ (л. 28 об.). Но относительно третьаго періода опять видимъ разницу. Въ печатномъ изданіи онъ опредѣленъ въ 47 л. и 2 мѣсяца, тогда какъ въ рукописныхъ редакціяхъ: въ первой: 39 л. и 2 м. (л. 218 об.), во второй: 32 г. и 2 мѣс. (л. 112). Прибавляя къ 17 годамъ, проведеннымъ преподобнымъ въ Виделебѣ, $15 + 47 + 3\frac{1}{2}$ года жизни его на островѣ близъ Крыпецкаго монастыря, получаемъ $82\frac{1}{2}$ г. Такъ какъ по указанію печатнаго изданія всѣхъ лѣтъ житія препод. Нивандра было 85 и 8 мѣсяцевъ, то и выходитъ, что на долю этихъ „многихъ лѣтъ“, проведенныхъ преподобнымъ въ пустынь до постриженія, остается всего лишь 3 года. Но изъ нихъ еще нужно вычесть время жизни въ Псковѣ у Филиппа и двукратнаго пребыванія святаго въ Крыпецкомъ монастырѣ. Словомъ, печатное изданіе не только не разъясняетъ намъ разногласій въ хронологическихъ указаніяхъ рукописныхъ редакцій, но вноситъ лишь большую путаницу. Отъ себя авторъ печатнаго текста дѣлаетъ ошибку въ опредѣленіи числа лѣтъ земной жизни преподобнаго: „всѣхъ же лѣтъ житія святаго бѣ осмьдесятъ и пять лѣтъ и осмь мѣсяцевъ“ (л. 71 об.). Но по представленной здѣсь же хронологіи рожденія преподобнаго Нивандра (въ 7015 году, л. 8) и его кончины (7090, л. 67 об.) выходитъ, что преподобный жилъ не 85, а 75 лѣтъ.

Такую же путаницу вноситъ печатное изданіе и въ начальную исторію основанія монастыря. Тогда какъ по рукописнымъ спискамъ церковь была, согласно предсмертному завѣщанію преподобнаго, поставлена еще до прихода въ пустыню строителя монастыря—инока Исаи, въ печатной редакціи устройство и церкви и монастыря приписывается самому Исаи (ср. рук. № 620, л. 143, 147, и печ. изд. 1805 г., л. 76 об., 81 об.).

Большую цѣнность въ печатномъ изданіи представляютъ собою дополненія къ описаніямъ чудесъ. Здѣсь находимъ 6 лишнихъ чудесъ, по сравненію съ рукописнымъ спискомъ бібліотеки Синодальной, но на два чуда меньше, по сравненію со спискомъ Импер. Археогр. Коммиссіи. Послѣднія чудеса, 17 и 18, относятся уже къ XVIII столѣтію.

Запись чудесъ послѣ 1687 г. велась на основаніи разсказовъ очевидцевъ. Такъ, напр., описаніе 13-го чуда, бывшаго при нападеніи на обитель литовцевъ, основано на разсказѣ о немъ архим. Тихвинскаго монастыря Макарія, въ бытность игуменомъ Никандровой пустыни слышавшаго объ этомъ чудѣ „отъ древнихъ тамо старцевъ, наипаче же отъ начальника обители тоя схимонаха Іоны“ (л. 98 об.—99). Изъ описанія 15-го чуда узнаемъ, что и послѣ канонизаціи святаго въ монастырѣ

усердно собирали рассказы о чудесныхъ исцѣленіяхъ и записывали ихъ „въ книгу житія и чудесъ“ (л. 109).

Изъ рукописныхъ описаній посмертныхъ чудесъ не находимъ описанія 4-го чуда: „о погорѣннй раки препод. Никандра“ въ 7171 году (рук. № 620, л. 151—154 об.). Изъ описаній чудесъ, совершенныхъ преподобнымъ при жизни, нѣтъ здѣсь—2-го чуда, о томъ, какъ преподобный попросилъ своего знакомаго Іосифа сходить къ заклинскому діакону за котомъ. Съ содержаніемъ этого интереснаго описанія читатель можетъ ознакомиться изъ прилагаемаго текста первой редакціи житія. Въ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось это чудо, оба біографа преподобнаго видѣли особый даръ „прозрѣннй“ святаго, благодаря которому онъ напередъ зналъ всѣ помышленія Іосифа. Но по своему сюжету это описаніе едва-ли можно признать умѣстнымъ и удобнымъ въ памятникѣ, предназначенномъ для церковнаго чтенія. По этимъ, быть можетъ, соображеніямъ оно и исключено въ текстѣ печатнаго изданія житія. Къ сожалѣнію, нѣтъ точныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса: кѣмъ собственно было исключено это описаніе—самимъ ли редакторомъ печатнаго изданія или на соборѣ 1687 г., при чтеніи рукописнаго списка. Въ послѣднемъ случаѣ мы могли бы судить о степени строгости духовной цензуры въ XVII в. по отношенію къ памятникамъ агіографической литературы. Впрочемъ, наличность этого описанія въ спискѣ Импер. Археогр. Комм. говорить за большую вѣроятность перваго предположенія.

Въ заключеніе нашего обзора редакцій житія препод. Никандра остановимся на одномъ примѣрѣ, хорошо, по нашему мнѣнію, разъясняющемъ собою, какъ при литературной обработкѣ первичной редакціи житія простой ея, чисто фактической рассказъ постепенно измѣнялся не только съ внѣшней своей стороны, но и съ внутренней, со стороны своего содержанія; какъ онъ постепенно утрачивалъ первоначальный свой смыслъ, а въ окончателной литературной обработкѣ—даже и самую фактическую основу. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду рассказъ житія препод. Никандра о приходѣ къ его кельѣ медвѣдя. Приведемъ текстъ этого разсказа по тремъ редакціямъ житія.

Рук. А. М. И. Д., № 212/145, л. 221 и на об. Рук. С. 6., № 620, л. 120 и на об. Печат. изд. житія 1805 г., л. 55.

И бысть нѣволи стоящу ему на молитвѣ, и прииде медвѣдь къ келіи стго и начатъ о нею правитися, келея же дрожаше; преподобный же Никандра прекрестивъ оконца и посмотрѣвъ во едино оконце и видѣвъ велика звѣря стояща и огради его крестнымъ

По семъже прииде медвѣдь къ кѣліи стго и нача о кѣлію правитися, кѣлія же дрожаше; преподобный же, прекрестивъ оконце и оградився знаменіемъ крестнымъ, и абіе видить велика звѣря стояща оу кѣліи его; преподобный же изшедъ исъ кѣліи и

Нѣбогда же вражіймъ совѣтомъ прииде гѣна вельми велика и начатъ чесатися о веллію святаго, яко всей хижинѣ его трястися. Преподобный же изшедъ изъ келліи небоязненно и видѣвъ звѣря вельми велика, огради его крестнымъ знаменіемъ;

знаменіемъ и дунувъ оградивъ его знаменіемъ звѣрь же, не терпя на него, звѣрь же паде крестнымъ, звѣрь же крестнаго огражденія и на землю, яко мертвъ; паде на ногу его и ло- силы распяшагося на преподобный же Ни- бызавъ нозѣ его, и абіе немъ, абіе отъиде и кандра прииде к звѣрю невидимъ бысть отъ этому не возвратися. велию, звѣрь же ползая него. по земли и припаде ко стму, лижущу ему нозѣ его, онъ же благословивъ его и дуну и отпусти его во свой путь.

Такимъ образомъ, всѣ три редактора житія одинаково усматриваютъ въ приведенномъ фактѣ чудесный случай; но тогда какъ первый редакторъ строго слѣдитъ при этомъ и за фактической точностью своего рассказа, второй—измѣняетъ ея требованіямъ въ концѣ своего описанія, а третій и вовсе не обращаетъ на эти требованія своего вниманія.

Въ бібліотекѣ Елеазаровскаго монастыря имѣются рукописные списки житія преп. Серапіона и повѣсти о цареградской иконѣ Божіей Матери. Первый памятникъ озаглавленъ такъ: „житіе преп. отца нашего Серапіона, иже на рѣцѣ Толвѣ, псковскаго чудотворца“, второй: „сказаніе о пришествіи отъ царграда чудотворныя цареградскія, паче-же елеазаровскія иконы престыя и пречыстыя Владычицы нашея Б-цы и Приснодѣвы Маріи“. Оба памятника—въ спискахъ прошедшаго столѣтія, и въ содержаніи ихъ очень замѣтны слѣды позднѣйшаго сочинительства. Причиною, вызвавшею составленіе „житія“ и „сказанія“, былъ недостатокъ свѣдѣній въ житіи преп. Евфросина о Серапіонѣ и о цареградской иконѣ Божіей Матери. Въ первой біографіи преподобнаго о Серапіонѣ помѣщена лишь случайная замѣтка и то уже въ концѣ житія. У Василія рассказъ о подвижничѣ преп. Евфросина хотя и поставленъ на своемъ мѣстѣ, но по своему содержанію онъ представляетъ собою почти дословную переписку изъ первой редакціи Евфросиновскаго житія. Затѣмъ, у обоихъ писателей дана лишь характеристика подвижнической жизни Серапіона, но вовсе нѣтъ біографическихъ свѣдѣній: о происхожденіи преподобнаго, времени его рожденія и смерти и т. п. А эти свѣдѣнія нужны были въ обители, такъ какъ здѣсь давно уже,—вѣроятно, одновременно съ установленіемъ церковнаго чествованія Евфросину,—почитался какъ святой и Серапіонъ. Составитель житія и имѣлъ въ виду дать полную біографію преподобнаго.

О происхожденіи Серапіона въ житіи сообщается, что преподобный былъ „житель града Юрьева, прихожанинъ-же церквей святителя Николая и великомученика Георгія, аже бѣша въ русскомъ концѣ града Юрьева“, что преподобному пришлось жить въ Юрьевѣ во время притѣсненій латинянами исповѣдниковъ православной вѣры и что онъ обнаружилъ

особую ревность къ православію: обличалъ латинскую „схизму“ и за эти обличенія „зловѣрія латинъ“ претерпѣвалъ отъ нихъ „безчестія и свороби мнози, почасту же и тяжціи раны“. Убѣдившись въ невозможности дальнѣйшей борьбы съ сильными противниками, которые „насиліемъ возхотѣша его привлещи ко оуніи своей“, преподобный оставилъ Юрьевъ и перешелъ отсюда въ псковскіе предѣлы, въ пустынное мѣсто на рѣкѣ Толвѣ, гдѣ подвизался тогда въ безмолвіи преп. Евфросинъ. Это сообщеніе о происхожденіи Серапіона изъ Юрьева само по себѣ, конечно, не представляетъ чего-нибудь невѣроятнаго. Пришлыми иноками были, какъ знаемъ, и Савва Крыпецкій и Іона Псково-Печерскій. Но подробности біографическаго разсказа мало вызываютъ къ себѣ довѣрія; въ нихъ слишкомъ замѣтно сочинительство, въ основѣ котораго лежатъ извѣстія о мученической кончинѣ преп. Исидора и его пасомыхъ и о преп. Іонѣ Псково-Печерскомъ.

Легко замѣтить и хронологическія неточности въ разсказѣ. По свидѣтельству біографа, преп. Серапіонъ, скончавшійся въ 1480 г., 90 лѣтъ, подвизался въ Елеазаровской обители 55 лѣтъ. Отсюда, періодъ его жизни въ Юрьевѣ обнимаетъ собою 1390—1425 г.г. Но мы вовсе не имѣемъ извѣстій, чтобы въ это время были притѣсненія православнымъ отъ латинянъ, а тѣмъ болѣе „мученическія смерти“ и вообще попытки латинянъ насильно привлекать православныхъ жителей „ко оуніи своей“. Составитель біографіи преподобнаго въ данномъ случаѣ неудачно воспользовался историческими извѣстіями объ юрьевскихъ событіяхъ конца XV в., на что едва-ли даже имѣлъ какія-нибудь фактическія основанія въ своихъ свѣдѣніяхъ о жизни Серапіона.

Правдоподобіе изложена та часть біографіи, въ которой передается о жизни Серапіона въ Елеазаровской обители,—хотя и здѣсь строго-фактическихъ данныхъ немного. Она основана главнымъ образомъ на статьѣ о Серапіонѣ изъ житія преп. Евфросина; но біографъ значительно дополняетъ свой первоисточникъ. Эти дополненія можно наблюдать въ началѣ описаній, напр., въ разсказѣ объ отхожденіи Серапіона отъ Евфросина, происшедшемъ, по замѣчанію біографа, „безъ благословенія старча“. Какъ указано выше, это подтверждаетъ и проложная редакція житія Евфросина. Но особенно замѣтны дополненія въ подробностяхъ характеристики жизни преп. Серапіона въ монастырѣ. Въ основѣ ихъ лежитъ общая мысль біографа Евфросина, что Серапіонъ велъ такую жизнь, „яко превосходити ему всѣхъ въ стго обители добродѣтели“¹⁾. Развивая эту мысль, біографъ сообщаетъ, что преподобный дѣйствительно представлялъ собою образецъ инока-подвижника, воплотившаго въ своей жизни идеалы строгаго Евфросиновскаго устава: „крѣпче храняше вси уставы и правила иночестіи, яже пр. Евфросинъ въ своей ему си пустыни ввождаше“. По словамъ біографа, Серапіонъ не только ежедневно открывалъ начальнику обители свои помыслы, „яко больной врачу раны“, но и во-

¹⁾ Пам. ст. рус. лит., IV, 70.

обще былъ ближайшимъ помощникомъ Евфросина, „яко спостникъ и другъ его“. Въ качествѣ образца строгаго исполненія Серапіономъ устава преп. Евфросина его біографъ приводитъ особую любовь Серапіона къ молитвѣ церковной. „Молитву же церковную не сравниваше съ келлейною, но предпочиташе первую послѣдней, глаголаше бо, яко дванадесять псалмы въ келліи прочтѣны не равни будутъ съ соборнымъ пѣніемъ: Господи помилуй, единожды прочтѣтымъ; сего ради и самъ Господь рече: идѣже двое или трое собрани во имя мое, ту и азъ посреди ихъ“. Источникомъ этого сообщенія несомнѣнно служитъ глава устава Евфросина: „о церковномъ сходѣ“. На этомъ-же источникѣ основано и слѣдующее сообщеніе біографа: „женъ же блаженный въ келлію свою не принимаше и егда влючашеся тыя ему видѣти гдѣ-либо, на нихъ не взираше, бесѣды же съ ними не ведаше и отъ нихъ скоро отхождаше, въ баню отнюдь не хоуждаше и тѣла своего не обнажаше, дабы видѣти е“¹⁾.

Въ дополненіе къ біографическимъ свѣдѣніямъ о Серапіонѣ житія Евфросина, біографъ говоритъ еще, что преподобный несъ особое послушаніе въ обители—былъ пекаремъ: „къ симъ-же еще бѣ тружаяся и въ пекарни“, и что онъ не рѣдко по ночамъ предавалъ себя „самопроизвольному“ мученію: „исхождаше на мѣста болотныя или къ часовнѣ Пречистыя, яже на источницѣ, и ту полуобнажаяся, дающе плоть свою оводамъ и вагарамъ терзати, и тако самопроизволенъ мученикъ бываше“.

Но на ряду съ такими общежитійными чертами въ житіи Серапіона мы имѣемъ и болѣе точныя о немъ свѣдѣнія,—напр., сообщеніе о болѣзни подвижника, отъ которой онъ былъ чудесно исцѣленъ явившимся ему преп. Онуфріемъ. Въ разсказѣ объ этой болѣзни говорится, что „мало бо не къ смерти въ немъ животъ бѣ, понеже двадесать днѣй недвижимъ лежаше“. Несомнѣнно, что это сообщеніе основано на монастырскомъ преданіи о Серапіонѣ. Тотъ же источникъ имѣютъ и дальнѣйшіе разсказы объ исцѣленіи преподобнымъ латыша-крестьянина Отто въ 1476 г., о предсказаніи святымъ въ 1479 г., что „въ годину кончины (его) сильный врагъ изъ Ливоніи со многочисленною ратію подступить во Пскову“, и описаніе посмертныхъ чудесъ святаго (числомъ 7), помѣщенное въ концѣ житія. Эти монастырскія преданія, конечно, заслуживаютъ довѣрія.

Трудно опредѣлить, на чемъ основано въ біографіи преп. Серапіона сообщеніе, что онъ, зная латышскій и чухонскій языки, и въ монастырѣ велъ борьбу съ латынскою пропагандою, заботился о томъ, „еже како бы въ латышахъ и чюхнѣхъ возбуждати живой духъ православныя вѣры“,—передаетъ ли біографъ и здѣсь монастырское преданіе или у него это только непосредственный выводъ изъ ранѣ помѣщенныхъ біографическихъ свѣдѣній о святомъ. Послѣднее объясненіе представляется тѣмъ болѣе возможнымъ, что біографъ въ данномъ случаѣ не приводитъ какихъ-либо фактовъ изъ миссіонерской дѣятельности преподобнаго, а ограничивается лишь общою ея характеристикою.

¹⁾ Ср. въ приложеніи гл. устава: „о женскомъ вхожденіи“ и „о банѣ“.

Въ биографіи Серапіона остался не выясненнымъ одинъ вопросъ, на который должна была бы натолкнуть біографа замѣтка о Серапіонѣ въ житіи преп. Евфросина. Именно, по житію, Серапіонъ пришелъ въ пустыню на Толву уже инокомъ: „приде же нѣкій инокъ, именовъ Серапіонъ“ (70). Но гдѣ онъ принялъ иночество: въ Юрьевѣ или въ одномъ изъ псковскихъ монастырей,—ничего объ этомъ не говоритъ біографъ Серапіона.

Навонецъ, въ житіи Евфросина первый его сподвижникъ названъ старцемъ (70), но это противорѣчитъ представленной въ биографіи преподобнаго хронологіи, изъ которой видно, что Серапіону въ пору прибытія его на Толву было лишь 35 лѣтъ. Впрочемъ, это противорѣчіе не имѣетъ особаго значенія: ошибки біографовъ въ опредѣленіи возраста святыхъ дѣло довольно обычное. Такую же ошибку дѣлаетъ и біографъ Серапіона, когда замѣчаетъ, что преподобный отошелъ отъ Евфросина „безъ благословенія старча“: въ 1425 году и Евфросину не было еще 40 лѣтъ¹⁾.

Въ биографіи точно указаны годъ и число кончины преп. Серапіона: „ко Господу отъиде въ 8 день сентемврія, лѣта отъ рождества еже во плоти Бога Слова 1480, будучи отъ рожденія 90 лѣтъ“. Эта хронологическая дата принята и митр. Евгеніемъ Барсуковъ, со словъ арх. Сергія, относить кончину Серапіона къ 8 сент. 1481 г. Но это не вѣрно. Изъ житія преп. Евфросина мы знаемъ, что Серапіонъ скончался раньше своего сподвижника и друга и „погребенъ бывъ блаженнымъ Евфросиномъ“²⁾.

Житіе Серапіона, несмотря на свое позднее происхождение, имѣетъ нѣкоторый интересъ въ историческомъ отношеніи. Оно знакомитъ насъ съ монастырскими преданіями о преподобномъ и такимъ образомъ пополняетъ біографическія о немъ свѣдѣнія, помѣщенные въ житіи Евфросина³⁾.

Труднѣе опредѣлить историческое значеніе другого памятника—сказанія о цареградской иконѣ Божіей Матери. Составленіе этого памятника вызвано недостаткомъ свѣдѣній объ елеазаровской чудотворной иконѣ въ житіи преп. Евфросина. У перваго біографа преподобнаго не связано, какою именно иконою благословилъ Евфросина патр. Іосифъ. Точнѣе опредѣляетъ это второй біографъ. Онъ говоритъ, что подаренная патриархомъ икона былъ образъ Богоматери „честнаго ея умиленія“ (стр. 81),

¹⁾ Названіе „старецъ“ въ монастырской письменности не всегда, впрочемъ, указываетъ на возрастъ подвижника. Этимъ именемъ иногда называется вообще монахъ, не имѣющій священнаго сана. Объясненіе этого названія см. у Малинина, „Старецъ Елеазаровскаго монастыря Филооѣй“, стр. 40—41.

²⁾ Ист. кн. пск., ч. III, стр. 78; Источники рус. агиографіи, стр. 508, Пам. ст. р. лит., 71.

³⁾ Подробно и очень близко къ монастырскому списку содержаніе житія преп. Серапіона передано въ „Странникъ“ за 1874 г., т. II, ч. I, стр. 159—171. См. также составленное нами „Житіе преп. Серапіона, псковскаго чудотворца“, Псковъ, 1906 г., изданіе Спасо-Елеазарова монастыря.

т. е. именно та, о которой составлено рассматриваемое нами сказаніе. Но составитель сказанія, какъ отмѣчено уже раньше, не во всемъ согласенъ съ показаніями объ этой иконѣ біографовъ Евфросина. По его мнѣнію, цареградская икона была получена Евфросиномъ позднѣе путешествія на Востокъ, въ 1458 г., не отъ Іосифа, а отъ патр. Геннадія, и притомъ не лично преподобнымъ, а чрезъ другого какого-то „христіолюбца“. Если бы можно было доказать безусловную правильность этого сообщенія, то оно имѣло бы для насъ несомнѣнную цѣнность. Оно не только устанавливало бы фактъ сношеній Евфросина съ цареградскимъ патриархомъ Геннадіемъ, этимъ „дивнымъ ревнителемъ православія противу папы и Магомета“, но и показывало бы, что свѣдѣнія о начальной исторіи Елеазаровской обители въ главномъ ея источникѣ: въ житіи Евфросина, не полны. Но, къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ для проверки источника этого сообщенія, а содержаніе „сказанія“ наводитъ на мысль, что и вообще этотъ источникъ не надежный. Въ концѣ сказанія мы читаемъ, что, по монастырскому преданію, икона Богородицы была торжественно встрѣчена преп. Евфросиномъ въ верстѣ отъ монастыря и что на мѣстѣ встрѣчи была затѣмъ устроена преподобнымъ часовня Пречистой. Какое значеніе придавалось въ монастырѣ этому событію встрѣчи иконы видно изъ того, что и самый монастырь, по сказанію, съ этого времени сталъ называться Срѣтенскимъ. Названіе это дѣйствительно встрѣчаемъ въ монастырскихъ синодикахъ первой половины XVII в. Но одно лишь преданіе о встрѣчѣ иконы, конечно, очень недостаточное основаніе, чтобы можно было вполне довѣряться „сказанію“ и совершенно игнорировать объясненія о происхожденіи елеазаровской иконы, данныя біографами преподобнаго Евфросина.

Объясненіе побужденій, которыми руководился патр. Геннадій, отправляя въ Елеазаровскую обитель икону, не заслуживаетъ довѣрія и свидѣтельствуется лишь о томъ, что они были вовсе не извѣстны составителю сказанія. Въ своемъ предисловіи онъ говоритъ о недостаткахъ въ религиозно-нравственной жизни древнихъ новгородцевъ и псковичей и особенно о ихъ склонности къ латинской уніи, развивавшейся благодаря постояннымъ торговымъ сношеніямъ съ нѣмецкими городами—Юрьевомъ и Нарвою. Подробно описываетъ онъ и тяжелыя событія, которыя пришлось переживать въ XV в. Византійской имперіи, „егда охладѣ въ православнѣй вѣрѣ и впаде въ унію латинъ“. По взгляду автора, въ XV вѣкѣ одна лишь Елеазаровская обитель являлась въ Псковѣ твердымъ оплотомъ противъ латинянъ и въ то же время она была чуть-ли не самымъ святымъ мѣстомъ во всемъ православномъ мірѣ. Для поддержанія въ борьбѣ съ латинствомъ патриархъ Геннадій, по внушенію свыше, и рѣшилъ послать Евфросину икону Б. М., охранительницы греческаго царства. Авторъ сказанія, такимъ образомъ, очень плохой историкъ—прагматикъ. Онъ слѣдуетъ распространенному еще въ древне-русской письменности обычаю указывать важныя, хотя бы и очень отдаленныя, историческія причины для описываемыхъ, въ сущности очень незначительныхъ, событій, чтобы этимъ возвысить ихъ цѣнность и значеніе. Съ этой стороны онъ напоминаетъ

намъ составителей легендарныхъ сказаній о тихвинской иконѣ Б. М. и о бѣломъ клобуцѣ и такими приемами своей работы самъ понижаетъ цѣнность своихъ историческихъ сообщеній.

Въ приложеніи къ сказанію помѣщено, безъ хронологическихъ датъ, описаніе чудесъ отъ иконы Богоматери (21 чудо, на 13 листахъ). Содержаніе этихъ описаній подробно передано въ брошюрѣ архим. Платона: „О чудотворной цареградской иконѣ Б. М., находящейся въ Спасо-Елеазаровскомъ монастырѣ псковской епархіи“ (Псковъ, 1896 г., изд. 2-ое, стр. 5—24). Послѣднее чудо относится къ 1703 г. Восемь изъ описанныхъ чудесъ совершились надъ эстами и латышами. Это нѣсколько подтверждаетъ извѣстія сказанія и житія Серапіона о миссіонерскомъ значеніи Елеазаровской обители для окрестныхъ инородцевъ.

Къ числу цѣнныхъ источниковъ по исторіи мѣстнаго монастыря нужно отнести: иноческій и богослужебный уставы Елеазаровскаго монастыря, духовное завѣщаніе преп. Евфросина, посланія въ монастыри высшей духовной власти, монастырскіе синодики, хозяйственные акты и др. мелкіе памятники. Часть этихъ памятниковъ давно уже извѣстна въ наукѣ и достаточно использована,—напр. грамоты высшей духовной власти, завѣщаніе Евфросина,—такъ что о нихъ можно и не говорить подробно. Другою частію, менѣе извѣстною и мало использованною въ ученыхъ работахъ о псковскомъ монастырѣ, придется широко пользоваться въ соответствующихъ отдѣлахъ нашей книги, а потому здѣсь мы сдѣлаемъ объ этихъ памятникахъ лишь общія бібліографическія замѣчанія.

Иноческій уставъ преп. Евфросина представляетъ собою памятникъ, довольно распространенный въ рукописяхъ XVI—XVII в., но мало изслѣдованный въ ученыхъ сочиненіяхъ прошлаго и текущаго столѣтій. При изученіи памятника мы пользовались тремя его списками: 6-ки М. Д. А., № 205 и № 632 и Рум. муз. (Унд.), № 52. Послѣдній списокъ имѣетъ нѣкоторыя особенности: онъ содержитъ болѣе краткій текстъ памятника, по сравненію съ двумя предыдущими списками. Въ трефологѣ XVII в., № 626, л. 587-8, 6-ки Тр. Сер. Л. помѣщена выписка двухъ главъ изъ устава: „о церковномъ сходѣ“ и „о посланіи на службу“.

Почти вся научная литература о памятникѣ ограничивается бібліографическими замѣтками и случайными упоминаніями. Только въ „Ист. рус. ц.“ м. Маварія дано содержаніе устава и сдѣлана краткая замѣтка о сходствѣ его съ грамотою Снѣтогорскому монастырю арх. Діонисія суздальскаго (т. VII, 2 изд., стр. 59—61). Упоминанія объ уставѣ встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ: м. Евгенія, арх. Филарета, Строева, М. Толстого, Голубинскаго, Малинина, у автора „Слов. истор. о святыхъ, прослав. въ Россійской ц.“ и въ „Описаніяхъ“ рукописей. М. Евгеній въ „Ист. кн. псков.“, ч. III, стр. 98, замѣчаетъ: „Евфросинъ написалъ очень изрядный, въ 25 главахъ, общежительный уставъ“. Подобная же замѣтка и въ его „Слов. истор.

о бывшихъ въ Россіи писателяхъ дух. чина“, Спб. 1827 г., изд. 2, стр. 165—6, съ добавленіемъ: „новый списокъ устава хранится въ монастырѣ“. Въ „Словарѣ истор. о святыхъ“, Спб. 1836 г., на стр. 104, читаемъ: „Евфросинъ написалъ для обители своей уставъ общежительный въ 25 главахъ“. Преосв. Филаретъ въ „Обзорѣ р. дух. лит.“, X. 1859 г., стр. 151, пишетъ: „общежительный уставъ (Евф.) въ 30 главахъ помѣщенъ въ минеи м. Макарія подь 15 мая“. Изъ другихъ замѣтокъ объ уставѣ болѣе интересна замѣтка Голубинскаго въ Б. В. 1892 г., кн. V, стр. 216, гдѣ дѣлается краткое разъясненіе о времени написанія памятника. Указанія въ „Опис.“ рук. 6-къ имѣютъ значеніе для изученія списковъ памятника, но чего-либо новаго сами по себѣ они не даютъ. Обь уставѣ можно находить указанія у Строева—въ „Библ. слов.“, у арх. Иосифа—въ „Отглавл. Ч. М. м. Макарія“, у Востокова—въ „Опис. Рум. Муз.“, у Ундольскаго—въ Опис. рукоп. его 6-ки, у Петрова—въ Опис. рук. 6-ки Киево-Соф. соб. и у др.

И въ рукописныхъ спискахъ число главъ указывается неодинаковое. Въ рук. № 205—30 гл., въ рук. № 632—31 глава. Раздѣленіе устава на главы сдѣлано, очевидно, уже позднѣйшими переписчиками. Переписчикъ рукописи Унд., № 52, соединилъ нѣкоторыя главы и опустилъ заглавія, вслѣдствіе чего общее число главъ у него меньше, чѣмъ въ другихъ спискахъ. Правильнѣе будетъ раздѣлить уставъ на предисловіе, введеніе и 28 главъ.

Переписчикомъ сдѣлано и начальное заглавіе устава, затрудняющее въ опредѣленіи точной хронологической даты написанія этого памятника. Уставъ написанъ въ княженіе Василия II, по благословенію м. Θεодосія и новгор. арх. Евѳимія II-го. Но церковное управленіе двухъ послѣднихъ лицъ не было одновременнымъ. Арх. Евѳимій, выбранный на архіепископію въ 1429 г., получилъ посвященіе въ Смоленскѣ, отъ кiev. м. Герасима, въ 1434 г. Онъ умеръ въ 1458 г. Къ этому году относится и помѣщенная въ I т. Авт. ист. прощальная къ нему грамота м. Іоны. Θεодосій былъ поставленъ на моск. митрополію въ маѣ 1461 г. и занималъ ее до сентября 1464 г. Наконецъ, князь Василій умеръ въ мартѣ 1462 г. Значить, хронологическая дата въ заглавіи устава не точна. Эту неточность можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Уставъ былъ написанъ Евфросиномъ вѣроятно въ послѣдніе годы управленія новгородско-псковскою церковію Евѳимія. Окончательное же утвержденіе онъ получилъ отъ моск. митрополита, приблизительно въ первый годъ его управленія митрополіею.

Въ рукописныхъ спискахъ послѣдняя глава устава: „о укорехъ братіи“—заканчивается словами: „и прочее“. На первый взглядъ можетъ показаться, что памятникъ этотъ неполный, въ немъ недостаетъ конца. Но такъ думать не слѣдуетъ. Указанныя слова правильнѣе относить къ евангельскому тексту, которымъ пр. Евфросинъ подтверждаетъ изложенную въ этой главѣ мысль о необходимости изгонять изъ монастыря монаховъ, уворавшихъ другихъ за невзносъ вклада при поступленіи въ обитель. Слова: „и прочее“—поставлены здѣсь вмѣсто дальнѣйшихъ ссылокъ на

тексты Св. Писанія, припомнить которые авторъ устава предоставляет самому читателю. Въ такомъ же значеніи они употреблены и раньше—во введеніи къ уставу и въ главѣ: „о страннопримствѣ“¹⁾.

Иноческій уставъ Евфросина интересенъ прежде всего потому, что онъ знакомитъ насъ съ тѣми нормами, по которымъ, по взгляду подвижника, должна была идти жизнь въ общежительныхъ пустынныхъ монастыряхъ. Но это очень цѣнный памятникъ и для изученія бытовой стороны жизни мѣстнаго монашества, современнаго пр. Евфросину. Это значеніе устава будетъ разъяснено ниже.

Богослужебный уставъ Елеаз. монастыря имѣется въ рукописи № 405/903 Син. 6-ки, подъ заглавіемъ: „Уставъ овозрительный“, въ 8 д., скорописью XVII в., на 91 л. Упомянутое о немъ находимъ въ „Указ. Патр. 6-ки“ арх. Саввы, стр. 263, подъ № 903, а подробное описаніе въ III отд., I ч., Описанія слав. рук. Москов. Син. 6-ки, Невоструева (М. 1869 г., стр. 409—412). У Невоструева сдѣлана замѣтка и о принадлежности этого устава Елеазаровскому монастырю. Это памятникъ, относящійся специально къ исторіи монастырскаго богослуженія; никакихъ свѣдѣній о другихъ сторонахъ монастырской жизни въ немъ нѣтъ.

Такое же специальное значеніе имѣютъ и монастырскіе синодики, о которыхъ подробныя свѣдѣнія читатель найдетъ въ очеркѣ о монаст. богослуженіи. Въ палеографическомъ отношеніи синодики никакихъ особенностей не имѣютъ.

Изъ посланій псковскихъ иноковъ особаго вниманія заслуживаетъ: „посланіе Корнилія, инока Свѣтныя горы, къ сыну его, попу Ивану, хотящу второму браву сочтатися“. Это весьма интересный памятникъ для характеристики отношеній между псковскимъ монашествомъ и бѣлымъ духовенствомъ. Имѣетъ посланіе нѣкоторое значеніе и для оцѣнки исторической достоверности сообщеній биографовъ Евфросина о распостѣ Іовѣ. Въ науцѣ памятникъ этотъ, кажется, почти неизвѣстенъ. О рукописныхъ спискахъ посланія упоминаютъ Строевъ, въ „Библиогр. словарь“, стр. 182, и Викторовъ, въ „Очеркѣ собранія рукописей В. М. Ундольскаго“, стр. 46, 53 (въ прилож. къ книгѣ: „Слав.-рус. рукописи Унд.“, М. 1870 г.). По списку Имп. Пуб. 6-ки, отд. Толстого, № 140, текстъ этого памятника напечатанъ въ отчетахъ Имп. общ. люб. др. письменности за 1904 г., въ приложеніи къ нашей статьѣ: „Одинъ изъ малоизвѣстныхъ памятниковъ псковской монастырской письменности“ (рефератъ въ собраніи Общества 11 февр. 1904 года).

Очень цѣнный и обширный по своему количеству историческій матеріалъ составляютъ собою старинныя монастырскіе акты. Непосредственно касаясь хозяйственнаго быта монастырей, акты даютъ иногда указанія и по другимъ вопросамъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ монастыр-

¹⁾ Ср. аналогичныя мѣста въ житіи Евфросина, Нам. ст. рус. лит., в. IV, стр. 70, 71.

скому хозяйству. Мы пользовались рукописными актами и изданными печатно. Изъ рукописныхъ актовъ въ нашемъ распоряженіи были акты Румян. музея, Арх. М. И. Д. и Псковскаго археол. музея. Акты Румянц. музея представляютъ собою копія, снятыя съ подлинниковъ въ 6-кѣ Псково-Печ. м-ря, въ три тетради, №№ LIV—LVI. Оглавленіе ихъ—у Востокова—въ „Описаніи“, стр. 86—90; здѣсь они названы: „грамоты Пск.-Печ. м-ря“. На ряду съ печерскими актами встрѣчаемъ здѣсь и акты другихъ псковскихъ монастырей, приписанныхъ къ Печерскому въ XVI—XVII в.в. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ актовъ это наиболѣе разнообразный источникъ по исторіи монастырскаго хозяйства. Въ то же время это источникъ и болѣе цѣнный въ хронологическомъ отношеніи. Большая часть актовъ относится ко второй половинѣ XVI в., но встрѣчаются и болѣе древніе: одинъ отъ XV в., другой отъ XIV в.

Въ 6-кѣ А. М. И. Д. мы ознакомились съ двумя актами XVII в.: № 5, 7131/1628—7158/1650 г., содержащимъ въ себѣ: „роспись Печер. м-ря крестьянамъ, бѣжавшимъ за границу въ Ливонскую землю“, и № 14, отъ 27 марта 1688 г., Воскресенскаго дѣвича м-ря, съ жалобой монахинь на притѣсненія отъ привазчиковъ рыбной таможи. Первый актъ заключаетъ въ себѣ цѣнные свѣдѣнія о размѣрахъ монастырской подмоги, а также о размѣрахъ и стоимости крестьянской собственности. Второй актъ имѣетъ цѣнность потому, что въ актахъ Пск. арх. музея сохранился другой документъ, конца XVII в., по тому же самому вопросу. Сопоставленіе этихъ двухъ актовъ даетъ возможность послѣдовательнѣе изучить сущность дѣла.

Изъ актовъ Псков. арх. музея мы пользовались № 38—завѣщаніемъ монаха Феодосія, четырьмя подъ № 92—XVI в.; изъ актовъ XVII в.—порядными записями Никандров. монастыря, № 57, и документами Великопустынскаго, №№ 150—153. Кромѣ того, къ рукоп. актамъ музея мы обращались въ тѣхъ случаяхъ, когда печатный текстъ ихъ вызывалъ какое-либо недоразумѣніе.

Изъ печатныхъ актовъ мы пользовались изданными въ неоф. части Псков. Губ. Вѣд. за 1841, 49, 60, 71, 72 и 73 г.г., въ книгахъ: Шляпкина, „Опись рукописей и книгъ музея Псковской Археол. Коммиссіи“, Псковъ, 1879 г., Токмакова, „Снятогорскій монастырь“ (библіогр. и матеріалы), Псковъ, 1887 г., и проф. Дьяконова, „Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Моск. государствѣ“, Юрьевъ, 1895 г., в. I-й. Оригиналы перваго и втораго изданій—въ бібліотекѣ Пск. арх. музея, третьяго и четвертаго—въ Архивѣ Мин. Юстиціи. Акты, изданные въ П. Г. В., относятся къ XVII—XVIII в. и касаются земельного хозяйства, рыбныхъ владѣній и торговли. Общимъ недостаткомъ этого изданія служить то, что текстъ памятниковъ помѣщенъ безъ всякихъ объясненій къ нему и даже безъ увазанія №№, подъ которыми хранятся оригиналы. Исключеніе представляетъ собою лишь изданіе Миротворцева (П. Г. В. 1860 г., №№ 10—12), со введеніемъ и подстрочными объясненіями нѣкоторыхъ словъ текста.

Въ книжкѣ Шляпнина дается перечень рукописныхъ актовъ, но точно также безъ указанія №№, подъ которыми они хранятся. Это затрудняетъ отысканіе ихъ въ библиотекѣ. Въ приложеніи помѣщенъ текстъ трехъ актовъ XVI в. изъ свитка № 92, но почему то опущенъ одинъ актъ этого же свитка, по содержанію наиболѣе интересный.

Акты, изданные Токмаковымъ, по содержанію сходны съ актами П. Г. В. Изданіе это—не безъ недостатковъ, зависѣвшихъ, повидимому, отъ невнимательнаго просмотра издателемъ матеріаловъ. Въ книжкѣ нерѣдки повторенія текста того или другого акта, излишнія для дѣла. Напр., стр. 74—76 представляютъ собою повтореніе стр. 25—27, 76—45, 79—11, 84—28; иногда даже двойное повтореніе, напр.: стр. 69—70, ср. стр. 7 и 85, 78—24 и 71—72, 85—87—7—8 и 69—70. Въ указанныхъ случаяхъ старые акты подтверждались новою властію. Въ виду букввальнаго сходства можно бы ограничиться просто указаніемъ на такое подтвержденіе актовъ. Затѣмъ, Токмаковъ не принялъ во вниманіе другихъ изданныхъ актовъ, имѣющихъ отношеніе къ его изданію, и не далъ никакихъ разъясненій объ источникѣ изданныхъ имъ матеріаловъ.

Въ книгѣ проф. Дьяконова собранъ цѣнный матеріалъ подъ названіемъ порядныхъ записей, представляющій возможность подробнѣе рассмотреть положеніе монастырскихъ крестьянъ, условія пользованія землею, отношенія къ монастырскому начальству и т. п. Интересны также свѣдѣнія о размѣрахъ подмоги, которую выговаривалъ для себя крестьянинъ при заключеніи условія. Большинство актовъ относится къ XVII в. и своимъ источникомъ имѣетъ книги Вотчинной Конторы по г. Пскову А. М. Ю.

Только акты, изданные Дьяконовымъ, использованы имъ въ его изслѣдованіи: „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, Спб. 1889; остальные изданія мало извѣстны. Елеазаровскіе акты, по изданію Миротворцева, указаны, правда, въ качествѣ источниковъ русскаго права проф. Леонтовичемъ; но выборъ ихъ сдѣланъ, повидимому, случайно, такъ какъ они цитируются въ той части (№ 10), которая менѣе всего интересна въ научномъ отношеніи („Исторія рус. права“, в. I, Одесса, 1869 г., стр. 37). На акты П. Г. В. встрѣчаемъ рѣдкія ссылки у Нивитскаго, въ его „Очеркѣ внутр. ист. г. Пскова“. Мѣстные изданія давно уже сдѣлались библиографическою рѣдкостью; полные экземпляры П. Г. В. можно найти лишь въ Имп. Пуб. б-кѣ.

Хозяйственныхъ актовъ сохранилось такъ много, что собрать и изучить ихъ всѣ или хотя бы большую часть нѣтъ никакой возможности. Мы и не ставили себѣ этой цѣли, а заботились лишь о томъ, чтобы нашъ подборъ не былъ случайнымъ, чтобы извѣстные намъ акты касались быта, по возможности, большинства монастырей и изображали его съ различныхъ сторонъ. Этого удалось, кажется, достигнуть. Въ нашемъ распоряженіи были акты всѣхъ большихъ монастырей: Мирожскаго, Снѣтогорскаго, Ивановскаго, Елеазаровскаго, Крыпецкаго, Печерскаго, Святогорскаго, Никандрова, Велико-Пустынскаго,—большинства среднихъ: Любятовскаго, Сироткина, Вознесенскаго, Великолуцкаго Сергіева, Верхнеостровскихъ,—

и совѣмъ незначительныхъ въ родѣ: Воскресенскаго дѣвicha, Дмитріевскаго, Пятницкаго, Мало-Пустынскаго, Алексѣевскаго, Изборскихъ, Выборскихъ и мн. др. По содержанію изученные нами акты можно подраздѣлить на слѣдующія группы:

- 1) документы по владѣнію вообще,—содержащіе въ себѣ перечень земельных и друг. мон. владѣній, съ обозначеніемъ пространства владѣній, ихъ качества, степени ихъ населенности, условій пользованія и т. п.;
- 2) документы по приобрѣтенію владѣній: царскія грамоты, дарственные, духовныя, поступныя записи, мѣновныя отписи и заемныя грамоты и т. п.;
- 3) жалованныя грамоты о льготахъ на различнаго рода монастырскія угодія;
- 4) судебные акты;
- 5) акты о припискѣ монастырей въ XVI и XVII вв.

Какое значеніе имѣютъ эти матеріалы? Даютъ ли они возможность подробно изучить хозяйственный бытъ псковскихъ монастырей и отмѣтить мѣстныя особенности его?

На вторую половину вопроса затруднительно дать положительный отвѣтъ. Большинство актовъ относится ко времени послѣ присоединенія Пскова къ Москвѣ, и происхожденія они московскаго. Искать въ нихъ значительнаго отображенія мѣстныхъ порядковъ владѣнія не слѣдуетъ. Но такъ какъ въ актахъ мы обычно встрѣчаемъ полностью приведенныя челобитныя, нерѣдко такія же полныя ссылки на старинные документы, то въ нихъ можно усматривать *нѣкоторыя* черты мѣстнаго владѣльческаго права, называемаго въ актахъ „старинною“. Въ этомъ отношеніи особенно интересны акты первой половины XVI в. Такимъ образомъ, по позднимъ документамъ можно сдѣлать нѣкоторыя вѣроятныя заключенія и о раннемъ періодѣ исторіи псковскаго монастырскаго хозяйства. Сохранившіеся же два акта XIV и XV вв. даютъ и положительно цѣнный матеріалъ для изученія этой „старинны“.

Какъ памятникамъ официальныхъ по своему происхожденію, актамъ принято придавать значеніе документовъ точныхъ, не требующихъ провѣрки. Для статистическихъ выводовъ они даютъ матеріалъ надежный. Но такъ какъ въ нашемъ распоряженіи была лишь небольшая часть этого рода памятниковъ, то, разумѣется, мы должны по возможности воздерживаться отъ такихъ выводовъ или по крайней мѣрѣ дѣлать ихъ съ большою осторожностію.

Мѣстные акты даютъ достаточный (количественно) матеріалъ и по вопросамъ о томъ, какъ смотрѣли и какъ дѣлили свое хозяйство монахи, какими способами приобрѣтали они различные виды владѣній, въ какомъ отношеніи стояло монастырское хозяйство къ свѣтскому и т. п. Къ свѣдѣніямъ по этимъ вопросамъ изслѣдователь долженъ относиться съ большою осмотрительностію. Сами монахи, повидимому, невысоко цѣнили стоимость принадлежавшихъ монастырю владѣній и ихъ доходность, находили ихъ недостаточными даже для скуднаго, нищенскаго содержанія

монастырскихъ зданій и братіи. Не на что строить церкви и питать братію—обычная жалоба въ челобитныхъ. Иногда въ челобитныхъ рельефными и правдивыми чертами изображается монастырская скудость, но чаще всего изображеніе не соответствуетъ дѣйствительности, является лишь особымъ приемомъ, вызваннымъ частію практическими соображеніями, частію канцелярскою формою челобитья.

То же самое нужно сказать и объ отношеніяхъ въ монастырскимъ владѣніямъ мѣстныхъ властей и свѣтскихъ сосѣднихъ владѣльцевъ. Въ монастырскихъ актахъ жалобы на притѣсненія отъ мѣстныхъ властей и на неуваженіе сосѣдними владѣльцами монастырскихъ владѣльческихъ правъ—явленіе обычное. Отчасти эти жалобы справедливы, даютъ хорошую иллюстрацію къ замѣткамъ лѣтописца о дѣйствіяхъ въ Псковѣ московскихъ приставниковъ и полно характеризуютъ общій по тому времени недостатокъ уваженія къ чужой собственности, къ чужому труду. Но въ большинствѣ случаевъ онѣ преувеличены и односторонни. Нельзя въ московскихъ дѣякахъ видѣть какихъ-то враговъ монастырскаго благосостоянія. Между ними были и такіе, какъ напр. Мисюръ Мунехинъ и подъячій его Артюша, которыхъ сами монахи называли своими благодѣтелями. Равнымъ образомъ нельзя думать, что одни лишь свѣтскіе владѣльцы нарушали права монастырской собственности, а монастыри были тутъ совсѣмъ неповинными страдальцами. Нужно принять во вниманіе, что въ монастырскихъ актахъ мы имѣемъ показанія лишь одной стороны—обвинителей и нѣтъ оправданій обвиняемой стороны, такъ какъ по правиламъ стариннаго судопроизводства истцу выдавался лишь оправдательный документъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда можно провѣрить показанія одной стороны показаніями другой, дѣло представляется совершенно въ иномъ видѣ. Такъ, напр., въ собраніи свѣтог. актовъ, изданныхъ Токмаковымъ, помѣщено судное дѣло по иску свѣтогорскихъ монаховъ на крестьянина д. Овинчищъ, Ѳомки Иванова, въ завладѣніи имъ монастырскимъ повосомъ. Извѣстія, заключающіяся въ этомъ актѣ, всѣ сводятся къ положительному осужденію Ѳомки. Но сохранился другой, не—монастырскій актъ по этому же дѣлу, изданный въ П. Г. В. за 1841 г. Этотъ актъ представляетъ дѣйствія Ѳомки въ иномъ видѣ. Оказывается, что и монастырскія власти не безупречны были въ отношеніи къ собственности Ѳомки, допустили такой же захватъ, и, значитъ, Ѳомка платилъ монастырю тѣмъ же, что испытывалъ отъ него. Имѣются и другія извѣстія о нарушеніи монастырями правъ чужой собственности.

Общимъ недостаткомъ актовъ являются ихъ однообразіе по содержанію и по формѣ и отсутствіе какой-либо связи между ними. Сравнивая однообразные акты различныхъ монастырей, изслѣдователь часто приходитъ къ неутѣшительному выводу о безрезультатности потраченного на это времени и труда. За исключеніемъ новыхъ, ничего не значащихъ, именъ и названій не получается ничего новаго. Въ большинствѣ случаевъ отмѣченная изслѣдователемъ въ содержаніи акта какая-либо особенность въ монастырскомъ хозяйствѣ, даже судьба заинтересовавшаго изслѣдова-

теля какаго-либо монастырскаго владѣнія не могутъ быть прослѣжены при чтеніи позднѣйшихъ актовъ. Появившись случайно въ одномъ актѣ, замѣтка не повторяется въ другихъ. Все это затрудняетъ послѣдовательное изложеніе исторіи мѣстнаго монастырскаго хозяйства.

Замѣчаніями о монастырскихъ актахъ мы и закончимъ свой обзоръ источниковъ мѣстной монастырскаго исторіи. Изъ сказаннаго можно видѣть, что въ распоряженіи изслѣдователя имѣется достаточный и въ общемъ цѣнный матеріалъ для изслѣдованія. Если этотъ матеріалъ и не даетъ возможности детально изслѣдовать внутренній бытъ мѣстнаго монашества, то во всякомъ случаѣ онъ достаточенъ для разносторонняго его изслѣдованія. Последнее и попытаемся сдѣлать въ ниже слѣдующихъ „Очеркахъ“.

•

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Начальная исторія монашества псковскаго.

Монастыри городскіе.

Для изслѣдователя исторіи древне-русской монастырской жизни нѣтъ нужды останавливаться на подробномъ разясненіи важности избраннаго имъ предмета. Значеніе въ древне-русской жизни монашества выяснено еще древне-русскими писателями. Монашескую жизнь они избрали спеціальнымъ предметомъ своихъ сочиненій и склонны были думать, что въ этой любимой ихъ темѣ въ древне-русской жизни нѣтъ ничего, заслуживающаго вниманія со стороны писателя. Этотъ односторонній взглядъ писателей на значеніе монашества раздѣлялся и ихъ читателями, былъ взглядомъ обще-русскимъ. Въ міровоззрѣніи русскаго человѣка идеалы монашества занимали одно изъ первыхъ мѣстъ. Они вліяли на характеръ міровоззрѣнія, придавали ему аскетическій оттѣнокъ, и одновременно съ этимъ опредѣляли собою и практическія отношенія древне-русскаго общества въ монастырямъ и монашеству. По взгляду древне-русскаго человѣка, монастырь—это мѣсто по преимуществу святое; онъ представляетъ собою какъ бы переходный пунктъ отъ грѣшнаго, земнаго міра въ безгрѣшный міръ небожителей. Такой взглядъ особенно ясно выразился въ названіи монастырей домами ангельскими¹⁾.

Благочестивая мысль древне-русскаго человѣка, всюду видѣвшая разставленныя сѣти козней и искушеній врага рода человѣческаго—дѣвола, отводила имъ мѣсто и за монастырскою стѣною, считала даже искушенія, наводимыя дѣволомъ на иноковъ, болѣе сильными, чѣмъ тѣ, какія приходилось испытывать живущимъ въ мірѣ; но она не допускала возможности ихъ торжества: побѣды дѣвола надъ подвигами инока. Наоборотъ, молитва инока-подвижника уже одна, безъ всякихъ другихъ подвиговъ, могла испровергнуть всѣ замыслы искушителя. Въ житіи преп. Варлаама Хут.

¹⁾ „Умремъ честно за святую Софію и за дома ангельскія“, Пол. соб. рус. лѣт., III, 279, по изд. 1888 г.

читаемъ, что „дiаволь плакашеса, видя себе побѣжаема на вся дни молитвою святаго“¹⁾). Нерѣдко вмѣсто того, чтобы повредить обители, дiаволь, противъ своей воли, служилъ къ ея пользѣ: по приказанію подвижника работалъ на св. братію, молотъ жито для монастырской трапезы, переносилъ вмѣстѣ съ своими прислужниками деревья съ берега рѣки на монастырскую гору для построенія молитвеннаго дома въ честь Богоматери и братскихъ келій²⁾).

Побѣждая дiавола въ стѣнахъ обители, инокъ-подвижникъ вступалъ съ нимъ въ борьбу и за стѣнами ея, въ мірѣ, освобождалъ отъ власти дiавольской и мірянъ. Житія святыхъ переполнены примѣрами этой борьбы подвижниковъ съ дiаволомъ изъ-за другихъ; мы приведемъ одинъ лишь изъ такихъ примѣровъ, изъ житія препод. Нивандра псковскаго. Въ описаніи 19-го чуда помѣщенъ рассказъ исцѣленнаго дворянина Лаврова о томъ, какъ „отпадшая сила-демони“ взяли его изъ дому, привели въ гумно и здѣсь держали трое сутокъ, скрывая его отъ домашнихъ. На четвертую ночь они привели больного къ рѣкѣ Узѣ, „хотяху въ рѣку ввести нуждею“. Но вотъ на помощь больному явился преп. Никандръ, привелъ его домой и положилъ на лавицѣ подъ иконами. Здѣсь, по рассказу исцѣленнаго, и началась борьба подвижника съ демонскою силою. „Они же, лукавіи духи, вслѣдствоваху и кричаху велимъ гласомъ: „о Никандр! велику бѣду твориши намъ, отъемлещи нашего отъ насъ“. Но преподобный прогналъ демоновъ и избавилъ больного отъ его страданій³⁾).

Неудивительно отсюда, если каждое возникновеніе новаго монастыря, особенно устроеннаго подвижникомъ, привѣтствовалось древне-русскимъ обществомъ, какъ новое доказательство побѣды надъ вознями дiавола, и, какъ говорить лѣтописецъ, вызывало общую радость и на небѣ, и на землѣ. „Състави себе монастырь (Аркадій игумень) и бысть крестьяномъ приобѣжище, ангеломъ радость, а дьяволу пагуба“⁴⁾).

Въ монашеской жизни древне-русскіе люди хотѣли видѣть воплощеніе христіанскихъ идеаловъ и высочій примѣръ для подражанія. Они, очевидно, хорошо знали святоотеческія слова, что монашеское житіе есть свѣтъ для всѣхъ человѣковъ⁵⁾). И дѣйствительно, во многихъ случаяхъ древне-русскій монастырь давалъ основаніе для такого взгляда: являлся училищемъ христіанскаго благочестія, выставлялъ изъ своей среды такихъ подвижниковъ, которые были „воистину далече отъ человѣкъ нынѣшняго вѣва всѣми обычай“⁶⁾). Благотворное вліяніе монастыря на общество хо-

¹⁾ Житіе по списку конца XIII в., у И. Некрасова, о. с., 123.

²⁾ Памятн. рус. лит. XII и XIII в., изд. Яковлевымъ, стр. CLXX—CLXXI, CLXVIII.

³⁾ Рук. Арх. Комис., № 8.

⁴⁾ Пол. соб. рус. лѣт., III, 139. Ср. подъ 1179 г., стр. 155, 1192 г., стр. 165, 1196 г., стр. 171: „и бысть радость крестьяномъ“.

⁵⁾ „Лѣствица преп. Іоанна, М. 1892 г., стр. 212.

⁶⁾ В. Ч. М., сент., в. I, стр. 559.

рошо сознавали и сами монахи, какъ видно изъ словъ преп. Иосифа Волоцкаго. Располагая свое братство въ строгому исполненію иноческихъ правилъ, онъ указывалъ между прочимъ и на то, что „ничто же бо тако ползуетъ мирскіяя чловѣкъ, якоже иночское благочиніе и благоговѣнство“¹⁾. Вліяніе этого „иночскаго благочинія“ очень замѣтно отразилось на жизни древне-русскаго общества и прежде всего на внѣшнемъ ея строѣ. Воспитываясь на монастырской письменности, читая житія святыхъ, древне-русскій чловѣкъ настолько увлекался идеальною стороною монастырской жизни, что по ея образцу старался расположить и свою домашнюю жизнь. Стоитъ прочесть въ Домостроѣ главы: „како мужу съ женою и съ домочадцы въ дому своемъ молитися“, „како всякому чловѣку рукодѣлничати и всякое дѣло дѣлати, благословяся“ и т. п., чтобы представить себѣ степень этого увлеченія. Здѣсь тотъ же молитвенный началъ дѣла, то же „келейное правило“, какія мы встрѣчаемъ и въ монастырскомъ уставѣ; мірская жизнь располагается по иноческому чину.

Не менѣе, чѣмъ чрезъ свою назидательную письменность, вліялъ монастырь на древне-русское общество и непосредственнымъ образомъ—путемъ тѣснаго общенія съ міромъ. Между монастыремъ и міромъ въ древней Руси была живая связь. „Како въ монастыри съ приношеніемъ приходити“ и „како иноковъ въ домъ свой призывать молитися“,—эти вопросы входили въ прямую задачу древне-русскаго домостроительства и, какъ показываютъ житія святыхъ, совѣты Домостроя по этимъ вопросамъ усердно исполнялись. На примѣрѣ отношеній вел. кн. Святослава къ преп. Θεодосію можно видѣть, съ какою радостію принимали инока-подвижника міряне въ свой домъ и какъ заботились они объ ятомъ необычномъ гостѣ. Но и монастырь не оставался въ долгу передъ обществомъ, широко раскрывалъ свои ворота для всѣхъ приходящихъ. Въ числѣ послѣднихъ были люди разнаго положенія и шли они сюда съ различными нуждами. Въ монастырь приходилъ князь помолитися передъ гробомъ подвижника, принять благословеніе на какое-нибудь важное государственное дѣло или принести молитвенную благодарность за благополучный его исходъ. Приходилъ сюда и простой поселянинъ въ различныхъ случаяхъ своей жизни—радостныхъ: „въ веселіи сердца“, и печальныхъ: „въ безмѣрной печали“, надѣясь найти здѣсь совѣтъ, поддержку и утѣшеніе. Чаще всего онъ шелъ въ монастырь, ко гробу подвижника, пораженный какою-либо болѣзнію, съ твердою вѣрою въ возможность получить исцѣленіе отъ нея,—и обычно получалъ по вѣрѣ. Обращался онъ иногда, какъ свидѣтельствуесть Кіево-печерскій патерикъ, и съ жалобою на мірскую неправду, съ просьбою защитить отъ обиды и притѣсненій, зная, что заступничество монастырскаго подвижника многихъ уже избавило отъ печали и напасти²⁾. Въ монастырь обращался древне-русскій чловѣкъ и съ матеріальною своею нуждою, такъ какъ онъ видѣлъ широкую мона-

¹⁾ ib., 512.

²⁾ См. у Яковлева, о. с., стр. LVI.

стырскую благотворительность и заботы монаховъ о всѣхъ нищихъ и безпомощныхъ. Въ тяжелыя минуты общественныхъ бѣдствій,—напр., во время голода,—въ монастырь шли съ просьбою, „чтобы напитали ихъ алчныхъ и жадныхъ напоили отъ глада великаго изнемогающихъ“¹⁾. Въ монастырь влекли, наконецъ, и нужды духовныя. Сюда стремился любознательный человѣкъ, чтобы въ тишинѣ монастырскаго уединенія, безъ всякой помѣхи, предаться душеспасительному занятію: „книжному почитанію“. Для тогдашняго общества древне-русскій монастырь былъ одною изъ лучшихъ образовательныхъ школъ. Но онъ былъ не только покровителемъ просвѣщенія, но и главнымъ его представителемъ. Глубокій знатокъ исторіи древне-русской жизни,—И. Е. Забѣляинъ, характеризуя просвѣтительное значеніе перваго изъ русскихъ монастырей—Кіево-Печерскаго, называетъ его университетомъ тогдашняго общества, живою душою просвѣщенія общественнаго²⁾. И этотъ отзывъ,—конечно съ большою оговоркою,—можно примѣнить и къ большинству русскихъ обителей.

Но самое главное значеніе монастыря состояло въ томъ, что, будучи лѣчебницей недуговъ физическихъ, онъ являлся мѣстомъ врачеванія и недуговъ душевныхъ.

Въ число монастырскаго братія поступали не только люди, подобно подвижникамъ, съ дѣтства расположенные къ монашеской жизни. Были и такіе иноки, которыхъ расположили къ принятію монашества—или неудовлетворенность строемъ и порядками общественной жизни, или несчастія въ личной жизни, нерѣдко—наболѣвшая совѣсть. Въ житіи преп. Пафнютія читаемъ, что въ его монастырь пришелъ инокъ, принявшій монашество въ надеждѣ „очистить себе отъ крове иноческаго ради образа“³⁾. Въ монастырѣ, такимъ образомъ, надѣялись найти примиреніе съ своею совѣстью и забвеніе пережитаго въ мѣрѣ.

Но что особенно привлекало вниманіе древне-русскаго человѣка къ монастырю—это монастырская молитва. Высокій взглядъ на ея значеніе выражень еще новгородскимъ лѣтописцемъ. Начиная свой временникъ, онъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику двухъ періодовъ русской исторіи—языческаго и христіанскаго: „и тако бо есть промысль Божій, еже явѣ въ послѣдняя времена, куда же древле поганіи жряху бѣсомъ на горахъ, нынѣ же паки туды святыя церкви златоверхія, каменозданныя стоятъ и монастыреве велицы поставлены быша, и черноризецъ въ нихъ исполнено бысть, безпрестани славяще Бога въ молитвахъ, въ бдѣніи, въ постѣ и въ слезахъ, *и азъ же ради молитвъ мѣръ стоитъ*“⁴⁾. Какъ высоко цѣнилось въ обществѣ значеніе молитвы инока-подвижника, это видно изъ словъ одного кіевлянина, въ своей жизни неоднократно испытываемаго, что „вездѣ бо молитва Θεодосіева заступаеть“ (у Явоя., стр. СХVI).

1) Житіе пр. Варл. Хутынск., по изд. Общ. Л. Др. II., 1881 г., стр. 87.

2) „Ист. рус. жизни съ др. вр.“, т. I, М. 1876 г., стр. 491.

3) Рук. М. Д. Ак. № 659, л. 129.

4) Пол. соб. рус. лѣт., III, 1—2.

Руководясь такимъ взглядомъ на значеніе монастырской молитвы, древне-русскій человѣкъ проявлялъ широкую благотворительность къ монастырямъ, чтобы этимъ путемъ заручиться для себя монастырскою молитвою. Особенно заботился объ этомъ онъ при концѣ своей жизни; въ предсмертномъ завѣщаніи, жертвуя на монастырь, онъ просилъ „литею править“ по его душѣ, „помянь творить“. На древне-русскомъ языкѣ это называлось помощью своей душѣ. Такъ, напр., въ одномъ изъ актовъ XV в. читаемъ, что пожертвованіями на монастырь умиравшіе „помогали собѣ и своимъ душамъ“¹⁾. Въ обществѣ даже утвердилась мысль, что одно лишь принятіе монашества или хотя бы погребеніе въ монастырской оградѣ значительно ослабляютъ вину грѣховъ и даже даютъ полное имъ прощеніе. Выраженіе этой мысли находимъ въ одномъ изъ посланій м. Фотія и у лѣтописцевъ Кіево-Печерскаго и Псково-Печерскаго монастырей. Отмѣтивъ въ посланіи къ псковичамъ, что многіе во время моровой язвы въ Псковѣ передъ смертію принимали монашество, Фотій говоритъ: „и надѣяніе имѣю на человѣколюбіе Божіе о отходящихъ тако въ вѣчному животу“²⁾. Взглядъ монастырскихъ лѣтописцевъ на значеніе погребенія въ монастырскихъ пещерахъ мы уже имѣли случай привести. Этимъ убѣжденіемъ въ особой спасительности монашества и объясняется широкая распространенность въ древней Руси обычая принимать постриженіе передъ смертію или даже возлагать монашескія одежды на мертваго, если что-либо мѣшало ему постричься при жизни. Приведемъ лишь одинъ примѣръ. Въ описаніи послѣднихъ дней жизни великаго князя Василя Ивановича передается, что за нѣсколько дней до своей смерти онъ обратился къ митр. Данилу съ слѣдующими словами: „аще ли не дадутъ мене постричи, то на мертваго мене положите платье чернечское; бѣ бо издавна желаніе мое“³⁾. Такимъ образомъ, по древне-русскому взгляду монашеская жизнь представляла собою предѣлъ земного усовершенствованія человѣка и лучший путь въ вѣчныя обители.

Неудивительно, если при такомъ высокомъ взглядѣ на значеніе монашества⁴⁾, древне-русскій человѣкъ не могъ удовлетвориться лѣтописными извѣстіями о началѣ монашества на Руси и иначе представлялъ себѣ начальную его исторію. Лѣтописцы полагали нѣкоторый промежутокъ между началомъ христіанства и появленіемъ первыхъ монастырей; они смотрѣли на возникновеніе монастырей, какъ на результатъ болѣе сознательнаго усвоенія вращенными нравственнаго ученія христіанства. Въ лѣтописяхъ отсюда мы не находимъ извѣстій о монастыряхъ при св. Владимірѣ, но зато въ нихъ отмѣченъ фактъ распространенія монашества при

¹⁾ Рус. ист. б-ка, т. VI, № 101, стр. 714.

²⁾ Акты ист., т. I, № 30, стр. 59.

³⁾ Сергѣевичъ В., „Рус. юрид. др.“, т. II, в. II., Сиб. 1896 г., стр. 526.

⁴⁾ Вопросъ о томъ, насколько жизнь монаховъ удовлетворяла такому идеальному взгляду на монашество, для нашей цѣли сейчасъ не имѣетъ значенія. Отрицательные факты будутъ изложены ниже.

Ярославъ, и это событіе поставлено въ связь съ распространеніемъ на Руси христіанства и въ частности съ развитіемъ „прилежанія къ книжному наученію“, о чемъ заботились оба князя. „И при семь (Ярославъ), --- читаемъ въ начальной лѣтописи, — нача вѣра крестыанская плодотися въ Руси и расширятися и черноризци почаша множитися и монастыреве почашу быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы и попы любяша повелику, излиха же бѣ любяче черноризци, в *книгамъ прилежаще*“¹⁾. Но древне-русскій человекъ, обращаясь къ начальнымъ страницамъ исторіи своей христіанской жизни, не могъ ее представить безъ монастыря и монашества, какъ наилучшаго олицетворенія его христіанскихъ идеаловъ; онъ создалъ свою хронологію начальной исторіи монашества въ дополненіе къ хронологіи лѣтописной. По народному преданію, въ Кіевѣ и Новгородѣ монастыри возникли одновременно съ проповѣдію христіанства, на мѣстѣ прежнихъ идольскихъ капищъ (Михайловскій-Кіевскій и Перыньскій-Новгородскій). Къ началу распространенія христіанства относить и ростовское преданіе возникновеніе здѣсь Іоанно-Богословскаго монастыря. Начальная исторія Валаамскаго монашества, по преданію, восходитъ даже во временахъ посѣщенія предѣловъ Руси св. апостоломъ Андреемъ.

То же самое явленіе наблюдаемъ мы въ частности и въ Псковѣ. Первое лѣтописное извѣстіе о монашествѣ помѣщено подь 1156 г.; но по народному преданію первый монастырь возникъ здѣсь еще при благ. княгинѣ Ольгѣ, одновременно съ первою проповѣдію христіанства въ предѣлахъ псковской области. Этого извѣстія не находимъ въ преданіяхъ о св. Ольгѣ, помѣщенныхъ въ Степенной книгѣ. Тамъ говорится лишь объ основаніи княгиніею Пскова и храма во имя св. Троицы. Существующее устное преданіе впервые было записано барономъ Богусевскимъ и содержаніе его помѣщено въ Труд. 3 археол. съѣзда. Въ этомъ преданіи нѣтъ извѣстій ни объ основаніи Ольгою Пскова и троїцкаго храма, ни объ ея административной дѣятельности въ псковской землѣ: установленіи погостовъ и даней. Самое знакомство съ исторіею дѣятельности св. княгини, а равно и съ ея жизнію, очень недостаточное, смутное и сбивчивое. На вопросъ о томъ: кто была св. Ольга, — г. Богусевскому приходилось слышать такой отвѣтъ: „великая колдунья“. Но ограничиваясь родиною Ольги, селомъ Выбуты, и ближайшими къ ней мѣстностями, преданіе очень правдоподобно изображаетъ просвѣтительную дѣятельность здѣсь благ. княгини. Въ Выбутахъ ею была построена церковь, а въ селѣ Покровскомъ, по народному названію: „Вольжиномъ“, расположенномъ въ трехъ верстахъ отъ Выбутъ, — былъ устроенъ монастырь. Дальнѣйшая исторія этого перваго монастыря передается точно также въ правдоподобныхъ чертахъ, хотя и съ фантастическою окраскою. Основанный Ольгою монастырь, будучи осекверненъ Литвою поганой, былъ смытъ рѣкою — провалился въ рѣку. Литовскія нашествія дѣйствительно очень часто сопровождались разореніемъ псковскихъ монастырей и даже уничтоженіемъ

¹⁾ Пол. соб. рус. лѣт., т. I, 106.

нѣкоторыхъ изъ нихъ¹⁾). Но при всей правдоподобности этого разсказа мы, конечно, далеки отъ мысли видѣть въ немъ дѣйствительный историческій фактъ и тѣмъ болѣе заимствовать изъ него хронологическую дату начальной исторіи псковской монастырской жизни. Для насъ содержаніе этого разсказа цѣнно лишь постольку, поскольку оно даетъ право заключить, что и въ Псковѣ въ концѣ XIV в., къ которому относится изслѣдователями начало легендарныхъ сказаній о св. Ольгѣ, былъ такой же высокій взглядъ на значеніе монашества, каковой мы отмѣтили и въ другихъ древне-русскихъ областяхъ.

Обращаясь теперь отъ указаній народной легенды къ болѣе точнымъ историческимъ извѣстіямъ о монашествѣ—лѣтописнымъ, мы находимъ, что въ нихъ начало монашества отнесено сравнительно уже къ позднему времени, къ 50-тымъ годамъ XII ст. Подъ 1156 годомъ въ 1-й нов. лѣтописи упоминается впервые псковскій Спасо-Мирожскій монастырь. За отсутствіемъ историческихъ указаній въ псковскихъ лѣтописяхъ за XI—XII в.в. не представляется возможности выяснить, дѣйствительно ли Спасо-Мирожскій монастырь былъ первымъ монастыремъ въ Псковѣ или здѣсь были и другіе монастыри, основанные ранѣе Мирожскаго. Но если обратить вниманіе на общій порядокъ возникновенія первыхъ монастырей въ древней Руси, то, кажется, не будетъ ошибкою понимать лѣтописное извѣстіе въ первомъ смыслѣ.

Своимъ возникновеніемъ и въ кievской, и въ новгородской Руси монастыри были обязаны преимущественно высшей власти, церковной и гражданской. Первыми строителями монастырей были митрополиты и епархіальные епископы, а также великій и удѣльные князья. Такіе монастыри, основанные, по выраженію лѣтописца: „отъ князей и богатства“, предшествовали монастырямъ, основаннымъ самими иноками, ихъ пощеніемъ и слезами. Послѣдніе появляются въ Кіевѣ уже въ началѣ второй половины XI в., въ Новгородѣ—въ началѣ XII в. (Антонія Рим.). Обращаясь къ исторіи Пскова, увидимъ, что для ранняго появленія здѣсь монастырей не было такихъ благоприятныхъ условій, какъ въ Кіевѣ или Новгородѣ. До конца XVI в. Псковъ не имѣлъ у себя самостоятельнаго епископа и составлялъ собою часть и безъ того обширной по территоріи епархіи новгородской. Вполнѣ понятно, что новгородскіе епископы, занятые преимущественно дѣлами Новгорода, мало могли удѣлять времени и вниманія на удовлетвореніе религиозныхъ нуждъ его пригорода и въ частности на устройство здѣсь монастырей. Такъ по крайней мѣрѣ было позднѣе—со второй половины XII в., когда въ Новгородѣ установился обычай избирать на епископскую кафедру мѣстныхъ уроженцевъ. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ за это время мы встрѣчаемъ неоднократныя извѣстія о построеніи мѣстными владыками въ Новгородѣ своихъ, владычныхъ монастырей, но нѣтъ ни одного указанія о построеніи ими монастырей въ

¹⁾ „Замѣтка о селѣ Выбутахъ, родинѣ св. вел. кн. Ольги российской“. Труды 3 арх. съѣзда, стр. 139—144.

Псковѣ. Вполнѣ возможно, что владычняго монастыря не было въ Псковѣ и въ начальную пору его христіанской жизни.

Но не имѣя своего епископа, Псковъ не имѣлъ въ сущности и своего князя, въ обще-русскомъ значеніи этого слова, какъ постояннаго правителя, тѣсно связаннаго съ Псковомъ общими интересами. Въ пору самостоятельнаго своего существованія Псковъ почти всегда имѣлъ у себя князей; но это были по большей части случайные пришельцы, лишившіеся на своей родинѣ, вслѣдствіе какихъ-либо политическихъ превратностей, удѣла и власти. Мысли и желанія такихъ князей были далеки отъ Пскова: князья ждали лишь благоприятныхъ условій къ возвращенію въ свой удѣлъ, и какъ только послѣднія слагались въ ихъ пользу, немедленно оставляли Псковъ. Мало интересуясь псковскою внутреннею жизнію, псковскіе князья конечно не могли обращать особаго вниманія на такую частную ея сторону, какъ жизнь монастырская. И мы видимъ, что тогда какъ въ другихъ русскихъ областяхъ, съ болѣе постояннымъ составомъ князей, со стороны послѣднихъ наблюдается особая любовь къ постройкѣ фамильныхъ, княжескихъ или, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, „отнихъ“ монастырей, ничего подобнаго до конца XIII в. не было въ Псковѣ. Очевидно, что для князя-пришельца, случайнаго, такъ сказать, гостя, не знавшаго, гдѣ судьба пошлетъ конецъ его скитальческой жизни и кто замѣнитъ его въ Псковѣ, не было особаго побужденія заботиться объ устройствѣ мѣста для вѣчнаго своего упокоенія.

Псковъ имѣлъ у себя князя и въ начальную пору своей христіанской жизни—Судислава; но о его дѣятельности здѣсь не сохранилось никакихъ извѣстій. Если же довѣряться сообщеніямъ Длугоша, что въ пору распределенія св. Владиміромъ удѣловъ Судиславъ былъ еще малолѣтнимъ, то можно сдѣлать выводъ, что онъ не принималъ никакого участія въ первоначальномъ распространеніи въ Псковѣ христіанства¹⁾. Такимъ образомъ вполнѣ вѣроятно, что въ X—XI в.в. въ Псковѣ не было монастырей ни владычныхъ, ни княжескихъ. Изъ сдѣланныхъ же выше замѣчаній о сравнительно позднемъ происхожденіи въ кievской и новгородской Руси частныхъ монастырей слѣдуетъ заключить, что и въ Псковѣ такіе монастыри появились уже позднѣе первой половины XII в., и исторію псковскаго монашества можно, значить, начинать съ лѣтописныхъ извѣстій о Спасо-Мирожскомъ монастырѣ.

Исторія возникновенія и внутренняго устройства этого монастыря не можетъ быть вполнѣ выяснена, вслѣдствіе недостатка точныхъ извѣстій. М. Евгеній возникновеніе Мирожскаго монастыря, на основаніи извѣстія 1 новгородской лѣтописи, относитъ къ 1156 г., а смерть перваго игумена, прещ. Авраамія,—слѣдуя, вѣроятно, монастырской позднѣйшей записи,—къ 1158 г. 24 сентября, „при княженіи въ Псковѣ

¹⁾ Русск. извѣстія Длугоша до 1382 г., по изд. 1711 г., въ извлеченіи помѣщены у Б. Рюмина, „О составѣ рус. лѣт. до XIV в.“, прилож., стр. 83, г. 1005.

Святополка Мстиславича, брата св. благ. князя Всеволода-Гавриила¹⁾, и дѣлаетъ въ данномъ случаѣ хронологическую ошибку, такъ какъ Святополкъ княжилъ въ Псковѣ лишь до 1148 г.²⁾ Ту же дату вслѣдъ за м. Евгениемъ принимаютъ и другіе изслѣдователи: Василевъ, Князевъ и гр. М. Толстой, повторяя и отмѣченную сейчасъ ошибку³⁾. По нашему мнѣнію, 1156-й годъ не можетъ быть принятъ въ качествѣ точной хронологической даты основанія Мирожскаго монастыря, такъ какъ противъ этого говорить уже и самый источникъ, на основаніи котораго сдѣлано это хронологическое опредѣленіе. Въ указанномъ мѣстѣ лѣтописецъ дѣлаетъ общую характеристику церковной дѣятельности епископа Нифонта. По поводу кончины Нифонта въ Новгородѣ распространились было нелепые для владыки толки, будто бы онъ, уходя изъ Новгорода, захватилъ съ собою деньги изъ софійской казны: „полупивъ святую Софію, пошлъ Царюграду“⁴⁾. Лѣтописецъ и доказываетъ всю невѣроятность подобныхъ толковъ. „И много глаголаху на нь,—говорить онъ,—нь себе на грѣхъ. О семь бы разумѣти комуждо насъ: который епископъ тако украси святую Софію, притворы испьса, кивоть створи и всю изьвну украси; а Пльскове святаго Спаса церковь създа камяну, другую въ Ладозѣ св. Климента“⁵⁾. Если считать означенный порядокъ въ описаніи лѣтописца соотвѣтствующимъ и дѣйствительному порядку этихъ событій, то основаніе Мирожскаго монастыря предшествовало, значить, построенію Климентовской церкви въ Ладогѣ. Софійская церковь была подновлена въ 1144 г. и во второй разъ въ 1151 году (стр. 135, 139); Климентовская церковь заложена Нифонтомъ въ 1153 г. (стр. 139). Не позднѣе, значить, 1153 года былъ основанъ и Мирожскій монастырь. Во всякомъ случаѣ хронологическая дата, принятая м. Евгениемъ, не можетъ быть признана точною. А если его упоминаніе о кн. Святополкѣ не просто ошибка, а заимствовано изъ какого-либо источника, неизвѣстнаго теперь, то основаніе монастыря нужно отнести даже не позднѣе, какъ къ 1148 году. Для такой болѣе ранней даты устройства монастыря нѣкоторое подтвержденіе можно найти и въ житіи Нифонта. Біографъ Нифонта полагаетъ значительный промежутокъ между событіями основанія Мирожскаго монастыря и ухода Нифонта въ Кіевъ; онъ говоритъ, что послѣ возвращенія изъ Пскова въ Новгородъ Нифонтъ пробылъ здѣсь „довольно время“ и потомъ уже направился въ Кіевъ⁵⁾. Изъ этихъ словъ можно сдѣлать выводъ, что и въ XVI в. возникновеніе Мирожскаго монастыря относили къ болѣе раннему времени, чѣмъ 1156 годъ.

¹⁾ Ист. кн. пск., III, 99.

²⁾ Бест.—Рюминъ, „Рус. ист.“, ч. I, 364.

³⁾ „Псков. Спасо-Мирож. 3—вл. м-ръ“, стр. 2. „Указ. достоп. г. Пскова“, М. 1858 г., стр. 28. „Святыни и древн. Пскова“, 1861 г., стр. 66. Ратшинъ, „Полн. собр. истор. свѣд. о монаст. въ Россіи“, стр. 449, и др.

⁴⁾ Пол. соб. рус. лѣт., III, 141.

⁵⁾ Пам. ст. рус. лит. Куш.-Безб., в. IV, стр. 4.

Основатель Спасо-Мирожскаго монастыря—святитель Нифонтъ принадлежалъ къ числу знаменитыхъ новгородскихъ владыкъ, заботливо относившихся не только къ внѣшнему благоустройству своей епархіи, но и къ духовному развитію своихъ пасомыхъ. Доводительствомъ этого могутъ служить сохранившіеся его отвѣты на извѣстные вопросы Кирика. Свою заботливость Нифонтъ проявилъ и въ отношеніи къ Мирожскому монастырю. Въ житіи, составленномъ Варлаамомъ, читаемъ, что Нифонтъ: „созда монастырь превеликъ зѣло и честенъ, и оукраси и вельми, и села вдаде многи на оустроение монастырю своему“ (стр. 4). Это богатство внѣшняго устройства Мирожскаго монастыря подтверждается отчасти и недавно открытыми здѣсь фресками, современными построению монастырской церкви. Онѣ свидѣтельствуютъ, что строитель ничего не пожалѣлъ, чтобы этотъ первый въ Псковѣ монастырь и внѣшнимъ своимъ видомъ привлекалъ къ себѣ вниманіе псковскаго общества. Преданіе дополняетъ, что Нифонтъ привлекъ къ участию въ расходахъ на построение обители и псковичей: съ посохомъ и съ чашею, подаренною имъ въ обитель, онъ ходилъ по Пскову и собиралъ пожертвованія на монастырь¹⁾.

Съ одинаковою заботливостью святитель отнесся и къ внутреннему благоустройству обители: „братію собра многу на славословіе Божіе, и старѣйшиною имъ игоуменомъ постави единаго отъ братіи честнаго и свята, и все емоу святыи прѣда строение монастыря своего и попечение еже о паствѣ“ (стр. 4). Біографъ Нифонта ничего не говоритъ, какой именно порядокъ былъ введенъ во вновь устроенномъ монастырѣ, но относительно этого не можетъ быть особыхъ сомнѣній. Нифонтъ былъ постриженникъ Кіево-Печерской обители; онъ прошелъ здѣсь, по свидѣтельству біографа, полный курсъ иноческаго послушанія и, какъ и Симонъ Владимірскій, не порывалъ духовнаго общенія съ мѣстомъ своего постриженія и на епископской каедрѣ. Несомнѣнно, что порядокъ „любимыхъ своихъ отецъ печерскихъ—Антонія и Феодосія“, т. е. кіевское общежитіе, онъ ввелъ и въ Мирожскомъ монастырѣ. Къ сожалѣнію, о внутренней жизни обители не сохранилось никакихъ извѣстій, которыя давали бы возможность точнѣе опредѣлить порядокъ этого монастырскаго общежитія. Мы знаемъ лишь, что и въ XVI в. Мирожскій монастырь считался однимъ изъ четырехъ большихъ общежительныхъ псковскихъ монастырей и что онъ сохранилъ свою самостоятельность, несмотря на массу неблагоприятныхъ условій, зависѣвшихъ, главнымъ образомъ, отъ мѣстоположенія его. Расположенный на открытомъ мѣстѣ, внѣ городской стѣны, Мирожскій монастырь неоднократно подвергался разоренію и опустошенію при нападении на Псковъ нѣмцевъ и литовцевъ. Если, несмотря на это, монастырь успѣвалъ каждый разъ оправиться, то несомнѣнно, что послѣднему способствовали его матеріальная обеспеченность и въ частности тѣ „села многи“, которыя получилъ Мирожскій монастырь при своемъ возникновеніи отъ св. Нифонта. Неизвѣстно,—пользовался ли Ми-

¹⁾ Васильевъ, Псков. Спасо-Мирожскій монастырь, стр. 19.

рожскій монастырь, какъ монастырь по своему происхожденію владычній, помощію новгородскихъ владыкъ, преемниковъ Нифонта, и въ какихъ онъ стоялъ къ нимъ отношеніяхъ. Знаемъ только, что во время своихъ посѣщеній Пскова въ XII вѣвѣ новгородскіе епископы останавливались иногда въ Мирожскомъ монастырѣ. Въ новгородской лѣтописи подѣ 1188 г. находимъ замѣтку о кончинѣ и погребеніи здѣсь іерея Іакова Вояты, прибывшаго въ Псковъ въ свитѣ архіепископа Гавриила¹⁾.

Несомнѣнно, что жизнь монаховъ Мирожскаго монастыря, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка его исторіи, представляла собою свѣтлую сторону, не уклонялась отъ идеаловъ, начертанныхъ ей основателемъ обители. Уже самыя историческія условія, въ которыхъ находилась обитель, предупреждали желавшаго поступить въ число мирожской братіи, что здѣсь онъ не найдетъ для себя покойной, беззаботной жизни. Частыя нападенія на обитель непріятелей не только мѣшали этому покою, но и должны были вызывать у иноговъ мысль о необходимости быть готовыми даже и къ мученической кончинѣ. Примѣръ послѣдняго и представила обитель въ 1299 г. въ лицѣ своего игумена Василя и другихъ монаховъ, убитыхъ нѣмцами²⁾.

И въ XVI в. за Мирожскимъ монастыремъ сохранилось названіе монастыря Нифонта. Когда Богоматерь потребовала къ себѣ строителя мирожскаго Нифонта, то послѣдній, явившись, сказалъ: „яко унылъ есмь госпоже преч. владычице: сего лѣта въ монастыри *моємъ* не бысть ни едина литургія“³⁾.

Мирожскій монастырь въ исторіи псковскаго монашества представляетъ собою первое сѣмя монашества, перенесенное на псковскую почву изъ Кіева умѣлою и заботливою рукою кіево-печерскаго постриженника. Какой же ростокъ дало здѣсь это первое сѣмя, какія были условія для дальнѣйшаго его развитія и какой оно получило здѣсь характеръ? Вотъ вопросы, которые требуютъ для себя разъясненія.

Въ псковскихъ лѣтописяхъ за періодъ отъ конца XIII в. до второй половины XVI в. находимъ указанія о существованіи въ Псковѣ по крайней мѣрѣ около 30 монастырей. Но этотъ перечень, при случайности лѣтописныхъ упоминаній о монастыряхъ, не совсѣмъ полный. Пропуски замѣчены нами даже по отношенію къ болѣе или менѣе извѣстнымъ монастырямъ, расположеннымъ притомъ вблизи Пскова. Пользуясь кромѣ лѣтописныхъ извѣстій указаніями актовъ и друг. монастырскихъ документовъ, м. Евгений въ одномъ только Псковѣ за періодъ отъ XIII до конца XVII в. насчитываетъ около 50 монастырей⁴⁾. Конечно, нельзя думать, чтобы число монастырей за каждый отдѣльный вѣкъ соотвѣтствовало этой общей цифрѣ. Несомнѣнно, что на ряду съ возникновеніемъ новыхъ были

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт., III, 162.

²⁾ Пол. соб. рус. лѣт., IV, 182.

³⁾ Рук. арх. б-ки, № 212/145, л. 206 об.

⁴⁾ Ист. кн. псков., III, 117—133.

случаи прекращенія существованія прежнихъ монастырей, и такимъ образомъ количество монастырей въ каждый отдѣльный вѣкъ было меньше этого общаго ихъ числа. Но и уменьшая указанныя цифры, мы должны заключить, что монастырская жизнь сдѣлала здѣсь, повидимому, очень замѣтные успѣхи въ своемъ развитіи. Такой выводъ нужно сдѣлать, основываясь на статистическихъ данныхъ. Но историческія извѣстія о внутреннемъ устройствѣ древне-русскихъ монастырей въ значительной степени понижаютъ цѣнность этихъ статистическихъ показаній. Доказано въ исторической литературѣ, что количеству монастырей въ древней Руси вовсе не соответствовало число иноковъ, населявшихъ эти монастыри. Монастырское братство въ древне-русскихъ монастыряхъ было обычно очень не многочисленное. Такъ, въ новгородско-псковской епархіи въ началѣ XVI в., какъ показываетъ лѣтописная замѣтка подъ 1528 г., даже „лучшіе“, благоустроенные монастыри имѣли не болѣе 6 или 7 монаховъ, а въ „прочихъ“, неблагоустроенныхъ, братство состояло всего изъ какихъ-либо двухъ-трехъ человекъ¹⁾. Такимъ образомъ, количество монастырей само по себѣ не только не даетъ права заключить о соответствующей ему численности монаховъ, но не объясняетъ даже намъ, въ какой степени было развито въ обществѣ въ тотъ или другой періодъ расположеніе въ монашеской жизни. Малочисленность монастырскихъ братствъ, по сравненію съ количествомъ существовавшихъ монастырей, говоритъ скорѣе за то, что наличность послѣднихъ не обуславливалась дѣйствительно въ нихъ потребностію. Для объясненія этого противорѣчія нужно обратить вниманіе на типы старинныхъ псковскихъ монастырей.

Какъ указано уже выше, здѣсь не было монастырей владычныхъ, за исключеніемъ Мирожскаго, а равнымъ образомъ не могли получить для себя большой распространенности и монастыри княжескіе. За весь періодъ монастырской исторіи отъ XIII в. по XVI в. мы встрѣчаемъ лишь два княжескихъ монастыря: Рождества Богородицы Довмантовскій и Іоанно-Предтечевъ, иначе Ивановскій на Завеличѣ, оба женскіе, изъ которыхъ первый основанъ въ продолжительное княженіе въ Псковѣ бл. князя Довмонта. О Довмантовскомъ монастырѣ не сохранилось какихъ-либо извѣстій, поясняющихъ его исторію. По опредѣленію м. Евгенія, онъ построенъ въ XIII в. вн. Довмонтомъ и существовалъ до XVII ст.²⁾ Больше сравнительно свѣдѣній сохранилось объ Ивановскомъ монастырѣ. Онъ основанъ въ первой половинѣ XIII ст. супругою псковскаго князя Ярослава Владиміровича Евфросиніею, въ иночествѣ Евпраксіею. Подъ 1243 г. 18 мая встрѣчается въ I нов. лѣтописи первое извѣстіе объ Ивановскомъ монастырѣ по поводу чудеснаго истеченія мира отъ иконы Спасителя, стоявшей надъ гробомъ благов. княгини. Событіе это случилось, значитъ, послѣ смерти княгини инокини, но чрезъ сколько времени послѣ устройства монастыря—неизвѣстно.

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт., VI. 284.

²⁾ Ист. кн. пск., III, 117—118.

Основательница монастыря была, по преданію, и первою его настоятельницею. Какъ можно судить по сохранившейся до настоящаго времени церкви Іоанна Предтечи, современной основанію монастыря, этотъ княжескій монастырь представлялъ собою съ внѣшней стороны обитель вполне благоустроенную. Очевидно, что строительница не пожалѣла средствъ для благоустройства своей обители. Въ томъ же XIII в. благосостоянію монастыря много способствовало покровительство со стороны благ. князя Довмонта и особенно его супруги Марѣы. Изъ монастырскихъ актовъ узнаемъ, что князь и княгиня пожертвовали на монастырь различныя земельныя угодья въ пригородѣ Гдовѣ. Послѣ же кончины супруга, благ. Марѣа и совсѣмъ перешла на жительство въ монастырь, постриглась здѣсь въ монашество и скончалась, по преданію, въ 1300 г.¹⁾ Третьею благотворительницею монастыря и его постриженницею была какая то княгиня Наталія, по преданію невѣстка Марѣы, супруга князя Давида Довмонтовича²⁾. Такимъ образомъ, Ивановскій монастырь въ XIII в. находился подъ покровительствомъ княжеской семьи Довмонта и былъ, такъ сказать, монастыремъ псковскихъ княгинь. И впоследствии, въ XV—XVI в.в., онъ служилъ для псковскихъ княгинь мѣстомъ ихъ постриженія и погребенія. Такъ, напр., въ 1487 г. въ Ивановскомъ монастырѣ была погребена, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, супруга Ярослава, умершая во время свирѣпствовавшей тогда моровой язвы³⁾. Въ псковскихъ синодихахъ упоминаются имена 12-ти княгинь-инокинь, погребенныхъ въ Ивановскомъ монастырѣ⁴⁾. Синодихъ Мирожскаго монастыря первою княгинею, погребенною здѣсь, называетъ благов. Ольгу российскую (стр. 132). Всѣ подобные случаи постриженія и погребенія въ монастырѣ псковскихъ княгинь несомнѣнно должны были способствовать благосостоянію этой княжеской обители. По крайней мѣрѣ, какъ извѣстно изъ лѣтописи кievской, при постриженіи княгинь существовалъ обычай давать имъ „надѣлокъ много“; нужно думать, что обычай этотъ соблюдался и въ Псковѣ⁵⁾. Вѣроятно, что еще и при жизни псковскія княгини благотворили Ивановской обители въ память о ея строительницѣ, которая почиталась въ Псковѣ за святую. За матеріальную обезпеченность Ивановскаго монастыря говорить и тотъ фактъ, что, находясь въ такихъ же неблагопріятныхъ условіяхъ по своему мѣстоположенію, какъ и монастырь Мирожскій, онъ, подобно послѣднему, сохранилъ свою самостоятельность. Обезпеченности монастыря, кромѣ поддержки со стороны мѣстныхъ княгинь, могъ способствовать и фактъ ранняго (1243 г.) явленія здѣсь чудотворной иконы, несомнѣнно привлекавшей въ монастырь пожертвованія христіанцевъ.

¹⁾ Описан. Іоан. Предт. м-ря, изд. 2.. Спб. 1874 г., стр. 34.

²⁾ ib., стр. 35.

³⁾ Полн. собр. рус. лѣт., IV, 267.

⁴⁾ Описаніе..., стр. 37.

⁵⁾ Пол. собр. рус. лѣт., I, 6736 г., стр. 191.

О внутреннемъ устройствѣ монастыря не сохранилось извѣстій. Вѣроятно, что Ивановскій монастырь былъ устроенъ по общему типу тогдашнихъ княжескихъ монастырей и въ частности по образцу монастыря св. Евфросиніи Полоцкой, имя которой носила въ мірѣ благочестивая псковская княгиня. Но было-ли здѣсь введено общежитіе и какъ многочисленно было стадо первыхъ черноризицъ,—никакихъ свѣдѣній не имѣемъ.

Владычнiе и княжескіе монастыри въ древней Руси являются самыми благоустроенными и обеспеченными. Такими были и псковскіе монастыри—Мирожскій и Ивановскій. Но какъ уже сказано, эти типы монастырей въ Псковѣ не могли получить для себя особой распространенности. Къѣмъ же и какъ основывались другіе псковскіе монастыри и что они представляли собою по внутреннему своему устройству?

Въ мѣстныхъ лѣтописяхъ по этимъ вопросамъ мы не находимъ точныхъ разъясненій. Здѣсь обычно упоминается лишь о построеніи церквей въ монастыряхъ, а не объ основаніи самихъ монастырей. Только подъ 1421 г. находимъ замѣтку объ одновременномъ устроеніи церкви и монастыря на землѣ, подаренной каѣмъ-то монахомъ Порфиріемъ. „Того же лѣта,—читаемъ въ лѣтописи,—Перхурей чернецъ Сопешка даде мѣсто земли и поставиша церковь святое Благовѣщеніе, и устроиша манастырь женьскый въ Песвахъ“¹⁾. Въ первой псковской лѣтописи говорится впрочемъ лишь о построеніи церкви, безъ упоминанія объ устройствѣ монастыря²⁾. Изъ этихъ выраженій: „поставиша церковь“, „устроиша манастырь“, можно заключить, что построеніе новыхъ монастырей было дѣломъ общественнымъ. Монастыри ставились на общественныя средства, съ общаго согласія жителей. Иногда строителемъ церкви въ монастырѣ называется посадникъ, напр., подъ 1395 и 1398 гг.³⁾. Эти извѣстія вѣрнѣе будетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что посадникъ строилъ церковь на свой счетъ, а въ томъ, что онъ лишь завѣдывалъ постройкою, которая производилась на средства общества. О большинствѣ псковскихъ городскихъ монастырей можно, такимъ образомъ, сказать то же самое, что говорится въ одномъ изъ актовъ о монастырѣ Никольскомъ Великорѣдкомъ: „строеніе деи тотъ монастырь Николы Великорѣдцаго Чудотворца мирское“⁴⁾. Мирского строенія были и монастыри псковскіе.

Но приписывая главное участіе въ основаніи монастырей свѣтскому обществу, нельзя, конечно, думать, чтобы, устраивая монастырь, оно же заботилось и о сформированіи монастырскаго братства. Наоборотъ, самый починъ къ устройству монастыря шелъ отъ отдѣльныхъ членовъ общества, расположенныхъ къ монашеской жизни, но не имѣвшихъ почему-либо возможности поступить въ братство одного изъ существовавшихъ уже

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт., V, 23.

²⁾ *ib.*, т. IV, стр. 203, 1419 г. Быть можетъ, монастырь былъ устроенъ черезъ два года послѣ построенія церкви.

³⁾ *ib.*, 194, 195.

⁴⁾ А. А. Э., т. I, № 364, стр. 448—449.

монастырей. Ниже мы увидимъ, что поступленіе въ монастырь въ древнее время было не для всѣхъ легко. При невозможности же поступить въ монастырь, человѣку, аскетически настроенному, ничего не оставалось другого, какъ вести монашескій образъ жизни въ мірѣ. Но для этого нужно было измѣнить нѣсколько условія домашней жизни, удалиться отъ мірскаго шума. Въ цѣляхъ уединенія ставились особыя келіи, по образцу монастырскихъ, и такъ какъ главнымъ желаніемъ такого монашески-настроеннаго аскета было имѣть возможность неопустительно посѣщать богослуженіе, то и мѣсто для постройки келіи выбиралось вблизи церкви. За первую келію появлялись другая, третья, и онѣ полагали собою начало монастырю¹⁾. Въ келіяхъ близъ церкви сидели какъ мужчины, такъ и женщины; отсюда и произошли такъ называемые смѣшанные монастыри—мужеско-женскіе. О существованіи такихъ монастырей въ Псковѣ имѣемъ свѣдѣнія въ посланіи м. Симона, помѣщенномъ въ лѣтописи подъ 1504 г.²⁾ Если монастырь образовывался при существовавшей уже приходской церкви³⁾, то послѣдняя не измѣняла своего характера: келліоты представляли собою лишь особый видъ прихожанъ и жили главнымъ образомъ на пожертвованія прихожанъ-мірянъ. Но то же самое было и въ томъ случаѣ, если церковь возникала уже послѣ устройства келій. Въ древней Руси приходы существовали и при большихъ монастыряхъ. Въ настольной грамотѣ игумену Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря Іоанну, отъ 1506 г., читаемъ: „и вы, дѣти мои; священноиноцы и старцы того монастыря и всѣ православные хрестьяне, еже есть приходъ тоа пречестныя обители, того отца своего Ивана, учителя и пастыря и наставника, почитайте и слушайте во всемъ и повинуйтесь ему по Божѣ духовнѣ и тѣлеснѣ“⁴⁾. Несомнѣнно, что при монастыряхъ маленькихъ приходы представляли собою обычное явленіе. Вся разница монастырскихъ церквей отъ приходскихъ заключалась, вѣроятно, лишь въ томъ, что тогда какъ въ послѣднихъ церковныя должности занимались бѣлымъ духовенствомъ, въ первыхъ онѣ были заняты духовенствомъ чернымъ—игуменами и священноиноками. Такихъ полу-монастырей появлялось много, такъ какъ общество, особенно въ начальную пору христіанской своей жизни, съ сочувствіемъ относилось къ добровольнымъ подвижникамъ, выходящимъ изъ его же среды. Молитва за другихъ, остававшихся въ мірѣ, забота объ ихъ духовномъ спасеніи, несомнѣнно, цѣнились мірянами и располагали послѣднихъ къ пожертвованіямъ въ пользу келліотовъ. До XVI вѣка устройство келліотскихъ монастырей не встрѣчало для себя препятствій и со стороны высшей церковной власти.

Такимъ упрощеннымъ путемъ возникло, несомнѣнно, большинство псковскихъ городскихъ монастырей, но судьба ихъ была неодинаковая.

¹⁾ Никитскій, Очеркъ внутр. ист. Пскова, стр. 205.

²⁾ Полн. соб. рус. лѣт., IV, 278.

³⁾ ib., т. III, 220 и 247.

⁴⁾ А. юр., изд. Арх. Ком., Спб. 1838 г., т. I, № 381, стр. 401—402.

Одни изъ монастырей какъ скоро возникали, такъ же скоро и прекращали свое существованіе, оттого всѣ извѣстія о нихъ и ограничиваются лишь единичными лѣтописными замѣтками. Другіе, при благоприятныхъ условіяхъ, существовали продолжительное время, постепенно изъ монастыря-приходской церкви преобразовывались въ собственномъ смыслѣ въ монастырь. Къ числу послѣднихъ можно, напр., отнести существующій и въ настоящее время Старовознесенскій женскій монастырь, первое извѣстіе о которомъ находимъ въ псковской лѣтописи подъ 1419 г. Въ лѣтописяхъ Старовознесенскій монастырь упоминается очень часто, какъ одинъ изъ пунктовъ встрѣчи псковичами владыкъ и князей; но о внутреннемъ устройствѣ этого монастыря, равно какъ и о времени построения въ немъ церкви, не сохранилось точныхъ извѣстій. Общежитіе въ немъ было введено уже въ позднѣйшее время, и вѣроятно, что въ древнюю пору это былъ монастырь келліотскій.

Келліотство, по мнѣнію изслѣдователей, не представляло собою мѣстнаго русскаго изобрѣтенія. Оно было заимствовано изъ Греціи и въ древней Руси получило для себя широкое развитіе. О характерѣ жизни келліотовъ за древнѣйшее время не сохранилось свѣдѣній. Но само собою понятно, что въ устройствѣ этихъ въ несобственномъ смыслѣ монастырей мы напрасно стали бы искать слѣдовъ вліянія кіевскаго общежительнаго порядка, занесеннаго въ Псковъ св. Нифонтомъ, или мѣстныхъ какихъ-либо монастырскихъ порядковъ и типичныхъ особенностей. И по монастырскимъ правиламъ: „велія устава не имать“¹⁾). Но не только устава, а и вообще какой-либо организациі не могъ имѣть монастырь, состоявшій изъ двухъ-трехъ монаховъ; въ частности не могло быть въ немъ общежитія. Въ XVI в. жизнь монаховъ-келліотовъ представляла собою явленіе довольно неприглядное; она вызывала неудовольствіе въ высшихъ сферахъ и строгое осужденіе со стороны истинныхъ монаховъ отшельниковъ. Преп. Нилъ Сорскій въ келліотствѣ видѣлъ четвертый, новоизобрѣтенный типъ монашескаго житія, не имѣвшій для себя никакого основанія въ правилахъ восточной аскетики²⁾).

По свидѣтельству новгородскаго лѣтописца, монахи маленькихъ монастырей жили „особь койждо себѣ въ келіяхъ ядяху“. При отсутствіи общежитія не могло здѣсь соблюдаться и правило объ иноческой нестяжательности. Наоборотъ, монахи, „стяжаніе съ попеченіемъ гоня“, „всякими житейскими печалми одержими бяху“³⁾). По свидѣтельству псковскаго лѣтописца, въ погонѣ за приобрѣтеніемъ, они нерѣдко выступали на вѣчѣ и давали здѣсь поводъ къ смутамъ и незаконнымъ постановленіямъ⁴⁾). Но очень возможно, что такая характеристика не совсѣмъ будетъ

¹⁾ Рук. Унд., № 52, л. 365.

²⁾ Преп. Нила Сорскаго преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ, М. 1849 г., стр. XXI—XXII.

³⁾ Полн. собр. рус. лѣт., VI, 1528 г., стр. 284.

⁴⁾ *ib.*, т. IV, 237—238.

справедлива по отношенію къ раннѣйшей исторіи особножитныхъ монастырей. Въ ихъ жизни несомнѣнно была и свѣтлая сторона, иначе мы не можемъ объяснить того участія, съ которымъ относилось къ такимъ монастырямъ свѣтское общество.

Особножитные монастыри продолжали свое существованіе въ предѣлахъ новгородско-псковской епархіи до реформы 1528 г. м. Макарія. Съ этого времени началось ограниченіе числа этихъ монастырей. Но они не прекратили своего существованія и въ XVII вѣвѣ.

Большее значеніе для изученія мѣстныхъ чертъ монастырской жизни могутъ имѣть монастыри въ собственномъ смыслѣ, основанные частными лицами, по личной инициативѣ, на личныя ихъ средства. Уже по самому происхожденію такіе монастыри могли стоять въ меньшей зависимости отъ высшей власти, церковной и гражданской, чѣмъ монастыри владычніе или княжескіе, и отъ вліянія на монастырскую жизнь общества, какъ это было въ монастыряхъ „мірскаго строенія“. Строитель монастыря, обычно и первый его настоятель, могъ вполне свободно выбрать извѣстный уставъ жизни и сдѣлать то или иное измѣненіе въ немъ, примѣнительно къ частнымъ условіямъ быта его монастыря. Имущественная обеспеченность подобныхъ монастырей, о чемъ заботились ихъ основатели, давала возможность и послѣ кончины основателя свободному развитію монастырской жизни въ намѣченныхъ для нея формахъ, внѣ сторонняго вліянія.

Внутренній бытъ этихъ монастырей мы можемъ прослѣдить,—хотя и не во всѣхъ деталяхъ,—на исторіи Свѣтогорскаго Рождества Богородицы монастыря.

Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ не сохранилось точной хронологической даты объ основаніи Свѣтогорскаго монастыря. Впервые онъ упоминается въ лѣтописной замѣткѣ подъ 1299 г. о мученической кончинѣ свѣтогорскаго игумена Иоасафа¹⁾. Очень вѣроятно, что этотъ Иоасафъ, называемый въ псковскихъ синодикахъ первымъ свѣтогорскимъ игуменомъ, и былъ его основателемъ. Во всякомъ случаѣ объ основаніи Свѣтогорскаго монастыря частнымъ лицомъ говоритъ грамота архіеп. Діонисія Суздальскаго, отъ 1382 года. Въ ней находимъ извѣстіе, что „жититоръ сего честнаго монастыря, рекше создатель, создавъ сій монастырь и братью совокупивъ, и уставъ въведе св. отецъ общее житіе“²⁾. Названіе монастыря Свѣтогорскимъ, по объясненію м. Евгенія, произошло отъ того, что мѣсто, занимаемое монастыремъ на правомъ берегу рѣки Великой, издавна славилось уловомъ свѣтка³⁾. Рыбныя ловли составляли, вѣжета, главную статью монастырскаго хозяйства. По крайней мѣрѣ еще въ XIV в. монастырь имѣлъ свое подворье въ рыбныхъ городскихъ рядахъ, а въ позднѣйшихъ памятникѣхъ упоминаются и монастырскія здѣсь лавки и шалаши.

¹⁾ Пол. собр. рус. лѣт., IV, 182.

²⁾ Рус. ист. 6-ка, т. VI, № 24, стр. 210.

³⁾ Ист. кн. пск., III, 87.

За первоначальную обеспеченность монастыря говорить уже фактъ ранней (въ 1310 г.) постройки здѣсь каменной церкви, а равно и неоднократныя упоминанія лѣтописца о производствѣ въ монастырѣ каменныхъ построекъ, требовавшихъ, конечно, значительныхъ средствъ¹⁾. Богатымъ считался Свѣтогорскій монастырь и въ XVI в.; въ перечнѣ большихъ псковскихъ монастырей онъ занимаетъ первое мѣсто²⁾. Какъ вполне обеспеченный и благоустроенный, Свѣтогорскій монастырь служилъ иногда мѣстомъ остановки для новгородскихъ владыкъ и почетныхъ псковскихъ гостей, вродѣ великокняжеской невѣсты Софіи Ѳоминышны³⁾. Въ 1477 г. новг. архіепископъ Теофилъ подарилъ въ свой пріездъ въ Псковъ Свѣтогорскому монастырю часы „самозвонныя“, которыя предназначались сначала для троїцкаго собора. Таковой необычный въ исторіи псковскаго монашества фактъ вниманія со стороны новгор. архіепископа объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что и самъ владыка получалъ отъ Свѣтогорскаго монастыря хорошіе подарки⁴⁾. Большимъ вниманіемъ пользовался Свѣтогорскій монастырь и со стороны псковскаго общества. Въ немъ постригались нѣкоторые высокопоставленныя лица изъ псковскаго общества, напр., князь Теодоръ Александровичъ⁵⁾; въ немъ начали свою иноческую жизнь и два знаменитыхъ псковскихъ подвижника—Евфросинъ и Савва Крыпецкій.

На ряду съ внѣшнимъ благоустройствомъ Свѣтогорскій монастырь съ самаго начала своего существованія отличался и благоустройствомъ внутреннимъ. По свидѣтельству грамоты архіеп. Діонисія, основатель не только ввелъ здѣсь общежительный порядокъ, но и позаботился, чтобы и послѣ его кончины этотъ порядокъ строго соблюдался въ монастырѣ. „Многимъ наказаніемъ извѣстивъ и клятвами утвердивъ, еже есть на спасеніе душамъ челоувѣчьскимъ, пребывающимъ въ монастыри семь“,—говоритъ архіеп. Діонисій. Вѣроятно же всего, что порядокъ общежитія былъ заимствованъ основателемъ Свѣтогорскаго монастыря отъ монастыря Спасо-Мирожскаго; но рѣшить этотъ вопросъ точнѣе нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что и въ указаніяхъ о дѣятельности свѣтогорскаго ктитора встрѣчаемъ много неяснаго и неопредѣленнаго. По словамъ архіеп. Діонисія, его грамота представляла собою лишь подновленіе и подтвержденіе правилъ основателя обители,—изъ чего можно бы заключить, что послѣднимъ былъ данъ монастырю письменный уставъ⁶⁾. Но изъ посланія въ монастырь м. Фотія, выражавшаго желаніе: „видити того ктитора уставъ“, узнаемъ, что, по словамъ свѣтогорскихъ монаховъ, въ монастырѣ никакого письменнаго

¹⁾ Пол. соб. рус. лѣт., IV, 184, 192, 213, 293.

²⁾ Грамота Іоанна Грозн. отъ 1555 г., въ Ист. кн. пск., ч. II, прилож., № XII, 89 и слѣд.

³⁾ Пол. соб. рус. лѣт., IV, 230, 245.

⁴⁾ *ib.*, 254.

⁵⁾ Пол. соб. рус. лѣт., IV, 6927 г., стр. 202—203.

⁶⁾ Рус. ист. 6-ка, т. VI, № 24, стр. 210.

устава и не бывало. „А повѣдаете ми,—писалъ Фотій,—и пишете, что того устава ктиторова у васъ написанаго и не было“¹⁾. Получается такимъ образомъ противорѣчiе въ словахъ Діонисія и снѣтогорскихъ монаховъ, жаловавшихся на „тягость“ постановленій суздальскаго архіепископа. Вѣроятно, что основатель монастыря не оставилъ полного письменнаго устава, а лишь по примѣру другихъ русскихъ основателей монастырей написалъ духовное завѣщаніе, которое въ концѣ XIV—началѣ XV в. было уже утрачено. Какъ бы то ни было, но приведенное заявленіе снѣтогорскихъ монаховъ ясно говоритъ, что въ XIV вѣкѣ жизнь иноковъ Снѣтогорскаго монастыря шла безъ всякаго письменнаго устава. Вполнѣ понятно, если она въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи получила не совсѣмъ правильныя и не совсѣмъ обычныя формы.

Нельзя сказать, чтобы отсутствіе письменнаго устава сопровождалось полнымъ забвеніемъ общежительныхъ началъ, введенныхъ основателемъ обители. По словамъ Діонисія, и въ концѣ XIV в. Снѣтогорскій монастырь продолжалъ быть монастыремъ „общеживущимъ“ (общежительнымъ), только въ порядкѣ общежитія вералось много недостатковъ: монахи жили, „ово творяща, ово же оставляюща о божественномъ общемъ житіи и о свершеніи мнишьскаго устава и о высотѣ безстрастія“ (стр. 206). Главную особенность и вмѣстѣ главный недостатокъ въ монастырскомъ устройствѣ составлялъ распространенный тогда въ Псковѣ обычай дѣлать вклады при поступленіи въ монастырь. Обычай этотъ не былъ отличительною особенностію только псковской монастырской жизни. Владничество было распространено и на Востокѣ, у насъ же въ древней Руси, по изслѣдованіямъ проф. Голубинскаго, оно имѣло мѣсто еще въ начальную пору исторіи монашества, въ періодъ до-монгольскій²⁾. Сохранившіеся историческіе памятники о снѣтогорской жизни въ своемъ содержаніи не даютъ какихъ-либо новыхъ данныхъ для характеристики этой особенности монастырскаго быта, но они полнѣе изображаютъ намъ отдѣльныя ея черты. Прежде всего, уставъ постриженника Снѣтогорскаго монастыря, преп. Евфросина, свидѣтельствуетъ, что владничество въ Снѣтогорскомъ монастырѣ получило характеръ чего-то обязательнаго, на инока, принятаго „за богорада“, безъ вклада, остальные монахи смотрѣли съ укориною, какъ бы не признавали его полноправности въ монастырской общинѣ³⁾. Съ другой стороны, монахъ-владчикъ считалъ себя въ монастырѣ вполнѣ самостоятельнымъ человѣкомъ, былъ убѣжденъ, что онъ ѣсть и пьетъ въ монастырѣ „свою силу“, т. е. живетъ на свои средства, не обаяваясь монастырю, и въ правѣ не обращать вниманія на требованія монастырскаго устава⁴⁾. Въ основаніи такого убѣжденія былъ взглядъ на вкладъ, какъ на личную собственность, переданную въ завѣдываніе монастырю на условіяхъ полученія

1) *ib.*, № 46, отъ 1418 г., стр. 393.

2) *Ист. рус. цер.*, т. 1., 2 пол., стр. 604 и слѣд.

3) *Рук. фонд. 6-ки М. Д. А.*, № 205, л. 234, глава: „о оукорехъ братіи“.

4) *ib.*, гл. „о вкупѣхъ“.

отъ него содержанія. Пользуясь деньгами владчика, монастырь не имѣлъ права присвоить ихъ себѣ или израсходовать хотя бы часть вклада. Вне-сенный капиталъ долженъ былъ оставаться полностью, и въ пользу мона-стыря поступали лишь проценты, которые получались съ тѣхъ или дру-гихъ операций надъ вкладомъ¹⁾. Таковъ былъ взглядъ самихъ монаховъ-влад-чиковъ. При нежеланіи оставаться въ монастырѣ, они требовали возвра-щенія своего вклада полностью, примѣръ чего увидимъ ниже, въ рассказѣ биографа Евфросина о черноризцѣ Кононѣ²⁾. Разумѣется, что для мона-стыря составляло существенную выгоду пользоваться вкладами возможно продолжительное время, и потому монастырское начальство неохотно воз-вращало вкладъ, если монахъ-владчикъ выходилъ изъ монастырской общины. Но по распространенному тогда взгляду таковой поступокъ со стороны монастырскаго начальства не имѣлъ для себя законной почвы, былъ лишь злоупотребленіемъ. Монахъ-владчикъ, при нежеланіи оста-ваться въ монастырѣ, могъ прямо сказать настоятелю: „не требую къ сему жити у тебе, и отдай иже сребро мое, и иду паки собѣ, амо же хочу“³⁾. Если же его требованіе не исполнялось, то онъ обращался съ жалобой на монастырское начальство въ свѣтскій судъ. Посланія въ Снѣтогорскій монастырь м. Фотія и арх. новг. Симеона, а также уставъ преп. Евфро-сина таковой порядковъ дѣла представляютъ обычнымъ явленіемъ; и это свидѣтельствуемъ, что свѣтскій законъ: „мірской судъ“, признавалъ такіе взгляды монаховъ-владчиковъ исполнѣ правильными⁴⁾. Такимъ образомъ, вкладъ не всегда былъ пожизненнымъ, а зависѣлъ лишь отъ того, сколько времени оставался владчикъ въ монастырской общинѣ. Естественно бы ожидать, что вкладъ переходилъ въ полную монастырскую собственность послѣ смерти владчика, какъ плата за его поминованіе. Но посланіе арх. Симеона не подтверждаетъ и этого. Здѣсь мы читаемъ: „а который чернецъ преставится того монастыря, ино что ни осталось того чернца, ино все то святыя Богородица и тоя святыя обители и братейское, а мірстїи людіе къ тому да не приобщаются“⁵⁾. Значить, родственники умершаго владчика „приобщались“ къ его вкладу, предъявляли свои права на оставшееся имущество, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда влад-чикъ умиралъ, не сдѣлавъ завѣщанія въ пользу монастыря.

Не сохранилось извѣстій, какъ великъ былъ размѣръ владовъ въ Снѣтогорскомъ монастырѣ и существовали ли какія-либо опредѣленные условія, въ видѣ письменнаго контракта, между монастыремъ и каждымъ

1) Въ древнихъ восточныхъ монастыряхъ, какъ видно изъ устава преп. Іоанна Кассіана, вкладъ не сохранялся полностью, а расходовался на мона-стырскія нужды. Объ этомъ см. у пр. Теофана, „Древніе иноческіе уставы“.., М. 1892 г., стр. 104—105 и 557.

2) Пам. ст. рус. лит., IV, 75—76.

3) *ib.*, стр. 75.

4) Рус. ист. 6-ка, VI, № 46, стр. 400, № 45, стр. 389, 390, 391. Рук. № 205, гл. „о мірскомъ судѣ“, см. въ приложеніяхъ.

5) Рус. ист. 6-ка, т. VI, № 45, стр. 390.

изъ монаховъ-владчиковъ. Разъ монастырь пользовался лишь процентами изъ денегъ владчика и изъ этихъ процентовъ долженъ былъ еще доставлять ему полное содержаніе, то несомнѣнно, что размѣръ вкладовъ былъ значительный. Что же касается условій, то вѣроятнѣе всего, что они основывались на обычномъ порядкѣ, а не носили характера письменныхъ обязательствъ; иначе и не могли бы возникать судебныя дѣла. Впрочемъ, свѣдѣнія о другомъ видѣ монастырскихъ вкладовъ представляютъ возможными и наличность обязательствъ послѣдняго рода.

Въ русскихъ монастыряхъ, по примѣру монастырей восточныхъ, кромѣ владчиковъ-монаховъ были еще владчики-міряне. Послѣдніе, по мнѣнію проф. Никитскаго, принадлежали по преимуществу къ классу людей малосостоятельныхъ, руководившихся въ данномъ случаѣ желаніемъ обезпечить свое земное существованіе. Внося вкладъ, они не отрѣшались отъ міра и отъ своихъ мірскихъ занятій, но въ то же время гарантировали себѣ право на пожизненное полученіе изъ монастыря содержанія, которое шло въ послѣднемъ на долю чернецовъ¹⁾. Ихъ нужно, значить, отличать отъ владчиковъ, дѣлавшихъ въ монастыри взносы за запись на поминаненіе послѣ смерти. Съ такими владчиками-мірянами мы встрѣчаемся и въ памятникахъ мѣстной монастырской исторіи, только уже въ позднѣйшій ея періодъ. Такъ, напр., въ 1697 г. посадскій человекъ Иванъ Андреяновъ отдалъ въ Любатовскій монастырь половину своей лавки „за вкладъ, за десять рублей“, съ условіемъ, чтобы игумень и монастырская братія выдали ему „вкладную за руками за тѣ деньги“. Въ поступной записи онъ предоставилъ право получить монастырю и другую половину лавки послѣ своей смерти, если только монастырь на свой счетъ похоронитъ его и будетъ помянать. Но если это условіе не будетъ выполнено монастыремъ, то вторая половина лавки должна перейти въ собственность того,—какъ выражается владчикъ: „кто меня погребетъ и помянетъ“²⁾. Изъ исторіи новгородскаго монашества узнаемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мірянинъ-владчикъ просто переходилъ на житье въ монастырь, не принимая постриженія. Въ томъ же XVII в. архимандритъ и братія Хутынскаго монастыря выдали владчику дворянину Пестрикову особое „писаніе“ на жительство его въ монастырѣ и на поминаненіе его послѣ смерти. Монахи обязывались записать Пестрикова въ литію и синодикъ, похоронить его на монастырскомъ кладбищѣ,—„да и отъ сихъ нѣкую утѣху прииметъ душа его“,—и предоставляли ему право жить до смерти въ монастырѣ, „питая тѣло свое крупицы избывающими отъ святыхъ ихъ трапезы“. За собою они оставляли право постричь его въ монахи, если по своей жизни онъ окажется достойнымъ ангельскаго чина, или оставить въ мірскомъ званіи³⁾.

1) Очеркъ внутр. ист. церкви въ Вел. Новгородѣ, Спб. 1879 г., стр. 88.

2) Пск. Губ. Вѣд., 1871 г., № 30.

3) Акты, относ. до юрид. быта др. Россіи, Спб. 1859 г., т. I, № 237, отъ 1691 г., стр. 732—733.

Подобныхъ владчиковъ-мирянъ въ монастыряхъ было много. По крайней мѣрѣ, псковскіе акты XVII в. обычно отличаютъ съ одной стороны настоятеля и братію, съ другой владчиковъ¹⁾.

Среди владчиковъ-мирянъ были и такіе, которые вступали въ монастырскую общину, не дѣлая денежныхъ взносовъ, а вмѣсто этого брали на себя исполненіе тѣхъ или другихъ обязанностей по монастырскимъ дѣламъ. Такъ, въ актахъ XVII вѣка всѣхъ псковскихъ монастырей мы встрѣчаемъ монастырскихъ стряпчихъ, на обязанности которыхъ было отъ имени монастыря вести судебные процессы и совершать различнаго рода юридическія сдѣлки по дѣламъ хозяйственнымъ и въ частности по дѣламъ монастырскаго землевладѣнія. Какъ увидимъ изъ исторіи хозяйственнаго быта псковскихъ монастырей, для послѣднихъ, при сложности тогдашняго судопроизводства, было очень выгодно имѣть въ своемъ распоряженіи человѣка, знакомаго со всѣми тонкостями судебного процесса. Но монастырскіе стряпчіе не были вольнонаемными слугами, а стояли въ болѣе тѣсной связи съ монастыремъ: были монастырскими владчиками. Такъ, напр., упоминаемый въ актѣ отъ 1691 г. Любятовскаго монастыря: „стряпчій того-жъ монастыря Панкратій Евсевьевъ“, который велъ судебный процессъ за монастырскую пустошь Гайево, въ судебномъ актѣ 1689 г. называется: „Нивольскаго Любятова монастыря *вкладчикъ* Панкратію Евсевьевъ“²⁾. Въ отличіе отъ владчиковъ денежныхъ, послѣдній родъ владчиковъ можно назвать владчиками-монастырскими слугами. Такъ дѣйствительно они и назывались въ XVII в. Въ цитированной уже мѣншой записи Дмитріевскаго монастыря владчики Иванъ Марковъ, Изой Аванасьевъ и Андрей Петровъ въ началѣ памятника названы слугами Дмитріевскаго монастыря³⁾.

1) Въ мѣншой записи Дмитріевскаго и Любятовскаго монастырей читаемъ: „а буде мы, Амбросимъ съ братею и со *вкладчики*.., въ чемъ противъ сей записи не устоимъ, что писано выше сего, хотя въ единомъ словѣ, и на насъ Дмитріевскаго монастыря съ поля на строителѣ Амбросимѣ, и кто по немъ будетъ въ томъ монастырѣ въ строителехъ, съ братею и на владчикеахъ того монастыря за нашу неустойку по сей записи взять имъ, Нивольскаго Любятова монастыря строителю Антонію или кто по немъ будетъ въ томъ Нивольскомъ монастырѣ въ строителѣхъ, съ братею и со *вкладчики* денегъ пятьдесятъ рублевъ“. Въ подписяхъ въ концѣ записи различаются владчики-монахи и владчики-миряне. „Къ сей записи дмитріевскій строитель черный священникъ Амбросій и вмѣсто владчика старца инока Асафа, по его велѣнію, руку приложилъ. Къ сей записи вмѣсто дмитріевскихъ владчиковъ: Ивана Маркова да Изой Аванасьева, по ихъ велѣнію, того жъ монастыря церковный дьячекъ Дениска Ѳедоровъ руку приложилъ. Къ сей записи вмѣсто дмитріевскаго владчика Андрея Петрова сына, по его велѣнію, того жъ монастыря, и въ свое мѣсто, церковный пономарь Михайло Ивановъ руку приложилъ“.

²⁾ Пск. Г. В., 1871 г., № 35, стр. № 28.

³⁾ „Дмитріевскаго монастыря съ поля строитель черный погъ Амросимъ съ братею, да язъ казначей старецъ Іоасафъ, да язъ того жъ монастыря *слуги*: Иванъ Марковъ, Изой Аванасьевъ, Андрей Петровъ“.

Таковъ былъ характеръ монастырскаго владничества по псковскимъ актамъ XVII в. Такимъ владничество было, несомнѣнно, и въ раннѣйшее время, за которое мы не имѣемъ лишь подобныхъ извѣстій. По крайней мѣрѣ, послѣдняя черта владничества—служебныя отношенія нѣкоторыхъ изъ владчиковъ къ монастырю—проф. Никитскимъ въ исторіи новгородскихъ монастырей отмѣчена за болѣе ранній періодъ монастырскаго исторіи (1548 г.)¹⁾. А такъ какъ внутреннее устройство монастырей псковскихъ очень походило на внутреннее устройство монастырей новгородскихъ, то несомнѣнно, что и въ этомъ отношеніи было такое же сходство.

Нечего уже и говорить, что владничество не только не имѣло для себя какихъ-либо основаній въ древнѣйшихъ уставахъ монашества, но и стояло въ противорѣчій съ каноническими правилами Византійской церкви, хорошо извѣстными у насъ на Руси. По правиламъ подвижниковъ не только запрещались опредѣленные взносы при поступленіи въ монастырь, но не рекомендовалось даже принимать отъ родственниковъ постригшагося какихъ-либо подарковъ на монастырь. Св. Василій Великій, представляя самимъ настоятелямъ рѣшать вопросъ, отъ кого и въ какихъ случаяхъ можно принимать подарки и когда не слѣдуетъ, съ своей стороны замѣчаетъ: „что до моего мнѣнія, то разсуждаю: гораздо неблаженнѣе для многихъ и полезнѣе для созиданія вѣры не принимать такихъ подарковъ. Ибо слѣдствіемъ принятія, во-первыхъ, бываетъ, что нерѣдко на общину падаетъ уворизна. А потомъ родственнику принесшихъ подаетъ это поводъ къ превозношенію. Сверхъ того, по сказанному Апостоломъ, о тѣхъ, которые въ мѣстѣ общаго собранія ѣдятъ и пьютъ свое, исполняется слово его: „срамляете не имущія“ (I. Кор. XI, 22), и многое подобное²⁾.

Мы подробно привели это святоотеческое мнѣніе, такъ какъ цѣнность высказанныхъ здѣсь предостереженій доказываетъ въ частности, какъ увидимъ ниже, и исторія Свѣтогорскаго монастыря.

По каноническимъ правиламъ владѣть долженъ былъ оставаться за монастыремъ не только въ случаѣ смерти владчика, но и тогда, когда онъ оставлялъ монастырь при жизни, безразлично—добровольно это дѣлалось или поневолѣ,—когда, напр., владчикъ былъ изгоняемъ изъ монастыря за дурное поведеніе или за непослушаніе игумену³⁾.

Владничество существеннымъ образомъ вліяло какъ на общій порядокъ внутренняго устройства монастырей, такъ въ частности и на направленіе жизни монашеской. Съ внѣшней стороны, какъ замѣтили уже мы выше, оно не уничтожало собою монастырскаго общежитія. Наоборотъ,

¹⁾ Очеркъ внутр. ист. церкви въ В. Новг., стр. 88.

²⁾ „Правила, кратко изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ“. Вопросъ 304-й: „за отдаваемыхъ въ братство надобно ли принимать отъ свойственниковъ, если хотятъ что дать?“ Твор. Св. Отцевъ, годъ 5, книжка 2, стр. 371.

³⁾ См. у Никитскаго, „Очеркъ внутр. ист. Пскова“, Спб. 1873 г., стр. 233.

и одежду и пищу монахи-владичици получали отъ монастыря, отъ монастырской казны и изъ монастырской трапезы. Въ этомъ отношеніи владичическіе монастыри гораздо больше походили на общежительные, чѣмъ маленькіе монастыри, особенножитные, въ которыхъ не существовало даже и общей монастырской трапезы. Но внутренней строй ихъ жизни находился въ такомъ же противорѣчій съ правилами общежительнаго устава, какъ и строй жизни маленькихъ монастырей, безуставныхъ. На получаемое изъ монастырской казны содержаніе монахи-владичици смотрѣли какъ на процентъ натурою съ своего влады; и потому были убѣждены, что живутъ въ монастырѣ на свой счетъ: „свою силу ѣдятъ и пьютъ“, не считали для себя обязательнымъ участіе въ общей монастырской трапезѣ. Эту черту—виѣшнее сходство съ порядками общежитія при внутреннемъ противорѣчій общежительному уставу—можно наблюдать и въ частностяхъ монастырскаго устройства.

Въ Свѣтогорскомъ монастырѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же должностными лицами, какія по уставу должны быть и во всякомъ общежительномъ монастырѣ. Здѣсь были: игумень, келарь, казначей, духовникъ, старцы. Но значеніе этихъ должностныхъ лицъ было здѣсь не совсѣмъ такое, какое они должны бы имѣть по общежительнымъ уставамъ. По правиламъ послѣднихъ, всѣ эти должностныя лица должны быть избираемы изъ среды братіи „ради богораднаго и искуснаго житія“, „первые достоинствомъ и разумомъ, хотящія и могущія спострадати настоятелю о благочиніи церковномъ“. Такъ какъ игумень по своимъ нравственнымъ качествамъ долженъ стоять выше всей братіи, то и авторитетъ его въ монастырѣ не ограниченъ какъ въ дѣлахъ хозяйственныхъ, такъ и въ руководствѣ духовною жизнію монастырскаго братства. Всѣ одинаково должны повиноваться его распоряженіямъ, и старшая, „преимуцая“ братія является лишь помощниками своему настоятелю: „не мощно бо единому настоятелю всего управити“¹⁾. Въ Свѣтогорскомъ монастырѣ не было такого единодушія ни въ отношеніяхъ монастырскаго братства къ должностнымъ лицамъ, ни въ отношеніяхъ должностныхъ лицъ къ настоятелю. Въ историческихъ памятникахъ не находимъ указаній на какія-либо ограниченія дѣятельности лицъ, завѣдовавшихъ монастырскимъ хозяйствомъ, со стороны игумена. Наоборотъ, изъ предостереженія архіеп. Діонисія: „а келарю не дати, ни ключнику не дати никому же ничего-же безъ игуменова слова“²⁾, можно заключить, что въ отправленіи своихъ обязанностей келарь и ключникъ мало зависѣли отъ игумена, распоряжались безъ его указаній, и что игумень не имѣлъ особаго вліянія на монастырскія хозяйственныя дѣла. Но въ тѣхъ же памятникахъ мы имѣемъ ясныя указанія на недостатокъ вліянія въ монастырѣ и властей духовныхъ: старцевъ, духовника и самого игумена. Арх. Симеонъ въ своемъ посланіи пишетъ, что, по дошедшимъ до

¹⁾ См. въ прилож. гл. устава преп. Евфросина „о игуменѣ“ и Дух. Грам. Иосифа Вол., В. Ч. М., сент., в. 1, стр. 587, 573.

²⁾ Рус. ист. 6-ка, т. VI, № 24, стр. 209.

него слухамъ, свѣтогорскіе монахи „живуть не по-чернечьскы, духовника не держать, а у игумена и у старцевъ не въ послушаніи“¹⁾. О непослушаніи игумену косвенно говоритъ и грамота Діонисія. Причину этихъ недостатковъ нужно искать не только въ низкомъ нравственномъ уровнѣ свѣтогорскаго монашества этого времени, но и въ самыхъ основахъ, на которыхъ развивалась жизнь въ монастыряхъ владическихъ.

Монастырское общежитіе основывалось здѣсь почти исключительно на экономическихъ началахъ; началамъ нравственнымъ, аскетическимъ особаго значенія не придавалось. Вполнѣ естественно отсюда, что руководители духовною жизнью монаховъ: старцы и игумень, не пользовались въ монастырѣ какимъ-либо авторитетомъ. Но остается непонятнымъ, почему игумень не имѣлъ должнаго вліянія на хозяйственныя дѣла обители. По монастырскимъ уставамъ, право избранія на всѣ должности, не исключая и игумена, принадлежало всему монастырскому братству. Епархіальный епископъ лишь совершалъ хиротонію надъ лицами, избранными въ духовныя должности, или утверждалъ особою благословенною грамотою ихъ полномочія. Въ Свѣтогорскомъ монастырѣ право избранія должностныхъ лицъ принадлежало, значить, монахамъ-владичивамъ. Естественно, что при избраніи въ должности келаря и эконома община владичивовъ, заинтересованная правильнымъ веденіемъ монастырскаго хозяйства, главное свое вниманіе должна была обращать не на богорадное житіе кандидата, какъ требовалъ уставъ, а на его честность и опытность въ дѣлахъ хозяйственныхъ. Не могли, затѣмъ, владичики вручать завѣдываніе своими взносами людямъ, совершенно неимущимъ, не владичивамъ, съ которыхъ въ случаѣ растраты нечего было бы взять. Вѣроятноже всего, что на должности келаря и эконома выбирались наиболѣе состоятельные изъ монастырскихъ владичивовъ. Но ихъ дѣятельность не была безконтрольною: каждый владчикъ всегда могъ потребовать отчета о своемъ вкладѣ.

Далѣе, между владичивами были люди и очень состоятельные, и не богатые, особенно владичики-слуги, и первые, конечно, имѣли большее вліяніе на веденіе монастырскаго хозяйства, чѣмъ владичики-слуги. Изъ житія преп. Варлаама Хутынскаго узнаемъ, что въ XVI в. въ его монастырѣ при избраніи въ монастырскій соборъ монахи руководились прямо практическими соображеніями, насколько избираемый „сановитъ и честенъ и славенъ отъ челоуѣкъ“. Въ результатѣ этого въ монастырскомъ соборѣ засѣдали „отъ боярска рода люди сильныя, іныя братія соборныя изъ давныхъ лѣтъ баху, обогатѣли отъ лихоимнаго собранія монастырскаго“²⁾. Оставляя въ сторонѣ замѣтку о злоупотребленіяхъ этихъ членовъ монастырскаго собора, мы обратимъ вниманіе лишь на то, что избирать людей богатыхъ, „сильныхъ“, былъ обычай давній. Таковой обычай былъ, несомнѣнно, и въ Свѣтогорскомъ монастырѣ. Но если бы этотъ принципъ былъ

¹⁾ ib., № 45, стр. 389.

²⁾ Житіе преп. Варлаама, по изд. Общ. Люб. Др. Письм., Спб. 1881 г., стр. 89.

проведенъ послѣдовательно и въ избраніи игумена, т. е. если бы должность послѣдняго предоставлялась самому богатому изъ монастырскихъ владчиковъ, то въ такомъ случаѣ невозможно было бы то безличное положеніе его въ монастырѣ, о которомъ говорятъ отмѣченные уже факты изъ содержанія грамотъ арх. Діонисія и Симеона. Очевидно, что при избраніи игумена монахи-владчики поступали иначе, заботились лишь о томъ, чтобы избранный ими настоятель не стѣснялъ ихъ свободы. Изъ грамотъ въ Псковъ архіепископовъ Евѣмїя, отъ 1426 г., и Макарія, отъ 1542 г., мы узнаемъ, что въ Псковѣ было много переходящихъ игуменовъ, священно-инокѣвъ, священниковъ и діаконовъ изъ различныхъ предѣловъ русской земли: изъ Москвы, Новгорода и Литвы. Эти пришлые монахи предлагали здѣсь свои услуги и создали такую конкуренцію, что мѣстнымъ, старымъ игуменамъ и священникамъ приходилось иной разъ волочиться безъ мѣста. Такихъ игуменовъ и священниковъ поряжали въ приходскимъ церквамъ и въ маленькимъ монастырямъ¹⁾. Вполнѣ возможно, что и снѣтогорскіе монахи придерживались этого распространеннаго въ Псковѣ обычая: вмѣсто избранія игумена изъ среды монастырскаго братства они „поряжали“ какаго-нибудь переходящаго или безмѣстнаго игумена, который за извѣстную плату и долженъ былъ завѣдывать въ монастырѣ церковными дѣлами и въ частности—совершать богослуженіе. Если это предположеніе справедливо, если въ Снѣтогорскомъ монастырѣ дѣйствительно практиковался такой порядокъ, то для насъ будетъ совершенно понятно, почему игуменъ не только не имѣлъ вліянія на дѣла хозяйственныя, но не пользовался авторитетомъ и въ дѣлахъ духовной жизни монастырскаго братства.

Въ соотвѣтствіи съ внутреннимъ монастырскимъ устройствомъ шла и частная жизнь снѣтогорскихъ монаховъ. Между монахами и монастыремъ не существовало какой-либо нравственной связи, были одни лишь экономическія отношенія. Свободно располагая свою жизнь, монахи-владчики не только не заботились о соотвѣтствіи ея съ правилами монашескаго устава, но не считали для себя обязательнымъ исполненіе и самыхъ основныхъ правилъ иноческаго благочинія. Въ снѣтогорской жизни мы встрѣчаемъ всѣ тѣ нарушенія монастырскаго благочинія, возможность которыхъ предполагалъ еще Василій Вел., предостерегая не брать подарковъ отъ поступающихъ въ братство. Какъ можно видѣть изъ устава преп. Евфросина, монахи-владчики съ уворизною относились къ принятымъ безъ влады, величались предъ ними, говорили по ихъ адресу „слова тяжкія“. Сознывая свою самостоятельность, они не исполняли прямыхъ своихъ обязанностей,—не хотѣли ни въ церковь ходить, ни въ келіи своей прилежно молиться²⁾. Въ монастырѣ, строго говоря, не было общей трапезы, такъ какъ владчики получали все нужное лично сами

¹⁾ Рус. ист. 6-ка, VI, № 54, стр. 473—474. Ист. вн. пск., ч. II, прилож., стр. 83.

²⁾ См. въ прилож. гл. устава: „о оукорехъ братіи“ и „о вкупѣхъ“.

отъ келаря или ключника. Не могло быть здѣсь мѣста и иноческому воздержанію и нестяжательности. Наоборотъ, монахи получали изъ монастырской казны платье изъ „нѣмецкихъ сувонъ“, носили пуховыя шубы. Значительно, какъ показываютъ грамота Діонисія и посланіе м. Фотія, было распространено въ монастырѣ пьянство. Встрѣчаемся и съ болѣе важными недостатками въ монастырской жизни. По свидѣтельству посланія Симеона, монахи, живя „не по-чернечески“, не имѣли духовника. Посланіе Фотія отмѣчаетъ даже фактъ уклоненія нѣкоторыхъ иноковъ отъ св. причащенія. Быть можетъ, эти факты нужно поставить въ связь съ тогдашними стригольническими волненіями въ Псковѣ, которыя могли отражаться и на взглядахъ монаховъ, но одинаково возможно и то, что они были просто результатомъ небрежности и распущенности монастырскаго братства. Забота о душевномъ спасеніи уступала здѣсь свое мѣсто попеченіямъ о земномъ благополучіи, и для большаго спокойствія вкладчиковъ въ монастырѣ, вопреки уставу, содержались наемныя слуги, на которыхъ и возлагалась черная монастырская работа¹⁾.

Проф. Нивитскій, характеризуя порядки снѣтогорской жизни, замѣчаетъ, что здѣсь общежитіе было болѣе въ зародышѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, состояло, главнымъ образомъ, въ одномъ сожительствѣ монаховъ въ стѣнахъ монастыря²⁾. Но замѣчаніе это въ сущности не разъясняетъ дѣла и даже противорѣчитъ сохранившимся историческимъ извѣстіямъ объ устройствѣ снѣтогорской монастырской жизни въ начальную ея пору. По свидѣтельству грамоты Діонисія, при возникновеніи монастыря въ немъ былъ введенъ полный порядокъ общежитія. Отсюда, въ отмѣченныхъ фактахъ вѣрнѣе будетъ видѣть прямое искаженіе правилъ общежитія, а не недостаточность ихъ развитія. Возникаетъ теперь вопросъ: подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ въ дальнѣйшей исторіи снѣтогорской жизни общежитіе приняло такую своеобразную форму?

Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ имѣли вліяніе общія условія псковской жизни. При отсутствіи устава, поступавшій въ монастырь естественно сохранялъ старыя, мірскія привычки и примѣнительно къ нимъ устраивалъ свою монашескую жизнь. Одною же изъ отличительныхъ чертъ въ новгородско-псковской жизни XIV—XV в.в. являлась община или товарищество. Здѣсь мы встрѣчаемъ купы или товарищества купцовъ, ремесленниковъ и землевладѣльцевъ, основа которыхъ была исключительно финансовая. Внося извѣстную сумму, каждый становился полноправнымъ членомъ товарищества и при его гарантіи могъ устойчивѣе вести свои личныя дѣла. Этотъ общинный принципъ проникъ и въ строй церковной жизни. И здѣсь появились свои „купы“—соборы, преслѣдовавшіе главнымъ образомъ финансовыя цѣли—болѣе равномерную раскладку между духовенствомъ владычныхъ податей. Легко могъ проникнуть общинный принципъ и въ общежительный строй монастырской жизни и способ-

¹⁾ См. въ прилож. гл. устава Евфросина: „о наемномъ дѣлѣ“.

²⁾ Очеркъ внутр. исторіи церкви въ В. Нов., стр. 89.

ствовать видоизмѣненію духовной общины, основанной исключительно на нравственныхъ началахъ, въ общину съ основами свѣтскими, финансоваго характера, съ какою она представляется намъ въ исторіи монастыря Снѣтогорскаго. Такъ какъ владничество появилось въ результатѣ измѣненія древнѣйшаго обычая при поступленіи въ монастырь дѣлать подарки и само по себѣ представляло явленіе очень древнее, извѣстное еще въ раннѣйшей исторіи монашества восточнаго, то мы, сопоставляя псковское монастырское общинножитіе съ строемъ свѣтскихъ общинъ-товариществъ, разумѣется, не имѣемъ права объяснять его особенностей исключительно вліяніемъ свѣтскихъ общинныхъ порядковъ. Но, съ другой стороны, очень замѣтное сходство въ существенныхъ чертахъ между монастырскою общиною и общинами свѣтскими служить несомнѣннымъ доказательствомъ, что это вліяніе не только было, но что оно было и очень значительное. Монастырскій владѣ во многомъ напоминалъ собою владѣ свѣтскій, или точнѣе: на него были перенесены многія черты послѣдняго. Изъ устава купеческой общины при церкви св. Іоанна Предтечи въ Новгородѣ мы, напр., узнаемъ, что купеческій владѣ давалъ право внесшему его быть „пошлымъ“, т. е. полноправнымъ членомъ общины¹⁾. И въ монастырѣ равноправность давалъ одинъ лишь владѣ: монахъ, принятый безъ вклада, не считался полноправнымъ членомъ монастырской общины. Отличительною чертою купеческаго вклада была, затѣмъ, его наследственность, въ силу которой родственники вкладчика могли, въ случаѣ смерти послѣдняго, или получить его владѣ или занять въ общинѣ его мѣсто²⁾. Въ монастырской общинѣ родственникъ умершаго вкладчика не занималъ въ монастырѣ его мѣста, быть можетъ и потому, что самъ не пожелалъ бы этого сдѣлать; но онъ признавалъ свои наследственные права и, какъ показываютъ факты, пользовался ими. Въ свѣтской общинѣ была полная равноправность членовъ въ отношеніи другъ къ другу; избранные для завѣдыванія общиннымъ хозяйствомъ старосты не представляли собою для остальныхъ членовъ товарищества какихъ-либо начальниковъ. Та же равноправность сохранялась и въ общинѣ монастырскихъ вкладчиковъ; ихъ жизнь нисколько не стѣснялась контролемъ монастырскихъ властей, тѣмъ болѣе, что здѣсь соблюдался принципъ избранія должностныхъ лицъ самими же членами монастырской общины³⁾. Такимъ образомъ очень вѣроятно, что снѣтогорское общинножитіе слагалось подъ большимъ вліяніемъ порядковъ, существовавшихъ въ свѣтскихъ общинахъ, очень многое отъ нихъ

1) А не вложится кто въ купечество, не дасть пятьдесятъ гривенъ серебра, ино то не пошлый купецъ. Допол. къ Акт. ист., т. I, № 3, стр. 3.

2) А пошлымъ купцемъ ити имъ *отчиною* и вкладомъ, *ib.*, стр. 3.

3) Неизвѣстно, на какой срокъ выбирался въ Снѣтогорскомъ монастырѣ игуменъ. На Востокѣ въ монастыряхъ идиоритмахъ, жизнь которыхъ нѣкоторыми чертами напоминаетъ снѣтогорскую жизнь, игуменъ избирался всегда на одинъ годъ. Ив. Соколовъ, „Состояніе монашества въ Визант. церкви“, Казань, 1894 г., стр. 339.

оно заимствовало и лишь незначительно изменяло. Къ сожалѣнiю, недостатокъ точныхъ данныхъ заставляетъ говорить обо всемъ этомъ только предположительно.

Владничество, не представляя собою явленiя, свойственнаго лишь псковской монастырской жизни, и въ послѣдней не составляло особенности одного только Снѣтогорскаго монастыря. Какъ указано уже отчасти выше, оно было, напр., въ монастыряхъ Димитрiевскомъ съ поля и Люботовскомъ. При изложенiи дальнѣйшей исторiи псковскаго монашества мы встрѣтимся съ нимъ въ монастыряхъ Крыпецкомъ и Печерскомъ. Насколько распространено было владничество и какое значенiе имѣло оно въ мѣстной монастырской жизни, можно видѣть уже изъ того, что въ маленькихъ монастыряхъ свѣтскихъ владчиковъ было не меньше, чѣмъ монаховъ, и изъ ихъ среды избирался иногда и завѣдывавшiй монастыремъ, подъ именемъ строителя. Такъ, напр., въ грамотѣ отъ 1685 года Иоанно-Богословскому Костельникову монастырю читаемъ, что она была выдана: „Иоанна Богослова Костельникова монастыря строителю Псковитину посадскому человѣку Михаилу Венедиктову со владчики того монастыря, или кто по нихъ въ томъ монастырѣ иные строители и владчики будутъ“¹⁾. Иногда бывало и по два строителя: монахъ и свѣтскiй владчикъ. Такъ, напр., выпись на земли и рыбныя ловли, отъ 1652 г., была выдана въ Сироткинъ монастырь „строителямъ монастыря: черному попу Антонию и владчику Ивану Княжнину“²⁾.

Но будучи распространеннымъ и въ другихъ псковскихъ монастыряхъ, незначительныхъ по численности монастырскаго братства, владничество не имѣло въ нихъ опредѣленной формы и касалось болѣе монастырскаго хозяйства, чѣмъ общаго строя монастырской жизни. Это было, такъ сказать, паевое пользованiе монастырскими хозяйственными угодьями. Въ одномъ лишь Снѣтогорскомъ монастырѣ, богатомъ не только земельными и др. недвижимыми владѣнiями, но и самыми вкладами, владничество приняло болѣе опредѣленную форму: выработался особый типъ монастырской общины съ чисто финансовыми основами. Съ этой стороны быть Снѣтогорскаго монастыря, какъ наиболѣе типическаго представителя владничества, имѣетъ интересъ не только для мѣстной, но и для общерусской исторiи монашества.

Болѣе полному развитiю въ Псковѣ владничества способствовали и недостатокъ контроля надъ монастырскою жизнью со стороны высшаго начальства. Только въ началѣ XV в. новг. архiеп. и москов. митрополиты обратили вниманiе на беспорядки въ жизни снѣтогорскихъ монаховъ, и то благодаря случайному обстоятельству. Въ концѣ XIV столѣтiя суздальскiй архiеп. Дiонисiй, по порученiю патрiарха и „по повелѣнiю владыки Алексѣя“ новгородскаго³⁾, прибылъ въ Псковъ съ цѣлю уладить проис-

¹⁾ Пск. Губ. В. 1849 г., № 41.

²⁾ См. у Шляпкина, „Опись рукоп. музея Псков. Арх. Ком.“, стр. 47.

³⁾ Новг. IV лѣт., подъ 1382 г., стр. 83.

ходившія здѣсь, вслѣдствіе ереси стригольниковъ, церковныя нестроения. Дѣятельный владыка, исполняя главную свою миссію, обратилъ вниманіе и на другіе недостатки въ церковной, а въ частности и въ монастырской жизни. По просьбѣ какихъ-то монаховъ Снѣтогорскаго монастыря онъ написалъ для монастыря правила общежитія, избранныя имъ изъ номоканона и святоотеческихъ правилъ¹⁾. Діонисій старался возвысить авторитетъ и власть игумена, уничтожить обычай имѣть частную собственность и рекомендовалъ снѣтогорскимъ монахамъ установить въ монастырѣ обязательную общую трапезу и общее имущество. Но подобныя постановленія не могли встрѣтить для себя сочувствія со стороны большинства снѣтогорскихъ монаховъ, такъ какъ ими кореннымъ образомъ измѣнялся установившійся здѣсь порядокъ общинножитія. Грамота Діонисія не имѣла какого-либо практическаго значенія. Какъ видно изъ позднѣе написаннаго въ монастырь посланія арх. Симеона, новгородскому архіепископу пришлось имѣть дѣло съ тѣми же недостатками въ монастырской жизни, противъ которыхъ были направлены и постановленія Діонисія. Болѣе того, снѣтогорскіе монахи, не желая подчиняться постановленіямъ Діонисія, обратились съ аппеляціею къ московск. митр. Фотію, и послѣдній официально отмѣнилъ „запрещеніе и тягость Діонисіеву“ на томъ основаніи, что Діонисій не имѣлъ права этого дѣлать: „учинилъ не по преданію правильному, не въ своей области, ни въ епископы“²⁾. Но, признавая неправильною дѣятельность Діонисія съ формальной стороны, ни моск. митрополитъ, ни новг. владыка не могли отрицать правильности этой дѣятельности по существу: отъ себя лично они писали въ монастырь грамоты, по содержанию и направленію вполне сходныя съ грамотою Діонисія. Съ внѣшней стороны получалось такимъ образомъ противорѣчіе: утверждалось то же самое, что было отмѣнено, и это неблагоприятно отзывалось въ практическомъ отношеніи. Въ сущности и грамоты Фотія и Симеона на практикѣ имѣли не большее значеніе, чѣмъ правила Діонисія. Къ тому же, эти грамоты не такъ полно, какъ грамота Діонисія, изображали самый порядокъ общежитія; онѣ касались лишь отдѣльныхъ случаевъ изъ монастырской жизни. Такъ, напр., въ посланіи Симеона о повиновеніи игумену и духовнымъ старцамъ говорится обще, а подробнѣе излагается менѣе важный вопросъ: о невмѣшательствѣ мірянъ въ монастырскія дѣла. Новымъ постановленіемъ, касающимся внутренняго монастырскаго строя, является здѣсь лишь предоставленное владыкою свѣтскимъ монастырскимъ старостамъ право участвовать въ разборѣ дѣлъ, возникшихъ между монахами³⁾. Посланіе Фотія, какъ видно изъ предисловія, имѣетъ въ виду дать общее наставле-

¹⁾ „Умоленъ быхъ отъ преподобнаго игумена, ту суща и яже о Христѣ братіи, направить съвратившаяся и наказати ненаказанія“. Рус. ист. б-ка, VI, № 24, стр. 206.

²⁾ Рус. ист. б-ка, т. VI, № 46, стр. 393.

³⁾ Рус. ист. б-ка, т. VI, № 45, стр. 391.

ніе о монашеской жизни, но не полное. Владыка замѣчаетъ, что онъ пишетъ „отъ божественаго писанія *эмалъ*“, убѣдившись изъ „писанія“ самихъ монаховъ, что они достаточно искусны въ писаніяхъ отеческихъ и въ иноческомъ уставѣ,—хотя это была похвала не по достоинству¹⁾. Ограничиваясь поэтому общимъ назиданіемъ и рекомендуя инокамъ обращаться непосредственно къ первоисточникамъ правилъ монашеской жизни: къ твореніямъ св. отецъ, Фотій даетъ лишь два частныхъ практическихъ совѣта по вопросамъ: объ уклоняющихся отъ св. причастія и о вмѣшательствѣ мірянъ въ монастырскія дѣла. Такимъ образомъ, по своему содержанию грамоты Фотія и Симеона не могли замѣнить собою отмѣненной ими грамоты Діонисія. Последняя, какъ болѣе полная, могла бы быть болѣе пригодною для снѣтогорской монастырской жизни.

Не имѣемъ фактовъ, которые свидѣтельствовали бы, что посланія Фотія и Симеона повліяли на дальнѣйшую жизнь снѣтогорскихъ иноковъ. Уставъ преп. Евфросина даетъ право заключить, что и послѣ этихъ посланій жизнь монаховъ шла прежнимъ порядкомъ, не сообразуясь съ указаніями епархіальнаго владыки и митрополита. Но нельзя сказать, чтобы посланія безслѣдно прошли въ исторіи псковскаго монашества. Еще при Діонисіи, какъ видно изъ собственныхъ его словъ, среди снѣтогорской братіи были такіе монахи, которые сознавали недостатки въ строѣ монастырской жизни, но не умѣли лишь собственными силами исправить ихъ или устранить. Они сочли за лучшее обратиться къ болѣе ихъ свѣдущему въ дѣлахъ церковной дисциплины суздальскому архіепископу. Посланія Фотія и Симеона могли въ свою очередь поддержать и развить это доброе настроеніе и въ то же время могли служить руководствомъ, какъ произвести самую реформу мѣстной монастырской жизни. И дѣйствительно, въ первой половинѣ XV в. изъ снѣтогорскаго монастырскаго братства выдѣлился подвижникъ, поставившій себѣ цѣлью реформировать мѣстную монастырскую жизнь, дать болѣе полный уставъ монашества, примѣнительно къ указаніямъ ранѣе составленныхъ грамотъ Діонисія, Фотія и Симеона. Это былъ преп. Евфросинъ, дѣятельность котораго можетъ быть разсматриваема въ непосредственной связи съ предшествовавшей реформаторскою дѣятельностію Діонисія. Но одна черта въ дѣятельности этого подвижника побуждаетъ разсматривать послѣднюю въ отдѣльномъ очеркѣ. Убѣдившись на примѣрѣ своихъ предшественниковъ въ бесплодности попытокъ реформировать снѣтогорскую монастырскую жизнь, Евфросинъ рѣшилъ создать новыя, болѣе благоприятныя условія для проведенія въ монастырскую жизнь строго-общежительныхъ началъ: основалъ свой монастырь, и притомъ не въ городѣ, а въ пустынѣ. До Евфросина главнымъ центромъ монастырской жизни былъ городъ. За все это время мы почти не встрѣчаемъ извѣстій о монастыряхъ внѣгородскихъ—пустынныхъ. По мѣстоположенію монастырей псковскихъ весь періодъ ихъ исторіи отъ

¹⁾ ib., № 46, стр. 393.

второй половины XII в. до начала XV в. может быть названъ исторіею монастырей городскихъ и пригородскихъ. Съ половины XV в. центръ монашеской жизни измѣняется, съ города переходитъ въ пустыни; основанные здѣсь монастыри въ дальнѣйшей исторіи псковскаго монашества пріобрѣтаютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ монастыри городскіе и пригородскіе. Такъ какъ своимъ возникновеніемъ пустынные псковскіе монастыри были обязаны преимущественно преп. Евфросину, такъ какъ Евфросинъ начинаетъ собою новый періодъ въ исторіи псковскаго монашества, то мы и находимъ болѣе правильнымъ разсматривать жизнь и дѣятельность этого свѣтогорскаго постриженника въ особомъ очеркѣ—исторіи псковскаго пустынножительства.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ

Исторія монашества пустыннаго. Псковскіе пустынножители: преподобные Евфросинъ, Савва Крыпецкій и Никандръ. Монастыри, основанные иноками пустынножителями.

Основателемъ пустынножительства въ Псковѣ былъ преп. Евфросинъ (род. около 1386 г.—сконч. въ 1481 г.), а продолжателями пустынныхъ подвиговъ преподобнаго были сподвижникъ и ученикъ его—Савва Крыпецкій († 1495 г.) и односельчанинъ Евфросина, постриженникъ Крыпецкой обители—преп. Никандръ (1507 г.—† 1582 г.). Такимъ образомъ, на протяженіи слишкомъ ста лѣтъ (1425—1495 и 40-е гг. XVI в.—1582 г.) псковское пустынножество имѣло трехъ представителей подвижниковъ, послѣдовательно проводившихъ въ жизнь псковскаго монашества мало до того времени извѣстные въ Псковѣ идеалы пустынножитія. Изучая жизнь этихъ подвижниковъ—пустынножителей, мы одновременно можемъ ознакомиться и съ исторіей развитія въ Псковѣ новой формы монашеской жизни за сравнительно продолжительный, болѣе чѣмъ столѣтній, ея періодъ. Но прежде чѣмъ излагать исторію псковскаго пустынножительства, приходится остановиться на одномъ вопросѣ, не имѣющемъ къ ней почти никакого отношенія. Именно, основатель псковскаго пустынножительства, преп. Евфросинъ, и въ древне-русской письменности и въ позднѣйшей научной литературѣ вызывалъ къ себѣ интересъ не столько своими пустынными подвигами, сколько подвигомъ иного рода,—очень сомнительнымъ, послужившимъ причиною односторонняго пониманія личности и взглядовъ этого бесспорно замѣчательнаго псковскаго подвижника,—защитою сугубой аллилуіи. Такъ какъ въ житіи преподобнаго, изъ котораго мы будемъ заимствовать данныя для характеристики его пустынной жизни, больше всего находится свѣдѣній о защитѣ Евфросиномъ сугубой аллилуіи и такъ какъ этому подвигу преподобнаго въ XVI—XVII в.в. придавалось очень важное церковное значеніе, то и понятно, что мы не можемъ въ характеристикѣ личности святаго опустить его безмѣрной печали о тайнѣ божественнаго аллилугія. Нельзя въ житіи Евфросина зачеркнуть этотъ обширный отдѣлъ. Это не только лишило бы насъ права пользоваться остальною, болѣе правдоподобною, частью

біографическаго матеріала, но и привело бы къ такому же одностороннему пониманію личности Евфросина, какъ это было и въ древней Руси. Мы изобразили бы Евфросина только какъ подвижника-пустынника, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ и защитникомъ сугубой аллилуіи. Необходимо, значить, выяснить, въ чемъ же дѣйствительно выразилось участіе Евфросина въ спорахъ изъ-за аллилуіи, и въ какой степени эта сторона его дѣятельности знакомитъ насъ съ его личностію, взглядами и характеромъ? Интересуясь исторіею споровъ изъ-за аллилуіи лишь постольку, поскольку она имѣетъ отношеніе къ біографіи преподобнаго, мы не будемъ входить въ подробности ея изложенія, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ темы и, какъ думаемъ, безъ особой пользы для дѣла.

Доказаннымъ можно признать то положеніе, что преподобный Евфросинъ не былъ *первымъ* виновникомъ псковскихъ споровъ, *первымъ* защитникомъ двоенія аллилуіи. Недоумѣніе о томъ, какъ возглашать аллилуію—дважды или трижды, возникло въ Псковѣ еще въ то время, когда, по словамъ Евфросина, онъ былъ „зѣло юнъ и не мнихъ“ и слѣдовательно не могъ имѣть никакого вліянія на ту или другую постановку спорнаго вопроса¹⁾. Разногласія изъ-за аллилуіи, производившія, по отзыву біографовъ преподобнаго, „великій расколъ посреди Христовой (псковской) церкви“, и заставили Евфросина остановиться на этомъ непонятномъ для большинства его современниковъ спорномъ вопросѣ.

Еще въ началѣ XV в. псковичи обратились къ м. Фотію за указаніями, какъ пѣть аллилуію, и митрополитъ разрѣшилъ вопросъ въ пользу троенія. „А еже о аллилуіи на славахъ,—писалъ онъ псковичамъ въ 1419 г.,—сице глаголи: слава Отцу и Сыну и св. Духу, нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь, аллугіа, аллугіа, аллугіа, слава Тобѣ, Боже“²⁾.

Какъ возникло въ Псковѣ недоумѣніе объ аллилуіи и что побудило псковичей обратиться за разъясненіями къ митрополиту,—по этимъ вопросамъ очень вѣроятное объясненіе представлено проф. Е. Е. Голубинскимъ. По его мнѣнію, до предшественника Фотіева митрополита Кипріяна псковичи держались однообразнаго порядка: троили аллилуію; но съ полученнымъ ими отъ Кипріяна требникомъ, а также уставомъ и слѣдовавшею псалтирію, перешло къ нимъ и двоеніе³⁾. Значить, виновникомъ разногласій косвеннымъ образомъ является митрополитъ Киприанъ, точнѣе: богослужбная практика аеонскихъ монастырей, которой слѣдовалъ Киприанъ и въ которой до концѣ XVI вѣка преобладало двоеніе⁴⁾. Занесенное въ Псковъ двоеніе, встрѣтившись здѣсь съ древнимъ обычаемъ троить аллилуію, вызвало разногласія. Чтобы прекратить эти разногласія псковичи и

¹⁾ Пам. ст. рус. лит., вып. IV, стр. 89.

²⁾ Рус. ист. 6-ка, т. VI, № 48, стр. 408.

³⁾ Чтен. въ Имп. Об. Ист. и Др., кн. 214, стр. 203.

⁴⁾ *ib.*, стр. 200.

обратились за разъясненіями къ митрополиту Фотію¹⁾. Проф. Голубинскій считаетъ возможнымъ, что въ эту начальную пору недоумѣній объ аллилуіи спорному вопросу уже придавалась та догматическая окраска, съ которою встрѣчаемся въ позднѣйшей его исторіи. „Псковичи, спрашивая Фотія, которое изъ двухъ возглашеній пѣсни употреблять имъ, разумѣли: которое изъ двухъ возглашеній пѣсни признавать за правильное и православное и которое за неправильное, еретическое“. Отвѣтъ Фотія не разъяснялъ псковскихъ недоумѣній по существу, но онъ былъ понятъ и истолкованъ псковичами въ томъ смыслѣ, въ какомъ они хотѣли его получить²⁾.

Такъ ли это было и въ дѣйствительности,—трудно рѣшить, за недостаткомъ какихъ-либо данныхъ. Во всякомъ случаѣ самое посланіе Фотія не даетъ прямого права на подобное его толкованіе. Отвѣтъ Фотія объ аллилуіи нельзя разсматривать внѣ связи съ другими отвѣтами, помѣщенными въ томъ же посланіи; а мы видимъ, что онъ помѣщенъ здѣсь на ряду съ отвѣтами по вопросамъ чисто обрядоваго характера, изъ которыхъ ни одинъ и впоследствии не былъ толкуемъ въ догматическомъ смыслѣ.

Затѣмъ, въ посланіи вопросу объ аллилуіи удѣляется не больше вниманія, чѣмъ другимъ вопросамъ. Какъ можно заключить изъ начальныхъ словъ посланія, Фотій въ своихъ отвѣтахъ держался даже того порядка, въ какомъ предложены были ему псковичами вопросы. „И что, сынове,—читаемъ въ посланіи,—*первое пишете* ми въспросъ имѣя о св. божественныхъ агньцѣхъ“³⁾. Значить, „въспросъ“ объ аллилуіи въ посланіи псковичей не занималъ собою перваго мѣста, какъ главный предметъ ихъ недоумѣній. Судя по указаніямъ отвѣтнаго посланія, онъ былъ поставленъ лишь на третьемъ мѣстѣ, между вопросами о томъ, какъ совершать молитвенное пѣніе въ домѣ священникамъ и мірянамъ и какъ пѣть на утрени „Богъ Господь“ (стр. 407—408).

Далѣе, не совсѣмъ понятно, почему Фотій, внимательнѣе другихъ митрополитовъ слѣдившій за псковскою церковною жизнью и, какъ показываютъ его грамоты, хорошо знавшій ея недостатки, въ этомъ случаѣ не понялъ вопроса псковичей или почему онъ позднѣе не исправилъ своей невольной ошибки, для чего было достаточно времени, были и поводы⁴⁾.

¹⁾ О древности въ Псковѣ троенія неоднократно говорятъ и біографы Евфросина. На вопросъ Евфросина: „вы убо паки откуда взяли троици св. аллилугія?“—сторонники троенія „рѣша ему: и здревле, другъ на друга смотряще, тако вси навыхокохъ троици св. аллилугію“. Пам. ст. рус. лит., IV, 90.

²⁾ Чт. въ Общ. Ист. и Др., кн. 214, стр. 204.

³⁾ Рус. ист. б-ка, VI, 403.

⁴⁾ См., напр., грам. № 51, отъ 1422—25 гг.: „о различныхъ предметахъ церковной дисциплины“. Последнее посланіе въ Псковъ относится къ 1431 году, № 58.

Наконецъ, и самыя обстоятельства въ тогдашней церковной жизни псковской скорѣе исключаютъ, чѣмъ подтверждаютъ возможность особаго вниманія псковичей къ вопросу объ аллилуйи. Въ описываемое время въ мѣстной церковной жизни были такіе неурядки, которые гораздо больше, чѣмъ вопросъ о неодинаковомъ возгласеніи аллилуйи, должны были останавливать на себѣ вниманіе мѣстнаго общества. Недостатки были какъ въ религиозной жизни вообще, такъ въ частности и въ богослуженіи. На послѣднихъ подробнѣе мы остановимся при изложеніи исторіи монастырскаго богослуженія и потому здѣсь сдѣлаемъ лишь общія замѣчанія.

Въ посланіяхъ м.м. Кипріяна и Фотія приведено не мало фактовъ, которые свидѣтельствуютъ не только объ отсутствіи единообразія въ совершеніи церковныхъ службъ, но даже и о несоотвѣтствіи мѣстнаго богослужебнаго порядка съ церковнымъ уставомъ, о привнесеніи въ него такихъ обычаевъ, которые прямо говорятъ о латинскомъ влияніи на мѣстную религиозную жизнь,—напримѣръ, употребленіе латинскаго мира при совершеніи таинства миропомазанія, или обливательное крещеніе младенцевъ¹⁾.

Но недостатки въ богослужебной жизни были маловажными по сравненію съ недостатками въ религиозной жизни мѣстнаго общества. Знакомая съ псковскою жизнью, Фотій выносилъ тяжелое впечатлѣніе отъ ея безчиній и неурядицъ. „Такова убо безчинія ни въ писаніи обрѣтохъ, ни слышахъ гдѣ“,—писалъ однажды псковичамъ святитель²⁾. И дѣйствительно, много въ мѣстной жизни было необычныхъ явленій. Вдовы священники, женившись во второй разъ, продолжали священнодѣйствовать, а своимъ пасомымъ разрѣшали вступать и въ четвертый бракъ³⁾. Дѣло доходило даже до святотатства: совершенія таинства крещенія и вообще священнодѣйствій лицомъ не посвященнымъ⁴⁾. Не прекратились въ Псковѣ и стригольническія волненія; съ ними приходилось бороться какъ псковичамъ, такъ и митрополиту⁵⁾. Эти недостатки въ религиозной и въ богослужебной жизни дѣйствительно останавливали на себѣ вниманіе мѣстнаго общества, вызвали заботу объ ихъ устраненіи. Вполнѣ, такимъ образомъ, возможно, что въ это время вопросомъ о возгласеніи аллилуйи псковичи были заняты лишь постольку, поскольку онъ касался болѣе общаго вопроса: о разностяхъ въ мѣстномъ богослуженіи, и что со стороны Фотія не было допущено какой-либо ошибки: въ своемъ посланіи онъ отвѣтилъ объ аллилуйи въ томъ смыслѣ, въ какомъ предложенъ былъ псковичами вопросъ. Но посланіе Фотія измѣнило положеніе дѣла, способствовало тому, что вопросу о возгласеніи аллилуйи псковичи стали придавать болѣе важное

¹⁾ Рус. ист. б-ка, т. VI, № 58, стр. 495. Доп. къ акт. ист., т. I, № 181, стр. 330.

²⁾ *ib.*, № 51, стр. 428.

³⁾ *ib.*, № 27, 231—232; № 51, 430, 432.

⁴⁾ *ib.*, № 34, стр. 286.

⁵⁾ *ib.*, № 42, 52.

значение. Основываясь на распоряжении владыки, псковское соборное духовенство рѣшило сдѣлать троение обязательнымъ для всѣхъ псковскихъ церквей. Къ этому времени и нужно отнести тотъ письменный уставъ о троении, на который ссылался въ началѣ споровъ противникъ Евфросина—Иовъ ¹⁾).

Но ни распоряженіе Фотія, ни письменный уставъ „преднаго отъ соборъ“ псковскихъ не могли, разумѣется, установить въ Псковѣ полного согласія по вопросу объ аллилуіи. Двоеніе попрежнему находило для себя сторонниковъ. Но положеніе ихъ теперь уже измѣнилось. Продолжавшіе сугубить аллилуію, вопреки письменному уставу троеить ее, большинству казались теперь людьми, нарушавшими „единоравный обычай“, поступавшими самогласно, „отъ своего обычая“, „кромѣ закона и писанія“; ихъ слѣдовало поэтому подвергнуть „испытанію и истязанію“. Такъ и было поступлено по отношенію къ Евфросину, когда онъ, вопреки уставу, ввелъ въ своемъ монастырѣ сугубое пѣніе аллилуіи. Мѣстный церковный столпъ, блюститель церковнаго порядка—Иовъ, первый подалъ голосъ о необходимости допросить святаго, на какомъ основаніи онъ „нимало согласуется къ нашему обычаю, но свое держитъ самогласіе“—двоитъ аллилуію. „Да сего ради велми истязанъ будетъ и вопрошенъ твердо о вещи нашею властію въ монастырѣ его“ ²⁾). Нежеланіе Евфросина подчиниться этой мѣстной власти и вызвало описанный біографами преподобнаго его споръ съ псковичами. Таковы были внѣшнія обстоятельства, подъ влияніемъ которыхъ Евфросину пришлось выступить на защиту сугубой аллилуіи.

Разсмотримъ теперь внутреннія причины, въ силу которыхъ преподобный сдѣлался сторонникомъ, а затѣмъ и защитникомъ двоенія. Ихъ нужно искать прежде всего въ характерѣ этого подвижника.

По словамъ преподобнаго, какъ они переданы его біографами, вопросъ о томъ, какъ возглашать аллилуію, занималъ Евфросина еще въ юности, до постриженія его въ монашество, т. е. несомнѣнно до полученія еще въ Псковѣ посланія Фотія и до изданія устава о троении. Болѣе всего смущали преподобнаго разногласія—„великъ расколъ“ между двоившими и троеившими и ихъ неумѣнье объяснить значеніе двоенія и троенія. За разъясненіями Евфросинъ обращался къ мѣстному духовенству; насколько могъ, и самъ старался понять тайну аллилуіи: „елико возмогохъ, подвизахся противу силѣ моей“. Изъ этихъ словъ преподобнаго можно заключить, что по своимъ взглядамъ онъ не совсѣмъ походилъ на другихъ русскихъ подвижниковъ.

Большинство русскихъ подвижниковъ вопросъ о томъ: „како и коимъ образомъ спастися“, рѣшало въ смыслѣ необходимости отречься отъ міра, принять монашество. Сподобиться ангельскаго образа, подготовить себя къ монашеской жизни—вотъ что, по словамъ біографовъ святыхъ, составляло исключительный предметъ ихъ юношескихъ и даже дѣтскихъ мыслей

¹⁾ Пам. ст. рус. лит., IV, 83.

²⁾ Пам. стар. рус. лит., IV, 83.

и заботь. Преп. Евфросинъ, повидимому, этотъ вопросъ понималъ нѣсколько шире. Его „зѣло юный“ умъ занимала мысль не объ иноческомъ житіи, а о томъ, какъ точно, сознательно исполнить уставъ церковный, въ которомъ въ то время полагали всю сущность божественнаго любомудрія, довѣдомыхъ и недовѣдомыхъ тайнъ. Преподобный сравнительно поздно принялъ монашество; но и среди монашескихъ подвиговъ его попрежнему не покидала догматическая забота о томъ, какъ посредствомъ аллилуйи прославлять „безъ пороха в бѣтвѣ и в члѣтвѣ единосущнаго в трце“¹⁾. Затѣмъ, Евфросинъ принадлежалъ въ числу такихъ людей, которые, если у нихъ появляется въ чемъ-либо сомнѣніе, готовы все сдѣлать для разъясненія, не останавливаясь передъ какими-либо затрудненіями. Не найдя дома сказателя тайны аллилуйи, Евфросинъ рѣшилъ отправиться въ далекіе поиски за нимъ—въ Константинополь, такъ какъ зналъ, что „отъ Константина-града просвѣтилася есть святымъ крещеніемъ великая Русійская земля наша и отгуду же вѣра Христова и законъ церковный, и уставъ изложися православному пѣнію“. По убѣжденію Евфросина, путешествіе въ Константинополь должно было разъяснить всѣ недоумѣнія: „устремихся къ царствующему граду.., да извѣстно увѣмы истину отъ вселенскаго патріарха о пресвятѣй Божіи аллилуйи, и вижу купно поюща влироса его церковнаго, да разумѣю, коимъ образомъ воспѣвають славу Христа Бога: троить ли, или двоить Божію аллилуйю вселенская церковь, то и азъ послѣдую сему, и се ми на искусь буди и на великую пользу, и тѣмъ увѣрюся, отгуду же и образъ воспріиму пресвятыя аллилуйя“. Эта вѣра въ авторитетъ греческой церкви представляла собою отличительную и по тому времени довольно необычную черту въ религиозныхъ взглядахъ Евфросина.

При такомъ настроеніи Евфросину не оставалось ничего другого, какъ поспѣшить исполненіемъ своего намѣренія. Такъ и представляетъ намъ дѣло первый его биографъ, когда говоритъ, что преподобный ходилъ въ Константинополь еще во дни своей юности. Но у второго биографа встрѣчаемся съ другими хронологическими датами, съ инымъ порядкомъ описываемыхъ событій. По его словамъ, между намѣреніемъ посѣтить Константинополь и исполненіемъ этого намѣренія прошло по крайней мѣрѣ около 15 лѣтъ.

Во введеніи мы уже дали сравнительную оцѣнку этихъ хронологическихъ датъ обоихъ писателей и прямо высказались за большую правдоподобность указаній перваго биографа. Если Евфросинъ такъ много ждалъ отъ путешествія въ Константинополь, то ему не было никакого смысла откладывать это путешествіе на такой долгій срокъ, тѣмъ болѣе, что и не было какихъ-либо важныхъ препятствій. Евфросинъ происходилъ изъ зажиточной семьи. Это видно уже изъ того, что онъ былъ принятъ въ Снѣтогорскій монастырь, куда нельзя было поступить безъ вклада. По словамъ самого преподобнаго, его считали даже и очень богатымъ, думали,

¹⁾ Рук. № 306, л. 34 об.

что въ Толвскую пустыню онъ принесъ съ собою „много сребра“¹⁾. Изъ завѣщанія преподобнаго узнаемъ, что у него была недвижимая собственность въ Псковѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о средствахъ не могъ удерживать преподобнаго отъ задуманнаго имъ путешествія²⁾.

Но признавая болѣе правдоподобными хронологическія указанія перваго біографа, трудно однако установить точныя хронологическія даты константинопольскаго путешествія, такъ какъ отдѣльныя замѣчанія біографа объ этомъ путешествіи очень часто стоятъ въ противорѣчій съ его общею хронологическою датою. Такъ, по словамъ самого Евфросина, онъ посѣтилъ Константинополь „во црство блгочтываго цря Кальянина и при осцещной пастве патриарха Іосифа“³⁾, т. е. не ранѣе 1425 года—начала царствованія Іоанна Палеолога, и не позднѣе 1438 года—смерти Іосифа. Но, по свидѣтельству житія преподобнаго, въ 1425 году онъ уже поселился въ пустынь надъ рѣкою Толвою и нѣсколько времени до этого прожилъ въ Снѣтогорскомъ монастырѣ. 1425-й годъ можно, значитъ, разсматривать лишь какъ время возвращенія преподобнаго на родину, если въ свою очередь допустить, что пребываніе его въ Снѣтогорскомъ монастырѣ было очень непродолжительно. Возможно впрочемъ, что самъ преподобный допустилъ въ этомъ случаѣ ошибку: назвалъ Іоанна императоромъ, тогда какъ послѣдній не занималъ еще императорскаго престола. Дѣло въ томъ, что фактически управленіе имперіею перешло къ Іоанну еще въ сентябрѣ 1422 года, когда его отецъ, императоръ Мануиль, пораженный апоплексическимъ ударомъ, передалъ ему всю власть⁴⁾. Отсюда и эти годы: 1422—24, Евфросинъ могъ отнести къ царствованію Іоанна, тѣмъ болѣе, что онъ и вообще мало, кажется, былъ освѣдомленъ о личности тогдашняго императора, разъ приписываетъ ему русское названіе Кальянина, не употреблявшееся въ Византіи. При такомъ пониманіи дѣла хронологію путешествія Евфросина можно расширить на дѣльныхъ три года: 1422 и начало 1425-го. Установить же ее точнѣе не представляется возможнымъ.

Проф. Малининъ полагаетъ, что Евфросинъ совершилъ путешествіе еще до 1419 года, такъ какъ по полученіи псковичами посланія митрополита Фотія путешествіе въ Константинополь было бы излишнимъ: вопросъ достаточно уже былъ разъясненъ⁵⁾. Имѣя въ виду то же посланіе, проф. Голубинскій и совсѣмъ отрицаетъ фактъ путешествія преподобнаго. Онъ говоритъ, что Евфросину не было нужды ходить въ Константинополь,

¹⁾ Рук. № 205 фонд. 6-ки М. Д. А., л. 201 об.—202: „онсій чернецъ изъ великіа обители пришедь, сѣде единъ, и есть оу него много сребра“.

²⁾ Зажиточностію Евфросина проф. Малининъ объясняетъ и тотъ почетный пріемъ, котораго удостоился, по описаніямъ біографовъ, псковскій паломникъ на Востокѣ. Стар. Ел. м-ря Филоеѣй, стр. 27.

³⁾ Рук. № 306, л. 36.

⁴⁾ Исторія флорентійскаго собора, М. 1847 г., стр. 20.

⁵⁾ О. с., стр. 16.

когда въ Москвѣ былъ представителемъ патріарха таковой же грекъ, какъ и онъ самъ, и, значить, не ходя въ Константинополь, Евфросинъ могъ получить отъ митрополита нужный для него отвѣтъ¹⁾.

Эти замѣчанія едва ли можно признать вполне убѣдительными. Намъ по крайней мѣрѣ дѣло представляется совершенно въ другомъ видѣ. Мы думаемъ, что Евфросинъ отправился на Востокъ не только не раньше получения псковичами посланія Фотія, но даже и подъ вліяніемъ этого посланія. Разъясненія Фотія не могли удовлетворить всѣхъ псковичей и даже должны были вызвать среди нихъ новыя недоумѣнія. Два церковныхъ авторитета—грекъ Фотій и его предшественникъ—сербъ, постриженникъ Аѳонской горы, Кипріанъ—давали псковичамъ разныя указанія по одному и тому же вопросу: одинъ совѣтовалъ троеить аллилуію, другой прислалъ богослужбныя книги, въ которыхъ помѣщена была сугубая аллилуія. Чтобы разъяснить это новое недоумѣніе, всего естественнѣе было лично: „моихъ (моимъ?) слухомъ и видѣніемъ“,—какъ выразился преп. Евфросинъ (л. 36),—убѣдиться, какой же именно порядокъ принять на Востокѣ. Это и сдѣлали защитники двоенія: Евфросинъ сходилъ въ Константинополь, ктиторъ Аѳанасій навелъ справки о порядкахъ аѳонскихъ.—Такъ какъ, затѣмъ, богослужбная практика не давала возможности рѣшить спорный вопросъ единогласно, то вполне естественно, что спорившіе стали искать новыхъ данныхъ: перенесли свой споръ на догматическую почву. Во второй половинѣ XV вѣка обѣ спорившія стороны одинаково придавали вопросу объ аллилуіи догматическое значеніе; но очень возможно, что впервые это сдѣлали защитники двоенія, у которыхъ было меньше данныхъ защищать свой порядокъ на основаніяхъ богослужбно-каноническихъ. Противъ ссылки противниковъ на древній мѣстный обычай троеить аллилуію и на распоряженіе Фотія они могли выставить очень недостаточное возраженіе: сослаться на богослужбныя книги Кипріана. У нихъ не было даже распоряженія Кипріана о двоеніи. Но догматическая сторона спорнаго вопроса совсѣмъ не была затронута и въ посланіи Фотія. По словамъ Евфросина, и не было надежды на разрѣшеніе ея дома: псковскіе священники не понимали, какая тайна заключается въ аллилуіи. Необходимо было идти искать связателя этой тайны, а найти его можно было только на Востокѣ, откуда „вѣра Христова и законъ церковный и уставъ изложися православному пѣнію въ концы вселенныя“. Туда и направился Евфросинъ. Это „догматическое“ путешествіе преподобнаго и нужно отнести къ началу 20-хъ гг. XV столѣтія.

Такая хронологическая дата, повидимому, противорѣчитъ словамъ біографа, что Евфросинъ ходилъ въ Константинополь „въ юности своей“. Въ 1421—24 гг. преподобному было уже 35—39 лѣтъ; въ такомъ возрастѣ біографъ не назвалъ бы святаго юношею. Но противорѣчіе это мы легко разъясимъ, если обратимъ вниманіе на то, какъ часто древне-рус-

¹⁾ Чт. въ Общ. Ист. и Др., кн. 214, стр. 209.

скіе списатели допускали неточности въ опредѣленіи возраста святыхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Біографъ преп. Θεодосія кіево-печерскаго не перестаетъ называть подвижника отрокомъ даже и послѣ его постриженія, когда преподобному было около 30 лѣтъ. Отрокомъ называется и преп. Варлаамъ, хотя онъ былъ уже жевать¹⁾. Біографъ преп. Никандра псковскаго, при описаніи подвижнической жизни святаго въ Крыпецкомъ монастырѣ, говоритъ о благонравіи *юности* святаго, когда Никандру было по меньшей мѣрѣ около 34 лѣтъ²⁾. Біографъ Дмитрія Донскаго, при изложеніи плача княгини надъ мужемъ, употребляетъ отъ лица княгини слѣдующую фразу: „уность не отыде отъ насъ“; а нѣсколько выше онъ говоритъ, что князь умеръ 40 лѣтъ³⁾. По объясненію преосв. Макарія, 35-лѣтній князь Изяславъ Ярославичъ названъ въ посланіи черноризца Іакова юношею⁴⁾. Василиій, рассказывая объ отказѣ Евфросина вступить въ бракъ, называетъ преподобнаго отрокомъ. Мартирій въ обѣихъ редакціяхъ житія названъ дѣтищемъ, а между тѣмъ этому дѣтищу братья его совѣтовали вступить въ бракъ для утѣшенія родителей⁵⁾. Вообще же біографы, называя святыхъ юными или старцами, имѣютъ въ виду не столько физическій ихъ возрастъ, сколько духовный, степень духовнаго совершенства. Отсюда, подвижниковъ сравнительно очень молодыхъ они называютъ старцами и нерѣдко склонны слово монахъ отождествлять со словомъ старецъ. То же самое наблюдаемъ въ частности и по отношенію къ преп. Евфросину. 40-лѣтній Евфросинъ—монахъ называется въ житіяхъ старцемъ, наоборотъ, тотъ-же Евфросинъ—иеранинъ, почти въ одинаковыхъ лѣтахъ, въ пору путешествія его на Востокъ, называется юнымъ⁶⁾. Такимъ образомъ, выраженіе о 34—39-лѣтнемъ Евфросинѣ,

¹⁾ Пам. древн. рус. лит., изд. Яковлевымъ, стр. XIII, XIV, XV и раньше; стр. XVII.

²⁾ Рук. № 620 Син. 6-ки, л. 102.

³⁾ Пол. собр. рус. лѣт., т. IV, стр. 354, ср. 352.

⁴⁾ Ист. рус. ц., т. II, стр. 137. По мнѣнію проф. Никольскаго, предположеніе пр. Макарія не имѣетъ для себя достаточныхъ основаній (Матер. для поврем. списка..., Спб. 1906 г., стр. 227—228), это лишь „одна изъ многихъ возможностей“ (Близжайшія задачи изученія древне-русской книжности, Спб. 1902 г., стр. 30).

⁵⁾ Пам. ст. рус. лит., IV, стр. 69, 73, ср. рук. № 306, л. 54.

⁶⁾ Иосифъ Волоцкій и Антоній Римлянинъ въ ихъ житіяхъ называются старцами, когда имъ было только 38 лѣтъ (В. Ч. М., сент., в. I, стр. 460, 461; Прав. Собес. 1858 г., ч. II, стр. 312, ср. стр. 161). 40-лѣтній Евфросинъ названъ старцемъ въ житіи преп. Серапіона.

Въ „Лавсанкѣ“ (изд. 3, Спб. 1873 г., стр. 61) передается, что 30-лѣтняго преп. Макарія египетскаго за его подвижническіе труды называли *отрокомъ-старцемъ*. Въ „Достоп. сказаніяхъ“ (М. 1845 г., стр. 201) читаемъ, что авва Пименъ во время бесѣды назвалъ Агаѳона аввою. На вопросъ учениковъ: онъ еще юнъ, почему же ты называешь его аввою?—Пименъ отвѣтилъ: уста его даютъ ему право именоваться аввою.

какъ о юномъ,—если и не точно, то во всякомъ случаѣ не больше, чѣмъ указанныя сейчасъ такія же неточности. Затѣмъ, на такую неточность могли навести біографа слова самого Евфросина: „еще бо ми зѣло юнну и не мнху сушу“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что и самъ преподобный, передавая своимъ собесѣдникамъ объ обстоятельствахъ путешествія въ Константинополь, склоненъ былъ смотрѣть на это давно бывшее событіе, какъ на дѣло своей юности.

По словамъ Евфросина, до путешествія въ Константинополь у него были сомнѣнія, каковъ способъ возглашенія аллилуіи болѣе правиленъ: „*каа ѡста пріятно блѣзлаит(ъ) има твоє скѣршеное единобѣниаго вѣ трѣце без(ъ) порѡха въ бжтвѣ и въ члчтвѣ*“ (л. 34 об.). Путешествіе и разрѣшило всѣ эти сомнѣнія. Евфросинъ возвратился на родину убѣжденный въ томъ, что угодно Богу двоеніе, и рѣшилъ поэтому до конца жизни держаться этого порядка. „И так(о) извѣстно испытах(ъ) яко двоити лѣпо ес(тъ) прѣтая аллугія; то бо ес(тъ) угодно пред(ъ) бѣгомъ. И яко дрѣжитъ великая цркви востянтина-града, от(ъ) нея ж и азъ пріахъ, и тако и до нынѣ пою прѣтая аллугія удвоеваючи, сице ж и приходящая в монастырь жити во мнѣ тако ж повелѣваю прѣти има“ (л. 37). Въ правильности двоенія, помимо наставленій патр. Іосифа, Евфросина убѣдило еще и то обстоятельство, что во всѣхъ церквахъ, вторыя онъ посѣтилъ на Востокѣ, ему пришлось слышать только двоеніе. По словамъ Василія, Евфросинъ передавалъ даже своимъ собесѣдникамъ, что „во всей той области царствующаго града дважды глаголють св. аллилугію“ и что „отъ всѣхъ сихъ (молчальниковъ пустынныхъ) наказанъ быхъ, еже глаголати дважды пресв. аллилугія“¹⁾. Но посланіе м. Фотія побуждаетъ усумниться въ правильности такого утвержденія. Невозможно допустить, чтобы митрополитъ-грекъ, современникъ Евфросина и патр. Іосифа, вопреки всеобщему обычаю въ греческихъ церквахъ двоить аллилуію, далъ псковичамъ наставленіе о троеніи. Большаго довѣрія, по сравненію съ приведенною замѣткою Василія, заслуживаетъ свидѣтельство Димитрія грека, который говоритъ, что въ XV вѣкѣ въ константинопольской церкви существовали одновременно оба порядка—и двоеніе, и троеніе. Такимъ образомъ, относительно правильности сугубой аллилуіи Евфросинъ могъ получить утвердительный отвѣтъ и дѣйствительно могъ слышать двоеніе въ нѣкоторыхъ греческихъ церквахъ, въ томъ числѣ и въ храмѣ св. Софіи. Его утвержденіе: „вупно ж тако (дважды) поящай вдироса вселеньскыа цркви слышах(ъ)“ (л. 36 об.), по нашему мнѣнію, нужно признать безспорно правильнымъ. Но также безспорно и то, что не во всѣхъ греческихъ церквахъ двоили аллилуію, и потому Евфросинъ не могъ назвать двоеніе общепринятымъ обычаемъ въ греческой церкви. Впрочемъ, судя по изложенію перваго біографа, Евфросинъ и не утверждалъ этого. Въ первой редакціи житія нѣтъ словъ: „во всей бо то области царствующаго града дважды глаголють св. аллилугію“. Это—дополненіе Василія; оно сдѣлано, очевидно, съ такою же цѣлю,

¹⁾ Пам. ст. рус. лит., IV, 89, 90.

какъ и замѣтка о писаніи патріарха „еже дважды глаголати аллилуію“, и не заслуживаетъ никакого довѣрія.

Получивъ отъ патріарха и отъ молчальниковъ пустынныхъ успокоеніе въ правильности, спасительности двоенія, Евфросинъ не напелъ на Востокъ отвѣта на главный вопросъ: какой же таинственный смыслъ заключается въ сугубой аллилуіи, что это за догматъ? „Въ царствующемъ градѣ,—говоритъ преподобный,—достоверна сказателя (тайны сугубой аллилуіи) не обрѣтохъ“¹⁾. Онъ узналъ лишь, что по взгляду греческой церкви двоеніемъ аллилуіи символически выражается вѣра въ божество и человѣчество І. Христа, и принялъ этотъ взглядъ. „Устави чинъ церковный въ своей обители: дважды глаголати св. ал., по преданію вселен. патріарха, еже славословити единѣми усты божество же купно и человѣчество“ (стр. 81). Вѣроятно, что патріархъ и молчальники разъяснили Евфросину, что въ сугубой аллилуіи и не заключается никакой тайны и потому бесполезно о ней скорбѣть. Такой отвѣтъ едва ли могъ удовлетворить Евфросина. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству біографовъ, онъ и позднѣе вѣрилъ въ особый таинственный смыслъ двоенія. Тѣмъ не менѣе благоразумный совѣтъ цареградскихъ собесѣдниковъ не прошелъ безслѣдно. Вѣря въ таинственность аллилуіи, Евфросинъ однако не только не стремился разъяснить себѣ эту тайну, но и предостерегалъ отъ этого другихъ. Когда его псковскіе совопросники начали рѣчь о догматическомъ смыслѣ аллилуіи, онъ остановилъ ихъ и прямо заявилъ, что тайна аллилуіи недоступна для человѣческаго ума и что, слѣдовательно, бесполезны всѣ попытки понять и истолковать ее. „Вы же не начинайте мудрити вещи сея: выше мѣры вашея есть се; но иже хочетъ Богъ единъ, своими судьбами можетъ открыти ю работъ своимъ, работавшимъ ему истинною“ (стр. 91). Въ спорѣ съ своими противниками Евфросинъ стоитъ исключительно на канонической почвѣ. Онъ споритъ не о томъ, какая тайна глубиннѣе—сугубой или трегубой аллилуіи, а лишь о томъ, какой порядокъ заслуживаетъ большаго довѣрія—мѣстный псковскій (троеніе) или греческій (двоеніе). „И тако (въ царствующемъ градѣ) извѣстно испытахъ, яко двоити лѣпо есть пресв. аллилугія; тако бо есть угодно, яко держитъ великая церковь Константина-града, отъ нея же и азъ пріяхъ, тако и до нынѣ пою, двоящи пресв. ал..., и зѣло тшуся и до гроба совершити сицевыя дѣтели, образъ божественая удвоевая“²⁾. „Азъ не отъ своего обычая проумѣлъ есмь двоити божеств. алл., но паче отъ вселенскія церкви взяхъ сія и навыхохъ ю тако глаголати“ (стр. 94),—заявлялъ онъ и позднѣе, въ посланіи къ архіеп. Евѳимію. Своихъ противниковъ Евфросинъ обвинялъ въ самочиніи, въ несогласіи ихъ порядка съ порядкомъ греческой церкви, въ неумѣннн отвѣтити на вопросъ: отьуда они заимствовали такой несогласный съ праятнвою константинольскою церкви обычай,—а не въ догматическихъ погрѣшностяхъ, не въ ереси.

¹⁾ Пам. ст. рус. лит., IV, 91.

²⁾ Пам. ст. рус. лит., IV, 90, ср. рук. № 306, л. 37.

Путешествіе на Востокъ еще болѣе убѣдило Евфросина въ томъ, что въ вопросахъ вѣры и церковной практики нужно строго слѣдовать примѣру греческой церкви, а не мѣстнымъ авторитетамъ и обычаямъ. Это убѣжденіе особенно ясно высказано Евфросиномъ въ его посланіи къ духовенству троїцкаго собора. „Сумненіе оубо имѣю о томъ много,—говоритъ преподобный,—вас(ъ) ли послушати, а съборную церковь оставити и влятву на себѣ възвѣсти отъ всѣхъ седми соборъ стых(ъ) (л. 112 и об.). И доказавъ затѣмъ необходимость точнаго слѣдованія авторитету соборной церкви, онъ дѣлаетъ выводъ: „подобает(ъ) ми пач по стѣи и съборнѣи аплстѣи церкви поборнику быти“ (л. 112 об.). И этимъ вѣрнымъ поборникомъ по вселенской церкви Евфросинъ остался на всю жизнь, несмотря на то, что современныя ему событія въ исторіи византійской церкви давали русскимъ людямъ XV в. не мало поводовъ сомнѣваться, стоитъ ли вѣрить грекамъ. Нужно думать, что Евфросинъ, лично побывавшій въ Константинополѣ, имѣвшій возможность сравнить греческіе церковные порядки и жизнь съ мѣстными, не находилъ основаній согласиться съ мнѣніемъ большинства, что у насъ на Руси (въ XV в.) было болѣе православіе и высшее христіанство, чѣмъ въ Византіи. А если признать долю правды за сообщеніемъ позднѣйшаго памятника: повѣсти объ елезаровской иконѣ Б. М., что Евфросинъ не порывалъ общенія съ Востокомъ и послѣ 1439—53 гг., то можно сказать, что у преподобнаго были и фактическія основанія сомнѣваться въ утвержденіи его современниковъ, будто-бы въ эти годы греки совсѣмъ утратили православіе.

Такимъ образомъ, начальная исторія споровъ изъ-за алилуїи представляетъ намъ Евфросина не только сторонникомъ двоенія, но вмѣстѣ съ этимъ и сторонникомъ авторитета въ дѣлахъ вѣры вообще и въ вопросахъ церковной практики въ частности византійской церкви. Можно даже сказать, что если бы на Востокѣ преподобный не нашелъ подтвержденія своимъ взглядамъ, то онъ и не выступилъ бы на защиту сугубой алилуїи. Такъ нужно объяснять причины, подъ вліяніемъ которыхъ Евфросинъ разошелся съ большинствомъ псковичей по вопросу о возгласеніи алилуїи, сталъ на сторону двоившихъ. Обратимся теперь къ исторіи самого спора Евфросина съ псковичами.

И здѣсь приходится встрѣчаться со многими неясностями въ изложеніи, съ неточностями въ опредѣленіяхъ отдѣльныхъ событій, съ преувеличеніями въ ихъ оцѣнкѣ, съ слишкомъ замѣтной тенденціозностію въ характеристикѣ отдѣльныхъ личностей. Но всѣ эти недостатки не даютъ еще права сказать, чтобы повѣсть спора представляла собою сплошной вымыселъ. Многія изъ неточностей не могутъ даже быть признаны ошибками по отношенію къ тому времени, когда составлялись біографіи святаго. Такъ, напримѣръ, названіе византійскаго императора Іоанна Палеолога Калуюномъ или Калианиномъ, смущавшее изслѣдователей житія Евфросина своею неточностію, въ древне-русской письменности наоборотъ было самымъ обычнымъ. Оно употреблялось не только въ частныхъ литературныхъ произведеніяхъ, напримѣръ: въ сказаніяхъ о флорентійскомъ

соборъ Симеона суздальскаго, князя Курбскаго, но и въ официальныхъ документахъ,—напримѣръ, въ посланіи великаго князя Василя Васильевича къ греческому царю Константину Палеологу о поставленіи въ митрополиты св. Іоны¹⁾. Названіе это встрѣчается и въ хронографахъ,—напримѣръ, въ рукопис. XVI в., № 645, Волок. 6-ки²⁾.

Къ числу преувеличеній, граничащихъ прямо съ невѣроятностію, относили раньше и замѣту о распогѣ Іовѣ, считали невозможнымъ, чтобы Іовъ, по сложеніи священническаго сана, сохранилъ за собою вліяніе на церковныя дѣла въ Псковѣ. Но все это невозможно лишь съ современной намъ точки зрѣнія. Сохранившіяся же историческія извѣстія о псковской жизни XV в. показываютъ, что на поступокъ Іова нельзя даже смотрѣть, какъ на что-то необычное. Наоборотъ, сложеніе духовнаго сана въ Псковѣ въ XV и XVI вв. было явленіемъ очень частымъ. Затѣмъ, оно не всегда дѣлалось по такимъ низменнымъ побужденіямъ, какъ это представлено біографами Евфросина. Снимали священный санъ и люди въ нравственномъ отношеніи вполне безукоризненные, какъ покажетъ разбираемое ниже (въ VI-мъ очеркѣ) посланіе снѣтогорскаго инока Корнилія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сложеніе сана происходило по побужденіямъ и вообще не имѣвшимъ никакого отношенія къ нравственной личности слагавшаго санъ. Снимали иногда санъ по побужденіямъ чисто практическимъ. Исслѣдователями псковской исторіи отмѣченъ уже фактъ исключительнаго общественнаго положенія здѣсь духовенства. По замѣчанію проф. Бѣляева, псковское духовенство по своему общественному положенію ближе, чѣмъ это было въ другихъ русскихъ областяхъ, подходило къ мірскимъ людямъ; иначе сказать: служба духовенства была церковная, а общественное положеніе и жизнь чисто мірскія³⁾. Къ этому нужно добавить, что и занятія духовенства въ иныхъ случаяхъ еще болѣе сглаживали грань, отдѣлявшую духовныхъ лицъ отъ мірянъ, и облегчали переходъ изъ духовнаго въ прежнее мірское званіе. Напримѣръ, изъ надписей надъ колоколами узнаемъ, что въ XVI в. въ одной духовной семьѣ дѣтей Андреевыхъ специальнымъ занятіемъ была отливка колоколовъ. Два сына Андрея, Михаилъ и Максимъ, занимали духовныя должности,—первый (въ 1520—21 гг.) священника, второй—дьячка. Въ XVII вѣкѣ въ числѣ воловольныхъ ма-

¹⁾ А. Поповъ, „Истор. лит. обзоръ древн. рус. полем. сочин. противъ латинянъ“, М. 1875 г., стр. 344, 349. Малининъ, о. с., стр. 89, 90, 102. „Сказанія кн. Курбскаго“, стр. 295. Рус. ист. 6-ка, т. VI, № 71, отъ 1451—2 г., стр. 578.

²⁾ Здѣсь помѣщенъ „лѣтописецъ вкратцѣ царіе царствующи въ Константиѣ-градѣ, православнии же и еретици“,—содержащій въ себѣ перечень именъ въ хронологическомъ порядкѣ,—начиная съ Константина Великаго,—съ краткими замѣтками: „православенъ, преступникъ, арьянинъ, еретикъ, мнѡеель, любокѡнникъ“ и т. п. Въ концѣ лѣтописца читаемъ: „сынъ же его (импер. Мануила) Киръ-Калуянъ по немъ нача царствовати, лѣто 6933,—православенъ“ (л. 121).

³⁾ „Разказы“, т. III, стр. 94.

стеровъ упоминается какою-то Трофимко дьячекъ. Подобное занятіе, обезпечивая матеріально, давало полную возможность оставить духовную службу. И дѣйствительно, какъ видимъ изъ другой надписи, безъ обозначенія года (при митрополитѣ Даниилѣ, — значить, между 1522—39 г.), пощъ Михайлъ Андреевъ снялъ священный санъ, промѣнялъ духовную службу на болѣе выгодное занятіе — колокольное мастерство. Въ надписи на колоколѣ Варлаамской церкви читаемъ: „дѣлали мастера Андреевы дѣти: Михайлъ священникъ бывшій“. Въ 1547 г. онъ писался уже просто „мастеръ Андреевъ сынъ Михайло“¹⁾.

Вполнѣ возможно, что и Іовъ промѣнялъ священство на гостебное (купецкое) житіе главнымъ образомъ по практическимъ соображеніямъ, а не съ цѣлю жениться во второй разъ, — какъ объясняютъ биографы Евфросина. Последнее онъ могъ сдѣлать и не снимая сана: второбрачные священники въ Псковѣ въ XV в., какъ указано уже выше, не представляли собою рѣдкости.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что Іовъ, выдававшійся среди псковскаго духовенства своими знаніями св. Писанія и церковнаго устава, и послѣ снятія сана сохранилъ вліяніе на церковныя дѣла, былъ даже руководителемъ мѣстной церковной жизни. Сложеніе духовнаго сана не считалось въ то время поступкомъ предосудительнымъ и не сопровождалось какими-либо ограниченіями въ общественномъ положеніи снявшаго санъ. Изъ замѣтки лѣтописца подъ 1477 годомъ о бояринѣ-роздьяконѣ, сынѣ поповѣ, Андреѣ Ивановѣ, можно видѣть, что снявшій санъ могъ даже достигнуть и высшаго общественнаго положенія²⁾. Тѣмъ легче было сохранить вліяніе на церковныя дѣла столпу псковскаго благочестія — философу Іову, обладавшему такими знаніями, которыя и всегда цѣнятся, а въ то время должны были и особенно цѣниться³⁾. Если, затѣмъ, принять во вниманіе, что церковныя дѣла въ Псковѣ одинаково интересовали и духовенство и мірянъ и не одинъ разъ бывали предметомъ вѣчевыхъ обсужденій, то понятною станетъ для насъ и та главная роль, которая принадлежала Іову въ спорѣ псковичей съ Евфросиномъ. Такимъ образомъ, биографъ преподобнаго въ своей характеристикѣ Іова основывался на дѣйствительныхъ фактахъ изъ жизни этого псковскаго распопа, только въ пылу своего полемическаго увлеченія онъ далъ этимъ фактамъ слишкомъ одностороннее освѣщеніе.

И вообще исторія споровъ изъ-за аллилуйи, если исключить нѣкоторыя хронологическія неточности и личныя авторскія толкованія отдѣльныхъ фактовъ, должна быть признава правдоподобною. По житію, Іовъ прежде всего: „повѣда на блаженнаго пятма соборомъ церковнымъ, иже

¹⁾ И. Василевъ, „Археол. указат. г. Пскова“, стр. 41, 61, 63.

²⁾ Пол. соб. рус. лѣт., т. IV, стр. 254.

³⁾ Проф. Голубинскій утверждаетъ, что распопъ Іовъ одно лицо съ упоминаемымъ въ грамотѣ м. Фотія „искуснымъ попомъ Іовомъ“. Чт. въ Общ. И. и Др., кн. 214, стр. 211—212., ср. у Ключевскаго, Прав. Обзор., XII, 723.

во градѣ". Эти „соборы“ дѣйствительно и представляли собою высшій органъ мѣстнаго церковнаго управленія. Іовъ предлагалъ допросить Евфросина, на чемъ основывается онъ, держась такого несогласнаго съ общемою церковною практикою обычая, почему онъ поступаетъ вопреки прямымъ указаніямъ мѣстнаго письменнаго устава: двоить аллилуію? Но на первыхъ порахъ, по замѣчанію біографа, это предложеніе Іова не встрѣтило особаго сочувствія со стороны „чади церковной“. Изъ уваженія къ св. старцу многіе изъ псковскаго духовенства не хотѣли огорчать его. Допросъ Евфросину былъ произведенъ частнымъ образомъ, сторонниками Іова. Очень возможно, что біографъ здѣсь не совсѣмъ точно передаетъ событія, желая представить, что все дѣло исходило лишь отъ лица Іова и его недостойныхъ сообщниковъ. По крайней мѣрѣ, предупрежденіе со стороны посланцевъ Іова Евфросину: „да не когда паче до конца востанутъ на тя вси собори наши церковніи, съ ними же купно и все множество народа христоролюбиваго града Пскова“, даетъ право предположить, что посланные имѣли болѣе широкія полномочія: если и не „истязать“, то вразумить и предупредить подвижника отъ лица всего духовенства псковскаго¹⁾).

Но вразумить убѣжденнаго сторонника двоенія не удалось. Онъ не призналъ правильности приводимыхъ доказательствъ о превосходствѣ троенія надъ двоеніемъ, отказался слѣдовать общему обычаю и одновременно съ этимъ сказалъ не мало жесткихъ словъ по адресу блюстителя церковнаго благочестія, столпа Іова. Споръ послѣ этого обострился. „Се уже отнынѣ извѣстно разумью, авва, яко еретикъ еси“, — такъ отвѣтилъ на обвиненія преподобнаго обиженный его противникъ²⁾). Онъ началъ обвинять святаго уже не въ самочиніи обычая, какъ раньше, а въ ереси, и скоро успѣлъ вооружить противъ Евфросина всѣхъ псковичей. Послѣдніе „не токмо любовію изсякнуша, но и вѣрою оскудѣша къ святому..., но еще еретика и врага Божія нарицаху святаго“, — замѣчаетъ біографъ и приводитъ характерные факты такихъ измѣнившихся отношеній. Это— послѣдній эпизодъ въ исторіи споровъ, свидѣтельствующій, насколько разошлись спорившія стороны.

Но несмотря на всю свою убѣжденность въ исключительной правильности двоенія, Евфросинъ дѣлалъ попытки уладить споръ и одновременно съ этимъ оправдать себя передъ псковскимъ духовенствомъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ сохранившееся въ первой редакціи житія посланіе преподобнаго къ духовенству троицкаго собора съ жалобамъ на Іова и съ оправданіемъ своего неподчиненія общему псковскому обычаю. Посланіе это относится еще къ началу споровъ и вѣроятно было написано послѣ бесѣды преподобнаго съ Филиппомъ и его товарищемъ. Оно не достигло своей цѣли, между прочимъ и потому, что, обращаясь за защитою противъ Іова къ троицкому духовенству, преподобный въ то же время въ

¹⁾ Пам. ст. рус. лит., IV, 86.

²⁾ ib., стр. 92.

очень рѣзкихъ выраженіяхъ осуждаетъ и троицкихъ священниковъ за ихъ невысокую нравственную жизнь. Послѣ окончательнаго разрыва съ псковичами Евфросинъ переноситъ свое дѣло на судъ новгородскаго архіепископа Евсемя II-го. Въ посланіи къ Евсемию онъ проситъ владыку вмѣшаться въ споръ и обуздать его противниковъ, запретить имъ называть его еретикомъ. Но и владыка не разрѣшилъ „при междуусобной“, не связалъ Іова епитимією. Та и другая стороны остались при прежнихъ взглядахъ. Но споръ уже не возобновлялся, все ограничивалось лишь скорбію святаго о неразрѣшенномъ вопросѣ, да хулами противъ него Іова. 1458-й годъ нужно, значить, признать временемъ окончанія споровъ. За это говорить и самое мѣсто посланія къ Евсемию въ житіи: оно помѣщено передъ описаніемъ послѣднихъ годовъ жизни святаго.

Но такое опредѣленіе времени окончанія споровъ повидимому противорѣчитъ хронологическимъ датамъ житія. Въ послѣднемъ читаемъ, что Іовъ пожаловался на преподобнаго „пятма соборомъ“, а это могло быть не раньше 1462 года, когда былъ учрежденъ пятый соборъ.

В. О. Ключевскій даетъ такое разъясненіе этому противорѣчію. „Можетъ быть,—говоритъ онъ,—пятый соборъ началъ слагаться при построенной въ 1442 г. церкви Похвалы Богородицы и начиналъ уже дѣйствовать, какъ церковная корпорація, прежде чѣмъ псковское вѣче по просьбѣ составившихъ его „невкупныхъ поповъ“ формально признало его существованіе“¹⁾. Намъ кажется болѣе правильнымъ въ указанной хронологической датѣ видѣть просто ошибку, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ житія. Ошибка эта произошла благодаря тому, что первый біографъ, не будучи псковичемъ, плохо былъ знакомъ съ псковскими событіями. Онъ писалъ житіе въ пору существованія въ Псковѣ уже шести соборовъ и поставилъ здѣсь пять соборовъ, не сдѣлавъ предварительной справки, сколько въ дѣйствительности было ихъ въ описываемое время. Общій ходъ споровъ, какъ онъ изложенъ въ житіи, побуждаетъ думать, что приведенная жалоба Іова предшествовала написанію посланія Евфросина къ Евсемию, а не наоборотъ, какъ слѣдовало бы по хронологіи житія.

Но сколько же времени продолжались псковскіе споры?

На этотъ вопросъ нѣтъ точнаго отвѣта у біографовъ святаго. Несомнѣнно, что двоеніе аллилуйи Евфросинъ установилъ въ своемъ монастырѣ еще при возникновеніи послѣдняго. Но въ житіи нѣтъ хронологическихъ указаній и объ этомъ событіи; есть только упоминаніе, и то лишь въ нѣкоторыхъ спискахъ, что Евфросинъ перешелъ на Толву въ 1425 году. По мнѣнію пр. Макарія, принятому и проф. Малининымъ, устройство Елеазаровскаго монастыря можно отнести къ 1450 году²⁾. На самомъ же дѣлѣ такая хронологическая дата о возникновеніи монастыря не имѣетъ

¹⁾ Прав. обозр., 1872 г., ч. II, стр. 723.

²⁾ Ист. рус. ц., т. VII, стр. 38, изд. 2, Спб. 1891 г. Старецъ Елеазаръ м-ря Филовей, стр. 16.

для себя достаточныхъ оснований; она даже противорѣчить прямому указанію житія о томъ, что первый игумень Елеазаровскаго монастыря—Игнатій былъ посвященъ во священника еще до начала управленія новгородско-псевовскою епархіею Евѳимія II, не позднѣе 1434 года. Правильнѣе будетъ отнести время построенія монастырской церкви, а вмѣстѣ съ этимъ и начало двоенія къ началу 30-хъ г. XV вѣка. Но, какъ показываютъ слова самого Евфросина, пререканія изъ-за аллилуіи начались уже послѣ 1453 года. Въ бесѣдѣ съ посланными отъ Іова, относящейся къ самому началу споровъ, преподобный говоритъ: „быхъ(ъ) въ костянтинѣ градѣ(ѣ) въ добрую пору, за длгъ(о) до взятія бгохранимаго прѣа града отъ(ъ) поганого бусурменина турьскаго“¹⁾. Значить, въ началѣ или совсѣмъ не было обращено вниманія на самочинный елеазаровскій обычай, или если и было обращено вниманіе, то не строгое. Но послѣ 1453 года дѣло измѣнилось.

Послѣ паденія Константинополя главная ссылка защитника двоенія на авторитетъ греческой церкви утрачивала въ глазахъ его противниковъ всякое значеніе. Защитники троенія могли отвѣтить Евфросину такъ же, какъ позднѣе отвѣтилъ ктитору Аѳанасію его корреспондентъ: „не льститеся, отче, двувратно поюще аллилуію: уже бо прочіи (т. е. греки) погибоша, и мы такожде погубнемъ“, если будемъ слѣдовать ихъ примѣру. Болѣе того, они могли сослаться на грамоту м. Іоны, прямо предостерегавшую не слѣдовать грекамъ и ихъ обычаямъ.

Силу такого возраженія сознавалъ повидимому и Евфросинъ, потому онъ и старался указать противникамъ, что путешествіе въ Константинополь было совершено еще въ такое время, когда не было никакихъ поводовъ сомнѣваться въ православіи грековъ: „въ добрую пору“, „за длгъ(о) до взятія бгохранимаго прѣа града отъ(ъ) поганого бусурменина турьскаго“. Но и это разъясненіе въ сущности не измѣняло положенія дѣла. Фактъ утраты греками православія былъ на лицо, и оправдывать свой поступокъ примѣромъ греческой церкви, а тѣмъ болѣе отрицать мѣстные церковные авторитеты, по взгляду современниковъ Евфросина, было по меньшей мѣрѣ не благоразумно. Наличие посланія къ Аѳанасію не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что противниками Евфросина эта мысль была ясно доказана. Біографъ преподобнаго, не зная, какъ разобрать эти возраженія, просто опустилъ ихъ въ своемъ разсказѣ. Въ результатѣ у него получилось странное противорѣчіе. Защитникъ двоенія и его противники не понимаютъ другъ друга. Евфросинъ старается оправдать себя исключительно ссылкой на порядокъ греческой церкви, но его противники совсѣмъ не умѣютъ возразить преподобному и все дѣло сводятъ на разсужденія о догматическомъ превосходствѣ троенія надъ двоеніемъ. Въ такомъ случаѣ преподобному и не было бы нужды говорить о доброй порѣ его путешествія въ Константинополь, а тѣмъ болѣе писать особья

¹⁾ Рук. № 306, л. 36.

послания въ Псковъ и въ Новгородъ съ цѣлю доказать, что авторитетъ греческой церкви нужно предпочитать авторитету мѣстной—псковской.

Но возраженій троившихъ противъ ссылки на греческую церковь не могъ, кажется, разъяснить и самъ преподобный. По крайней мѣрѣ, своими посланіями онъ не убѣдилъ ни архіепископа, ни псковичей. Псковичи признали преподобнаго еретикомъ и врагомъ Божиимъ и прекратили съ нимъ всякое общеніе. Спорить уже было не о чемъ,—и споръ прекратился. Такимъ образомъ, періодъ псковскихъ споровъ можно обще опредѣлить пятидесятью годами XV столѣтія.

Грамотные люди XVI—XVII вв., знаемые съ житіемъ преп. Евфросина и съ другими памятниками, касавшимися исторіи споровъ изъ-за аллилуйи, защитѣ преподобнымъ двоенія придавали очень большое значеніе; они готовы были самое прославленіе святаго ставить въ зависимость отъ этого сомнительнаго подвига его жизни. „За сіе богоугодное мудрованіе Господь Богъ прославилъ преп. отца Евфросина, псковскаго чудотворца, во святыхъ“,—писалъ въ 1670 г. въ своей челобитной раскольничій иновъ Авраамій¹⁾. И не только отдѣльныя лица, но и цѣлый соборъ русскихъ архипастырей нашель возможнымъ повѣрить и располагать другихъ въ довѣрію къ такимъ явно вымышленнымъ рассказамъ, какъ описаніе явленія Богоматери первому писателю. Ислѣдователю жизни преподобнаго нѣтъ нужды останавливаться на разъясненіи и обличеніи этихъ ошибокъ „простоты и невѣжества“. Но нельзя не поставить общаго вопроса: какое же мѣсто и значеніе въ жизни преподобнаго имѣли его сворбѣ о тайнѣ аллилуйи и апологія ея двойного возглашенія?

Нельзя отрицать ни факта споровъ преподобнаго съ псковичами, ни того, что въ обрядовомъ вопросѣ, въ дѣлѣ вѣры и спасенія не имѣющимъ существеннаго значенія и важности, онъ видѣлъ что-то болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, что-то таинственное и важное. Все это вполне естественно и вполне понятно. Преподобный былъ человекомъ своего вѣка. Онъ не могъ въ своихъ взглядахъ на значеніе обрядовъ расходиться съ тогдашнимъ взглядомъ обще-церковнымъ; а на обряды тогда смотрѣли неправильно, преувеличивали ихъ значеніе. Но признавая за сугубой аллилуйей догматическое значеніе, допуская общую для того времени ошибку—смѣшеніе обряда съ догматомъ, Евфросинъ имѣлъ зато совершенно правильный взглядъ, что тайна вѣры, не разъясненная св. отцами на вселенскихъ соборахъ, такъ и должна остаться тайною, не можетъ быть понята и объяснена обыкновеннымъ человѣческимъ умомъ. Сторонники Евфросина иначе смотрѣли на это. Воспользовавшись авторитетнымъ именемъ подвижника, они открыли эту тайну, ввели въ символъ русской вѣры новый „премудрый догматъ“, но въ этомъ меньше всего былъ виноватъ преподобный. Наоборотъ, какъ указано уже раньше, Евфросинъ даже предостерегалъ своихъ совопросниковъ отъ подобныхъ догматическихъ открытій.

¹⁾ Матер. для ист. раск., т. VII, стр. 325.

Самая защита сугубой аллилуйи въ жизни Евфросина не имѣла такого важнаго значенія, какое придалъ ей первый биографъ преподобнаго. Споры изъ-за аллилуйи Евфросина съ псковичами были непродолжительны, заняли собою самое большее пять лѣтъ (1453—58 гг.), да и безмѣрная печаль святаго о неразрѣшенной тайнѣ не такъ много времени заняла въ его жизни, какъ представляетъ это намъ биографъ. Доказательствомъ послѣдняго могутъ служить самыя сочиненія преподобнаго: посланія въ троицкому духовенству и къ арх. Евѳимію, а также иноческій уставъ и духовное завѣщаніе. Въ первыхъ двухъ памятникахъ ничего не говорится о догматическомъ значеніи сугубой аллилуйи; въ двухъ послѣднихъ объ аллилуйи нѣтъ даже и упоминанія. Страннымъ кажется, какимъ образомъ подвижники, всю будто бы жизнь посвятившіи защитѣ и выясненію тайны сугубой аллилуйи, перенесшіи изъ-за нея столько незаслуженныхъ огорченій, ничего не сказали обо всемъ этомъ въ своихъ сочиненіяхъ. Въ уставѣ Евфросина есть указанія и о церковной молитвѣ, даже о церковномъ звонѣ; въ завѣщаніи помѣщены наставленія о совершеніи поминовеній по умершимъ инокамъ. Съ точки зрѣнія защитника двоенія все это должно бы представляться маловажнымъ по сравненію съ такимъ главнымъ предметомъ благочестія, какъ аллилуйя. Въ предисловіи къ уставу преподобный говоритъ объ огорченіяхъ, которыя пришлось ему испытать при устройствѣ обители. Эти огорченія, разумѣется, были гораздо легче тѣхъ, которыя пришлось перенести святаму изъ-за сугубой аллилуйи, но о нихъ упомянуто, а о послѣднихъ нѣтъ ни слова. Странность этого является тѣмъ болѣе непонятною, если обратимъ вниманіе на хронологическую дату написанія устава: 1457—8 гг.—1461 г., т. е. время, когда такъ неблагоприятно для Евфросина оканчивался споръ. Естественно ожидать, что хотя бы въ предсмертномъ завѣщаніи своимъ инокамъ преподобный напомнить имъ твердо держаться сугубой аллилуйи, защищать неоконченное имъ дѣло. Но вмѣсто этого и здѣсь находимъ лишь наставленія строго хранить уставъ, точно исполнять всѣ его требованія. Вопреки разсказу житія выходитъ, что и на смертномъ одрѣ подвижника занимали не тайна сугубой аллилуйи, а идеалы монашества, которымъ было посвящена его долгая жизнь, забота, чтобы и послѣ его кончины осуществленное при жизни не было измѣнено или позабыто. Не сугубаго гнѣнія аллилуйи, а вѣрности уставу иноческаго житія хочеть видѣть и требуетъ отъ своихъ учениковъ преподобный и на это призываетъ имъ помощникомъ Бога.

Такимъ образомъ, изслѣдователь жизни преподобнаго съ большою осторожностію долженъ относиться къ биографическому матеріалу, заключающемуся въ повѣсти споровъ святаго съ псковичами о сугубой аллилуйи.

Болѣе надежнымъ источникомъ для характеристики личности препод. Евфросина являются собственныя его сочиненія: монастырскій уставъ и духовное завѣщаніе.

Какъ отмѣчено уже раньше, во введеніи, уставъ препод. Евфросина мало извѣстенъ въ научной литературѣ, а его литературная исторія и

совсѣмъ не изслѣдована. Къ этому нужно добавить, что и вообще этотъ отдѣлъ русской монастырской письменности разработанъ очень недостаточно. Даже и начальная исторія монастырскаго устава на Руси не вполне выяснена, а дальнѣйшая его судьба и значеніе въ жизни русскаго монашества и совсѣмъ не разъяснены. Отсюда, произвести сравнительное изученіе одного какого-либо памятника не легко. Прежде чѣмъ начинать эту работу, приходится остановиться на разъясненіи вопроса о томъ, какой матеріалъ имѣется для нея въ древне-русской монастырской письменности, возможно ли произвести сравнительное изученіе устава Евфросина?

Монашество, какъ особый видъ христіанской подвижнической жизни, было уже въ готовой формѣ перенесено къ намъ изъ Византіи нашими духовными просвѣтителями-греками. Ко времени принатія Русью христіанства восточное монашество имѣло у себя не только отдѣльныя святоотеческія правила, но и полный уставъ монашеской жизни, точно регламентировавшій всѣ ея стороны. Составителемъ этого устава считается св. Ѳеодоръ Студитъ († 826 г.). Затѣмъ, почти за сто лѣтъ до возникновенія матери русскихъ монастырей, Кіево-Печерской обители, появился уставъ и на св. горѣ Аѳонской—св. Аѳанасія, близкій къ студійскому, а въ 1046 г. былъ написанъ на Аѳонѣ новый уставъ, въ общемъ сходный съ уставомъ Аѳанасія¹⁾. Однимъ изъ этихъ уставовъ—студійскимъ или аѳонскимъ, или даже обоими, и могли, значить, воспользоваться древне-русскіе иноки.

По словамъ лѣтописца, списокъ студійскаго устава имѣлся въ древней Руси въ XI вѣкѣ. Онъ былъ принесенъ въ Кіевъ студійскимъ монахомъ Михайломъ²⁾. Отъ конца XI вѣка—начала XII в. сохранилась и подробная записъ студійскаго устава на славянскомъ языкѣ³⁾. Но пользовались ли студійскимъ уставомъ наши первые монахи,—никакихъ извѣстій объ этомъ нѣтъ.

Относительно устава аѳонскаго нѣтъ даже и такихъ извѣстій, какія имѣемъ объ уставѣ студійскомъ; не сохранилось и записи его на славянскомъ языкѣ. Несомнѣнно, что этотъ уставъ былъ извѣстенъ отцу русскаго иночества, постриженнику Аѳонской горы—преп. Антонію. Но былъ ли Антоніемъ принесенъ съ Аѳона списокъ устава или нѣтъ, объ этомъ ничего нельзя сказать даже и предположительно.

По мнѣнію проф. Голубинскаго, монашество перешло къ намъ изъ Греціи безъ всякаго устава, въ формѣ особножительства или келліотства⁴⁾. Отсюда, первоначальная жизнь русскаго монашества можетъ быть названа въ полномъ смыслѣ *безуставною*.

¹⁾ Подробнѣе см. у И. Соколова, „Состояніе монашества въ Византійской церкви“, Казань, 1894 г., стр. 227—230, 239, 318, 320 и слѣд., 332.

²⁾ Полн. собр. рус. лѣт., т. I, стр. 69, т. II, изд. 1871 г., стр. 112—113.

³⁾ Голубинскій, Ист. рус. ц. т. I, 2 пол., изд. 2, стр. 373.

⁴⁾ *ib.*, стр. 605, 607.

Честь введенія на Руси монастырскаго общежитія и чернеческаго правила, несомнѣнно, принадлежитъ самимъ русскимъ иновамъ: преп. Θεодосію, или точнѣе—Антонію и Θεодосію. Но при какихъ условіяхъ былъ введенъ ими уставъ, историческія извѣстія не даютъ опять точнаго отвѣта; разнорѣчивы и научныя объясненія. По лѣтописи, преп. Θεодосій получилъ списокъ студійскаго устава отъ упомянутаго уже монаха Михаила, переписалъ этотъ списокъ,—т. е. перевелъ на русскій языкъ,—и установилъ въ Печерскомъ монастырѣ: „како гвѣти гвѣнїя манастырская и поклонъ како держати и чтенія почитати, и стоянїе въ церкви, и весь рядъ церковный, на трапезѣ сѣданіе и что ясти въ быя дни, все съ въставленїемъ“¹⁾. Изъ перечня этихъ статей можно заключить, что это былъ одновременно и монашескій и богослужебный уставъ, т. е. что по своей формѣ онъ вполне соответствовалъ сохранившимся спискамъ студійскаго устава.

По свидѣтельству житія Θεодосія, которое, какъ и лѣтопись, приписываетъ введеніе устава одному лишь Θεодосію, студійскій уставъ былъ переписанъ въ Константинополѣ Ефремомъ скопцемъ. Къ нему въ 1062 г. преп. Θεодосіемъ былъ специально посланъ одинъ изъ печерскихъ монаховъ²⁾. Но эти два извѣстія можно еще дополнить третьимъ, что уставъ былъ введенъ первоначально не Θεодосіемъ, а преп. Антоніемъ, по списку монаха Михаила. Такое извѣстіе было въ житіи преп. Антонія—памятникѣ, давно утраченномъ; содержаніе его пытается установить акад. Шахматовъ въ статьѣ: „Житіе Антонія и Печерская лѣтопись“³⁾. По мнѣнію Шахматова, лѣтописное извѣстіе нужно исправить такъ, что вмѣсто имени Θεодосія читать имя Антонія (стр. 137). При такой поправкѣ легко устраняется отмѣченное противорѣчіе между двумя извѣстіями о введеніи въ Печерскомъ монастырѣ устава. Уставъ, по списку Михаила⁴⁾, введенный преп. Антоніемъ, какъ неполный по содержанію, не удовлетворялъ собою преп. Θεодосія, и, продолжая дѣло Антонія, Θεодосій позаботился замѣнить первоначальный списокъ устава болѣе полнымъ: „посла единого отъ братїя въ Костянтинъ градъ къ Ефремоу скопцю, да *всѣ* оуставъ стоудійскааго манастыря, испсавъ, присылетъ емоу“⁵⁾. Списка этого θεодосіевскаго устава не сохранилось, и потому невозможно со всею точностію опредѣлить, насколько онъ по своему содержанію соответствовалъ оригиналу—греческому списку, и были ли сдѣланы преподобнымъ какія-либо измѣненія.

¹⁾ Пол. собр. рус. лѣт., т. II, стр. 112—113, т. I, стр. 69.

²⁾ Сборникъ XII в. москов. Усп. собора, стр. 57; по изд. Яковлева, стр. XXI. Соглашеніе извѣстій лѣтописи и житія см. у м. Макарія, Ист. рус. ц., т. II, стр. 56.

³⁾ Жур. М. Нар. Просв., 1898 г., мартъ, стр. 105—149. Объ уставѣ см. стр. 137—138, 141, 143.

⁴⁾ Не былъ ли это списокъ аеонскаго устава?

⁵⁾ Сборникъ XII в., стр. 57.

По мнѣнію проф. Голубинскаго, препод. Θεодосій ввелъ въ своемъ монастырѣ уставъ студійскій, истинно и строго общежительный, воспользовавшись редакціею записи, сдѣланной патр. Алексіемъ (1025—1043 г.). Эту запись онъ воспроизвелъ,—какъ свидѣтельствуяютъ повязанія житія,— „до мелвихъ подробностей“¹⁾. О полнотѣ устава, введеннаго Θεодосіемъ, говорить и м. Макарій; но онъ не допускаетъ, чтобы это былъ списокъ редакціи патр. Алексія²⁾. Какое изъ этихъ мнѣній болѣе вѣроятно, трудно сказать, такъ какъ нѣтъ данныхъ провѣрить эти предположенія двухъ одинаково авторитетныхъ историковъ русской церкви. Но для нашей цѣли это и не нужно. Важнѣе другія извѣстія о томъ, какъ распространялся кievскій уставъ, какава была его дальнѣйшая судьба.

По свидѣтельству лѣтописца: „отъ него же (Θеодосіева) монастыря прияша вси монастырѣ уставъ по всемъ монастыремъ“. И если принять во вниманіе, что Печерскій монастырь далъ изъ своей среды епископовъ во всѣ почти русскія области, то можно согласиться съ извѣстіемъ лѣтописца, что дѣйствительно во всѣхъ русскихъ областяхъ монашеская жизнь первоначально была устроена по образцу кievо-печерской. Но нѣтъ основаній слова лѣтописца: „прияша (перейша) уставъ“, понимать въ томъ смыслѣ, чтобы кievскіе постриженники—епископы, основатели монастырей въ своихъ епархіяхъ, приносили съ собою списки кievскаго устава и передавали ихъ въ руководство настоятелямъ и братіи устроенныхъ ими обителей. Иначе сохранились бы списки этого памятника, утраченнаго въ Печерскомъ монастырѣ. Правильнѣе будетъ слова „перейша уставъ“ понимать такъ, что русскіе монастыри,—вонецно не всѣ,—заимствовали общежительные порядки кievо-печерской жизни и по мѣрѣ возможности старались примѣнить ихъ у себя. Изъ исторіи Свѣтогорскаго монастыря мы, затѣмъ, знаемъ, что ктитори русскихъ монастырей иногда производили запись правилъ монастырскаго общежитія; но въ какомъ отношеніи стояли эти записи къ кievскому уставу—ничего нельзя сказать.

Дальнѣйшая судьба устава преп. Θεодосія была очень печальная: въ монастырѣ Кievо-Печерскомъ уставъ не исполнялся, въ другихъ русскихъ монастыряхъ о немъ почти ничего не знали. Позднѣе XI-го вѣка на Востоцкѣ и въ частности на Аѳонѣ составлялись новыя уставы монашеской жизни. Въ началѣ XIII в. на Аѳонѣ былъ написанъ очень подробный и обстоятельный монашескій уставъ св. Саввою Сербскимъ³⁾. Этотъ уставъ вполне могъ замѣнить собою утраченный въ русскихъ монастыряхъ уставъ студійскій; его даже не нужно было переводить, а лишь переписать и ввести въ монастырѣ. Но этого не было сдѣлано. Судя потому, что въ русскихъ рукописяхъ, сохранившихъ нѣсколько списковъ житія святителя

¹⁾ О. с., 625—627.

²⁾ О. с., 57—58.

³⁾ Уставомъ св. Саввы Сербскаго мы пользовались по изданію въ „Гласникѣ“ Српског ученог друштва, кнѣга III, свеска XX, у Београду, 1866, стр. 159—213.

Саввы, нѣтъ (если не ошибаемся) ни одного списка его устава, можно сдѣлать выводъ, что уставъ Саввы остался неизвѣстнымъ русскимъ монахамъ, о немъ лишь слышали они отъ паломниковъ на Аѳонѣ.

Слѣдую примѣру египетскихъ восточныхъ монастырей, которые, руководясь главными уставами: Саввы Освященнаго, Теодора Студита и Аванасія Аѳонскаго, очень часто сами составляли уставы для своихъ монастырей¹⁾, наши русскіе подвижники могли бы написать свой уставъ или даже нѣсколько уставовъ. Но не было и этого. Письменнаго устава не имѣли даже и такіе знаменитые монастыри, какъ Кирилло-Бѣлоозерскій и Троице-Сергіевъ. Въ сѣверо-восточной Руси онъ появился сравнительно уже поздно, въ XVI в., когда преп. Іосифъ Волоцкій написалъ полный уставъ монашеской жизни. Такимъ образомъ, тогда какъ въ исторіи восточнаго монашества мы наблюдаемъ даже обиліе письменныхъ уставовъ, въ исторіи монашества русскаго отъ XII по XVI в. приходится отмѣтить совершенно противоположную черту: отсутствіе письменнаго устава. Весь этотъ періодъ, строго говоря, можно назвать періодомъ безуставной монашеской жизни.

По свидѣтельству препод. Іосифа Волоцкаго, большинство русскихъ монаховъ письменное изложеніе правилъ монашеской жизни не только считало излишнимъ, но и смотрѣло на него, какъ на новшество, осуждаемое примѣромъ русскихъ подвижниковъ. „Любозаворные“ возражали преподобному, что „святіи отци наши, иже въ Русстѣй земли, не писали преданія и запрѣщенія иночская, но точію глаголы навазующе“, и что „нынѣ же не подобаетъ тако творити (письменно излагать правила), но точію словомъ навазовати“²⁾. Преподобному приходилось цѣлымъ рядомъ примѣровъ доказывать, что настоятель имѣетъ право наставлять братію не только „словесы“, но „и писаніемъ“. Но сама жизнь показывала, что не всегда можно ограничиться одними словесными наставленіями, что иной разъ необходимо письменно изложить порядокъ монастырской жизни, чтобы не было какихъ-либо недоразумѣній или даже злоупотребленій. Называя періодъ въ исторіи русской монастырской жизни отъ XII по XVI в. безуставнымъ, мы вовсе не хотѣли сказать, что въ это время не было въ русскихъ монастыряхъ никакихъ письменныхъ правилъ и руководствъ къ монашеской жизни. Письменные правила были, только они не стоятъ въ связи съ кievскимъ уставомъ, по нимъ нельзя послѣдовательно изучитъ исторію древне-русскаго монастырскаго устава.

Можно указать четыре типа письменныхъ монастырскихъ правилъ: монастырскіе богослужебные уставы, завѣщанія основателей монастырей, приговоры монастырской братіи и различнаго рода заповѣди, преданія и поученія о монашеской жизни³⁾. Въ монастырскихъ богослужебныхъ

¹⁾ См. у Соколова, о. с., стр. 319—320 и др.

²⁾ Вел. Чет. М., сент., в. I, стр. 548, 547.

³⁾ Къ этимъ четыремъ типамъ письменныхъ монастырскихъ правилъ нужно бы еще добавить посланія и грамоты въ монастыри высшей власти, духовной и свѣтской. Но, интересуясь главнымъ образомъ специально-монашескою письменностію, мы не будемъ останавливаться на послѣднихъ.

уставахъ одновременно съ порядкомъ богослуженія излагались и нѣкоторыя правила о монашеской жизни, въ частности—правила о монастырской трапезѣ, о томъ: „что ясти въ коя дни“. Такихъ уставовъ сохранилось много; имѣлись они и въ псковскихъ монастыряхъ. Въ рукописи Москов. синод. б-ни № 406/303 помѣщенъ уставъ Елеазаровскаго монастыря; въ рукописи № 396/363, л. 104, есть замѣтка объ уставѣ свѣтогорскомъ. На характеристикѣ богослужебныхъ уставовъ мы остановимся въ специальномъ очеркѣ о монастырскомъ богослуженіи.

Завѣщаній, написанныхъ самими подвижниками, за древнѣйшій періодъ почти не сохранилось. Въ мѣстной монастырской письменности имѣется лишь одинъ памятникъ и то уже отъ второй половины XV в.—завѣщаніе Евфросина. Очень вѣроятно затѣмъ, что было и другое завѣщаніе, отъ конца XIII в.,—Иоасафа свѣтогорскаго, но оно утрачено еще въ началѣ XV в. или даже раньше. Въ большинствѣ случаевъ подвижники ограничивались словесными завѣщаніями, которыя записывались уже позднѣе, при составленіи житій святыхъ, иногда очевидцами послѣднихъ дней ихъ жизни. Среди сохранившихся записей есть очень интересныя, дающія цѣнный матеріалъ для изученія какъ личности того или другого подвижника, такъ и порядковъ жизни въ его обители. Таковы, напр., запись Инновентія о послѣднихъ дняхъ жизни преп. Пафнутія Боровскаго, описанія поученій Герасима Болдинскаго и Антонія Сійскаго въ житіяхъ этихъ святыхъ¹⁾. Но обычно подъ влияніемъ господствовавшей въ то время однообразной литературной формы житія завѣщаніе святаго въ передачѣ его біографа утрачивало свой жизненный характеръ, изъ живой бесѣды превращалось въ риторическое общее мѣсто. Нерѣдко біографы вмѣсто того, чтобы передавать бесѣду святаго по разсказамъ очевидцевъ, излагали ее по какому-нибудь стороннему литературному источнику, нисколько не заботясь о соответствіи съ дѣйствительностію. Отсюда, большинство записей завѣщаній не имѣетъ почти никакого значенія для изученія порядковъ монастырской жизни, установленныхъ тѣмъ или другимъ подвижникомъ.

Едва ли не самымъ интереснымъ и цѣннымъ для изученія порядковъ жизни въ древне-русскихъ монастыряхъ типомъ письменныхъ монастырскихъ правилъ могли бы служить приговоры монастырской братіи. Но, къ сожалѣнію, ихъ сохранилось очень мало, а въ псковской монастырской письменности мы не встрѣтили ни одного. Мы остановимся лишь на одномъ приговорѣ, помѣщенномъ въ 3 т. Актвъ, относящихся до юридическаго быта др. Россіи.

Въ 1584 году освященный соборъ старцевъ Троице-Сергіева монастыря предложилъ новому настоятелю, архим. Митрофану, слѣдующія письменныя условія. „И жити архим. Митрофану по монастырскому чину:

¹⁾ Записка Инновентія напечатана проф. В. О. Ключевскимъ въ приложеніяхъ къ „Древ. рус. жит. св.“, стр. 439—453. О поученіяхъ Герасима Болдинскаго и Антонія Сійскаго см. у А. Кадлубовскаго, „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ“, стр. 290—292, 311—315.

церковь Божія хранить по вся дни и стоять въ церкви Божьи со страхомъ, на своемъ мѣстѣ, а съ мѣста ему безъ дѣла не сходити и не говорити ни съ кѣмъ, только взирати на всемилостиваго Бога и на преч. Богородицу и со слезами Бога молити за государское здравіе и за государыню и за все православное христіанство; а которое будетъ дѣло монастырское нужное поговорити, ино съ мѣста на тотъ часъ сойти въ паперть. А въ монастырскія дѣла ему не вступатися ни въ которые; а на безчинниковъ и на ропотниковъ стояти архимандриту съ келаремъ и съ казначеемъ и старцы соборными за одинъ. И самому ему жити по монастырскому чину, какъ прежніи древніи преподобные отцы наши игумены жили; и отъ пьянственнаго пѣтя ему воздержатися, а постъ и молитва въ Богу воздавати, елика сила можетъ. А пьяницъ въ монастырѣ уымати за одинъ съ келаремъ и съ старцы... А у себя архимариту въ вельѣ бесѣды не дѣлати и пировъ не чинити, и сходовъ бездѣльныхъ бы не было; а въ трапезу архимариту ходити по вся дни за обѣдъ и за ужину, а сидѣти въ трапезѣ тихо, смирно, безъ ропоту, а братью потому жъ поучати: сиди, братья, съ молитвою. А куды келарь и старцы пошлютъ служебника на службу или на которое дѣло монастырское, или слугу, и архимариту благословити безъ ропоту; а съ келаремъ и съ казначеемъ и старцы соборными не перечити ему ни о которыхъ службахъ монастырскихъ. А сю есмья приговорную память писали съ старыхъ книгъ, съ монастырскаго уложенья, поговора со всею братью, всѣмъ освященнымъ соборомъ¹⁾.

Нѣтъ нужды разяснять, что эти своеобразныя правила троицкаго приговора очень мало походятъ на правила общежительнаго устава и что не по нимъ жили „прежніи древніи преподобные отцы игумены“, на которыхъ ссылаются здѣсь троицкіе старцы.

Приговоръ освященнаго троицкаго собора знакомитъ насъ съ тѣми правилами или точнѣе: съ тѣми письменными условіями, которыя предлагались для руководства настоятелямъ русскихъ монастырей. Съ совѣтами и требованіями, которыя предъявлялись монастырской братіи настоятелями или же старцами, знакомитъ насъ четвертый типъ монашескихъ письменныхъ правилъ: заповѣди, поученія и преданія. Приговоры составлялись на основаніи „монастырскаго уложенья, поговора со всею братью“, другими словами: на основаніи старинныхъ монастырскихъ обычаевъ. Они говорятъ намъ о томъ, какой былъ порядокъ въ монастырѣ, какъ шла жизнь монаховъ. Поученія, заповѣди и преданія составлялись „отъ божественныхъ писаній“ и „отъ иноческихъ преданій, отъ святыхъ отецъ“²⁾; они говорятъ о томъ, какою бы должна быть монашеская жизнь и какъ этого можно бы достигнуть. Для изученія этого отдѣла монастырской

¹⁾ Акты, относящ. до юрид. быта др. Россіи, т. III, Спб. 1857 г., № 274, стр. 26—27. Упомянутый въ этомъ актѣ архим. Митрофанъ Дмитровецъ былъ настоятелемъ Троице-Сергіева монастыря отъ 1584 по 1588 г. См. у Строева, „Списки іерарховъ и настоятелей“, стр. 139.

²⁾ Рук. № 212/3077 Твер. археол. музея, л. 125 об.

письменности имѣется обширный печатный и рукописный матеріалъ; но мы остановимся лишь на трехъ памятникахъ. Одинъ изъ нихъ помѣщенъ въ рукописномъ трефологѣ XVII в. 6-ки Троице-Сергіевой Лавры, № 626, л. 557—564, другой—въ слѣдован. псалтири XVI в. Румянц. музея (Ундольскаго), № 52, л. 364 об.—371, и третій въ рукописи XVII в. Тверского археол. музея, № ^{212/3077}, л. 101—125. Наши краткія замѣчанія объ этихъ памятникахъ не бесполезны будутъ уже и потому, что содержаніе этихъ памятниковъ, кажется, мало извѣстно изслѣдователямъ исторіи русскаго монашества, а между тѣмъ оно безспорно заслуживаетъ вниманія.

Правила, помѣщенные въ Лаврскомъ трефологѣ, составителемъ названы „полезнымъ наказаніемъ къ братіи отъ святыхъ писаній“ (л. 557), а въ концѣ, на л. 564, „заповѣдью Василія Великаго“¹⁾. И дѣйствительно, на правила св. Василія не одинъ разъ ссылается авторъ „наказанія“ (л. 557 об., 563 об.). Кажется, что эти правила написаны какимъ то игуменомъ²⁾. По крайней мѣрѣ, они съ особенною подробностію останавливаются на разъясненіи того значенія и вліянія, каковымъ долженъ пользоваться въ монастырѣ игумень. Положеніе игумена въ монастырѣ они изображаютъ совсѣмъ не такъ, какъ приговоръ освященнаго троицкаго собора. По смыслу правилъ, авторитетъ игумена въ глазахъ каждаго брата долженъ стоять выше всего. Строго предупреждаетъ „наказаніе“ не скрывать отъ игумена ни одной дурной мысли. „Егда пакостятъ ти мысли злыя и лѣность или уныніе или роптаніе о чемъ любо, ты же, брате мой любимый, не мози утайти отъ отца своего—игумена“³⁾. Даже въ молитвахъ объ избавленіи отъ такихъ помысловъ рекомундуется обращаться къ предстательству за себя передъ Богомъ игумена: „поклонися предъ Богомъ трижды въ кельи своей съ слезами и рци съ умиленіемъ: Г. І. Х. С. Б. помилуй мя Преч. Твоя Матере молитвами и господина моего игумена молитвами“ (л. 560). Не только сказать, но и помыслить что-либо дурное объ игуменѣ для монаха тягчайшій грѣхъ, равный грѣху осужденія Бога. „Вы же, братья моя, Богомъ съвокупленная, стадо Христово избранное, не мозите зла помыслити о своемъ игуменѣ, да не дьяволу въ радость боудеть“ (л. 559). „И седше (по приходѣ въ келью брата) бесѣдовати духовныя словеса, вомуждо блюдуще душу свою, да не зло изъглаголати о отци своемъ игуменѣ, глаголя бо зло о своемъ отци, таковой Богу досажаетъ и проклятъ есть отъ Бога“ (л. 558 об.). Интересными чертами изображены и то вѣдшее почтеніе, которое долженъ оказывать монахъ своему игумену, а также тѣ чувства, которыя онъ долженъ испытывать при встрѣчѣ съ настоятелемъ. „Егда же ли игумена оузрѣвше, и подале

¹⁾ Заглавіе въ рукописи: „поученіе общей братіи и прочимъ написано отъ поученій св. отецъ“ (л. 557).

²⁾ Начало: „уповая на милость Божию и преч. Его Матери надѣяся, понудихся азъ грѣшный и недостой(ный) и непотребный рабъ есмь владыцѣ моему написати ми къ братіи полезное наказаніе, иже отъ святыхъ писаній“.

³⁾ л. 560, ср. 561.

еще ему и поклонение предъ нимъ творите до земля и страхомъ на него взирати и з боязнію великою, яко самого Христа,—тый Богомъ поставленъ; ничто ж напрасно не глаголи къ нему, аще не въспросить; глаголи же стоя молитву тай себе: Г. I. X Б. нашъ помилуй мя грѣшнаго, до-неле игумень придетъ“ (л. 559 об.—560). Нравственный авторитетъ игумена приведенными строками очерчивается очень рельефно. А какъ велика вѣшняя власть игумена—въ дѣлахъ, напр., хозяйственныхъ, можно судить потому, что безъ повелѣнія игумена монаху не разрѣшается распоряжаться ничѣмъ изъ принадлежащаго ему: „и блюдися, брате мой любимый, ничтоже дай роду своему мирьскому, никаковыя же потребы, бесъ повеленія игумена своего“ (л. 562).

Одновременно съ этимъ „наказаніе“ содержитъ въ себѣ и рядъ наставленій, касающихся монашеской жизни; говорить о томъ, какъ „основати чернечество“. Главнымъ образомъ оно останавливается на изложеніи правилъ вѣшняго поведенія и говорить даже о такихъ маловажныхъ случаяхъ, какъ вести себя при входѣ и выходѣ изъ своей кельи, чтобы не нарушить покоя сосѣдняго брата, какъ убирать свою келью, какъ встрѣчаться съ братіей и т. п. (л. 558—559 об.). Но кромѣ этихъ правилъ вѣшняго поведенія „наказаніе“ даетъ рядъ совѣтовъ и относительно внутренней стороны монашеской жизни: о чемъ долженъ монахъ думать и говорить, какъ ему бороться съ нецѣломудренными помыслами, какъ заниматься руководѣемъ, читать книги и т. п. (л. 559 и об., 560—561, 563—4 и др.).

„Преданіе старческо къ новоначальнымъ инокомъ, како подобаетъ жити у старца въ послушаніи“ и „заповѣдь мнишескаго житія юнымъ чернцемъ“, помѣщенные въ рукоп. псалтири Рум. музея № 52, л. 364 об.—371, останавливаются преимущественно на келейной жизни монаха и на поведеніи его въ церкви за богослуженіемъ, а также разъясняютъ, какимъ авторитетомъ долженъ пользоваться въ глазахъ монаха его руководитель—старецъ. Касаясь келейной жизни, правила, прежде всего, побуждаютъ заботиться, чтобы келейная жизнь проходила въ постоянной молитвѣ, чтеніи и руководѣліи, и главное, чтобы вся жизнь монаха находилась въ полномъ согласіи съ руководствомъ старца,—чтобы „перечнемъ ступени не ступити ни на кое дѣло не по благословенію“ (л. 365 об.). „А правило бы твое не залегло ни церковное, ни келейное или руководѣіе; а правило келейное держати тебѣ по силѣ, елико можешь, занеже, брате, кѣлія устава не имать, то дѣется отъ произволенія, како кто Бога възлюбитъ“ (л. 365 об.),—таково общее требованіе. Затѣмъ требуется строго различать келейное правило и келейную молитву отъ молитвы церковной, чтобы того, что нужно исполнить въ келии, не дѣлать въ церкви, и наоборотъ (л. 366 об.). Располагая инока къ бодрствованію, неустанному наблюденію за собою, „преданіе“ предупреждаетъ: „а по всеобщаю кромѣ немощи нивако ж бы ложитися; а всему тому, брате, наукъ, иное отъ того приходитъ,—но тружати въ молитвахъ и во чтеніи книжнемъ. Аще ли грамоте не умѣешь, и ты имися руководѣлію: истинному иноку нѣсть на

земли праздника, ни пасхи; пасха ему есть тогда, коли перейдетъ отъ суеты въ вѣчный покой. Аще ли ты иметь дремота ли лѣность, борися Бога ради“ (л. 366).

Очень подробно говорится о соблюденіи цѣломудрія и еще подробнѣе, чѣмъ въ „наказаніи“, указываются средства, какъ уберечься отъ грѣховныхъ помысловъ. „Аще лучится, брате, въ трапезѣ или въ церкви быти, а въ то время отъ мирскихъ мужескъ полъ или женескъ егда кто хоцетъ отъ нихъ причаститися или къ дорѣ пойдетъ или къ хлѣбу богородичину или ко иному чему, или икону цѣловати или евангеліе или крестъ или мощи святыхъ, и ты, брате, послѣ ихъ не мози дерзнути, развѣ кому великія нужи..., а къ женскому бы платну не прикоснутися, ни ко отрочати, развѣ нужи“ (л. 369). Въ заповѣди юнымъ чернцемъ читаемъ слѣдующія предостереженія: „съ мирскими не говори, а боле сего съ женами не бесѣдуй и паче съ молодымъ дѣтищемъ не держися, ни седи съ ними, ни стой..., ни книгамъ дѣтей учи; ницъ не облязи никакож, ни самъ другъ не лязи, любви нечистыя и скверныя блюди“ (л. 371).

„Преданіе нѣкоего старца оученикомъ своимъ о иноческомъ жителствѣ и о правилѣ келейномъ избрано отъ божественаго писанія“, — помѣщенное въ рукописи № 212/3077 Тверск. арх. музея, — по своему содержанию и характеру представляетъ собою памятникъ, однородный съ „преданіемъ старческимъ“. Но, по сравненію съ послѣднимъ, это — болѣе цѣнный и интересный памятникъ. Особую цѣнность и интересъ преданіе получаетъ прежде всего по мѣсту его написанія: оно составлено было въ монастырѣ преп. Павла Обнорскаго. Таковой выводъ даютъ право сдѣлать слѣдующихъ двѣ замѣтки составителя: при совершеніи отпуска келейной молитвы, передъ отходомъ въ церковь, старецъ совѣтуетъ монаху на ряду съ Богоматерію и ангеломъ хранителемъ молитвенно вспоминать „преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Сергія Радонежскаго чудотворца и Павла Обнорскаго чудотворца“ (л. 105 об.). При входѣ въ церковь, полагая обычное начало, онъ велитъ говорить „тропарь Троицѣ и тропарь чудотворцу, слава — кондакъ ему жъ и нынѣ — кондакъ Троицѣ“ (л. 121 об.), другими словами: тропарь и кондакъ храмовому празднику. Изъ житія же преп. Павла мы узнаемъ, что храмъ въ его обители былъ построенъ во имя св. Троицы¹⁾.

Въ Обнорскомъ монастырѣ, какъ можно судить по житію преп. Павла († 1429 г.), былъ особенно развитъ институтъ старчества. Старцамъ принадлежало главное руководство монашескою жизнію; безъ ихъ воли не разрѣшалось монахамъ ничего дѣлать: „ничтоже да творити что по своей воли, но волею и хотѣніемъ отецъ искусныхъ вся творити“²⁾. О власти

¹⁾ См. у Н. Коноплева, „Святые Вологодскаго края“, стр. 70.

²⁾ Житіе преп. Павла Обнорскаго, по рукоп. М. Д. А. № 659 (Волок. б-ки), л. 189 об.

игумена въ монастырѣ въ житіи почти не говорится¹⁾. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что въ обители преп. Павла старцы дѣйствительно пользовались большимъ вліяніемъ, не меньшимъ, а быть можетъ и большимъ, чѣмъ игуменъ. Если же допустить, что разсматриваемое нами преданіе сохранило въ своемъ содержаніи черты этого древняго порядка обнорской жизни, то его нужно признать очень цѣннымъ памятникомъ для исторіи древне-русскаго старчества за періодъ до преп. Нила Сорскаго. Сравнивая содержаніе преданія съ сочиненіями преп. Нила, мы видимъ, что для исторіи нашего старчества оно даетъ во всякомъ случаѣ новый матеріалъ, не совсѣмъ сходный съ тѣмъ матеріаломъ, какой мы имѣемъ въ сочиненіяхъ преп. Нила. Такъ какъ текстъ преданія полностью помѣщаемъ мы въ приложенияхъ къ своей работѣ, то здѣсь ограничимся лишь общою его характеристикой.

Соотвѣтственно своему заглавію, преданіе излагаетъ правила лишь для монаха-послушника. Объ обязанностяхъ его руководителя-старца оно почти ничего не говоритъ,—если не считать начальныхъ строкъ, въ которыхъ содержится предупрежденіе старцу со стороны игумена о томъ, какая отвѣтственность возлагается на него (л. 101). По содержанію своему преданіе представляетъ собою полное руководство для монаха-послушника, подробно регламентирующее каждый шагъ его жизни. Но оно останавливается почти исключительно на ви́шнемъ поведеніи монаха и такъ же, какъ и два предыдущихъ памятника, мало касается внутренней стороны монашеской жизни. Общій принципъ, которымъ долженъ руководиться монахъ со дня своего постриженія, это—предать свой умъ всецѣло Богу, а волю старцу: „всего себе предати Богу и ничто ж имѣти во умѣ своемъ кромѣ же Бога единого, волю же свою возложить на старца своего и послужити ему послушаніемъ, яко самому Христу“; все дѣлать не по мірскому мятежному обычаю, а по-иночески (л. 104 об.). Съ подробностію, очень часто доходящею до мелочности, преданіе опредѣляетъ правила поведенія монаха въ кельѣ, въ церкви и за трапезой. Оно останавливается даже на такихъ случаяхъ, какъ „дровъ въ кѣлію привести и въ печь положить и лучины оущепати и огня въ камени поискати и подъ дрова подложить, и, какъ перегорятъ, кочергою разворошити и дверь отворити и вѣлья скутати или замести и воды принести и въ рукомойникъ положить (sic!) и лохань вынести“ (л. 104); разъясняетъ, сколько и когда можно спать послѣ обѣда (л. 116 и об.), какъ спать ночью, даже какъ „превратится на иную страну“; даетъ цѣлый рядъ практическихъ указаній, какъ уберечься отъ ночныхъ искушеній и что дѣлать, „егда случится искуситися во снѣ“ (л. 117 об.—120). Говоря о поведеніи монаха въ церкви, за богослуженіемъ, преданіе подробно разъясняетъ, когда и какъ

¹⁾ Объ игуменѣ въ житіи читаемъ лишь слѣдующую замѣтку: „учениа же своего, инока Алексіа, священнодѣйствовати устрои“ (л. 191 об.). О подчиненіи иноковъ игумену ничего не говоритъ преподобный и въ своей предсмертной бесѣдѣ.

власть поклоны: „рукама припасти къ земли и глава приклоняти до земли же, а ею бы не стукати“ (л. 111), какъ подходит къ принятію св. таинъ (л. 114), какъ цѣловать евангеліе и иконы: „цѣлуютъ образы Спасовъ въ ношку, а Богородицу и святитель и преподобныхъ въ ручки, а мучениковъ въ сердце“ (л. 117 об.) и т. п. Правиламъ о поклонахъ посвящено цѣлыхъ три главы (л. 108 об.—112 об.). Особую главу отводитъ составитель преданія наставленію, какъ посѣщать келью брата; но говорить здѣсь лишь о томъ, какъ входить и выходить, въ какомъ порядкѣ совершать молитвы (л. 122—125). Въ этомъ отношеніи гораздо цѣннѣе указанія въ „наказаніи“, гдѣ кромѣ описанія церемоніала входа и выхода даются наставленія и о чемъ говорить¹⁾. Объ отношеніи монаха къ игумену преданіе ограничивается однимъ лишь наставленіемъ, по характеру своему совершенно сходнымъ съ наставленіемъ въ „наказаніи“: „а игумена воли не оувидишь, и поклоняйся ему до земля“²⁾.

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами типовъ письменныхъ монастырскихъ правилъ больше всего походитъ на монастырскій уставъ послѣдній типъ—наказанія и преданія. Они настолько полно обнимаютъ собою монашескую жизнь, что могутъ быть прямо названы уставами. Но вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей въ этихъ памятникахъ такое названіе ихъ будетъ не совсѣмъ правильно и точно.

Прежде всего, наказанія и преданія не имѣютъ двухъ отличительныхъ чертъ, свойственныхъ уставамъ. Уставъ составленъ какимъ-нибудь подвижникомъ, или по крайней мѣрѣ етиторомъ монастыря. Онъ авторитетенъ не только своимъ содержаніемъ, но и именемъ составителя. Наказанія и преданія—безыменные памятники; они не имѣютъ за собою личнаго авторитета.—Затѣмъ, уставъ—обязателенъ; это не только „полезное“ руководство, но, по заявленію самого составителя, и руководство обязательное для всей братіи. Составители уставовъ обычно требуютъ, чтобы каждый инокъ былъ знакомъ съ уставомъ, не могъ бы оправдывать себя незнаніемъ требованій устава; въ этихъ видахъ они завѣщаютъ своимъ преемникамъ прочитывать братіи уставъ. По правиламъ преп. Венедикта, каждому вновь поступившему монаху уставъ долженъ быть „весь, подрядъ“ прочитанъ три раза: черезъ два мѣсяца по поступленіи въ монастырь, вторично черезъ шесть мѣсяцевъ и въ третій разъ черезъ четыре³⁾. Читать уставъ монаху, намѣревающемуся поступить въ обитель, совѣтуетъ и св. Макарій Александрійскій⁴⁾. Св. Аѳанасій Аѳонскій въ заключеніе устава говорить: „желаемъ, чтобы оно (завѣщаніе—уставъ) всегда читалось

1) „О постѣ, о молитвѣ, о грѣсехъ, о поклонахъ и о ратехъ бесовскихъ и о бранехъ и о печали и о трѣпѣніи“, рук. № 626, л. 559 и об.

2) л. 106 об., ср. на л. 108 об., при входѣ въ церковь: „та ж поклонися игумену въ землю, аще нѣсть, ино—мѣсту его“.

3) Е. Ѳеоданъ, Древніе иноческіе уставы, М. 1892 г., стр. 640.

4) *ib.*, стр. 207.

въ собраніи, — чтобы никто изъ братій не отговаривался невѣдніемъ¹⁾. Св. Савва Сербскій заканчиваетъ свой уставъ особою (43) главою: „о чтеніи сего типика, его же на всякъ мѣсець скончавати подобаетъ, на памѣть же ктиторовоу весь прочитати“. „Сей типикъ, — говоритъ святитель, — заповѣдаю вамъ чѣсти на кѣждо мѣсець отъ начела въ врѣмѣ яденіи вашихъ“²⁾. Чтеніе устава признаетъ необходимымъ и преп. Іосифъ Волоцкій. Въ главахъ объ отрочатахъ голоусыхъ онъ совѣтуетъ прочитывать уставъ не только „новоначальнымъ“ монахамъ, но и всей братіи: „аще ли же подобаетъ прочитати въ сборѣ предъ всѣми братіями сіе, да прочитаетъ (настоятель)“³⁾.

Конечно, все это не гарантировало еще отъ нарушенія монахами устава, но зато придавало правиламъ устава характеръ официально-обязательныхъ требованій. „Полезныя“ навазанія и преданія не имѣли для себя даже и такой слабой гарантіи; ихъ обязательность всецѣло зависѣла отъ личной воли и расположенія монаха-читателя. — Наконецъ, восточные монастырскіе уставы, при всемъ ихъ обиліи, стояли въ тѣсной связи съ тремя главными уставами: іерусалимскимъ, студійскимъ и аеонскимъ, тоже сходными другъ съ другомъ. По отзыву г. Соколова, византійскіе уставы представляли собою лишь незначительныя передѣлки основного устава — студійскаго⁴⁾. Изучая эти уставы, изслѣдователь въ сущности изучаетъ, значить, исторію одного устава; остальные уставы даютъ ему лишь новый матеріалъ для этой исторіи. Наоборотъ, разсмотрѣнныя нами „преданія“ не стоятъ ни въ какой связи съ кievскимъ-студійскимъ уставомъ. Составители преданій не только не пользовались, но даже и не знали о существованіи этого устава⁵⁾. Такимъ образомъ, изложить исторію древне-русскаго монастырскаго устава въ томъ видѣ, въ какомъ это легко сдѣлать по отношенію къ уставу византійскаго монашества, въ сущности и невозможно: для этого у изслѣдователя нѣтъ матеріала. Есть лишь матеріалъ для изслѣдованія того, чѣмъ иногда, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, замѣнялся у насъ утраченный студійскій (кievскій) уставъ, — матеріалъ, до сихъ

¹⁾ Извлеченіе изъ устава св. Аѳанасія Аеонскаго см. въ „Замѣткахъ поклонника св. Горы“, Труды Кіев. Д. А. 1862 г., т. II, стр. 264.

²⁾ Гласник Српског ученог друштва, кнѣга III, свеска XX (старого реда), у Београду, 1866, стр. 213.

³⁾ В. Ч. М., сент., в. I, стр. 546, 570.

⁴⁾ И. Соколовъ, о. с., стр. 320—321.

⁵⁾ Насколько русскими монахами былъ позабытъ уставъ преп. Феодосія Кіево-Печерскаго, можно судить уже по тому, что о немъ ничего не знали и такой знатоки древне-русской монастырскаго письменности, какъ преп. Іосифъ Волоцкій. Но нашимъ монахамъ не были извѣстны и другіе списки студійскаго устава, а также уставы Аѳанасія Аеонскаго и Саввы Сербскаго. Правда, на правила Феодора Студита и Аѳанасія Аеонскаго не одинъ разъ ссылается преп. Іосифъ (стр. 516, 527, 582; 582—3, 584), но онъ дѣлаетъ ссылки, основываясь не на уставахъ этихъ преподобныхъ, а на ихъ житіяхъ (584, 588—9).

поръ мало изученный, ожидающій еще спеціального изслѣдователя. Таковъ выводъ напередъ уже опредѣляетъ и планъ, котораго мы будемъ держаться при изслѣдованіи устава преп. Евфросина.

Сравнивая уставъ преп. Евфросина съ тремя главными восточными уставами: студійскимъ, аеонскимъ св. Аѳанасія и Саввы Сербскаго, мы видимъ, что ни по формѣ, ни по своему объему и содержанию уставъ Евфросина не имѣетъ сходства съ этими уставами. Тогда какъ послѣдніе по своей формѣ являются одновременно и монашескими, и богослужебными уставами, уставъ Евфросина—исключительно монашескій; литургическаго отдѣла въ немъ нѣтъ. По своему объему уставъ Евфросина меньше важнаго изъ этихъ трехъ уставовъ. Составитель, повидимому, не имѣлъ въ виду точно регламентировать всѣ стороны монастырскаго житія, а хотѣлъ лишь дать общее руководство для монастырскаго общежитія и подробнѣе останавливался на нѣкоторыхъ вопросахъ. Отсюда, внѣшнимъ недостаткомъ устава, какъ увидимъ ниже, является неравномѣрность въ изложеніи отдѣльныхъ правилъ.

Въ содержаніи устава можно, правда, находить нѣкоторое сходство съ содержаніемъ указанныхъ восточныхъ уставовъ, особенно съ уставомъ св. Аѳанасія. Но это сходство ограничивается лишь одинаковыми мыслями, а не выраженіями, говорить объ одинаковыхъ взглядахъ преподобнаго со взглядами св. Аѳанасія, Теодора Студита, Саввы, а не о зависимости, не о томъ, чтобы преподобный пользовался уставами этихъ подвижниковъ. Объ этихъ уставахъ Евфросинъ ни разу не упоминаетъ въ своемъ уставѣ, и принимая во вниманіе сказанное раньше о незнакомствѣ русскихъ монаховъ съ студійскимъ, аеонскимъ и хиландарскимъ уставами, можемъ сдѣлать очень вѣроятный выводъ, что они не были извѣстны и преподобному.

Но уставъ Евфросина не имѣетъ сходства и съ поученіями объ иноческой жизни—съ наказаніями и преданіями, которыя могли замѣнять собою уставъ. Можно усматривать нѣкоторое сходство между правилами устава о власти игумена и наставленіями о томъ же въ „наказаніи“; но и это сходство общее, принципиальное, оно ни въ какомъ случаѣ не говорить о зависимости или даже о какомъ-либо вліяніи на преподобнаго этой аскетической русской письменности. Что же касается преданій старческихъ, то ихъ нельзя сопоставлять съ уставомъ Евфросина уже и потому, что въ своемъ уставѣ преподобный и совсѣмъ не говоритъ объ институтѣ монастырскихъ старцевъ. Такимъ образомъ, основной матеріалъ по исторіи древне-русскаго монастырскаго устава не имѣетъ особаго значенія для выясненія литературной исторіи устава преп. Евфросина. Для послѣдняго нужно искать другихъ источниковъ, и сдѣлать это отчасти помогаетъ намъ самъ составитель своими разъясненіями о побужденіяхъ, въ силу которыхъ онъ рѣшилъ написать для своей обители уставъ, а главнымъ образомъ—ссылками на источники.

По словамъ преподобнаго, къ составленію устава его расположилъ примѣръ восточныхъ подвижниковъ, которые обычно давали своимъ мо-

настырямъ письменные уставы. „Извѣстно жъ буди вамъ, братіе,—читаемъ въ предисловіи къ уставу,—слышахомъ(ъ) отъ(ъ) стыхъ(ъ) отецъ отъ(ъ) древле насъ бывшихъ, яже пахоміи и еоуфимей великии и феодосія, сава іерусалимскіи и прочіи велицыи, иже который начало сътворилъ в коемъ любо мѣсте, и братію съвокупилъ и монастырь съсоставилъ, ту оуже и етиторъ именовался и оуставъ свои положивъ о житіи и пребываніи, донележе и монастырь стоитъ и братіа пребываютъ на томъ(ъ) мѣсте“¹⁾.

Но вромѣ этого восточнаго примѣра у преподобнаго былъ и другой, болѣе близкій примѣръ, о которомъ онъ почему-то не нашелъ нужнымъ упомянуть. Въ предыдущемъ очеркѣ мы уже имѣли случай отмѣтить реформаціонное настроеніе среди нѣкоторыхъ монаховъ Снѣтогорскаго монастыря въ концѣ XIV—началѣ XV вв., стремившихся поставить монастырскую жизнь на началахъ письменнаго устава. Эта попытка вызвала, повидимому, борьбу между меньшинствомъ—сторонниками реформы, и большинствомъ, смотрѣвшимъ на письменный уставъ, какъ на непосильную тяготу. Преп. Евфросинъ жилъ въ Снѣтогорскомъ монастырѣ въ началѣ XV в., когда еще продолжалась эта борьба и успѣхъ былъ, кажется, на сторонѣ большинства: „тягота“, грамота архіеп. Діонисія, была отмѣнена. Несомнѣнно, что онъ былъ сторонникомъ меньшинства—реформаторовъ. Этотъ домашній примѣръ имѣлъ на Евфросина даже большее вліяніе, чѣмъ примѣръ восточныхъ етиторовъ-подвижниковъ. Доказательствомъ этого служитъ самое содержаніе устава. Уставами Пахомія, Евѣмія, Феодосія, Саввы іерусалимскаго и „прочихъ велицыхъ“ преп. Евфросинъ совсѣмъ не пользуется (оттого, вѣроятно, онъ и выражается: „слышахомъ(ъ)“), но уставами снѣтогорскими: грамотою арх. Діонисія и посланіемъ м. Фотія, онъ пользуется очень внимательно; это одинъ изъ главныхъ источниковъ его устава. Изъ 28 главъ устава 12, по объему— $\frac{1}{6}$ часть памятника, находятся въ зависимости отъ снѣтогорскихъ грамотъ. Это главы: „о стяжаніи“ (л. 205 об.—206 об.), „о ястіи и питіи“ (л. 206 об.—207), „о имѣніихъ“ (л. 207 и об.), „о потребахъ(ъ)“ (л. 216—218), „о піанствѣ бесчинномъ(ъ)“ (л. 218—219), „о иманіи отъ(ъ) игуменовъ руки“ (л. 224 и об.), „о церковномъ(ъ) сходѣ“ (л. 224 об.—225), „о посланіи на службу“ (л. 225), „а безъ благословенія игумена не исходитъ(ъ)“ (л. 225 об.), „а дана(о) в домъ(ъ) не съчитъ(ъ) назадъ(ъ)“ (л. 226 и об.), „о мирскомъ(ъ) судѣ“ (л. 228 об.—229) и „о подаіи отъ(ъ) обители“ (л. 231 об.—232 об.). Больше всего преподобный воспользовался грамотою Діонисія: она почти полностью вошла въ содержаніе его устава и дала собою матеріалъ для семи главъ; меньше—посланіемъ Фотія: въ четырехъ главахъ. Зависимость устава отъ посланія архіеп. новгор. Симеона трудно опредѣлить,—повидимому она была самая незначительная. Такъ какъ въ приложеніяхъ къ своей работѣ мы

¹⁾ Рук. № 205 М. Д. А., фонд. 6-ки, л. 203 об. Для краткости будемъ указывать только листъ.

IV.

С М Ъ С Ъ.

1.—Объ исправленіи въ Москвѣ дома доктора Венделина Сибиллиста— между Тверской и Никитской улицъ, на Успенскомъ вражкѣ. 1643 г.¹⁾

151 года апрѣля въ 20 день, по приказу боярина князя Бориса Михайловича Лыкова да дьяковъ Микифора Шипулина да Григорья Протопопова изъ Сибирскаго приказу посланъ подъячій Петръ Стеншинъ досматривать на государевъ дворъ, что прежь сего былъ доктора Венделинуса Сибиллиста, а на государя тотъ дворъ взять за его государеву мягкую рухлядь, которая ему дана за тотъ дворъ на 2320 рубл., и съ тѣмъ, что прежь того въ тотъ же ему дворъ дано на строенье. И подъячій Петръ Стеншинъ на томъ государевѣ дворѣ палатъ и на палатахъ кровли досматривалъ. А по досмотру на томъ государевѣ дворѣ въ палатахъ, идучи восточною лѣстницею, въ середнемъ житьѣ налѣвъ въ палатѣ, да въ верхнемъ житьѣ, идучи направо, въ палатѣ жъ печи сверху въ трубы водою размыло; и въ той въ верхней палатѣ у цѣннинной печи изъ трубы кирпичъ и глина сверху отъ водою обвалилася. И иныя печи въ трубы тожь водою размыло. Да на тѣхъ же палатахъ по досмотру сверху той палаты, у которой цѣннинной печи трубу водою размыло, палатная черепичная кровля опала, и съ половины палаты той кровли проломилася, и что были спуски черепицы жъ на край палатной кровли обламилась и сверху оползли. А съ другой стороны отъ большой улицы у палаты жъ съ одной кровля тожь погнулася гораздо и знатно, что проломилася же, и кровля черепица жъ, спускъ и поясъ подъ кровлею, что былъ обведенъ каменной, вырѣзанъ веревкою, обломился жъ черезъ во всю палату. Да на верху жъ всѣхъ палатъ межъ ими два стока, куды съ тѣхъ палатъ водѣ сходъ, и тѣ стоки обламилась жъ. И во всѣхъ палатахъ скрость стѣнъ теча водѣ есть, и известь отъ стѣнъ опала.—*На лицевой сторонѣ осмотра по склейкамъ написана память рукою дьяка Сибирскаго приказа Никифора Шипулина: „151 г. апрѣля въ 30 день. Указагъ государь послати память въ Каменный привазь, велѣлъ тѣхъ худыхъ мѣстъ послать досмотрѣть и смѣтить, сколько запасовъ на подѣлку надобе и во что станеть та подѣлка; а смѣтя подѣлать, чтобъ больши того не портилася“.* Память въ Каменный приказъ къ Прокофью Федоровичу Соковнину и къ дьяку Василью Ключареву послана 3 мая 151 г.

¹⁾ См. Сибирскаго приказа столбецъ № 6154, лл. 193—216.

Ответная память Каменного приказа: Лѣта 7151 мая въ 12 день. По г. ц. и в. к. Михайла Ѳеодоровича в. Р. указу боярину князю Борису Михайловичу Лыкову, да дьякамъ Никифору Шипулину, да Григорью Протопопову. Въ приказъ Каменныхъ дѣлъ къ Прокофью Ѳеодоровичу Соковнину да къ дьяку къ Василью Ключареву въ памяти за твоею Григорьевою приписью написано: велѣти бѣ на государевѣ дворѣ, что прежь сего былъ доктора Венделинуса Сибилиста, послати каменныхъ дѣлъ подмастерья, и каменныхъ палатъ и въ нихъ худыхъ мѣстъ досмотрити, и будетъ кровля проломилась и обламилась, и то смѣтити сколько у тѣхъ палатъ той подѣлки будетъ, и на подѣлку, что кирпичу и глины и извести надо будетъ, и что отъ дѣла и во что та подѣлка вся станетъ; а смѣтати тое подѣлку, отписать бѣ въ Сибирской приказъ къ тебѣ боярину во князю Борису Михайловичу да къ вамъ въ дьякамъ. И изъ приказу Каменныхъ дѣлъ посланы на тотъ государевъ дворъ досматривать тѣхъ палатъ каменныхъ дѣлъ подмастерья Антипа Константиновъ съ товарищи, и что по ихъ смѣтѣ на тѣ палаты на подѣлку надобно кирпичу и извести и дѣловцомъ, и во что то дѣло станетъ, опричь деревянныя кровли, и тому послана смѣтная роспись въ Сибирской приказъ къ тебѣ боярину во князю Борису Михайловичу да къ вамъ дьякамъ.—*Подписалъ* дьякъ Василій Ключаревъ.

151 г. мая въ 8 день. По осмотру и по смѣтѣ каменныхъ дѣлъ подмастерей Антипы Костянтинова съ товарищи на государевѣ дворѣ у палатъ кровля была крыта черепицею синею, и та черепица отъ дождевныя и отъ снѣжныхъ воды многая переломалась, и вскрось своды инде идетъ теча; и только покрыть черепицею жъ, и та кровля будетъ впередъ непрочна. И собравъ тое черепицу, покрыть тесомъ, и та кровля плотничье дѣло.— А къ тѣмъ палатамъ, по ихъ смѣтѣ, на подѣлку надобно: 500 кирпичу, а дать за тотъ кирпичъ и съ провозомъ 30 алтынъ; 5 бочекъ извести, а дати за бочку извести по 2 гривны, итого рубль. А дѣла будетъ на 4 дни, а у дѣла быть подмастерью, 3 человекъ каменщиковъ, 4 человекъ ярыжныхъ; на кормъ имъ и на наемъ дать по 8 денегъ на день человеку, итого рубль 9 ал. 2 деньги. И всего къ тѣмъ палатамъ на подѣлку надобно за кирпичъ и за известъ и дѣловцамъ на кормъ 3 руб. 6 ал.—*Подписалъ* дьякъ Василій Ключаревъ.— „Деньги послать въ Каменный приказъ и по государеву указу велѣть подѣлать не измѣшкавъ; а кровлю, сколько тесу надобе и во что съ наймомъ станетъ, велѣть смѣтати“. „Подаль стрѣлецъ Денисова приказу Золотарева Максимко Никоновъ“.

И того жъ дни бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, да дьяки Никифоръ Шипулинъ, да Григорій Протопоповъ, выслушавъ той памяти, велѣли Сибирскаго приказу подьячему Петру Стеншину на томъ государевѣ дворѣ, что былъ доктора Венделинуса Сибилиста, съ плотники, взявъ съ *пожару*, смѣтити сколько на тѣ палаты на кровлю лѣсу какого, тесу, и скаль, и бревенъ, и гвоздья надобно; а смѣтати записавъ принести въ Сибирской приказъ. И подьячій Петръ Стеншинъ, взявъ съ собою съ пожару плотниковъ московскихъ стрѣльцовъ Иванова приказу Племянникова Сергѣйка Петрова съ товарищи, на тотъ дворъ ходили, и тѣ палаты сверху мѣ-

рили, и чѣмъ тѣ палаты мочно покрыть смѣчали. А по ихъ мѣрѣ на двѣ палатахъ, которыя съ сторонъ съ улицы да съ надворья, вдоль по полу 6 сажени, палата середняя, палата межъ ихъ вдоль и съ заднею съ отводною палатвою 9 сажень. А по смѣтѣ тѣхъ же плотниковъ на тѣ на всѣ палаты надобно, чѣмъ ихъ покрыть, тесу и скаль и иного лѣсу и гвоздья: 400 тесницъ 3-хъ саженныхъ, 360 тесницъ 2-хъ саженныхъ съ полъ саженью, 500 скаль, на верхъ на палаты на князи бревно въ 7 сажень, 2 бревна по 6 сажень, бревно 3-хъ сажень, на потоки бревно 4-хъ сажень, 3 бревна по 3 сажени, на спускныя огнива 2 бревна по 7 сажень, на рѣшетины на быи 200 бревень по полутретьи сажени, да на прибои тесу на всѣ палаты 6900 гвоздей одностеснаго, да 6900 гвоздья двостеснаго, да скаловаго прибойнаго жъ 1000 гвоздей.—На оборотѣ по склейкамъ подписаль дьякъ Григорій Протопоповъ.

Доложити г. ц. и в. в. Михаила Ѳедоровича всея Россіи. Въ прошломъ во 150 году по государеву указу и по памяти изъ Аптекарскаго приказу отъ боярина отъ Ѳедора Ивановича Шереметева взять на государя за его государеву сибирскую мягкую рухлядь дворъ съ каменными палаты доктора, который по государеву указу отпущень съ Москвы въ Нѣмцы, Венделина Сибилиста *межъ Тверской и Никитской на Успенскомъ оражкѣ*; а взять тотъ его докторовъ дворъ за ту мягкую рухлядь и съ тѣмъ, что прежь того въ тотъ же ему дворъ изъ государевы казны изъ Сибирскаго приказу давано въ строенья съ недоплатными, за 2320 руб., и тотъ дворъ велѣно беречь Земскаго двора ярыжнымъ. А того двора по сю пору никто не торгуетъ. А подъ памятью изъ Аптекарскаго приказу въ росписи за приписью подьячаго Андрея Отлипаева того двороваго строенья написано: палаты на верху крыты черепицею синею съ известью, два спуска сдѣланы водѣ, одинъ спускъ высланъ свинцомъ, а другой спускъ каменемъ сѣрымъ. А по памяти изъ Каменнаго приказу и по досмотру и по смѣтѣ каменныхъ дѣлъ подмастерья Антипы Костянтинова съ товарищи, на томъ государевѣ дворѣ у палатъ кровля была крыта черепицею, отъ дождевныя и отъ снѣжныхъ воды многая переламалась, и вскрось своды инде идетъ теча; и только поверты черепицею, и та кровля будетъ впередъ непрочна, а только, собравъ черепицу, покрыть тесомъ, и та кровля плотничье дѣло. А къ тѣмъ палатамъ, по ихъ связкѣ, на каменную подѣлку каменнаго дѣла надобно: 500 кирпичу, а дать за тотъ кирпичъ и съ провозомъ 30 ал.; 5 бочекъ извести, дать за бочку по 2 гривны, итого рубль; и дѣла будетъ на 4 дни, а у дѣла быть подмастерью, 3 человекъ каменщицковъ, 4 человекъ ярыжныхъ, а на кормъ имъ и на наемъ дати по 8 денегъ на день человекъ, итого рубль 9 ал. 2 деньги. И всего по памяти и по росписи изъ Каменнаго приказу къ тѣмъ палатамъ на подѣлку ихъ надобно за кирпичъ и за известь и дѣловцамъ на кормъ 3 руб. 6 ал.—Да на тотъ же государевъ дворъ посланы изъ Сибирскаго приказу плотники московскіе стрѣльцы Иванова приказу Племянникова Сергѣева Петровъ съ товарищи, а велѣно имъ на томъ дворѣ на тѣ палаты смѣтять, сколько на кровлю лѣсу какаго, тесу и скаль и бревень и гвоздья

надобно, а смѣтя и тому учинити записка. И тѣхъ плотниковъ Сергѣйка Петрова съ товарищи, по ихъ смѣтѣ и по мѣрѣ, на 2-хъ палатахъ, которыя съ стороны улицы да съ надворья, вдоль по полу 6 сажени, палата середняя, палата межъ ихъ вдоль и съ заднею съ отводною палаткою 9 сажень; а крыты тѣ палаты на сводахъ досками да на доски набито глиною, да сверхъ глины черепицею съ известью, и тѣ доски подъ черепицею сгнили и кровля на двустороннихъ палатахъ опала жъ, провалилась на кирпичный сводъ палатной. А по смѣтѣ тѣхъ же плотниковъ на тѣ на всѣ палаты надобно, чѣмъ ихъ покрыть, тесу и скаль и иного лѣсу и гвоздья: 760 тесницъ трехъ саженныхъ, а купять его на Москвѣ рѣвѣ по 4 руб. сто, а иной доброй тееъ и широкой и дороже, и за 760 тесницъ дать будетъ 30 руб. 13 ал. 2 денги; 500 скаль средней, купять по 40 ал. сто, итого 6 руб.; да на тѣ жъ палаты надобно лѣсу 3 бревна по 7 сажень, 2 бревна по 6 сажень, да бревно 4-хъ сажень, да 4 бревна по 3 сажени на потоки и на вязы и на спуски къ тесу на прибои, за 7 саженные по 13 ал. по 2 деньга, а за 6 саженные по 10 алтынъ, а за 4 саженные 2 гривны, а за 3 саженные по 5 ал., итого 2 руб. 20 ал.; на рѣшетины на всѣ палаты 200 бревенъ по полу 3 сажени 5 руб., по 2 руб. съ полтиною за сто; на прибои къ тесницамъ на всѣ палаты 6900 гвоздей двоетеснаго, да 6900 же гвоздей однетеснаго, по цѣнѣ на 12 руб. на 14 ал., за двоетесное гвоздье по рублю по 3 ал. по 2 деньга, а за однетесные по 23 ал. по 2 деньга за тысячу гвоздей, да скалового 1000 гвоздей 10 ал., по алтыну за сто гвоздей. И всего на ту палатную кровлю, что изъ Каменнаго приказа за каменное дѣло и изъ Сибирскаго приказа по смѣтѣ плотниковъ на лѣсовую покушку и за гвозди по цѣнѣ денегъ дать 59 руб. 29 ал. 4 деньга. А плотники московскіе стрѣльцы Сергѣйко Петровъ съ товарищи отъ тѣхъ палатъ отъ кровли за дѣло въ первомъ уговорѣ пропали 60 руб., а въ другой уговорѣ 50 руб.

На лицевой сторонѣ по склейкамъ написана помѣта: „151 г. іюня въ 10 день. Государевымъ царевымъ и великаго князя Михаила Федоровича всея Россіи словомъ приказалъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевской, а велѣлъ на дохтуровомъ дворѣ палату подѣлать и покрыть, чтобъ впередъ течи и той палатѣ порухи не было; и тотъ дворъ отдавать нѣмцамъ стоять изъ найму, покажѣсть хто тотъ дохтуровъ дворъ купить“.

Іюня въ 10 день въ Сибирскомъ же приказѣ *имыхъ ортелей* съ пожару плотники разныхъ приказовъ московскіе стрѣльцы и гулящие люди были *трехъ ортелей*, а просили тѣхъ палатъ отъ дѣла покрыть тожъ по 60 руб., а о послѣднее слово по 50 руб., а меньши де того не возьмутъ. И первые уговорщики плотники Иванова приказу Племянникова стрѣльцы Сергушка Петровъ съ товарищи, которые на тѣ палаты, чѣмъ мочно покрыть, смѣту писали, просили о послѣднее слово отъ того палатнаго дѣла найму 40 рублевъ, а меньши де имъ того найму отнюдь отъ того палатнаго дѣла нивонми мѣрами взять неумѣтъ; и въ томъ де они по себѣ палатной кровли въ дѣлѣ, что покрыть, и поручную записъ дадутъ.—

На лицевой сторонѣ выписки по склейкамъ помѣта: „151 г. іюня въ 13 день. Приказалъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевской на тотъ дохтуровъ дворъ дѣсь купить и возить, и палаты подѣлать, и покрыть, будетъ меньше сорока рублей не возьмутъ, и плотникомъ дати отъ дѣла и 40 рублей, чтобъ затѣмъ дѣло не стало, и по плотникамъ въ дѣлѣ взяти поручная запись.

Іюня въ 13 день. По приказу боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго Сибирскаго приказу дьяки Никифоръ Шинулинъ да Григорій Протопоповъ уговорились съ плотники на государевѣ дворѣ, что прежь того былъ доктора Венделина Сибилиста, палаты поверты въ два теса, да промежь теса скалы съ подзоры и замамары на палатахъ, съ московскими стрѣльцы Иванова приказу Племянникова Павловой сотни Быкова съ Еремькомъ Евсѣевымъ съ товарищи, а дѣлать имъ *ортелью осмю человекъ*; а по уговору имъ отъ того палатнаго дѣла ото всей кровли уговоренось дать 35 рублей, и поручная запись по нихъ въ томъ дѣлѣ взята, и по помѣтѣ на той записи денегъ имъ по уговору половина 17 рублей съ полтиною напередъ дано, и на записи тѣ деньги подписаны. А въ записи пишеть: іюля въ 6 день, такова поручная запись стрѣльцамъ выдана потому, что на томъ дворѣ то дѣло, на которое уговорились, сдѣлали.

Лѣта 7151-го іюня въ 15 день. По г. ц. и в. к. Михаила Ѳеодоровича в. Р. указу память Прокофью Ѳеодоровичу Соковнину да дьяку Василью Ключареву. Въ Сибирской приказѣ въ боярину ко князю Борису Михайловичу Лыкову¹⁾ да въ дьякамъ въ Никифору Шипулину да въ Григорью Протопопову въ памяти за твоею Васильевою приписью написано: Сибирскаго жъ приказу по памяти изъ приказу Каменныхъ дѣлъ посланы на государевъ дворъ, что былъ прежь того доктора Венделинуса Сибилиста, досматривать палатъ каменныхъ дѣлъ подмастерья Антипа Костянтиновъ съ товарищи; а по ихъ досмотру и по смѣтѣ на государевѣ дворѣ у палатъ кровля была крыта черепицею синею, и та черепица отъ дождевыя и отъ снѣжныхъ воды многая переломалась, и вскрось своды инде идетъ теча, и только покрыть черепицею жъ, и та кровля впередъ будетъ не прочна; а только собравъ тое черепицу, покрыть тесомъ, и та кровля плотничье дѣло. А въ тѣмъ палатамъ по ихъ смѣтѣ на подѣлку надобно: 500 кирпичу, а дати за тотъ кирпичъ и съ провозомъ 30 ал.; 5 бочекъ извести, а дати за бочку извести по 6 алтынъ по 4 деньги, итого рубль; а дѣла будетъ на 4 дни, а у дѣла быть подмастерью, да 3 человекъ каменщиковъ, 4 человекъ ярыжныхъ, а на кормъ имъ и на наемъ дати по 8 денегъ на день человеку, итого рубль 9 ал. 2 деньги. И всего къ тѣмъ палатамъ на подѣлку надобно за кирпичъ и за известъ и дѣловцамъ на кормъ 3 руб. 6 ал. И тѣ деньги посланы къ вамъ въ приказѣ Каменныхъ дѣлъ съ подьячимъ съ Петромъ Нехорошевымъ. И по государеву указу Прокофью Ѳеодоровичу Соковнину да дьяку Василью Ключареву у подьячаго тѣ деньги взявъ велѣтъ на государевѣ дворѣ камен-

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ написано.

ныя палаты, что прежь сего были доктора Венделинуса Сибилита, съ палатъ черепицы съ кровли собрать и въ одно мѣсто скласть, и на верхъ палаты старой черепичной кровли очистить, и быки каменные, на чемъ лежнемъ для тесовой кровли бытъ, подвесьть и худыя всякія мѣста у тѣхъ палатъ вверху и внизу, и въ палатахъ печи и верхнія заомарки, которыя попортились и покрыть нельзя, починить не замѣшкавъ тому жъ подмастерью Антипѣ Костянтинову съ товарищи или кому доведется. А какъ тѣ всякія худыя мѣста на тѣхъ палатахъ подѣлають и укрѣпять, о томъ отписать въ Сибирской приказъ къ боярину во князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому да къ дьякамъ къ Никифору Шипулину да къ Григорью Протопопову.—На оборотѣ написано: по сей памяти за пять бочекъ извести да за кормъ два руб. 9 ал. 2 деньги взялъ подъячій Богданъ Марковъ.

И по сей докладной выпискѣ на палатное кровельное дѣло противъ смѣты куплено: 600 тесницъ 3 саженныхъ, а дано за нихъ 23 руб. 8 ал. 2 деньга, въ томъ числѣ 300 тесницъ судового тесу добраго дано по 4 руб. за сто, а 300 тесницъ возоваго дано по 3 руб. по 25 ал. за сто тесницъ, и того тесу съ то кровельное дѣло стало. Да куплено на ту жъ кровлю 400 скалъ большихъ широкихъ доброй скалы полуторныя, а дано по 40 ал. за сто, итого 4 руб. 26 ал. 4 деньга. Да на то жъ палатное дѣло куплено лѣсу бревеннаго 3 бревна на князи по 7 сажень, да 3 бревна на потоки по 6 сажень, да 6 бревень на связи 4-хъ саженныхъ, да 20 бревень на быки 3-хъ саженныхъ, 100 бревень рѣшетины полутретьи сажени; а за тѣ за всѣ бревна дано 6 руб. съ полтиною. Да въ желѣзномъ ряду, что на Варварскомъ крестцѣ, у торговаго человѣка Ивана Иванова взято въ цѣну 5200 гвоздей кружалныхъ, да 5000 гвоздей тесовыхъ, да 2500 гвоздей скаловыхъ; а за тѣ за всѣ гвоздья дано 9 руб. 32 ал. 2 деньга, за кружалы по рублю съ гривною, а за тесовые по 23 ал. по 2 деньга, а за скаловые по 10 ал. за сто. И всего лѣсу на то кровельное дѣло, тесу, и бревень, и скалъ, и гвоздья куплено на 44 руб. на 17 ал. на 2 деньга. Да отъ того жъ палатнаго дѣла отъ всей кровли отъ дѣла по уговору плотникамъ московскимъ стрѣльцамъ Иванова приказу Племянникова Павловой сотни Быкова Ефимку Евсевьеву съ товарищи дано 35 руб.; да Земскаго двора ярыжныхъ Ѳедкѣ Кузьмину съ товарищи съ тѣхъ палатъ для тесовой кровли чистить прежняя кровля черепица и подъ ней глина и кирпичь, а отъ того ото всего имъ по уговору дано 4 руб.; да въ Каменной приказъ тѣхъ же палатъ отъ починки за известь и каменщикамъ и ярыжнымъ поденнаго корму послано 2 руб. 9 ал. 2 деньга. И всего отъ того кровельнаго дѣла, что дано плотникамъ отъ дѣла, и ярыжнымъ отъ чищенья, что на то жъ палатное дѣло куплено лѣсу, тесу и бревень, и скалъ, и гвоздья, вышло въ расходъ 85 руб. 26 ал. 4 деньга.—Записать въ расходъ.—На оборотѣ по склейкамъ подписалъ дьякъ Григорій Протопоповъ.

2.—О Тобольскомъ воеводѣ князѣ Г. С. Куракинѣ, не бывшемъ въ соборной церкви на службахъ по случаю восшествія на престолъ царя Алексѣя Михайловича. 1645—1647 гг..

(Государю царю и великому¹⁾ князю Алексѣю Михайловичу всея Россіи бьетъ челомъ и извѣщаетъ твой царской нищей богомолецъ безмѣстной дьяконъ Кирило Ивановъ на твоихъ государевыхъ тобольскихъ воеводъ на князя Григорья Семеновича Куракина, да на князя Михайла Семеновича Гагарина, да на дьяковъ Ивана Переносова, да на Григорья Лукина. Въ нынѣшномъ, государь, во 154 году сентября въ 19 день въ пятокъ тѣ твои государевы воеводы и дьяки призывали къ сѣзжей избѣ Тобольскаго города всякихъ людей и передъ сѣзжею избою чли твою государеву грамоту во весь миръ, что судомъ Божиимъ отца твоего государева г. ц. и в. к. Михаила Федоровича в. Р. не стало, а далъ Богъ вмѣсто отца твоего на Московское государство царемъ и великимъ княземъ всея Россіи тебя благочестиваго государя. И всенародное множество, государь, слыша о преставленіи блаженныя памяти свято опочившаго отца твоего государева вельми возстонали и возплакали, а что далъ Богъ его царскому престолу наследника тебя благочестиваго царемъ быти о томъ вельми возрадовалися. А преосвященный Герасимъ архіепископъ Сибирскій и Тобольскій тотчасъ велѣлъ у соборной церкви благовѣстити къ молебномъ, и самъ со всемъ освященнымъ соборомъ и съ приходными священниками, пришедъ въ соборную церковь, большое соборное молебное пѣніе пѣлъ о твоёмъ царскомъ многолѣтномъ здоровьѣ; а твои государевы воеводы и дьяки князь Григорій Куракинъ съ товарищи во своей гордости твоему царскому величеству подобной чести не воздали, и о томъ, что тебя благочестиваго государя Богъ намъ далъ вмѣсто отца твоего на престолъ Россійскаго царства царемъ и великимъ княземъ всея Россіи, въ соборную церковь къ молебномъ, какъ архіепископъ служилъ соборомъ, не пришли невѣдомо для какого измѣннаго вымыслу, а въ то время были въ соборной и молебень²⁾ твои государевы прошлыхъ годовъ дьяки Иванъ Трофимовъ да Андрей Галкинъ. А назавтра, государь, того сентября въ 20 день, въ субботу по утру князь Григорій Куракинъ да дьякъ Иванъ Переносовъ невѣдомо для какого неистовства велѣли своему дьяку Григорью Лукину выкопать изъ могилы дочь свою и послать ее къ Москвѣ и тотъ Григорій тое свою дочь того жъ дни и выкопалъ и въ судно на Иртышъ рѣку и вынесъ. Да какъ отъ тебя, государя, присланъ съ Москвы въ Тобольской стольникъ твой государевъ князь Иванъ Григорьевичъ Ромодановской къ тебѣ, государю, приводить ко вресту Тобольскихъ вое-

¹⁾ Слова, написанныя въ скобахъ, въ подлинномъ документѣ сгнили.

²⁾ Вѣроятно, пропущено: слушали.

водъ и дьяковъ и всякихъ служилыхъ и жилацкихъ людей и какъ онъ князь Иванъ ко кресту Тобольскихъ всякихъ людей привелъ, и твой государевъ богомолецъ преосвященный Герасимъ архіепископъ Сибирскій и Тобольскій, твоему царьскому величеству подобную честь воздая, изволилъ сотворити твоему государьскому ангелу праведному Алексѣю челоувѣку Божию въ соборной церкви празднество пѣти, и Тобольскимъ воеводамъ и дьякомъ князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарищи, о томъ возвѣщати посылалъ своихъ приказныхъ людей ноября въ 15 день въ субботу по утру, чтобы они твоему царьскому величеству подобную честь воздали, твоему царьскому ангелу праведному Алексѣю челоувѣку Божию въ соборной церкви праздникъ праздновали, и въ субботу вечерни, а назаутрей въ воскресенье всенощное пѣніе и молебное моленіе о твоёмъ царьскомъ здравіи и божественную литургію слушали, и послѣ божественныя службы въ дому у Софіи Премудрости Божія Слова у него хлѣба ѣли; да и старымъ дьякомъ о томъ возвѣщаль же. И воеводы князь Григорій Куракинъ съ товарищи твоему царьскому величеству подобной чести не воздали, твоему государьскому ангелу для ради твоего царьского многолѣтнаго здоровья торжественнаго праздника не похотѣли праздновати; князь Григорій, будучи все здоровъ, а тотъ день, котораго дни имъ архіепископъ посылалъ возвѣщати, приложилъ себѣ болѣзни, ни въ вечерни, ни ко всенощ(но)му, ни къ молебну, ни къ водоосвященію, и къ божественной литургіи къ соборной церкви онъ князь Григорій и товарищъ его князь Михайло не пріѣхали. И дьяки Иванъ и Григорій только пріѣзжали къ соборной церкви въ субботу къ вечерни да въ воскресенье къ водоосвященію, а ко всенощному и къ божественной литургіи не пріѣзжали, твоему царьскому величеству подобной чести не воздали невѣдомо для каковаго вымыслу. А къ архіепископу на пиръ князь Михайло и дьяки пріѣзжали, и у него пиروвали тотъ день. А только, государь, твоему царьскому величеству подобную честь воздали твои государевы прежніе дьяки Иванъ Трофимовъ да Андрей Галкинъ: въ соборной церкви у божественныя у всея службы съ начала и до конца были.—А назаутрей, государь, торжества твоего царьского ангела ноября въ 17 день въ понедѣльникъ князь Григорій Куракинъ прилучился быти именинникъ; и онъ князь Григорій тотъ день у церкви объявился всѣмъ людямъ здоровъ, а не болѣнтъ, и тѣ свои именины праздновалъ три дни, и пиروвалъ большимъ пиrowаньемъ съ товарищи своими и съ друзьями, а было у него то пиrowанье съ трубами и съ литаврами. Да въ твоей государевѣ грамотѣ, которую о твоёмъ царьскомъ величествѣ князь Григорій Куракинъ съ товарищи, во весь миръ чли сентября въ 19 числѣ, написано по его князь Григорьеву челобитію, чтобы ты, государь, его князь Григорья пожаловалъ для его болѣзни, изъ Тобольска велѣлъ отпустить въ Москвѣ до пріѣзду въ Тоболескъ стольника твоего государева князь Ивана Григорьевича Ромодановскаго. И князь Григорій Куракинъ билъ челомъ тебѣ, государю, ложно: въ Тобольскѣ николи онъ болѣнтъ не бывалъ, про то, государь, въ Тобольску всякимъ людямъ вѣдомо. И послѣ тое твоей государевы грамоты жилъ

онъ князь Григорій въ Тобольску до прїѣзду въ Тоболескъ стольника твоего государева князь Ивана Ромодановскаго 7 недѣль, а при князѣ Иванѣ Ромодановскомъ и послѣ князь Ивана генваря по 8-е число 9 недѣль, а поѣхалъ генваря въ 8 день; а жилъ для своихъ корыстей, продоваль многіе безчисленные товары свои русскіе всякимъ русскимъ людямъ и татарамъ и бухарцамъ, и всякіе многіе запасы, и въ твою государеву казну вино дьяки у него имали, а давали изъ твоей государевы казны по 4 рубля, а самъ онъ князь Григорій Куракинъ покупалъ многую всякую рухлядь мягкую безошлинно. Да и князь Михайло Гагаринъ, и дьяки Иванъ Переносовъ, и Григорій Лукинъ, многую жъ мягкую рухлядь покупали безошлинно же; и въ томъ твоя государева многая таможенная пошлина истеряна. Вѣдомо, государь, про то въ Тобольску всѣмъ людямъ и прежнему таможенному головѣ Дмитрію Ясцову; да по инымъ городамъ многимъ людямъ про то вѣдомо же.—Да въ нынѣшнемъ, государь, во 154 году въ маѣ мѣсяцѣ сказывалъ мнѣ, богомольцу твоему, тобольской служилый челоувѣкъ Мурзины станицы выходець Федоръ Никитинъ скорнякъ: сдѣлалъ де онъ съ женою своею да съ сыномъ съ Давыдомъ дьяку Ивану Переносову въ три годы 150 шубъ всякія мягкія рухляди, а для де того своего дѣла самого третьяго все морилъ у себя на дворѣ, а только де ему далъ за работу за тѣ три годы денегъ два рубля; и онъ де Федоръ отъ того Иванова дѣла и отъ его насильства хотѣлъ себя злой смерти предать. Милосердый г. ц. и в. в. Алексѣй Михайловичъ в. Р.! Пожалуй меня, богомольца своего, вели, государь, сію извѣтную челобитную принять въ Тобольску своему государеву боярину Ивану Ивановичу Салтыкову и послать ее къ себѣ къ государю къ Москвѣ, чтобы тебѣ государю сей мой извѣтъ вѣдомъ былъ. Царь государь, смилуйся.

На оборотѣ по склейкамъ написано: къ сей своей извѣтной челобитной дьяконъ Кирило Ивановъ извѣщалъ и руку приложилъ.

И бояринъ и воевода Иванъ Ивановичъ Салтыковъ, да стольникъ и воевода князь Иванъ Семеновичъ Гагаринъ, да дьяки Дмитрій Карповъ, да Третьякъ Васильевъ, слушавъ дьяконову извѣтную челобитную и сыскавъ Федку Микитина, спрашивали: дьяку онъ Ивану Переносову съ женою и съ сыномъ своимъ съ Давыдомъ въ три года 150 шубъ всякой мягкой рухляди дѣлалъ ли, и, будетъ дѣлать, сколько какихъ шубъ порознь дѣлать, и голодомъ его Иванъ Переносовъ для того дѣла у себя на дворѣ сама третья морилъ ли, и что ему отъ тѣхъ шубъ отъ дѣла далъ, и дьякону онъ Кирилу Иванову про то сказывалъ ли, и, будетъ сказывать, воли сказывалъ?—И Федька скорнякъ въ распросѣ сказалъ: дьяку де онъ Ивану Переносову нынѣшніе весны дѣлалъ 4 шубы бѣлыя хрѣстовыя, а отъ дѣла ему Иванъ далъ два рубля, по полтинѣ отъ шубы; а опричь де тѣхъ четырехъ шубъ иныхъ онъ никакихъ шубъ Ивану Переносову николи не дѣлывалъ, и дьякону Кирилу того, что будто онъ сдѣлалъ Ивану Переносову 150 шубъ всякой мягкой рухляди, а Иванъ его для того дѣла морилъ самого третья у себя на дворѣ голодомъ,—не сказывалъ. И съ очей на очи Федька скорнякъ съ дьякономъ говорилъ тѣ жъ рѣчи, а дьяконъ съ нимъ съ Федкою на

очной ставкѣ говорилъ противъ извѣту своего. Да дьяконъ же говорилъ: что и не одному де ему Федька про то, что онъ дѣлалъ на Ивана Переносова 150 шубъ, сказывалъ; сказывалъ де онъ Федька про то и дьякомъ Ивану Трофимову да Ондрею Галкину. А Федька сказалъ, что онъ дьякомъ Ивану Трофимову да Ондрею Галкину ничего про то не сказывалъ, затѣялъ де то на него дьяконъ напрасно.—А дьякъ Иванъ Переносовъ про то въ распросѣ сказалъ: Федька де Микитинъ скорнякъ дѣлалъ на него шубы бѣлыя и корсочьи, а на людей его шубы заячьи, и отъ дѣла де онъ ему отъ тѣхъ шубъ деньги давалъ, а сколько де ему Федька шубъ бѣлыхъ и корсочьихъ, а людямъ его заячьихъ, сдѣлалъ, того де онъ не помнитъ, а собольихъ и иныхъ никакихъ шубъ ему Федька не дѣлывалъ.—А дьяки Иванъ Трофимовъ да Ондрей Галкинъ въ допросѣ про то сказали: что де они про то, что будто Федька скорнякъ дѣлалъ на дьяка на Ивана Переносова 150 шубъ слышали отъ самого отъ дьякона отъ Кирила, а отъ Федьки скорняка про то ничего не слышали, и его Федьку не знаютъ. И съ очей на очи съ Федькою говорили тѣ жъ рѣчи. А дьяконъ съ ними на очной ставкѣ говорилъ прежніе жъ свои рѣчи, что Федька де имъ про шубы, которыя онъ дѣлалъ на Ивана Переносова сказывалъ, а слышалъ де онъ про то отъ самихъ отъ нихъ отъ Ивана и отъ Ондрея.—А что въ дьяконовѣ въ Кириловѣ челобитной написано, что будучи въ Тобольску воевода князь Григорій Куракинъ торговалъ и имали у него въ государеву казну дьяки Иванъ Переносовъ да Григорій Лукинъ вино, а за то вино давали ему изъ государевы казны деньги по четыре рубли за ведро, и про то допрашиваны дьяки Иванъ Переносовъ да Григорій Лукинъ. А въ допросѣ дьяки Иванъ Переносовъ да Григорій Лукинъ сказали: у воеводы де они у князя Григорья Куракина вино имали и деньги изъ государевы казны ему за то вино давали по государевѣ грамотѣ по сороку алтынъ за ведро, а подлинно де не упомянуть; а записано де то въ книгѣ нынѣшняго 154-го году. И расходныя книги досматриваны, а въ книгахъ написано: по г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. грамотѣ велѣно воеводѣ князю Михаилу Гагарину да дьякомъ Ивану Переносову да Григорью Лукину воеводѣ князю Григорью Куракину за вино, что онъ пришлетъ на государевъ погребъ, дать деньги изъ государевы казны по той цѣнѣ, почему на Верхотурье на государевѣ поварнѣ ведро вина цѣною ставится; и у князя Григорья Куракина взято въ Тобольску на государевъ погребъ 129 ведръ полуаршинныхъ вина горячаго, а дано ему за то вино по верхотурской кабацкой приѣмной цѣнѣ по рублю по шти алтынъ по четыре деньги за ведро.

Да билъ челомъ г. ц. и в. к. Алексѣю Михайловичу в. Р. словесно дьякъ Иванъ Переносовъ, что де дьяконъ Кирилло воръ и затеваетъ на него государевы дѣла напрасно потому, что они его за воровство прежь сего пытали; а что его воровство, за что онъ пытанъ, и то записано въ дѣлѣ имянно, и чтобъ его государь пожаловалъ, изъ того прежняго дѣла въ нынѣшнему его дьяконову ложному извѣту велѣлъ выписать.—И бояринъ и воеводы Иванъ Ивановичъ Салтыковъ съ товарищи велѣли дьяка Ивана

Переносова и дьяконовы и дьявовъ же Ивана Трофимова да Ондreja Галкина и Федьки скорняка роспросные рѣчи записать, и до указу отдати его дьякона за пристава, а Федьку скорняка на поруку, а изъ прежняго его дѣла велѣли выписать. И того жъ числа дьяконъ отданъ держать тобольскому пѣшихъ казаковъ атаману Ивашку Ковырзину, а Федька скорнякъ данъ на поруку и поручная по немъ запись взята такова: Се азъ Власъ Заливинъ тобольской сынъ боярской, да азъ Ондрей Добышъ литвинъ, да азъ Лука Зеновьевъ самопальной мастеръ, да азъ Павелъ Федоровъ сынъ скорняковъ, всѣ порутчики поручились есьми въ Тобольску приставу Москѣ Петрову по тобольскомъ пѣшемъ казакѣ Мурзины станицы Выходцова, по Федькѣ Никитинѣ скорнякѣ въ томъ: ставитись ему въ Тобольску въ сѣзжей избѣ передъ бояриномъ и воеводи передъ Иваномъ Ивановичемъ Салтыковымъ да передъ стольникомъ передъ княземъ Иваномъ Семеновичемъ Гагариннымъ да передъ дьяки передъ Дмитриемъ Карповымъ да Третьякомъ Васильевымъ по вся дни до государева указу, и изъ Тобольска ему Федькѣ никуда не сѣхать и не сбѣжать; а буде онъ Федька за нашею порукою въ Тобольску въ сѣзжей избѣ передъ бояриномъ и воеводи Иваномъ Ивановичемъ Салтыковымъ съ товарищи по вся дни до государева указу ставитись не учнетъ или изъ Тобольска куды сѣдетъ или сбѣжить,—и на насъ на порутчикахъ г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. пеня, а пеню, что государь укажетъ, и наши порутчиковы головы въ его Федькину голову мѣсто; а которой насъ порутчиковъ въ лицахъ, на томъ государева пеня и порука. На то послухъ Данило Балинъ, а поручную писалъ въ Тобольску Федка Кологривовъ, лѣта 7154-го мая въ 25 день.—*На оборотѣ написано:* въ сей поручной Власъ Заливинъ руку приложилъ, Андрей бубенистъ руку приложилъ, въ сей поручной записи вмѣсто порутчиковъ Луки Зиновьева самопального мастера да Павла Федорова, по ихъ велѣнью, Лучка Балинъ руку приложилъ, послухъ Данилко руку приложилъ.

Выписано изъ прежняго дьяконова дѣла. Въ прошломъ во 153 году по челобитью тобольскаго посадскаго челоуѣка Пятуньки Соколова и по памяти дьякона Кирила Иванова, какову онъ память далъ на себя Пятунькѣ Соколову своею рукою, что ему Кирилу никакого убивственнаго воровства на него Пятуньку не заводить, былъ ему Кирилу роспросъ, а по роспросу пытанъ. А въ распросѣ и съ пытки сказалъ, что далъ де онъ память Пятунькѣ Соколову для того, что въ прошломъ во 152 году до Семена дни говорили ему дьякону Ортюшка Соколовъ, да Гришка Толмачовъ, что они хотять его Пятуньку убить, и ему бѣ дьякону для того убойства его Пятуньку вызвать въ юрты, а самому бѣжать отъ нихъ прочь. И въ юрты де онъ Пятуньку вызвалъ и ходилъ съ нимъ до Знаменскаго монастыря, а тѣхъ воровъ, которымъ было Пятуньку убить, не видали; а послушалъ онъ тѣхъ воровъ пьянымъ дѣломъ, и въ томъ онъ передъ Пятунькою прощался, и память ему Пятунькѣ на себя далъ. А вдругорядъ тотъ дьяконъ Кирило пытанъ для того, что въ прошломъ во 153 году били челоуѣ на него государю Богоявленскіе прихожане

Яковъ Шульгинъ съ товарищи въ церковныхъ краденыхъ деньгахъ въ 80 въ 3-хъ рублехъ; а въ роспросъ и съ пытки онъ дьяконъ въ тѣхъ краденыхъ церковныхъ деньгахъ на себя не говорилъ.

Да мая жъ въ 29 день билъ челомъ г. ц. и в. в. Алексѣю Михайловичу в. Р. словесно дьяконъ Кирила, а сказалъ: запирался де дьякъ Иванъ Переносовъ въ шубахъ, что на него Федька Микитинъ сворнякъ 150 шубъ иво всякой мягкой рухляди не дѣлывалъ, а дѣлалъ бѣлыхъ и корсочьихъ и заячьихъ шубъ не много, а у него де Ивана и нынѣ лежить спрятано у тобольскаго у куртовскаго бухаретина у Сеитгула Аблина 20 шубъ собольихъ и пупчатыхъ, и чтобъ его государь пожаловалъ, того бухаретина Сеитгула про тѣ шубы велѣлъ допросить. И того жъ часу куртовской бухаретинъ ставленъ и спрашиванъ; а въ допросѣ сказалъ, что дьяка де Ивана Переносова у него шубъ никакихъ нѣтъ. И съ дьякономъ онъ Сеитгулъ съ очей на очи говорилъ то жъ.—И бояринъ и воеводы Иванъ Ивановичъ Салтыковъ съ товарищи велѣли дьякона Кирила изъ за пристава дать на поруку въ статьѣ до государева указа. И дьяконъ поруки по себѣ не собралъ и посаженъ до государева указа въ тюрьму.

Да мая жъ въ 30 день просился изъ тюрьмы дьяконъ Кирило въ сѣзжую избу и билъ челомъ и извѣщалъ г. ц. и в. в. Алексѣю Михайловичу в. Р., а въ сѣзжей избѣ боярину и воеводѣ Ивану Ивановичу Салтыкову, да стольнику и воеводѣ князю Ивану Семеновичу Гагарину, да дьякомъ Дмитрію Карпову, да Третьяку Васильеву сказывалъ словесно государеву дѣло на воеводѣ же на князя Григорья Куравина, да на князя Михаила Гагарина, да на дьяковъ на Ивана Переносова, да на Григорья Лукина: будучи де они въ Тобольску, торговали на колмацкихъ торгѣхъ всякими товарами съ калмыки, и племянника де своего Иванъ Переносовъ Данила Пыжова съ калмыки торговать посылалъ. А дьяки Иванъ Переносовъ да Григорій Лукинъ въ распросѣ сказали, что они въ Тобольску для своихъ нужъ для сѣнныя и дровяныя и всякія возки и для подъему, на чемъ имъ съ своими семьями подняты къ Москвѣ, лошади и для корму животину быки и овцы у колмаковъ на товары мѣняли, и племянника де своего Данила Пыжова онъ Иванъ Переносовъ тѣхъ лошадей и животину на товары вымѣнивать къ колмакамъ на ихъ колмацкіе торги посылавалъ потому, что было имъ, будучи въ Тобольску на государевѣ службѣ, безъ лошадей для своей возки и для своего подъему къ Москвѣ и безъ животиннаго корму, чѣмъ сытымъ быть, быть было нельзя.

И юля въ 1 день билъ челомъ г. ц. и в. в. Алексѣю Михайловичу в. Р. дьяконъ Кирило Ивановъ словесно: въ прежнемъ де его дѣлѣ съ Платуньбою Соголовымъ взята по немъ въ сѣзжую избу къ дѣлу въ статьѣ порушная записъ, а нынѣ де по немъ спрашиваютъ въ томъ дѣлѣ, что онъ билъ челомъ государю на прежнихъ воеводѣ и дьяковъ на князя Григорья Куравина съ товарищи другой порушной записи, и чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ его изъ тюрьмы выпустить, чтобъ ему, сидя въ тюрьмѣ, съ нужи и съ голоду не умереть и быти бѣ ему велѣлъ до своего госу-

дарева указу въ Тобольску за прежнюю порукою. И въ Судномъ столѣ въ прежнемъ его дьяконовѣ дѣлѣ съ Пятунькою Соколовымъ сысана по немъ дьяконѣ порушная запись; а въ той записи написано: въ прошломъ во 153 году іюня въ 21 день поручились по немъ дьяконѣ софейскіе дѣти боярскіе Безсонъ Парфеновъ, Иванъ Коряковъ, пѣвчіе дьяки Емельянь Микитинъ, Никита Ерофѣевъ, да тобольскіе служилые люди литовскаго списку конный казакъ Сенья Полотовъ, стрѣлецъ Гришка Галахтіоновъ, пѣшіе казаки Ивашко Ивановъ, Ивашко Федоровъ, вилежена, пушваръ Томилко Озонишнинъ, посадской человекъ Лучка Офонасьевъ, мясникъ Гришка Пиминовъ въ томъ, что ставится ему за ихъ порукою въ съѣзжей избѣ передъ воеводами передъ княземъ Григорьемъ Куракинымъ съ товарищи по вся дни до государева указу, а нивуды не съѣхать и не сбѣжать; а будетъ за ихъ порукою до государева указу ставится по вся дни не учнетъ и куды съѣдетъ или сбѣжитъ, и на нихъ поручивахъ государева пени, а пени, что государь укажетъ. И бояринъ и воевода Иванъ Ивановичъ Салтыковъ, да стольникъ и воевода князь Иванъ Семеновичъ Гагаринъ, да дьяки Дмитрій Карповъ, да Третьякъ Васильевъ велѣли дьякона Кирила изъ тюрьмы вынустить и быти ему въ Тобольску до государева указу за прежнюю порукою по той же записи, какова въ Судномъ столѣ въ прежнемъ его дьяконовѣ дѣлѣ съ Пятунькою Соколовымъ; и въ Судной столѣ подьячому Ильѣ Петрову съ сего дѣла дано письмо, покаместа нынѣшнее дьяконово дѣло, что онъ извѣщалъ на прежнихъ воеводъ и дьяковъ на князя Григорья Куракина съ товарищи минетса, и той порушной записи изъ прежняго дьяконова дѣла до государева указу выдавать не велѣно.

На оборотѣ челобитной и выписокъ по склейкамъ написано: дьякъ Третьякъ Васильевъ.— „155-го ноября въ 10 день. По сему дѣлу г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. докладывалъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, и г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ в. Р., *слухавъ дѣла, указалъ, а бояре приговорили:* допросить стольника князя Ивана Ромодановскаго, какъ онъ по государеву указу въ прошломъ во 153 году посланъ въ Сибирь въ Тоболескъ приводить къ государеву крестному цѣлованью воеводъ и дьяковъ и всякихъ чиновъ русскихъ людей, и въ которомъ мѣсяцѣ и числѣхъ въ Сибирь въ Тоболескъ пріѣхалъ, и ко государеву крестному цѣлованью воеводъ князя Григорья Куракина съ товарищи приводилъ, и послѣ того сколько день спустя Герасимъ архіепископъ Сибирскій и Тобольскій государеву ангелу преподобному Алексѣю человекъ Божію празднество учинилъ, и тобольскихъ воеводъ князя Григорья Куракина съ товарищи къ вечернѣ и ко всенощному и къ обѣднѣ и обѣдать звать посылалъ ли, и князь Григорій Куракинъ съ товарищи у вечерни и у всенощнаго и у обѣдни былъ ли, и у архіепископа Герасима того дни обѣдалъ ли, и послѣ того назавтра князь Григорій Куракинъ именины свои правилъ ли, и въ тотъ день для именинъ своихъ въ церкви былъ ли, и для именинъ своихъ по три дни съ товарищи своими съ литавры и съ трубами пировалъ ли, а онъ князь у него на

пиру былъ ли, и сколько онъ князь Иванъ недѣль въ Тобольску былъ? Да и князь Григорья Куракина и князь Михаила Гагарина противъ извѣстной челобитной Кирила дьякона про всѣ статьи указалъ государь, а бояре приговорили, распросити жъ, да по тѣмъ распроснымъ рѣчамъ указалъ государь доложить себя государя⁴.

И того жъ дни по г. ц. и в. в. Алексѣя Михайловича в. Р. указу бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой да дьякъ Григорій Протопоповъ стольника князь Ивана Ромодановскаго противъ государева указу спрашивали. И стольникъ князь Иванъ Ромодановской въ распросѣ сказалъ: въ прошломъ во 154 году прїѣхалъ онъ въ Сибирь въ Тоболескъ ноября въ 8 день съ утра¹⁾ и того жъ дни послалъ государеву грамоту о государевѣ крестномъ цѣлованьѣ въ сѣзжую избу къ воеводамъ ко князю Григорью Куракину съ товарищи съ подьячимъ съ Степаномъ Корелкинымъ, а самъ пошелъ къ соборной церкви. И Герасимъ де архіепископъ Сибирскій и Тобольскій и воеводы князь Григорій Куракинъ съ товарищи пришли въ соборную церковь тотъ же часъ. И онъ де князь Иванъ по государеву наказу рѣчь воеводамъ и дьякамъ и всякимъ людямъ говорилъ, и воеводъ князь Григорья Куракина съ товарищи при архіепископѣ Герасимѣ ко кресту привелъ²⁾, а архіепископъ де Герасимъ въ то время стоялъ со крестомъ. И послѣ де крестнаго цѣлованья Герасимъ архіепископъ Сибирскій и Тобольскій началъ молебень и о г. ц. и в. в. Алексѣя Михайловича в. Р. многолѣтномъ здоровьѣ Бога молилъ со всѣмъ соборомъ; а воеводы де князь Григорій Куракинъ, и князь Михаилъ Гагаринъ, и дьяки Иванъ Переносовъ да Григорій Лукинъ у молебна были и молебна слушали. И послѣ де молебна начали пѣть обѣдню, и воеводы и дьяки пошли въ сѣзжую избу. И какъ де праздновалъ Герасимъ архіепископъ государеву ангелу преподобному Алексѣю человекъку Божію, и воеводы де князь Григорій Куракинъ съ товарищи у вечерни и у всенощного были ль, того онъ не вѣдаетъ; а у архіепископа де Герасима того дни князь Григорій Куракинъ обѣдать не былъ, а князь Михаилъ Гагаринъ и онъ князь Иванъ и дьякъ Иванъ Переносовъ и Григорій Лукинъ обѣдали. И у князь Григорья де Куракина онъ князь Иванъ на именинахъ обѣдалъ же; а сколько день спустя послѣ архіепископова обѣда у князь Григорья обѣдалъ, того онъ не упомянуть; а въ обѣдъ де и послѣ обѣда князь Григорьевы люди Куракина пѣли строками, а трубъ и литавръ онъ князь Иванъ не видалъ и не слышалъ. А жилъ де онъ князь Иванъ въ Тобольску больши мѣсяца.

¹⁾ Князь Иванъ Ромодановской и Корелкинъ отпущены въ Сибирскіе города съ грамотою изъ Сибирскаго приказа отъ 22 іюля 153 года (см. Сибирскаго приказа столбецъ за № 6276, л. 73).

²⁾ Въ Сибирскомъ приказѣ 5 января 154 г. получена отписка тобольскаго воеводы князь Григорія Куракина о приводѣ въ ономъ городѣ разныхъ лицъ къ присягѣ (см. Сибирскаго приказа столбецъ № 6276, л. 134).

И ноября жъ въ 11 день бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой да дьякъ Григорій Протопоповъ князь Григорья Куракина противъ извѣстной челобитной дьякона Кирила про всѣ статьи распрашивали. И князь Григорій Куракинъ въ распросѣ сказалъ: въ прошломъ де во 154 году привезъ къ нему во князю Григорью г. ц. и в. в. Алексѣя Михайловича в. Р. грамоту тобольской атаманъ Кирило Хворой, не упомянуть до Покрова святя Богородицы день за десять или за двѣ недѣли; а писано де въ той государевѣ грамотѣ, по его князь Григорьеву челобитью, о его князь Григорьевѣ изъ Сибири отпускѣ. Да въ той же де государевѣ грамотѣ написано, что волею Божіею блаженныя памяти в. г. ц. и в. в. Михаила Федоровича в. Р. не стало, оставя земное царство, отойде въ вѣчное блаженство небеснаго царствія, а по благословенію отца своего учинился на Владимирскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царствія ц. и в. в. всея Россіи сынъ его государевъ в. г. ц. и в. в. Алексѣй Михайловичъ в. Р. И онъ де князь Григорій того же дни съ товарищи своими со князь Михайломъ Гагаринымъ и съ дьяки съ Иваномъ Переносовымъ и съ Григорьемъ Лукинымъ пошли къ Герасиму архіепископу Сибирскому и Тобольскому, и тое государеву грамоту архіепископу объявили, и съ нимъ съ архіепископомъ о томъ совѣтовали, чтобъ тое государеву грамоту объявити всѣмъ людямъ. И того жъ де часу пошли они отъ архіепископа Герасима въ сѣзжую избу и, собравъ всякихъ чиновъ людей, тое государеву грамоту въ слухъ честь велѣли. А архіепископъ де Герасимъ въ тое пору безъ нихъ о г. ц. и в. в. Алексѣя Михайловича в. Р. многолѣтномъ здоровѣ молебень пѣлъ, а къ нимъ вѣсти не учинилъ, и они де у молебна для того не были. Да въ той же государевѣ грамотѣ написано, велѣно ему князю Григорью крестъ государю цѣловать, какъ онъ пріѣдетъ къ Москвѣ; и онъ де князь Григорій государю крестъ цѣловалъ въ Тобольску для того, чтобъ въ Сибирскихъ людехъ смуты не было. А дьякъ де Григорій Лукинъ дочь свою изъ могилы выкопалъ ли или нѣтъ, про то онъ не вѣдаетъ. А какъ де послѣ крестнаго цѣлованья архіепископъ Герасимъ празднество учинилъ государеву ангелу преподобному Алексѣю человеку Божію и съ вѣстью къ нему о томъ прислалъ, и онъ де князь Григорій въ то празднество въ соборѣ у вечерни и у всеобщаго и у обѣдни не былъ, потому что былъ болѣнъ, не задолго де до того дни *пущалъ руду* и отъ того мало не умеръ; и въ томъ слася на архіепископа, что былъ болѣнъ. А товарищи де его князь Михайло Гагаринъ и дьяки Иванъ Переносовъ и Григорій Лукинъ у праздника были ль, того онъ не вѣдаетъ. А послѣ де того ноября въ седьмоенадесять число былъ онъ князь Григорій именинникъ Григорія новые Кесарии, и въ тѣ свои именины у церквѣ у обѣдни былъ, и стольника князь Ивана Ромодановскаго обѣдать къ себѣ звалъ, и для государскаго величества его дарилъ, и товарищи де его дьяки Иванъ Переносовъ и Григорій Лукинъ опричь князь Михайла Гагарина и тутошніе тобольскіе люди у него того дни были жъ и обѣдали; да и назавтрее де того князь Иванъ Ра-

модановской и иные тобольскіе люди у него обѣдали жъ; а въ третій де день у него Сибирскіе люди и возде будеть были и обѣдали, того онъ не упомнить. А въ трубы де у него въ тѣ поры не трублывали и въ литавры не бивали. А послѣ де государевы грамоты, по которой велѣно его отпустить изъ Сибири къ Москвѣ, жилъ онъ въ Тобольску по Рождество Христово затѣмъ, что зимній путь не уставился; а никакими де товары не торговаль и мягкой никакой рухляди ни у кого не купливаль, а велѣлъ де онъ продавать на поѣздѣ запасы свои хлѣбные всякіе и сукнишка сермяжныя, и кожи, и холстишка, что у него осталось, а везти ему было съ собою того не на чемъ; а сколько де чего продалъ, того не упомнить. А про то де про все научаль на него доводить напрасно *дьякона Кирила дьякъ Иванъ Трофимовъ по недружбѣ*. А товарищи де его чѣмъ въ Сибири торговали ль, и что покупали, того онъ не вѣдаетъ.

На оборотъ распросныхъ рѣчей по клейкамъ написано: „к семь речемъ князь Григорей Куравинъ руку приложилъ“.

А по князя Михайла Гагарина посланы Сибирскаго приѣзду подьячіе Еуфимко да Викулка Пановы, чтобъ онъ для государева дѣла ѣхать въ городъ, въ Сибирской приказъ. И подьячіе Еуфимко и Викулка Пановы сказали, что де князь Михайло болѣнъ и ѣхать ему въ городъ нельзя. И ноября жъ въ 12 день ѣздилъ ко князю Михайлу Гагарину на дворъ осматривать и для распросу Сибирскаго приѣзду дьякъ Григорій Протопоповъ. И по осмотру князь Михайло Гагаринъ у себя на дворѣ лежитъ болѣнъ безъ памяти и говорить худо, не звать что, и для того онъ не допрашиванъ.

„И 155-го ноября въ 13 день по семь роспроснымъ рѣчемъ г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. докладываль бояринъ князь Алексѣй Нивитичъ Трубецкой. И г. ц. и в. к. *Алексѣй Михайловичъ в. Р., слушавъ князя Григорья Куракина съхъ роспросныхъ рѣчей, указалъ, а бояре приговорили: сослати его князя Григорья съ Москвы въ Нижней Новгородъ* за его вину, что онъ князь Григорій, будучи въ Сибири въ Тобольску, по его государевѣ грамотѣ слыша про то, что по благословенію отца своего в. г. ц. и в. к. Михайла Ѳедоровича в. Р. онъ г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ в. Р. учинился на престолѣ отца своего на Владимирскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царствія г. ц. и в. к. всея Россіи, его царскому величеству и многолѣтнему здоровью онъ князь Григорій не обрадовался, съ его государевою грамотою былъ у архіепископа Герасима и съ товарищи пошелъ въ сѣзжую избу; а какъ Герасимъ архіепископъ о его государевѣ многолѣтномъ здоровьѣ того дни въ соборѣ Бога молилъ и молебень пѣлъ, и онъ князь Григорій воровствомъ у того соборнаго молебна не былъ и не слушалъ и самъ въ томъ повинился. И какъ послѣ крестнаго цѣлованья Герасимъ же архіепископъ Сибирскій и Тобольскій учинилъ празднество его государеву ангелу преподобному Алексѣю человѣку Божію, и ноября въ пятнадцатый день съ утра посылалъ архіепископъ Герасимъ звать его князя Григорья съ товарищи, чтобъ онъ князь Григорій къ тому

празднеству былъ къ вечернѣ, а ноября жъ въ шестнадцатый день ко всенощному и къ соборному молебну и къ обѣднѣ и у него архіепископа хлѣба ѣлъ, и онъ князь Григорій къ тому празднеству его государева ангела преподобнаго Алексѣя челоуѣка Божія къ вечернѣ и ко всенощному и къ соборному молебну и къ обѣднѣ не поѣхалъ будто за болѣзнию. А какъ назаутрее того празднества ноября жъ въ седьмой надесять день былъ онъ князь Григорій имянинникъ, и онъ для своихъ имянинъ объявился не болѣнъ, у обѣдни былъ, и имянины свои праздновалъ, по три дни съ гостями пиrowалъ, и въ томъ онъ повинился жъ. И то онъ князь Григорій учинилъ своею дуростью и воровствомъ же, что къ празднеству его государева ангела Алексѣя челоуѣка Божія въ соборъ къ вечернѣ и ко всенощному и къ соборному молебну и къ обѣднѣ не поѣхалъ, а имянины свои праздновалъ послѣ того назаутрее не болѣнъ, и для своихъ имянинъ по три дни съ гостями пиrowалъ. И за ту его вину и за воровство указалъ государь, а бояре приговорили, сослати его князя Григорья съ Москвы за приставомъ съ провожатыми стрѣльцы въ Нижней Новгородъ, и дати ему въ Нижнемъ, гдѣ стоять, дворъ, а на дворѣ быти у него приставу до его государева указу“.

И ноября жъ въ 14 день по г. ц. и в. в. Алексѣя Михайловича в. Р. и по боярскому приговору вина ему князю Григорію сказана, и съ Москвы онъ посланъ того жъ дни въ Нижней Новгородъ съ приставомъ съ Семеномъ Карсаковымъ; а провожатыхъ съ нимъ послано 20 челоуѣкъ стрѣльцовъ московскихъ¹⁾, и о князь Григорь въ Нижней государева грамота и о береженьѣ наказъ о приставу и о стрѣльцахъ въ Стрѣлецкой приказъ, а о подводахъ въ Ямской приказъ памяти посланы 14 ноября 155 года.

Описать въ Сибирской приказъ: кто въ Нижнемъ Новгородѣ воевода и дьякъ? Стольникъ и воевода Данило Ивановъ сынъ Лодыгинъ да дьякъ Глѣбъ Патрекѣевъ.

Грамота въ Нижній Новгородъ о дачѣ дворовъ, гдѣ стоять князю Григорью Куракину и приставу Семену Корсакову.

Памяти въ Ямской приказъ боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому да дьякамъ Василью Яковлеву да Микитѣ Головинну о дачѣ подводъ: а) сему Корсакову 4-хъ подводъ съ сѣдлы и съ телѣги, б) московскимъ стрѣльцамъ десятнику Антонку Кузьмину съ товарищи десяти челоуѣкамъ 5 подводъ съ телѣги и съ проводники и в) князю Григорью Куракину 8-мъ подводъ съ сѣдлы и съ телѣги. *А прогони за всѣ подводы велеть доправить на немъ князь Григорь.*

Лѣта 7155 ноября въ 14 день. По г. ц. и в. в. Алексѣя Михайловича в. Р. указу память Семену Дмитріевичу Карсакову. По г. ц. и в. в. Алексѣя Михайловича в. Р. указу посланъ съ нимъ въ Нижній Новгородъ за многую вину князь Григорій Куракинъ, а съ нимъ провожатыхъ 10 челоуѣкъ московскихъ стрѣльцовъ десятникъ Антонко Кузьминъ съ

¹⁾ Стрѣльцовъ послано не 20, а 10 челоуѣкъ. См. д. л. 42, 43 и 45.

товарищи. И Семену Карсакову со княземъ Григорьемъ Куракинымъ ѣхать съ Москвы въ Нижній Новгородъ днемъ и ночью, не мешкая нигдѣ ни часу, и везти его съ великимъ береженьемъ, и никого въ нему пропускать и никому съ нимъ ни о чемъ разговаривать не давать; а приѣхавъ въ Нижній, отдати объ немъ князю Григорью стольнику и воеводѣ Данилу Лодыгину да дьяку Глѣбу Патрекѣеву г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловичу в. Р. грамоту и быть ему Семену у него князя Григорья на дворѣ въ приставѣхъ до государева указу; а къ церкви ему князю Григорью ходить велѣть. А будетъ онъ Семень поѣдетъ съ Москвы и дорогою мешкатно и беречь князя Григорья Куракина въ дорогѣ и въ Нижнемъ или у него на дворѣ жити не учнетъ, и ему Семену за то отъ г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. быть въ великой опалѣ и въ казни.

Отъ ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. Семену Дмитріевичу Карсакову. Въ нашемъ наказѣ у тебя написано, велѣно тебѣ ѣхать до Нижняго Новгорода со княземъ Григорьемъ Куракинымъ днемъ и ночью безъ мотчанья; и нынѣ вѣдомо лучилося, что ты ѣдешь со княземъ Григорьемъ Куракинымъ *мешкотно и на станьхъ стоишь домо*. И какъ къ тебѣ ся наша грамота (придетъ), и ты бѣ по нашему указу ѣхалъ со княземъ съ Григорьемъ Куракинымъ до Нижняго Новгорода днемъ и ночью безо всякаго мотчанья; а будетъ ты поѣдешь мешкатно и зачѣмъ учнешъ мотчать, и тебѣ отъ насъ за то быти въ опалѣ. Да котораго числа со княземъ Григорьемъ Куракинымъ въ Нижній Новгородъ приѣдешь, и ты бѣ о томъ отписалъ къ намъ въ Москвѣ, а отписку велѣлъ подати въ Сибирскомъ приказѣ боярину нашему князю Алексѣю Никитичу Трубецкому да дьяку нашему Григорью Протопопову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7155 ноября въ 16 день. Съ нижегородскимъ пушкаремъ съ Куземкою Филиповымъ. *Послана изъ Новгородскія чети ноября въ 17 числѣ*.

Государю ц. и в. к. Алексѣю Михайловичу в. Р. холопъ твой Сенка Корсаковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 155 году ноября въ 14 день по твоему г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. указу посланъ со мною, холопомъ твоимъ, съ Москвы князь Григорій Куракинъ въ Нижній Новгородъ и указано мнѣ, холопу твоему, ѣхать днемъ и ночью не мешкая. А князь Григорій Куракинъ съ Москвы поѣхалъ со книжницею и съ телѣги; а воды, государь, большія во многихъ мѣстехъ, и плоти снесло, и малыя рѣчки идутъ по лугамъ, на перевозехъ, государь, и на рѣчкахъ и въ грязѣхъ телѣги ставятся и лошади тонуть, и затѣмъ, государь, мотчаніе большое; едва, государь, въ десять день до Володимера доѣхали ноября въ 25 день. И я, холопъ твой Сенка, князю Григорью Куракину говорилъ многожды, чтобъ для ради послѣшенья жену покинулъ; и князь Григорій Куракинъ жены не покинетъ: меня де государь пожаловалъ, велѣлъ съ женою ѣхать. И мнѣ бѣ, холопу твоему, отъ тебя, государя, въ опалѣ не быть.

На оборотѣ отписки помѣта: взять къ отпуску. 155-го декабря въ 3 день подаль Воинъ Семеновъ сынъ Карсаковъ.

Государю ц. и в. к. Алексѣю Михайловичу в. Р. холопъ твой Сенка Карсаковъ челомъ бьетъ. По твоему г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. указу посланъ я, холопъ твой, съ Москвы изъ Сибирскаго приказу въ приставехъ у князь Григорья Куракина въ Нижній Новгородъ, а стрѣльцовъ со мною, холопомъ твоимъ, послано 10 человекъ, десятникъ Онтонко Козьминъ съ товарищи. И я, холопъ твой Сенка, въ Нижній Новгородъ со княземъ Григорьемъ Куракинымъ прѣхалъ *декабря въ 5 день*, и того жъ, государь, числа московскіе стрѣльцы десятникъ Онтонко Козьминъ съ товарищи отпущены къ тебѣ, государю, къ Москвѣ; а въ Нижнемъ, государь, мнѣ, холопу твоему, у воеводы да у дьяка стрѣльцовъ имать не указано.

На оборотъ отписки: взять къ отпуску. 155-го декабря въ 16 день подалъ московскій стрѣлецъ десятникъ Онтонко Кузьминъ.

Царю г. и в. к. Алексѣю Михайловичу в. Р. бьетъ челомъ *бѣдной и безпомошной виноватой холопъ твой Гришка Куракинъ*. По твоему государеву указу, а по моей безхитростной винѣ, сосланъ я, холопъ твой, въ Нижній Новгородъ за приставомъ. Милосердый, праведный и благочестивый г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ в. Р.! Пожалуй меня, холопа своего бѣднаго и безпомошнаго, для ради Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и для своего государева многолѣтнаго здоровья, вели, государь, меня холопа своего взять къ себѣ, государю, къ Москвѣ и видѣть свои государевы пресвѣтлыя очи. Царь государь, смилуйся!

На оборотъ: „155-го декабря въ 24 день“.

Отъ ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. въ Нижній Новгородъ стольнику нашему и воеводѣ Данилу Ивановичу Лодыгину, да дьяку нашему Глѣбу Патрекѣеву. Въ нынѣшнемъ во 155 году по нашему указу посланъ съ Москвы въ Нижній Новгородъ въ нашей опалѣ князь Григорій Куракинъ съ приставомъ съ Семеномъ Карсаковымъ; и нынѣ пожаловали есмь боярина князя Григорья Куракина, по челобитью боярина нашего князя Ивана Ондрѣевича Голицына, велѣли его князь Григорья изъ Нижняго Новгорода отпустить къ намъ къ Москвѣ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ князя Григорья Куракина совсѣмъ изъ Нижняго Новгорода отпустили къ намъ къ Москвѣ, и велѣли ему ѣхать о себѣ безъ пристава; а прѣхавъ къ Москвѣ, велѣли ему явиться въ Сибирскомъ приказѣ боярину нашему князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, да дьяку нашему Григорью Протопопову. А Семену Карсакову велѣли бѣ есте отъ Нижняго до Москвы дать подорожную и подводы противъ Московской подорожной¹⁾. А въ которомъ числѣ князя Григорья Куракина отпустите, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ въ Сибирской же приказѣ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7155-го декабря въ 25 день.

Князь Григорій Куракинъ. Въ нынѣшнемъ во 155 году по г. ц. и в. к. Алексѣя Михайловича в. Р. указу и по боярскому приговору велѣно тебя за многую твою вину сослать въ Нижній Новгородъ, и вина твоя

¹⁾ Грамота о Карсаковѣ послана того жъ числа.

тебѣ сказана; и ты у сказки за вину свою у государя милости не просилъ, и говорилъ непристойныя слова. И за тѣ твои вины сосланъ ты былъ въ Нижній Новгородъ. И нынѣ г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ в. Р. для нынѣшняго праздниства Нерукотвореннаго образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа¹⁾ пожаловалъ, вину твою тебѣ отдакъ и велѣлъ тебѣ видѣти свои царскія очи²⁾.

3.—Непристойныя рѣчи XVII в.:

а) О торговомъ чловѣкѣ г. Тюмени Е. Горлановѣ, называвшемъ себя государевымъ братомъ. 1644 г.

Въ отпискѣ Тобольскихъ воеводъ, полученной Сибирскимъ приказомъ 9 мая 1644 г. читается: въ Тюменской сѣзжей избѣ письменному головѣ Григорью Семичеву стрѣлецъ Обросимѣо Кириловъ извѣщалъ, что 9 октября въ вечеру шли по улицѣ мимо его двора конный стрѣлецъ Ивашко Шумиловъ да торговый чловѣкъ Ерофейко Горлановъ пьяны, и промежъ собою бранились, и послѣдній называлъ себя государевымъ братомъ. За означенныя слова Горлановъ былъ распрашиванъ Семичевымъ, и сказалъ, „что такое непотребное слово говорилъ ли, того не помнить, потому что былъ пьянъ“. Семичевъ велѣлъ Горланову учинить наказанье, битъ кнутомъ на козлѣ и отослалъ его въ Тобольскъ, гдѣ тотъ былъ также пытанъ, а послѣ отданъ за пристава до государева указа“. На оборотѣ отписки помѣта дьяка Сибирскаго приказа Григорія Протопопова: „государь, слушавъ отписки, указалъ того Ерофѣйка Горлана свободить и дать на поруки, что ему впередъ такъ не воровать, непригожихъ словъ не говорить, и послати о томъ въ Тоболескъ къ воеводамъ грамоту“. Грамота послана 23 мая 1644 г.³⁾

б) О Тарскомъ крестьянинѣ Яковлевѣ, называвшемъ служилыхъ людей овцами, а коннаго казана—дьяволомъ и служащимъ дьяволу. 1644 г.

Въ отпискѣ Тобольскихъ воеводъ князей Григорія Куракина и Михаила Гагарина, присланной въ Сибирской приказъ 8 января 1644 г., написано: въ нынѣшнемъ 152 году ноября въ 22 день писали въ Тоболескъ съ Тары воеводы князь Петръ Щетининъ да Ѳедоръ Головачевъ: въ нынѣшнемъ де, государь, во 152 г. октября въ 31 день, пришедъ къ нимъ на Тарѣ въ сѣзжую избу, тарскій конный казакъ Ивашка Нефедьевъ извѣщалъ на тарскаго пашеннаго крестьянина на таможеннаго цѣловальника на Олферка Яковлева: октября де въ 29 день были они Ивашка и Олферка въ гостяхъ у тарскаго жъ коннаго казака у Ларки Лукьянова; и въ тѣхъ де гостяхъ межъ собою побранились. И въ брани де тотъ

¹⁾ Слѣд. 16 августа 155 (1647 г.)?

²⁾ См. Сибирскаго приказа столбецъ № 6292, л. л. 1—57.

³⁾ См. Сибирскаго приказа столбецъ № 6167, л. л. 367—373.

Олферко называлъ служилыхъ людей *овцами*. И онъ де Ивашка противъ того ему говорилъ, что онъ Олферко называетъ служилыхъ людей овцами, а они де не овцы, твои государевы холопы и служатъ тебѣ, великому государю. И онъ де Олферко противъ того Ивашкова слова говорилъ непристойное слово: дьяволъ де ты Ивашко, дьяволу и служишь. — И они князь Петръ Щетининъ и Ѳедоръ Головачевъ распрашивали коннаго казака Нефедьева и ставили съ нимъ на очную ставку Олферка Яковлева, который въ произношеніи вышписанныхъ словъ запирался; и воеводы, не повѣря его за пирательству, велѣли Олферка въ томъ словѣ пытатъ, почему онъ Олферка такое слово говорилъ, и къ которой мѣрѣ и по какому умышленью. И Олферка съ пытки въ томъ словѣ винился, что онъ передъ тобою, государемъ, виноватъ, говорилъ такое слово съ хмѣлю. И послѣ пытки того они Олферка дали на поруку съ записью до твоего государева указу и велѣли ему быть у таможеннаго сбору въ цѣловальникахъ по прежнему, потому что на Тарѣ въ цѣловальникахъ oprичъ его быть некому, выбираютъ де въ цѣловальники изъ пашенныхъ крестьянъ только *изъ трехъ человекъ*.

На оборотѣ отписки въ Сибирскомъ приказѣ дьякомъ Протопоповымъ написана помѣта: „государь слушалъ и указалъ писати въ Тоболескъ въ воеводамъ и въ дьякамъ, а велѣлъ того тарскаго пашеннаго крестьянина Олферка за такое непристойное слово бить по торгомъ кнutomъ нещадно, чтобъ на то смотря неповадно было инымъ впередъ такъ воровать и непристойныхъ словъ говорить; а бивъ кнutomъ, дати въ томъ на поруки съ записью, что ему впередъ не воровать, никакихъ непристойныхъ рѣчей не говорить и такимъ воровствомъ не воровать“¹⁾.

в) О цѣловальникѣ гор. Пелыма В. Путиловѣ, сказавшемъ, что подъячій С. Рогачевъ сидитъ въ таможи „по чертову указу и по чертовой отпискѣ“. 1644 г.

Тобольскіе воеводы князя Куракинъ и Гагаринъ и дьяки Переносовъ и Лукинъ въ отпискѣ, полученной въ Сибирскомъ приказѣ 9 мая 1644 г., писали, что въ прошломъ 151 г. сентября въ 12 день писалъ съ Пелыма воевода князь Петръ Волконскій и прислалъ ссыльнаго патриарша двора подъячаго Семейку Рогачева съ челобитною. А въ отпискѣ воеводы князя Петра Волконскаго и въ челобитной Рогачева написано: въ прошломъ во 150 году августа въ 25 день, обѣдавъ у него князя Петра Волконскаго на дворѣ, Пелымской сѣзжей избы подъячіе Путилка Степановъ да Куземка Орловъ межъ себя бранилися. И Путилка де учалъ говорить Куземкѣ Орлову: ты де какой человекъ, откуда де ты взялся? И Куземка де ему Путилку молилъ встрѣшно: а ты де Путилко самъ какой человекъ? И Путилко де сказалъ: я де старшій подъячій, на Пелымѣ сижу у государева дѣла 50 лѣтъ. А Куземка де говорилъ: я де подъячій сѣзжей избы, а сижу у государева дѣла другой годъ. И Путилко де говорилъ: кто де тебѣ велѣлъ быть у государева дѣла въ подъячихъ? И Куземка де ему Путилку говорилъ: меня де г. ц. и в. к. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. пожаловалъ, велѣлъ быть на Пелымѣ у своего государева дѣла въ сѣзжей

¹⁾ См. въ томъ же столбцѣ, лл. 100—105.

избѣ въ подъячихъ, и по его государеву указу воевода князь Петръ Волконской. И Путилко де молилъ трижды: которой государь тебя пожаловать? И Куземка де ему Путилку говорилъ: одинъ де у насъ г. ц. и в. в. Михаилъ Ѳедоровичъ в. Р., ему де мы служимъ.—Да въ Семейкинѣ жъ извѣстной челобитной написано: извѣщаль де онъ Семейка на Пелымѣ воеводѣ князю Петру Волконскому на таможенного голову на Елисейка Корвина, да на цѣловальника на Ваську Путилова про ихъ плутни въ таможенныхъ дѣлахъ у церкви Рождества Христова въ паперти; и въ то де время съѣзжей избы подъячій Путилко Степановъ да таможенный голова Елисейка Корвинъ, да цѣловальникъ Васька Путиловъ за тотъ его извѣтъ его Семейку давали. Да тотъ же де Васька передъ воеводою передъ княземъ Петромъ Волконскимъ и передъ пелымскими служилыми многими людьми билъ его Семейку и говорилъ: кто де тебѣ вору съ нами въ таможенѣ быть велѣлъ? И стрѣлцкіе десятники Филька Гайдукъ, да Андришка Конюховъ съ товарищи Васькѣ говорили: сидитъ де онъ Семейка въ таможенѣ и пишетъ по государеву указу и по тобольской отпискѣ. И тотъ де Васька въ то жъ время передъ воеводою передъ княземъ Петромъ Волконскимъ и передъ служилыми многими и передъ его князь Петровыми людьми про твой государевъ указъ и про тобольскую отписку говорилъ непристойныя рѣчи, что будто сидитъ въ таможенѣ и *пишетъ по чертову указу и по чертовой отпискѣ*. И то подъячій Путилъ и сынъ его Васька отданы въ Тобольску за пристава до твоего государева указу.

На оборотѣ отписки дьякомъ Сибирскаго приказа Григорьемъ Протопоповымъ написана помѣта: „152 г. іюня въ 5 день. Г. ц. и в. в. Михаилъ Ѳедоровичъ в. Р., слушавъ отписки, указалъ писати въ Тоболескѣ къ воеводамъ ко князю Григорью Кураеву съ товарищи, а велѣлъ имъ пелымскихъ подъячаго Путилка и сына его таможенного цѣловальника Ваську, за ихъ воровство за непристойныя рѣчи, *бити на козлѣхъ кнутомъ нещадно*, чтобъ на то смотря неповадно было инымъ впередъ такъ воровать, непристойныхъ рѣчей не говорить, и изъ за пристава ихъ свободить.—Грамота объ учиненіи означеннаго наказанія послана іюня въ—день ¹⁾).

4.—Къ бытовой исторіи Россіи въ XVII—XVIII вв.

Изъ печатаемыхъ ниже документовъ первый—письмо изъ Московскаго Алексѣевскаго монастыря бывшей игуменьи Угличскаго Богоявленскаго монастыря старицы Елены. На оборотѣ столбца сдѣлана надпись: „отдать сія грамота на Угличе въ Воскресенскомъ монастыре архимандриту Іакову“. Воскресенскій монастырь, прекрасный архитектурный памятникъ XVII в., теперь упраздненъ; архимандритъ Іаковъ былъ въ немъ съ 1685 по 1700 г. Игуменья Елена упоминается настоятельница Угличскаго Богоявленскаго монастыря въ 1692 г.; по

¹⁾ См. Сибирскаго приказа столбець № 6167, лл. 472—482.

удаленіи отъ управленія, она поселилась въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, откуда и пишетъ это письмо по поводу обвиненія ея старицами перваго монастыря въ увозѣ 150 рублей, возжей и хомутовъ монастырскихъ. Письмо представляетъ значительный интересъ для характеристики жизни въ женскихъ монастыряхъ XVII в. Оно любопытно и какъ образецъ сохранившейся до нашего времени въ маломъ количествѣ частной переписки XVII в.

Слѣдующіе два документа относятся до Ростовской митрополіи во время пребыванія на ней митрополита Арсенія Мацѣевича и касаются извѣстнаго тогда фабриканта Затрапезнаго, устройшаго первую полотняную фабрику, теперь превратившуюся въ громадную бумагопрядильню подъ названіемъ „Товарищество Ярославской большой мануфактуры“. Первый—указъ 1746 г. о недопущеніи впредь нигдѣ „иновѣрныхъ безъ правовѣрныхъ“ въ воспріемники при крещеніи—по поводу того, что при крещеніи дѣтей зятя Затрапезнаго—Михаила Балашева воспріемниками были иновѣрцы—содержавшагося въ Ярославлѣ бывшаго герцога Курляндскаго Бирона—жена и сынъ. Второй документъ—постановленіе Ярославской провинціальной канцеляріи объ отдачѣ дьячеа съ женою и дѣтьми въ вѣчное служеніе на фабрику Затрапезнаго; дьячекъ этотъ отрѣшенъ былъ за продерзость и сперва объявилъ было за собой „дѣло государственное“, которое состояло въ томъ, что „въ вѣкторіальные дни“ 9 и 19 августа не было отслужено положеннаго молебствія въ церкви села Богословскаго, на Ишнѣ.

Послѣдніе три документа—указы Вологодской духовной консисторіи 1783 г. извлечены изъ рукописи, принадлежащей Псковскому археологическому обществу, и обязательно сообщены секретаремъ этого общества Николаемъ Ѳомичемъ Окуличъ-Казаринимъ. Рукопись эта, находившаяся прежде въ Вологодскомъ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ и принадлежавшая Вологодской духовной консисторіи, въ листъ, на 265 лл., и состоитъ изъ подлинныхъ административныхъ распоряженій и судебныхъ рѣшеній съ подлинными подписали членовъ консисторіи и резолюціями Вологодскаго епископа Ириней Братановича, извѣстнаго въ свое время проповѣдника, имя котораго занесено архіепископомъ Филаретомъ въ Словарь духовныхъ писателей. „Слова его божественны гремѣли“, значилось на гробницѣ преосв. Ириней, погребеннаго въ 1796 г. въ Вологодскомъ кафедральномъ соборѣ, въ прежде существовавшемъ (нынѣ его уже нѣтъ) слѣдующемъ акростихѣ:

„Ищай наставника и сынъ отца несчастной!
Рѣшился придти сюда къ гробницѣ сей ужасной,
И то, чего искалъ, сей гробъ въ себѣ вмѣстилъ:
Надежда здѣсь твоя . . . Рокъ алчной поглотилъ.
Его любовь ко всѣмъ текла струей златою,
И благо общее пресѣкла смерть восою.
Его ученія плодъ сначала Кіевъ зрѣлъ,
Потомъ въ столицахъ двухъ въ учительствѣ успѣлъ,
И три монастыря вождемъ его имѣли.

Слова его вездѣ божественны гремѣли.
Коварство, лесть, порокъ любовью истреблялъ.
Отъ музъ онъ былъ любимъ и въ нимъ любовь являлъ.
Познать дни лѣтъ его? Лѣтъ кажется довольно,
Въ сравненіи жъ благъ его лѣтъ всѣхъ число неполно.
Отъ дня того пошло, какъ Богъ сошелъ съ высотъ,
Лѣтъ семьдесятъ и пять за тысячу семьсотъ,
Отъ вышнія руки въ епископа избранна,
Градъ сей узрѣлъ его симъ саномъ увѣнчанна.
Онъ, правивъ паствою, къ тому дѣла всѣ велъ,
Дни въ паствѣ чтобъ его златые всякій зрѣлъ.
Свершивъ въ семь санѣ лѣтъ безъ трехъ дней три седмины,
Какъ Пасхи дни текли, достигъ себѣ кончины.
Отъ долговременной болѣзни пострадавъ
И всѣхъ дней житія лѣтъ семьдесятъ скончавъ“.
„О имени его кто знать когда желаетъ,
Тотъ буквы сихъ стиховъ начальны да слагаетъ:
Онъ въ мирѣ—миръ значилъ и жизнь свою такъ велъ.
Оставивъ здѣсь свой миръ, самъ въ небо взлетѣлъ“.

Первый указъ—по поводу обвиненія священника въ брани, дражѣ и допущенной имъ мокротѣ при служеніи въ церкви; второй по поводу повѣнчанія крестьянина съ „насилно“ увезенной имъ крестьянской дѣвкой и третій—по поводу повѣнчанія, по приказу помѣщика, майорской дочери съ крестьяниномъ.

а) Письмо бывшей игуменьи Угличскаго Богоявленскаго монастыря къ архимандриту Угличскаго Воскресенскаго монастыря Іанову (въ концѣ XVII в.).

„Пречестные и великие обители Воскресенскаго монастыря святому отцу архимандриту Іакову и милостивому моему батьку прежняя игуменья Богоявленскаго дѣвичья монастыря, а твоя бывшая дочь духовная, а ныне Алексѣевскаго дѣвичья монастыря старица Елена благословенія твоего прошу, а о твоёмъ здравіи и душевномъ спасеніи Бога молю. Спасай, государь, душу на множество лѣтъ живота твоего и съ любящими тобою о Христе на вѣки. Да вѣдомо мнѣ ныне учинилось, что будто я, изъ монастыря поѣхавъ, увезла денегъ полтораста рублевъ, и возжи и хомуты монастырскіе, и бьютъ челомъ того монастыря старицы на меня убогую ложно, и напрасно они на меня затѣваютъ, и поносятъ всячески; и къ тѣмъ челобитнымъ ты, государь батюшко, изволилъ руку прикладывать вмѣсто ихъ старицъ напрасно. Вѣдомо тебѣ и самому, что какое мое строеніе въ томъ монастыре, а не розореніе, изъ монастыря ничего монастырскаго не уваживала, и тѣмъ они старицы бьютъ челомъ на меня и затѣваютъ ложно. Да сверхъ того вѣдомо городскимъ посадскимъ людемъ, что я монастырь не разоряла, только опричь того, что по вся годы себѣ покою не давала, ѣзда въ Москвѣ, и збирала многія денги на всякое строеніе. А я убогая не только, что увести мнѣ, и своего борошнису многово и велейницы своей съ собою не взяла.—Да ныне жъ вѣдомо

мнѣ учинилось, что келейницу мою Меланью мучать, еѣ изъ голоду морять напрасно, и коровишекъ моихъ роздали безвременно. Пожалуй, государь батюшко, поговори имъ старицамъ своимъ дочерямъ духовнымъ, чтобъ они мое борошнишко и коровъ и келейницу прислали безостудно и безволовитно; а мнѣ, государь, и самой то надобно. . . . А о чемъ они старицы . . . , затѣвая на меня, бьютъ челомъ ложно, буду я у архiereя Божія святѣйшаго патриарха въ ево патриаршемъ Розряде бить челомъ на нихъ неложнымъ челобитьемъ вправде, а въ правде моей помощатель Богъ и надѣюсь на Его волю. Пожалуй, государь батюшко, не буди ты на меня помощатель имъ и мнѣ вправдѣ, чтобъ было безгрѣшно всѣмъ. А слуге того монастыря Ивашке поносить было ему было напрасно не для чего; а по чьему научению, то Богъ вѣсть. Только, государь батюшко, напали они на меня въ неправде; и только жъ мнѣ въ такомъ ихъ поношеніи отъ нихъ не быть для того, что ей ей напрасно. И про все вѣдаешь ты и самъ, а мнѣ отъ ихъ поношенія, что они меня заочно поносятъ, зѣло болѣзненно. И о томъ о всемъ буду просить милости у архiereя Божія нелестно объ розыске съ ними старицы и объ очной ставке въ ево архiereйскомъ патриаршемъ Розряде со всѣми съ ними, которые въ челобитье своемъ писались. Пожалуй, государь батюшко, приеажи имъ дѣтемъ своимъ духовнымъ со мною роздѣлатца, и привестъ имъ все мое борошнишко, которое осталось, и келейницу и коровъ моихъ, которые остались же, безостудно и безволовитно. Да пожалуй, государь батюшко, буди заступщикъ за насъ сыну своему священноиерею Маварію, чтобъ и онъ пожаловалъ имъ старицамъ поговорилъ о моемъ борошнишку, и о келейнице, и о коровишкахъ, чтобъ они прислали ко мнѣ убогой; а онъ рекъся пожаловать, о присылке въ намъ способствовать. А противъ ихъ челобиты мнѣ себя очищать будетъ во всемъ. Засимъ у тебя благословения просимъ“.

б) Указъ 1746 г. Ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣвича о недопущеніи въ восприемники однихъ „иновѣрныхъ безъ правовѣрныхъ“.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ домоваго святѣйшаго правительствующаго синода члена великаго господина Арсенія митрополита Ростовскаго и Ярославскаго духовнаго правленія града Ярославля заказному старостѣ поповскому домовою его преосвященства Леонтьевской церкви попу Матфею. Сего августа 25 дня 1746 году въ указѣ ея императорскаго величества, изъ домовою его преосвященства Ростовской духовной консисторіи въ реченное Ярославское духовное правленіе присланномъ, написано: іюля въ 25 день сего жъ 1746 году въ сообщенномъ присудствію его преосвященства въ Ярославль изъ домовою конторы въ реченную консисторію свѣденіи написано: понеже его архиепископство великій господинъ преосвященный Арсеній митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, слушавъ предлаганнаго его архипастырству онаго жъ іюля 17 числа отъ Ярославскаго духовнаго правленія, по силѣ указаго опредѣленія его архипастырства повеленія, по происходившему въ томъ правленіи о допущеніи Ярославской мануфактуры покойнаго совѣт-

ника Затрапезнаго у зятя его Михаила Балашева рожденных младенцев иновѣрныхъ воспріемниками тоя фабрики церкви святыхъ первоверховныхъ апостолъ Петра и Павла попомъ Аникитою дѣла, по которому въ произведенныхъ въ томъ Ярославскомъ его преосвященства духовномъ правленіи оному попу Аникитѣ и означеннаго Затрапезнаго зятю Михаилу Балашеву допросѣхъ означилось—въ допросѣхъ попа Аникиты: іюля де 5-го числа сего 1746 году у помянутаго Балашева рожденному младенцу Петру воспріемники были оба иновѣрныя—содержавшіяся въ Ярославлѣ бывшаго герцога вурляндскаго Бирона жена да сынъ ихъ большой; а какъ ихъ зовутъ и котораго они закона, онъ попь не знаетъ. А къ тому ихъ воспріемничеству допустилъ онъ якобы по повеленію онаго Балашева. Рожденному жъ младенцу Сусаннѣ (который умре) въ прошломъ 1745 году въ іюлѣ мѣсяцѣ воспріемники были оныя же Биронова жена да сынъ да обрѣтающейся тогда въ Ярославлѣ для искорененія воровъ и разбойниковъ полковникъ Ливинъ, а воспріемница при томъ имѣлась правовѣрная графиня Праскева Юрьева графская Петра Семеновича Салтыкова жена. Къ которому де крещенію о допущеніи тѣхъ иновѣрныхъ въ воспріемничество онъ попь отъ него Балашева представлялъ, что то будетъ церкви святѣй противно, много отговариваясь; при чемъ онъ де Балашевъ ему попу говора то, что въ Санктъ-Петербурхѣ и въ Москвѣ много того чинится и не пріемля тѣхъ его поповыхъ рѣчей, оныхъ воспріемниковъ къ тому крещенію допустить велѣлъ.—Въ допросѣ Михаила Балашева: что означенныя иновѣрныя не токмо при означенныхъ показанныхъ помянутымъ попомъ Аникитою въ нынѣшнемъ 1746 и въ прошломъ 1745 годѣхъ младенцевъ, а его Балашева дѣтей, крещеніяхъ воспріемниками были, но и еще въ прошлѣхъ же де 1743 въ іюлѣ мѣсяцѣ имѣющимся его Балашева дѣтямъ младенцу Петру, въ 744 годѣхъ младенцу Маріи воспріемниками оныя же иновѣрныя Биронова жена съ сыномъ же большимъ Петромъ были одни; а правовѣрныхъ де воспріемниковъ при тѣхъ крещеніяхъ кромѣ де означеннаго 745 году никого не имѣлось. А во онымъ де тѣмъ крещеніямъ оныя иновѣрныя допущены были означеннымъ попомъ Аникитою не по повелѣнію его Балашева, но изъ оныхъ предъ крещеніемъ перваго младенца онъ Михайло Балашевъ ево попа просилъ, что ежели де возможно и православному греческаго исповѣданія закону будетъ не противно, то онъ попь предъявленныхъ Биронову жену и большого сына въ воспріемничество допустилъ; и при томъ онъ Михайло не исполненія и не принужденія его Михайлова, но разговорами предлагалъ, что уповаетъ де онъ ко оному крещенію (въ) воспріемники допустить оныхъ иновѣрныхъ Биронову жену и сына будетъ церкви святой не противно потому, что де въ Санктъ-Петербургѣ и въ Москвѣ таковыя же иновѣрныя въ православныхъ церквахъ и у правовѣрныхъ христіанъ при крещеніяхъ рождымимся младенцамъ воспріемниками довольно допускаемы бывають и отъ святыхъ купели воспріимають. Къ тому жъ де и прежде онаго первому сыну ево крещенію оныя жъ Биронова жена съ сыновьями въ Ярославскѣхъ, а въ коихъ церквахъ—онъ того Балашевъ

не упомянуть, при крещеніях младенцевъ воспріемниками были жъ. И по тѣхъ просьбахъ и разговорахъ о томъ оныхъ иностранныхъ въ воспріемничество о допущеніи, ежели не противно будетъ церкви святѣй, паче положилъ на разсужденіе онаго священника Аникиты, который при томъ разсуждая, что когда де въ Москвѣ и въ Санктъ-Петербургѣ, тако жъ и въ Ярославлѣ, таковыя иновѣрные воспріемниками допускаются, то знатно де церкви святей противности въ томъ не находится, оному Бироновѣ женѣ и сыну ея при крещеніи объявленнаго рожшагося въ 743 году сына ево Петра быть (какъ выше объявлено) безъ всякаго ево Михайлова повеленія позволить; которое де допущеніе въ воспріемники учинилъ по оному ево попову согласію и позволенію, а не по своему веленію. А ежели бъ тѣхъ иновѣрныхъ онъ пошъ къ воспріемничеству допустить не позволилъ и приказалъ ему Михайлу представить правовѣрныхъ воспріемниковъ, и представилъ. — А вышеявленной пошъ Аникита по допросу онаго Балашева показалъ: онаго де Балашева рожшимся дѣтямъ ево въ прошломъ 1743 въ іюлѣ мѣсяцѣ младенцу Петру, въ 1744 годѣхъ младенцу Маріи воспріемники и воспріемницы оныхъ Биророва жена и дѣти ихъ или другіе правовѣрные были и ежели Биророва жена съ сыномъ были, то при нихъ изъ правовѣрныхъ другіе воспріемники тогда были ль и это именно, — того онъ пошъ, за многопрошедшимъ временемъ, сказать не упомянуть, и того де ради о томъ въ прежнемъ своемъ допросѣ за тѣмъ безпамятствомъ и не показавъ. А по взятымъ во оное Ярославское духовное правленіе отъ всѣхъ града Ярославля священно-и-церковно-служителей извѣстіяхъ — въ нѣкоторыхъ церквахъ при крещеніи младенцевъ воспріемниками иновѣрные, хоша и были, но обще съ правовѣрными, а не одни. И того ради его архипастырство разсуждая, что по вышеповезаннымъ обстоятельствамъ означенной имѣющейся при манифактурахъ пошъ Аникита оказался виноватымъ, потому что при трехъ крещеніяхъ допустилъ быть воспріемниками оныхъ иновѣрныхъ безъ правовѣрныхъ, чего дѣлать ему весьма не надлежало, и хотя онъ выправляется, что ему допустить тѣхъ иновѣрныхъ въ воспріемники велѣлъ вышеявленной Михайло Балашевъ, а оный Балашевъ въ допросѣ своемъ отъ того отрекся, и подлежало было въ томъ имъ очныя ставки, однако же хотя бъ онъ Балашевъ ему о томъ допущеніи и приказывалъ, то бъ ему не надлежало его въ томъ слушаться для того, что онъ Балашевъ ему попу не командиръ, и о томъ его принужденіи надлежало ему попу его архипастырству объявить, а онъ какъ видно не токмо Балашеву не говорилъ, что ежели допустить ихъ, то церкви святой будетъ противно, но знатно изъ бездѣльной своей корысти въ томъ и желаніе не имѣлъ. Того ради учиненнымъ на томъ докладѣ за своеручнымъ своимъ архипастырскимъ подписаніемъ опредѣленіемъ за таковую его дерзость отъ той церкви ево попа его преосвященство отрѣшилъ и повелѣлъ въ Ярославскомъ правленіи наказать ево попа Аникиту цепками съ прочитаніемъ 50 псалма при собраніи прочихъ священно-церковно-служителей и послѣ того имѣть ему служеніе въ Ярославлѣ съ кресла благословилъ; а ево избранію къ той церкви на мѣсто

ево во священника достойнаго и во чтеніи искуснаго человѣка и о представленіи его архипастырству объявить маѣору Петру Лавостову. И дабы впредь нигдѣ иновѣрные безъ правовѣрныхъ въ воспріемники допущены не были, о томъ публиковать отъ консисторіи его преосвященства по всѣмъ епархіи его преосвященства церквамъ указами. И во исполненіе онаго его преосвященства повеленія въ реченной конторѣ опредѣлено: о показанномъ исполненіи въ помянутую Ростовскую его преосвященства духовную консисторію сообщить вѣденіе, а въ Ярославское духовное правленіе послать (и посланъ) указъ маѣору Петру Лавостову—оное ево преосвященства повеленіе объявить (и объявлено) въ рѣченной конторѣ съ подписью. И по ея императорскаго величества указу воспомянутая консисторія во исполненіе онаго его архипастырства опредѣленія показали и консисторіи о вышеписанномъ для вѣдома и исполненія въ домовую его преосвященства канцелярію экономическаго и казначейскаго правленія и въ состоящіе по Ростову монастыри и пустыни къ настоятелямъ и соборныхъ церквей къ протоіереямъ съ братією и въ заказы къ заказчикамъ посланы были указы изъ оныхъ правленіевъ, а по Ростову и къ заказчикамъ, что вѣдомства жъ и всѣхъ церквей не минуя и ружныхъ священноцерковно-служителей всѣмъ оныя присланныя къ нимъ заказчикамъ указы объявить, и при томъ объявленіи для незабытнаго по оному его преосвященства митрополита опредѣленія исполненія съ тѣхъ къ нимъ заказчикамъ присланныхъ указовъ точныя за своими руками копии роздать съ росписками, и тѣ ихъ росписки имъ заказчикамъ въ консисторію при репортахъ, а изъ монастырей настоятелямъ съ братією о полученіи указовъ репорты жъ прислать въ немедленномъ времени, точно жъ о томъ учинить и въ городскихъ духовныхъ правленіяхъ; и по собраніи въ тѣ правленія изъ монастырей и отъ заказчиковъ репортовъ и росписокъ, учиня къ нимъ достовѣрную вѣдомость, прислать въ консисторію при репортахъ немедленно жъ. И во исполненіе онаго ея императорскаго величества указу въ Ярославскомъ его преосвященства духовномъ правленіи опредѣлено и того правленія вѣдомства онаго правленія въ Ярославскую соборную церковь въ монастыри и пустыни и къ заказнымъ старостамъ поповскимъ о вышеписанномъ исполненіи послать указы (о чемъ сей и тебѣ посланъ). И заказнику попу Матфею о вышеписанномъ вѣдать и чинить по сему ея императорскаго величества указу; а о полученіи сего указа и о исполненіи по нему въ рѣченное Ярославское духовное правленіе репортовать.

У подлиннаго указу пишутъ тако: Спасо-Ярославскій архимандритъ Іосифъ, управитель ключарь іерей Андроникъ, правящій управительскую должность канцеляристъ Иванъ Петровъ, подканцеляристъ Алексій Пенскій.

Августа 31 дня 1746 года.

в) Постановленіе Ярославской провинціальной канцеляріи объ отдачѣ дьячка съ женой и дѣтьми въ вѣчное служеніе на фабрику. 1761 г.

1761 года марта 29 дня по указу ея императорскаго величества Ярославская провинціальная канцелярія, слушавъ дѣло, по которому зна-

чится: сего марта 17 дня въ присланной въ Ярославскую провинціальную канцелярію изъ Ростовской святѣйшаго правительствующаго синода члена преосвященнаго Арсенія митрополита Ростовскаго и Ярославскаго духовной консисторіи (промеморіи) написано: въ 1-хъ, по резолюціи его преосвященства велено Ростовскаго уѣзда села Богословскаго, что на Ишнѣ, дьячка Петра Михайлова за оказавшуюся по производившемуся въ консисторіи дѣлу его дьячка продерзость по лишеніи причта церковнаго отослать къ опредѣленію по указамъ въ Ярославскую провинціальную канцелярію; во 2-хъ, оной дьячекъ при отправленіи въ Ярославль объявилъ, что онъ Петръ имѣеть за собою дѣло государственное, которой при тѣхъ промеморіяхъ и присланъ въ Ярославскую провинціальную канцелярію. Оной дьячекъ въ роспросѣ показаль сего марта 16 дня въ Ростовской духовной консисторіи, что имѣеть онъ дѣло государственное—объявилъ подлинно, и въ Ярославской провинціальной канцеляріи объявляетъ таковое: по указамъ де велѣно о бывшихъ въ Пруссіи баталіяхъ августа 9 да 19 чисель служеніе, то есть вечернее заутреннее пѣніе и литургіи съ молебнами (въ) воскресные дни тѣхъ седмиць отправлять; и въ прошломъ 1760 году августа 5 дня онъ дьячекъ Петръ для объявленія приходскому попу села Богословскаго, что на Ишнѣ, Ивану Андрѣеву, чтобы онъ для предписанной бывой августа 9 числа исторіи въ слѣдующее воскресенье то есть августа 6 числа то служеніе отправилъ, но того жъ попа въ домъ тогда не было, о чемъ онъ дьячекъ того села крестьянину Андрею Петрову объявилъ, пошелъ въ Ростовъ для того, что онъ дьячекъ и жительство имѣеть въ городѣ Ростовѣ. А показанной попъ Иванъ Андреевъ, представилъ на него въ Ростовскую духовную консисторію доношеніемъ, будто бы онъ дьячекъ въ вышеписанные августа 9 и 10 чисель въ викторіальные дни въ церковнослуженіяхъ не былъ. И хотя онъ дьячекъ въ допросахъ о томъ въ оправданіе себѣ представлялъ настоящіе резоны, почему болѣе виновнымъ состоялъ означенной попъ, а присутствующій этой консисторіи Ростовскаго собору протоіерей Степанъ Герасимовъ онаго попа виновность закрылъ, а его дьячка безвиннаго и непорядочно, не производя по формѣ того дѣла, и отъ церковнаго причта отрѣшилъ, для чего онъ дьячекъ како то государственное дѣло за собою объявилъ. А кромѣ вышеписаннаго дѣла никакова объявить и ни за кѣмъ доказать онъ не имѣеть и ни за кѣмъ не знаетъ. И потомъ оной дьячекъ поданнымъ въ Ярославскую провинціальную канцелярію доношеніемъ просилъ, (а потомъ) еще и допросомъ утвердилъ, что онъ желаетъ съ женою своею Анною Федоровою и съ дѣтьми сыномъ Іаковомъ, коему отъ роду двадцать недѣль, дочькою дѣвкой Анной, коей отъ роду одинъ годъ, быть въ вѣчномъ служеніи, записаться къ Ярославской полотнянной и протчихъ мануфактуръ содержателя Алексѣя Затрапезнова. Приказами: излишнихъ протопоповскихъ, поповскихъ, дьяконскихъ и самихъ церковниковъ, не положенныхъ въ подушной окладъ, и ихъ дѣтей же по желанію ихъ писать въ службу, въ посады, въ цехи, фабрики и помѣщикамъ, кто ихъ изъ подушнаго оклада взять пожелаетъ, такихъ ежели похотятъ и въ дворцовыя синодальныя

архіерейскія и монастырскія вотчины отдавать въ подушной окладъ писать, потомъ брать оныхъ при производимомъ по епархіямъ разборѣ скаски или подписки за ихъ руками безъ всякаго принужденія, и потомъ при письменныхъ сообщеніяхъ отсылать ихъ въ губернскія провинціальныя канцеляріи, о которыхъ въ помянутыя мѣста и опредѣлять сами добровольно быть пожелали не пожелала ихъ мѣста и въ томъ имъ никому и никакимъ образомъ ни малѣйшаго насилія и принужденія не чинить. Въ 4-хъ, по прописаніи сообщеннаго отъ святѣйшаго правительствующаго синода при разборѣ за непоминаніемъ во всѣхъ мѣстахъ указнымъ числомъ въ излишествѣ протопоповскіе и поповскіе, діавоновскіе и причетниковы дѣти, также сами причетники, и дѣти ихъ должны неотмѣнно распределены быть по желаніямъ ихъ на службу или подушной окладъ, не отъемля отъ нихъ и дѣтей ихъ, таковыхъ отрѣшенныхъ и въ излишествѣ оставшихъ отъ нихъ безъ дѣтей и въ подушной окладъ писать. А при выпискѣ вышеписанной Алексѣя Затрапезнова фабрики повѣренной служителъ Семень Вешняковъ показалъ: означеннаго дьячка Петра Михайлова съ женою и дѣтьми его на предписанную фабрику въ вѣчное служеніе и положеніе при оной фабрикѣ въ подушной окладъ принять желаетъ, и положенныя подушныя деньги и другихъ государственныхъ сборовъ со отдачи ихъ на ту фабрику за нихъ повелѣно быть имѣть бездомочно. Приказали: понеже означенной дьячекъ Петръ Михайловъ объявилъ за собою дѣло государственное, а въ прочіе показывалъ только на попа, а равно о неслуженіи имъ въ виCTORIALные дни церковной службы, кое за государственное дѣло причестъ не почему, да и доносъ его о томъ же неоснователенъ, ибо онъ показывалъ будто его по этому дѣлу безвинно отъ церковнаго причта отрѣшили, выше значитя объявлено, что онъ за оказавшюся по происходившему въ консисторіи дѣлу его дьячка виновность и продерзости, по лишенію церковнаго причта, во опредѣленію посланъ, почему равно и открылось, что о тѣхъ ихъ неслуженіяхъ въ консисторіи изслѣдовано. И того ради за оное недѣльное имъ дьячкомъ за собою дѣла государственнаго объявленіе учинить ему жестокое наказаніе плетью, и по желанію его, и что уже отъ церковнаго причта отрѣшенъ и присланъ въ опредѣленію, куда по указамъ надлежитъ, отдать его дьячка съ женою и съ дѣтьми, по силѣ предписанныхъ указовъ, въ вѣчное служеніе на означенную содержателя Алексѣя Затрапезнова фабрику, при которой и въ подушной окладъ его дьячка съ женою написать въ присланную изъ Московской губернской канцеляріи книгу и о вписаніи ихъ въ книгу и о взысканіи за нихъ на первую сего года половину подушныхъ и другихъ государственныхъ сборовъ и впредь съ помянутой фабрики бездомочно жъ подушному сбору послать вѣденіе и Ростовскую духовную консисторію увѣдомить; а содержателю вышеписанной фабрики Алексѣю Затрапезнову о владѣніи онымъ дьячкомъ съ женою и дѣтьми его дать по силѣ указа 1744 года іюня 20 дня выписъ со взятъемъ поплинъ по указу“.

г) — Указы Вологодской духовной консистории 1783 года.

аа) по поводу обвинения священника въ брани, дракъ и допущенной имъ мокротѣ при слушеніи въ церкви.

По указу ея императорскаго величества, Вологодская духовная консисторія, слушавъ экстрактъ, учиненной изъ слѣдственнаго дѣла по поданному апрѣля 24 дня 783 года преосвященнѣйшему Иринею, епископу Вологодскому и Бѣлозерскому, Вологодскаго уѣзда, Николаевской церкви, что на Валухѣ, отъ дьякона Петра Михайлова, дьячковъ Афанасья Иванова и Василья Иванова, да пономаря Михаила Алексѣева доношенію, которымъ представили: извѣстно де имъ, что того апрѣля 20 дня, въ вечеру, оной церкви священники Григорей Ивановъ и Василей Федоровъ, бывъ въ Прилуцкомъ селѣ на заставѣ, при народномъ собраніи, учиня между собою драчу, укоряли другъ друга воровствомъ, а въ чемъ — сами они показать имѣють, изъ чего де имѣють они сумнительство. А на 23 число, при отправленіи всеобщаго гнѣнія въ чередѣ своей, священникъ Василей Федоровъ, въ олтарѣ стоявъ у жертвенника, въ облаченіи, испустилъ на полъ урину свою, и мѣсто оное на полу оттого смогло, а притомъ, яко для воскреснаго дни и праздника было и приходскихъ людей было довольно, и оное нѣкоторые видѣли. Резолюціею жъ его преосвященства велѣно учинить разсмотрѣніе. — А допросами объявленные священники показали: Василей Федоровъ: — апрѣля де 20 дня, послѣ повечерія, пришелъ онъ къ имѣющейся въ селѣ Прилуцкомъ, называемомъ Коровничѣ, заставѣ, для покупки про домашней расходъ рыбы, вуды и товарищъ ево, второй священникъ Григорей Ивановъ пришелъ же и сталъ просить у него, Василья, по своей части священническаго славленаго дохода; почему ему, Григорію, онъ Василей, сказалъ, что де часть ево имѣется у него, Василья, въ домѣ. И такъ онъ, Григорей, сказалъ: поди и часть ево доходу ему дай. Однакъ какъ онъ, Василей, такъ и товарищъ ево, Григорей, по тотъ доходъ ево въ домъ къ нему, Василью, не ходили и драчи между собою никакой не чинили, но, разставшись другъ съ другомъ, ушли по домамъ. А на 23-е число, при отправленіи имъ Василемъ, по чередѣ своей, всеобщаго гнѣнія, въ олтарѣ, у жертвенника, стоявъ въ облаченіи, на полъ урины не испустилъ, а начавъ, по благословеніи хлѣбовъ, читать вечернее правило и принимая стоявшую въ томъ олтарѣ въ ведрѣ воду ковшомъ въ ротъ своемъ отъ засохлости, которая была отъ многого хожденія по приходскимъ для славленья деревнямъ, подоскалъ и ту изо рта своего воду изплескивалъ бдизь жертвенника къ стѣнѣ и мѣстами на полъ, отчего и здѣлалась мокрота; и ту мокроту тогда же стеръ съ полу отправляющій пономарскую должность дьячковъ сынъ Михайло Афанасьевъ, самъ собою, а не по призыву ево, священника. А въ то де 23 число въ показанной церкви литургію онъ отправлялъ, не объявляя его преосвященству, потому что въ испущеніи на полъ урины виновнымъ себя не признавалъ; послѣ жъ того числа служеніе

отправляется, за холодностію, въ теплой церкви.—Григорей Ивановъ: апрѣля де 20 числа, послѣ повечерія, пришедъ онъ, священникъ, къ имѣющейся въ селѣ Прилуцкомъ, называемомъ Коровничье, заставѣ, для покупки про домашней расходъ рыбы, священнику Василью Федорову о доходѣ своемъ выговорилъ; и какъ онъ, Василей, сказалъ, что де часть ево имѣется у него въ домѣ, то онъ, Григорей, ему, Василю, говорилъ, чтобъ онъ сходилъ и тотъ ево доходъ ему, Григорію, отдать на рыбу. Но когда онъ, Василей, сталъ медлить и не пошелъ, то онъ, Григорей, весьма слегка, а не изъ азартности, ударилъ ево, Василя, по шапкѣ, выговоря такъ: что де ты, воръ, не хочешь ли у меня доходъ украсть, какъ перину украсть? А онъ, Василей, ево, Григорья, воромъ не называлъ и ничѣмъ не укорялъ. Итакъ, болѣе не чиня между собою никакой ссоры и драки, разошлись по домамъ; а на другой день часть свою дохода онъ, Григорей, отъ него, Василя, получилъ сполна. Показанную жъ перину унесъ онъ, священникъ Василей, изъ дому послѣ умершей дочери своей духовной, крестьянки Ксеньи Алексѣевы Жирновой; а почему унесъ и не отдана ль она перина ему, Василю, вѣмъ и для чего,—того онъ, Григорей, показать не знаетъ.—Вышеписанныя жъ доносители, дьяконъ Михайловъ съ причетниками, кромѣ дьячка Афанасья Иванова, въ доказательство показали: хотя де они въ поданномъ своемъ доношеніи и написали, что де апрѣля 20 числа объявленные священники Василей Федоровъ и Григорей Ивановъ, бывъ въ Прилуцкомъ селѣ на заставѣ, учиня между собою драчу, укоряли другъ друга воровствомъ, но точію изъ нихъ священникъ Григорей единожды ударилъ священника Василя Федорова по шапкѣ рукою и воромъ назвалъ, что слышали они, дьяконъ и причетники, отъ случившагося тутъ приходскаго своего человѣка, бывшей вотчины Спасоприлуцкаго монастыря крестьянина села Коровничья Степана Михайлова сына Обухова. А на 23 число, при отправленіи всенощнаго пѣнія, священникъ Василей Федоровъ, будучи пьянъ и стоя въ олтарѣ, у жертвенника, въ облаченіи, на полъ кирпичной урину подлинно испустилъ во время чтенія пареміи; и тогда жъ, въ скорости по объявленіи объ ономъ случаѣ дьячка Афанасья Иванова сыномъ, отправляющимъ по указу пономарскую должность, Михаиломъ Афанасевымъ, церковной староста, тое жъ вотчины крестьянинъ Иванъ Михайловъ сынъ Москвиновъ, вошедъ въ олтарь, ту мокроту выдавалъ, да и другіе приходскіе люди, которые стояли на лѣвомъ крылосѣ, а имянно—Василей Ивановъ сынъ Шохинъ и предписанной Степанъ Обуховъ, Павелъ Алексѣевъ да Михайло Сергѣевъ Комаровы—съ того крылоса видѣть могли, въ чемъ на означенныхъ старосту и приходскихъ людей, представляя ихъ во свидѣтельство, онъ, дьяконъ, и причетники слалися. По испущеніи жъ урины, оной священникъ Василей, прикрывая свою винность, изъ ковша воду въ ротъ свой принималъ и на полъ близъ жертвенника, къ стѣнѣ и по другимъ мѣстамъ исплескивалъ, каковая отъ урины и отъ исплескиванія мокрота дьячковымъ сыномъ Михаиломъ Афанасевымъ была ль отирана, того онъ, дьяконъ, и причетники не видали; однакъ то знаютъ и видали сами, что

оная мокрота имѣлась на полу, пока не высохла. При семъ же доказательствѣ пономарь Михайло Алексѣевъ приполнилъ, что 23 числа того жъ апрѣля вышеобъявленному священнику Григорію говорилъ онъ, пономарь: что де служить въ той церкви за бывшими церковными покражами опасно, а къ тому жъ и холодно. И такъ въ то число вечернее пѣніе, да и послѣ того понынѣ священнослуженіе отправляемо бываетъ въ теплой церкви.—Дьячекъ Афанасей Ивановъ въ доказательство жъ говорилъ: при отправленіи де на 23 число апрѣля всенощнаго пѣнія священникъ Василей Федоровъ, будучи пьянъ и стоявъ въ олтарѣ у жертвенника, въ облаченіи, ево, дьячка, посылалъ отпереть церковныя съ южную страну двери сказавъ, что де надобно ему вытти помочится, почему взявъ онъ, дьячекъ, ключъ, тѣ двери отперъ и по отпертіи вошедъ въ олтарь, увидалъ, что стоятъ въ немъ той церкви діаконъ Петръ Михайловъ и церковной староста Иванъ Москвиновъ, а у жертвенника, на томъ мѣстѣ, гдѣ оной священникъ стоялъ, имѣется немалая мокрота. Въ прочемъ же показалъ онъ, дьячекъ Афанасей Ивановъ, сходственно, что діаконъ Михайловъ и причетники объявили, и на тѣхъ свидѣтелей, которыхъ они во свидѣтельство представили, онъ, дьячекъ, слася жъ.—Во оправданіе жъ священникъ Василей Федоровъ объявилъ, что де онъ, при отправленіи на 23 число апрѣля всенощнаго бдѣнія, былъ не пьянъ, да пьяному быть не отъ чего, потому что, будучи съ товарищемъ своимъ, священникомъ Григорьемъ, и съ ними доносителями, по зву для славленья въ приходской своей деревнѣ Копьевѣ, у крестьянина Дмитрея Иванова, выпилъ онъ, священникъ, пива стокановъ с пять, и, стоявъ у жертвенника, урины на полъ подлинно не испустилъ; а когда дьячка Афанася Иванова для отпертія съ южную сторону церковныхъ дверей посылалъ, сказавъ, что ево, священника, позвала тѣлесная нужда, и когда онъ, дьячекъ, отпиралъ, то во оное время принимая онъ, священникъ, воду въ ротъ отъ засохлости, полоскалъ и изо рта изплескивалъ. И по отпертіи оныхъ дверей для испущенія урины, снявъ съ себя священническое облаченіе, изъ церкви вонъ онъ, священникъ, выходилъ; и какъ обратно въ олтарь пришелъ, тогда церковнаго старосту Ивана Москвинова, да и прежде выхода изъ церкви, въ олтарѣ не видалъ. А видалъ ли онъ, Москвиновъ, и стоявшіе на лѣвомъ крылосѣ прихожане—Василій Шохинъ, Степанъ Обуховъ, Павелъ и Михайло Комаровы—видѣть могли ль бывшую на полу близъ жертвенника, у стѣны и по другимъ мѣстамъ, а сверхъ того и на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ, священникъ Василей, стоялъ, мокроту,—о томъ онъ, священникъ, показать не знаетъ; однакъ, какъ на означеннаго церковнаго старосту Москвинова, такъ и на прочихъ прихожанъ, кромѣ Павла Комарова, въ чемъ ссылались доносители, онъ, священникъ, во всемъ слася жъ. А на объявленнаго Комарова не слася, потому что де пьянствуетъ всегда, почему и можетъ изъ одной чарки вина показать на него, священника, въ угодность доносителямъ, всякую неправду. Дьячковъ же сынъ Михайло Афанасьевъ подлинно отъ исплескиванія ево, священника, изо рта мокроту тогда де стиралъ, тоцію сырость на полу была, пока не высохла,

Въ прочемъ же утвердился онъ, священникъ, на учиненномъ ему допросѣ.— И по опредѣленію консисторіи о допросѣ предписанныхъ свидѣтелей подъ присягою и о присылкѣ тѣхъ допросовъ въ оригиналѣ сообщено въ Вологодское намѣстническое правленіе, съ тѣмъ, что показанной священникъ Василій, при отправленіи на 23 число апрѣля всенощнаго пѣнія, пьянъ ли былъ, и изъ нихъ Москвинову, во время чтенія пареміи или въ другое какое время, отправляющій пономарскую должность дьячювъ сынъ Михайло Афанасьевъ о испущеніи онымъ священникомъ урины объявлялъ ли, и по тому объявленію онъ, Москвиновъ, вскорости въ алтарь вошелъ ли и мокроту, бывшую на полу, близъ жертвенника, у стѣны и по другимъ мѣстамъ, а паче на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ, священникъ, стоялъ, онъ, Москвиновъ, видалъ ли, а Шохинъ, Обуховъ и Комаровъ, будучи на крылосѣ, видѣли ль. А сего года, августа 18 дня, изъ реченнаго намѣстническаго правленія учиненные Вологодскимъ нижнимъ земскимъ судомъ вышеобъявленнымъ крестьянамъ допросы и присланы при сообщеніи. А тѣми допросами подъ присягою показывали: церковной староста Иванъ Москвиновъ: минувшаго де апрѣля на 23 число, при отправленіи всенощнаго пѣнія, Николаевской церкви, что на Валухѣ, священникъ Василій Федоровъ былъ пьянъ, и послѣ чтенія пареміи отправляющій пономарскую должность дьячювъ сынъ Михайло Афанасьевъ ему, Москвинову, о испущеніи онымъ священникомъ урины объявлялъ, и по тому объявленію онъ, Москвиновъ, въ скорости въ алтарь вошелъ и мокроту, бывшую на полу, близъ жертвенника, на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ, священникъ стоялъ, онъ, Москвиновъ, видалъ. Василій Шохинъ, Степанъ Обуховъ и Михайло Комаровъ: что того апрѣля на 23 число, при отправленіи всенощнаго пѣнія, священникъ Василій Федоровъ былъ пьянъ и что оной священникъ испущеніе урины въ алтарѣ, близъ жертвенника, чинилъ ли—они не видали, а мокроту на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ, священникъ, стоялъ, они, Шохинъ, Обуховъ и Комаровъ, видали.

А по справкѣ, вышеобъявленному сыну Михайлу Афанасьеву числится пятнадцатый годъ. Въ нижеозначенныхъ законахъ изображено: въ Кормчей книгѣ, въ правилѣхъ св. апостолъ 27 ст.: „вѣрнаго или невѣрнаго бивъ, да извержется“. Толкованіе: „епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, аще бьетъ досадившаго ему, вѣрнаго или невѣрнаго, и того ради боязнь влагая другимъ, да и тѣмъ подобно тому не согрѣшаютъ къ тому, таковіи яко противно творять евангельскому закону, повелѣвающему: аще ты кто ударить за ланиту, обрати ему и другую,—да извержется, понеже отъ гордости и неудержанія ярости нанесетъ рану на искреннаго“. 42: „игрецъ и пьяница святитель аще не останется, тогда да извержется“. Толкованіе: „аще который епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ играетъ и глумится, и люди глумить, и упивается, аще не останется того,—да извержется“. Соборнаго уложенія, 10 главы, въ пунктѣхъ—160-мъ: „будетъ кто въ кавихъ искухъ на кого пошлется изъ виноватыхъ, а тѣ люди по допросу скажутъ не противъ его ссылки, или и противъ его ссылки, да не всѣ въ одну рѣчь, хотя одинъ не по немъ скажетъ, или они сва-

жуть, что про то дѣло ничего не вѣдаютъ, и его тѣмъ обвинить, потому что онъ на тѣхъ людей самъ слася изъ воли, а они связали не противъ его ссылки"; 167-мъ, между прочимъ: „а будетъ истецъ съ отвѣтчикомъ на судѣ пошлются оба на опчую правду, хотя на одного человѣка, и по опчей ссылкѣ дѣло и вершити“. Въ указѣ 714 года марта 17 дня о фискалахъ и о ихъ должности, въ 5-мъ пунктѣ: „буде фискаль на кого и не докажетъ всего, то ему въ вину не ставить (ибо невозможно о всемъ оному окуратно вѣдать); а буде ни въ маломъ не уличить, но всѣ доносы его будутъ неправы, однакожь ежели оной то учинилъ ни для каковой ворысти или злобы, то взять штрафъ съ него легкой, дабы впредь лучше осмотрися доносили“. Въ Воинскомъ 15 артикулѣ, между прочаго: „ежели священникъ, во время службы Божіа, пьянъ будетъ, тогда оный имѣетъ въ первый и другой разъ отъ начального священника при войскѣ жестоко за то наказанъ, а въ третій къ духовному суду отосланъ и потомъ своего чина и достоинства лишень быть“. Въ Процесахъ, вторыя части, главы вторыя жъ, о признаніи, въ 1 пунктѣ: „когда ето признаетъ, чѣмъ онъ виновенъ есть, тогда дальнаго доказу не требуетъ, понеже собственное признание есть лутчее свидѣтельство всего свѣта“. Присланнымъ изъ свѣтѣйшаго правительствующаго синода 1767 года, іюня 21 дня, указомъ священникамъ, іеромонахамъ какъ пристрастныхъ распросовъ, такъ и никакихъ телесныхъ наказаній чрезъ побои въ духовныхъ командахъ отнюдь не повелѣно, а единственно бѣ исправляемы были, вмѣсто телеснаго наказанія, приличными духовенству трудами и отрѣшеніемъ отъ доходу и отъ приходу, по разсмотрѣнію.—Итакъ, изъ вышепроеписаннаго слѣдствія открылось: 1) что апрѣля 20 числа, въ вечеру, будучи въ Прилудскомъ селѣ на заставѣ, священникъ Григорей Ивановъ товарища своего, священника Василья Федорова, ударилъ слегка по шаклѣ, выговора такъ: „что де ты воръ, и не хочеть ли у него доходъ украсть, какъ и перину украсть?“ Но, по неточному своему знанію, въ уносѣ той перины его, Федорова, не доказаль, почему симъ азартнымъ поступкомъ и учинилъ народному собранію не малой соблазнъ, а товарищу своему обиду и огорченіе. 2) Что при отправленіи того жъ апрѣля на 23 число показаннымъ священникомъ Васильемъ Федоровымъ всенощнаго пѣнія оказалась у жертвенника на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, мокрота; а какъ оной священникъ Василій былъ тогда пьянъ и дьячка Афанасья Иванова посылаъ для отпертія церковныхъ дверей, сказавши: надобно де ему помочится,—слѣдовательно, что та мокрота явилась по усилившемуся въ немъ, во время отпиранія дверей, во испущенію урины понужденію; однакъ, точно во ономъ утвердиться сумнительно, потому что яснаго во обличеніе сего случая доказательства ни отъ кого не представлено; въ тому жъ и надлежащаго на немъ, священникѣ, свидѣтельства учинено не было Приваляли: означенныхъ священниковъ отослать въ монастырскія труды при указѣхъ—Василья Федорова, по наведенному сумнительству о испущеніи имъ урины, а паче за оказавшееся пьянство, на полгода, а Григорья Иванова, за азартной поступокъ, на одинъ мѣсяць; по простествіи жъ сро-

ковъ, обязавъ ихъ въ добропорядочномъ житіи найкрѣпчайшими подписками, уволить къ должностямъ по прежнему. Прежде жъ сіе опредѣленіе взнестъ къ его преосвященству, для конфирмаціи.

Подъ этимъ документомъ подписались: архимандритъ (имя не разобрано), Глушицкаго монастыря игуменъ Август....., софійскій протоіерей Іоаннъ, градскій протоіерей Андрей и секретарь Поярковъ. Ниже этихъ подписей помѣта: „подписано сентября 13 дня 1783 года“. Еще ниже: „копія взята во 2-е повытье“. На первомъ листѣ конфирмація Иринаея: „учинить по сему“.

66) О повѣнчаніи крестьянина съ „наильно“ увезенной имъ невестой.

По указу ея императорскаго величества Вологодская духовная консисторія, слушавъ учиненной экстрактъ изъ слѣдственнаго дѣла по сообщенной изъ бывшаго Вологодскаго экономическаго правленія промеморіи о насильномъ увозѣ вологодскаго помѣщика Александра Ушакова дворовымъ человѣкомъ Петромъ Даниловымъ, съ сестрою его Афросиньею Даниловою, экономическаго вѣдомства бывшей вотчины Страстныя Богородицы дѣвичья монастыря деревни Кочерешки крестьянской дѣвки Ефимьи Яковлевой и обвѣнчаніи ее Кириловскаго уѣзда упраздненной Антоніевской пустыни, что на Черныхъ Озерахъ, священникомъ Тимофеемъ Ильинымъ, того Ушакова съ крестьяниномъ деревни Андропова Даниломъ Петровымъ. А по слѣдствіямъ, произведеннымъ какъ въ консисторіи, такъ въ Грязовицкомъ и Череповскомъ уѣздныхъ судахъ, открылись виновными: 1-й—помянутый священникъ Тимофей Ильинъ, что онъ по прозвѣ показаннаго Ушакова крестьянъ, а паче по письму ево, Ушакова, объявленнаго крестьянина Данила Петрова съ означенною дѣвкой Ефимьею Яковлевою не своего, но чужого прихода, и безъ учиненія, въ силу законовъ, обыску, къ тому жъ и не въ указной день, то есть въ субботу на воскресенье, обвѣнчалъ будто бъ за десять копѣекъ; но объявленной крестьянинъ Петровъ и сваха утвердили, что посланные съ ними отъ упомянутаго помѣщика Ушакова при письмѣ денегъ два рубли ему священнику за то вѣнчаніе отдали. 2-й—помянутой пустыни дьячекъ Андрей Лаврентьевъ при браковѣнчаніи означеннаго брака имѣлся и должность свою отправлялъ, въ вѣнчаніи жъ показаннаго брака оному священнику не препятствовалъ, а показывалъ, якобы объявленной священникъ во время вѣнчанія имѣлся хмеленъ, а потомъ, будучи со онымъ священникомъ на очной ставкѣ, говорилъ, что де оной священникъ имѣлся при вѣнчаніи не пьяной. 3-й—предписанной помѣщикъ Александръ Ушаковъ, потому что, призвавъ своихъ двороваго человѣка Петра Данилова и сестру ево, Петрову, родную, Ефросинью Данилову, а онаго жениха Данила мать, да крестьянъ Петра Васильева, Василья Игнатьева и онаго Данила къ себѣ, приказалъ всѣмъ имъ ѣхать въ помянутую деревню Кочерешку для взятыя означенной дѣвки Ефимьи Яковлевой за него, Данила, замужъ; а хотя оттого отговариваясь, что той деревни Кочерешки крестьяне ихъ убьютъ, но оной помѣщикъ на нихъ закрывалъ и, ногами затопавъ, сказалъ, чтобъ подали плетей, то де они по тому страху всѣ поѣхали во оную

деревню. По прїѣздѣ жь, у дому крестьянина Семена Петрова подъ окошкомъ постучавъ, гдѣ выглянувъ означенная дѣвка Афимья, и, усмотря ворота незаперты, всѣ они вошли въ избу, не говоря ничего, и, взявъ ее, Ефимью, стаща и посади въ сани, къ матерѣ его въ колѣбни, привезли жь ко оному помѣщику Ушакову; то оной Ушаковъ, написавъ письмо, велѣлъ имъ ѣхать къ предписанному священнику Ильину, которому съ ними послалъ денегъ два рубли. По прїѣздѣ жь, они какъ письмо, такъ равно и денги, отдали оному священнику. И за то предписанной дѣвки увезеніе и насильное съ помянутымъ крестьяниномъ Даниломъ Петровымъ вѣнчаніе, по опредѣленію Череповскаго уѣзднаго суда, наказанъ онъ, Данило, плетми. Приказали: предписанной бракъ, за силу прописанныхъ въ прїобщенномъ при семь экстрактѣ законовъ, отнынѣ дѣйствительнымъ не почитать, и для того ихъ отъ сожитія развестъ вовсе, съ тѣмъ, чтобъ ему Данилу, ее, Ефимью, женою, такъ и ей, Ефимѣ, ево, Данила, мужемъ не называть, въ чемъ ихъ обязать подписками, и о томъ какъ къ тамошнему десятоначальнику, такъ и къ приходскимъ священникамъ предписать указами, равно жь Череповскому уѣздному суду и нижней расправѣ объ ономъ расторгнутомъ бракѣ дать знать сообщеніями. А означенныхъ священника и дьяча, что они чужаго приходу помянутаго крестьянина Данила Петрова съ увезенною дѣвкою Ефимьею Явовлевою, какъ безъ надлежащаго отъ священника того приходу, въ которомъ женихъ и невѣста жительство имѣють, повелѣнія, такъ и безъ учиненія указаго обыску, а паче не въ указной день браковѣнчать насильно отважились, въ противность святыхъ правилъ и указовъ, послать немедленно въ монастырскія труды, священника на годъ, а дьяча на три мѣсяца; по прошествіи жь срока, по обязаніи надлежащею подпискою, уволить ихъ къ должности. Предписаннаго жь помѣщика Ушакова, за прописанной ево проступокъ, о оштрафованіи по своему разсмотрѣнію, сообщить Вологодскому намѣстническому правленію. Прежде же сіе опредѣленіе взнестъ къ преосвященнѣйшему Иринею, епископу Вологодскому и Бѣлозерскому, для конфирмаціи, причемъ приложить и показанной экстрактъ на разсмотрѣніе.

Подписали: архимандритъ (имя не разобрано), софійскій протоіерей Іоаннъ и секретарь Кірила Поярковъ. Внизу помѣта: „подписано ноября 2 дня 1783 года“. На первомъ листѣ: „учинить по сему“.

вв) О повѣнчаніи по приказу помѣщика майорской дочери съ крестьяниномъ.

По указу ея императорскаго величества, Вологодская духовная консисторія, слушавъ экстрактъ, учиненной изъ слѣдственнаго дѣла, по присланному декабря 5 дня 1781 года изъ Вологодскаго намѣстническаго правленія сообщенію, о содержащейся подъ стражею бѣглою отъ титулярнаго совѣтника Алексѣя Иванова Скорятина крестьянской женкѣ, майорской дочерѣ Аниѣ Ивановой, которая де онымъ Скорятинымъ выдана замужъ силою за крестьянина ево, Вологодскаго уѣзда, селца Березовки, Михайла Парфенова; а тѣмъ сообщеніемъ требовано о присылкѣ того священника, которой браковѣнчалъ, къ допросу и къ очной съ нею, Ивановою, ставкѣ.

По справкѣ жь въ консисторіи оказалось, что помянутой крестьянинѣ Парфеновъ съ оною Ивановою вѣнчанъ Вологодскаго уѣзда Николаевской церкви, что на Ламанихѣ, священникомъ Матфеемъ Максимовымъ ноября 13 дня 1779 года; по которому требованію оной священникъ Максимовъ въ реченное намѣстническое правленіе къ надлежащему слѣдствопроизводству изъ здѣшной консисторіи и отправленъ при сообщеніи. А генваря 19 дня прошлаго 1782 году изъ того правленія означенной священникъ и съ произведенныхъ въ Вологодскомъ уѣздномъ судѣ допроса и съ очныхъ съ майорскою дочерью ставокъ копія присланы въ здѣшнюю консисторію, для поступленія съ нимъ, священникомъ по законамъ. Допросомъ же оной священникъ показалъ: отъ роду имѣть пятьдесятъ пятой годъ, во священникахъ находится съ 755-го году въ одномъ приходѣ. Въ прошломъ 1779 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по прозбѣ титулярнаго совѣтника Алексѣя Иванова сына Скорятина, которымъ призванъ былъ онъ, священникъ, въ состоящей въ селцѣ Березовкѣ домъ ево, Скорятина, гдѣ оной Скорятинъ и просилъ ево, священника, чтобъ крѣпостную ево дѣвку Анну Иванову, привезенную въ то селцо Березовку, обвѣнчать на крестьянинѣ ево того жь селца Березовки Михайлѣ Парфентьевѣ; а подлинно ль та дѣвка Анна Иванова по какимъ крѣпостямъ ему, Скорятину, досталась,—онъ, священникъ, того не слыхалъ, а только увѣрясь на показаніи ево, Скорятина, что онъ, Скорятинъ, ему, священнику, сынъ духовной; а письменнаго виду въ томъ вѣнчаніи онъ, Скорятинъ, никакого не далъ. Почему онъ, священникъ, по таковому случаю, что оная дѣвка съ вышеписаннымъ крестьяниномъ привезена была въ церковь съ поѣздомъ вотчины бригадира Михайла Родіоновича Кошелева деревни Порозова крестьянина Василья Андреева, деревни Петрушкина Василья жь Осипова, кои отъ жениха и подписались, а съ невѣстиной стороны никого не было,—обвѣнчалъ, и по обвѣнчаніи они поѣхали въ домъ вышеписаннаго Скорятина, въ то селцо Березовку. А при вѣнчаніи жь та дѣвка Анна Иванова, чьего она имянно роду, ему, священнику, въ той церкви, какъ при обрученіи, такъ и при вѣнчаніи ничего не объявляла, и послѣ жь вѣнчанія ни въ каковое время, какъ тотъ помѣщикъ Скорятинъ, такъ и оная дѣвка Анна Иванова, и мужъ ее, крестьянинъ Михайло Парфентьевъ, о ее рожденіи никогда не объявляли. А на очныхъ ставкахъ показали—женка Анна Иванова: что вышеписанной священникъ титулярнымъ совѣтникомъ Алексѣемъ Скорятинымъ призванъ былъ на вечеру въ домъ ево, Скорятина, состоящей въ селцѣ Березовкѣ, отъ коего и приказано было ему, священнику, ее, Иванову, обвѣнчать на крѣпостномъ своемъ того жь селца Березовки крестьянинѣ Михайлѣ Парфентьевѣ; въ которое время она, женка Иванова, ему священнику объявляла, что она не крѣпостная того Скорятина, а майорская дочь Ивана Долгорукова, чтобъ онъ, священникъ ее не вѣнчалъ, но токмо онъ того не послушалъ и въ ночное время обвѣнчалъ. Священникъ Матфей Максимовъ: что де онъ вышеписанную дѣвку, по прозбѣ того Скорятина, вѣнчалъ безъ всякаго писмяннаго виду при вечерѣ, а пьянъ въ тогдашнее время не былъ, а только у того Ско-

ратина въ домѣ выпилъ одну чарку вина; а чтобъ она, Иванова, была тому Скорятину не крѣпостная, того, какъ въ домѣ, такъ и въ церквѣ, не показывала, и онъ, священникъ, не слыжалъ, и оныя деревни Скорятина въ приходѣ не въ его, тожъ и селцо Березовка; а вѣнчалъ по прозвѣ ево, помѣщика Скорятина. По опредѣленію жъ консисторіи въ реченное намѣстническое правленіе сообщено съ тѣмъ, что въ дополненіе слѣдствія о насильномъ вѣнчаніи вышеозначеннымъ священникомъ Матфеемъ Максимовымъ крестьянина Михайла Парфентьева съ маіорскою дочерью Анною Ивановою потребно вѣдать: объявленной священникъ, при вѣнчаніи брачившихся, спрашивалъ ли, и они объявили ль свое согласіе и произволеніе порознь, или не было которое лицо, а особливо невѣста, согласно, и священникъ, что показалъ, и доказанъ ли въ непроизвольномъ бракѣ или не доказанъ, и было ль на то какое свидѣтельство или другія какія обстоятельства, и о томъ о всемъ доставить консисторіи подлежащее свѣдѣніе. А сего ноября 3 числа, въ присланномъ изъ онаго намѣстническаго правленія сообщеніи, между прочаго, значится: показанной де крестьянинъ Михайло Парфентьевъ за умертвіемъ, а бывшіе при томъ бракѣ въ поѣзду вотчины бригадира Михайлы Кошелева крестьяне деревни Порозова Василей Андреевъ, да деревни Петрушкина Василей Осиповъ, кои де отъ жениха и подписались, а съ невѣстиной стороны никого не было,—по ненадобности не допрашиваны; обстоятельство же къ доказательству поминаемаго священника Матфея Максимова въ ономъ сообщеніи нивакихъ не значится, кромѣ тѣхъ объясненій, кои отъ онаго священника въ допросѣ и будучи съ предписанною маіорскою дочерью на очныхъ ставкахъ показаны. По справкѣ жъ оказалось: поданнымъ генваря 14 дня 1780 году Вологодскаго уѣзда, Покровской церкви, что на Маслянѣ, священникъ Симеонъ Васильевъ съ причетники доношеніемъ представляли о обвинчаніи приходу ихъ безъ дозволенія ево, священника, вышеобъявленнымъ священникомъ Матфеемъ Максимовымъ двухъ поминаемаго селца Березовки крестьянъ, въ томъ числѣ вышеозначеннаго Михайла Парфентьева съ объявленною Анною Ивановою ноября 13-го 1779-го да генваря 8 числа 1780 годовъ, и помѣщика ихъ, показаннаго Алексѣя Скорятина. По объявленному жъ онымъ священникомъ при допросѣ писанному тогожъ числа ноября предъ браковѣнчаніемъ отъ поѣзжанъ обыску, объявленная Анна Иванова показана дворовою дѣвкою. И по произведеніи слѣдствія, а по опредѣленію консисторіи, оной священникъ Максимовъ, за вѣнчаніе изъ чужаго приходу браковъ посланъ былъ въ монастырскіе труды на два мѣсяца. Да сверхъ того касалось до него, священника Максимова, слѣдственное дѣло о насильномъ выданіи коллежскимъ протоколистомъ Григорьемъ Калининковымъ и обвинчаніи имъ, священникомъ, дворовой ево, Калининкова, дѣвки Ульяны, Петровы дочери, вотчины госпожи адмиралши Парасковьи Яковлевны Мятлевой за двороваго человѣка, по которому дѣлу, а по опредѣленію жъ консисторіи, учиненному октября 4-го 1777 года, велѣно онаго священника, въ знакъ оштрафованія,

послать безъ священнослуженія въ труды монастырскія на пять мѣсяцовъ, или взыскать съ него, вмѣсто онаго въ монастырѣ бытія, денегъ пятнадцать рублей, которыя онъ, по желанію своему и внесъ. А болѣе о подозрѣніяхъ на него, священника, дѣлъ не оказалось. Въ нижеписанныхъ законахъ изображено: въ Кормчей книгѣ о тайнѣ супружества: „сіе есть законнаго брака между прочаго: да не дерзнетъ никакоже іерей, подѣ правилною казнію и подѣ грѣхомъ смертнымъ, никого же вѣнчати по обѣдѣ, ниже вечерѣ, но по рану, ничтоже ядшихъ, ниже пившихъ; абіе по божественной литургіи или по не по часехъ, предъуготовленныхъ и уже исповѣданнымъ сущихъ, да вѣнчаетъ“. Въ Воинскомъ 148 артикулѣ: „челобитчикъ имѣеть челобитье свое право доносить и остерегать себя, чтобъ ничего не прибавлять, чего доказать не можетъ, что подлинно учинено, а ежели неправое челобитье учинить, то и онъ наказанъ будетъ равно какъ и другіе“. Въ Процессахъ, вторья части, главы первыя, о доказаніи, во 2 пунктѣ: „паче всего надлежитъ челобитчику жалобы своей исправно доказать, ибо ежели челобитчикъ онаго, о чемъ онъ жалобу приноситъ, доказать не можетъ, то можетъ потомъ отвѣтчикъ отъ суда освобожденъ быть“. Приказали: хотя вышеозначенной священникъ Матеей Максимовъ и присланъ къ законному съ нимъ поступленію за вѣнчаніе насилно выданной титулярнымъ совѣтникомъ Алексѣемъ Скорятинымъ маіорской дочери Анны Ивановы, но какъ она маіорская дочь, будучи съ нимъ, священникомъ, на очныхъ ставкахъ, показывала, якобы она въ домѣ реченнаго Скорятина, въ то время, когда онъ, священникъ, былъ имъ, Скорятинымъ, призванъ и приказано было обвѣнчать, то де ему, священнику, объявила, что де она, Анна, не крѣпостная того Скорятина, а маіорская дочь, и чтобъ ее не вѣнчалъ, но токмо де не послушавъ, обвѣнчалъ. Священникъ же Максимовъ говорилъ, что де вѣнчалъ ее, Анну, при вечерѣ, по прозбѣ означеннаго Скорятина, а чтобъ она была ему, Скорятину, не крѣпостная, того какъ въ домѣ, такъ и въ церкви, не сказывала. Другихъ же обстоятельствъ къ доказательству ево, священника Максимова никакыхъ не оказалось. И въ разсужденіи сихъ резоновъ въ насилномъ вѣнчаніи онаго священника Максимова виновнымъ признать не можно. А что онъ Максимовъ, тотъ бракъ вѣнчалъ при вечерѣ, то въ ономъ не мало погрѣшилъ, и потому оштрафовать ево поклонами, чего ради и положить ему, священнику, чрезъ пять дней, въ Софійскомъ катедральномъ соборѣ 500 великихъ поклоновъ; по исполненіи жъ, обязавъ ево наикрѣпчайшею, въ чемъ слѣдуетъ, подпискою, уволить къ должности. Прежде жъ сіе опредѣленіе внести къ преосвященнѣйшему Иринею, епископу Вологодскому и Бѣлозерскому, для конфирмаціи.

Подписали: архимандритъ (имя не разобрано) и Кирила Пояреовъ. Визу помѣта: „подписано ноября 23 дня 1783 года“. На первомъ листѣ конфирмація: „учинить по сему“.

Сообщилъ Дѣйствительный Членъ Андрей Титовъ.

5.—Сербскіе списки книгъ истинныхъ и ложныхъ.

И. В. Ягичъ въ своей статьѣ „Slovenski tekstovi kanona o knjigama staroga i novoga zavjeta pojedno s indeksom lažnih knjiga“ (Starine, югослав. акад. (1877), IX), напечаталъ по сербской рукописи XVI в. В. И. Григоровича „Списокъ книгъ истинныхъ и ложныхъ“*), назвавъ его русско-сербскимъ (стр. 107) и отмѣтивъ рѣдкость этого текста (svogega goda unisum—98), а также предположивъ, что онъ представляетъ копию со старшаго текста (напр., вѣка XV-го). Происхожденіе этого текста отъ русскаго не подлежитъ сомнѣнію: это видно и изъ русизмовъ, застрявшихъ въ сербскомъ спискѣ, и изъ упоминанія въ немъ памятниковъ, чисто русскихъ по происхожденію или употребленію. Фактъ этотъ—происхожденіе сербскаго текста отъ русскаго—весьма любопытенъ: въ немъ мы видимъ результатъ обратнаго литературнаго теченія изъ Руси на югъ славянства—явленіе, еще довольно слабо освѣщенное для времени до XVIII в. въ исторіи нашей литературы. Фактъ этотъ—перенесеніе индекса русскаго на югъ—не случайность; т. е., этотъ списокъ не есть „unisum“. Если Ягичу былъ извѣстенъ только одинъ текстъ 30 лѣтъ назадъ, то теперь мнѣ сталъ, благодаря любезности К. І. Иречка, извѣстенъ еще текстъ, именно, по рукописи Рыльскаго монастыря (въ Болгаріи) № 78: это—„Дамаскинъ инокъ и иподіавонъ и Студитъ“ XVI в.**); на послѣднихъ его листахъ рукой позднѣйшей (ок. 1700 г.) приписка, содержащая (правда, безъ начала) тотъ же индексъ, что и въ рукописи Григоровича, изданной И. В. Ягичемъ. Привожу цѣликомъ этотъ небольшой текстъ, отмѣчая (въ скобкахъ) варианты изъ Григоровичева текста и (внизу) изъ списка XV в. (у Ягича).

„Іоанъ Лѣствицикъ, написавшаго Лѣствицу на Синаискую гору¹⁾, Синаить—Григоріе Декаполить—Григоріе папа Римскы—Григоріе Акраганскы.—Григоріе Синаить—Григоріе Двоесловець (Двоесловъ).—Куріиль Александрьскы—Куріиль Іерусалимскы—Куріиль словенскы.—Діонисіе Ареопагить.—Ирины²⁾.—Петръ рускы—Спиридонъ—Злата Матица—Чепь—Анастасіе Синаискыя горы—Аванасіе Александрьскы—Сумеонъ Богопріемнець (—пріемць)—Евводіе (Евдовіе)—Варламъ, Иосафъ—Ефремъ Сиринь—Максимъ—Ниль—Никонъ—Лапсакъъ (Лапсаикъ)—Теодоръ Сту-

*) Рукопись эта (четыре листа въ маленькую 8-у, выдранныхъ изъ цѣльной рукописи) теперь въ Рум. муз. № 1711; относить ее слѣдуетъ къ XVII в., а не къ XVI-му.

***) Въ числѣ Рыльскихъ рукописей „Дамаскиновъ“ извѣстно два; о нихъ см. П. А. Лаврова „Дамаскинъ Студитъ и сборники его имени „Дамаскины“ въ юго-славянской письменности“ (Одесса 1899), стр. 5, также Б. Цонева „Новобългарска письменность прѣди Паисия“—Бѣлг. Прѣгледъ, VII (1894).

¹⁾ „нап....“ нѣтъ.

²⁾ Въ русск. инд. XV в. ирини.

діяскы¹⁾—Θеодоръ Еденскы (Едескыи)—Иасафъ—Генадіе, зовомаго (зовуми) Златоструи.—Хронографъ (лѣтописць)²⁾—Родословіе.—Гльбина—Бисерь—Кръница—Маргаритъ Жемчюгъ—Меѳодіи Параамскы—Василіе Новоявленіи—Пчела—Лѣтописецъ (лѣтопись)³⁾ Великіе горы—Иосифъ Маѳатинъ (Мататинъ)—Козма Индіеопловъ—Козма Халкѣдонскы⁴⁾.—Ісаахъ Сираанинъ (сиріанинъ)—Дороѳеи—Діоптра, зовомаго (глаголема) Зръцало—Уставъ светыхъ отецъ—Другы Уставъ иѳоніискы.—Пандектъ—Лимонись—Антіохъ—Ісусъ Сираховичъ—Словоположникъ—Законикъ—Стословъ.—Андреи Уродивіи—Даніиль Странникъ.—Епифаніе Кипрьскы (Кипру)⁵⁾—Іявовъ жидовинъ—Судьбникъ—12 Миней чьтомыхъ, въ нихже написано житіе светыхъ пророкъ и апостоль и светитель и страсти мученичскые.—Патерикъ Египтскыи—Патерикъ пещеры (пещере) Квовскые (Кіевскые).

А сіе книги⁶⁾ лъжныхъ съписанія, сіа суть, ихже недостойтъ (не подобаеъ) дръжати: Съставленіи мирсци (мирстїи) псалми: гредѣте всїи вѣрніи и друго гредѣте, Кръсту твоему въдружааше се на земля—Адамъ і⁷⁾ Енохъ—Патріарси—Сісинова молитва⁸⁾—Адамъ завѣтъ—Псалми Соломоновы—Илино обявление (объявление)—Исаино видѣніе—Іякови повѣсть.—Петрово обявление—Обходїи апостольсци—Варнавово (Варнавино) посланіе.—Павлово дѣяніе лъжею складно⁹⁾—Павлово обявление—Евангеліе отъ Варнавы—Евангеліе о (отъ) Θомѣ—Паралипомень: что орла слали въ Вавилонъ въ Іеремію.

Суть же і ина много (лъжна словеса сіа) отъ лъжныхъ словесникъ сложенія¹⁰⁾, еже есть сіе: Іоаннь Богослова (Іо. богослову), еже есть: слыши, праведни Іоане—Вареоломеови въпроси къ Богородици.—Епистолиа о недѣли—О дръвѣ крстнѣ лъгано—и Хожденіе Петрово по възнесеніи Господни: что отрочете (отрочетемъ) Христа продавали, что по сухо (суху) рыбы ходили.—Дѣтство Христово—Богородицу хожденіе по мувахъ (мухамъ)—Лобъ Адамовъ: что седемъ царіе под нимъ сѣдѣли—Имена ангеломъ—О службѣ тайнъ Христовыхъ: что познеть обѣдїю, врата небесна затворется и попа влнуть—и Прѣніе діаволе съ Христомъ.—О пустыниці Макаріи римстѣмъ¹¹⁾ (Макарія римскаго): что три чрънци нашли его.—О Соломонїи царїи и о Квтоврасїе басны кощуны.—О 12 Іяковичи.—Глаголема Лѣствица.

1) Θ. С.—нѣтъ.

2) Сп. XV в.—хронографъ.

3) Сп. XV в.—лѣтописецъ.

4) Здѣсь въ Григоров.—Θеодоръ Студитъ.

5) Кипрьскы—текстъ XV в.

6) А книгъ—Григор. сп.

7) і—нѣтъ.

8) Сп. XV в.—Сифова.

9) Сп. XV в.—складно.

10) многа отъ лжесловесникъ сложена—сп. XV в.

11) Такъ и въ сп. XV в.

Сут же мученица криво складено, а не тако, якоже есть истинно писано въ Минѣяхъ чѣтомыхъ или въ пророкохъ (и о мученицѣхъ лъжно написано въ пророкохъ)¹⁾: Георгіово мученіе, рекше (како) отъ Дадіана царя мучень.—Никутово (Некутино) мученіе, нарицающе его царева сына—і Іпатіево мученіе: что седемь (седмижди) умрь и седмижды ожиль (оживѣль)—Климентово²⁾ (Климентіа) анкырсаго (анкурски) и инѣхъ мнозѣхъ.—Давидови пѣсны—Софоніево обявленіе—О дрѣвѣ крѣстнѣмъ лъгано: что Христа въ попи ставиле (постави)—Како Христось плугомъ ораль: то Іереміа попь болгарски излъгалъ, быхъ въ навѣхъ на Вервилове колу.

Сут же между божѣственныхъ (—ими) писанми лъжна писаніа насѣяно отъ еретикъ на пакость невѣждамъ поповомъ и діавономъ: тольстіе зборничѣскыя—Селскыя худіе номоканунци—по молитвникохъ лъживіе молитвы: о тресавицахъ, о нежитехъ, о недузѣхъ. (Сіе) еретици были исказали црѣковныхъ прѣданіа и правило апостольскыхъ, пишуще лъжна словеса (все еретици написаше)³⁾, светли же богоносни отци 318, иже въ Никей седмаго събора, влѣкы пагубныя прашею духовною отъ црѣкве божіе измѣтавше и ученіе тѣхъ и мудрованіе пагубное, яко плевель о(тъ) пшеници истрыгше и мѣтаніа ихъ проклеше, а светыхъ апостоль запоѣди и светыхъ богоносныхъ отецъ нашихъ канонъ и правило великыя съборныя црѣкве светые книги, яже прѣдаше светымъ црѣквамъ на утврѣденіе вѣрѣ и ихже православно спасти душе, въ еретичѣскыя отреченіе книги запоѣдавше не приницати, еже есть врагъ божіи⁴⁾. И сіе есть мудрованіе тѣхъ (тѣхно), имиже отводитъ отъ Бога и приводитъ къ бѣсомъ въ пагубу⁵⁾: прѣва книга Плартолон (плартолоу)⁶⁾, рекше остррогъ (острогогъ)⁷⁾, вторая астрономіа, третіа мѣрія (землемеріе), четвѣрта врачевникъ, въ нихже суть вси 12 отприметныхъ лицъ звѣрныхъ (зверинихъ) и птичнихъ (птичихъ), се же: 1-е, тѣло свое хранитъ мрѣтво и лѣтаеть орломъ и ястребомъ и враномъ, зміемъ вльвомъ и всакомъ лютимъ звѣремъ; пети громовникъ, шести мльніа, седьмо мѣсець окружитсе, осьмо коледникъ, девето метаніе, десето мисльникъ, првонадесете сьносудецъ, другонадесеть влховникъ, влхвующи птицами и звѣрми, и другое: храмъ трѣщитъ, ухо звѣнитъ, вранъ грачетъ, петель поеть, псь виеть, сьнь страшень, око трептять, рамо трептять⁸⁾, влѣ-

1) Суть же и о мученицѣхъ криво складено (не?) тако, якоже есть истинна писана въ минеяхъ чѣтихъ или въ пролозѣхъ—сп. XV в.

2) Такъ и сп. XV в.

3) Еретици были исказили црѣквѣна преданіа и правила апостольскыхъ пишуще ложная словеса—сп. XV в.

4) Все изложено согласно со сп. XV в.; въ Григор. сокращено.

5) На полѣ киноварью: зры.

6) Мартолон—сп. XV в.

7) Острологъ.—сп. XV в.

8) Въ Григ. опущено; нѣтъ и въ русскихъ индексакъ.

хвованія различна.—Путникъ книга, въ нижше есть писано о стречахъ, кобы всьацкые еретическые.—О часѣхъ злыхъ и добрыхъ; вѣруеша еретичьскимъ лъжамъ и оставаеша (остравляши) светая писанія, еже тые 30 дни на лъже съписаше. Такожде и прочіи книги о мучьницахъ и о благовѣщеніи еретическыхъ много.—Звѣздочьтедь 12 книги, въ нижше безумныи людіе вѣрують, влхвующе ищуть днь рожденія своего, сановъ полученіе, урока житіе (житію) и бѣднихъ напастехъ, оставляютъ божію помощь и призываютъ бѣсовъ (бѣсове) на помощь, а не вѣдующе судь божихъ, яко нѣсть се повелѣніе божіе, ни отъ светыхъ апостоль прѣдано, нъ Богу мръско и ненавистно, якоже второ идолослуженіе, отъ бѣсовъ еретики насѣянно невѣждамъ на нагубу ихъ душамъ, яко плѣвель срѣди пшенице, раждизающе пламень вѣчныхъ мукъ¹⁾ по Господню словеси (глаголу), еже рече: чръвь ихъ не умираеть, и огонь ихъ не угасаютъ (—еть); не вѣдетъ (не вѣдуще) оказанныи²⁾ писанію глаголющу: аще заповѣдь божію прѣступитъ, а иметь о себѣ еретическа писанія дръжати, еже есть врагъ божіи, и влхванія ихъ вѣрувати иметь; кто съ тѣми всѣми еретики да будетъ проклетъ; аще котори отьць духовныи вѣдае такова у себѣ въ сынѣхъ (чадехъ), или иметь самъ тожде творити, да извѣржетсе сана и съ прѣждереченными еретики, съ тѣми всѣми да будетъ проклетъ, а написанія та на тѣлеси да съжегутсе по правилъ (правило) светыхъ отьць и анаѳема да есть³⁾“.

Приведенный текст⁴⁾, какъ и Григоровичевъ, явно выдаетъ свое русское происхождение въ сербскомъ спискѣ: а) рядъ русизмовъ въ языкѣ, каковы: двоесловець, богопріемнець, седемь, еретическый (рядомъ—еретичьскый); анкырского, бѣсовъ (вин. мн.), колу (мѣстн. пад.), острологъ; б) не понятія русскія слова: обѣдію вм. обѣдню, пророкахъ вм. пролозѣхъ, объявленіе вм. обавленіе; в) Иисусъ Сираховичъ; г) русскіе памятники въ перечнѣ: Петръ русскій⁵⁾, Златая матица, Чепь, хронографъ, Пчела, Даниилъ странникъ, Патерикъ печерскій. Въ то же время считать издаваемый списокъ копіей съ Григоровичева или тождественнаго съ нимъ нельзя: совпаденія его съ русскимъ спискомъ XV в. (у Ягича въ вариантахъ) въ мѣстахъ, гдѣ отклоняется Григоровичевъ, заставляють предполагать лишь общій источникъ; это подтверждается и тѣми мѣстами, гдѣ оба сербскіе, отклоняясь отъ списка XV в., совпадаютъ.

Т. о. мы должны предполагать, что въ Сербію попалъ русскій индексъ, похожій отчасти на упомянутый списокъ XV в., и здѣсь полу-

¹⁾ Къ Григ. опущено, въ сп. XV в.: разжигающаи пламень вѣчныхъ мукъ.

²⁾ Григ. опускаеть.

³⁾ и . . . въ Григ. нѣтъ.

⁴⁾ С. У Новаковича—Примери, 2 изд., стр. 514—упоминается по сербской старинной рукописи еще текстъ индекса: судя по тому, что въ немъ есть: „око или *раме* задрѣне“ (ср. прим. 8 предъид. стр.), можно думать, что мы имѣемъ въ немъ еще—третій—списокъ подобнаго индекса.

⁵⁾ Ср. Лѣт. зан. Археогр. Ком. I, 36.

чиль распространіе. Списокъ же этотъ; судя по его составу, принадлежалъ къ той редакціи, которая представляетъ уже русскую передѣлку, распространіе стараго индекса: она въ XVI в., судя по рукописямъ, уже получила полное развитіе¹⁾; она же легла въ основу индекса т. н. Кирилловой книги (1644). Именно изъ этой редакціи получаютъ объясненія всѣ неясности и ошибки сербскихъ списковъ, такъ совершенно исправляется въ началѣ издаваемаго и Григоровичева: сенанить, Григоріе декаполить, Григоріе Григоріе папа (Григоровичевъ) Синаить Григоріе, декаполить Григоріе папа (издав.); въ русскихъ: Сенаникъ (т. е. Синодикъ), Григорій декаполить, Григорій папа²⁾; Ирины—это Ириней Лутдоньскій и др. Оригиналь сербскихъ списковъ старше XVI в. быть не могъ (см. Лѣт. Арх. Ком. I, 32—33). Т. о. индексъ книгъ истинныхъ и ложныхъ въ югословянской писменности XVI—XVII в. увеличиваютъ собой тотъ небольшой рядъ памятниковъ, на основаніи которыхъ въ будущемъ придется формулировать вліяніе русской литературы на югославянскія, т. е., индексъ надо поставить вмѣстѣ съ хронографами, статьей о взятіи Царяграда, Пчелами, Кирилломъ Туровскимъ и другими.

М. Сперанскій.

6.—О воровскихъ подписяхъ въ Нижнемъ Новгородѣ.

Списокъ съ выписки, какова прислана изъ Ближней Канцеляріи.

Въ нынѣшнемъ 708 году мая 27 числа въ доношеніи, каково внесено въ Ближнюю Канцелярію ис Посолского приказы, написано:

Мая въ 21 день въ великому государю писалъ изъ Нижняго Новгорода столникъ і воевода Никита Кутузовъ. Сего де мая въ 14 день въ Нижнемъ Новѣгородѣ явились воровские подписи леваснымъ мѣломъ, у Дмитрѣвскихъ воротъ подписано: „быть бунту, что и въ Астрахани“; да въ Кремлѣ городе у двора приказу Монастырскихъ дѣлъ на заборе подписано: „опаситесь, быть бунту“; да въ томъ же городе Кремлѣ стрелецкаго головы Матвѣя Станиславского на огородномъ заборе подписано: „быть бунту, какъ и въ Астрахани“. И у тѣхъ воровскихъ подписей онъ велѣлъ поставить караулъ до указу и для всякаго опасенія, і о томъ бы ему указъ учинить. Да онъ же, воевода, мая въ 22 день о томъ же писалъ въ Розрядъ, и съ той отписки изъ Розряду въ Новгородцкой приказъ для вѣдома прислана память мая въ 23 день.

И мая 28 по указу великаго государя и по боярскому приговору велено послать грамоту въ Нижней къ воеводе ис Посолского приказу и сказать всѣмъ Нижегородцѣмъ жителемъ явно, а въ пристойныхъ мѣстехъ прибить и листы, чтобъ тотъ человекъ, кто подписывалъ о бунте

¹⁾ Ср. Лѣт. зан. Археогр. Ком. I, 35 и сл.

²⁾ Ibid. p. 35.

мѣломъ, явился безо всякой опасности, за что будетъ ему государева милость. И буде такой человекъ явитца, и ему, воеводе, ево распросить и до всего въ томъ будетъ дѣло, и тѣхъ потому-жъ сыскивая, спрашивать и писать къ великому государю, а тѣхъ людей держать за вѣрными карауломъ. А буде такой человекъ, которой писалъ мѣломъ вскоре не явитца, і ему провѣдывати тайно и имѣть опасение и осторожность.

А по его, великого государя, именному указу, каковъ присланъ изъ Санктъ-Петербурха июня въ 10 чиселъ, велено того воеводу Нижегородскаго Никиту Кутузова за нѣкоторую въ томъ вышепомянутомъ дѣле неосторожность переимѣнить, а на ево мѣсто послать иного доброго человека.

И июня въ 14 день бояря, будучи въ Ближней Канцеляріи, слышавъ вышеписанного великого государя именного указу, приговорили послать въ Нижней Новгородъ на Никитино мѣсто Кутузово воеводу Ивана Иванова сына Левонтьева. И будучи ему въ Нижнемъ во всякихъ государевыхъ дѣлахъ поступать со осторожностію и о подписи вышепомянутой меловой чинить по прежнему его государеву указу и провѣдывать тайно съ радѣннемъ, та подпись не отъ шведовъ ли вымышлена, и буде не стерта, велѣть стерть и караулъ свести, а что по провѣдыванію ево явитца, о томъ писать. І выслать ево съ Москвы въ Нижней, давъ ему наказъ по указу тотчасъ на заводныхъ подводахъ. Таковъ великого государя указъ и выписку закрепитъ дьякъ Иванъ Чередѣвъ.

И по тому великого государя указу столнику Ивану Левонтьеву наказъ и росписная грамота да еще-жъ особая грамота о вышеписанной мѣловой подписи даны того-жъ июня въ 14 день. И указъ ему, Ивану, сказанъ, чтобъ онъ конечно съ Москвы ѣхалъ июня въ 15 день.

Да июня-жъ въ 16 день послана великого государя грамота въ Нижней къ Никите Кутузову, а велено тое подпись стерть и караулъ свести, а что по провѣдыванію ево явитца, о томъ писать. И та грамота послана з двора государя царевича съ нарочнымъ вуріеромъ съ Семеномъ Писковскимъ того-жъ числа.

Сообщилъ Дѣйствительный Членъ С. К. Вогоявленскій.

7.—О преміяхъ комитета попечительства о трудовой помощи за сочиненія, касающіяся благотворительности въ Россіи.

На основаніи § 26 высочайше утвержденныхъ 6-го іюня 1901 года правилъ о преміяхъ августѣйшаго имени ея императорскаго величества государыни императрицы Александры Θεодоровны, срокъ для представленія сочиненій на соисканіе премій имени ея величества назначенъ на 1 мая 1911 года.

Преміи присуждаются: одна большая въ размѣрѣ 2.000 р. и три малыхъ—первая въ 1.000 р., а остальные двѣ—по 750 р. Въ случаѣ,

если ни одно изъ представленныхъ сочиненій не будетъ удостоено большой преміи, предназначенная на этотъ предметъ сумма или можетъ быть обращена на образованіе двухъ малыхъ премій по 1.000 р. каждая, или же можетъ быть, какъ и остальные не розданныя преміи, обращена Комитетомъ на выполненіе сочиненія по заказу на избранную Комитетомъ тему (§ 9).

Преміи присуждаются Комитетомъ Попечительства о трудовой помощи (§ 10).

Къ соисканію премій допускаются какъ рукописныя, такъ и напечатанныя въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ до закрытія конкурса сочиненія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ разработку вопросовъ о призрѣніи бѣдныхъ, о благотворительности и мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію условій труда и быта нуждающихся, съ теоретической или практической точекъ зрѣнія, въ особенности въ примѣненіи въ Россіи, изученіе исторіи, статистики и законодательства по указаннымъ отраслямъ и т. п. (§ 11).

Комитетъ Попечительства, когда признаетъ нужнымъ, предлагаетъ на соисканіе премій темы. Сочиненія, написанныя на свободно избранныя темы, принимаются къ соисканію вмѣстѣ съ сочиненіями на предложенныя темы; симъ послѣднимъ, при равныхъ достоинствахъ, отдается однако преимущество (§ 13).

Сочиненія, которыя уже получили какую либо награду отъ другого учрежденія, не лишаются права быть удостоенными премій отъ Комитета Попечительства о трудовой помощи. Равнымъ образомъ не лишаются такого права на премію и сочиненія, уже однажды Комитетомъ удостоенныя преміи, если они вновь переизданы съ весьма значительными дополненіями и переработкой или предприняты въ нѣсколькихъ томахъ, и награда Комитета была присуждена таковому сочиненію не во всемъ его объемѣ, а лишь за извѣстную часть, представляющую самостоятельное цѣлое (§ 16).

Преміи за представленные въ рукоиси сочиненія выдаются, по общему правилу, не прежде какъ по доставленіи въ Комитетъ печатнаго экземпляра удостоеннаго награды труда, для чего Комитетомъ назначается каждый разъ опредѣленный срокъ. Однако, въ особо уважительныхъ случаяхъ, по постановленію Комитета, часть преміи можетъ быть выдана и ранѣе представленія отпечатаннаго труда. На заглавномъ листѣ сочиненія авторъ имѣетъ право означать, какой именно преміи оно удостоено (§ 15).

Преміи выдаются лишь самимъ авторомъ или лицамъ, на которыхъ они уважуютъ, а также ихъ законнымъ наслѣдникамъ (§ 14).

При представленіи сочиненій, авторы или открыто сообщаютъ свое имя, отчество, фамилію и мѣстожителство, или, въ случаѣ нежеланія ихъ оглашать, помѣщаютъ сіи свѣдѣнія въ приложенномъ къ сочиненію запечатанномъ пакетѣ; въ такомъ случаѣ на сочиненіи и на пакетѣ озна-

чается принятый автором девизъ, а въ приемъ сочиненія и пакета изъ Канцеляріи Комитета выдается особая росписка (§ 18).

По полученіи конкурсныхъ сочиненій Комитетъ Попечительства, въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій, или назначаетъ рецензентовъ изъ числа членовъ Комитетовъ, или приглашаетъ къ разсмотрѣнію представленныхъ трудовъ компетентныхъ лицъ, или же запрашиваетъ о нихъ мнѣнія авторитетныхъ учреждений и обществъ (§ 19).

Рецензіи должны быть доставлены въ Комитетъ не позже 1 ноября того года, въ которомъ присуждаются преміи (§ 20).

Въ одномъ изъ ближайшихъ послѣ 1 ноября засѣданій Комитетъ Попечительства разсматриваетъ доставленные рецензіи и постановляетъ окончательныя рѣшенія по конкурснымъ сочиненіямъ (§ 21).

Сочиненія къ соисканію преміи могутъ быть присылаемы или представляемы въ присутственные дни въ Канцелярію Комитета Попечительства о трудовой помощи, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ по Надеждинской ул., д. № 41, кв. 2, отъ 12 до 5 час. дня.—Здѣсь же помѣщается специальная бібліотека по вопросамъ призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности.

Темы, предложенныя Комитетомъ Попечительства на конкурсъ 1911 года:

1) Системы призрѣнія бѣдныхъ въ законодательствѣ и практикѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ.

2) Историческій обзоръ мѣръ общественнаго призрѣнія и благотворительности въ Россіи.

3) Церковь въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія и благотворительности.

Въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ продаются слѣдующія книги:

1. Труды и Лѣтописи Общества, 2—8 части. М. 1815—1883 г. По 50 к. за книгу.
2. Русскія достопамятности: Часть 1, 1815 г., 50 к. Ч. 2 (Русская Правда). 1843 г. 1 руб.
3. Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской исторіи. Эверса, пер. съ нѣмец. М. Погодина. М. 1829 г. 1 руб.
4. Древности сѣвернаго берега Понта. Соч. П. Кеппена, пер. съ нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г. 50 коп.
5. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г. 1 руб.
9. Русскій Историческій сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. По 1 руб. за томъ.
7. Славянскія древности. П. І. Шафарика, перев. съ чешскаго О. Бодянскаго. Т. І. кн. 1 (1-е и 2-е изд.), т. II, книга 3. 2 р. за книгу.
8. Историко-критическія изысканія. Ю. Венелина. Т. II. М. 1841 г. 1 руб. 50 коп.
9. Повѣствованіе о Россіи. Н. Арцыбашева. М. 3-й т. 3 р.—Начало IV-го (кн. 7, стр. 1—308; кн. 8, стр. 1—16). 2 руб.
10. Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубрицкаго; пер. съ польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г. 1 р. 50 к.
11. О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до Петра 1-го. Изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г. 50 коп.
12. Книга Большой чертежъ, изд. Г. Спаскимъ. М. 1846 г. 1 руб. 50 коп.
13. Исторія о Донскихъ казакахъ. Соч. А. Ригельмана. Фезъ рисунковъ. 1846 г. 1 р. 50 к.
14. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славян. народовъ до XIV в. Соч. А. Мацѣвскаго; пер. съ польскаго П. Дубровскій. М. 1846 г. 50 коп.
15. Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Разсужденіе Л. Суroveцкаго. Переводъ съ польскаго Юстина Бѣлявскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1846 г. 50 коп.
16. Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междуособіяхъ бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ предисловіемъ П. Кулиша и О. Бодянскаго. М. 1846 г. 1 руб.
17. Реймское евангеліе, изд. В. Ганкою. 1846 г. 3 руб.
18. О бунтѣ г. Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648 году. Переводъ съ польскаго Николая Янковскаго. М. 1847 г. 10 коп.
19. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1847 г. 50 коп.
20. Описаніе о Малой Россіи и Украинѣ. Соч. Станислава Зарульскаго. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. М. 1847 г. 25 коп.
21. Критическое разложеніе всѣхъ именъ Аттилина семейства и прочихъ, такъ называемыхъ, гуннскихъ его вельможъ, о которыхъ только упоминаетъ Прискъ въ своихъ путевыхъ запискахъ. Юрія Венелина. 50 коп.
22. Переписка и другіе бумаги шведскаго короля Карла XII, польскаго Станислава Лещинскаго, татарскаго хана, турецкаго султана, Филиппа Орлика и кievскаго воеводы Иосифа Потоцкаго; на латин. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г. 50 коп.
23. Древнія святыни Ростова великаго. Съ 6 изображеніями. Соч. гр. М. Толстаго. М. 1847 г. 50 коп.
24. Описаніе города Острога. Составл. А. Перлштейномъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г. 20 коп.
25. Паралипоменъ Зонаринъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г. 50 коп.
26. Иностранныя сочиненія и акты, относящіяся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. І. Шаумъ. М. 1847 г. 50 коп.
27. Украинскія народныя преданія. Собралъ П. Кулишъ. Книжка первая. М. 1847 г. 50 к.
28. Краткое историч. описаніе. о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запа-

рожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1848 г. 50 к.

29. Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ той поры, какъ она Литвою завладѣла, ажъ до смерти гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. И. И. Срезневскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1848 г. 25 коп.

30. Малороссійская переписка, хранящаяся въ Московской Оружейной палатѣ. Сообщ. И. Забѣлинъ М. 1848 г. 10 коп.

31. Граматично исказанѣ об Рускомъ эзику. Сочин. попа Юрка Крещанища. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1848 г. 1 руб. 25 коп.

32. Исторія Россійская. В. Н. Татищева. Книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г. 1 руб. 50 коп.

33. Опытъ русскаго престолярнаго словотолковника. (Буквы А—П; стр. 1—181. М. Макарова. М. 1848 г. 1 руб.

34. Алексѣй Однорогъ. Истор. романъ. Спб. 1853 г. 1 руб.

35. Источники малороссійской исторіи, собранные Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ и изд. О. Бодянскимъ. Ч. I. М. 1848 г. Ч. II. М. 1859 г. По 2 руб. за томъ; за оба 3 руб.

36. Memorial poétique sur la guerre d'Orient, écrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par lui même. Odessa 1855 (стр. 1—225). 1 руб.

37. О времени происхожденія славян. письменъ. Соч. О. М. Бодянского. М. 1855 г. (безъ снимковъ). 2 руб.

38. Діаріушъ или журналъ, т.-е. повседневная записка случающихся при дворѣ пана гетмана Скоропадскаго окказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковои отправуемыхъ дѣлъ. Хоружаго Ник. Дан. Ханенка. Съ историч. свѣдѣніемъ о сочинителѣ О. Бодянскаго. М. 1858 г. 50 коп.

39. Наставленіе выборному отъ Малороссійск. коллегіи въ Комисію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія Дм. Наталіну и возраженіе депутата Гр. Политики на оное наставленіе. М. 1858 г. 20 коп.

40. Крестьянскія челобитныя. Письма помѣщичику. Челобитныя помѣщиковъ. Сообщ. Вл. Борисовъ. М. 1859 г. 10 коп.

41. Тетрадь, а въ ней имена писаны опальныхъ при царѣ и вел. князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Челобитная Вологод. архіеп. Маркелла царю Алексѣю о мурѣ св. Николая чудотворца,

хранившемся съ 1658 г. въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ. Сообщ. Н. Суворовъ. М. 1859 г. 10 коп.

42. Мнѣніе министра Юстиціи Тропинскаго о проектѣ Уложенія. М. 1859 г. 10 коп.

43. Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи графа А. Р. Воронцова, импер. Александру I представленные. Сообщ. А. И. Казначеевъ. Объясненія—смѣшались ли? (о расколоучителѣ діаконовъ Ѳеодорѣ). О. М. Бодянскаго. М. 1859 г. 10 коп.

44. Мнѣніе генерала Мордвинова о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія государств. казначействомъ; по дѣлу подрядчиковъ на пеньку и на парусныя полотна по Черноморскому флоту; о неудобствахъ могущихъ послѣдовать отъ введенія закона подвергать секвестру и публичной продажѣ имѣнія, кои дошли отъ мужа къ женѣ, когда окажется на первомъ казенное взысканіе; и по дѣлу о помѣщицѣ Тоузаковой, обвиняемой въ смерти своего мужа. М. 1859 г. 15 коп.

45. Походы викинговъ, государств. устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ. Соч. А. М. Стринголма, перев. съ нѣмец. А. Шемякина. Съ приложеніями и примѣчаніями нѣмец. переводчика К. Ф. Фриша. М. 1859—1861 г. За обѣ части 3 руб.

46. О земельной собственности въ древней Сербіи. А. Майкова. М. 1860 г. 50 коп.

47. а) Деньги и пулы древней Руси, великокняжескія и удѣльныя. Д. Солнцева. М. 1860 г. (стр. I—X+11—140 съ 11-ю таблицами №№ 1—11) литограф. снимковъ пулы и денегъ). 2 руб. и б) — Прибавленіе 2-е (стр. I—IV+5—82+2 таблицы № 13 и 14). М. 1862 г. 50 коп.

48. Переписка между Россією и Польшею по 1700-й годъ, составленная по дипломатич. бумагамъ Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. Ч. I. 1487—1584 гг. М. 1860 г. — Ч. II. 1584—1612 гг. М. 1861 г. — Ч. III. 1612—1645 гг. М. 1862 г. По 1 руб. 50 коп. за томъ; за всѣ три — 3 руб. 50 коп.

49. Запѣчаніе графа Ѳ. В. Ростопчина на книгу Г. Стройновскаго. М. 1860 г. 10 коп.

50. Каталогъ славянороссійскимъ рукописямъ, погибшимъ въ 1812 г. проф. Баузе. В. Каразина. М. 1862 г. 30 коп.

51. Конст. Ѳеод. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ. Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ

- Калайдовича и особенно для изображенія учебной дѣятельности П. А. Безсонова. М. 1862 г. 1 руб.
52. Дѣло объ Арсеніи Мацѣвичѣ, б. митрополитѣ Ростовскомъ. М. 1862 г. 50 коп.
53. Письма и записки императр. Екатерины II къ графу Никитѣ Иван. Панину. М. 1863 г. 1 руб.
54. Церковно-историч. описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи. Состав. іером. (нынѣ архим.) Леонидъ. М. 1863 г. 1 руб.
55. Журналъ генераль-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисл. О. Бодянского. М. 1863 г. 1 руб.
56. а) Журналъ реляцій къ Ея Импер. Велич. 1782—1787 гг. Тульского, Рязанскаго и Калужскаго генераль-губернатора Михаила Никитича Кречетникова и б) письма къ нему гр. З. Г. Чернышева и другихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1863 г. 1 руб.
57. Доношеніе попечителя Казанскаго округа на издателя «Библиографич. листовъ» г. Министру Нар. Просвѣщенія. М. 1864 г. 10 коп.
58. Обзорніе рукоясей и старопечатныхъ книгъ въ книго-хранилищахъ монастырей городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г. 1 руб.
59. Описаніе славянскихъ рукописей Московской Патріаршей бібліотеки. Раздѣлы I—III. Свящ. Писаніе, толкованіе его и каноническое право. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1867 г. 50 к.
60. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горациа Вильгельма Кальвуччи, послѣ импер. Леопольда къ царю Алексѣю въ 1661 г. Переводъ съ латин. А. Н. Шемякина. Съ предисловіемъ О. Бодянского. М. 1874 г. 2 руб.
61. О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Проф. М. Д. Загырєвичя. М. 1874 г. 2 руб.
62. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію І. Г. Фоккеродта и Оттона Плейера. Переводъ съ нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1874 г. 1 руб.
63. Бытъ Западно-русскаго селянина. Юл. Ѳ. Крачковскаго. М. 1874. 1 руб. 25 коп.
64. Описаніе путешествія въ Москву посла римскаго императора Николая Варкоча съ 22 іюля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1875 г. 1 руб.
65. Реестры всего войска Запорожскаго, послѣ Зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ, составленные 1649 г. октября 16-го дня, и изданные по подлиннику, съ предисловіемъ, О. Бодяскимъ, съ 2-мя литографиров. снимками, именованно: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подписью. М. 1875 г. 1 руб. 50 коп.
66. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ лѣчился отъ ранъ осенью 1611 г. Гр. М. Д. Бутурлина. М. 1876 г. 50 коп.
67. Путешествія антиохійскаго патріарха Макарія, описанныя архидіакономъ Павломъ Аленскимъ, переведенныя съ арабскаго на англійскій Ф. К. Бельфуромъ, а съ англійскаго на русскій Дмитріемъ Благово. Выпускъ 1-й. М. 1876 г. 1 руб. (597).
68. Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейнымъ. Пѣсни былевья. М. 1877 г. 1 руб. (795).
69. Начало и возвышеніе Московіи. Соч. Давида прынца изъ Бухова, дважды бывшаго посломъ у Ивана Васильевича, вел. князя Московскаго. Переводъ съ латинскаго И. А. Тихомирова. М. 1877 г. 50 коп.
70. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ и изданныя О. Бодяскимъ, ч. I—IV. М. 1877 г. 10 р.
71. Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго. М. 1878 г. 3 руб.
72. Шестодневъ, составленный Іоанномъ, экзархомъ Болгарскимъ. М. 1879 г. 3 руб.
73. Житіе препод. отца нашего Феодосія игум. печерскаго. Списание Нестора. По харатейн. списку Московск. Успен. собора буква въ букву и слово въ слово. Съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г. 30 коп.
74. Куранты или вѣстовыя письма 1655 и 1665 гг. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г. 10 коп.
75. Челобитые лѣкаря Ролонта боярину Б. И. Морозову. Царскіе указы: о г. Ярославлѣ, о писаніи имени Траханіотова съ вичемъ. Приговоръ бояръ относительно Чигиринскаго похода. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г. 10 к.
76. Последніе дни кн. Вас. Лук. Долгорукова въ Соловецкомъ монастырѣ. Последніе

дни граф. Петра и Ивана Толстыхъ. Сообщ. Макарій еписк. Архангельскій. М. 1880 г. 15 к.

77. Подробное описаніе рукописныхъ сочиненій Юрьевского архим. Фотія, хранящихся въ Черниговской семинарской библіотекѣ. М. Лилеева. М. 1880 г. 20 коп.

78. Записка объ Архангельскомъ кафедральн. соборѣ. Записка объ Онежскомъ Крестномъ монастырѣ. Сообщ. Макарій еп. Архангельскій. М. 1880 г. 15 коп.

79. Матеріалы для исторіи Архангельской епархіи. Розыскъ о Моисей Чуринѣ и о волшебныхъ его письмахъ, производившійся въ Архангельскѣ и Холмогорахъ въ 1724 г. Сообщ. Н. А. Поповъ. М. 1880 г. 20 коп.

80. Изложеніе хода миссіонер. дѣла по просвѣщенію казанскихъ инородцевъ съ 1552 по 1867 г. А. Можаровскаго. М. 1880 г. 1 руб.

81. Библиографич. матеріалы собранные Андреемъ Поповымъ. IX — XIV. М. 1881 г. 50 коп.—№ XV. Дѣянія апп. Петра и Павла 50 коп.—№ XVII. Слово олжи и клеветѣ. 20 к.—№ XXI. Слово кратко въ защиту монастырскихъ имуществъ. Съ предисловіемъ А. Д. Григорьева. М. 1902 г. 50 коп. (120).

82. Посланія священно-архим. Фотія къ духовной дочери его двѣнадц. Аняѣ (1820—1822 гг.). Съ предисл. Андрея Попова. М. 1881 г. 50 коп.

83. Историко-статистич. описаніе заштатнаго Пертоминскаго мужскаго монастыря. Сообщ. Макарій епископъ Архангельскій. М. 1881 г. 25 коп.

84. Изъ бумагъ митрополита Московскаго Платона. М. 1882 г. 50 коп.

85. Домострой по списку Императ. общества Исторія и Древностей Россійскихъ. Съ предисловіемъ И. Забѣлина. М. 1882 г. 1 руб. 50 коп.

86. Копія съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 г. Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1882 г. 25 коп.

87. Дополненія къ Дворцовымъ Разрядамъ, собранныя И. Е. Забѣлинымъ. Ч. I. 1613—1634 гг. М. 1882 г. (стр. I—XV+1—912 стб; не кончено). 3 руб. (104).

88. Извѣстія англичанъ о Россіи XVI в. (Ченслеръ, Дженкинсонъ, Рандольфъ, Баустъ). Переводъ съ англійскаго С. М. Середонина. М. 1884 г. 1 руб. (305).

89. Великое зеркало. (Изъ исторіи русской переводной литературы XVII в.). Исслѣдованіе П. В. Владимірова. М. 1884 г. 1 руб. (20).

90. Описаніе актовъ архива Маркевича, относящихся къ исторіи южнорусскихъ монастырей. Е. В. Барсова. М. 1884 г. 50 коп. (967).

91. Письма разныхъ лицъ знаменитому архіепископу Иннокентію Борису. Матеріалы для исторіи Россіи текущаго столѣтія. Собралъ Н. И. Барсовымъ. М. 1885 г. 50 коп. (287).

92. Мнимый «туранизмъ» русскихъ. Къ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ ихъ въ Россіи. П. А. Безсонова. М. 1885 г. 50 к. (9).

93. О доходахъ Московскаго государства. И. Д. Бѣляевъ. М. 1885 г. (стр. 1—168; не кончено). 1 руб. (290).

94. Біографическіе очерки сенаторовъ. (По матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барановымъ). П. Н. Семенова. М. 1886 г. 1 руб. 50 коп. (20).

95. Константинъ Никитичъ Тихонравовъ. И. Голышевъ. М. 1886 г. 30 коп. (9).

96. О Тиверіадскомъ морѣ. По списку XVI в. Е. В. Барсова. М. 1886 г. 20 коп. (73).

97. Акиръ Премудрый во вновь открытомъ сербскомъ спискѣ XVI в. Съ предисловіемъ Е. В. Барсова. М. 1887 г. 30 коп. (285).

98. а) Лѣтопись византійца Теофана. Въ переводѣ (1846 г.) съ греческаго проф. В. И. Оболенскаго. М. 1891 г. (I—IV+1—48). 30 к. б) Тоже въ переводѣ В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1887 г. (I—II+1—270). 2 руб.

99. О селахъ Рождественѣ, что на рѣкѣ Истрѣ, Пятницкомъ-Берендѣевѣ и Мушквинѣ, состоящихъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, до 70-хъ годовъ XVIII столѣтія. Я. Копьева. М. 1887 г. 50 коп. (4).

100. Село Клементьево вынѣ часть Сергіевскаго посада, составляющая одинъ изъ ея приходоѡ. М. 1887 г. 50 коп. (4).

101. Лѣтопись церкви св. великомученика и побѣдоносца Георгія, что на Красной горѣ, въ Никитскомъ сорокѣ, столичнаго города Москвы. Я. Копьева. М. 1888 г. 50 коп. (10).

102. Реляціи временно-главнокомандоващаго русскою арміею генераль-поручика Фролова-Багрѣва 1759 г. Д. Э. Масловскаго. М. 1888 г. 50 коп. (14).

103. Дѣло М. Верещагина въ Сенатѣ въ 1812—1816 годахъ. Н. А. Поповъ. М. 1888 г. 20 коп. (12).

104. Слѣдственная коммисія о злоупотребленіяхъ пензенскаго воеводы Жукова (1752—1756 г.). Н. Н. Нееловъ. М. 1888 г. 30 к. (12).

105. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши

1)340—1654). М. А. Кулиша. М. 1888—1889 гг. 1—3 тома. 4 рубля съ пересылкой.

106. Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. В. и Г. Холмогоровыхъ. Вып. 6-й. Вохонская десятина.—Вып. 7-й. Перемышльскія и Хотунская десятина.—Вып. 8-й. Пехрянская десятина. М. 1888—1889 гг. По 1 руб. за выпускъ. (13).—Вып. 9-й. Волоколамская десятина. 2 руб.—Вып. 10-й. Можайская десятина. М. 1901 г. 2 руб. (91).

107. Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII вѣкѣ. Историческій очеркъ монастырскаго хозяйства, суда и управления въ связи съ положеніемъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ въ XVII столѣтіи. А. П. Доброклонскаго. М. 1888 г. 50 коп. (15).

108. Грамота Константинопольскаго патріарха Іоаннікія къ царю Алексѣю Михайловичу отъ 1 марта 1652 года. П. В. Безобразовъ. М. 1888 г. 20 коп. (9).

109. Дѣло объ еретичествѣ Стефана Прибыловича (1717—1718). Н. Я. Токаревъ. М. 1888 г. 30 коп. (11).

110. Переписка стольника А. И. Безобразова 1687 г. А. А. Востоковъ. М. 1888 г. 20 к. (11).

111. Грамота намѣстника ивангородскаго къ ревельскому магистрату въ царствованіе Ивана Грознаго. А. Чумиковъ.—Къ исторіи Московскаго университета. Нилъ Поповъ. М. 1888 г. 20 коп. (26).

112. Акты, относящіяся къ исторіи раскола въ XVIII в. Е. В. Барсова (изъ Чтеній 1889 г. кн. II). 40 коп. (18).

113. Московская помѣрная изба. Н. Оглоблинъ. М. 1889 г. 20 коп. (15).

114. Забѣтки къ исторіи хожденія игумена Данила. VII. Передѣлка хожденія въ сборникѣ св. Дмитрія Ростовскаго. М. А. Веневитиновъ. М. 1890 г. 30 коп. (14).

115. Два памятника древне-русской кievской письменности XI и XIII вѣка: а) слово о перенесеніи мощей преп. Феодосія печерскаго, соч. мниха Нестора, и б) похвала преп. Феодосію печерскому неизвѣстнаго (архим. Серапіона). Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1890 г. 30 коп. (16).

116. Мангазѣйскій чудотворецъ Василій. Н. Н. Оглоблина. М. 1890. 10 коп. (39).

117. Библиографическія разъясканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности IX—X вв. Памятники сихъ вѣковъ по сохранившимся спискамъ XI—XVII вв. Архим. Леонида. М. 1890 г. 20 коп. (29).

118. Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Историкокритическія объясненія по поводу сочиненія П. А. Кулиша: «Отпаденіе Малоросіи отъ Польши». Генн. Карпова. М. 1890 г. 50 коп. (2).

119. Регламентъ Вотчинной коллегіи. Сообщилъ и обработалъ для изданія Н. Ардашевъ. М. 1890 г. 1 руб. (12).

120. Елецкая «явочная книга» 1615—1616 гг. Н. Н. Оглоблина. М. 1890 г. 20 коп. (12).

121. Протестантство и протестанты въ Росіи до эпохи преобразованія. Историческое изслѣдованіе Дм. Цвѣтаева. М. 1890 г. 3 руб. съ пересылкой (10).

122. Рукописи Сербскаго письма XIII—XVIII вѣка, находящіяся въ бібліотекахъ Московской губерніи. Архим. Леонидъ. М. 1891 г. 10 коп. (37).

123. Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ хожденіе въ Св. Землю русскаго игумена Данила въ началѣ XII вѣка. Н. В. Рузскаго, М. 1891 г. 50 коп. (10).

124. Описаніе рукописей Тверскаго музея. Трудъ М. Н. Сперанскаго. М. 1891 г. 1 руб. 50 коп. (13).

125. Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогомъ Магнусомъ королемъ ливонскимъ, голдовникомъ царя Ивана Грознаго. А. Чумикова. М. 1891 г. 30 коп. (17).

126. Собраніе сочиненій Юрія Крижанича:

Вып. I-й: а) 1654 г. I. Pátno opisanie ot Lewdowa do Moskwi.—II. Besida ko Czircasom, wo owoi Czircasva upisana.—III. Usmotrenie o Carskom Welicestwu. (Съ одной фототипіей). Съ предисловіемъ В. Н. Щепкина. И б) 1661 г. Обясненіе виводно о писмѣ словѣнскомъ (съ 1 фототипіей). Съ предисловіемъ В. И. Колозова.—М. 1891 г. 50 коп.

Вып. II-й: 1674 г. Толкованіе историческихъ пророчествъ (съ 2-мя фототипіями). Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1891 г. 75 к.

Вып. III-й: а) Об свѣтомъ Крещенію. (Съ 1 фототипіей). Съ предисловіемъ А. В. Вашикірова. И б) Обличеніе на Соловѣцкую Челобитну. (Съ 1 фототипіей). М. 1893 г. 1 р. 25 к.

127. Матеріалы для исторіи Крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря. Н. А. Поповъ. М. 1892 г. 30 коп. (24).

128. Матеріалы для исторіи Общества. Письма О. М. Бодянскаго къ Н. А. Чистовичу (1862—1877 гг.). И. А. Чистовичъ. М. 1892 г. 20 коп. (26).

129. Памяти о архимандрита Леонида наместника св. Троице-Сергиевой лавры († 22 октября 1891 г.). Г. А. Вокресенского. М. 1892 г. 30 коп. (27).

130. Памятники прений о вѣрѣ, возникших по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные Александромъ Голубцовымъ. М. 1892 г. 2 руб. 25 коп. съ перес. (9).

131. Тульскій уѣздъ въ XVII в. Его видъ и населеніе по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Е. Щепкиной. М. 1892 г. (съ картой). 2 руб. (13).

132. Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Части 3—7. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1892 г. 1 руб. 50 коп. (14).

133. Реляціи кн. А. Д. Кантемира изъ Лондона (1733—1733). Т. I. Съ введеніемъ и примѣчаніями В. Н. Александренко. М. 1892 г. 1 руб. Т. II. 1734—1735 гг. М. 1903 г. 3 руб. (26).

134. Московская Тихвинская, что въ малыхъ Лужникахъ, за Новодѣвичьемъ монастыремъ, церковь. Историческое описаніе, составленное священникомъ Н. А. Скворцовымъ. М. 1892 г. 1 руб. (11).

135. Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгии. А. С. Хаханова. М. 1892 г. 30 коп. (28).

136. Общій архивъ Министерства Императорскаго Двора. II. Списки и выписки изъ архивныхъ бумагъ. (Описи домовъ и движимаго имущества кн. Потемкина-Таврическаго, купленныхъ у наслѣдниковъ его императрицею Екатериною II). М. 1892 г. 40 коп. (14).

137. Памяти Нила Александровича Попова. И. Шимко и А. Голомбiewскаго. М. 1892 г. 30 коп. (23).

138. Матеріалы для исторіи гор. Саратова. I. Записи книгъ Печатнаго приказа (1650—1675 гг.). Сообщилъ А. А. Гоздаво-Голомбiewскій. М. 1892 г. 30 коп.

139. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ:

Вып. I-й: Собраніе рукописей митр. Макарія, Мѣлецкаго монастыря на Волыни, Кіево-братскаго монастыря и Кіевской духовной семинаріи. Н. И. Петрова. М. 1892 г. 2 руб.

Вып. II-й: Рукописи Кіевопечерской лавры, кіевскихъ монастырей: Златоверхомихайловскаго, Пустынно-Николаевскаго, Выдубицкаго, женскаго Флоровскаго и Десятинной церкви. М. 1897 г. 2 руб.

Вып. III-й: Библіотека Кіево-Софійскаго собора. М. 1904 г. 3 руб. (100).

140. Слава Россійская. Комедія 1724 года, представленная въ Московскомъ гошпиталѣ, по случаю коронаціи императрицы Екатерины Первой. Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1892 г. 60 коп. (16).

141. Христорождественская церковь въ Сергеевомъ посадѣ Московской губерніи. А. I. М. 1892 г. 50 коп. (16).

142. Дневникъ генерала Патрика Гордона. Переводъ съ нѣмецкаго М. Салтыковой. Ч. I-я, 1655—1661 гг. М. 1892 г. 1 руб. 25 коп. Ч. II, 1661—1684 г. М. 1892 г. 1 руб. 25 коп.

143. Шесть документовъ, касающихся пребыванія Петра I въ Даніи. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1893 г. 50 коп. (16).

144. Объ оскорбленіи царскихъ пословъ въ Крыму въ XVII вѣкѣ. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г. 30 коп. (18).

145. Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіяся въ Копенгагенѣ. 1326—1690 гг. Сообщилъ Ю. Н. Щербачевъ. М. 1894 г. 2 руб.

146. Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи. (Матеріалы для исторіи Грузіи). Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. С. Хаханова. М. 1893 г. 30 коп. (7).

147. Московскій Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, какъ государственный дѣятель. Епископа Сергія (Соколова). М. 1893 г. 50 коп. (24).

148. Письма О. М. Бодянскаго къ отцу. Письма И. П. Сахарова къ О. М. Бодянскому. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г. 50 коп. (63).

149. Житіе св. Леонтія епископа ростовскаго. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г. 50 коп. (18).

150. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Составилъ П. А. Лавровъ. М. 1893 г. 2 руб. (5).

151. Междукняжескія отношенія въ Владимиро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV в. (Къ вопросу о «двумяменныхъ или «союзныхъ» деньгахъ»). В. Уляницкаго. М. 1893 г. 30 коп. (23).

152. Неканонизованные святые гор. Шуль (Владимирской губерніи). Опытъ агиографическаго изслѣдованія священника Ник. Миловскаго. М. 1893 г. 20 коп. (22).

153. Новый источникъ для исторіи москов-

ских волненій 1648 г. С. Платонова. М. 1893 г. 20 коп. (25).

154. Александрія русских хронографовъ. Изслѣдованіе и текстъ. В. Истринъ. М. 1893 г. 3 руб. съ пересылкой (60).

155. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута. Историческіе очерки Матвѣя Любавскаго. Съ картою Литовско-Русскаго государства въ концѣ XV и начала XVI в. М. 1893 г. 5 руб. (15).

156. Къ исторіи Московскаго мятежа 1648 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г. 20 коп.

157. Московскій Китай-городъ въ XVII в. (по описи 1695 г.). А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г. 30 коп. (11).

158. Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 г. (Къ исторіи государств. росписей XVII в.). А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г. 40 коп. (20).

159. Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьѣ. А. А. Голубева. М. 1894 г. 25 коп. (28).

160. Подписи царей Бориса Годунова и Алексѣя Михайловича. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1894 г. 30 коп. (79).

161. Къ вопросу о распредѣленіи столовъ между русскими князьями въ XI—XII вв. Н. Аммонъ. М. 1894 г. 20 коп. (19).

162. Къ біографіи Владимира Атласова. Н. Оглоблинъ. М. 1894 г. 20 коп. (32).

163. Введенская и Пятницкая церкви въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. I. А. М. 1894 г. 20 коп. (42).

164. Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государства). И. И. Лаппо. М. 1894 г. 1 руб. (19).

165. Сильвестра Медвѣдева созерцаніе краткое лѣтъ 7190—92, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Александра Прозоровскаго. М. 1894 г. 1 руб. 50 коп. (158).

166. Амфилохій епископъ Угличскій († 20 іюня 1893 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1894 г. 30 коп. (22).

167. Сарайская и Крутицкая епархіи. Священника Н. А. Соловьева. Вып. 1-й. М. 1894 г. 1 руб. (29). Вып. 2-й. 2 руб. Вып. 3-й. М. 1902 г. 2 руб. (150).

168. Рукописи П. І. Шафарика (нынѣ музея королевства Чешскаго) въ Прагѣ. Описаль М. Сперанскій. М. 1894 г. 50 коп. (33).

169. Обѣзжіе головы и полицейскія дѣла въ Москвѣ въ концѣ XVII в. А. Н. Зерцалова. М. 1894 г. 40 коп. (31).

170. Григоровичевъ паримейникъ въ сличенія съ другими паримейниками. Издалъ Романъ Брандтъ. В. І. М. 1894 г. 50 коп. (31). Вып. II. 50 коп. (48) Вып. III. 50 коп.

171. Памяти въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра III. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Императ. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 28 октября 1894 г. предѣвателемъ общества В. О. Ключевскимъ. М. 1894 г. 15 коп.

172. Акты домашняго архива гг. Змеовыхъ. А. И. Миловидовъ. М. 1894 г. 20 коп. (13).

173. Отчеты о присужденіи обществомъ преміи Г. Ѳ. Карпова:

I. Разборъ изслѣдованія В. О. Эйнгорна: «О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», составленный С. Т. Голубевымъ. М. 1894 г. 50 коп.

II. Разборъ изслѣдованія М. К. Любавскаго: «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута, составленный С. А. Бершадскимъ. М. 1894 г. 50 коп.

III. Разборъ изслѣдованія С. А. Бѣлокурова: «О бібліотекѣ Московскихъ Государей въ XVI в.», сост. М. И. Соколовымъ. М. 1897 г. 20 коп.

IV. Разборъ соч. М. И. Лилеева: «Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ», состав. С. Т. Голубевымъ. М. 1898 г. 20 коп.

V—VI. Разборы соч.: 1) В. А. Уляницкаго: «Историч. очеркъ русскихъ консульствъ за границей», сост. гр. Л. Комаровскимъ и 2) С. Т. Голубева «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники», сост. Е. Е. Голубинскимъ. М. 1900 г. 30 коп.

VII. Разборъ сочиненія К. Харламповича: «Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка», сост. С. Т. Голубевымъ. М. 1906 г. 30 коп.

VIII. Разборъ сочиненія И. И. Лаппо: «Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія», сост. С. М. Середонинымъ. М. 1905 г. 30 коп. (42).

IX. Разборъ сочиненія М. К. Любавскаго: «Литовско-Русскій сеймъ» сост. И. И. Лаппо. М. 1903 г. 50 коп.

X. Разборъ сочиненія С. А. Бѣлокурова:

«Юрій Крижаничъ въ Россіи», сост. М. И. Соколовымъ. М. 1904 г. 30 коп.

XI. Разборъ соч. А. А. Кизеветтера: «Посадская община въ Россіи XVIII в.», сост. М. М. Богословскимъ. М. 1906 г. 30 коп.

XII. Разборъ соч. А. С. Крыловскаго: «Львовское ставропигиальное братство», сост. С. Т. Голубевымъ. М. 1906 г. 30 коп.

XIII. Разборъ соч. Н. Лысогорскаго: «Московский митрополитъ Платонъ Левшинъ, какъ противораскольникій дѣятель», сост. И. М. Громогласовымъ. М. 1907 г. 20 коп.

174. Очерки по исторіи Грузинской словесности. А. С. Хаханова. Вып. I. М. 1895 г. 2 руб. (204). Вып. 2. М. 1897 г. 2 руб. 40 коп. (4). Вып. 3. М. 1901 г. 3 руб. (47).

175. Рѣчи, произнесенныя Иоанникомъ Голтовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г. В. Эйнгорнъ. М. 1895 г. 20 коп. (39).

176. Къ исторіи сношеній Россіи съ Германіей въ началѣ XVI в. Г. Писаревскій. М. 1895 г. 20 коп. (13).

177. Докладная выписка 121 (1613) г. о вочинахъ и помѣстьяхъ. А. П. Варсуковъ. М. 1895 г. 30 коп. (296).

178. Pamфлетъ Г. П. Ермолова на графа М. М. Сперанскаго. Съ предисловіемъ Е. И. Соколова. М. 1895 г. 20 коп. (10).

179. О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ 7136 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г. 20 коп.

180. Опись книгъ бібліотеки Московскаго Успенскаго собора. М. 1895 г. 30 коп. (190).

181. Къ біографіи митрополита Московскаго Платона и исторіи Византской духовной семинаріи. Письма митрополита Платона къ Высочайшимъ особамъ. С. Д. Муретова. М. 1895 г. 20 коп. (121).

182. Къ исторіи сношеній Россіи съ Швеціей при царѣ Иванѣ IV. А. А. Чумикова. М. 1895 г. 20 коп. (32).

183. Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вв. Э. Жорданія. М. 1895 г. 20 коп. (37).

184. Обзорніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. Часть первая: документы воеводскаго управленія. М. 1895 г. 2 руб. (100). Часть 2-я: документы таможеннаго управленія. Съ дополненіемъ къ I части. 1 руб.—Часть 3-я: документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія съ центральнымъ. М. 1900 г. 1 руб. 50 коп. (170).—Часть 4-я: документы центрального управленія. Съ предметнымъ указателемъ къ I—IV частямъ. М. 1901 г. 1 р. 50 коп. (250).

185. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. Изслѣдованіе Сергія Шумакова. М. 1895 г. 2 руб. (180).

186. Матеріалы къ литературной исторіи русскихъ Пчель. I. Виктора Семенова. М. 1895 г. 50 коп. (143).

187. Древній Сосенскій станъ Московскаго уѣзда. Д. Шеппинга. М. 1895 г. 50 коп. (137).

188. Лѣтописецъ русскій (Московская лѣтопись). По рукописи принадлежащей А. Н. Лебедеву. М. 1895 г. 1 руб. 25 коп. (80).

189. Святые Вологодскаго края. Изслѣдованіе Николая Коноплева. М. 1895 г. 1 р. (41).

190. Письма А. Н. Шемякина къ О. М. Бодянскому (1859—1875 г.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1895 г. 20 коп. (76).

191. Климентъ епископъ Словѣнскій. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ П. А. Лаврова. М. 1895 г. 50 коп. (50).

192. Государевъ Хамовный дворъ въ Московской Кадашевской слободѣ. (Постройка на немъ новыхъ зданій въ 1658—1661 гг.). А. А. Мартыновъ. М. 1895 г. 20 коп. (100).

193. Извѣстіе, касающееся подробностей бунта, недавно поднятаго въ Московіи Стенькою Разиннымъ. Напечатано у Фомы Ньюкемъ 1672 г. Перевелъ съ англійскаго А. Станкевичъ. М. 1895 г. 50 коп. (37).

194. Къ матеріаламъ о воровбѣ въ древней Русі. Смыслие дѣло 1642—1643 гг. о намѣреніи испортить царицу Евдокію Лукьяновну. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г. 30 коп. (91).

195. Матеріалы для исторіи патріарха Московскаго Питирима. Сообщилъ М. Г. Поповъ. М. 1895 г. 20 коп. (34).

196. Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. Изслѣдованіе А. Прозоровскаго. М. 1896 г. 3 руб.

197. Церковныя земли въ Ростовскомъ уѣздѣ XVII в. (по писцовымъ книгамъ 1629—1631 гг.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1896 г. 25 коп.

198. Изъ актовъ Тверскаго Отроча монастыря 7052—7146 гг. Сообщилъ Сергіи Шумаковъ. М. 1896 г. 15 коп.

199. Къ исторіи мятежа 1648 года въ Москвѣ и другихъ городахъ. Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г. 40 коп. (82).

200. О «неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ» Новгородскаго митрополита Кипріяна (1627—1633 гг.). Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г. 30 коп. (86).

201. Какашъ и Текандеръ. Путешествіе въ

Персію через Московію 1602—1603 гг. Переводъ съ нѣмецкаго Алексѣя Станкевича. М. 1896 г. 70 коп.

202. О извощикѣ 1-го гренадерскаго баталіонаго (Низоваго корпуса) Евстафіѣ Артемьевѣ, называвшемся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Рескриптъ импер. Павла о письмѣ Костюшки. Грамота царя Алексѣя о ловчѣмъ дьякѣ Н. Ларіоновѣ. Слово по случаю взятія Очакова Минихомъ. М. Н. Прокоповичъ. М. 1896 г. 20 коп. (29).

203. Казанская и Ильинская церкви Ильинскаго прихода въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи. І. А. М. 1896 г. 50 коп. (11).

204. О большихъ строителяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Н. Успенскій. М. 1896 г. 30 коп. (39).

205. Смѣсь 2-й книги Чтеній 1896 г. (№№ 1—10). М. 1896 г. 40 коп. (10).—Смѣсь I кн. 1897 г. (первые 1—5 №№). 10 коп. (5).—Смѣсь I кн. 1898 г. 20 коп.—Смѣсь 2-й кн. 1901 г. 20 коп. (4).

206. Незданные русскіе акты XV—XVI вв. Ревельскаго городского архива. А. Чумиковъ. М. 1897 г. 10 коп. (26).

207. Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Акты XVII—XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловымъ. М. 1897 г. 75 коп. (13).

208. О раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ XVIII в. А. Зерцаловъ. М. 1897 г. 75 коп. (85).

209. Дневники второго похода Стефана Баторія на Россію (1580 г.). Яна Зборовскаго и Луки Дзялынскаго. Переводъ съ польскаго О. Н. Милевскаго. М. 1897 г. 50 коп. (40).

210. О начальномъ кievскомъ лѣтописномъ сводѣ. А. А. Шахматова. I—III. М. 1897 г. 50 коп. (33).

211. Поздравленія Вианской дух. семинаріи въ день тезоименитства Моск. митр. Платона. С. Муретова. М. 1897 г. 30 коп. (15).

212. О содержаніи въ нынѣшнее мирное время (1725 г.) арміи и какимъ образомъ крестьянъ въ лучшее состояніе привести. М. Н. Прокоповичъ. М. 1897 г. 10 коп. (42).

213. Грамоты съ подписями Бориса, Димитрія и Степана Годуновыхъ 7080—7111 гг. Съ предисловіемъ графа С. Д. Шереметева. М. 1897 г. 25 коп. (38).

214. Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ и Шведскаго Государственнаго Архива и касающихся исто-

ріи взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ 1616—1651 гг. Съ предисловіемъ, примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ. К. И. Якубова. М. 1897 г. 2 руб. (400).

215. Библиотека Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1896 г. Е. И. Соколовъ. М. 1897 г. 20 коп. (50).—Въ 1897 г. Его же. М. 1898 г. 10 коп. (40).—Въ 1898—1899 г. 10 коп. (40).—Въ 1898—1899 г. Его же. М. 1899. 15 коп. (51).—Въ 1899—1900 гг. Его же. М. 1900 г. 20 коп. (48).—Въ 1900—1901 г. Его же. М. 1901 г. 20 коп. (80).—За 1901—1902 гг. Его же. 20 коп. (75).

216. Достоверность отрывка изъ Полоцкихъ лѣтописей, помѣщеннаго въ Исторіи Россіи Татищева подъ 1217 г. А. П. Сапунова. М. 1898 г. 20 коп. (23).

217. Матеріалы для изученія творчества и быта бѣлоруссовъ. І. Пословицы, поговорки, загадки. Е. А. Ляцкаго. М. 1898 г. 50 коп. (60).

218. Пугачевщина въ Сибири. Очеркъ по документамъ экспедиціи генерала Деколонга. Составилъ А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. М. 1898 г. 1 руб. (55).

219. Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII в. М. 1898 г. 60 коп. (187).

220. Вкладная книга Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Съ предисловіемъ А. Титова. М. 1898 г. 50 коп. (25).

221. Посланіе Ивана Бѣгичева о видимомъ образѣ Божіемъ. По ркп. XVII в. собранія А. И. Яцимирскаго. М. 1898 г. 25 коп. (55).

222. Памяти В. Е. Румянцева. Е. В. Барсовъ. М. 1898 г. 15 коп. (80).

223. Памяти А. Н. Зерцалова. И. С. Бѣляевъ. М. 1898 г. 20 коп. (28).

224. Изъ разказовъ донъ-Хуана Персидскаго. Путешествіе персидскаго посольства черезъ Россію отъ Астрахани до Архангельска, въ 1599—1600 гг. Переводъ съ испанскаго С. И. Соколова. М. 1898 г. 25 коп. (78).

225. Стрельная книга г. Пензы. Съ предисловіемъ В. Борисова. М. 1898 г. 25 коп. (35).

226. Житіе св. Меодія и похвальное слово св. Кириллу и Меодію по списку XII в. Издалъ П. А. Лавровъ. М. 1899 г. 25 коп. (80).

227. Къ исторіи внутренней жизни духовныхъ семинарій. (Значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ сей жизни). Н. И. Петровъ. М. 1899 г. 25 коп. (19).

228. Житіе св. Аркадія, епископа Новгородскаго, въ спискѣ 2-й половины XIV вѣка. Съ

предисловіемъ А. С. Орлова. М. 1899 г. 25 коп. (60).

229. Бумаги Ю. И. Венелина, хранящіяся въ библиотекѣ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Е. И. Соколовъ. М. 1899 г. 25 коп. (50).

230. Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библиографіи обычнаго права. Е. И. Якушкинъ. М. 1899 г. 1 руб. 50 коп. (33).

231. Обзоръ грамотъ коллегіи Экономіи. Выпускъ первый. Обзоръ Бѣжецкихъ (1300—1767 гг.) и Алатырскихъ (1607—1761 гг.) актовъ. Сергій Шумаковъ. М. 1899 г. 1 руб. 50 коп. (85).— Вып. 2-й. Тексты и обзоръ Бѣловерскихъ актовъ (1395—1758 гг.) М. 1900 г. 1 руб. 80 коп. (86).

232. Поученіе Исаи митрополита Нижегородскаго и Алатырскаго. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1899 г. 25 коп. (38).

233. Сборникъ XII вѣка Московскаго Успенскаго собора, выпускъ первый. Изданъ подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. М. 1899 г. 1 руб. (243).

234. Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора. Александръ Голубцовъ. М. 1899 г. 1 руб. 75 коп. (23).

235. Сочиненія Константина Багрянороднаго «о емакахъ» (de thematibus) и «о народахъ» (de administrando imperio). Съ предисловіемъ Гавріила Ласкина. М. 1899 г. 1 руб. (58).

236. Угличскіе акты (1400—1749 гг.) Сергій Шумаковъ. М. 1899 г. 2 руб. (15).

237. Русская армія въ началѣ царствованія импер. Екатерины II. Матеріалы для русской военной исторіи. Изданы Андреемъ Лебедевымъ по рукописи ему принадлежащей. М. 1899 г. 1 руб. (136).

238. Въ 1786-й годъ новой. Новое изданіе не всю и не ничево. Текстъ съ предисловіемъ Е. А. Ляцкаго. М. 1899 г. 50 коп. (72).

239. Допетровская Русь въ ея литературѣ по лекціямъ Ф. И. Буслаева е. и. в. Наслѣднику Цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу (1859—1860 гг.). А. Кирпичникова. М. 1899 г. 25 коп. (108).

240. Акты Литовско-Русскаго государства. Съ предисловіемъ М. В. Довнар-Запольскаго. Вып. 1-й. 1390—1529 гг. М. 1900 г. 2 руб.

241. Вильямъ Перри. Проѣздъ чрезъ Россію персидскаго посольства въ 1599—1600 гг. Переводъ съ англійскаго С. Соколова. М. 1900 г. 20 коп.

242. Записки Юста Юля датскаго посланника при Петрѣ Великомъ (1709—1711 гг.). Переводъ съ датскаго Ю. Н. Щербачева. М. 1900 г. 3 руб.

243. Новгородскій уѣздъ Вотской пятны по писцовой книгѣ 1500 г. Историко-экономическій очеркъ архим. Сергія (Тихомирова). М. 1900 г. 1 руб.

244. Указатель къ «Опыту Россійской библиографіи» В. С. Сопикова (жизнамъ гражданской печати). Составилъ В. Н. Рогожинъ. М. 1900 г. 3 руб.

245. Къ исторіи г. Кашина и его уѣзда. Сообщилъ І. Кункинъ. 20 коп.

246. Опись имущества боярина А. С. Матвѣева. Сообщилъ Г. Писаревскій. 15 коп. (13).

247. Церковно-приходская жизнь въ г. Баргополѣ въ XVI—XIX вв. К. А. Докучаева-Бакова. М. 1900 г. 30 коп. (45).

248. Новые данныя о службѣ Спаарія въ Россіи (1671—1708). Юрія Арсеньева. М. 1900 г. 50 коп. (35).

249. Письмо сардинскаго посла барона дель-Турбіа о Россіи. 1796 г. Съ предисловіемъ М. Поліевктова. М. 1900 г. 30 коп. (4).

250. Новые данныя о библиотекѣ кн. Д. М. Голицына (верховника). Кн. Н. В. Голицына. М. 1900 г. 30 коп. (9).

251. О вступленіи на престолъ импер. Екатерины II (записка современника, грузинскаго архіерея). А. С. Хаханова. М. 1900 г. 20 к. (20).

252. Опись 24 рукописей Ф. И. Буслаева, нынѣ принадлежащихъ библиотекѣ Императорскаго Московскаго Университета. Е. И. Соколовъ. М. 1900 г. 20 коп. (140).

253. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ Смутнаго времени. М. Любавскаго. М. 1901 г. 30 коп. (53).

254. Изъ переписки В. А. Мацѣевского съ русскими учеными. В. А. Францева. М. 1901 г. 40 коп. (10).

255. Опись Московскому Перервинскому подворью, учиненная 3 апрѣля 1763 г. Дух. Талызинымъ. М. 1901 г. 25 коп. (10).

256. Пять сговорныхъ радныхъ записей XVII и начала XVIII в. Изъ собранія актовъ Ю. В. Арсеньева. М. 1901 г. 20 коп. (12).

257. О приписываемомъ Игнатію Смольянину описаніи Іерусалима. М. 1901 г. 20 к. (22).

258. Письма Д. И. Фонвизина къ А. М. Обрѣскову. 1772 г.—Кн. Н. В. Голицынъ. М. 1901 г. 20 коп. (35).

259. Столѣтіе сатирическаго журнала «Что»

- набудь отъ бездѣля на досугъ. 1800—1900 гг. В. И. Покровскаго. М. 1901 г. 20 коп. (42).
260. Матеріалы къ исторіи Восточнаго вопроса въ 1811—1813 гг. М. 1901 г. 1 руб. (139).
261. Записка Юрія Крижанича о миссіи въ Москву. 1641 г. М. 1901 г. 40 коп. (281).
262. Торопецкая старина. Историческіе очерки гор. Торопца съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII в. Изслѣдованіе Ивана Побойнича. М. 1902 г. 2 руб. 50 коп. (36).
263. Къ исторіи борьбы съ церковными безпорядками, отголосками язычества и пороками въ русскомъ быту XVII в. (Челобитная нижегородскихъ священниковъ 1636 г. въ связи съ первоначальной дѣятельностью Ивана Неронова). Н. В. Рождественскаго. М. 1902 г. 50 коп. (60).
264. Сотницы, грамоты и записи. Сергѣя Шумакова. Вып. 1-й М. 1902 г. 2 руб. (62). Вып. 2-й Костромскія сотницы 7068—7076 гг. М. 1903 г. 30 коп. (240).—Вып. 3-й. М. 1904 г. 1 руб. 50 коп. (85).
265. Къ біографіи митрополита Новгородскаго и Петербургскаго Гавріила Петрова. Письма его къ разнымъ лицамъ, опись его имущества и два послѣднія его духовныя завѣщанія. (По поводу столѣтія со дня его кончины). Съ предисловіемъ А. Н. Львова. М. 1902 г. 50 коп. (56).
266. Литовско-Русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. Изслѣдованіе М. К. Любавскаго. М. 1901 г. 4 руб. (122).
267. Древнѣйшая разрядная книга официальной редакціи (по 1565 г.). П. Н. Милюковъ. М. 1901 г. 2 руб. (240).
268. Забѣтки по древне-славянскому переводу св. Писанія. VI. Книга пророка Даніила въ переводѣ жидовствующихъ по рукописи XVI в. И. Е. Евсѣевъ. М. 1902 г. 30 коп. (10).
269. Объ особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей (кончая XVII в.). А. С. Орловъ. М. 1902 г. 30 коп. (45).
270. Къ исторіи древностей Оружейной Палаты. Ю. В. Арсеньевъ. М. 1902 г. 20 коп. (15).
271. Сказаніе о чудесахъ въ Каргопольской Хергозерской пустынѣ отъ иконы преп. Макарія Унженскаго и Желтоводскаго. К. А. Докучаева-Баскова. М. 1902 г. 30 коп. (50).
272. Церковно-археологическое хранилище при Московскомъ Дворцѣ въ XVII в. А. И. Успенскаго. М. 1902 г. 1 руб. 50 коп. (69).
273. О ереси жидовствующихъ. Новые матеріалы, собранные С. А. Бѣлокуровымъ, С. О. Долговымъ, И. Е. Евсѣевымъ и М. И. Соколовымъ. М. 1902 г. 1 руб. (14).
274. Челобитная И. С. Пересвѣтова царю Ивану IV 7057 (1548—1549 гг.). М. 1902 г. 30 коп. (97).
275. Мой досугъ или уединеніе. Ежедневное изданіе по средамъ и субботамъ. Съ предисловіемъ В. И. Покровскаго. М. 1902 г. 30 коп. (39).
276. Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—27 гг. М. Богословскій. М. 1902 г. 2 руб. 50 коп. (80).
277. Номоканонъ Іоанна Постника въ его редакціяхъ: грузинской, греческой и славянской. Съ предисловіями Н. А. Заозерскаго и А. С. Хаханова. М. 1902 г. 2 руб. (110).
278. Близкій бояринъ князь Н. И. Одоевскій и его переписка съ Галицкою вотчиной (1650—1684 гг.). Юрія Арсеньева. М. 1903 г. 1 руб. 50 коп. (40).
279. Щеголи въ сатирической литературѣ XVIII в. В. И. Покровскаго. М. 1903 г. 1 руб. 50 коп. (3).
280. Къ исторіи Томскаго бунта 1648 г. Н. Н. Оглобинъ. М. 1903 г. 30 коп. (12).
281. Житіе преп. Іосифа Волоколамскаго, составленное неизвѣстнымъ. По двумъ рукописямъ собранія П. А. Овчинникова. Съ предисловіемъ С. А. Бѣлокурова. М. 1902 г. 50 к. (90).
282. Изъ актовъ собранія Н. Ѳ. Самарина. 20 коп. (25).
283. Городъ Кашинъ. Матеріалы для его исторіи, собранные І. Я. Кункинымъ. Вып. 1-й. М. 1903 г. 1 руб.—Вып. 2-й. М. 1905 г. 1 руб. (50).
284. Къ вопросу о канонизаціи святыхъ въ Русской церкви. Архим. Никодимъ. М. 1903 г. 20 коп. (10)
285. Къ исторіи Коломенской епархіи. И. Н. Рудневъ М. 1903 г. 50 коп. (14).
286. Къ исторіи русско-шведскихъ отношеній и населенія пограничныхъ съ Швеціей областей (1634—1648 гг.). Кн. Н. В. Голицынъ. М. 1903 г. 20 коп. (39).
287. Чиновники Холмогорскаго Преображенскаго собора. Съ предисловіемъ и указателемъ А. Голубцова. М. 1903 г. 2 р. 25 к. (10).
288. Письма изъ 14-го корпуса (1877—1879 гг.). Н. Н. Оглобинъ. М. 1904 г. 20 к. (77).
289. Письма Павла Прусскаго. Н. Н. Оглобинъ. М. 1904 г. 20 коп. (78).

290. Бытовые черты начала XVII в. Н. Н. Оглобина. М. 1904 г. 20 коп. (65).
291. Писаніе о зачинаніи знакъ и знаменъ или прапоровъ. По рукописи XVII в. М. 1904 г. 50 коп. на обыкновенной и 1 руб. на веле-новой бумагѣ.
292. О наговорной соли. Изъ дѣлопроиз-водства XVIII в. М. Рудневъ. М. 1904 г. 10 коп. (4).
293. Переводные сборники изрѣченій въ славяно-русской письменности. Исследование и тексты. М. Н. Сперанскій. М. 1904 г. 5 р. (5).
294. О такъ называемой Ростовской лѣто-писи. А. А. Шахматовъ. М. 1904 г. 1 р. (132).
295. Письма императора Петра I, императрицы Екатерины I, царевича Алексѣя и царицы Наталіи къ кн. Якову Федоровичу Дол-горукому. 1711—1716 гг. В. С. Арсеньевъ. М. 1904 г. 10 коп. (5).
296. Чиновникъ Нижегородскаго Преобра-женскаго собора. Съ предисловіемъ и указа-телемъ А. Голубцова. М. 1905 г. 75 коп. (70).
297. Болгарскія народныя пѣсни, собранныя Любеномъ Каравеловымъ, изданныя подъ на-блюденіемъ П. А. Лаврова. М. 1905 г. 2 р. (159).
298. Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Выпускъ второй. Описание рукописей и бумагъ, посту-пившихъ съ 1846 по 1902 г. вкл. Трудъ Е. И. Соколова. М. 1905 г. 5 руб. (524).
299. Показаніе польскаго шляхтича Криш-тофа Граевскаго о своей поѣздкѣ въ Москву. 1574—1575 гг. Иванъ Рябининъ. М. 1905 г. 30 коп. (55).
300. Письма Д. Рунича 1821 и 1842 гг. Сообщилъ А. А. Титовъ. М. 1905 г. 20 к. (9).
301. Опись дѣлъ приказа Новгородской чет-верти, вынесенныхъ въ пожаръ 1626 г. М. 1905 г. 30 коп. (90).
302. Ставропигиальный Бизюковъ монастырь и Смоленскіе епископы. П. Строгановъ. М. 1905 г. 30 коп. (90).
303. О пустошахъ въ Рувскомъ уездѣ, при-надлежавшихъ Звенигородскому Саввы Сто-рожевскому монастырю. Сообщилъ В. С. Ар-сеньевъ. М. 1905 г. 20 коп. (21).
304. Полоцкая ревизія 1552 года. Къ изда-нію приготовилъ И. И. Лаппо. М. 1905 г. 2 руб. (42).
305. Предки и потомство Ивана Тихоновича Посошкова. (Подмосковныя села Богородское. Черкизово и Покровское въ 1646 г.). И. С. Бѣляевъ. М. 1905 г. 20 коп. (50).
306. Квартиранты въ дворахъ Московскаго духовенства и патриаршихъ слугъ въ 1666 г. (Перепись ихъ въ военно-служилыхъ цѣляхъ). Н. В. Рождественскаго. М. 1905 г. 20 к. (85).
307. Студенческіе беспорядки въ Москов-скомъ Университетѣ въ 1861 году. (Изъ бу-магъ О. М. Бодянскаго). М. 1905 г. 30 коп. (715).
308. Списокъ трудовъ И. Д. Бѣляева. Со-ставилъ П. Мрочекъ-Дроздовскій. М. 1905 г. 20 коп. (85).
309. Сольвычегодскія сотницы 7094 г. Сер-гѣя Щумакова. М. 1906 г. 20 коп.
310. Третья Новгородская окра (ок. 1325 г.). Текстъ и русскій переводъ Павла Таля. М. 1905 г. 30 коп. (265).
311. Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси. Ив. Д. Бѣляева. М. 1906 г. 1 р. (365).
312. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тоскан-скому Козьмѣ Третьему о Московіи Якова Рейтенфельса. Падуа. 1680 г. Съ латинскаго перевелъ Алексѣй Станкевичъ. 1906 г. 1 руб. 40 коп. (35).
313. Новые матеріалы о жизни и дѣятель-ности Якова Рейтенфельса. П. Пирлингъ. Текстъ документовъ перевелъ А. И. Станке-вичъ. М. 1906 г. 30 коп. (67).
314. Черемисскія городища и могища около гор. Васяля. Н. Н. Оглобинъ. М. 1906 г. 20 коп. (15).
315. Макарій патриархъ Антиохійскій въ Рос-сіи въ 1654—1656 гг. Документы Посольскаго приказа. Съ предисловіемъ и пригвѣщаніями. Н. В. Рождественскаго. М. 1906 г. 1 руб. (55).
316. Еще одно доброе дѣло В. А. Жуков-скаго. С. И. Кирѣевскій. М. 1906 г. 20 коп. (98).
317. Записка по поводу сообщенія: «Еще одно доброе дѣло В. А. Жуковскаго». И. А. Бичковъ. М. 1907 г. 20 коп. (16).
318. Слѣдственное дѣло объ убіеніи Да-митрія царевича въ Угличѣ 15 мая 1591 г. Его разборъ въ связи съ новооткрытымъ за-вѣщаніемъ А. А. Нагого и группировкой сви-дѣтелей по алфавитному указателю М. 1907 г. 50 коп. (10).
319. Путешествія въ Московію Еремея Гор-сея. Переводъ съ англійскаго Юрія Толстого. М. 1907 г. 1 руб. (301).
320. Псалтирь жидовствующихъ въ пере-водѣ Федора еврея. Къ изданію приготовилъ М. Н. Сперанскій. М. 1907 г. 1 руб. (95).
321. Портретъ Кіевскаго митрополита Ев-генія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г. 50 коп.

322. Временникъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ. 1—22, 24 и 25 книги, каждая по два рубля.

323. Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годы 1-й и 2-й (*съ продажей книгъ*); годъ третій (1847—1848), 9 книгъ, и годъ 4-й (1848—1849), 1 книга—по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 руб.; съ 1887 г. по 8 руб. 50 коп. Отдѣльно книги продаются по слѣдующей цѣнѣ: за 1888 г. кн. 1—4, за 1889 г. кн. 1—4, за 1890 г. кн. 1—3 по 2 руб. за книгу; 1900 г. кн. 1—5 руб. Остальныя книги по 3 руб. за книгу.

324. Списокъ и указатель трудовъ, издѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повремен. изданіяхъ Импер. Общества. Ист. и Древн. Россійск. при Московск. Университетѣ (за 1815—1888 гг.), составленный Ив. Забѣлинымъ. Съ присовокупленіемъ ист. рич. очерка дѣятельности Общества съ 1804 по 1884 г. Отд. I. Списокъ трудовъ. М. 1884 г. Отд. II. Указатель трудовъ. М. 1889 г. За обѣ книжки 1 руб.

325. Указатель къ Чтеніямъ въ томъ же обществѣ за 1882—1887 гг. Сост. С. А. Бѣлокурова. М. 1888 г. 50 коп.—б) За 1888—1894 гг. Сост. онъ же. М. 1895 г. 50 коп. И в) За 1895—1901 гг. М. 1902 г. 50 коп.

326. Преміи, учрежденныя при Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. М. 1907 г. *Раздается бесплатно.*

327. Протоколы засѣданій Общества:

- 1) за 1878—1880 гг. (стр. 1—32). 20 коп.
- 2) за 1881—1883 гг. (стр. 1—64). 35 коп.
- 3) за 1886 г. (стр. 1—17). 10 коп.
- 4) за 1887 г. (стр. 1—23). 15 коп.
- 5) за 1888—1891 г. (стр. 1—61). 30 коп.

6) за 1892—1893 гг. (стр. 1—112). 1 руб.

7) за 1894 г. 20 коп.

8) за 1895 г. 20 коп.

9) за 1896—1897 гг. 50 коп.

10) за 1898 г. 20 коп.

11) за 1899 г. 20 коп.

12) за 1900 г. 20 коп.

13) за 1901—1902 гг. 20 коп.

14) за 1903—1904 гг. 20 коп.

15) за 1905—1906 гг. 20 коп.

16) за 1907 г. 40 коп.

328. Исторія Русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. Первая половина I-го тома. Періодъ первый, кievскій или до-монгольскій. XXIV+968 стр. 2-е изд. М. 1901 г. 5 руб., съ пересылкой 6 руб.—Вторая половина I тома. М. 1904 г. 4 руб. 50 коп., съ пересылкой 5 руб. (первое изданіе М. 1881 г. 15 руб.).—Первая половина II-го тома, обнимающаго время отъ нашествія монголовъ до митр. Макарія включительно (1237—1563 гг.). 4 руб. 50 коп., съ пересылкой 5 руб.

329. Археологическій Атласъ ко второй половинѣ I тома Исторіи Русской церкви. М. 1906 г. 2 руб. 50 коп.

330. Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ. Е. Е. Голубинскаго. Сергіевъ посадъ 1895 г. 25 коп.

331. Къ нашей полемякѣ съ старообрядцами. Его же. М. 1896 г. 50 коп.—2-е изд. М. 1905 г. 2 руб.

332. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской. Проф. Е. Е. Голубинскаго. (VIII+732 стр.) 3 руб.

333. Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. 2 изд. М. 1903 г. 3 руб. 50 коп.

Лицъ желающихъ приобрести означенныя книги, просятъ присылать свои требованія или въ Общество (Москва, Моховая, старое зд. Университета подъ актовымъ заломъ), или къ Казначеев Общества Сергію Алексѣевичу Бѣлокурову (Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжный магазинъ Карбабникова (Москва, Моховая, д. б. Коха, противъ Университета).

Т А М Ъ - Ж Е

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россій-
скихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе *Чтеній* состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 20 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ по третямъ года. Въ *Чтеніяхъ* помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 8 руб. 50 коп., съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Примѣчаніе. На соисканіе преміи могутъ быть приняты также: а) систематическіе обзоры находящихся въ томъ или другомъ Архивѣ матеріаловъ по исторіи и археологіи г. Москвы и Московской губерніи съ изложеніемъ содержанія ихъ, опредѣленіемъ ихъ значенія и отмѣткой того, что уже изъ нихъ напечатано, и б) систематическіе обзоры печатной литературы по тѣмъ же предметамъ съ указаніемъ содержанія той или другой работы и отмѣткой значенія ея.

§ 4. Преміи выдаются: а) или полная въ количествѣ 800 руб., б) или малая по 400 рублей.

§ 10. На соисканіе допускаются сочиненія на русскомъ языкѣ, какъ рукописныя, такъ и печатныя, вышедшія въ теченіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ предшествовавшихъ соисканію.

§ 11. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и Члены Общества.

§ 13. Сочиненія, уже удостоенныя преміи какимъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи А. П. Бахрушина не допускаются.

§ 14. Право на полученіе преміи принадлежитъ только авторамъ и ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

III.

О преміи за исторію градоначальствованія въ Москвѣ князя Д. В. Голицына.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ симъ объявляетъ соисканіе преміи за изслѣдованіе о *Градоначальствованіи князя Дм. Влад. Голицына въ Москвѣ.*

Извлеченіе изъ условій, которымъ означенный трудъ долженъ удовлетворять, согласно волѣ жертвователей:

1) Сочинитель долженъ представить исторію Москвы въ періодъ главноначальствованія князя Голицына и описать съ надлежащею полнотою дѣйствія и распоряженія князя для внѣшняго украшенія и внутренняго благоустройства города.

2) Сочиненіе должно быть основано на фактахъ и написано съ безпристрастіемъ и отчетливостью.

Премію составляетъ весь пожертвованный для этой цѣли капиталъ съ наросшими на него по день выдачи процентами, въ настоящее время достигающій 4.200 рублей $\frac{1}{100}$ бумагами и наличными деньгами.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ

при Московскомъ Университетѣ

выходятъ въ неопредѣленные сроки не менѣе *четыре* книгъ въ годъ, отъ 20 до 30 и болѣе печатныхъ листовъ. Подписка годовая (восемь рублей пятьдесятъ копѣекъ сер. съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другія мѣста)—принимается у Казначей Общества С. А. Бѣлокурова. Книги «Чтеній» продаются и каждая отдѣльно по особо-назначенной цѣнѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

Предсѣдатель

Владимиръ Гавриловичъ Глазовъ,

Пречистенка, домъ Военнаго вѣдомства.

Секретарь

Матвѣй Кузьмичъ Любавскій,

Арбатъ, Староколющенскій переулокъ, домъ Голеновской.

Казначей

Сергѣй Алексѣевичъ Бѣлокуровъ,

Воздвиженка, домъ Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Библіотекаръ

Егоръ Ивановичъ Соколовъ,

1 Мѣщанская, Троице-Капельскій переулокъ, домъ Соколовыхъ.

Изданія Общества можно получать: 1) въ помѣщеніи Общества, Моховая, старое зданіе Университета, подъ актовымъ заломъ и 2) чрезъ книгопродавца Н. Карбасникова (въ Москвѣ, Варшавѣ и Петербургѣ).

